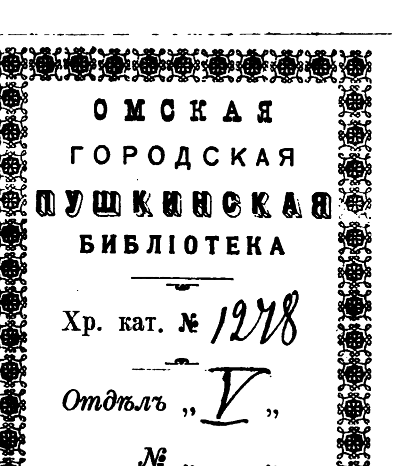
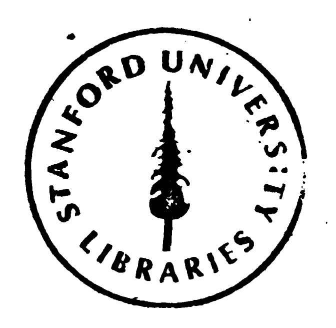
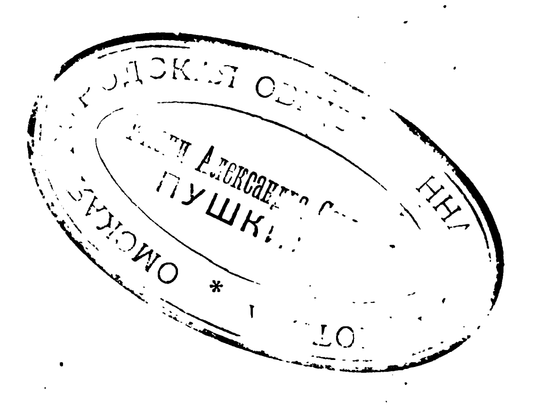

ОМСКАЯ
ГОРОДСКАЯ
ПУШКИНСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
Хр. кат. № 12718
Отдѣлъ „V"
№ „ "

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

т X,

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

ТОМЪ X.

ПОЛИТИКА. ИСТОРІЯ. КРИТИКА.

I. Маркизъ Александръ Вѣлёпольскій, его жизнь и политика. — II. Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, его дѣятельность въ царствѣ польскомъ въ 1863—1865 г. — III. Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ какъ публицистъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный магазинъ К. Грендышинскаго.
1902.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., д. № 13.

СОДЕРЖАНІЕ X ТОМА.

ПОЛИТИКА. ИСТОРІЯ. КРИТИКА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Три первыя части, изъ которыхъ слагается настоящій томъ моихъ сочиненій, имѣютъ нѣкоторую мысленную связь. Онѣ озаглавлены тремя именами лицъ уже умершихъ, которыхъ я знавалъ еще живыми и которыя дѣйствовали по одному и тому направленію и считали возможнымъ разрѣшеніе въ будущемъ русско-польскаго конфликта и вопроса по взаимному соглашенію сторонъ и на началахъ справедливости. Одинъ изъ названныхъ, человѣкъ геніальнаго ума и титанической силы характера, получилъ въ качествѣ польскаго патріота отъ русскаго правительства широкія полномочія на переустройство царства польскаго, но не въ подходящій моментъ и очутился одинъ противъ національнаго движенія, которое его и снесло въ 1863 году. Оказалось впослѣдствіи, что онъ былъ правъ, а заблуждалась нація. Когда затѣмъ послѣдовало возстановленіе силою внѣшняго порядка при посредствѣ военной диктатуры, то въ числѣ новыхъ устроителей края назначенъ былъ Государемъ полякъ по происхожденію, но русскій по образованію и связямъ, который взялся вносить извѣстную долю правовыхъ началъ въ тотъ новый порядокъ, но оказался безсильнымъ и одинокимъ посреди товарищей своихъ по устроенію края, дѣйствовавшихъ по системѣ

отместки и въ смыслѣ преобладанія политическихъ соображеній надъ юридическими. Онъ долженъ былъ оставить царство польское. Третье и послѣднее лицо въ серіи, которой посвященъ X томъ былъ кровный русскій человѣкъ и убѣжденный славянинъ, который высоко несъ свое національное знамя, чувствовалъ себя хорошо и на чужбинѣ, былъ какъ у себя дома и въ Загребѣ и въ Краковѣ и училъ, какъ слѣдуетъ относиться къ задачамъ вѣры, политики и національности, становясь на точку зрѣнія сверхнаціональную и сверхисповѣдную.

Вопросы, возбужденные и поставленные этими тремя умершими, не пропали, не уничтожились и стоятъ и нынѣ на очереди. Къ каждому изъ этихъ вопросовъ можетъ быть приложено изреченіе, приписываемое по преданію Галилею по поводу движенія земли вокругъ солнца: e pur si muove!

В. Спасовичъ.

I.

Введеніе.

Сто лѣтъ проходитъ съ тѣхъ поръ, какъ, послѣ раздѣловъ Польши, польскій вопросъ сдѣлался вопросомъ русской внутренней политики, и полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ, послѣ неудавшихся попытокъ политической ассимиляціи вновь вошедшаго элемента, въ русской публикѣ установился взглядъ, — съ малыми перерывами продолжающій господствовать не только въ законахъ и мѣропріятіяхъ правительства, но и въ понятіяхъ массъ, — что этотъ вопросъ не разрѣшимъ мирными, гуманными способами и средствами, что онъ имѣетъ видъ непрекращающагося и нескончаемаго конфликта, проходящаго поочередно три фазы: остраго воспаленія, потомъ хроническаго, наконецъ—кажущагося исцѣленія, которое опять приводитъ къ кризису, и такъ дальше. Огромное большинство образованной русской публики остается донынѣ на точкѣ зрѣнія „Бородинской годовщины" Пушкина, съ ея антитезами Кремля и Праги, „кичливаго ляха" и „вѣрнаго росса", съ отнесеніемъ стараго славянскаго спора, непонятнаго иностранцамъ и неразрѣшимаго народными витіями, къ юрисдикціи меча, то-есть съ дачею ему исхода совсѣмъ противнаго понятіямъ и чувствамъ славянскаго общенія и взаимности. Употребленіе силы въ политикѣ порою необходимо, но употребленіе одной только силы и однѣхъ только мѣръ исключительныхъ влечетъ за собою то невыгодное послѣдствіе, что, идя въ разрѣзъ съ аксіомою

политики *divide et impera*, оно неизбѣжно производитъ сплоченіе тѣхъ, на кого такимъ образомъ дѣйствуютъ, въ одну общую массу, каковымъ фактомъ и обусловливались слѣдовавшія затѣмъ повстанья—мятежи. Польско-русскій вопросъ столь старъ, что онъ представляетъ въ своей исторіи примѣры иного пониманія государственной задачи и практики, клонящихся къ образованію въ средѣ самого общества польскаго прочной и вліятельной русской партіи, на которую можно бы опереться и при содѣйствіи которой можно было бы править обществомъ, не располячивая его, но достигая главной цѣли—политической ассимиляціи. Образованіе этой русской партіи въ Польшѣ не требовало никакого искусственнаго насажденія: элементы ея существовали издавна, — они сложились далеко прежде раздѣловъ Польши — и шли навстрѣчу русскому правительству, по крайней мѣрѣ, со временъ Петра Великаго и его дѣятельнаго вмѣшательства въ польскія дѣла, вслѣдствіе конфликта короля Августа II съ польскимъ народомъ. Затрудненіе заключалось развѣ только въ выборѣ. Правительство русское могло располагать безусловно православнымъ духовенствомъ. Къ нему забѣгали въ Петербургъ польскіе королята—олигархи, отстаивавшіе анархію, *liberum veto* и элекцію королей. Къ нему рады были бы примкнуть и реформаторы изъ патріотической партіи, мечтавшіе о томъ, какъ бы, хотя подъ чужимъ протекторатомъ, усилить королевскую власть, создать правленіе, разбить шляхетскую касту и совершить подъемъ среднихъ и низшихъ классовъ. Новѣйшій историкъ послѣднихъ дней существованія Польши, ксендзъ Валеріанъ Калинка [1]), пишетъ: „Даже слѣпой человѣкъ могъ доискаться и рѣшить, какой державы придерживаться въ томъ состояніи безсилія, въ которомъ находилась Польша. И патріотизмъ, и государственной умъ внушали одно и то же. Всѣ люди поистинѣ государственные, во второй половинѣ XVIII вѣка,—и Чарторыскіе, и король, и примасъ Понятовскій

---

[1]) „Sejm czteroletni", t. 1 s. 211, Kraków, 1880.

были на сторонѣ Россіи... которая (стр. 207) допускала и нѣкоторое упроченіе правленія, и усовершенствованіе внутренней администраціи, и образованіе нѣкоторыхъ финансовыхъ порядковъ и средствъ, чего всего Польшѣ недоставало. Если нельзя было обойтись безъ опеки, то русская опека была полезнѣе всякой другой, допускаемой тогдашними обстоятельствами". Сдѣлавъ это существенное признаніе, Калинка, правда, спѣшитъ оговориться и ослабить значеніе его характерною прибавкою, которая не можетъ однако умалить основную мысль его, и указываетъ только на трудность сближенія по разницѣ въ темпераментахъ двухъ народовъ: „есть однако въ характерѣ русскихъ,—говоритъ онъ,—нѣчто дѣлающее зависимость отъ нихъ особенно противною и невыносимою. Господствовать надъ другими свойственно людской природѣ, но пруссакъ повелѣваетъ лишь настолько, насколько того требуетъ его интересъ, преслѣдуемый имъ съ немилосердною послѣдовательностью; русскій же, хотя бы онъ и имѣлъ резонъ, находитъ величайшее наслажденіе въ томъ, чтобы проявить свою власть и навязать свою волю насильно болѣе слабымъ субъектамъ" (стр. 212). Русское правительство конца XVIII вѣка разочло, что ему выгоднѣе поддерживать олигарховъ и анархію, вслѣдствіе чего попытка реформы совершена подъ эгидою Пруссіи противъ Россіи, затѣмъ послѣдовали окончательные раздѣлы Польши по почину Россіи, но почти вслѣдъ за этими раздѣлами надежды польскихъ патріотовъ возлагаются на Александра I-го (Адамъ Чарторыскій младшій, Ѳаддей Чацкій, Снядецкій). Великъ и всеобщъ былъ энтузіазмъ къ „возстановителю Польши", по дарованіи имъ въ 1815 году конституціи. Въ рядахъ русской партіи въ Царствѣ Польскомъ сіяли люди, которымъ отведены первыя мѣста въ исторіи польскаго народа послѣ раздѣловъ и въ исторіи развитія славянской идеи между поляками, каковы: архіепископъ Вороничъ, Станиславъ Сташицъ. Впослѣдствіи мы объяснимъ причины, почему эта русская партія не въ силахъ была помѣшать взрыву 1830 года.

Съ тѣхъ поръ прошло 30 слишкомъ лѣтъ, весьма неблагопріятныхъ для развитія идей славянскихъ въ обществѣ польскомъ и идей о сближеніи между поляками и русскими; напротивъ, подготовлялись незамѣтнымъ образомъ, а слѣдовательно—безъ помѣхи, горючіе матеріалы для послѣдняго взрыва, наступившаго въ 1863 году. Когда вспыхнулъ этотъ послѣдній мятежъ, обнаружилось, какую почти бездонную пропасть прорыли между двумя народностями ненависть и недовѣріе. Русской партіи между поляками совсѣмъ не оказалось; на сторонѣ движенія стояли только либо явные враги, либо тайные недоброжелатели Россіи, либо, наконецъ, двуличные трусы, угождающіе и той, и другой сторонѣ. Однако, хотя русской партіи не стало, событія выдвинули впередъ человѣка, который стоилъ цѣлой партіи, воплотилъ въ себѣ преданія всѣхъ своихъ предшественниковъ (Воронича, Сташица) и предложилъ свои услуги, принялъ на себя смѣлыя и, можно сказать, дерзновенныя обязательства: съ одной стороны, затормозить начавшееся движеніе, съ другой—исходатайствовать для своихъ соотечественниковъ такую долю участія въ дѣятельности общественной и самоуправленія, какой они даже и не могли надѣяться получить отъ правительства. Онъ обладалъ главнымъ качествомъ, безъ котораго немыслимо посредничество—онъ внушалъ довѣріе. Злѣйшіе враги, которые потомъ пытались извести его отравою и револьверомъ, не могли заподозрить его въ неискренности убѣжденій; съ другой стороны — и правительство знало, что онъ и польскій патріотъ и преданный Россіи человѣкъ. Сверхъ того, онъ обладалъ независимымъ положеніемъ, сильнымъ умомъ, увлекательнымъ и убѣждающимъ краснорѣчіемъ, безстрашіемъ, твердымъ характеромъ и предлагалъ систему, до мельчайшихъ подробностей обдуманную и столь широкую, что половины того, что̀ онъ сулилъ соотечественникамъ, достало бы нынѣ для осуществленія наибольшаго, чего они могутъ желать. Этотъ человѣкъ блеснулъ какъ метеоръ и пропалъ безслѣдно. Буря оказалась сильнѣе его,

она его сломила и унесла, а вмѣстѣ съ нимъ и его систему. Политическая роль его продолжалась немногимъ больше двухъ лѣтъ и кончилась полнѣйшею неудачею, вслѣдъ за которою послѣдовала катастрофа, подходящая по своему трагизму къ послѣднему раздѣлу Польши, послѣ повстанья Косцюшки. Такъ какъ обыкновенно слава сопровождаетъ однѣ только удачи, можно бы подумать, что о сошедшемъ со сцены борцѣ-неудачникѣ скоро забудутъ. Оказалось противное: Александръ Вѣлёпольскій безконечно выигралъ въ понятіяхъ соотечественниковъ именно оттого, что за него отмстили событія. Отчего послѣдовала неудача предпріятія Вѣлёпольскаго? Основная ли идея этого предпріятія была фальшивая или власть ему дана была слишкомъ поздно, вслѣдствіе чего онъ не могъ уже совладать съ развившимся и окрѣпшимъ революціоннымъ движеніемъ? или онъ ошибался въ средствахъ, въ выборѣ людей, велъ себя безтактно, не могъ развязать тонкихъ нитей хитро сплетенныхъ обстоятельствъ своею тяжелою, грубою рукой? Изъ поднятыхъ въ послѣднее время этихъ трехъ вопросовъ, первый уже рѣшенъ почти единогласно: программа Вѣлёпольскаго одобрена; признано, что повстанье 1863 года было громаднѣйшею ошибкою. Урокъ подѣйствовалъ, отрезвленіе наступило; удалой политическій романтизмъ исчезъ, настало настроеніе положительное. Недавно одинъ изъ самыхъ талантливыхъ поляковъ-современниковъ, краковскій профессоръ, графъ Станиславъ Тарновскій, видный представитель консервативной, или такъ называемой „станчиковской“, партіи въ Галиціи, сводя итоги, разрѣшилъ *ad usum* соотечественниковъ вопросъ: что дѣлать? словами, которыхъ сущность постараемся передать и которыя собственно не что иное, какъ парафраза мыслей и программы Вѣлёпольскаго [1]).

„Вѣроятно не нашелся бы нынѣ,—говоритъ Тарновскій,—ни одинъ полякъ, который бы присовѣтовалъ дѣ-

---

1) „Przegląd Polski“, январь 1880, стр. 108—116.

лать повстанье. Два повстанья, подготовляемыя заговорами и произведенныя своими домашними средствами, доказали, что и оні средства безусловно дурныя и никуда не годныя.—Что же намъ остается дѣлать?—умереть съ достоинствомъ? Есть такой рѣшающій конецъ въ одной изъ поэмъ Красинскаго, но такъ умираютъ люди только въ поэзіи; въ дѣйствительности же остается кое-кто, остаются многіе, а коль скоро остаются, то они обязаны жить, а коль скоро есть обязанность, то найдется какое-нибудь, хотя бы и некрасивое и неудобное, средство исполненія этой обязанности. До сихъ поръ мы понимали,—продолжаетъ Тарновскій,—наше дѣло только какъ право на возстановленіе независимаго отечества. Право это уменьшено тѣмъ, что мы сами, главнымъ образомъ, въ нашемъ паденіи виноваты. Мы это право понимали какъ долгъ, который по отношенію къ намъ несутъ другіе, мы явились точно на судъ, точно съ протестованнымъ на Провидѣніе векселемъ въ рукахъ, требуя взысканія. Въ томъ именно и заключалась наша коренная ошибка. Право существуетъ, но только мы-то не кредиторы, а должники. На насъ лежитъ долгъ, который несетъ всякій павшій народъ, пока онъ не превратился въ скотское стадо, подниматься опять послѣ паденія, помогать себѣ совѣстью, честью, добромъ и стремиться къ возвращенію себѣ потеряннаго. Мы должны стать на ноги и держаться собственными силами—и только; куда мы пойдемъ, это дѣло не наше, это дѣло послѣдующихъ поколѣній—оно и лежитъ на ихъ отвѣтственности. Мы только обязаны сохранять, упражнять, развивать наши нравственныя силы, и такимъ образомъ ихъ употреблять, чтобы былъ въ томъ прокъ, чтобы не было никакой напрасной траты этихъ силъ и работы. Если такимъ образомъ будетъ понята нами наша обязанность, то она намъ укажетъ, что не вырываться намъ слѣдуетъ изъ-подъ власти правительствъ, которымъ мы подчинены, не подкапываться подъ нихъ, но быть имъ полезными, не протестовать, но вмѣстѣ съ ними собою управлять и учиться искусству управленія;

не начинать съ цѣлаго, но работать надъ отдѣльными частями. Выражаясь проще и безъ иносказаній, намъ надо,—говоритъ Тарновскій,—продолжать то, что мы уже кое-какъ наладились дѣлать подъ австрійскимъ правительствомъ, не крамольничать, не измѣнять, быть вѣрными, содѣйствовать по мѣрѣ силъ благу государства и подъ охраною государства возвращать свои силы, подъ прусскимъ владычествомъ дѣлать что возможно, отстаивать себя и помнить, что предъ Богомъ и исторіею мы безотвѣтственны за Польшу отъ моря и до моря. Но мы тяжело отвѣтимъ за всякій кусокъ земли, отчужденный нѣмцу. Наконецъ подъ русскимъ правительствомъ мы обязаны дѣлать то, что дѣлаемъ подъ австрійскимъ, тоесть, не стараться его перехитрить, что никогда намъ не удастся, не вызывать его, потому что оно побѣдитъ, дѣйствовать по отношенію къ нему правдиво и честно и не повторять того, что нами учинено по отношенію къ Вѣлёпольскому“...

Эти признанія, эти подтвержденія главной идеи политики Вѣлёпольскаго, политики отреченія отъ всякихъ мечтаній о политической реставраціи, къ которой стремились всѣ польскія повстанья, особенно замѣчательны въ устахъ Тарновскаго еще потому, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ основной идеи, Тарновскій порицаетъ Вѣлёпольскаго и за его спесь, и за характеръ, и за самоувѣренность, и за пріемы, и возлагаетъ на него, если не всю отвѣтственность, то значительную долю отвѣтственности за печальный исходъ польскаго движенія въ 1863 году. Два другіе изъ намѣченныхъ нами вопросовъ остаются донынѣ открытыми, несмотря на глубокую перемѣну въ основной точкѣ зрѣнія на польское народное дѣло. Не сразу возможно отрѣшиться отъ страстей, не сразу освоишься съ безпристрастною оцѣнкою людей и ихъ поступковъ, не сразу согласишься понять и полюбить неприятнаго человѣка, за которымъ признаваемо было только то, что онъ *мощный* человѣкъ, но который считался весьма противнымъ, который возмущалъ въ свое время своими

словами и поступками всѣ фибры національнаго чувства въ томъ состояніи воспаленія, въ которомъ это чувство находилось въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, во время кризиса. Кризисъ прошелъ, но отголоски чувства продолжаютъ еще звучать — даже и тогда, когда прояснились уже и понятія въ головахъ. По вѣрному замѣчанію газеты „Dziennik Poznański“ (отъ 28-го іюля 1881 года, № 170), при оцѣнкѣ событій 1863 г. еще и нынѣ преобладаетъ не историческій, то-есть вполнѣ критическій пріемъ, а адвокатскій, полемическій или такъ называемый публицистическій, заключающійся въ томъ, что когда общее дѣло проиграно, то партіи, проигравшія дѣло сообща, винятъ другъ друга, таскаютъ соръ изъ избы, закидываютъ себя мелочными и самыми придирчивыми упреками и претензіями, навѣтами и подозрѣніями, при чемъ среди этихъ дрязгъ теряется изъ виду главная суть вопроса, трагизмъ событій, роковая неизбѣжность столкновенія и того, а не другого его исхода. Г. Тарновскій изображаетъ красиво и образно эту особенность настоящей минуты для поляковъ: „мы—какъ деревня, на половину вымершая отъ холеры; пережившіе холеру ищутъ виновнаго, кляня другъ друга: дѣти наѣдались незрѣлыхъ овощей, бабы шатались по зараженнымъ домамъ, староста не водворилъ должнаго порядка; хозяева не держали парубковъ крѣпко въ рукахъ—всѣ взваливаютъ отвѣтственность другъ на друга. Да и въ самомъ дѣлѣ—всѣ виноваты: и бабы, и дѣти, и староста, и громада, но не виноваты они въ томъ, что зараза носилась въ воздухѣ, свирѣпствовала повсюду, а деревня была по своему положенію какъ разъ на ея пути. „Рано судить, когда пружины, двигавшія событіями, еще сокрыты, а нервы дѣйствовавшихъ лицъ еще слишкомъ возбуждены“ [1]). Соглашаясь вполнѣ съ мѣткою характеристикою, мы никакъ не можемъ помириться съ заключеніемъ. Со времени катастрофы пройдетъ скоро второй десятокъ лѣтъ, дѣятели катастрофы рѣдѣютъ, новое поко-

---

[1]) „Przegląd polski“, ноябрь 1879, стр. 144.

лѣніе явилось уже имъ на смѣну, главный дѣятель Вѣлёпольскій сошелъ въ могилу: можно и должно отнестись къ былому и объективно и спокойно. Что касается до пружинъ событій, то, во-первыхъ, онѣ не особенно хитраго свойства, — всякое поголовное движеніе цѣлаго народа зрѣетъ десятками лѣтъ и совершается, такъ сказать, на яву, озадачивая только людей либо слѣпыхъ либо не обращавшихъ на него вниманія. Противникъ этого движенія, Вѣлёпольскій, былъ, съ своей стороны, человѣкъ необычайно послѣдовательный и цѣльный, который ни съ кѣмъ не хитрилъ, не лицемѣрилъ, не дипломатизировалъ, ничего не умалчивалъ, а шелъ кратчайшимъ путемъ прямо напроломъ. Во-вторыхъ, пружины событій не только не скрыты, но въ настоящее время объяснены даже по документамъ. Какъ только скончался въ Дрезденѣ въ предпослѣдній день 1877 года Александръ Вѣлёпольскій, старшій сынъ его Сигизмундъ Вѣлёпольскій озаботился изданіемъ оставшихся послѣ него бумагъ и поручилъ эту работу Генриху Лисицкому, слѣдствіемъ чего и было обнародованіе въ 4-хъ томахъ въ Краковѣ, 1878—1879, сочиненія на польскомъ языкѣ: „Aleksander Wielopolski“. Томы 2, 3 и отчасти 4 содержатъ въ себѣ одни только матеріалы для жизни и дѣятельности Вѣлёпольскаго. Томъ 1-й посвященъ только жизнеописанію его, а въ 4-мъ помѣщенъ, не имѣющій, повидимому, никакой связи съ Вѣлёпольскимъ, очеркъ исторіи конституціоннаго Царства Польскаго съ 1815 года до вспышки повстанья 29-го ноября 1830 г.—въ тотъ періодъ, въ которомъ Вѣлёпольскій не принималъ еще никакого участія въ дѣлахъ своей родины. Г. Лисицкій — писатель бойкій и не лишенный таланта, разскащикъ занимательный, перо у него острое, но всѣ тѣ части сочиненія, которыя представляютъ не сырой матеріалъ, а обработку, испорчены пристрастіемъ къ маркизу и страдаютъ полнымъ отсутствіемъ критики, недозволяющимъ даже отнести эти два ѣдкіе памфлета въ разрядъ серьёзныхъ историческихъ сочиненій. Г. Лисицкій былъ въ 1863 г. революціонеромъ,

нынѣ онъ принадлежитъ къ той небольшой группѣ консерваторовъ изъ родныхъ и самыхъ близкихъ сотрудниковъ умершаго маркиза, которые поклоняются умершему какъ святому, не усматриваютъ въ немъ никакихъ не только крупныхъ, но даже и мелкихъ недостатковъ и прославляютъ его, осуждая наповалъ всѣхъ его противниковъ, представляя ихъ какъ полнѣйшія ничтожества и относя ихъ либо къ категоріи глупцовъ либо къ категоріи негодяевъ. Не только настоящихъ противниковъ маркиза Лисицкій представилъ густыми красками въ черномъ видѣ, — онъ заглянулъ въ прошедшее, коснулся причинъ и начала перваго повстанья 1830 г. ради того только, чтобы показать, что и предшественники революціонеровъ 1863 г., повстанцы 1830 г., были кругомъ неправы. Въ результатѣ выходитъ, что существовалъ ничѣмъ неисправимый, непостигающій своего добра и своихъ благодѣтелей, народъ, который слѣдовательно и въ настоящемъ едва ли подаетъ какія-либо надежды. Такъ какъ польскія книжки мало расходятся за границей, то тотъ же г. Лисицкій позаботился издать въ Вѣнѣ окончательный результатъ своихъ работъ о Вѣлёпольскомъ въ сочиненіи въ 2-хъ томахъ, вышедшемъ въ 1880 году подъ заглавіемъ: „Le marquis Wielopolski, sa vie et son temps, 1803—1877“. Это новое изданіе не есть переводъ съ польскаго, а значительно отступающая отъ первоначальной работы и превосходящая ее по полнотѣ и достоинству передѣлка. Точка зрѣнія осталась въ сущности та же. Односторонность господствуетъ большая, но гораздо меньше задора, полемики и рамка шире, такъ какъ авторъ задался мыслью изобразить вѣкъ Вѣлёпольскаго и на этомъ фонѣ начертить его лицо. Какъ ни интересно сочиненіе Лисицкаго по своимъ источникамъ, настоящей исторической работы о Вѣлёпольскомъ и его времени еще нѣтъ. Пока она появится, возможно однако по изданнымъ уже источникамъ очертить коренастое, крупное, мощное лицо, которое въ теченіе небольшого, правда, времени держало въ своихъ рукахъ судьбы польскаго народа, явилось виднымъ дѣятелемъ въ

государственной жизни Россіи и пріобрѣло на одну минуту громкую европейскую извѣстность; возможно опредѣлить главныя стороны его дѣятельности и главные моменты въ его политической карьерѣ. Постараемся совершить эту работу, собравъ какъ можно больше фактовъ, изъ которыхъ легко будетъ вывести заключеніе самому читателю.

II.

Происхожденіе.—Маіоратъ.—Дѣло о маіоратѣ.

Фамилія *Вѣлёпольскій* происходитъ отъ названія имѣнія *Wielopole* (Многополье), которымъ владѣли предки маркиза, выходцы изъ Германіи, богатые краковскіе мѣщане Бонары, бывшіе въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, наслѣдственно, королевскими приказчиками по управленію соляными ломками въ Величкѣ. Въ концѣ XIV в. родъ Бонаровъ, получивъ шляхетство, сталъ по шляхетскому обычаю именоваться отъ владѣемой имъ земли. Въ половинѣ XVIII вѣка уже встрѣчаемъ его въ сенатѣ, въ лицѣ *Яна Вѣлёпольскаго,* занимавшаго въ этомъ собраніи первое свѣтское кресло по своей должности краковскаго каштеляна и возведеннаго императоромъ Фердинандомъ за дипломатическія заслуги въ графское священной римской имперіи достоинствъ (съ тѣхъ поръ Вѣлёпольскіе стали наслѣдственно именоваться графами). Сынъ этого перваго графа, тоже Янъ, женился на Кристинѣ Коморовской изъ рода *Мышковскихъ.* Происшедшему отъ этого брака сыну ихъ Францу пришлось въ 1729 году получить по праву представленія богатѣйшее наслѣдство отъ рода матери: маіоратъ или ординацію *Мышковскую,* а вмѣстѣ съ ординаціею и титулъ маркиза. Возникли эти титулъ и ординація слѣдующимъ образомъ. Папа Климентъ VIII пожаловалъ въ маркизы Петра Мышковскаго, краковскаго епископа, владѣльца зàмковъ Мирова и Пинчова, извѣстнаго гуманиста, друга поэта Яна Кохановскаго

скаго и покровителя ученыхъ и художниковъ. Его племянникъ Сигизмундъ по особенной дружбѣ къ нему князя Мантуанскаго изъ рода Гонзаговъ породнился съ симъ послѣднимъ такъ сказать филологически идеально, присоединивъ къ своей фамиліи прозвище *Гонзага*. Польша, какъ извѣстно, была настоящій рай для вельможества, король бывалъ порою призракомъ или куклою, но вся сила и власть принадлежали магнатамъ, которые стремились сдѣлаться настоящими династами, для чего имъ надлежало оградить цѣлость и нераздробляемость своихъ владѣній. Но эти стремленія были крайне непопулярны и находили противодѣйствіе въ шляхтѣ и на сеймѣ. Только пяти вельможескимъ родамъ удалось послѣ многихъ усилій провести посредствомъ сеймовыхъ конституцій феодальный порядокъ единонаслѣдія. Въ числѣ этихъ пяти ординацій была и Мышковская, учрежденная наслѣдовавшими епископу Петру племянниками его, Сигизмундомъ и Петромъ Мышковскими, въ 1603 году. Родъ Мышковскихъ оказался не особенно плодовитымъ, всѣ мужскія линіи вскорѣ пресѣклись, тогда, въ силу конституціи 1603 г., ординація должна была перейти къ ближайшей къ первымъ учредителямъ линіи по женскому колѣну. Таковою оказалась линія, въ которой одною изъ степеней была внука учредителя Сигизмунда М., Кристина Коморовская. Сынъ ея Францъ герба Старыконь, графъ Вѣлёпольскій сдѣлался, такимъ образомъ, сверхъ этихъ званій и достоинствъ, и въ придачу къ нимъ, маркизомъ Гонзага на Мировѣ и Пинчовѣ Мышковскимъ, однимъ изъ богатѣйшихъ вельможей Рѣчи Посполитой. Но въ Польшѣ не везло вообще ординаціямъ. Острожская была въ 1753 г. расхищена при дѣятельномъ въ томъ участіи Чарторыскихъ; та же почти участь стала угрожать въ концѣ XVIII в. и ординаціи Мышковскихъ. Тогдашній ординатъ Станиславъ Вѣлёпольскій, обремененный долгами, находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и имѣлъ сына Яна-Непомука, у котораго не было сыновей, а только дочь. Обоимъ вовсе не улыбалась перспектива перехода

послѣ нихъ всей ординаціи въ боковыя линіи, къ брату ордината Станислава, Іосифу-Станиславу, отцу того лица, котораго жизнеописаніе мы предприняли начертить. Какъ достичь этой цѣли? Очевидно, не иначе, какъ разрушивъ ординацію, добившись ея отмѣны на сеймѣ на томъ знаменитомъ четырехлѣтнемъ сеймѣ (1788—1792), который пытался преобразовать Польшу въ духѣ просвѣтительныхъ идей XVIII в. и былъ не менѣе французской Constituante враждебенъ ко всякимъ проявленіямъ феодализма. Самъ ординатъ остался пока въ сторонѣ, а хлопоты принялъ на себя его предполагаемый преемникъ Иванъ-Непомукъ, непосредственно и ближайшимъ образомъ заинтересованный въ этомъ дѣлѣ. Онъ мотивировалъ свое ходатайство слѣдующими словами, характеризующими и человѣка и время: „Такъ какъ даже тѣнь неравенства ужасаетъ, а въ отечествѣ моемъ возродилось равенство, посему, не желая владѣть ничѣмъ, что̀ бы могло рождать подозрѣнія относительно моего настоящаго образа мыслей, я прошу объ отмѣнѣ въ лицѣ отца моего ординаціи, которой я наслѣдникъ, и предлагаю, чтобы всѣ маіораты были упразднены и навѣки запрещены“. Янъ-Непомукъ, прикрываясь фразами дешеваго либерализма, стремился прямо къ тому, чтобы родовое достояніе, на которое имѣли несомнѣнныя права наслѣдованія одни послѣ другого представители боковыхъ мужскихъ линій рода, превратить въ личную свою собственность, устранить этихъ лицъ, а лакомымъ состояніемъ воспользоваться въ свою личную пользу и, по всей вѣроятности, его прожить. На сеймѣ ему не повезло; потомъ, послѣ раздѣловъ, та часть Польши, въ которой обрѣталась ординація, досталась Австріи, а при австрійскомъ правительствѣ нельзя было и трогать учрежденія, такъ какъ австрійскіе законы благопріятствовали маіоратамъ и фидеикоммиссамъ. Но и австрійское господство прекратилось, ординація очутилась вскорѣ (1809) въ княжествѣ Варшавскомъ, подъ гражданскимъ кодексомъ Наполеона, котораго 896 статья гласила, правда, что „субституціи (а слѣдовательно и маіораты) запрещены“, но

не могла имѣть обратнаго дѣйствія и не могла распространиться на ординаціи, уже существовавшія во время введенія кодекса Наполеона, или на тѣ, которыя специальными новыми законами были бы учреждены. Самъ Наполеонъ заводилъ такіе маіораты для своихъ генераловъ и сановниковъ, вслѣдствіе чего въ примѣчаніи къ ст. 896 кодекса выражено, что на эти маіораты не простирается дѣйствіе 896 статьи. Была еще другая обходная дорожка, по которой можно было, не касаясь 896 ст. и примѣчанія къ ней, исходатайствовать отмѣну ординаціи. Въ 10 ст. вѣнскаго трактата 1809 г., которымъ уступлены были земли Австріею княжеству Варшавскому, установлено, что обыватели въ этихъ уступаемыхъ земляхъ „auront pendant 6 ans la liberté de disposer de leurs propriétés de quelque nature qu'elles soient, de vendre leurs terres, même celles qui sont censées inaliénables, comme les fidéicommis et les majorats". На основаніи этихъ словъ ординатъ могъ ходатайствовать объ отмѣнѣ маіората, но такъ какъ маіоратъ есть собственность рода и такъ какъ, слѣдовательно, вопросъ объ отмѣнѣ касался третьихъ лицъ, то требовалось, чтобы всѣ члены рода, могущіе наслѣдовать одинъ послѣ другого, дали свое согласіе за себя и своихъ потомковъ на отмѣну, чего отъ нихъ, конечно, нельзя было и ожидать, да и въ такомъ даже случаѣ оставалось сомнѣніе насчетъ того, насколько подобное отреченіе отъ неоткрывшагося, а только ожидаемаго права именемъ потомства могло быть обязательно для такихъ потомковъ. Законодательный путь былъ, повидимому, единственный подходящій къ дѣлу, но представлялъ большія затрудненія. Ординатъ пытался избѣгнуть ихъ, идя путемъ административнымъ при дѣятельномъ содѣйствіи бывшаго съ нимъ въ свойствѣ тогдашняго министра юстиціи Феликса Лубенскаго. Подано было прошеніе Саксонскому королю, князю Варшавскому о продажѣ маіоратскихъ имѣній. Король отвѣтилъ 8-го іюня 1812 г. декретомъ, въ которомъ хотя и разрѣшалась продажа, но условно „sans rien préjuger de la manière dont la famille Wielopolski

éventuellement appelée à la succession du majorat pourrait faire valoir des droits en vigueur“. Дѣло поставлено было этимъ декретомъ крайне невыгодно для боковыхъ предполагаемыхъ наслѣдниковъ, ихъ права объявлялись спорными, имъ предоставлялось доказывать эти права судебнымъ порядкомъ. Они и стали протестовать и искать, но эти иски и протесты не помѣшали ординату при его связяхъ распорядиться большею частью маіоратскихъ имѣній, а въ томъ числѣ и коренною вотчиною, ядромъ ординаціи, Пинчовомъ, въ пользу отчасти своихъ кредиторовъ, отчасти подставныхъ лицъ. Однако споръ противъ продажи со стороны боковыхъ родственниковъ оказалъ въ нѣкоторой степени свое дѣйствіе. По договору, заключенному 7-го апрѣля 1813 г. ординатомъ съ своими двоюродными братьями Іосифомъ-Станиславомъ и Андреемъ, ординатъ выдѣлилъ изъ состава ординаціи одну ея четверть (изъ 12 ключей три: Хробержъ, Ксенжъ Великій и Козубовъ) и передалъ ихъ съ титуломъ маркиза и съ званіемъ ордината Іосифу-Станиславу; съ другой же стороны Іосифъ-Станиславъ и Андрей отреклись за себя и своихъ нисходящихъ отъ остальныхъ 9 ключей ординаціи. Вскорѣ потомъ Іосифъ-Станиславъ умеръ, а титулъ и званіе ордината въ той новой ординаціи, которая была только крошечнымъ обломкомъ прежней, перешли къ 12-ти лѣтнему мальчику, старшему сыну его, Александру. Это что-нибудь было, конечно, лучше, чѣмъ ничего; двоюродные братья ордината до договора 7-го апрѣля 1813 г. сильно рисковали, что ничего не получатъ. Такъ разсудили бы многіе и помирились бы съ судьбою, но не помирилась съ нею и не довольствовалась полученнымъ мать Александра, Елеонора, урожденная Дембинская (сестра генерала Генриха Дембинскаго,—выходца, командовавшаго венгерскими войсками во время революціи въ 1849 г.). Въ глазахъ этой гордой, честолюбивой и энергической женщины договоръ 7-го апрѣля 1813 г., по которому ея мужъ пріобрѣлъ частицу маіората, отказавшись отъ остального, былъ опороченъ нравственнымъ

насиліемъ, вынужденъ и недѣйствителенъ. Мысль о возстановленіи аристократическаго, доводившагося ея потомству, состоянія въ прежнемъ блескѣ не покидала ее ни на минуту. Она рѣшилась изъ своего старшаго сына сдѣлать не только юриста, но и практическаго дѣлового человѣка, воспитать его такимъ образомъ, чтобы, пришедши въ лѣта, онъ оттягалъ, ходя и состязаясь по судамъ, все то, что отторгнуто было отъ ординаціи и на основаніи законнѣйшихъ актовъ обрѣталось уже, можетъ быть, въ третьихъ или десятыхъ рукахъ. Это обстоятельство имѣло громадныя послѣдствія для молодого маркиза: оно повліяло на его способности, на его харакеръ; оно сообщило ему адвокатскія наклонности, сдѣлало его упорнымъ и выносливымъ работникомъ и бойцомъ, идущимъ прямо къ цѣли, несмотря на чьи бы то ни было нареканія, несмотря даже на общественное мнѣніе; оно положило также основанія и непопулярности маркиза, а непопулярность эта была велика и столь постоянна во всю его жизнь, что, что̀ бы онъ ни дѣлалъ, даже весьма умное и хорошее, всегда общественное мнѣніе было противъ него. Друзей онъ имѣлъ и сердечныхъ, имѣлъ поклонниковъ, но въ толпѣ, въ массахъ считался онъ всегда противнымъ, несимпатичнымъ человѣкомъ. Число его рожденія было 13-го марта 1803 г.; его учили сначала въ Teresianum въ Вѣнѣ, потомъ въ варшавскихъ лицеѣ и университетѣ, потомъ отправили изучать французскій code civil и судопроизводство въ Парижъ, а потомъ въ Геттингенъ. Здѣсь получилъ онъ въ 1824 г. степень доктора философіи по защищенію диссертаціи, написанной въ духѣ философіи Спинозы: *De idea aeternitatis*. Въ это время ему наступалъ уже годъ совершеннолѣтія; мать умерла, на его попеченіи остались младшіе сестры и братья; тѣмъ не менѣе процессъ былъ начатъ (1827), продолжался цѣлыя 11 лѣтъ и кончился полнѣйшимъ проигрышемъ для Вѣлёпольскаго. Въ теченіе этого процесса былъ перерывъ, совпадавшій съ участіемъ Вѣлёпольскаго въ повстаньи 1830 г., съ его миссіею отъ революціоннаго

правительства въ Лондонъ, съ его скитаніями за границей. Чтобы не смѣшивать разнородныхъ предметовъ, покончимъ сначала съ процессомъ, укажемъ на его ходъ, а главное, объяснимъ, чѣмъ Вѣлёпольскій возстановилъ противъ себя въ этомъ процессѣ общественное мнѣніе своихъ соотечественниковъ.

Исковыя требованія Александра Вѣлёпольскаго заключались въ томъ, чтобы признаны были недѣйствительными всѣ акты продажи частей ординаціи, совершенные съ 1812 г. ординатомъ, и присуждены ему, Вѣлёпольскому, за устраненіемъ ордината, потерявшаго, по мнѣнію истца, всякое право на эти имѣнія. Требовать отмѣны акта незаконнаго и даже такого, на которомъ была подпись отцовская, Вѣлёпольскій былъ въ правѣ, — незаконное дѣйствіе отца не можетъ быть безусловно обязательно для дѣтей, дѣти могутъ, конечно, опровергать его, пришедши въ совершеннолѣтіе. Но слабая сторона иска заключалась въ томъ, что, разрушая всѣ акты, по которымъ отчужденъ былъ по частямъ маіоратъ. а слѣдовательно и договоръ 7-го апрѣля 1813 г., Вѣлёпольскій подрывалъ основанія собственныхъ своихъ правъ на уцѣлѣвшую четверть маіората. Послѣ уничтоженія должно было послѣдовать возстановленіе отчужденныхъ имуществъ въ прежнее состояніе, воскресали прежнія права ордината Ивана-Непомука на эти имѣнія, и требованіе о передачѣ этихъ имѣній истцу представлялось и преждевременнымъ, до смерти ордината, и даже спорнымъ, такъ какъ оспаривать ихъ явилось третье лицо, дочь ордината, Кристина Бонтани, утверждая, что не Александръ В., а она должна наслѣдовать послѣ ордината въ ординаціи, если таковая будетъ возстановлена. Эту слабую сторону своего дѣла истецъ старался укрѣпить и поправить тѣмъ, что, по предъявленіи уже иска, онъ вошелъ въ сдѣлку съ ординатомъ и дочерью его, обезпечивъ за ними пожизненное пользованіе частью отыскиваемой ординаціи, что такимъ образомъ онъ ихъ обезоружилъ и заинтересовалъ въ проигрышѣ. Но если эта сдѣлка дѣлала устойчивѣе въ юридическомъ отношеніи

2

его исковыя требованія, то она сильно портила его дѣло въ нравственномъ отношеніи. Оказывалось, что главный отвѣтчикъ дѣлается противникомъ фиктивнымъ, что на семьѣ оправдывается пословица: свой своему не врагъ, и что вся семья, въ томъ числѣ и дядя и его двоюродный племянникъ, какъ будто бы въ стачкѣ, во вредъ кредиторамъ ордината и покупщикамъ имѣній, между которыми большинство были, конечно, лица подставныя, но были и люди, дѣйствовавшіе добросовѣстно. Со времени продажи прошло столько лѣтъ, съ формальной стороны какъ эти продажи, такъ и дальнѣйшія перепродажи были безупречно правильны, совершены въ законнѣйшемъ порядкѣ; десятки семействъ и сотни людей вложили въ эти имѣнія всѣ свои средства, всю свою будущность; на отчужденіи выстроилось цѣлое зданіе сложнѣйшихъ отношеній. Можно себѣ представить, какой гвалтъ, какой общій вопль поднялся противъ истца, который затѣялъ разрушить всю эту громаду отношеній. Заинтересованные зажужжали, точно потревоженный пчелиный рой. Во главѣ ихъ сталъ, какъ главное дѣйствующее лицо, весьма опасный противникъ—въ одно и то же время адвокатъ, аферистъ и публицистъ,—Янъ Бонерава Ольрихъ, лицо характерное, типическое, сильно смахивающее на „Рабагаса“ Сарду. Ольрихъ купилъ имѣній на 5$^1/_2$ милліоновъ злотыхъ (злотый—15 коп.); а заплатилъ наличными только 35,000 злотыхъ; онъ основывалъ для эксплуатаціи имѣній товарищества на паяхъ; пріобрѣтя Пинчовъ и Шанецъ, исходатайствовалъ у короля (1813) разрѣшеніе прибавить къ своей фамиліи Ольрихъ прозвище Шанецкій. Въ сеймѣ онъ сидѣлъ на самой крайней лѣвой сторонѣ, являлся ярымъ демократомъ, искалъ дружбы Лелевеля, былъ превозносимъ какъ горячій патріотъ прогрессивною печатью. Ольрихъ постарался прежде всего перенести споръ съ юридической стороны на соціальную, разжигалъ демократическія страсти, строилъ защиту правъ своихъ на ненавистномъ характерѣ всякой ординаціи, на очевидной всякому демократу ретроградности требованій маркиза, которому доставалось порядкомъ и за

иностранный титулъ графа и даже за то, что онъ ѣздилъ учиться къ нѣмцамъ въ Гёттингенъ. Самое растранжиреніе ординатскихъ имѣній Ольрихъ возводилъ въ доброе дѣло. Онъ прославлялъ расточителя—Ивана-Непомука точно за доблестный подвигъ, точно за искорененіе плевелъ. „Дѣйствія маркиза,—заключалъ онъ,—осуждать можетъ одно предубѣжденіе, но геній общественнаго блага возложитъ на главу его дубовый вѣнокъ". Противники, прежде чѣмъ состязаться на судѣ, обмѣнивались въ печати многотомными записками, щеголяющими какъ риторикою, такъ и ученостью. Какъ въ печати, такъ и на судѣ, Вѣлёпольскій дѣйствовалъ лично, произносилъ длинныя рѣчи, отличавшіяся, какъ и все то, что исходило потомъ отъ него, тщательною отдѣлкою формы, слогомъ классическимъ, фразами звучными, закругленными, точно изъ бронзы отлитыми. Онъ проигралъ свое дѣло въ первой инстанціи, выигралъ его въ 1829 году въ апелляціонномъ судѣ, но окончательно все-таки проигралъ его въ 1835 г. въ третьей инстанціи, т.-е. въ сенатѣ, въ которомъ въ ходѣ производства дѣла произошла уже та значительная перемѣна въ положеніи состязающихся сторонъ, что, такъ какъ Ольрихъ сдѣлался выходцемъ, а имѣнія его были конфискованы, то вмѣсто его дѣйствовала уже прокураторія въ интересахъ и въ пользу государственной казны. Что Вѣлёпольскій проигралъ свой процессъ, тому нельзя удивляться; юридическія основанія его иска были слабы и шатки. Замѣчательно не то, что и общественное мнѣніе было противъ него, но то, что оно склонялось противъ него не по юридическимъ соображеніямъ, а по ольриховскимъ мотивамъ; оно предубѣждалось противъ него общимъ характеромъ ординаціи, оно осуждало въ Вѣлёпольскомъ аристократа и ретроградa. Если бы подобный процессъ разрѣшался въ настоящее время, то по всей вѣроятности публика отнеслась бы къ нему гораздо безучастнѣе и, оставивъ выводить приговоръ по юридическимъ мотивамъ судьямъ, не осудила бы маркиза за его искъ. Не слѣдуетъ, конечно, желать учрежденія вновь законодательнымъ

порядкомъ маіоратовъ, какъ установленій противныхъ демократическому строю современнаго общества, но и въ наиболѣе демократическомъ обществѣ могутъ сохраняться и даже приносить свою долю пользы разнообразящіе его остатки прежняго строя вещей. Коль скоро существуетъ учрежденіе, на законномъ основаніи, его нельзя разрушать, а отмѣнить можно только законодательнымъ порядкомъ. Демократъ, поставленный въ трудное для его совѣсти положеніе хранить учрежденіе, которому онъ не сочувствуетъ, имѣетъ одинъ только честный способъ выйти изъ затрудненія: отказаться отъ маіората, передать его другимъ; присваивая его себѣ, онъ посягаетъ на права третьихъ лицъ, изъ которыхъ никого нельзя винить, если, сознавая за собою право, оно пытается его осуществить. Нынѣ дѣло Вѣлёпольскаго можетъ быть и не повредило бы ему въ общественномъ мнѣніи,—въ то время оно поставило его въ разладъ съ окружающею его средою. Щель эта стала постепенно еще болѣе увеличиваться, какъ мы постараемся доказать, — не по волѣ маркиза и безъ всякой со стороны его вины.

III.

Роль маркиза въ событіяхъ 1830 г.—Лондонская миссія его.

Не подлежитъ сомнѣнію, что велики и неизбѣжны страданія всякаго народа, потерявшаго свою политическую самобытность; ихъ можно бы сравнить только съ ощущеніями живого существа, выросшаго въ одной стихіи, напримѣръ, въ водѣ, которое бы вдругъ пересадили въ другую стихію, на сушу или воздухъ, къ которой оно нисколько не привыкло. Ему предстоитъ печальная дилемма: либо совсѣмъ исчезнуть, либо приноровиться къ новой средѣ. Успѣхи приспособленія бываютъ крайне медленны даже при наиблагопріятнѣйшихъ условіяхъ и могутъ послѣдовать только тогда, когда потерявшій свою самостоятель-

ность народъ убѣдится въ полной невозможности возвратить себѣ прежнее состояніе, которое въ его воображеніи рисуется какъ верхъ счастія, какъ нѣчто похожее на рай. Какъ его возвратить? — Да просто и безъ дальнѣйшихъ разсужденій возстановить все цѣликомъ въ прежнее состояніе. Понятно, что политикѣ *резигнаціи*, которая въ нѣкогда польскихъ частяхъ Россіи явилась только съ Вѣлёпольскимъ, должна была предшествовать въ теченіе извѣстнаго періода, по независящимъ отъ народа обстоятельствамъ, особенно долго политика *реставраціи*. Неизбѣжность этого направленія мыслей понималъ великій князь Александръ Павловичъ во время своихъ уединенныхъ прогулокъ съ молодымъ Чарторыскимъ по аллеямъ Таврическаго сада [1]); мысль объ улучшеніи національной судьбы поляковъ составляла одну изъ постоянно занимавшихъ его заботъ; съ другой стороны и Наполеонъ постигъ секретъ, какъ эксплуатировать патріотическія чувства поляковъ; онъ имъ блеснулъ приманкою отечества и странно выкроеннымъ, спитымъ на живую нитку княжествомъ Варшавскимъ. Польскіе замыслы Александра пережили паденіе Наполеона; соединить подъ русскимъ скипетромъ всѣ части прежней Польши ему не удалось, но частицу ихъ онъ оттягалъ на вѣнскомъ конгрессѣ отъ западныхъ сосѣдей; такимъ образомъ возникло, такъ называемое поляками, *конгрессовое* королевство или Царство Польское, которому тогда же, по собственной волѣ и почину, Александръ I пожаловалъ конституціонную хартію, 25-го мая 1815 года, составленную на манеръ всѣхъ тѣхъ хартій, сочиняемыхъ теоретиками и доктринерами, которыя были въ ходу въ концѣ прошедшаго и началѣ XIX в., съ занесенными въ нихъ правами гражданина, съ театральною обстановкою народнаго представительства, съ дѣленіемъ властей на законодательную и исполнительную, съ независимостью судебной, съ отвѣтственностью министровъ, съ особыми казною и войскомъ; но безъ тѣхъ

---

[1]) Alexandre I et le prince Czartoryski. Correspondance et conversations. Paris, 1865.

условій, которыя нынѣ считаются предпосылками конституціи и ея преддверіемъ,—безъ самоуправленія, безъ допущенія общества къ участію въ мелкихъ и обыденныхъ дѣлахъ и заботахъ. Добавимъ, что въ хартію, оставлявшую въ крайней неопредѣленности взаимныя отношенія монарха и народа, вложена была ложная идея, свойственная всѣмъ тогдашнимъ хартіямъ, о примиряемомъ ею будто бы антагонизмѣ обоихъ этихъ взаимно себя ограничивающихъ факторовъ жизни государственной, — идея, которая въ Польшѣ,—вслѣдствіе ея анархическаго прошлаго и представленій о ея связанныхъ по рукамъ и малеванныхъ короляхъ,—должна была найти почву самую благопріятную для развитія въ ущербъ всему другому. Министровъ, хотя и отвѣтственныхъ, мало стѣсняла хартія, они всѣ были бюрократы и разнились только по образцамъ, которымъ слѣдовали. Однимъ изъ такихъ образцовъ была энергическая французская централизація, другимъ — прусскій аккуратный и методическій бюрократизмъ. Представительство состояло изъ двухъ палатъ: сената, пополняемаго членами, назначаемыми королемъ пожизненно, но не иначе, какъ по представленіямъ самого сената, вслѣдствіе чего даже и въ этой палатѣ правительство не могло имѣть твердой точки опоры, и палаты пословъ или депутатовъ по выборамъ отъ поземельной собственности, которая была въ сущности сильно шляхетскимъ учрежденіемъ. Сеймъ долженъ былъ собираться только разъ въ два года на одинъ мѣсяцъ, дабы вотировать бюджетъ и правительственные проекты законовъ, подготовленные въ особомъ государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго. Законодательный починъ не принадлежалъ палатамъ, зато имъ предоставлено обсуждать отчетъ объ управленіи страною, составляемый государственнымъ совѣтомъ, то-есть подвергать всесторонней критикѣ систему управленія за время отъ одного сейма до другого. Очевидно, что такой конституціонный механизмъ могъ безъ скрипа и толчковъ дѣйствовать только при совершенномъ благодушіи въ собраніи или при безусловной податливости правительства.

Разъ появилась оппозиція, а она не могла не появиться вслѣдствіе того простого факта, что въ обществѣ есть партіи, а партіи эти рождаются отъ различнаго взгляда людей на общественные вопросы, то эта оппозиція, не имѣя никакого ни участія, ни контроля въ управленіи, составляющемъ прерогативу короля, не могла не воспользоваться средствами дешевой и систематической критики всѣхъ дѣйствій правительства. Сеймъ тормозилъ порою нововведенія, отвергая правительственные законодательные проекты. Онъ превращался періодически, послѣ большихъ промежутковъ времени, въ повторяющееся изліяніе всевозможныхъ жалобъ, въ поддувало для воспламененія огня страстей и обоюдныхъ неудовольствій. Въ горючихъ матеріалахъ не было недостатка, черныя тучи надвигались на небосклонъ, а обстоятельства складывались такимъ образомъ, что будь конституція вѣковая, испробованная опытомъ, а не такая, какую на живую нитку сколотили, то и она не устояла бы, можетъ быть, и надломилась бы силою этихъ обстоятельствъ. Первое изъ нихъ была неимовѣрная трудность согласованія въ царствующемъ лицѣ функцій конституціоннаго государя въ одной сравнительно маленькой части его державы, и самодержавнаго — въ остальномъ. Примѣръ великаго княжества Финляндскаго указываетъ на возможность подобнаго совмѣщенія функцій, даже при разноплеменности управляющаго и управляемыхъ, но при условіи совпаденія естественныхъ границъ съ этнографическими. Конгрессовая Польша представляла собою нѣчто совершенно противное; произведеніе искусственное, она съ момента ея возникновенія разсматриваема была какъ начало, какъ ростокъ, какъ задатокъ. Заманчивый для поляковъ замыселъ соединенія съ ними подъ однимъ конституціоннымъ режимомъ западной окраины Имперіи существовалъ несомнѣнно въ самомъ монархѣ, и его-то опровергалъ Карамзинъ въ 1819 году въ своей извѣстной запискѣ. Не вслѣдствіе зависти, а просто вслѣдствіе искони смѣшаннаго характера этой окраины, въ которой большинство населенія было русское и только тонкій

слой польской интеллигенціи лежалъ на этой русской подкладкѣ, само существованіе этого замысла не могло не вооружить противъ себя въ глубочайшей степени чувства русскаго народа. Русскіе, которые принадлежали къ составу управленія Царства Польскаго, не всѣ были похожи на князя П. А. Вяземскаго (см. его сочиненія). Нѣкоторые, какъ Новосильцевъ, возстановляли государя противъ поляковъ, сѣя подозрѣнія. Самъ императоръ Александръ I со временемъ измѣнился, гуманные идеалы его юности сметены были грубою рукою суровой дѣйствительности, они смѣнились представленіями объ иномъ порядкѣ, основанномъ на власти свыше, передъ которою все должно преклоняться. Присоединимъ къ тому же европейскія осложненія, вліяніе Меттерниха, нѣмецкія правительства, опасающіяся всесвѣтной революціи и указывающія на Францію и Парижъ какъ на вѣчно дымящійся ея кратеръ, фразы французскаго оппозиціоннаго лагеря, служащія камертономъ оппозиціи и въ Варшавѣ. Конституціонныя свободы не могли разсчитывать на расширеніе; ихъ, напротивъ того, только сокращали. Въ 1819 г. усилена непрекращавшаяся, несмотря на хартію, предварительная цензура, въ 1825 г. засѣданія сеймовыхъ палатъ закрыты для публики. Еслибы общество было болѣе зрѣлое, болѣе дорожащее своимъ настоящимъ, то оно, можетъ быть, и склонилось бы къ тому, чтобы вынести всѣ невзгоды и переждать, сохранивъ учрежденія, насколько можно было ихъ сохранить, до болѣе счастливыхъ временъ. Но по изложеннымъ выше причинамъ, всѣ мысли народа витали не въ настоящемъ, а въ прошломъ; идеаломъ эпохи была реставрація. Неяснымъ грезамъ далъ болѣе опредѣленное выраженіе водрузившій свое знамя въ литературѣ, съ появленія Мицкевича, польскій романтизмъ, который ниспровергъ сначала только авторитеты, установившіеся въ искусствѣ, но, являя сознаніе полной умственной своеобразности и независимости національной мысли, подготовилъ молодыя поколѣнія къ самымъ смѣлымъ покушеніямъ и затѣямъ. Отъ самобытности умственной

однимъ скачкомъ выводилась, какъ постулатъ, самобытность политическая. Подъ гнетомъ чувства общаго неудовольствія начался процессъ гнилого броженія, весь край покрылся густою сѣтью тайныхъ обществъ и заговоровъ. Какъ обыкновенно бываетъ въ критическія эпохи всеобщаго неудовольствія настоящимъ, послѣдовали и скандальныя оправданія заговорщиковъ. Такимъ оправданіемъ ознаменовалъ себя въ 1828 г. сенатъ, судившій ихъ по порученію государя на правахъ сеймоваго суда. Ненормальное состояніе длилось бы долго, ничѣмъ не разрѣшаясь, не случись въ Парижѣ іюльская революція. Со временъ Наполеоновскихъ, настроеніе поляковъ было тѣснѣйшимъ образомъ связано со всѣмъ, происходившимъ въ западной Европѣ, и оно особенно откликалось на всякія французскія движенія. Горсть смѣльчаковъ - энтузіастовъ произвела вспышку въ Варшавѣ 29-го ноября 1830 г. Легко было потушить повстанье силою въ его зародышѣ, но оно окрѣпло вслѣдствіе нежеланія В. Князя Цесаревича принять личное участіе въ дѣйствіяхъ противъ повстанцевъ и отсылки имъ польскихъ полковъ въ распоряженіе административнаго совѣта, состоявшаго изъ министровъ и особыхъ членовъ и превратившагося во временное правительство, дѣйствующее еще государевымъ именемъ, но сильно колеблемое и напираемое демагогами и клубистами. Во главѣ его стоялъ князь Чарторыскій. Административный совѣтъ предложилъ стать во главѣ правительства для охраненія порядка генералу Хлопицкому. Хлопицкій предложенія не принялъ, но провозгласилъ себя самъ диктаторомъ на самое короткое, впрочемъ, время, пока не соберется созванный уже совѣтомъ сеймъ. Какъ административный совѣтъ, такъ и диктаторъ заявляли себя вѣрноподданными, оберегателями государевой власти среди народа, хотя и возмутившагося, но будто бы добивающагося, не легальнымъ правда путемъ, только однѣхъ конституціонныхъ гарантій. Временному правительству слѣдовало тотчасъ же обослать своими ходатайствами и записками иностранные кабинеты, поискать между контрагентами, подписавшимися на вѣнскомъ

трактатѣ 1815 г., — не найдется ли охотниковъ заступиться за поляковъ, взять ихъ сторону и поддержать ихъ въ конфликтѣ съ ихъ государемъ своимъ вмѣшательствомъ. Предлагающихъ свои услуги для этихъ миссій нашлось много, они были изъ знатныхъ людей, не требовали подъемныхъ, обязывались совершать поѣздки своимъ коштомъ. Въ числѣ ихъ былъ Александръ Вѣлёпольскій, уже 27 лѣтъ, женатый на Терезіи Потоцкой. Онъ брался ѣхать въ Лондонъ (Al. W. IV, 333) и хлопотать у Сенъ-Джемскаго кабинета. Его предложеніе принято. Интересно взглянуть на тогдашнія его идеи, на полученныя имъ инструкціи и на результаты его поѣздки.

Образъ мыслей Вѣлёпольскаго ничѣмъ не разнился въ то время отъ образа мыслей его соотечественниковъ — по крайней мѣрѣ относительно значенія и обязательности для Россіи всѣхъ условій, касающихся Польши въ вѣнскомъ трактатѣ, относительно европейски-международнаго свойства этого вопроса и наклонности западно-европейскихъ державъ къ поднятію его для возстановленія угрожающаго Европѣ будто бы со стороны Россіи равновѣсія. По старому преданію упавшая нація ожидала, что ее возстановятъ, какъ ожидала она нѣкогда, что не допустятъ ее раздѣлить; она искала точки опоры для возстановленія себя внѣ себя — на Западѣ. Вѣлёпольскій въ своей запискѣ (IV, 329) исходитъ изъ совсѣмъ невѣрныхъ данныхъ, будто бы на вѣнскомъ конгрессѣ Англія (?) предлагала возстановить Польшу, будто бы даже Пруссія и Австрія (?) соглашались возвратить пріобрѣтенныя ими части Рѣчи Посполитой, а посему, что Англіи всего приличнѣе взять на себя починъ вмѣшательства съ цѣлью возстановленія европейскаго равновѣсія, причемъ поляки останутся вѣрны династіи, когда имъ предоставлено будетъ, какъ свободному народу, опредѣлить власть короля (какъ въ добрыя старыя времена королевскихъ элекцій) и отношенія свои къ Россіи; но можетъ также послѣдовать разрывъ съ династіею — и тогда поляки должны будутъ подумать о новомъ королѣ. Въ инструкціи, данной Вѣлёпольскому, какъ агенту, кня-

земъ Чарторыскимъ, находимъ слѣдующія характерныя поясненія варшавскихъ событій: L'étincelle est tombée des mains imprudentes, mais elle a trouvé des matériaux si préparés, que la conflagration a été instantanée. Il est facheux que l'étincelle soit tombée. Агентъ долженъ былъ напирать на прежнія обѣщанія (des promesses faites par l'Empereur Alexandre de la jonction des provinces détachées de notre pays), на совершенное (?) отсутствіе въ движеніи якобинскихъ принциповъ, на сильный и надежный центръ единства въ движеніи—въ диктаторѣ. Никакихъ опредѣленныхъ требованій повстанья къ русскому правительству и не ставилось, даже относительно западной окраины имперіи выражено только, что les Polonais ne veulent point rompre leur lien avec le souverain, mais demandent à rentrer sous l'autorité avec des garanties suffisantes, то-есть совершенной раздѣльности двухъ подъ однимъ государемъ государствъ. Вѣлёпольскій отправился въ концѣ декабря 1830 подъ вымышленнымъ именемъ швейцарца Дюпакье. Въ Парижѣ его отказался принять глава кабинета Лафиттъ. Въ Лондонѣ министръ иностранныхъ дѣлъ Пальмерстонъ согласился принять его, но только какъ поляка-туриста. — Переговоры не приводили ни къ какимъ результатамъ. Пальмерстонъ твердилъ то же, что выразилъ и впослѣдствіи въ парламентѣ въ 1863 г.: nous avons le droit d'intervenir en Pologne, mais nous n'en avons pas l'obligation, иными словами: намъ нѣтъ интереса мѣшаться въ это дѣло. Изъ своихъ похожденій по англійскимъ пріемнымъ Вѣлёпольскій вынесъ печальное сознаніе, что нечего Польшѣ разсчитывать на западно-европейскую политику. Его глубоко оскорбили эгоизмъ и равнодушіе англійскихъ государственныхъ людей, къ которымъ надо было проникать задними ходами и выпрашивать помощь точно милостыню, получая на каждомъ шагу одни только жалкія слова да унизительные отказы. Не питая никакихъ иллюзій, онъ не убаюкивалъ ими и своихъ довѣрителей. Между тѣмъ въ Варшавѣ собрался сеймъ и провозгласилъ детронизацію короля, шибко смѣняли

или смѣщали другъ друга министры, члены правительства, диктаторы, главнокомандующіе. Совсѣмъ неожиданно Вѣлёпольскій узналъ стороною, не бывъ предупрежденъ, что въ Лондонъ пріѣхалъ изъ Парижа новый агентъ польскаго правительства, графъ Александръ Валевскій (впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ Наполеона III, внѣбрачный сынъ Наполеона I), и что онъ поднесъ Пальмерстону проектъ кандидатуры австрійскаго эрцгерцога на польскій престолъ. Считая свою миссію конченною, Вѣлёпольскій отправился въ обратный путь; въ Краковѣ узналъ онъ о смерти своей жены, въ Варшавѣ попалъ въ невообразимый хаосъ, сопровождавшій послѣднія судороги изнемогающей революціи.

Его пригласили занять мѣсто въ государственномъ совѣтѣ. Вскорѣ, въ августѣ 1831 г., происходили выборы въ Варшавѣ же для усиленія сейма представителями занѣманскихъ, бывшихъ прежде польскими, областей. Вѣлёпольскій былъ выбранъ посломъ отъ Гродна. При повѣркѣ выборовъ личный врагъ его Ольрихъ оспаривалъ законность его избранія; во время преній, кончившихся утвержденіемъ избранія, Вѣлёпольскаго защищалъ человѣкъ, сдѣлавшійся потомъ близкимъ его пріятелемъ, Константинъ Свидзинскій. Въ сеймѣ Вѣлёпольскаго считали приверженцемъ аристократической партіи; его не могли терпѣть демократы и клубисты. 7-го сентября 1831 г. послѣдовала сдача Варшавы русскимъ войскамъ. Остатки войска съ сеймомъ и революціоннымъ правительствомъ перекочевали въ Модлинъ, Закрочимъ, оттуда за границу. Вмѣстѣ со всѣмъ правительствомъ, а въ томъ числѣ съ Ольрихомъ, который добился наконецъ министерскаго портфеля, эмигрировалъ и Вѣлёпольскій. По странному стеченію обстоятельствъ, переѣзжать границу ему пришлось въ одной повозкѣ съ однимъ изъ самыхъ безпокойныхъ и ярыхъ клубистовъ—„польскимъ Робеспьеромъ“, Маврикіемъ Мохнацкимъ, который написалъ потомъ исторію повстанья 1831 г.—Какъ для Вѣлёпольскаго, такъ и для многихъ тысячъ его соотечественниковъ начиналось новое состоя-

ніе—выходство, съ его томительнымъ бездѣліемъ и скукою, съ его помышленіями, направляющимися, какъ магнитъ къ полюсу,—къ дальней родинѣ. Жестокій проигрышъ и погромъ 1831 г. не только не подѣйствовали подавляющимъ образомъ на поэтовъ, каковы Мицкевичъ, Словацкій, но возбудили ихъ напротивъ: изъ пѣвцовъ любви они превратились въ плачущихъ пророковъ, въ людей среди упадка всѣхъ надеждъ держащихъ выше чѣмъ когда-нибудь знамя независимости, sperantes contra spem, ожидающихъ, вопреки всякому благоразумію, появленія народнаго мессіи. Военные люди прислушивались къ подземнымъ движеніямъ въ Европѣ, готовые предлагать свои шпаги всякому вооруженному движенію, и превратились въ настоящихъ генераловъ отъ революціи. Политики всѣхъ партій отъ нечего дѣлать продолжали винить себя взаимно за неудачи. Владѣлецъ отеля „Lambert“ въ Парижѣ, князь Адамъ Чарторыскій, нѣкогда главный органъ русско-польскаго единенія, увлеченный потомъ потокомъ столь далеко, что онъ подписалъ актъ детронизаціи и стоялъ послѣ того во главѣ революціоннаго правительства, держалъ вокругъ себя нѣчто въ родѣ двора, воздающаго этому если не Ягеллону, то по крайней мѣрѣ Гедиминовичу, какъ претенденту, почти монархическія почести и играющаго, по выраженію Вѣлёпольскаго (lettre d'un gentilh. pol.), жалкую „династическую мелодраму“. Старикъ этотъ однако имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлую систему дипломатическихъ неакредитованныхъ агентовъ, которые проникали съ задняго крыльца въ европейскіе кабинеты и подстрекали ихъ къ дѣйствованію противъ Россіи. Ни одна изъ партій, ни одно изъ направленій выходства не пришлись Вѣлёпольскому по вкусу и нраву. По темпераменту онъ былъ человѣкъ авторитета и власти, имѣлъ умъ положительный, практическій, не переносящій мечтательства, не любящій иллюзій. Заискиваніе у иностранныхъ кабинетовъ казалось ему унизительнымъ, союзъ съ революціонизмомъ и демагогами просто гнуснымъ. Дѣлая выборъ между Западомъ и Россіею, онъ въ противность

тому, что дѣлали почти всѣ его соотечественники, предпочелъ Россію, въ предвидѣніи, что съ нею можно будетъ когда-нибудь сойтись на общей почвѣ славянской идеи. Первые зачатки его славянской теоріи относятся именно къ тому времени, когда онъ и не думалъ о возможности возвращенія, и, соображаясь со своими весьма ограниченными средствами, при вѣроятности потери могущаго быть конфискованнымъ маіората, предполагалъ поселиться гдѣ-нибудь въ уединенномъ уголку, напримѣръ, въ Базелѣ, и зарабатывать средства къ жизни профессурой. Въ мартѣ 1832 г. онъ женился на Паулинѣ Потоцкой, родной сестрѣ умершей своей первой жены Терезіи, побывалъ въ дрезденскихъ музеяхъ искусства, подружился въ Краковѣ съ ученымъ археологомъ, позднѣйшимъ издателемъ юридическихъ намятниковъ польской старины, Сигизмундомъ Гельцелемъ. Въ 1833 г. въ Краковѣ родился старшій сынъ его Сигизмундъ. Вскорѣ открылась возможность возвратиться на родину, вслѣдствіе обнародованной русскимъ правительствомъ амнистіи для не особенно замѣшанныхъ въ дѣла послѣдняго повстанья выходцевъ. Вѣлёпольскій поступилъ совершенно согласно своему сильно измѣнившемуся отъ событій 1831 г. образу мыслей, воспользовавшись амнистіею; онъ вернулся въ свой Хробержъ и въ выкупленное на свои деньги у кредиторовъ бывшаго ордината гнѣздо ординаціи Пинчовъ, взялся опять за свой неоконченный процессъ, послѣ проигрыша котораго въ 1835 г. ему пришлось своими трудами, при весьма строгой экономіи, привести финансы въ соотвѣтствіе съ пошатнувшимся положеніемъ. Богатымъ онъ никогда не сдѣлался, но сдѣлался достаточнымъ человѣкомъ, при чемъ прослылъ у многихъ скрягою, вслѣдствіе той упорной бережливости, съ которою задѣлывалъ бреши въ своемъ состояніи, причиненныя отсутствіемъ своимъ въ періодъ выходства и много стоившимъ процессомъ. Его земледѣльческія занятія не мѣшали ему отъ времени до времени освѣжаться поѣздками въ умственные центры Европы; такимъ образомъ мы видимъ его усердно посѣщающимъ

зимою, въ 1840—1841 учебномъ году, лекціи философіи въ берлинскомъ университетѣ у самаго источника гегеліанства.

Къ этому времени относится его знакомство съ барономъ Петромъ Мейендорфомъ, позднѣйшимъ русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ. Вѣлёпольскій представлялся ко двору и былъ любезно принимаемъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. Въ свободныя минуты онъ писалъ. Одна такая литературная работа его помѣщена въ 1835 г. въ журналѣ „Kwartalnik Naukowy", издаваемомъ Гельцелемъ въ Краковѣ (она перепечатана 1878 г. въ варшавскомъ изданіи „Kronika Rodzinna"). Она очень замѣчательна: въ ней на нѣсколькихъ страницахъ вылился авторъ весь, какимъ онъ былъ и остался, съ вполнѣ и окончательно сложившимся образомъ мыслей и характеромъ. Она и послужитъ къ уразумѣнію этой цѣльной и весьма крупной личности.

IV.

„Мысли и замѣчанія" 1835 года.

„Mysli i uwagi", т.-е. „Мысли и замѣчанія" Вѣлёпольскаго не представляютъ собою по формѣ ничего цѣльнаго. Они имѣютъ видъ 46 отрывковъ, тезисовъ, афоризмовъ, относящихся къ области философіи и психологіи, въ родѣ тѣхъ, какіе любили писать, наблюдая себя Монтэнь или Гёте (въ „W. Meisters Wanderjahren"). Среди психологическихъ разсужденій мелькаютъ изрѣдка факты изъ области политики, но только какъ примѣры и иллюстраціи для объясненія основныхъ положеній. Не отведено также мѣста личнымъ чувствамъ и впечатлѣніямъ, своему собственному я, но такъ какъ предметами изслѣдованія служатъ умъ, вѣра, чувство, отношенія ихъ къ волѣ, условія правильности функцій души, способы выработки характера и то, чѣмъ слѣдуетъ человѣку быть,

т.-е. его идеалы, то уясняется такимъ образомъ, какіе образцы ставилъ себѣ авторъ какъ цѣли; а такъ какъ, сличая ихъ съ его позднѣйшею дѣятельностью, оказывается, что онъ правилъ жизни, начертанныхъ въ 1835 г., строго держался до самаго конца, то выходитъ, что афоризмы содержатъ въ себѣ одинъ изъ лучшихъ, какіе есть, автобіографическихъ литературныхъ портретовъ, изображающихъ съ необычайною отчетливостью умственную организацію автора, и скрывающіяся подъ общими чертами народа и вѣка индивидуальныя его особенности. Къ общимъ чертамъ вѣка слѣдуетъ отнести глубокую религіозность автора. Весь образованный слой общества въ началѣ XIX вѣка состоялъ изъ ésprits forts, офранцузившихся вольтеріанцевъ, но когда послѣдовало литературное возрожденіе народа, стряхнувшее весь налетъ и окунувшееся въ струѣ народнаго духа, то это движеніе сопровождалось воспламененіемъ религіознаго чувства, совершившимся внѣ церкви и ея обрядовъ и даже казавшимся ей иногда подозрительнымъ. Всего лучше пояснить это явленіе примѣромъ: Мицкевичъ и его сверстники были религіозны въ римско-католическомъ духѣ по тѣмъ же причинамъ, по которымъ сдѣлались сильно и мистически религіозными въ православномъ духѣ московскіе славянофилы: Хомяковъ, Аксаковы, Самаринъ. Вѣлёпольскій вскормленъ романтизмомъ, онъ знаетъ наизусть Шиллера, Гёте, обожаетъ Шекспира, вѣритъ въ провидѣніе и озабоченъ сохраненіемъ религіозной подкладки въ учрежденіяхъ и нравахъ (16). Отчужденіе религіи отъ общества одинаково вредно по его понятіямъ, проявляется ли оно въ видѣ теоріи, требующей религіи даже безъ людей, т.-е. истребляющей для нея племя человѣческое (инквизиція), или въ видѣ теоріи, отрѣшающей общество отъ религіи (проповѣдуемый нынѣ атеизмъ права). Кромѣ религіи существуетъ другая сила въ обществѣ, уничтожающая порою всѣ предначертанія законодателя. „Духъ событій,—замѣчаетъ Вѣлёпольскій (17),—насмѣхается надъ человѣческими расчетами. Фабриканты основныхъ законовъ думаютъ въ

мудрости своей, что у нихъ двѣ палаты: пэровъ и депутатовъ, и, приписывая тому великую важность, день и ночь ломаютъ голову надъ равновѣсіемъ властей, между тѣмъ провиденціальное развитіе человѣческихъ судебъ въ своей конституціи обѣ эти палаты превращаетъ въ одну *отрицательную*, а за ними ставитъ особую палату, которой совѣщанія, тайны, хотя происходятъ при открытыхъ дверяхъ, которой засѣданія отбываются въ совокупности общественнаго союза и которую слѣдовало бы назвать *положительною*". Религіозность Вѣлёпольскаго не клерикальная; она совмѣщается съ философскимъ свободомысліемъ, съ тою философіею, которая сама была, по справедливому указанію А. Конта, видоизмѣненною формою вѣрованія, очищенною отъ грубаго антропоморфизма, а именно съ метафизикою. Вѣлёпольскій, подобно русскимъ людямъ сороковыхъ годовъ обоихъ лагерей—западническаго и славянофильскаго,—метафизикъ, трансцендентальный идеалистъ, гегеліанецъ, но гегеліанецъ правой стороны. Цѣлая группа поляковъ разработывала гегелевскую философію, но не прерывая связей съ вѣрою, напротивъ того, пытаясь привить къ дряхлѣющей религіи свѣжія силы, содѣйствовать возрожденію религіи посредствомъ философіи. По понятіямъ Вѣлёпольскаго (3), христіанство, лежащее въ основѣ современнаго общества, въ своемъ постепенномъ органическомъ развитіи выводитъ наружу всѣ новыя созданія умозрительныя и общежительныя; къ числу такихъ порожденій христіанства отнесена и настоящая (т.-е. трансцендентальная) философія. Совсѣмъ въ духѣ этой философіи Вѣлёпольскій опредѣляетъ человѣка какъ *бытіе, основанное на идеѣ* или какъ *идею, воплощающуюся въ бытіе* (18). Сама истина есть нѣчто реальное, не только искомое, но и ищущее человѣка, идущее ему навстрѣчу и открывающееся ему въ событіяхъ благопріятныхъ или противныхъ; иногда она является ему въ золотомъ сіяніи зари—надежды или въ яркомъ лучѣ радости, иногда въ черной тучѣ страданій, горестей или отчаянія (11). Побѣды ея поражаютъ какъ нѣчто чудес-

ное. Громадная масса жизни и сопротивленія наполняетъ міръ, а съ другой стороны малъ и едва видимъ зародышъ вѣчной истины. Но истина одушевляетъ малочисленныхъ исповѣдующихъ ее послѣдователей надеждою нескончаемой будущности, такъ что, несмотря на отворачивающуюся отъ нихъ дѣйствительность, они бываютъ долготерпѣливы (longanimi). Ничто не знакомитъ насъ такъ хорошо съ непреоборимою силою истины, какъ исторія; надобно только умѣть ее изучать, сравнивая наши состоянія съ состояніями людей въ отдаленнѣйшія времена по сходству ихъ или различію (25). Событія всякаго періода или вѣка имѣютъ свой риѳмъ движенія, свои фазы или, такъ сказать, *свои историческія времена года*. Случается, что общее, или принципы общежитія укладываются спокойно, залегая, такъ сказать, на днѣ общества; поле дѣйствія для единицъ представляется тогда шире; онѣ образуютъ какъ бы горельефы на спокойной поверхности общества (32). Но бываютъ также историческія времена года, къ числу коихъ авторъ относитъ и переживаемую имъ эпоху, когда все перепутано, пріостановлено, ни одно изъ соціальныхъ осложненій не разрѣшается, каждый опасается разрѣшать ихъ, чтобы весь порядокъ вещей не былъ вдругъ внезапно возмущенъ и переиначенъ. Всѣ чего-то ждутъ, откладываютъ и имѣютъ въ виду то, что спутанное какъ-нибудь развяжется безъ ихъ содѣйствія. Каково время, таковы и его герои. Вѣлёпольскій относится къ нимъ свысока и иронически, какъ великанъ къ карликамъ: въ подобныхъ эпохахъ всплываютъ наружу одни *полу-люди*, столь же сами въ себѣ запутанные, какъ и порядокъ дѣлъ, составляющій стихію, въ которой они плаваютъ, безхарактерные, лишенные убѣжденій, прикрывающіе свое убожество обиліемъ словъ, но мнящіе, что они ходъ дѣлъ заперли на свою задвижку (32). Невыгодной характеристикѣ времени дано и удовлетворительное объясненіе. Наше время отличается тѣмъ, что глубины общества возмущены движеніями общихъ принциповъ, при чемъ сглаживаются остатки и слѣды спокойнаго пребыванія въ корпоративныхъ, семей-

ныхъ и мѣстныхъ отношеніяхъ, а новымъ отношеніямъ не дано образоваться и крѣпнуть. Общество подобно жидкости, которая должна устояться, прежде чѣмъ кристаллизуются плавающія въ ней твердыя частицы. Эта черта понятна какъ реакція противъ прошлаго вѣка, когда общее было запущено, а преобладали частныя отношенія; слѣдовательно, когда общее заявило свои требованія, то пало все то, что̀ разрослось въ ущербъ общему. Возвратъ къ спокойному состоянію требуется и необходимъ; запутанное распутается, взбаломученное успокоится, но не скоро (29); пока это спокойствіе наступитъ, движеніе событій и преображеніе отношеній следуютъ столь быстро, что всякій фиксированный ихъ образъ моментально старѣетъ, и книга, и наука отстаютъ отъ дѣйствительности, которая только и можетъ быть познана посредствомъ общенія съ другими людьми (21). Не хороша эпоха, но поносить ее было бы безполезно и безсмысленно. Надо только не разсчитывать на счастіе въ томъ количествѣ, въ какомъ оно достается въ болѣе спокойныя времена. Достаточно имѣть какой-нибудь его зачатокъ, который надо растягивать, пользуясь имъ умѣло, подобно золотой пластинкѣ, которая до безконечности ковка и растяжима (36).

Вслѣдствіе свойства времени, въ которомъ событія несутся ураганомъ и наука отстаетъ и ветшаетъ, а можетъ быть и вслѣдствіе своей умственной организаціи, болѣе склонной къ дѣйствованію, нежели къ созерцанію, Вѣлёпольскій не могъ сдѣлаться кабинетнымъ ученымъ— быть только наблюдателемъ событій. Онъ преклоняется передъ твореніями великихъ созерцателей: ихъ писанія похожи на гранитное основаніе, на которомъ располагаются въ видѣ разнообразныхъ горныхъ кряжей общественныя пріобрѣтенія. Знакомство съ ними даетъ подкладку для сужденій о ближайшемъ будущемъ, бѣлѣющемъ въ облакахъ надъ плоскостью настоящаго (12). Но роль, которая ему больше всего улыбается, есть, конечно, роль направляющаго событія историческаго человѣка. Такой человѣкъ долженъ обладать въ высшей степени качествами

долготерпѣнія и *нетороплиности* и не забѣгать впередъ событіямъ, пока и онъ, и истина взаимно для себя не созрѣютъ (3). Онъ долженъ не только отрѣшиться отъ надеждъ достиженія личнаго счастія, но и отъ надеждъ на успѣхъ своихъ идей и дѣйствовать безъ самолюбія. Никогда — говоритъ Вѣлёпольскій — не слѣдуетъ ставить себѣ правиломъ, чтобы (моя) личность одержала верхъ или осталась неприкосновенною, но всегда имѣть въ виду цѣль, которая нами должна быть осуществлена. Ради этой цѣли, почерпаемой въ высшемъ порядкѣ вещей, мы должны измѣнять образъ дѣйствія сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ, но не тормозить дѣла. Вся суть въ томъ, чтобы дѣло, которому человѣкъ служитъ, одержало верхъ, а не въ томъ, чтобы восторжествовала его личность, разсматриваемая отдѣльно отъ дѣла (33). Онъ обязанъ вникать не только въ то, что̀ жизнь несетъ на своей поверхности, но и въ тѣ болѣе глубокія наставленія, которыя, какъ болѣе грузкія, обрѣтаются въ ея нѣдрахъ. Въ рѣдкихъ мѣстахъ золото и драгоцѣнные камни лежатъ на поверхности земли или въ прозрачныхъ ручьяхъ; всего чаще сокровища добываются только съ трудомъ (30). Дѣйствіе историческаго человѣка не должно быть похоже на сильный разливъ водъ, которыя изсякаютъ тотчасъ при дѣйствіи солнца, но на теченіе глубокой рѣки, которая, хотя и сверкаетъ, но независимо отъ волненія поверхности всю силу теченія хранитъ въ глубинахъ своего русла (24). Нельзя отъ дѣятеля ожидать, чтобы онъ былъ великъ ежеминутно, такъ какъ жизнь каждаго человѣка, имѣющаго обширныя отношенія, развивается только въ длинныхъ рядахъ дѣяній. Потому всякій человѣкъ долженъ помириться съ тѣмъ, что его не пойметъ масса, которая умѣетъ разсматривать однѣ только мелочи; этому недостатку онъ не поможетъ словами, а только полнымъ развитіемъ всѣхъ своихъ дѣйствій (22). Его не должны смущать даже опустошенія или развалины. Достаточно признать себя упавшимъ, когда насъ опрокинетъ теченіе событій, но не надо предупреждать свое паденіе упадкомъ

бодрости и труда (27). Величіе дѣятеля заключается въ томъ, чтобы онъ „основалъ свой принципъ, простирающійся на всю совокупность человѣческихъ отношеній, не на побочныхъ и поверхностныхъ требованіяхъ, но на существенныхъ элементахъ общежитія". Иногда такой дѣятель является преждевременно; тогда его и устраняетъ стеченіе обстоятельствъ, на немъ отразится злосчастіе историческаго времени года. Но и такіе неудачники приносятъ пользу. Они должны утѣшать себя тѣмъ, что не съ нихъ начинается исторія и не на нихъ она кончается, что потокъ событій оставитъ ихъ за собою; что такихъ людей, какъ они, хотя бы и превзойденныхъ теченіемъ вѣка, иначе будетъ судитъ исторія, нежели чернь (motłoch) или сборище галдящихъ резонеровъ (rozprawiaczy), для которыхъ все содержится въ днѣ настоящемъ, а маленькій отрѣзокъ совокупности вѣковъ служитъ мѣркою всей совокупности вѣковъ. Историческій человѣкъ не создаетъ для себя своей задачи; безъ выбора его и воли, самою жизнью вложены въ область дѣятельности его извѣстные элементы общежитія; все его назначеніе — предать себя беззавѣтно и вполнѣ служенію одного какого-нибудь подобнаго элемента (31). Если ему и не слѣдуетъ торопиться, то съ другой стороны ему нельзя и упускать время. Каждый великій дѣятель можетъ имѣть успѣхъ и достигнуть вершины славы только при извѣстномъ кризисѣ среди постояннаго оборота событій. Чѣмъ сильнѣе и опредѣленнѣе его характеръ, тѣмъ исключительнѣе предназначенъ онъ для одной какой-либо исторической минуты. Весь секретъ его дѣятельности заключается въ совмѣщеніи двухъ условій: постояннаго вниманія, обращеннаго на все испытуемое, и дѣйствованія по совершенно яснымъ понятіямъ (24). Такая только дѣятельность нормальна; Вѣлёпольскій величаетъ ее, называя ее *ясною*, *крѣпкою*, *трезвою*, *здоровою*. Дѣятель долженъ ежеминутно наблюдать, не раздавитъ ли онъ безсознательно засновывающейся ткани событій, не запутаетъ ли онъ въ нее ногъ своихъ (25). Но когда настало время дѣйствовать, то, не скрещивая дѣйствій

(т. е. не предпринимая одно другому противныхъ дѣйствій), онъ долженъ предать себя всецѣло настоящему теченію обстоятельствъ, произнося вмѣстѣ съ Гамлетомъ: He that hath the steerage of my course direct my sail (кто мой рулевой, тотъ да ставитъ и паруса мои), и думать только о подходящихъ средствахъ. Часто люди не успѣвали въ своихъ задачахъ не потому, чтобы перемѣнили убѣжденія, но только потому, что не могли преодолѣть себя и заставить выбрать тѣ средства, которыя только и могли повести къ цѣли (27). Каждое отправленіе слѣдуетъ совершать, когда оно представится уму, какъ совершенно опредѣленная задача, вытекающая изъ положенія нашего. Когда пропущена минута, въ которую мы могли дѣятельностью нашею помочь выходу плода, то мы тотчасъ и выпускаемъ изъ вниманія нашего тѣ дѣйствія, которыя надо было совершить, но они возвращаются потомъ и преслѣдуютъ насъ, какъ привидѣнія, такъ что мы не обрѣтаемся ни въ томъ, что было и уже пропущено, ни въ томъ, что имѣется въ настоящемъ (26). Коль скоро мы зорко слѣдимъ за тѣмъ, что каждый день съ собою приноситъ, намъ не зачѣмъ наполнять систематически каждый день извѣстными занятіями (30). Даже общіе планы дѣйствій на то только пригодны, чтобы сообразоваться съ ними приблизительно. Нелѣпо думать, что Провидѣніе можетъ быть нами обнято и принуждено слѣдовать шагъ за шагомъ по составленному нами маршруту (3).

Въ этихъ мысляхъ, выраженныхъ сжатымъ, образнымъ и даже своеобразнымъ слогомъ, отразился довольно выпукло образъ человѣка, который, зная себѣ цѣну, сознавая свою силу и способности, не находящія по стеченію обстоятельствъ соотвѣтствующаго имъ поприща для дѣятельности, упражняется, въ теченіе многихъ годовъ, въ изученіи себя самого, перебираетъ всѣ возможныя положенія, въ которыя можетъ онъ быть поставленъ, когда придетъ моментъ, котораго онъ ожидаетъ съ вѣрою въ его наступленіе, и который обдумываетъ до мелкихъ подробностей, какъ ему слѣдуетъ дѣйствовать, когда моментъ насту-

питъ.—Моментъ скрывался въ облакахъ и совсѣмъ было не похоже на то, чтобы онъ когда-нибудь наступилъ. Строить идеалы будущихъ реформъ общества значило бы забавляться утопіями, но можно было чертить идеалы метода, и такіе именно идеалы чертилъ Вѣлёпольскій. Замѣчательно, что онъ остался имъ до мелочей вѣренъ, когда потомъ, спустя четверть вѣка, ему пришлось дѣйствовать. Идеалъ метода и программы дѣйствій очевидно прилажены къ умственной организаціи автора. Человѣкъ онъ далеко не сухой, не черствый, напротивъ того, даже нѣжный и чувствительный. Онъ сожалѣетъ (6, 7) о томъ, что пережитыя впечатлѣнія стираются, что нельзя возобновлять ихъ съ прежнею свѣжестью, съ ощущеніями испытанныхъ радости или горя. Нельзя оставаться на точкѣ зрѣнія непосредственнаго чувства, не должно также отрѣшаться отъ всякихъ чувствъ и превращаться въ мертвенное отвлеченіе. Единственный выходъ изъ затрудненія даетъ рефлексія (rozwaga), которая не уничтожаетъ впечатлѣній, но подвергаетъ ихъ броженію, сопоставляетъ разныя состоянія ума, объединяетъ ихъ и въ этомъ объединеніи движется и живетъ. Чувства, растворенныя подобною рефлексіею, утрачиваютъ свою непосредственную яркость, умъ какъ будто бы сталъ бѣднѣе, но это обѣднѣніе вознаграждается прибыткомъ правды, крѣпости и ясности. Чувство, порождаемое этимъ состояніемъ души, превосходитъ всякія другія. Вѣлёпольскій не только человѣкъ рефлексіи, онъ прежде всего человѣкъ сильной воли: совершенство не можетъ заключаться въ превознесеніи одной способности души надъ другими, оно заключается въ держаніи ихъ въ гармоніи и единствѣ, въ крѣпкомъ заправленіи ими (8), иными словами, въ *силѣ воли*, разумѣется при предположеніи, что мы имѣемъ дѣло съ умомъ и теоретическимъ и практическимъ, одинаково способнымъ и наблюдаемое объединять и объединенное, т. е. теорію, осуществлять, и начинающимъ дѣйствовать только тогда, когда онъ доберется по каждому вопросу до теоретической основы, т. е. до совершенно ясныхъ понятій (5).

Понятно, что Вѣлёпольскій — человѣкъ авторитета и порядка. Сторона воли, т. е. практической дѣятельности необходима по его понятіямъ даже въ области мышленія. До начала дѣйствія мысли похожи на силы до созданія міра, независимыя, разыгрывающіяся особнякомъ, дѣйствіе сопрягаетъ ихъ и вводитъ въ одно дѣло, въ общій результатъ (33). — Посредствомъ упражненія пріобрѣтается навыкъ дѣйствовать послѣдовательно и не запаздывая, такъ чтобы появленіе надобности дѣйствовать было и сигналомъ немедленнаго исполненія. Слѣдствіемъ сего навыка пріобрѣтаются извѣстныя практическія *острота и чутье* въ отысканіи подлежащей точки выхода и прямѣйшаго пути къ цѣли (26). Пріобрѣлъ ли Вѣлёпольскій эту практическую остроту и чутье, которыя онъ выше всего ставилъ и считалъ главными качествами государственнаго человѣка? На этотъ вопросъ можно скорѣе отвѣчать отрицательно. Онъ былъ гораздо больше теоретикъ, нежели практикъ; гибкости, умѣнья по временамъ извиваться и хитрить не было у него вовсе, въ выборѣ людей зачастую онъ ошибался; хотя физически очень близорукій, онъ имѣлъ въ политическихъ соображеніяхъ всѣ качества дальнозоркаго, предвидящаго, что̀ будетъ чрезъ десятки лѣтъ, но не всегда различающаго, что дѣлается вблизи его. По крайней мѣрѣ ему не удавалось иногда то, въ чемъ успѣвали люди просто ловкіе, и предположенія его проваливались просто потому, что онъ цѣнилъ слишкомъ низко ту массу сопротивленія, которую должны были встрѣчать его несомнѣнно вѣрныя, но непопулярныя идеи. Ему свойственна была порою та слѣпота, которая присуща великимъ дѣятелямъ, которые вѣрятъ въ непосредственную осуществимость своихъ замысловъ, но не стали бы ихъ и осуществлять, если бы взвѣсили пассивное сопротивленіе, представляемое инертною средою. Очень можетъ быть, что та неуживчивость, отсутствіе гибкости и ловкости, въ которыхъ упрекали маркиза, когда онъ сталъ министромъ, должны быть въ значительной части отнесены на счетъ того обстоятельства, что ему пришлось

ждать весьма долго, что власть получилъ онъ имѣя $57^{1}/_{2}$ лѣтъ, когда большинство его сверстниковъ дѣлались ни на что неспособными, послѣ столькихъ десятковъ лѣтъ ожиданія и когда имѣвшіяся когда-то у нихъ способности могли уже подвергнуться атрофіи. Во всякомъ случаѣ, маркизъ былъ политикъ-реалистъ, нисколько не похожій на неузнанныхъ великихъ людей, которые кишмя кишѣли въ Россіи въ сороковыхъ годахъ и которыхъ не мало было и въ Польшѣ и въ Европѣ съ легкой руки расплодившаго ихъ Байрона. Вѣлёпольскому совсѣмъ чужда была идея, что большому кораблю только и подобаетъ большое плаваніе. Ничто, — говоритъ онъ (42), — не дѣлаетъ души доступнѣе злу, какъ отсутствіе призванія и профессіональныхъ занятій. Она, коль скоро праздна, то становится похожею на кладъ, вокругъ котораго бродитъ злой духъ, пытаясь его похитить. Лучше занятіе горькое, тяжкое, сопряженное со страданіями и даже пригнетающее личность, нежели пустота, которая даетъ личности разрастись не въ мѣру (44). Въ совершенную противность романтикамъ, которые съ Мицкевичемъ (Oda do młodości) твердили: соразмѣряй силу съ намѣреніемъ, а не намѣреніе съ силой,—Вѣлёпольскій предлагаетъ держать себя въ области практически возможнаго (4) и даетъ слѣдующій драгоцѣнный совѣтъ, который слѣдовало бы записать золотыми буквами: ошибочно думать, что сфера политики въ общежитіи объемлетъ все, а всѣ другія отношенія не болѣе какъ дрянной матеріалъ, служащій ей подстилкою, неимѣющій никакой самостоятельной цѣнности и могущій быть пренебрегаемымъ. Каждое общественное отношеніе, напримѣръ семейное или мѣстное, входитъ въ общежитіе, какъ моментъ или элементъ, и имѣетъ нескончаемые вѣсъ и цѣнность (20). Какъ думалъ Вѣлёпольскій, такъ онъ и дѣйствовалъ. Послѣ 1831 г. онъ сознавалъ, что „наши столицы теперь въ селеніяхъ нашихъ и деревняхъ, что сельская жизнь, разумѣется, при условіяхъ быта помѣщика, теперь единственное для насъ поприще общественное и единственная отчизна“ (Lettre d'un gentilh. pol.).

Съ крестьянами онъ ладилъ хорошо и приводилъ въ исполненіе переоброченіе ихъ съ отмѣною барщины въ своей ординаціи, о чемъ мы поговоримъ обстоятельнѣе, когда коснемся его государственной дѣятельности по аграрному вопросу. При полномъ прекращеніи всякой жизни общественной послѣ 1831 г., маленькое развлеченіе и предметъ, возбуждающій интересъ, представляло земское кредитное общество, созданное талантливымъ министромъ финансовъ, княземъ Друцкимъ-Любецкимъ, управленіе коего пополнялось по выборамъ отъ заемщиковъ-помѣщиковъ. Вѣлёпольскій принималъ самое дѣятельное участіе въ этихъ выборахъ. Какъ крупный землевладѣлецъ, онъ былъ примѣрнымъ администраторомъ и привелъ въ порядокъ и благосостояніе свои ординатскія имѣнія. Политика вовсе его не занимала до 1846 года, когда галиційскія событія взволновали его, произвели желчное настроеніе и вызвали отставшаго бойца на литературную арену. *Письмо польскаго шляхтича*, изданное безымянно въ Парижѣ въ 1846 г. (Lettre d'un gentilhomme polonais sur les massacres de la Galicie adressée au prince de Metternich à l'occasion de sa dépêche circulaire du 7 mars 1846. Paris, Jules Renouard et C-ie), не только поразило силою страсти, негодованія, гнѣва, но и озадачило современниковъ оригинальностью неожиданныхъ выводовъ; кромѣ того, оно послужило Вѣлёпольскому впослѣдствіи ступенью для достиженія власти. Таковы соображенія, заставляющія подольше на немъ остановиться.

V.

„Письмо польскаго шляхтича", 1846.

Польское выходство послѣ 1831 г. играло не безъ извѣстнаго успѣха роль національнаго правительства, которое вело подземную войну съ настоящимъ. Значенію его содѣйствовали въ значительной степени какъ полное

прекращеніе для поляковъ всякой дѣятельности общественной на родинѣ, такъ и подавленность литературы на той же родинѣ вслѣдствіе цензурныхъ стѣсненій. На родинѣ ничего дѣльнаго нельзя было печатать, вслѣдствіе чего общество питалось съ жадностью парижскими запретными плодами, взывающими языкомъ, исполненнымъ страсти, къ повстанію, т. е. къ простой и ясной реставраціи въ до-раздѣльныхъ границахъ. Цѣль была одна, споръ былъ о средствахъ. Одни возстановляли отечество помощью вмѣшательства европейскихъ кабинетовъ. Другіе подстрекали крестьянъ противъ помѣщиковъ приманкою дарового земельнаго надѣла, иными словами возсоздавали Польшу посредствомъ индиферентнаго къ ней мужичья, истребляя тотъ классъ, въ которомъ хранилось о ней преданіе или, по счастливому выраженію проф. Шуйскаго, поднимали семь вѣковъ самой аристократической исторіи на острiѣ мужицкой косы. Возможность столь безумныхъ затѣй только и можетъ обусловливаться такимъ разобщеніемъ управляющихъ отъ управляемыхъ, при которомъ первые не знаютъ что̀ творится у послѣднихъ и могутъ быть застигнуты врасплохъ. Чѣмъ неожиданнѣе былъ сюрпризъ, тѣмъ была больше и слѣдовавшая за нимъ паника. Мѣстные австрiйскіе чиновники, когда обнаружились первые признаки польскаго заговора, простиравшагося на Познань, Краковскую республику и Галицію и имѣвшаго ростки въ Царствѣ Польскомъ, прибѣгли къ тому же крестьянину, котораго возбуждали и повстанцы; организовано было избіеніе дворянъ, выпущены каторжники изъ тюремъ (въ числѣ ихъ прославился нѣкто Шеля) и бецирксъ-гауптманы платили деньги за каждаго доставленнаго живымъ или мертвымъ шляхтича поголовно. Старый Меттернихъ оправдывалъ эти административныя сатурналіи циркуляромъ. Россія сдѣлалась на время популярна въ Галиціи и Краковѣ, вслѣдствіе того, что при нетерпящемъ безначалія и всякаго союза съ соціально-революціонными элементами императорѣ Николаѣ, войска русскія на границѣ давали въ то время пристанище

бѣглецамъ изъ шляхты галиційской, но не пропускали ихъ убійцъ, и что крестьянское движеніе, сопровождаемое временною пріостановкою барщины, не коснулось вслѣдствіе такого образа дѣйствій Царства Польскаго. Таковы были факты. Вѣлёпольскій въ то время находился съ семействомъ во Вроцлавѣ (Breslau); брошюру онъ издалъ безъ имени автора, но не скрывалъ передъ знакомыми, что она ему принадлежитъ, не опровергалъ печатно ея происхожденія и даже призналъ ее косвенно въ предисловіи къ изданію Bibliotekа Ordyn. Mysz., 1860. По мнѣнію профессора Тарновскаго, брошюра сплошь писана въ увлеченіи одного страстнаго порыва, въ пылу негодованія на Австрію, ради котораго маркизъ предавался Россіи душою и тѣломъ, что въ сущности составляло отступленіе отъ его позднѣйшей политической программы, шедшей по пути единенія, но на весьма опредѣленныхъ условіяхъ. Взглядъ этотъ кажется намъ невѣрнымъ и несоотвѣтствующимъ чувствамъ и характеру маркиза. Вѣлёпольскій не былъ изъ числа людей увлекавшихся, волновавшихся, совершающихъ въ аффектѣ что-либо, о чемъ приходилось бы жалѣть, беря назадъ сказанное. Притомъ ему было за сорокъ лѣтъ, а въ эти годы рефлексія держитъ въ уздѣ аффектъ. Проявленіе сильнѣйшаго негодованія въ огненныхъ, исполненныхъ страсти, выраженіяхъ можетъ быть намѣренное, какимъ оно бываетъ, напримѣръ, у адвоката или у парламентскаго оратора, который умѣетъ задумать нѣчто, потомъ его прочувствовать и, съ умысломъ воспламенившись, повлечь одушевленныхъ его страстнымъ словомъ читателей или слушателей къ ясно сознанной имъ цѣли. *Письмо шляхтича* представляетъ собою, по нашему мнѣнію, блистательный образчикъ такого практическаго краснорѣчія, попытку разрѣшить съ успѣхомъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ: обратить соотечественниковъ, пользуясь галиційскими событіями, на путь не только чуждой имъ дотолѣ, но и ненавистной славянской теоріи, внушить имъ, въ пылу ихъ негодованія на Австрію, идею о воз-

можномъ когда-нибудь русско-польскомъ единеніи. Если подвергнуть нынѣ это письмо химическому, такъ сказать, анализу, то окажется, что оно состоитъ изъ двухъ совершенно разнородныхъ, весьма искусственно сплавленныхъ частей: политической программы издавна, съ 1831 г., желаемаго русско-польскаго союза, независимой отъ галиційскихъ событій, и мыслей, навѣянныхъ этими событіями и направленныхъ къ тому, чтобы загнать силою страсти негодующихъ земляковъ въ разставленныя сѣти программы русско-польскаго союза. Раздѣлимъ эти два элемента—глубокій расчетъ и преходящую страсть.

Расчетъ былъ вѣренъ, но далеко не новъ. Вѣлёпольскій самъ выражался потомъ (Bibl. Ord. Mysz., 1860; przedmowa), что онъ только выписывалъ изъ сочиненій демократа Сташица то, что было уже сказано симъ послѣднимъ. Добавимъ, что маркизъ точно также могъ бы сослаться на Адама Чарторыскаго, на министра Мостовскаго, на Линовскаго, на многихъ иныхъ публицистовъ, министровъ и ораторовъ русской партіи въ конституціонномъ Царствѣ Польскомъ, съ которыми у него было общая исходная точка—та, что прежняя Польша исчезла дотла, новую надо исподоволь и по кусочкамъ строить, а всего легче это сдѣлать подъ сѣнью русскаго орла и на почвѣ общеславянскаго единенія. Идею эту хорошо постигали многіе до 1830 г., потомъ отъ нея отвернулись, и взяла верхъ противная ей идея чистой реставраціи. Не новую идею Вѣлёпольскій проповѣдуетъ, излагая ее слѣдующими разумными словами: „Готовится новая будущность, надо на что-нибудь рѣшиться. Вмѣсто безпорядочнаго похода наудачу, надобно избрать здравый и указываемый событіями образъ дѣйствія посредствомъ смѣлой рѣшимости, которая не обойдется, конечно, безъ боли сердечной. Вмѣсто того, чтобы истощаться вымаливаніемъ себѣ положенія на Западѣ, мы можемъ, войдя въ себя, создать себѣ будущность въ противоположномъ концѣ и проложить себѣ дорогу сквозь нѣдра колоссальной державы. Становясь болѣе и болѣе неспособными совладать со своею

судьбою, какъ политическое цѣлое, какъ государство, мы можемъ обрѣсти новую, какъ люди того же племени... Въ сознаніи славянскаго единства должны погаснуть ненависти наши. Въ строгости угнетающаго насъ въ Россіи управленія мы сами на половину виноваты... Какъ только мы перестанемъ позировать въ видѣ рабовъ, наши владыки даже нехотя должны будутъ сдѣлаться нашими собратьями... Польскому дворянству выгоднѣе стать вмѣстѣ съ русскими во главѣ новой, сильной и имѣющей великую будущность славянской цивилизаціи, нежели быть толкаемымъ, презираемымъ, ненавидимымъ, и тащиться позади за вашею (князь Меттернихъ, т. е. западно-европейскою) цивилизаціею, которая дряхла, придирчива и самоувѣренна". Авторъ не предлагаетъ вовсе того, чѣмъ пугаютъ западную Европу подъ именемъ панславизма, т. е. сліянія „всѣхъ ручьевъ въ одно общее русское море", со всѣми своими особенностями и языками. Какъ онъ далекъ отъ подобной утопіи, это доказываетъ ссылка на остзейскія провинціи, которыя оказываютъ въ качествѣ нѣмецкаго элемента важное вліяніе на судьбы Россіи, между тѣмъ какъ съ другой стороны онѣ служатъ основаніемъ вліянія Россіи на Германію, послѣдствія котораго дадутъ себя въ будущемъ чувствовать. Исключите ихъ или денаціонализируйте—и исторія обѣднѣетъ. Предлагаемое Вѣлёпольскимъ единеніе—только политическое, при національной раздѣльности. Выводы единенія обрисованы слѣдующимъ образомъ: „Вслѣдствіе нашего (т. е. польскаго) содѣйствія силы имперіи получили бы громадное приращеніе. Она бы внутренно окрѣпла, освободившись отъ лихорадки, причиняемой ей нашими сопротивленіями. Она обогатилась бы всѣми умственными и нравственными способностями нашего племени, которыхъ вліяніе тотчасъ бы обнаружилось. Кто знаетъ, можетъ быть внутреннія страданія русскаго народа облегчились бы вслѣдствіе этой примѣси польскаго элемента, и наше общее славянство вышло бы лучше и богаче, чѣмъ каждая изъ отдѣльныхъ привходящихъ народностей. Наконецъ, черезъ насъ имперія

пріобрѣла бы вліяніе во всѣхъ странахъ, обитаемыхъ нашими братьями, и неудержимо было бы ея обаяніе по отношенію къ славянскимъ населеніямъ Юга и Запада". Еще болѣе велики и заманчивы выгоды, сулимыя авторомъ своимъ землякамъ:

„Взамѣнъ нашихъ взносовъ въ пользу Россіи, она доставила бы племени нашему обширное поприще общественной работы, положительныхъ и первостепенныхъ интересовъ, чѣмъ бы наполнилась въ отчаяніе приводящая пустота нашего положенія въ настоящемъ. Наше состояніе—состояніе раба и попрошайки; оно унижаетъ насъ и развращаетъ. Лихорадочно и праздно гоняясь за неуловимымъ будущимъ и беззаботливо упуская безвозвратно отлетающее настоящее, нашъ разумъ портится, наши чувства извращаются; злоба, съ которою мы вкушаемъ нашъ хлѣбъ насущный, умаляетъ въ насъ достоинство человѣческой природы. Красивыя черты польскаго характера подвергаются разложенію. Вмѣсто доблестей отцовъ, ихъ великодушія и доброты, ихъ благороднаго честолюбія, развиваются все больше дерзость, низость, зависть. Даже пороки ихъ мельчаютъ въ насъ: внушительный хаосъ ихъ крамолъ замѣняется мелкою злостью и дрязгами нашихъ ссоръ. Наша общественная жизнь вся только въ словѣ, истощающемъ остатокъ силъ. Жужжаніе распрей выдаетъ себя за общественное мнѣніе. Слова нашего прекраснаго языка теряютъ смыслъ и перестаютъ обозначать реальныя вещи. Отборныя души, наши вожатаи пропадаютъ въ гигантскихъ потугахъ, поѣдаемые преждевременно скорбью и смертью, сердца высыхаютъ, умы озлоблены; образъ истины темнѣетъ. Даже надежда вырождается: матери питаютъ младенцевъ кровью и желчью, отравляя молодыя поколѣнія... Нѣтъ, не по волѣ Божіей та вѣковая злость въ сердцахъ нѣсколькихъ, слѣдующихъ одно за другимъ, поколѣній. Отечество для насъ не можетъ быть тѣмъ идоломъ, которому бы надлежало приносить въ жертву великіе интересы человѣчества и вѣчныя начала общественнаго порядка".

Такова не новая, но сильно прочувствованная идея! Ей дано только своеобразное приложенiе: авторъ освѣтилъ ее заревомъ пылающихъ и окровавленныхъ помѣщичьихъ дворовъ въ Галицiи и пытается, нельзя ли во имя мести заставить земляковъ повернуться и стать противъ Запада. Этотъ Западъ въ глазахъ Вѣлёпольскаго считается въ сущности такимъ же отходящимъ и если не гнилымъ, то дряхлымъ (civilisation décrépite), какимъ считаютъ его московскiе славянофилы, у которыхъ оказывается вдругъ, что есть точка соприкосновенiя съ маркизомъ. Для достиженiя своей цѣли Вѣлёпольскiй употребляетъ слѣдующiй прiемъ: онъ беретъ за бока дряхлаго канцлера австрiйскаго и, ставя его подъ позорнымъ столбомъ, бичуетъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и политику, которая, совершая безчеловѣчiя, безстыдно утверждаетъ, что она и есть цивилизацiя. Онъ говоритъ князю приблизительно слѣдующее:

„Вы раздѣлили Польшу—мы не жалуемся на то; вы побѣдители, а горе побѣжденнымъ. Законнымъ владыкою въ разобранномъ государствѣ была истребляемая вами шляхта. Вы присвоили себѣ и права короля и все политическое полновластiе этой отрѣшаемой отъ господства шляхты. И то вы сдѣлали по праву, по праву побѣдителя. Лишенная своего политическаго значенiя, шляхта образовала однако особое состоянiе на ряду съ другими. Положить конецъ ея исключительному положенiю, уравнить ее съ другими состоянiями, подведя подъ одинъ съ ними знаменатель, вы были также въ правѣ, тѣмъ болѣе, что сама шляхта въ послѣднiе годы свои стремилась къ такому уравненiю въ правахъ. Оставалось ей послѣ паденiя нѣчто столь малое, столь ничтожное, что о немъ едва ли стоитъ говорить, бытiе невзрачное, жизнь совмѣстно съ крестьянами и между крестьянами, единственная наша общественная дѣятельность, единственное отечество. Наше отношенiе къ крестьянамъ подлежало либо охраненiю его, какъ оно есть, либо, если оно признано вреднымъ, разрѣшенiю его посредствомъ немедленной отмѣны съ выку-

помъ, какъ то учинено въ Пруссіи; только такая отмѣна достойна названія аграрнаго законодательства: крестьянинъ пересталъ быть подвластнымъ и сдѣлался просто сосѣдомъ своего помѣщика. Но вы-то именно и сохранили барщину, обративъ ее притомъ въ орудіе господства. Вы растравляли и старались разбередить это отношеніе, умножая полицейскія распоряженія и плодя цѣлый классъ чиновниковъ, происходящій отъ гніенія отношенія между крестьяниномъ и помѣщикомъ, кормящійся этимъ гноемъ и междоусобіемъ. Вы не допускаете даже просвѣщать этотъ умственно запущенный людъ крестьянскій; вы удаляете отъ него приходскихъ священниковъ, а разводите только монашескія конгрегаціи и іезуитовъ. Ваши школы—верхъ отсталости; въ семинаріяхъ и богословскихъ факультетахъ царитъ сухой раціонализмъ временъ Іосифа II. Въ теченіе семидесяти лѣтъ твердя, что дворянство—подпора трона и что польская національность для васъ неприкосновенна, вы втолковывали простолюдину, что онъ не полякъ, что поляки—одна шляхта; вы его искушали, а когда результатъ обнаружилъ вашу несостоятельность, вы рѣшились на злодѣяніе и обагрили руки кровью". Вѣлёпольскаго возмущаетъ собственно не сама кровь (онъ не сентиментальничаетъ никогда), но лицемѣріе. Онъ предпочелъ бы явную и откровенную революцію. „Когда во Франціи,—говоритъ онъ,—поднялась великая и сильная демократія и вытравила дворянство, то было не отступленіе отъ принципа, а основаніе новаго порядка вещей; отъ того же толчка упалъ и престолъ. Гильотина пожинала головы безъ злобы и оскорбленій, но въ то же время звучала марсельеза—пѣснь будущаго. Потомки дворянъ возродились у новаго источника и обрѣли въ общегражданскихъ благахъ достаточное вознагражденіе за потерянное. Но вы, консерваторы, защитники престола и легитимности, зараженные худшею, какую можетъ испытывать правительство, болѣзнью: самооблыгиванія,—что̀ вы намъ подадите взамѣнъ послѣдняго блага, которое намъ оставалось и которое вы конфисковали? Вы отняли

у насъ сердца крестьянъ; съ тѣхъ поръ какъ началась эта рѣзня, народъ польскій пересталъ существовать—берите у насъ все, жизнь и головы наши, но верните намъ любовь нашихъ крестьянъ, а если вы обрекли насъ на избіеніе, то убивайте, но только не руками нашихъ крестьянъ".

Эта сильная выходка, заключающаяся напоминаніемъ Гётевскихъ словъ въ Фаустѣ: „Das Blut ist ein besondrer Saft", и увѣреніемъ, что авторъ до конца жизни останется врагомъ князя Меттерниха за его образъ дѣйствій по отношенію къ польской національности, но дѣйствующимъ прямодушно, честно и по-дворянски, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ не откажетъ князю въ чувствахъ личнаго уваженія, — выражала общія чувства поляковъ того времени и потому не могла не нравиться и не потрясать. Но она была только предисловіемъ къ другому, совсѣмъ уже неожиданному обращенію, которое даже и послѣ галицийскихъ событій никакъ не могло разсчитывать на такой же пріемъ у польскихъ читателей, а заставляло ихъ только сильно призадуматься. Вѣлёпольскій ставитъ порѣдѣвшіе ряды польскаго дворянства передъ престоломъ державнаго владыки сѣвера, какъ рыцаря строгаго, но прямодушнаго, какъ дворянина, какъ монарха, который никогда не отчуждалъ своихъ правъ въ руки разбойниковъ, и влагаетъ въ уста этой шляхты слова, которыя онъ сильно желалъ бы изъ устъ ея слышать: „Мы предаемъ себя всецѣло великодушнѣйшему изъ нашихъ враговъ. Мы были твои рабы по праву завоеванія, страха ради, но мы ни во что ставили вынужденную присягу; теперь мѣняется основаніе владѣнія: мы подчиняемся какъ люди вольные, по доброй волѣ и убѣжденію, не въ видѣ демонстраціи и безъ расчета. Ты намъ государь Божьею милостью, а волѣ Божьей, открывающейся въ нашихъ судьбахъ, мы должны подчиниться. Мы сбрасываемъ съ себя небезкорыстныя и обманчивыя доказательства сочувствія, дешевыя фразы, всякія гарантіи и все то, что люди торжественно величаютъ *международнымъ*

правомъ (droit des gens) — лохмотья, въ которыя насъ наряжало милосердіе Европы, но которыя не были въ состояніи прикрыть наши раны и язвы. Мы не ставимъ никакихъ условій, не дѣлаемъ оговорокъ, ты самъ судья, когда возможно будетъ смягчить строгость твоихъ по отношенію къ намъ законовъ, но въ сердцахъ нашихъ записана одна только просьба огненными буквами: взыщи за преступленіе, вспомни о пролитой славянской крови братьевъ нашихъ галиціанъ, которая вопіетъ о мести".

Это заключеніе брошюры Вѣлёпольскаго слѣдуетъ, мнѣ кажется, разсматривать какъ адвокатскій пріемъ, какъ удочку, закинутую на пробу, на авось, безъ всякой надежды на успѣхъ. На преходящемъ чувствѣ мести нельзя ничего строить въ политикѣ, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ теперешнія отношенія Галиціи и поляковъ въ державѣ Габсбурговъ. Затаенная мысль отместки можетъ вліять, но оставаясь на заднемъ планѣ и не будучи даже выставляема какъ настоящій мотивъ. Если месть за свои личныя обиды не годится въ смыслѣ самостоятельнаго мотива дѣйствія, то странно и предлагать месть за обиды чужія и притомъ за обиды такихъ третьихъ лицъ, которыя считались донынѣ самыми кичливыми и безпокойными крамольниками. Ополчиться на Австрію могла Россія только въ своихъ собственныхъ, а не чужихъ интересахъ, если бы она рѣшилась осуществлять всеславянскую идею, если бы задалась, положимъ, честолюбивыми видами всемірнаго господства посредствомъ политическаго объединенія всѣхъ славянъ. Возможность— даже самая отдаленная — чего-нибудь подобнаго должна быть признана даже и теперь полнѣйшею утопіею (замѣтимъ мимоходомъ, что Вѣлёпольскій никогда не былъ утопистомъ), и ставилось это предложеніе въ то время, когда царствовалъ монархъ, не только не расположенный къ кореннымъ измѣненіямъ карты Европы, но, по принципу, защитникъ установившагося безспорнаго владѣнія, консерваторъ и повсемѣстный охранитель легитимизма. Вѣлёпольскій могъ, конечно, и не знать о происшедшемъ

осенью 1833 г. на Мюнхенгрецкомъ съѣздѣ свиданіи обоихъ императоровъ, Николая и Франца, и объ обѣщаніи, данномъ при семъ случаѣ первымъ послѣднему опекаться по его смерти въ случаѣ нужды его хилымъ наслѣдникомъ; но то было вполнѣ извѣстно, что какъ крѣпостное право считалось пока въ Россіи незыблемою основою порядка, такъ точно неприкосновенными считались и основы вѣнскаго трактата 1815 г., а въ томъ числѣ и границы державъ священнаго союза. Съ другой стороны была фальшь и въ предложеніяхъ Вѣлёпольскаго землякамъ своимъ. Побѣжденнымъ, покореннымъ и не располагающимъ своею судьбою предлагаема была какая-то новая капитуляція—отдача безъ кондицій неотчуждаемаго предмета — сердецъ, съ внезапнымъ претвореніемъ ненависти въ любовь, въ пользу власти, которая и безъ того располагаетъ ихъ поступками вслѣдствіе ихъ обязательно вѣрноподданническаго состоянія. Этотъ пріемъ былъ психологически невѣренъ; только люди, которыхъ кто-то назвалъ „Сердечкиными" въ политикѣ, могутъ думать, что всѣ національныя распри рѣшаются порывами чувства, что стоитъ народамъ, ненавидѣвшимъ другъ друга, броситься другъ другу на шею и облобызаться, и тогда распрѣ на вѣки вѣчные конецъ. Оказывается, что чувство послѣднее дѣло. Когда люди или народы, даже глубоко противные другъ другу, уразумѣютъ, что имъ слѣдуетъ дѣйствовать сообща, и твердо на это соучастіе рѣшатся, то неминуемо установится извѣстный сносный *modus vivendi*, а затѣмъ окажется черезъ извѣстное время, что они и подружились потому, что ихъ связали общія цѣли, воспоминанія объ испытанныхъ общихъ радостяхъ, торжествахъ и несчастіяхъ; къ связи, начатой по холодному разсудочному расчету, прибавились, какъ позднѣйшее увѣнчаніе связи, уваженіе и даже любовь. Наконецъ, Вѣлёпольскій въ своей брошюрѣ слишкомъ помѣщикъ; на національное дѣло онъ смотритъ, такъ сказать, съ высоты своей барской усадьбы, упуская изъ виду, что, несмотря на политическое господство свое,

шляхта даже и въ древней Польшѣ не была весь народъ, а тѣмъ менѣе въ новой; что при всѣхъ своихъ практическихъ неудобствахъ романтизмъ, составляющій, такъ сказать, душу новой Польши, сіяетъ не шляхетскими, а общечеловѣческими идеями; что поборниками польской идеи въ новомъ ея видѣ могутъ быть не шляхтичи, не аристократы, не римскіе католики, а люди всякихъ вѣръ и даже горячіе и убѣжденные демократы. Хотя Вѣлёпольскій не крѣпостникъ и сознаетъ, что будущее должно положить конецъ барщинѣ, но онъ недостаточно сознаетъ глубокій вредъ въ самомъ продолженіи этого состоянія, онъ еще готовъ продолжать патріархальничать между крестьянами на неопредѣленное время и претендуетъ на Австрію главное за то, что она лишила помѣщиковъ расположенія къ нимъ крестьянъ, между тѣмъ какъ самая необычайная легкость, съ которою совершилась галиційская рѣзня, должна бы навести его на мысль, что никакого расположенія крестьянъ къ панамъ нѣтъ и быть не можетъ, что духъ патріархальный давно исчезъ, а остается одна экономическая эксплуатація, продолженіе существованія которой есть зло, требующее самоскорѣйшей отмѣны. Своимъ письмомъ Вѣлёпольскій не обратилъ никого въ свою политическую вѣру; не видно, дошла ли брошюра по своему назначенію, до высшихъ официіальныхъ сферъ въ Россіи; кажется, что она оставалась въ Россіи совершенно неизвѣстною. Между поляками она не только не поправила репутаціи Вѣлёпольскаго, но вѣроятно только увеличила его непопулярность. Что онъ умный человѣкъ, то всѣ знали; его считали сутягою и скопидомомъ, къ этимъ примѣтамъ присоединилась новая: *панславистъ*, вслѣдствіе которой идеи его стали считаться антинародными, а всякія предложенія подозрительными.

Между тѣмъ славянская идея, которая занимала Вѣлёпольскаго, всплыла вдругъ среди суматохи 1848 г., но въ совершенно иной неожиданной формѣ. Въ самомъ разгарѣ революціи, распространившейся на всю Австрію и заставившей нѣкоторое время опасаться, не подвергнется ли

престолъ Габсбурговъ крушенію среди конфликта національностей, созванъ былъ славянскій съѣздъ въ Прагу на 31-е мая 1848 г. Близкіе друзья Вѣлёпольскаго, Гельцель и князь Юрій Любомирскій, получили приглашеніе принять участіе въ съѣздѣ. Вѣлёпольскій, подстрекаемый любопытствомъ, отправился вслѣдъ за ними какъ простой наблюдатель, бывалъ въ засѣданіяхъ и подвергся вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Сигизмундомъ, тогда еще малолѣтнимъ, серьезной опасности на улицѣ въ моментъ, когда какая-то шальная пуля съ улицы убила княгиню Виндишгрецъ, и солдаты разгоняли штыками и прикладами толпу, среди которой находились тогда оба Вѣлёпольскіе. Ихъ выслали тотчасъ же изъ Праги. Послѣдствія революціи были громадны для Австріи, но только въ соціальномъ отношеніи; въ политическомъ она вызвала повсемѣстно въ Европѣ сильнѣйшую и весьма продолжительную реакцію, усиленіе всякихъ полицейскихъ мѣръ, стѣсненіе печати. Настоящее не оправдывало предвидѣній маркиза, но ожиданія его опять ожили, когда послѣ севастопольской войны на зарѣ новаго царствованія обозначилась необходимость обширныхъ реформъ, перемѣны всего общественнаго строя, а слѣдовательно, поднятія опять остававшагося много лѣтъ въ неопредѣленномъ состояніи польскаго вопроса.

VI.

Царство Польское отъ повстанія 1830 г. до заключенія парижскаго трактата 1856 года.

Статья 5-я вѣнскаго трактата Россіи съ Австріей, 1815 года апрѣля 21 (мая 3), и статья 3-я, отъ того же числа, Россіи съ Пруссіею, содержатъ, между прочимъ, слѣдующее: „Le duché de Varsovie... est réuni à la Russie. Il y sera lié irrévocablement par sa *Constitution*. S. M. Impériale se réserve de donner à cet état, jouissant d'une *administration* distincte, l'extension extérieure qu'elle

jugera convenable. Elle prendra avec ses autres titres celui de tzar roi de Pologne. Les Polonais sujets des hautes parties contractantes obtiendront une *représentation* et des *institutions nationales*, réglées d'après le mode d'existence politique que chacun des gouvernements auquel ils appartiendront jugera utile et convenable de leur accorder" [1]). Еще при императорѣ Александрѣ I оставлена была русскимъ правительствомъ,—какъ невыполнимая, по причинѣ національныхъ осложненій,—мысль о внутреннемъ распространеніи Царства присоединеніемъ къ нему западныхъ губерній. Конституція и совершенно особенная администрація на національномъ языкѣ были даны; но когда повстанье 1830 года вспыхнуло, и страна была потомъ, въ 1831 г., приведена къ покорности силою оружія, то, по идеѣ императора Николая, конституціонная хартія 1815 года перестала уже существовать и его обязывать, какъ самимъ же бунтующимъ народомъ разорванная. Международной санкціи она не имѣла; слово: *Constitution*, въ трактатахъ 1815 года, допускаетъ множество толкованій и может обозначать всякое особое „устройство" страны въ довольно странныхъ, по очертаніямъ, границахъ, вульгарно называемое поляками: „конгрессовкою". Послѣ исключенія хартіи и „представительства" возникали вопросы только объ „отдѣльномъ управленіи и *національныхъ учрежденіяхъ*". Русское правительство, устранивъ всякое вмѣшательство европейской дипломатіи въ свои отношенія къ бунтующей національности, обнародовало однако съ особою торжественностью законъ, долженствующій опредѣлить устройство умиротворенной страны—органическій статутъ отъ 14 (26) февраля 1832 года. Къ

---

[1]) Герцогство Варшавское присоединено къ Россіи... Оно будетъ неразрывно связано съ нею своею конституціею. Е. И. Величество предоставляетъ себѣ дать этому государству, пользующемуся отдѣльною администраціею, внѣшнее распространеніе, которое найдетъ приличнымъ. Онъ присовокупитъ къ другимъ своимъ титуламъ титулъ Царя-Короля Польскаго. Поляки, подданные высокихъ договаривающихся сторонъ, получатъ представительство и національныя учрежденія, устроенныя по образу политическаго существованія, которое каждое изъ правительствъ, коимъ они будутъ подчинены, сочтетъ приличнымъ имъ пожаловать.

содержанію его (хотя онъ никогда не былъ приведенъ въ исполненіе) придется часто возвращаться, какъ къ одной изъ главныхъ исходныхъ точекъ политики, какъ Вѣлёпольскаго, такъ и русскихъ государственныхъ людей, которые въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прикладывали руку къ считаемому еще возможнымъ улаживанію русско-польскаго конфликта. Въ общихъ своихъ положеніяхъ статутъ содержалъ то самое, что̀ заносилось обыкновенно въ хартіи, и чѣмъ пользуются до извѣстной степени безъ хартіи подданные даже въ самодержавныхъ монархіяхъ, управляемыхъ на твердомъ основаніи законовъ, а именно — перечень правъ, принадлежащихъ подданнымъ, какъ гражданамъ: свобода вѣроисповѣданія, съ особенною заботливостію правительства о римско-католическомъ исповѣданіи, какъ о вѣрѣ большинства населенія (5); неприкосновенность собственности, съ конфискаціею имуществъ только за тягчайшія политическія преступленія (11); личная свобода, съ преслѣдованіемъ судомъ только по формамъ и обрядамъ, закономъ установленнымъ (8—10); ограниченіе печати лишь настолько, насколько того требовать будутъ религія, авторитетъ власти, чистота нравовъ и уваженіе къ личности. Дѣленіе страны оставлено прежнее — на 8 воеводствъ; обѣщаны даже органы мѣстнаго самоуправленія: собранія дворянства, собранія гминныя, совѣты воеводствъ и даже провинціальные штаты (42—54); можно бы подумать, что сохраняется нѣчто почти похожее на представительство. Число министерствъ значительно сократилось: министерство войны упразднено, за неимѣніемъ особаго войска польскаго; портфёль народнаго просвѣщенія и исповѣданій соединенъ съ управленіемъ внутреннихъ дѣлъ (35). Центральныхъ органовъ управленія было съ тѣхъ поръ только три: внутреннія дѣла съ просвѣщеніемъ и исповѣданіями, юстиція и казна, да четвертый— контроль. Каждый изъ первыхъ трехъ образовалъ правительственную комиссію, министры переименованы въ директоровъ, управляющихъ комиссіями. Директоры, контролеръ да еще лица по особому назначенію госу-

даря образовали, подъ предсѣдательствомъ государева намѣстника, совѣтъ управленія Царства Польскаго, Rada Administracyjna (родъ комитета министровъ, 22—28). Страна должна была имѣть свой особый государственный совѣтъ въ Варшавѣ — для разработки законопроектовъ, разрѣшенія пререканій между властями, разсмотрѣнія представленій отъ провинціальныхъ штатовъ и мѣстныхъ и сословныхъ собраній о нуждахъ населенія, наконецъ, для разсмотрѣнія бюджета страны (29). Особое верховное судилище предположено учредить въ Варшавѣ (67). Дѣлопроизводство въ установленіяхъ судебныхъ и административныхъ должно было производиться на польскомъ языкѣ (34). Наконецъ, при особѣ государя долженъ былъ состоять особый министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго, въ видѣ звена, посредствующаго между высшимъ управленіемъ, сосредоточеннымъ въ лицѣ намѣстника, и особою монарха (32).

Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что органическій статутъ никогда не предназначался, будто бы, къ осуществленію его въ дѣйствительности. Условія, при которыхъ онъ былъ изданъ, не располагали вовсе къ тому, чтобы обѣщанныя въ немъ учрежденія могли взойти на почвѣ Царства Польскаго и принести плоды при дальнѣйшемъ своемъ развитіи. Все продолжительное царствованіе было строго-консервативное, съ замѣчательно выдержаннымъ характеромъ. Во внѣшней политикѣ Россія являлась, и въ концѣ концовъ, въ роли безкорыстнаго рыцаря всеевропейскаго легитимизма. Во внутреннемъ устройствѣ государства руководящими началами и устоями политики признавались извѣстныя три идеи: православіе, самодержавіе и народность, несомнѣнно консервативныя, но въ исключительности своей приводящія, какъ и всякій безусловный консерватизмъ, къ неподвижности и застою. Та неподвижность, съ которою правительство относилось къ крѣпостному праву и барщинѣ, причисляемымъ тогда къ незыблемымъ основамъ общежитія, за что, между прочимъ, консерваторъ и „помѣщикъ“ Вѣлёпольскій воздавалъ

хвалу политикѣ императора Николая, въ сравненіи съ австрійскою, въ своемъ „Письмѣ дворянина"—тяготѣла надъ прошедшею тяжелый болѣзненный процессъ польскою народностью, преграждая ей путь къ исцѣленію и разрѣшая ей, притаивъ дыханіе, прозябать въ праздномъ бездѣйствіи, безъ всякой надежды на поправленіе когда-нибудь крайне тяжелаго состоянія. Въ коренныхъ русскихъ частяхъ имперіи не были признаваемы никакія общія права за лицомъ, за его собственностью, за человѣческою мыслью; регламентація въ области экономической доходила до геркулесовыхъ столбовъ. Въ понятіяхъ тогдашняго времени существовало почти полное, почти спартанское подчиненіе частнаго права публичному во всѣхъ институтахъ собственности, договора, семьи. Если въ самой коренной Россіи отдѣльная личность была стѣснена и сдавлена въ своей сферѣ—что̀ ясно сознавала, конечно, весьма еще небольшая часть общества, его высшая интеллигенція,—то вовсе не существовало причинъ, почему бы въ этомъ отношеніи Царство Польское составляло изъятіе и было бы на болѣе льготномъ положеніи; даже, напротивъ того, по многимъ условіямъ, положеніе Царства Польскаго должно было быть еще хуже, чѣмъ положеніе центра. И народъ былъ чужой, иновѣрческій, пропитанный незабытыми и трудно забываемыми преданіями иной политической выправки, большей самодѣятельности лица, — и свѣжо было преданіе о бунтѣ, который поколебалъ законную власть и вызвалъ, если не дипломатическія осложненія, то, по крайней мѣрѣ, весьма непріятные разговоры съ европейскими кабинетами и толки въ европейскихъ парламентахъ и газетахъ. Торжество осталось, въ концѣ концовъ, за извѣстнымъ порядкомъ, но неполное: польскіе выходцы свили себѣ за границею прочныя гнѣзда — въ Парижѣ, Лондонѣ; они держали знамя въ рукахъ: часть ихъ продолжала дѣйствовать, снаряжая эмиссаровъ-заговорщиковъ и поддерживая тайкомъ опасную агитацію, другая часть представляла изъ себя нѣчто въ родѣ ветхозавѣтныхъ пророковъ, оплакивающихъ

павшій Іерусалимъ, но и предрекающихъ пришествіе новаго польскаго Мессіи, въ чаяніи котораго поляки не должны были унывать.

Естественная забота всякаго правителя, при устроеніи отношеній правительства къ механически приведенной въ зависимость странѣ, заключается въ томъ, чтобы ее ассимилировать, т.-е. сплотить съ государствомъ нравственно-органическими связями, установивъ, такъ сказать, кровеобращеніе между присоединенною частью и цѣлымъ. Въ отношеніи къ польской національности нравственное сближеніе было бы возможно двумя только путями: сверху—постановкою хотя бы въ большой дали общеславянскаго идеала, въ которомъ бы одинаково сошлись на равныхъ правахъ вчерашніе побѣдители и побѣжденные, и снизу — такими либеральными учрежденіями, которыя, вовсе даже не клонясь къ политической особности, доставляли бы хотя малую долю участія частнымъ лицамъ въ дѣятельности общественной на почвѣ самоуправленія — земскаго, городового, общиннаго, провинціальнаго. Ни то, ни другое не представлялось возможнымъ тому назадъ полвѣка. Славянская идея—хотя, можетъ быть, и лелѣемая въ душѣ — не признавалась правительствомъ, какъ совсѣмъ противная господствовавшимъ началамъ легитимизма. Что касается до либеральныхъ учрежденій, то въ настоящее время они существуютъ, но весьма недавно насаждены; нынѣшнія губерніи Царства Польскаго, конечно, выиграли бы, если бы ихъ подвести подъ уровень этихъ учрежденій въ той же мѣрѣ и безъ изъятій, въ какой ими пользуются внутреннія области имперіи; но полвѣка тому назадъ ничего подобнаго этимъ учрежденіямъ не существовало, и русское общество едва ли пользовалось какъ слѣдуетъ даже тѣми преимуществами, которыя предоставлены были сословіямъ учрежденіемъ о губерніяхъ, дворянскою грамотою и городовымъ положеніемъ Екатерины. При такихъ условіяхъ выработывалось убѣжденіе въ роковомъ качествѣ польскаго вопроса, въ его неразрѣшимости какими бы то ни было гуманными

средствами, въ томъ, что—подобно тому, какъ бунтовали отцы и дѣти — будутъ бунтовать внуки и правнуки, что Царство Польское будетъ навсегда больнымъ мѣстомъ въ государственной системѣ Россіи, открытою раною, испорченнымъ членомъ, о которомъ помышляемо было отъ времени до времени: не лучше ли его совсѣмъ отрѣзать. Оно должно было навсегда оставаться покоренною страною, управляемою бюрократически, съ устраненіемъ всякой его самодѣятельности, въ духѣ самой строгой централизаціи. Въ 1833 г. императоръ Николай въ октябрѣ посѣтилъ не городъ, а строящуюся цитадель. Въ 1835 г. представлявшемуся духовенству и именитымъ гражданамъ Варшавы онъ объявилъ, что выражаемымъ чувствамъ преданности не вѣритъ и что при малѣйшемъ бунтѣ (émeute) приказано будетъ бомбардировать Варшаву [1]).

Но если такимъ образомъ ассимилированіе политическое представлялось невыполнимымъ, то и ассимилированіе національное не входило также въ программу политики. Обрусить общество и не надѣялись и не пробовали, во-первыхъ, потому, что, если на польскій элементъ смотрѣть какъ на зло, то удобнѣе его локализировать, нежели разгонять по всему составу организма; во-вторыхъ, потому, что тогдашняя правительственная система брезгала всякими другими средствами, кромѣ чисто бюрократическихъ, и не терпѣла никакихъ самопроизвольныхъ проявленій неофиціальнаго патріотизма; она подозрительно относилась даже къ московскимъ славянофиламъ и вовсе не расположена была входить въ союзъ съ прессою, допускать, напримѣръ, дѣйствовать добровольцевъ-публицистовъ, въ числѣ которыхъ впослѣдствіи особенно отличился г. Катковъ. Такимъ образомъ, главныя черты правительственной программы установились почти слѣдующія.

Политика была бюрократическая съ дворянскимъ оттѣнкомъ, крестьянскому населенію дана личная свобода

[1]) Je détruirai Varsovie et certes ce ne sera pas moi qui la rebâtirai.— *Lisicki*, Le Marquis W. I, 200, Skarbek Dzieje Polski. Cz. III. 63—65.

еще въ 1807 году при образованіи герцогства Варшавскаго, но обязательный трудъ и барщина остались въ полной силѣ, рядомъ съ ними шло и безземеліе крестьянъ, пока успѣхи его не пріостановлены позднѣйшимъ указомъ 1846 г. Корпоративнаго устройства сословія не получили, изъ общественнаго быта исключены всякія собранія, всякіе выборы, все то, что напоминало не только парламентаризмъ, но даже обязательное участіе общества въ жизни общественной. Но, очищенная отъ этихъ примѣсей, машина управленія оставлена нетронутая, безъ всякихъ мѣръ къ тому, чтобы привести ее когда-нибудь къ одному знаменателю съ административными учрежденіями имперіи. Машина была привозная, она вся состояла изъ сколоченныхъ кое-какъ учрежденій и порядковъ австрійскихъ, прусскихъ, французскихъ. Имъ суждено было оставаться навсегда неподвижными, потому что, съ одной стороны, правительство, разъ порѣшивъ оставить эти порядки, не было расположено вникать въ нихъ и заботиться объ ихъ усовершенствованіи, оно смотрѣло на нихъ какъ на мелкія, какъ на мѣстныя явленія, неудобно-наблюдаемыя изъ центра; съ другой стороны, по духу безмолвной политической оппозиціи, общество прилѣпилось къ этимъ институтамъ, какъ привязалось оно къ кодексу Наполеона, потому что они не русскіе, а западно-европейскаго происхожденія, и что дѣлопроизводство въ нихъ было на своемъ родномъ, а не на русскомъ языкѣ.

Эти два условія породили третье: образованіе цѣлаго класса людей новѣйшей формаціи, небывалаго въ прежней Рѣчи Посполитой и связаннаго всѣмъ своимъ бытомъ, матеріальнымъ интересомъ и существованіемъ, съ неизмѣняемостью особыхъ административныхъ порядковъ Царства Польскаго—классъ чиновниковъ поляковъ, который игралъ такую важную роль въ событіяхъ 1863 года. Польскій чиновникъ не простиралъ своихъ видовъ дальше тѣсныхъ предѣловъ Царства Польскаго, да и на высшія мѣста въ администраціи разсчитывать не могъ, такъ какъ эти мѣста замѣщались коренными русскими; на немъ лежала черная

работа. Онъ раздѣлялъ всѣ національныя чувства и опасенія своей польской среды, но по профессіи онъ былъ органъ правительства, зналъ цѣну своего положенія, былъ точенъ, аккуратенъ до педантизма, исполнителенъ и оберегалъ права фиска. По степени служебной выправки онъ далеко превосходилъ русскихъ чиновниковъ въ имперіи. Вершины административнаго міра занимаемы были постепенно русскими, которые однако въ довольно скоромъ времени пріобрѣтали достаточное знаніе польскаго языка. Во главѣ управленія поставленъ человѣкъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ государя, его полновластный намѣстникъ, съ неограниченными полномочіями, князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій, котораго дѣятельности и характерной личности — и то *не съ давнихъ* поръ — стала касаться печать [1]). Управленіе имѣло военный регрессивный характеръ, достаточно характеризуемый тѣмъ, что вслѣдствіе открытаго заговора съ 23 апрѣля 1833 г. Царство Польское объявлено на военномъ положеніи, которое не было никогда уже потомъ офиціально отмѣнено, съ передачею всѣхъ дѣлъ о политическихъ преступникахъ военнымъ судамъ послѣ разбора ихъ въ слѣдственной комиссіи. Самыя глубокія измѣненія въ существующемъ порядкѣ произведены въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія. Университетъ закрытъ; для образованія практическихъ юристовъ, которые бы знали римское право и кодексъ Наполеона, заведены юридическіе курсы въ Варшавѣ, потомъ и они закрыты, а на ихъ мѣсто учреждены каѳедры польскаго права въ университетахъ петербургскомъ и московскомъ. Въ 1839 г. все школьное управленіе приведено въ зависимость отъ министерства народнаго просвѣщенія съ превращеніемъ его въ особый учебный округъ. Въ 1841 году, 18 сентября, упраздненъ и особый государственный совѣтъ въ Варшавѣ; мѣсто его занялъ

---

[1]) См. „Русская Старина“ за 1880 г. № IX, с. 119: Анекдоты, собранные Н. Б(ергомъ) о томъ, какъ Паскевичъ мальтретировалъ подчиненныхъ и припиралъ буквально колѣномъ къ стѣнѣ генераловъ.

департаментъ для дѣлъ Царства Польскаго въ Государственномъ Совѣтѣ имперіи. Почти одновременно, въ томъ же году, организованы IX и X департаменты Сената въ Варшавѣ, долженствующіе судить въ 3-й инстанціи дѣла судебныя, уголовныя и гражданскія. Въ 1844 г. введено дѣленіе края, вмѣсто 8 воеводствъ, на 5 губерній. Пути сообщенія приведены въ зависимость отъ министерства путей сообщенія; въ этомъ отношеніи Царство Польское образовало особый 13-й округъ.

Отъ прежнихъ порядковъ осталось и уцѣлѣло судопроизводство гражданское, цѣликомъ пересаженное изъ Франціи, устное, гласное, съ хорошимъ составомъ судей и не лишенною талантовъ адвокатурою. Уголовное судопроизводство было въ страшномъ застоѣ и запущеніи; въ сѣверной части Царства Польскаго оно производилось по прусской процедурѣ 1805 г.; въ южной—по австрійской 1803 г. Обѣ процедуры устанавливали порядокъ производствъ келейный, инквизиціонный, съ теоріею законныхъ доказательствъ, похожій на русскій дореформенный, но превосходившій его сохранившимися остатками пытки (тѣлесныя наказанія во время слѣдствія за запирательство или ложь) и присужденіемъ къ уменьшенному по размѣрамъ наказанію того, кто не уличался вполнѣ, а навлекалъ на себя подозрѣніе. Существовалъ изданный при участіи сейма уголовный кодексъ 1818 г., который, не будучи образцомъ совершенства, имѣлъ однако тѣ хорошія качества, что былъ толковъ и кратокъ. Его замѣнили, 12 марта 1847 г., передѣланнымъ съ русскаго—уложеніемъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, почти дословнымъ переводомъ того уложенія 1845 г., которое въ настоящее время, даже и по сокращеніи его въ 1866 г. исключеніемъ маловажныхъ преступленій подвѣдомственныхъ мировой юстиціи, составляетъ главную помѣху успѣшному ходу судопроизводства, главную причину несправедливыхъ приговоровъ и служитъ поводомъ къ нареканіямъ на присяжныхъ за многіе ихъ оправдательные вердикты.

Таковы были главныя событія въ системѣ управленія Царствомъ Польскимъ до европейской суматохи 1848—1851 гг., которая отразилась на внутреннемъ быту всей имперіи усиленіемъ реакціи и мѣръ противъ свободомыслія, какъ источника революцій. Были извѣстнаго рода децентрализація и сепаратизмъ, но чисто внѣшніе, канцелярскіе. Медленно и тихими шагами шло подведеніе области къ одному знаменателю съ имперіею; оно встрѣчало преграду въ самомъ намѣстникѣ, который всякое подчиненіе Царства Польскаго министерствамъ въ Петербургѣ считалъ посягательствомъ на полноту своихъ правъ, а потому отстаивалъ и каменѣющіе отъ неподвижности особые порядки, и рутину, и даже до извѣстной степени польскій языкъ въ дѣлопроизводствѣ. Официальное общество представлялось спокойнымъ, съ гладкою, ничѣмъ не волнуемою поверхностью; что происходило незримо въ его глубинѣ, о томъ только можно было умозаключать по непрерывающейся дѣятельности слѣдственной комиссіи по дѣламъ политическимъ.

Нынѣ эта сторона дѣла совершенно ясна, потому что ее освѣтили ярко событія 1863 г. Никакое достигшее самосознанія общество не можетъ перестать мыслить, перестать чувствовать. Когда официальная оболочка представляетъ сплошную поверхность безъ всякихъ отдушинъ, то мысли и чувства получаютъ ненормальное направленіе и дѣйствуютъ какъ газы, которые по своей упругости ищутъ выхода по линіи наименьшаго сопротивленія, прорываясь чрезъ оболочку. Скопленіе этихъ взрывчатыхъ газовъ происходило въ теченіе столь долгаго времени (1831—1856), что по количеству оно сдѣлалось весьма значительное. Когда при новомъ царствованіи суровость отношеній правительства къ обществу смягчилась и задуманъ рядъ либеральныхъ реформъ, обновившихъ общественный строй Россіи, реформъ, которыя въ дальнѣйшемъ своемъ ходу и развитіи распространились бы конечно и на Царство Польское, то эта перемѣна не могла быть ни понята, ни оцѣнена обществомъ, ее почувствовали только какъ уменьшеніе сопро-

тивленія наружной оболочки, не какъ задатокъ новаго порядка вещей, а какъ трещину въ старомъ.

Взрывъ произошелъ, пламя вспыхнуло, тушить его вызвался Вѣлёпольскій, но задача оказалась свыше силъ его,—можно теперь сказать еще опредѣленнѣе, что въ 1861 году она была уже свыше силъ человѣческихъ.

Заслуга Вѣлёпольскаго заключалась именно въ томъ, что онъ пошелъ отважно, съ убѣжденіемъ, расходившимся съ убѣжденіями его современниковъ, на неминуемую почти неудачу. Можетъ быть, эта отвага родилась въ немъ вслѣдствіе преувеличеннаго самомнѣнія, можетъ быть, вслѣдствіе слишкомъ низкой оцѣнки психологическихъ элементовъ задолго до того подготовленной революціи, а можетъ быть, по совокупности обѣихъ этихъ причинъ. Онъ не могъ, да и никто въ 1861—1863 годахъ не могъ совладать съ психическою силою, представляемою извѣстнымъ установившимся настроеніемъ общественнымъ, прорывающимся сквозь всевозможныя плотины. Съ психологическими элементами считаться вообще въ политикѣ трудно, до того они неуловимы. Какую важность можно было приписывать какому-нибудь поэту, котораго вымыслы и идеалы прямо къ дѣлу неприложимы, который притомъ и бряцалъ на своей лирѣ гдѣ-нибудь за тридевять земель за границей и котораго стихотворенія даже и не могли распространяться быстро, потому что были запрещены. Теперь мы склоннѣе уменьшать, нежели увеличивать значеніе вліянія литературы вообще и поэзіи на ходъ событій. Въ своемъ предисловіи къ т. I „Всеобщей исторіи литературы“ В. Ѳ. Коршъ писалъ недавно о литературѣ: „Не она является причиной политическихъ и соціальныхъ переворотовъ, пережитыхъ народами въ послѣднее время. Историкъ литературы *не можетъ достаточно протестовать противъ такого грубаго предразсудка*, причиняющаго литературѣ и обществу большія невзгоды. Литература была по преимуществу выразительницею такихъ идей и стремленій, которыя уже существовали и жили въ обществѣ и которыя только выяснялись въ художествен-

ныхъ образахъ или теоретическихъ изслѣдованіяхъ. Только выясненіемъ ихъ двигала она общество". Если нельзя сказать, чтобы эти мысли не были вѣрны въ большинствѣ случаевъ, то бываютъ иногда условія, при которыхъ онѣ не оправдываются и при которыхъ событія получаютъ обратный ходъ, прямо противный тому, который представленъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ. Вообразите общество мыслящее и живучее, которое изолировано совсѣмъ отъ жизни общественной и по внѣшнимъ условіямъ недѣятельно. Вся его психическая жизнь уйдетъ въ мечтанія, въ поэзію; власть надъ умами получатъ люди воображенія, судьбами общества распоряжаться будетъ та способность, которую французы называютъ *la folle du logis* и которая можетъ увлекать всѣхъ массами на свои пути и причинять перевороты. Такою опасною силою явилась литература въ польскомъ обществѣ въ періодъ отъ начала тридцатыхъ до конца пятидесятыхъ годовъ. Чѣмъ меньше было общество организовано, тѣмъ сильнѣе на него было вліяніе поэтовъ. Бросимъ бѣглый взглядъ на эту поэтическую лабораторію.

Въ I-мъ томѣ своего польскаго труда о Вѣлёпольскомъ г. Лисицкій (стр. 179) изображаетъ слѣдующимъ образомъ общество польское передъ повстаньемъ 1863 г.: „Оно было конгломератъ отдѣльныхъ кастъ и состояній, не спаянныхъ общностью интересовъ, понятій и стремленій. Въ шляхтѣ сосредоточивался весь синтезъ національной идеи и вся интеллигенція страны, потому что къ ея составу причислялось все, что превосходило ее положеніемъ и образованіемъ, но за нею и внѣ ея были одни только отрицательныя числа. Третье состояніе не существовало, по неимѣнію къ тому матеріала, на службѣ у правительства состояли сыновья чиновниковъ или искатели куска хлѣба; такимъ-то образомъ возникла бюрократическая каста, сомнительная, непріязненная по отношенію къ дворянству, вѣрная правительству, насколько того требовалъ ея интересъ, равнодушная къ общественному благу и лишенная чувства долга. Необтесанный и необразованный

крестьянинъ, чуждающійся понятій законности и собственности, не переступалъ порога общественнаго зданія, съ которымъ его связывало только принужденіе и внутренность котораго была ему совсѣмъ неизвѣстна. Непользующійся всѣми гражданскими правами еврей существовалъ въ видѣ паразита и возмѣщалъ себѣ свою приниженность извлеченіемъ матеріальныхъ выгодъ изъ организма, къ которому онъ приросъ. Однимъ словомъ, то была постройка безъ фундаментовъ и стѣнъ". Въ этой картинѣ краски наложены, можетъ быть, слишкомъ густо, но она въ главныхъ чертахъ вѣрна. Въ щели между обломками господствовавшей касты и въ самыя внутреннія скважины этой касты проникали снизу новые, болѣе подвижные элементы, а внизу залегалъ въ видѣ гущи осадокъ почти внѣ закона стоящихъ массъ, не сознающихъ порядкомъ не только того, что они національность, но даже — что они люди. Слѣдовало, во что бы то ни стало, сплотиться, подъ страхомъ смерти общества какъ цѣлаго, если это сплоченіе не совершится. Сплоченіе могло произойти при обыкновенныхъ нормальныхъ условіяхъ подъ либеральными учрежденіями, которыя бы уравняли всѣ состоянія въ правахъ и заставили ихъ участвовать сообща въ дѣятельности общественной. Такъ какъ этой возможности общество было лишено, то оставалось другое средство: сплавить всѣ части въ одно цѣлое, подвергнувъ ихъ дѣйствію сильнаго огня — чувства національнаго патріотизма, доведеннаго до наибольшаго напряженія при высокой температурѣ, какая свойственна революціоннымъ кризисамъ.

Эту по своей интенсивности страшно великую работу совершила польская романтическая поэзія выходцевъ, засіявшая тремя первостепенными свѣтилами, почти одинаково яркими: Мицкевичъ, Словацкій и Красинскій, — въ томъ ея историческое значеніе, въ томъ и роковая почти неизбѣжность повстанья 1863 г. Взвѣсивъ и хорошія ея стороны, и дурныя послѣдствія порожденной ею катастрофы, кончившейся кровопусканіемъ, обѣднѣніемъ, ре-

прессаліями, упадкомъ силъ, придется однако заключить, что элементы добра, которые внесла въ жизнь эта поэзія, значительно превосходятъ элементы зла; идеалы ея разсѣялись и не удовлетворяютъ настоящаго поколѣнія, но пріобрѣтено чувство самосознанія и національной солидарности. Можно сказать, что польская національная ладья идетъ впередъ донынѣ силою взмаха, сообщеннаго этой ладьѣ ея *вѣщими* пѣвцами. Явившись въ видѣ протеста противъ отрицанія національности, и въ политическомъ ея быту, и въ культурномъ, эта поэзія избрала своимъ девизомъ самобытность и культурную, и политическую, и поставила вопросъ ребромъ: *все—либо ничего*, не быть Польшѣ—либо существовать ей самостоятельно въ предѣлахъ 1772 года. Подкладку этого идеала составляла вѣра въ свой народъ, восторженная, почти фанатическая, оступавшаяся въ религіозный мистицизмъ. Вѣра эта требовала жертвъ и прилагалась непосредственно къ дѣлу. Одни изъ вліятельнѣйшихъ выходцевъ дѣйствовали дипломатически на кабинеты, на европейскіе парламенты, и чрезъ прессу—на общественное мнѣніе Европы. Особенно дѣятельнымъ въ этомъ отношеніи лицомъ былъ бывшій адъютантъ Великаго Князя Цесаревича Константина Павловича, племянникъ Адама Чарторыскаго, Владиславъ Замойскій, извѣстный въ эмиграціи подъ именемъ генерала Замойскаго. Книга Лисицкаго (Le Marquis. I, 100) приписываетъ этому романтику въ политикѣ мысль о томъ, чтобы послѣ взрыва 29 ноября 1830 г. поставить Цесаревича во главѣ революціоннаго движенія, когда же это не удалось, то—склонить цесаревича къ тому, чтобы уйти изъ Варшавы, отпустивъ польскіе полки для соединенія ихъ съ временнымъ правительствомъ. За границею, среди эмиграціи, генералъ Замойскій былъ дѣйствительный шефъ дипломатическаго кабинета своего дяди въ отелѣ Ламберъ, неутомимый, когда нужно было возбудить громкіе на всю Европу толки о Польшѣ въ прессѣ, во французской палатѣ депутатовъ или въ англійскомъ парламентѣ. Другіе эмигранты предлагали свои услуги всякому революціонному

движенію въ Европѣ, лишь бы могъ всплыть польскій вопросъ въ общеевропейской суматохѣ. Одни изъ выходцевъ опирались на шляхту, при чемъ надѣялись, что когда начнется движеніе, то въ порывѣ патріотизма шляхта сама дастъ земельный надѣлъ крестьянамъ въ минуту повстанья. Другіе входили въ роль Маратовъ, Робеспьеровъ и начинали съ соціальнаго переворота, звали просто крестьянъ къ тому, чтобы вырѣзать помѣщиковъ и затѣмъ уже освободиться политически и устроиться. Послѣдняго рода агитацію устраивало эмиграціонное демократическое общество съ его комитетомъ или такъ называемою централизаціею въ Поатье, а потомъ въ Версали. Тогда уже обозначился фактъ, который долженъ былъ повторяться неизмѣнно во всѣхъ событіяхъ вплоть до 1863 г., что какъ ни междоусобствовали между собою бѣлые и красные, когда красные произвели революціонную вспышку, то, чтобы не проявлять междоусобія, бѣлые рѣшались лучше преклониться передъ признаваемой ими за безумную вспышкой, какъ передъ совершившимся событіемъ и признать ее за результатъ, добытый совокупными усиліями цѣлой національности. Такою затѣею демократическаго общества, акцептованною потомъ и со стороны *бѣлыхъ* (манифестъ А. Чарторыскаго, сочиненный В. Замойскимъ) былъ заговоръ 1846 г., клонящійся къ тому, чтобы, возбудивъ повстанье въ великомъ княжествѣ Познанскомъ, Краковской республикѣ и Галиціи, перекинуть потомъ это пламя въ Царство Польское и литовскія губерніи. Результатомъ движенія были: присоединеніе Краковской республики къ Австріи, громадный политическій процессъ въ Берлинѣ (2 декабря 1847), избіеніе шляхты въ польскихъ округахъ Галиціи (февраль 1846). Русскія власти въ Царствѣ Польскомъ не допустили распространиться крестьянскому движенію на Царство Польское, но ни консерватизмъ, ни дворянскія симпатіи тогдашняго русскаго правительства не могли однако заставить его упустить изъ виду, что въ рукахъ его обрѣтаются для обузданія всякаго шляхетскаго движенія достаточныя средства въ видѣ аграрныхъ

мѣропріятій. Указъ 26 мая (7 іюня) 1846 г. положилъ предѣлъ обезземелію крестьянъ, воспретивъ помѣщикамъ сгонять крестьянъ съ занимаемыхъ ими надѣловъ и присоединять ихъ участки къ фольварочнымъ.

Польскія волненія 1846 года были только предвозвѣстникомъ общеевропейской революціи 1848 и 1849 гг., которой исходъ способенъ былъ внушить для поверхностнаго наблюдателя самое высокое понятіе о внѣшнемъ могуществѣ Россіи и о глубокомъ превосходствѣ ея государственной политики. Все взволновалось на Западѣ, но эти волны не переступали за порогъ Россіи, являющей изъ себя какъ бы подобіе неподвижной вѣчности, оплотъ монархическаго, по Божескому праву, порядка. Выдающимися моментами этого торжества консервативной политики было безвозмездное спасеніе Австріи посредствомъ венгерскаго нохода, въ которомъ Паскевичъ одолѣвалъ революціонныхъ генераловъ-выходцевъ — Дембинскаго и Бема и послѣ котораго 17 октября 1849 г. князь Варшавскій получилъ изъ рукъ самого государя бриллiантовый жезлъ фельдмаршала, а при этой бытности государя въ Варшавѣ послѣдовало въ концѣ 1849 г. учрежденіе по губерніямъ и уѣздамъ Царства Польскаго предводителей дворянства, но не по выборамъ, а по назначенію отъ правительства.

Въ польско-русскомъ вопросѣ наступило нѣчто въ родѣ обманчиваго затишья. Ходъ общеевропейской революціи 1848 г. таковъ, что сначала были стерты и стушевались всѣ среднія направленія, всѣ пачинанія во имя правъ лица и свободы, а обрисовались только два крайнія: терроръ красный и терроръ бѣлый; затѣмъ, послѣдній изъ этихъ абсолютовъ восторжествовалъ надъ первымъ, вслѣдствіе того, что затѣи революціонизма оказались чистѣйшими утопіями и потеряли кредитъ. Въ демократовъ-агитаторовъ поляки извѣрились и устали дѣйствовать; на тихій сонъ стала убаюкивать общество новая смѣна пѣвцовъ, не вѣщихъ людей и не пророковъ, а больше почитателей народной старины, предлагавшихъ обществу,

какъ идеалъ, красоты или, лучше сказать, безобразія старошляхетскаго быта (Поль, Ржевускій). Но если поколебалась вѣра, то только въ средства и въ близость осуществленія цѣлей; программа патріотизма оставалась та самая, какая выработана была эмиграціею, безъ ограниченій и уступокъ: все или ничего! Съ другой стороны, если давленіе на систему управленія снизу ослабѣло, то само это управленіе хотя и осталось, чѣмъ было прежде — системою милитаризма и механическаго укрощенія, но сдѣлалось какимъ-то мягкимъ, такъ сказать, беззубымъ, съ которымъ втихомолку можно было ладить, а аристократическимъ элементамъ даже дѣлались и уступки. Князь Варшавскій видимо состарился и сдѣлался добродушнѣе. Правительство приписывало превосходству самой системы управленія то, что происходило наперекоръ ей, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ. Незримо подвергалось гніенію нутро системы и подтачиваемы были его устои; оно атрофировалось, потому что при томъ состояніи запуганья некого было укрощать. Вниманіе правительства устремлено было въ другую сторону, на внѣшнюю войну, на Константинополь. Ему казалось, что наступило время покончить съ восточнымъ вопросомъ.

Послѣдовала затѣмъ севастопольская война, за которой слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ и поляки. Польскій вопросъ не былъ, однако, поставленъ ни въ этой войнѣ, ни на парижскомъ конгрессѣ [1]).

Неудачею кончилась попытка генерала Замойскаго образовать польскій легіонъ въ Турціи; были конечно, поляки, которые осаждали Севастополь въ рядахъ англо-французскаго союза, но были они и въ рядахъ русскихъ войскъ. Согласно волѣ императора Николая, многіе молодые люди изъ знатнѣйшихъ польскихъ фамилій вступили въ военную службу; въ томъ числѣ, по желанію отца, молодой

---

[1]) Lisicki II, 68. Le cabinet de St-Pétersbourg ordonna au prince Orlow de déclarer que la dignité de la Russie ne permettait pas que cette question fut discutée au congrès, mais que l'empereur Alexandre avait résolu de rendre aux Polonais tout ce dont on venait de lui parler.

Сигизмундъ Вѣлёпольскій. Послѣ заключенія парижскаго мира въ 1856 г. ожиданія народа, жившаго только однѣми надеждами, направились на самодержца, который открывалъ для своей имперіи новую эпоху коренныхъ реформъ. Надежды эти питали не только подданные россійскаго монарха, но и иноземцы. То было время, когда графъ Титъ Дзялынскій писалъ въ великомъ княжествѣ Познанскомъ свое посвященіе „Матеріаловъ о люблинской уніи“ (Zrzódłopismo do dziejów unii, 1856) россійскому императору какъ „могущественнѣйшему владыкѣ славянскихъ народовъ“. Въ такихъ условіяхъ историческую важность пріобрѣталъ моментъ перваго посѣщенія Варшавы недавно коронованнымъ монархомъ, въ маѣ 1856 г.

VII.

Начало новаго царствованія.—Князь Горчаковъ и Мухановъ.—Образованіе Земледѣльческаго общества.

Много разъ въ польской иностранной литературѣ возбуждаемъ былъ вопросъ, разрѣшимый лишь гадательно, о томъ, какая разница произошла бы въ послѣдующихъ событіяхъ, если бы перемѣны въ устройствѣ управленія Царства Польскаго, которыя были дарованы по ходатайству намѣстника князя Горчакова и по идеѣ Вѣлёпольскаго въ 1861 г., возможно было осуществить нѣсколькими годами раньше, а именно въ 1856 г. Вопросъ этотъ сложенъ и имѣетъ нѣсколько сторонъ. Одна изъ нихъ касается Россіи; позволяли ли ея внутреннія отношенія въ 1856 г. надѣяться на осуществленіе программы, которая въ 1861 г. пользовалась сочувствіемъ русскаго образованнаго общества и поддержкою со стороны государственныхъ людей и патріотовъ русскихъ, помогавшихъ сильно Вѣлёпольскому стать твердою ногою въ С.-Петербургѣ. Другая касается поляковъ и ставится такимъ образомъ: удовлетворили ли бы поляковъ льготы, дарованныя имъ

въ 1861 г., если бы онѣ были даны до начала революціоннаго движенія, и получилъ ли бы польскій вопросъ правильное теченіе по этому руслу, не выступая изъ береговъ. Есть въ матеріалахъ, изданныхъ въ сочиненіи на польскомъ языкѣ г. Лисицкимъ (II, 39), интересный документъ, носящій названіе записки Эноха, поданной 2-го марта 1861 г. князю Горчакову, но въ дѣйствительности писанный, по всей вѣроятности. Вѣлёпольскимъ, какъ то мы и постараемся доказать, когда дойдемъ до событій 1861 г. Въ этой запискѣ изображено состояніе польскаго общества уже въ то время, когда движеніе массъ началось такъ, что его приходилось тормозить, между тѣмъ какъ въ 1856 г. его слѣдовало бы только предупреждать. „Матеріальная сила,—говоритъ эта записка,—достаточна, конечно, на то, чтобы терроризировать движеніе, но матеріальная сила есть только одинъ изъ базисовъ власти. Нельзя предаваться иллюзіямъ: реформы, которыя можно было бы ввести, какъ бы широки онѣ ни были, не удовлетворятъ массъ, потому что массы желаютъ безусловной независимости или по крайней мѣрѣ чисто личной связи Польши въ прежнихъ ея границахъ съ россійскою имперіею. Съ этой стороны ничего не подѣлаешь. Но остается еще численно ограниченная партія, вліятельная по своему общественному положенію, богатству, высшей образованности, состоящая изъ помѣщиковъ, чиновниковъ и вообще изъ зажиточныхъ классовъ населенія. Нѣтъ возможности ихъ вполнѣ удовлетворить или привязать, потому что въ своихъ задушевныхъ пожеланіяхъ они заодно съ массами. Но, съ другой, стороны, эти классы чувствуютъ, сколько они потеряютъ при насильственномъ ниспроверженіи порядка, и понимаютъ, что они будутъ обойдены. Они кинутся въ движеніе, только потерявъ всякую надежду улучшить свою участь. Можно бы мудрыми реформами помѣшать этимъ классамъ принять участіе въ движеніи, затѣянномъ горячими головами. Нѣтъ надобности въ томъ, чтобы эти реформы были черезчуръ широкія“.

Не подлежитъ сомнѣнію, что замиреніе даже на основаніи самыхъ широкихъ уступокъ не могло бы быть въ пятидесятыхъ годахъ вполнѣ искреннее, потому что идея политической самобытности глубоко сидѣла въ головахъ, и всякія блага, не доходящія до этой нормы, приняты были бы какъ нѣчто временное, въ видѣ задатка, такъ сказать, безъ выдачи полной квитанціи въ томъ, что поляки никогда большаго и не будутъ желать. Но съ другой стороны, самопроизвольность всякаго дара производитъ громадное впечатлѣніе; оказанное довѣріе льстило бы въ высшей степени національному самолюбію, — эту черту знали и пользовались ею русскіе. Князь П. А. Вяземскій пишетъ: „Поляки впечатлительны, на нихъ сильно отражается и радость, и горе (Соч. I, XLI); они народъ нервическій, щекотливый, раздражительный. Наполеонъ доказалъ, что ихъ можно заговаривать. За нѣсколько политическихъ мадригаловъ Польша кидалась за него въ огонь и въ воду“ (II, 89. Моя исповѣдь). Кромѣ того, если несомнѣнно, что они сильно мечтали о несбыточномъ, то нѣтъ лекарства, которое бы скорѣе и дѣйствительнѣе освобождало отъ сложившихся въ праздномъ бездѣйствіи мечтаній, какъ занятіе чѣмъ-нибудь положительнымъ, открытіе для дѣятельности какого-нибудь поприща, на которомъ можно бы работать на пользу своей общественности. Какъ великъ былъ размѣръ требованій, при удовлетвореніи которыхъ правительство сдѣлалось бы въ 1856 г. популярнымъ? На этотъ вопросъ находимъ отвѣтъ въ книжкѣ барона Фиркса, болѣе извѣстнаго у насъ подъ псевдонимомъ Шедо-Феротти: „Que fera-t-on de la Pologne? 1864. Berlin, Bruxelles et Leipzig“, p. 4, 5. Къ нему обратились польскіе патріоты изъ высшей аристократіи и поручили 2-го мая 1856 г. составить записку о нуждахъ и потребностяхъ края. Изъ просительныхъ пунктовъ исключены, послѣ продолжительныхъ обсужденій, ходатайство объ особомъ государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго и учрежденіяхъ, обѣщанныхъ органическимъ статутомъ. Четыре пункта промеморіи, сочиненной Фирк-

сомъ, заключали въ себѣ только слѣдующее: 1) амнистія выходцамъ; 2) возвращеніе сосланныхъ въ Сибирь, 3) участіе помѣщиковъ въ мѣстномъ управленіи, посредствомъ выборныхъ, а также участіе ихъ въ судѣ и полиціи, 4) образованіе польскаго университета. Другой объяснительный по тому же вопросу документъ есть проектъ адреса, составленнаго Вѣлёпольскимъ, бывшимъ въ числѣ предводителей дворянства; онъ помѣченъ 25-мъ мая 1856 г. и предназначался къ подачѣ отъ имени дворянства при представленіи въ Лазенковскомъ дворцѣ (*Lisicki*, A. Wielopolski, II, 17—21). Адресъ этотъ, написанный въ самыхъ вѣрноподданническихъ выраженіяхъ, благодаритъ за начальныя слова пріема 23-го мая: „забытіе прошлаго (l'oubli du passé“), и поясняетъ другія слова: point des rêveries, —тѣмъ, что, не предаваясь никакимъ мечтаніямъ и заключая желанія въ кругу усовершенствованій внутренняго устройства, дворянство ходатайствуетъ о расширеніи средствъ и умноженіи учрежденій народнаго воспитанія. И въ этомъ адресѣ не было намека на органическій статутъ. Адресъ остался только въ видѣ проекта, онъ былъ просмотрѣнъ, но его не было разрѣшено подать.

Результатомъ майскихъ дней 1856 г. были широкія милости личныя, вводящія въ общество польское ссыльныхъ сибирскихъ и открывающія предѣлы Россіи, съ малыми исключеніями, почти всѣмъ эмигрантамъ, состарившимся на чужбинѣ въ идеяхъ реставраціи, людямъ едва ли примиримымъ. Менѣе удачны были попытки выхлопотать что-либо для польской общественности. Выражено было, что останется безъ измѣненій порядокъ, установленный въ прошедшее царствованіе [1]). Конечно, предвидѣлись преобразованія, хотя бы для того, чтобы привести въ соотвѣтствіе устройство Царства Польскаго съ обнов-

---

[1]) En conservant les droits et les institutions telles qu'elles lui ont été données par mon Père, je suis disposé à assurer à ce pays tout ce qui peut lui être profitable et tout ce que mon Père lui a accordé et octroyé. ...Au besoin je saurai sévir et je sévirai.—Lisicki, Le marquis W. II, 16.

ляемымъ общественнымъ бытомъ Россіи; но эти реформы для самой Россіи представлялись въ неясныхъ очертаніяхъ, въ однихъ идеяхъ и зачаткахъ. Польскій общественный вопросъ занималъ мѣсто одно изъ послѣднихъ въ ихъ средѣ, какое онъ занимаетъ и въ настоящее время.

Итакъ, въ окончательномъ результатѣ съ индивидуальной точки зрѣнія жизнь сдѣлалась несравненно привольнѣе и свободнѣе; кто хотѣлъ, могъ свободно ѣхать подышать за границей, темпераментъ управленія измѣнился, въ немъ стали отражаться черты добродушія и мягкости, свойственныя намѣстнику князю Михаилу Дмитріевичу Горчакову (1792†1861). Лисицкій въ своей книгѣ находитъ все прекраснымъ въ князѣ и превозноситъ его до небесъ; съ другой стороны, анекдотистъ разсказовъ событій польской смуты Н. Б. („Русская Старина", 1880 г., сентябрь, 109), котораго перо привыкло рисовать даже лично видѣнное имъ въ карикатурѣ и давать разсказу игривые аллюры, представляетъ князя Горчакова почти въ видѣ идіота, какъ весьма немудраго возницу, руководимаго польскими аристократами, обезличеннаго долгимъ пребываніемъ при деспотѣ Паскевичѣ и не замѣтившаго, какъ онъ слетѣлъ съ козелъ. Въ дѣйствительности князь Горчаковъ не заслужилъ по французскому классическому стиху ni cet excès d'honneur, котораго онъ удостоивался отъ Лисицкаго, ni cette indignité, которой его подвергаетъ Н. Б.— Князь Горчаковъ былъ настоящій джентльменъ, прямой и вѣрный своему слову, и, что̀ чрезвычайно важно въ управляющемъ, пользовался довѣріемъ. При отсутствіи устроенныхъ органовъ польскаго общества, всякій правитель въ Царствѣ Польскомъ по необходимости долженъ вести знакомство съ выдающимися людьми въ великосвѣтскомъ варшавскомъ кружкѣ; черезъ нихъ доходятъ до него кое-какія извѣстія о настроеніи общества въ краѣ. Точныхъ свѣдѣній о томъ, что происходило въ умахъ интеллигенціи, а тѣмъ болѣе, что̀ совершалось въ нѣдрахъ общества, какія представленія и чувства волновали руководящіяся темными инстинктами и дѣйствующія полусо-

знательно массы, — не имѣлъ князь Горчаковъ, какъ не имѣли ихъ его предшественники и его преемники. Ни князь Горчаковъ, ни окружающіе его ближайшіе сподвижники не обращали особеннаго вниманія на то, что ось вращенія жизни имѣетъ два полюса, счастіе личное и счастіе общественное, что необходимо считаться съ общественными идеалами, потому что небольшого толчка достаточно для превращенія ихъ въ живую силу, для увлеченія ими подобно потоку не только вѣрующихъ, но даже скептиковъ, сознающихъ неразумность, нелѣпость и пагубность этого движенія. Князь Горчаковъ — преимущественно военный человѣкъ — не входилъ въ подробности гражданскаго управленія, которое цѣликомъ почти лежало на г. П. Мухановѣ, завѣдывавшемъ въ качествѣ попечителя округа учебными заведеніями, и въ качествѣ директора правительственной коммисіи внутреннихъ дѣлъ — пріобщенными къ этой коммисіи послѣ 1831 г. исповѣданіями. Г. Мухановъ представлялъ собою типъ чиновника, вышколеннаго въ системѣ управленія Паскевича, трудолюбиваго, дѣлового, расторопнаго, отлично понимавшаго, что можно въ данную минуту укротить и обуздать всякія шляхетскія затѣи, возстановивъ противъ помѣщиковъ крестьянъ, но непостигающаго возможности управлять людьми иными способами, кромѣ обычныхъ механическихъ пріемовъ бюрократизма. Мухановъ женатъ былъ на полькѣ (вдовѣ Лубенской, урожденной Ярмонтъ) и отлично владѣлъ польскимъ языкомъ, постигалъ условія административнаго сепаратизма Царства Польскаго; но ни на одну минуту его не покидало высокомѣрное чувство человѣка отъ природы по національности своей предназначеннаго, чтобы править неспособными къ самобытному существованію людьми иной національности. Мухановъ былъ глубоко убѣжденъ, что римско-католическое духовенство надобно держать въ ежовыхъ рукавицахъ, что всякое разрѣшеніе собираться и обсуждать сообща вопросы всегда будетъ имѣть одинъ исходъ—политическую агитацію. Сама мысль объ университетѣ въ Варшавѣ его пугала: „тогда надобно

будетъ выстроить, сказалъ онъ, вторую цитадель". Отсюда вытекали его предположенія о томъ, чтобы, не образуя въ одномъ пунктѣ университета, разсѣять по всему краю отдѣльные факультеты—проектъ просто несбыточный по неимѣнію матеріальныхъ средствъ, которыхъ бы требовало его осуществленіе. Мухановъ воплощалъ въ себѣ всю систему; понятно, что на него должны были направиться первые удары революціи, какъ на выставленную мишень, и его паденіе должно было значить почти то же, что паденіе цѣлой системы.

Въ 1857 году послѣдовали два мѣропріятія, предназначенныя къ удовлетворенію въ нѣкоторой части тѣхъ ходатайствъ, съ которыми, какъ извѣстно было, носилась шляхта, хотя ей не дано ихъ офиціально выразить. Варшавѣ пожалованъ не университетъ, а медицинская академія, пробный оселокъ, по которому можно было бы узнать, возможно ли существованіе высшаго учебнаго заведенія въ безпокойномъ городѣ. Одновременно разрѣшено учрежденіе „Земледѣльческаго Общества", въ которое сразу записалось огромное число помѣщиковъ, капиталистовъ и интеллигентныхъ людей всѣхъ сословій. Мухановъ принималъ дѣятельное участіе въ образованіи этого общества; посредствомъ этого палліатива онъ надѣялся обойти съ каждымъ годомъ сильнѣе проявлявшуюся потребность въ учрежденіяхъ, въ средѣ которыхъ можно было бы возбуждать и гласно разбирать общественные вопросы. Учреждено частное общество; ему разрѣшено заниматься однимъ земледѣліемъ; но Царство Польское было въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ, по отсутствію всякихъ другихъ органовъ и каналовъ жизни общественной, всякое промышленное предпріятіе нѣсколько бо̀льшихъ размѣровъ получало политическую окраску и политика проникала даже въ пренія объ удобреніи полей, пшеницѣ и картофелѣ. За неимѣніемъ всякой другой организаціи, земледѣльческое общество превратилось мало-по-малу въ фактическое представительство общественнаго мнѣнія страны. Въ скоромъ времени политическое значеніе

его признано было самимъ правительствомъ: оно разрѣшило подвергнуть обсужденію земледѣльческаго общества крестьянскій вопросъ. Тогда это частное общество, получивъ офиціально въ свои руки самый жгучій изъ всѣхъ современныхъ вопросовъ—аграрный, имѣло уже основаніе разсматривать себя какъ родъ законодательнаго собранія. Вскорѣ послѣ того, подъ вліяніемъ событій и подъ давленіемъ начавшагося въ массахъ революціоннаго движенія, оно мало-по-малу превратилось въ одинъ изъ факторовъ этой революціи. Но прежде чѣмъ коснемся этой стороны дѣятельности земледѣльческаго общества, котораго членомъ Вѣлёпольскій не сдѣлался и къ которому при первыхъ его шагахъ на политическомъ поприщѣ онъ отнесся враждебно, мы должны, придерживаясь хронологическаго порядка событій, коснуться еще одного эпизода изъ частной жизни маркиза; этотъ эпизодъ заставилъ много говорить и писать о Вѣлёпольскомъ и усилилъ еще болѣе и безъ того значительную его непопулярность: я разумѣю дѣло объ утвержденіи и исполненіи духовнаго завѣщанія о библіотекѣ, собраніяхъ и капиталахъ Константина Свидзинскаго.

VIII.

Дѣло о завѣщаніи Свидзинскаго.

Константинъ Свидзинскій (1793—1855), извѣстный археологъ и библіофилъ, былъ десятью годами старше Вѣлёпольскаго, съ которымъ впервые познакомился, когда они оба засѣдали въ званіи пословъ или депутатовъ на сеймѣ 1831 года, во время революціи, и подружились. Свидзинскій устно и печатно принялъ тогда сторону Вѣлёпольскаго, защищая его отъ несправедливыхъ нападокъ на него личнаго врага его Ольриха, по поводу дѣятельности Вѣлёпольскаго во время лондонской его миссіи и правъ на участвованіе въ сеймѣ въ роли посла. Оба

пріятеля были люди знатные, консерваторы и аристократы, оба очутились въ изгнаніи въ Краковѣ въ 1831 г. гдѣ Вѣлёпольскій помышлялъ о профессурѣ за границей, а Свидзинскій сталъ предаваться страсти, которая потомъ его цѣликомъ поглотила—собиранію рѣдкихъ книгъ и памятниковъ древности. Свидзинскій цѣнилъ въ Вѣлёпольскомъ солиднаго знатока исторіи и человѣка весьма опредѣленныхъ и стойкихъ политическихъ убѣжденій. Ихъ связывала еще одна черта, рѣдкая въ современныхъ имъ полякахъ: отзывчивость на славянскую идею, на которой Вѣлёпольскій, какъ практическій человѣкъ, основывалъ свою политику, между тѣмъ какъ Свидзинскій открылъ ее, роясь въ старинѣ и доходя до общихъ славянскимъ національностямъ корней. Свидзинскій съ 1833 г. поселился въ кіевской губерніи, посѣщалъ часто Кіевъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ литературной дѣятельности польскаго кружка, гдѣ главнымъ лицомъ былъ Михаилъ Грабовскій; онъ былъ также въ близкихъ отношеніяхъ къ малороссійскому кружку (Кулишъ, Костомаровъ) и дожилъ до старости холостякомъ. Подъ конецъ жизни его стала сильно занимать мысль, какъ бы передать свои литературныя сокровища въ надежныя крѣпкія руки на пользу общественную, для соотечественниковъ-поляковъ. Задача была не легкая, печальная судьба постигала общественно-польскія учрежденія, воздвигаемыя трудами частныхъ лицъ изъ пожертвованій, библіотека Залусскихъ отвезена какъ трофей въ С.-Петербургъ послѣ раздѣла Польши въ 1795 г., туда же отправлена послѣ 1831 года библіотека Общества Любителей Наукъ. Музей, устроенный въ Вильнѣ трудами Константина Тышкевича въ бывшей большой залѣ университета, очищенъ послѣ 1863 г. руками псевдоревнителей русской народности отъ всѣхъ предметовъ, могущихъ пробуждать пріятныя для поляка воспоминанія, съ устраненіемъ отъ завѣдыванія имъ, какъ самого учредителя, такъ и вообще лицъ польскаго происхожденія. Свидзинскій сознавалъ всю шаткость почвы, всю неустойчивость учрежденій, предоставляемыхъ самимъ себѣ въ минуты потря-

сеній общественной почвы, и потому рѣшился прислонить ее къ чему-нибудь столь надежному и прочному, чего бы никакія общественныя бури не могли, по его соображеніямъ, ниспровергнуть. Такою крѣпкою точкою опоры показалась ему *ординація Мышковская* Вѣлёпольскаго, съ которою онъ рѣшился соединить неразрывно свое книгохранилище и свои коллекціи, въ надеждѣ, что Вѣлёпольскій, тронутый этимъ знакомъ довѣрія, приметъ завѣщанное и исполнитъ его предсмертную волю. Просить лично о томъ Вѣлёпольскаго ему не довелось, но онъ писалъ къ нему письмо, изъ котораго заимствуемъ слѣдующіе отрывки (Biblioteka Warszawska z r. 1857, III, 463): „Все, что для меня всего дороже, чему я посвятилъ всѣ мои достатки, способности и жизнь, довѣряю твоимъ рукамъ и отдаю подъ твою охрану. Я уповаю, что ты порадѣешь объ этомъ моемъ трудѣ, что ты его устроишь и оградишь такъ, чтобы онъ пребывалъ при имени рода твоего нетронутымъ и неразсѣяннымъ на будущіе вѣка, на благо соотчичамъ. Обязую тебя подвести музей мой подъ права и привилегіи ординаціи. Во-вторыхъ, желаю, чтобы ты купилъ немедля домъ въ Варшавѣ, для помѣщенія библіотеки. Если бы были затрудненія съ Варшавою, желаю, чтобы ты избралъ Сульгостовъ“ (имѣніе Свидзинскаго въ радомской губерніи). Неизвѣстно, дошло ли это письмо безъ числа, обнародованное Бартошевичемъ, до Вѣлёпольскаго, прежде смерти Свидзинскаго и далъ ли Вѣлёпольскій какой-либо отвѣтъ.

Вѣлёпольскіе, отецъ и сынъ, находились въ то время, когда Свидзинскому близился конецъ, далеко за границей—въ Италіи. При осуществленіи своей идеи, Свидзинскій обнаружилъ большую непрактичность. 11-го октября 1855 года онъ составилъ только имъ самимъ подписанную записку, озаглавленную *кодицилемъ*, но, по неформальности своей, не имѣющую никакой силы; въ ней онъ поручалъ свои коллекціи опекѣ 42 лицъ, называемыхъ имъ „попечителями“, учрежденію изъ ученыхъ и друзей, съ которыми онъ состоялъ въ частныхъ личныхъ или литературныхъ сношеніяхъ или которыхъ просто уважалъ

не будучи знакомъ съ ними лично [1]). Нѣкоторые изъ этихъ нареченныхъ попечителями окружали Свидзинскаго передъ его кончиною и настаивали на томъ, чтобы онъ выразилъ точнѣе свою волю въ формѣ устава, но Свидзинскій не захотѣлъ этого исполнить. Одинъ изъ близкихъ пріятелей умирающаго, Эразмъ Михаловскій, поднесъ ему сочиненный имъ проектъ устава музея имени Свидзинскаго, въ которомъ хотя и предполагалось, что музей будетъ существовать при Мышковской ординаціи, но маркизъ отъ завѣдыванія учрежденіемъ почти совершенно устранялся; музей долженъ былъ состоять въ Варшавѣ подъ вѣдѣніемъ двухъ кураторовъ, съ предоставленіемъ Вѣлёпольскому одной только комнаты въ томъ домѣ. Свидзинскій не далъ своей подписи и, отвернувшись къ стѣнѣ отъ убѣждавшихъ его подписаться, сказалъ: Вѣлёпольскій имѣетъ больше ума, нежели всѣ вы (Bibliotеka Ordyn Myszk. z 1860). Позднѣе такъ называемаго „кодицила“, отъ 11 октября, составлено 14 ноября настоящее и формальное завѣщаніе Свидзинскаго, которое, какъ послѣднее его распоряженіе, только одно и можетъ быть считаемо его предсмертною волею. По этому завѣщанію (Bibl. Ord. Mysz. Zapis K. Swidzińskiego r. 1859) Свидзинскій дѣлалъ незначительный отказъ въ пользу родного брата подъ условіемъ, чтобы онъ не претендовалъ на остальное, и, записывая кое-что родственникамъ и слугамъ, завѣщатель выразился такимъ образомъ: все остальное мое состояніе, заключающееся въ Сульгостовѣ, капиталахъ и коллекціяхъ... „записываю и навѣки дарю Александру Осиповичу Вѣлёпольскому и его потомкамъ на *правахъ полной и неограниченной собственности*. Однако я желаю, и о томъ наслѣдника по завѣщанію прошу, чтобы онъ купилъ либо выстроилъ домъ для помѣщенія коллекцій и библіотеки либо въ Сульгостовѣ, либо въ Варшавѣ, либо гдѣ

---

[1]) Въ томъ числѣ были люди всевозможныхъ оттѣнковъ, во всѣхъ частяхъ Польши и въ эмиграціи: Титъ Дзялынскій, Ю. Бартошевичъ, Лелевель, Крашевскій, Гельцель, Ром. Губе, Малевскій, Малиновскій, Пржездецкій, Эр. Михаловскій, Генрихъ Ржевускій, Вѣлёпольскій и др.

онъ найдетъ, что тò будетъ соотвѣтственнѣе для достиженія цѣли; чтобы онъ содержалъ библіотекаря изъ доходовъ Сульгостова и озаботился изданіемъ рукописей. Прошу Вѣлёпольскаго употребить всѣ старанія, чтобы библіотека и рукописи, раздѣляя судьбу Мышковской ординаціи, не могли быть отчуждаемы. Предоставляю ему власть продать Сульгостовъ или обмѣнять на другое имѣніе для умноженія средствъ содержанія и для увеличенія библіотеки". Завѣщатель назначилъ 4-хъ душеприказчиковъ, въ томъ числѣ графа Ал. Пржездецкаго и Эразма Михаловскаго, и указывалъ на того же графа Пржездецкаго и на историка Юліана Бартошевича, какъ на лицъ, которыхъ онъ проситъ принять участіе въ приведеніи въ извѣстность библіотеки и коллекцій.

Таково было завѣщаніе. Никакой необходимости не имѣлось подчиняться ему. Вѣлёпольскій могъ не только юридически, но и нравственно уклониться отъ принятія отказа. Онъ нисколько бы не поступилъ противно обязанностямъ честнаго патріота, если бы не принялъ отказа, налагающаго на него обязанности, несовмѣстимыя съ тѣми другими обязанностями, которыя на немъ лежали, какъ на владѣльцѣ небогатой еле-еле приведенной въ лучшее состояніе цѣною громадныхъ усилій ординаціи. Содержаніе и развитіе такого учрежденія, какъ библіотека, предназначенная для пользованія публики, требуетъ большихъ средствъ, издержки со временемъ растутъ и могутъ оказаться не по силамъ частному лицу, даже и такому, которое располагаетъ доходами съ маіората. Копію съ завѣщанія Вѣлёпольскій получилъ въ Римѣ, довѣріе къ нему друга тронуло его до глубины души, онъ принялъ легатъ тотчасъ, не колеблясь и рѣшительно, но принялъ его, конечно, въ томъ видѣ и на тѣхъ условіяхъ, въ какихъ воля покойнаго выразилась въ самомъ завѣщаніи. Онъ никакого значенія не придавалъ ни предшествовавшему завѣщанію, ни неупомянутому въ завѣщаніи, слѣдовательно отмѣненному завѣщателемъ, такъ называемому, кодицилю 11 октября 1855 г., ни предполо-

женіямъ ревнителей польской литературы и исторіи, которыхъ живое воображеніе уже сооружало изъ коллекцій Свидзинскаго на средства оставшагося послѣ него состоянія, но также и коштомъ Мышковской ординаціи, великолѣпнѣйшій національно-польскій институтъ. Вѣлёпольскій смотрѣлъ на душеприказчиковъ какъ на лицъ, которыхъ дѣятельность должна ограничиться передачею ему коллекцій Свидзинскаго, разсѣянныхъ повсюду, часть ихъ находилась въ Брусиловѣ, Кіев. губ., часть въ Сульгостовѣ, часть въ в. к. Познанскомъ; а на г. Бартошевича — какъ на оцѣнщика книгъ и эксперта по части библіотечнаго устройства, совѣтами коего можно пользоваться, но не обязательно. Совсѣмъ иначе смотрѣли на дѣло многіе литераторы, которыхъ имена занесены были въ кодициль: они принимали на себя званіе завѣщателемъ установленныхъ охранителей его „пожертвованія“ (*fundacyi*) и проектировали его устройство не въ иномъ мѣстѣ, какъ въ Варшавѣ, гдѣ бы само общество чрезъ своихъ представителей, на основаніи придумываемаго имй устава, должно было распорядиться и управлять заведеніемъ, а ординатъ долженъ былъ бы считать себя осчастливленнымъ тѣмъ, что его ординація будетъ служить пьедесталомъ и питомникомъ для содержанія учрежденія имени Свидзинскаго. Люди, не жертвующіе сами ни копѣйки, старались при посредствѣ общественнаго мнѣнія и печати, которою они располагали, повліять на Вѣлёпольскаго и заставить его совершить то, чего онъ не предполагалъ даже дѣлать, и то, чего онъ не могъ сдѣлать, не разстраивая собственнаго состоянія; притомъ они даже не оставляли за нимъ никакой заслуги отъ исполненія того, что̀ они ему навязывали. Этотъ образъ дѣйствія былъ и несправедливъ, и безтактенъ; онъ могъ вооружить противъ себя человѣка даже и менѣе самостоятельнаго, нежели Вѣлёпольскій. Такою безтактностью отличился въ особенности, очень почтенный въ другихъ отношеніяхъ человѣкъ и горячій патріотъ, одинъ изъ редакторовъ журнала „Biblioteka Warszawska“, историкъ

Ю. Бартошевичъ, который писалъ слѣдующее (B. W. z. r. 1857, II, 487): „К. Свидзинскій учинилъ одно изъ величайшихъ пожертвованій, обращающихъ на него вниманіе всего народа. Исторія эпохи запишетъ его имя и передастъ слѣдующимъ поколѣніямъ. Всѣ иныя заслуги его блѣдны въ сравненіи съ этимъ достославнымъ пожертвованіемъ. Свидзинскій желалъ, чтобы его институтъ помѣщался въ Варшавѣ. Отказъ книгохранилища Вѣлёпольскому есть не болѣе какъ *фикція*. Оно числится юридически за Вѣлёпольскимъ, но оно—публичная собственность".

Эти слова были невѣрны, Свидзинскій возился съ разными мыслями о томъ, какъ осуществить свой замыселъ о пожертвованіи, въ концѣ концовъ онъ довѣрилъ само это существованіе знакомому лицу, предоставивъ ему полный просторъ дѣйствовать по усмотрѣнію. Можно было предвидѣть, что Вѣлёпольскій исполнитъ все то, что на него возложено на письмѣ въ завѣщаніи, но постарается сдѣлать это совсѣмъ иначе, нежели совѣтовали ему душеприказчики и попечители; что онъ поставитъ себѣ за правило дѣйствовать наперекоръ газетамъ. Онъ это и заявилъ публично въ рѣчи, произнесенной въ апелляціонномъ судѣ Царства Польскаго въ слѣдующихъ словахъ: „Тою диктатурой дружбы и довѣрія (т.-е. отказомъ Свидзинскаго) я ни съ кѣмъ не подѣлюсь. Я не признаю другой стражи надо мной, кромѣ духа Свидзинскаго и моей совѣсти. Пространной болтовнѣ обо мнѣ въ газетахъ я не подчинюсь, но и не отстану, обезкураживаясь ими, отъ моего труднаго предпріятія". Relinquendum est rumoribus tempus quo senescant", — писалъ онъ въ Bibl. Ord. Mysz. r. 1859. Избранный имъ способъ исполненія послѣдней воли Свидзинскаго состоялъ въ слѣдующемъ. Библіотеку и музей онъ рѣшился помѣстить не въ Варшавѣ, которой онъ не любилъ, и не въ Сульгостовѣ, который онъ предположилъ продать, но въ ординатской усадьбѣ Хробержѣ. Построенъ былъ особый домъ, съ кабинетами и читальнями, стоившій 14 т. рублей, по планамъ архитектора Маркони. На этомъ домѣ поставлена

надпись: *A. W. re familiari restituta et Constantini Swidzinski dono aedes has a fundamentis erexit, bonarum artium studiis dicavit* [1]). Вѣлёпольскій не захотѣлъ обратить эту библіотеку, зарытую въ провинціальной глуши, въ публичную, но рѣшился сдѣлать ее доступною для всей образованной публики, въ особенности для интересующейся тѣми знаніями, которыя составляли спеціальность книгохранилища Свидзинскаго — археологіею и исторіею. Онъ приглашалъ печатно пользоваться ею всѣхъ членовъ ученыхъ обществъ, всѣхъ профессоровъ, членовъ земледѣльческаго общества, библіотекарей, редакторовъ и сотрудниковъ газетъ и журналовъ польскихъ и вообще славянскихъ, лицъ, имѣющихъ ученыя степени, или тѣхъ, которыя безъ всякаго титула и званія объявятъ цѣль своихъ изслѣдованій. Всѣмъ приглашаемымъ, такимъ образомъ, посѣтителямъ маркизъ предлагалъ у себя, какъ своимъ гостямъ, безплатно помѣщеніе и столъ (B. Ord. Mysz. 1859). Онъ звалъ ихъ къ себѣ въ выраженіяхъ поэтическихъ и патетическихъ: „Мы открываемъ сокровища и сердце младшимъ панамъ братьямъ. Да соблаговолятъ они по временамъ, убѣгая отъ однообразныхъ мазовецкихъ равнинъ и суеты столицы, навѣщать нашу краковскую землю, на которой выросло когда-то все величіе нашей исторіи. Здѣсь, на мирныхъ холмахъ надъ долиною Ниды, между горою Болеслава Храбраго, напоминающею вѣка военной нашей славы, и виднѣющимся вдали храмомъ въ Вислицѣ, исполненнымъ законодательныхъ воспоминаній Казимира Великаго, въ виду горъ, на которыхъ бѣлѣетъ Пинчовъ, звучатъ еще отголоски вѣка Сигизмундовъ. Подъ сѣнью стародавнихъ липъ пришельцевъ ждутъ коллекціи Свидзинскаго и, подобно древней Пинчовской академіи, манятъ къ свободнымъ занятіямъ и къ подкрѣпляющимъ духъ и для наукъ полезнымъ размышленіямъ“.

---

[1]) А. В., устроивъ родовое состояніе, и вслѣдствіе дара К. Свидзинскаго возвелъ это зданіе отъ основанія и посвятилъ занятіямъ добрыми искусствами.

Несмотря на заманчивыя приглашенія, никто почти не пользовался ими и не ѣхалъ работать въ далекій Хробержъ. Вѣлёпольскому не удалось даже и осуществить своихъ намѣреній по отношенію пріобщенія музея къ ординаціи и продажи Сульгостова, потому что ему въ томъ мѣшалъ четыре года (1856—1859) длившійся процессъ по иску, предъявленному боковыми родственниками умершаго Свидзинскаго объ уничтоженіи его завѣщанія, какъ заключающаго въ себѣ недопускаемую закономъ субституцію.

Проигравъ этотъ процессъ въ первой инстанціи, въ Радомѣ, Вѣлёпольскій выигралъ его въ апелляціонномъ судѣ и въ сенатѣ варшавскомъ (1857 и 1858). Но онъ его не выигралъ въ печати и въ общественномъ мнѣніи. И на судѣ, и въ журналахъ, душеприказчики Михаловскій и Пржездзецкій, Ю. Бартошевичъ и другіе пользовались всякимъ случаемъ, чтобы заявить, что они порицаютъ способъ, избранный Вѣлёпольскимъ для исполненія завѣщанія, какъ противный волѣ завѣщателя. Въ рѣшеніи сената по дѣлу о завѣщаніи Свидзинскаго есть слѣдъ толковъ, возбужденныхъ настроеннымъ противъ Вѣлёпольскаго общественнымъ мнѣніемъ. Сенатъ, отклоняя искъ братьевъ Свидзинскаго, призналъ, что можетъ быть поставленъ вопросъ о способѣ осуществленія послѣдней воли Свидзинскаго, но что вопросъ этотъ не подлежитъ по настоящему дѣлу разрѣшенію. Вѣлёпольскій велъ дѣло самъ и произносилъ длинныя рѣчи въ судебныхъ засѣданіяхъ; онъ и въ газетахъ велъ самую ожесточенную и ѣдкую полемику съ противниками, исполненную съ обѣихъ сторонъ личностей и самыхъ несправедливыхъ обвиненій. „Наслѣдіе мы получили, писалъ онъ, не отъ всего міра, а только отъ К. Свидзинскаго. Наши противники, ощутивъ призваніе свыше разсуждать о томъ, чего не понимаютъ, создали тысячи тысячъ экземпляровъ „Газеты Варшавской“, „Библіотеки Варшавской“, „Хроники“, „Ежедневной Газеты“; наставивъ такое множество зеркалъ, отражающихъ творческую ихъ славу и наклоненныхъ одни къ другимъ

подъ разными углами, они, воспроизводя себя безъ конца и качаясь, воздаютъ другъ другу поклоны несмѣтное число разъ“. Казалось, что маркизъ достигъ своей цѣли послѣ рѣшенія сената. Обнаружилось, что онъ ошибался; искъ возобновленъ былъ Свидзинскими на другихъ основаніяхъ, а издержки процесса уже поглотили почти половину капитала (11 тыс. р.). Самъ Сульгостовъ стоилъ при покупкѣ его всего 45 т. рублей. Предстоящая тяжба грозила поглощеніемъ всего капитала и части стоимости Сульгостова; тогда библіотеку и музей пришлось бы поддерживать на собственныя средства ординаціи. Передъ этою перспективою маркизъ сдался и отступилъ, онъ отказался отъ легата, отдалъ Свидзинскимъ Сульгостовъ и капиталъ, уменьшенный вычетомъ изъ него издержекъ процесса, но съ отнесеніемъ на собственный Вѣлёпольскаго счетъ постройки, обошедшейся въ 14 т. По особому условію этой мировой, Свидзинскіе обязались уступить книги и коллекціи Константина Свидзинскаго Красинскимъ, для пріобщенія ихъ къ ординаціи Красинскихъ, и платить на содержаніе библіотеки ежегодно по 1,650 р. Указъ, утверждающій за Красинскими эти сокровища, послѣдовалъ въ 1862 г.; нынѣ эти коллекціи и книги помѣщаются во дворцѣ Красинскихъ на Краковскомъ предмѣстьѣ въ Варшавѣ. Разставаясь съ ними, маркизъ писалъ (Bibl. Ord. Mysz. 1860): „Несвободнаго осуществленія намѣреній К. Свидзинскаго я не желаю; свободное не можетъ совершиться среди торжища, браней и инсинуацій... Мы надѣялись, что здоровое зерно довѣрія къ намъ друга, взлелѣянное нашими стараніями, одолѣетъ плевелы подозрѣній, но оказывается, что эти плевелы быстрѣе растутъ и лучше успѣваютъ. Борьбѣ этой я посвятилъ четыре года трудовъ. Ради ихъ мой сынъ Сигизмундъ долженъ былъ оставить военную службу... Если послѣ судебной побѣды надъ врагами мы должны оставить поле сраженія подъ натискомъ друзей (т.-е. душеприказчиковъ), то мы предоставляемъ цѣлой странѣ обсудить по совѣсти, кто въ томъ виноватъ“. Маркизъ

былъ почти одинъ-одинехонекъ того мнѣнія, что онъ правъ. Огромное большинство публики, относясь къ нему пристрастно, видѣло въ немъ эгоиста, который разстроилъ благія предположенія Константина Свидзинскаго и воспрепятствовалъ имъ осуществиться.

IX.

Андрей Замойскій.—Дѣятельность земледѣльческаго общества по аграрному вопросу.

Когда послѣдовало разрѣшеніе открыть земледѣльческое общество, то въ средѣ этого общества выдвинулся на первый планъ и занялъ самое видное мѣсто, по никѣмъ неоспариваемому праву, человѣкъ, котораго имя записано въ событіяхъ 1861—1863 годовъ рядомъ съ Вѣлёпольскимъ и который имѣлъ на эти событія вліяніе большое и во многихъ отношеніяхъ роковое: графъ Андрей Замойскій. Нѣтъ фамиліи въ цѣлой коронной польской аристократіи, которая была бы славнѣе и знаменитѣе. Происходила она по прямой линіи отъ того славнаго Яна Замойскаго, который сдѣланъ канцлеромъ и гетманомъ при Баторіѣ, породнился съ нимъ и возвелъ на престолъ Сигизмунда III Вазу. Дѣдъ Андрея, тоже Андрей Замойскій, канцлеръ, одинъ изъ немногихъ честныхъ людей испорченной эпохи, составилъ, по порученію сейма, проектъ кодекса при королѣ Понятовскомъ, отвергнутаго сеймомъ потому, что въ проектѣ этомъ были попытки поставить крестьянъ подъ защиту закона. Отецъ графа Андрея, Станиславъ ординатъ, былъ предсѣдателемъ сената при Александрѣ I, мать его, Софія, урожденная Чарторыская [1]), была родная сестра князя Адама Чарторыскаго. Отъ этого брака родились: старшій сынъ — Константинъ, получившій, по праву первородства, орди-

[1]) Она похоронена въ Santa-Croce, во Флоренціи, гдѣ ей и поставленъ великолѣпный мраморный мавзолей.

націю, второй—Андрей, третій—Владиславъ, о которомъ была уже рѣчь, какъ о бывшемъ адъютантѣ Цесаревича, а потомъ какъ о самомъ зломъ противникѣ Россіи, заправляющемъ дипломатическими связями той части эмиграціи, которая держалась отеля Ламберъ и князя Чарторыскаго. Константинъ Замойскій и второй братъ его, Андрей, родившійся въ 1800 году (тремя годами раньше Вѣлёпольскаго), воспитывались сначала, въ 1816 году, въ Женевѣ. Андрей учился математикѣ и инженерному искусству, подъ руководствомъ Дюфура, впослѣдствіи командовавшаго войсками швейцарскаго союза. Съ 1819 г. онъ посѣщалъ эдинбургскій университетъ, гдѣ и получилъ оставшуюся у него на всю жизнь англійскую складку ума и характера, любовь къ англійскимъ учрежденіямъ, къ англійской литературѣ, даже къ англійскому сельскому хозяйству. Потомъ, вернувшись на родину, онъ поступилъ на службу, работалъ подъ начальствомъ самаго способнаго изъ польскихъ министровъ, завѣдывавшаго внутренними дѣлами — Ѳедора Мостовскаго, по отдѣленію промышленности и торговли. По странному совпаденію обстоятельствъ, въ одномъ и томъ же приказѣ, отъ 12-го мая 1829 года, опредѣлены шамбеланами (камергерами) бывшаго королевско-польскаго двора императора Николая Замойскій и Вѣлёпольскій, которыхъ пути скрещивались потомъ многократно, но никогда не шли параллельно, а всегда почти такъ, что оба эти лица становились на противоположныхъ концахъ.

Когда вспыхнуло повстанье 1830 года, понятно, что Андрей Замойскій держалъ сторону дяди и брата. Онъ поступилъ въ войско, дрался и раненъ былъ подъ Гроховомъ, нѣкоторое время исправлялъ должность министра внутреннихъ дѣлъ временнаго правительства, наконецъ, когда повстанье догорало, его отправили въ Вѣну, къ князю Меттерниху, побудить послѣдняго къ заступничеству за поляковъ. Когда онъ возвратился, то въ Варшавѣ онъ засталъ Паскевича, который пригрозилъ ему разстрѣляніемъ, но потомъ оставилъ его въ покоѣ. Замойскій не эми-

грировалъ, прервалъ всякія сношенія съ родными, ушедшими за границу. Онъ цѣлилъ выше и начертилъ себѣ планъ жизни болѣе трудный, требующій большого усилія надъ собою: оставаться на мѣстѣ подъ подозрѣніями правительства, среди стѣсненій и среди общества, упавшаго духомъ и обезкураженнаго, и работать. Дѣятельность возможна была только частная, Замойскій и ограничился на всю жизнь ея предѣлами, никогда потомъ онъ не принималъ никакого офиціальнаго положенія, но именно вслѣдствіе того, что его дѣятельность имѣла чисто частный характеръ, его допустили заниматься земледѣліемъ и промышленностью, заводить образцовыя фермы, улучшать породы лошадей и скота, учредить компанію для пароходства по Вислѣ, собирать у себя въ Клеменсовѣ помѣщиковъ-агрономовъ, пріѣзжавшихъ въ качествѣ гостей, для бесѣдъ о мѣрахъ къ усовершенствованію хозяйства; наконецъ, основать въ 1842 году періодическое изданіе (по 2 книжки въ годъ)—„Ежегодники хозяйства страны“ (Roczniki gospodarstwa krajowego), съ весьма обширнымъ кругомъ сотрудниковъ. Къ числу основателей и сотрудниковъ принадлежалъ и А. Вѣлёпольскій. Подъ конецъ жизни, послѣ высылки за границу, въ 1862 г., Замойскій занимался тюрьмами и написалъ толстую книгу объ ихъ устройствѣ [1]). Былъ одинъ спеціальный практическій вопросъ, которому онъ не могъ не посвятить себя съ величайшимъ усердіемъ по фамильнымъ преданіямъ своего дома, а именно— переводъ крестьянъ съ барщины на оброкъ. Дѣдъ его, канцлеръ, началъ переводить крестьянъ на оброкъ въ 1760 г., братъ его, ординатъ Константинъ, перевелъ до 15,000 душъ въ своей ординаціи: Андрей Замойскій сдѣлалъ то же самое въ своихъ имѣніяхъ, съ тою разницею, что, переоброчивая крестьянъ, онъ не ограничивался замѣною барщины на деньги, но вводилъ цѣлую систему долгосрочныхъ арендъ. Дальше долгосрочной аренды не шли его предположенія объ улуч-

[1]) O systemie Więzień poprawczych Irlandskich przez hr. And Zamoyskiego. Lwów, 1870.

шеніи быта крестьянъ: идея освобожденія крестьянъ съ надѣлами встрѣчала въ немъ, какъ и въ Вѣлёпольскомъ, рѣшительныхъ противниковъ и считаема была прямымъ ниспроверженіемъ начала собственности и законнаго порядка. Онъ самъ своимъ примѣромъ старался доказать превосходство аренднаго хозяйства, снявъ въ аренду нѣсколько помѣстій у брата ордината и населяя у себя имѣніе семействами вызванныхъ изъ Англіи и Шотландіи фермеровъ (Niwa za г. 1879, № 109, Andrzej Zamoyski artykut L. Górskiego).

Впрочемъ, эта наружная оболочка была обманчива. Въ этомъ человѣкѣ, который по чопорнымъ манерамъ, даже по кройкѣ платья походилъ на англичанина, который, повидимому, любилъ только положительное и чуждался отвлеченныхъ идей, подъ этою наружностью скрывалась душа мягкая, чувствительная, сердце польское, притомъ исполненное чувствъ самоновѣйшаго чекана, то-есть много выстрадавшее подъ ударами судьбы, доведенное до того мечтательнаго и мистическаго фанатизма въ любви къ отечеству, которое и составляло отличительную черту въ современномъ ему поколѣніи: оно воспитано было романтизмомъ и прошло политическую школу въ повстаньи 1830 года. Хотя Замойскій являлъ изъ себя видъ завзятаго агронома и промышленника, но настоящей коммерческой смѣтки въ немъ не было, и предпріятія его рѣдко удавались; спекулировалъ онъ по долгу совѣсти, по мотивамъ чистѣйшаго патріотизма; что же касается до политики этого патріотизма, то можно сказать, что она была не отъ міра сего. Отечество, которое онъ возлюбилъ, было обширное, цѣльное, отъ моря и до моря, и независимое, какъ во времена Сигизмундовъ и Баторія. Онъ жилъ душою въ этомъ идеалѣ отрѣшенномъ отъ условій времени и мѣста, не задаваясь никакими соображеніями о томъ, какими путями его осуществить, не дѣлалъ ни одного шага впередъ для этого осуществленія и систематически сторонился отъ всякихъ сдѣлокъ съ дѣйствительностью. Что Польша будетъ—тому онъ вѣрилъ,

хотя бы для очистки ей мѣста пришлось перевернуть вверхъ дномъ половину Европы. Чего бы то ни было добиваться, просить, требовать—значило, съ точки зрѣнія Замойскаго, отступать отъ идеала и отрекаться: потому онъ всегда предпочиталъ довольствоваться крохами свободы, падающими отъ времени до времени по волѣ Муханова и Горчакова, нежели формулировать какія бы то ни было опредѣленныя желанія. Если бы дали конституцію 1815 г. съ тѣмъ, чтобы объ ней попросить,—онъ отказался бы просить. „Мы не имѣемъ права требовать, но не желаемъ ни о чемъ просить", сказалъ онъ въ засѣданіи земледѣльческаго общества, 27-го февраля 1861 г.; а на вопросъ кн. Горчакова: что дѣлать? нѣсколько часовъ потомъ сказалъ: „покинуть страну" (*Lisicki*, A. Wielopolski; I, 145, 147). Эти два изреченія обрисовываютъ вполнѣ человѣка и объясняютъ его небывалую, безпримѣрную популярность. Положеніе его въ ходѣ событій было всегда выжидательное, такъ какъ, не беря на себя почина въ движеніи, онъ, самъ того не сознавая, подчинялся ему, усматривая въ совершающемся начало того, что Польша „какъ зрѣлый плодъ отвалится отъ русскаго дерева" (Lis. A. W. I, 143). Вслѣдствіе своей мистической мечтательности, несмотря на свой консерватизмъ и легальный образъ мыслей, Замойскій былъ въ душѣ съ революціонерами заодно безъ сговора, *tacito consensu*, и превратился въ знамя, которое революція несла потомъ на своихъ плечахъ. Онъ былъ естественный предводитель бѣлой, умѣренной, помѣщичьей партіи, тѣмъ болѣе желанный и удобный, что безконечна была его доброта и предупредительность по отношенію къ людямъ, ниже его по общественному положенію стоящимъ, и что въ сущности, имѣя его во главѣ партіи, каждый дѣятельный членъ этой партіи предполагалъ, что будетъ ею управлять понемногу.

Когда было дано разрѣшеніе открыть земледѣльческое общество, то ядро его составили редакторы „Ежегодниковъ хозяйства страны" въ числѣ 50 слишкомъ чело-

вѣкъ; пригласили еще человѣкъ 20 крупныхъ помѣщиковъ, отличавшихся успѣхами въ земледѣліи. Въ первомъ такомъ засѣданіи общаго собранія, 4 (16) января 1858 г., Замойскій избранъ предсѣдателемъ единогласно; а одновременно избраны и 16 членовъ комитета, который долженъ былъ завѣдывать дѣлами общества. Это первое засѣданіе ознаменовалось еще тѣмъ, что въ немъ произошелъ разрывъ пріязненныхъ сношеній между Замойскимъ и Вѣлёпольскимъ, вслѣдствіе котораго Вѣлёпольскіе, Александръ и сынъ его Сигизмундъ, совсѣмъ устранились отъ общества — не записались вовсе въ число его членовъ. А. Вѣлёпольскій не пріѣхалъ въ Варшаву ко дню открытія общества и образованія его состава, а прислалъ, вмѣсто себя, старшаго сына Сигизмунда. Лисицкій старается доказать (Le Marquis A. W., II, 44), что Вѣлёпольскій тогда уже предвидѣлъ опасность отъ образованія общества, потому что оно по необходимости будетъ втянуто въ политическіе вопросы, не будучи къ тому уполномочено уставомъ, и сойдетъ съ рельсовъ законности. Объясненіе это натянуто и невѣроятно. По своимъ принципамъ Вѣлёпольскій не пренебрегалъ ни малѣйшею уступкою правительства въ пользу жизни общественной: политикою общество занялось только впослѣдствіи, когда ему было предложено обсуждать законодательный крестьянскій вопросъ. Не пріѣхалъ Вѣлёпольскій, повидимому, потому, что онъ вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе процессомъ Свидзинскаго и былъ бы въ средѣ собравшихся почти совершенно одинокъ, безъ того вліянія на дѣло, которое ему принадлежало и по уму, и по опытности въ той спеціальности, которую развивать предполагало общество. Предсѣдатель Замойскій своею властью не допустилъ Сигизмунда Вѣлёпольскаго занять мѣсто въ заступничествѣ за отца въ числѣ учредителей. Этотъ отказъ былъ несправедливъ потому, что другіе изъ явившихся той же категоріи были допущены въ засѣданіе, вмѣсто своихъ отцовъ и родственниковъ. Вѣлёпольскіе приписали это распоряженіе тому, будто бы Замой-

скій выразилъ свое неудовольствіе Сигизмунду Вѣлёпольскому, который въ севастопольскую войну надѣлъ русскій военный мундиръ. Такъ ли было или иначе, а въ самомъ фактѣ сказалось недружелюбное отношеніе Замойскаго къ А. Вѣлёпольскому: оно имѣло не одну только личную подкладку — несходство натуръ, темпераментовъ, но и другое, болѣе глубокое основаніе: инстинктивную подозрительность мечтателя-кунктатора, которымъ всецѣло завладѣла идея реставраціи, къ активному политику, почти измѣнившему, по мнѣнію мечтателя, польской идеѣ и на всѣхъ парахъ заносившемуся мыслью въ славянскую теорію, съ точки зрѣнія Замойскаго, ничѣмъ не отличавшуюся отъ ненавистнаго ему русскаго панславизма. Вѣроятно, и Замойскій, и большинство комитета были рады освободиться отъ непопулярнаго маркиза. Успѣхи земледѣльческаго общества были громадные, число его членовъ достигало 3,000; каждое общее собраніе, происходившее въ Варшавѣ обыкновенно въ началѣ года, было общественнымъ первостепеннымъ событіемъ; комитетъ функціонировалъ почти круглый годъ, учреждаемы были выставки, раздаваемы были награды и преміи за лучшія сочиненія; заводились образцовыя фермы, школы. Всѣ лучи жизни общественной, казалось, преломлялись въ этомъ учрежденіи, какъ въ фокусѣ. Отвыкшее отъ публичныхъ совѣщаній, общество дивилось многочисленности краснорѣчивыхъ ораторовъ, которымъ по силамъ были спеціальнѣйшіе вопросы, порядку образцовому въ засѣданіяхъ, гдѣ пренія происходили спокойнѣе и стройнѣе нежели когда-либо въ какомъ-либо изъ польскихъ сеймовъ. Господствовавшій тонъ важности степенной и серьезность работъ подкупили самого Муханова, который бывалъ въ полныхъ собраніяхъ общества и содѣйствовалъ передачѣ ему на обсужденіе вопроса о крестьянской реформѣ. Эта передача совершилась при слѣдующихъ обстоятельствахъ и условіяхъ.

Личная свобода дана крестьянамъ 21 декабря 1807 г. Они превратились въ свободныхъ людей осѣдлыхъ на по-

мѣщичьихъ земляхъ. Вслѣдъ затѣмъ введенъ кодексъ Наполеона, который допускаетъ два только способа арендованія чужихъ земель: посредствомъ уплаты за нихъ аренды деньгами или посредствомъ дѣлежа плодовъ; но этому кодексу совсѣмъ несвойственно понятіе отработыванія арендной платы или такъ называемой барщины. Введеніе кодекса вело поэтому къ отмѣнѣ барщины, а именно, къ такой отмѣнѣ пролагаемъ былъ путь въ ст. 1142 кодекса: „всякое обязательство что-либо дѣлать или не дѣлать, въ случаѣ неисполненія со стороны должника, превращается въ обязанность вознаградить за вредъ и убытки“. Изъ этой статьи вытекаетъ невозможность для помѣщика понуждать крестьянъ къ работѣ и право его требовать денежнаго эквивалента работы, то-есть, въ сущности, чинша. Но статья 1142 кодекса оставалась мертвою буквою. Люди прогрессивные въ Царствѣ Польскомъ, но не изъ революціонеровъ, требовали отмѣны барщины. Они подраздѣлялись на двѣ группы. Одни изъ нихъ, составлявшіе по численности большинство, не желали вмѣшательства въ это дѣло власти законодательной, и полагали, что вся реформа можетъ быть совершена простымъ переводомъ крестьянъ, по добровольному соглашенію, съ барщины на оброкъ, безъ потрясенія начала помѣщичьей собственности. Они не считали даже необходимымъ превращать крестьянъ въ вѣчныхъ чиншевиковъ, а только въ долгосрочныхъ арендаторовъ. Въ этихъ идеяхъ А. Замойскій сходился съ Вѣлёпольскимъ; разница между ними была только та, что Замойскій допускалъ 99-лѣтнюю аренду, слѣдовательно, столь продолжительную, что она почти равнялась вѣчному чиншу, между тѣмъ, какъ, по понятіямъ Вѣлёпольскаго, договоры помѣщиковъ съ крестьянами не должны превышать срока 24 лѣтъ. Но кромѣ этой партіи была еще значительная группа и такихъ людей, которые не считали возможнымъ стоять на строго цивилистической точкѣ зрѣнія, находили, углубляясь въ исторію, что земледѣльческій классъ еще во времена послѣднихъ Пястовъ и въ періодъ Ягеллоновъ былъ оби-

женъ, подвергшись прикрѣпленію къ землѣ и переходу купно съ этою землею въ несвободное состояніе, граничащее съ рабствомъ. Отъ этой обиды и несправедливости произошло въ сущности и паденіе Польши; теперь приходится подкладывать подъ нее новые фундаменты. Въ дѣлѣ закладки ихъ надлежитъ исходить изъ той мысли, что крестьянская земля есть общая собственность и помѣщика и крестьянина, и что крестьянину надлежитъ облегчить возможность сдѣлаться ея собственникомъ посредствомъ уплаты за нее выкупа помѣщику по льготной оцѣнкѣ. Выкупъ могъ бы быть облегченъ посредствомъ подходящей банковой выкупной операціи и производствомъ его цѣлыми селеніями. Крестьянамъ, выходящимъ изъ имущественной зависимости, надлежало бы дать крѣпкую общинную организацію. Таковы были мнѣнія авторитетныхъ людей, Ф. Зѣлинскаго, губернатора Лащинскаго, въ особенности же Ѳомы Потоцкаго, родственника А. Вѣлёпольскаго, который, подъ псевдонимомъ Кржижтопора, написалъ два лучшія сочиненія по крестьянскому вопросу: „O urządzeniu stosunków rolniczych w Polsce“. Poznań, 1851; и „Poranki Karlsbadzkie“. Poznań, 1858.

Указъ Императора Николая 26 мая (6 іюня) 1846 г., который послужилъ краеугольнымъ камнемъ для всей позднѣйшей русской политики по крестьянскому вопросу, былъ отвѣтомъ русскаго правительства на заигрываніе агентовъ демократической польской пропаганды съ крестьянами. Этимъ указомъ даны помѣщичьимъ крестьянамъ громадныя по тому времени льготы: отмѣнены такъ называемыя даремщины и принужденные наймы, обезпечено крестьянамъ, отбывающимъ исправно свои повинности, спокойное владѣніе усадьбами и пользованіе угодьями, запрещено возвышать повинности, а что всего важнѣе— установлена неприкосновенность крестьянскаго надѣла воспрещеніемъ присоединять крестьянскія земли къ землямъ дворовымъ или фольварочнымъ. Благимъ послѣдствіямъ этого указа отдавали должную похвалу даже и консерваторы. Какъ помѣщикъ, Вѣлёпольскій опредѣляетъ

хорошую его сторону такимъ образомъ: „Положенъ конецъ вакханаліямъ барщиннаго насилія, сдѣлано точное опредѣленіе повинностей крестьянскихъ“ (Bibl. Ord. Myzs. 1859, s. 58). Но вмѣстѣ съ тѣмъ указъ разстраивалъ всѣ начинанія и планы сторонниковъ добровольнаго очиншеванія, полагавшихъ возможнымъ устроить исподволь крестьянское дѣло, не прибѣгая къ законодательной регламентаціи. Напрасно старался увѣрить себя и другихъ Вѣлёпольскій (B. Ord. M. 1859), что такъ какъ указъ 1846 г. говоритъ только объ чиншеваніи, то онъ основанъ на уваженіи къ началу (помѣщичьей) собственности. Самъ онъ признаетъ, что добровольное очиншеваніе пріостановилось и развязка задержана возбужденіемъ ожиданій. Крестьяне разсуждали: крестьянскій надѣлъ не считается правительствомъ собственностью помѣщика, коль скоро оно отнимаетъ у него власть распоряжаться этимъ надѣломъ. Надеждамъ въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ предѣловъ: крестьяне, очевидно, доходили до ожиданія, что когда-нибудь надѣлы будутъ подарены имъ безмездно.

Издавъ указъ 1846 г., правительство не торопилось и въ теченіе 12 лѣтъ не касалось крестьянскаго вопроса; только 16 (28) декабря 1858 г. послѣдовало Высочайше утвержденное постановленіе совѣта управленія царства польскаго о добровольномъ очиншеваніи; оно установило тѣ нормы, на которыхъ рѣшено совершать переводъ крестьянъ съ барщины на оброкъ. Нормы эти были слѣдующія: вѣчный чиншъ, либо съ опредѣленіемъ высоты его неизмѣнно навсегда либо съ измѣненіемъ его по среднимъ цѣнамъ ржи не менѣе какъ чрезъ 20 лѣтъ. Постановленіе было въ сущности шагъ назадъ въ сравненіи съ указомъ 1846 г.: оно предлагало очиншеваніе не обязательное, а добровольное, безъ надѣленія крестьянъ землею, между тѣмъ какъ во всей имперіи былъ поднятъ во всей его широтѣ крестьянскій вопросъ и былъ уже переданъ на обсужденіе дворянства, а при обсужденіи его мнѣніе, поддерживаемое прессою, напирало въ пользу освобожденія крестьянъ съ землею. Де-

сять мѣсяцевъ послѣ того, въ октябрѣ 1859 г., правительство, которое подвергало въ губернскихъ дворянскихъ комитетахъ крестьянскій вопросъ обсужденію представителей помѣщиковъ, въ царствѣ польскомъ не могло этого сдѣлать, по отсутствію корпоративной организаціи дворянства, и потому постановило прибѣгнуть къ земледѣльческому обществу, какъ къ суррогату, замѣняющему дворянскіе собранія и комитеты; оно разрѣшило земледѣльческому обществу разбирать и отмѣчать въ журналахъ засѣданій заключенія свои о мѣрахъ, могущихъ споспѣшествовать очиншеванію крестьянъ на утвержденныхъ правительствомъ основаніяхъ. Въ настоящее время едва ли подлежитъ спору, что подобное направленіе, данное крестьянскому дѣлу, заключало въ себѣ капитальную ошибку. Громадный политическій вопросъ первостепенной важности вручаемъ былъ какъ игрушка въ руки частному собранію, въ кругъ вѣдѣнія котораго этотъ вопросъ не входилъ и которое, принимая на себя по требованію правительства роль законодателя, получало политическій характеръ, тѣмъ болѣе опасный, что не были вовсе опредѣлены ни вѣдомство этого собранія, ни его задача. Основаніе сдѣлки было не ясное и неизбѣжно вело къ недоразумѣніямъ, вредные плоды котораго созрѣли въ 1861 году. Съ одной стороны, собраніе, не призванное къ тому, чтобы служить органомъ, выражающимъ нужды и потребности населенія, но фактически составляющее моральное представительство страны, по отсутствію всякаго другого подходящаго органа, превращалось, по волѣ правительства, въ родъ аграрнаго парламента; съ другой стороны, офиціально работы этого собранія носили характеръ простой агрономической экспертизы, которой не нужно потомъ давать хода и которая можетъ быть оставлена, какъ всякія заключенія свѣдущихъ людей, безъ прямого приложенія и безъ отвѣта. Это смѣшеніе ролей и задачъ агрономической съ политическою сильно не понравилось бойкому, прозорливому и практическому уму наблюдавшаго издали за земледѣльческимъ обществомъ

Вѣлёпольскаго. Онъ чутьемъ чувствовалъ приближеніе нарождающагося революціоннаго кризиса и первыхъ вѣяній повстанья 1863 г. и предугадывалъ, что истекаетъ последній срокъ, когда можно предупредить повстанье, пожаловавъ обществу, сообразно настоятельнымъ его нуждамъ и потребностямъ, соотвѣтствующія общественныя учрежденія. Онъ желалъ заставить земледѣльческое общество, къ которому не принадлежалъ, взять на себя починъ въ ходатайствѣ у власти по крайней мѣрѣ о томъ, что было обѣщано въ 1832 г., въ органическомъ статутѣ, но никогда не было осуществлено,—и внесъ посредствомъ второго своего сына Іосифа и отъ имени его въ первое засѣданіе общества, гдѣ долженъ былъ подвергаться сужденію крестьянскій вопросъ, предложеніе, въ которомъ упоминались Высочайшія слова, сказанныя въ Варшавѣ о сохраненіи пожалованныхъ императоромъ Николаемъ учрежденій, съ слѣдующимъ заключеніемъ: „общее собраніе земледѣльческаго общества, признавая себя некомпетентнымъ для обсужденія аграрнаго вопроса, возлагаетъ на избранную имъ спеціальную комиссію выработку проекта адреса о томъ къ государю. Этотъ адресъ долженъ содержать выраженіе чувствъ признательности за довѣріе, котораго оно удостоилось, и просьбу о порученіи аграрной реформы провинціальнымъ штатамъ, учрежденнымъ органическимъ статутомъ 1832 года“.

Это предложеніе было забаллотировано въ комитетѣ и не внесено даже въ общее собраніе. Оно было противно какъ коренному правилу предсѣдателя общества Замойскаго — ни о чемъ не просить, такъ и тогдашнему настроенію большинства членовъ общества, горѣвшаго нетерпѣніемъ приступить немедленно къ живому дѣлу, которое обществу было поручено, и боявшагося, чтобы заявленіе объ учрежденіяхъ не повлекло за собою отсрочку самаго рѣшенія вопроса на неопредѣленныя времена. Послѣ этой неудачи, маркизъ предался еще большему, чѣмъ прежде, уединенію и сидѣлъ почти безвыѣздно въ своемъ Хробержѣ, но онъ предвидѣлъ, что его время

приближается, и съ тою энергическою настойчивостью, которая видна въ „Мысляхъ и Замѣчаніяхъ“, готовилъ цѣлую программу, разсчитанную на тотъ моментъ, когда волна движенія поставитъ въ затрудненіе и земледѣльческое общество, и правительство. Ему казалось, что очевидность опасности заставитъ, наконецъ, подумать о необходимости ясной постановки вопросовъ, выработки системы управленія, усвоенія политикѣ твердыхъ логическихъ принциповъ, на которыхъ бы сошлись и національность, если она будетъ благоразумна, и правительство, если оно будетъ имѣть въ виду дѣйствительное успокоеніе страны не одними наружными средствами, но радикальными мѣрами, имѣющими болѣе глубокія, раціональныя основанія. Онъ чертилъ въ умѣ своемъ планы, какъ строить плотину отъ волнъ, на тотъ случай, когда событія заставятъ соорудить эту плотину и когда способные инженеры потребуются. Планы его простирались гораздо дальше органическаго статута 1832 года императора Николая и восходили къ конституціонной хартіи 1815 г. и къ полонофильской политикѣ императора Александра I.

Въ то время, когда Вѣлёпольскій задавался этими мыслями, земледѣльческое общество занялось живо и ревностно исполненіемъ возложенной на него задачи. Засѣданія общаго собранія 1860 г. ознаменованы многими поразительно умными рѣчами и блистательными преніями, но рѣшающее значеніе должно было имѣть только слѣдующее общее собраніе въ началѣ 1861 года, послѣ предварительныхъ работъ и подготовокъ со стороны комитета. Занятое исключительно дѣломъ аграрной реформы, общество не участвовало въ революціонномъ движеніи, которое въ 1860 г. уже дѣлало большіе успѣхи и распространялось постепенно на разные круги и слои народонаселенія, какъ въ царствѣ польскомъ, такъ и въ областяхъ имперіи, гдѣ польскій элементъ входилъ болѣе крупными цифрами въ племенной составъ населенія. Земледѣльческое общество относилось къ движенію если не прямо враждебно, то по крайней мѣрѣ весьма несочув-

ственно, какъ къ явленію, которое можетъ помѣшать успѣшному дальнѣйшему ходу законопроекта, имѣющаго быть выработаннымъ въ обществѣ, и утвержденію главныхъ его основаній правительствомъ. Въ окончательномъ своемъ выводѣ, работы общества поражали результатами, далеко опережавшими взгляды и желанія какъ предсѣдателя общества Замойскаго, такъ и А. Вѣлёпольскаго, потому что оба они одинаково не желали обращенія крестьянскихъ надѣловъ въ собственность крестьянъ, а мечтали только о созданіи класса долгосрочныхъ арендаторовъ. Въ тотъ самый февраль 1861 года, который ознаменованъ обнародованіемъ вѣчно памятныхъ положеній о крестьянахъ въ имперіи (19-го февраля 1861 года), общее собраніе земледѣльческаго общества въ составѣ полуторы тысячи членовъ, выражавшихъ дѣйствительно тогдашнее общественное мнѣніе страны и исходящихъ съ точки зрѣнія польской національной и патріотической, высказалось о желательности рѣшенія коренного вопроса крестьянской реформы въ царствѣ польскомъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ онъ разрѣшенъ положеніями 19-го февраля, т.-е. что „нельзя ограничиться очиншеваніемъ и что необходимо, чтобы посредствомъ соотвѣтствующей кредитной операціи, имѣющей цѣлью выкупъ чиншей, крестьяне могли быть поставлены въ возможность пріобрѣсти въ собственность свои надѣлы“. А. Замойскій, оставшійся въ меньшинствѣ и въ комитетѣ и въ общемъ собраніи, поступилъ какъ онъ обыкновенно поступалъ въ подобныхъ случаяхъ: онъ подчинился безусловно несомнѣнной, хотя и противной его убѣжденіямъ, волѣ большинства. Торжествовало мнѣніе благороднаго защитника интересовъ крестьянъ, Θомы Потоцкаго, по предложенію котораго тогда же постановлено избрать комиссію изъ десяти человѣкъ, которая бы занялась составленіемъ проекта выкупа чиншей посредствомъ капитализаціи ихъ по 6 процентовъ отъ 100. Біографъ Вѣлёпольскаго, Лисицкій, старается умалить значеніе февральскихъ постановленій собранія тѣмъ, что помѣщики, составлявшіе гро-

мадное большинство въ собраніи, были подкуплены надеждою получить въ свои руки выкупныя ссуды, и тѣмъ, что они поддались уже тогда революціонному демократическому движенію въ пользу крестьянъ. Эти сужденія до того лишены всякаго основанія, что ихъ не стòитъ и опровергать. Во всѣхъ дворянскихъ комитетахъ западныхъ и юго-западныхъ губерній, обсуждавшихъ крестьянскій вопросъ, образовалось мнѣніе, остававшееся, правда, въ меньшинствѣ, о необходимости надѣленія крестьянъ землею. Въ царствѣ польскомъ по его прошедшему степень политическаго и соціальнаго развитія общества была выше, чѣмъ въ западныхъ губерніяхъ, пониманіе общественнаго интереса еще яснѣе, притомъ земледѣльческому обществу пришлось рѣшать вопросъ уже тогда, когда воля правительства по отношенію къ крестьянамъ въ имперіи окончательно высказалась и когда не слѣдовало и помышлять о томъ, чтобы дать имъ въ царствѣ польскомъ меньше того, чтò имъ было дано въ имперіи положеніями 19-го февраля 1861 года. Если при этомъ оно руководствовалось, съ одной стороны, сознаніемъ необходимости исправить вѣковыя ошибки прошлаго, подкладывая подъ общество, подвергшееся паденію вслѣдствіе избытка аристократизма, широкій демократическій фундаментъ, съ другой — желаніемъ войти въ сдѣлку съ крестьянскими массами и предохранить ихъ отъ политической агитаціи, свирѣпствовавшей пока только по городамъ и между шляхетскимъ пролетаріатомъ, то эти желанія и соображенія такого рода, что ихъ скорѣе можно объяснить благоразумнымъ консерватизмомъ, нежели агитаторскими затѣями и податливостью революціоннымъ вѣяніямъ извѣстнаго момента.

Задача земледѣльческаго общества по аграрному вопросу была вполнѣ исчерпана его февральскими постановленіями въ то самое время, когда въ Варшавѣ произошли печальныя событія, обагрившія кровью ея мостовую и обнаружившія наглядно, какъ былъ шатокъ законный порядокъ въ странѣ, съ которою въ теченіе цѣлыхъ

тридцати лѣтъ обращались какъ съ покоренною. Національное движеніе, никогда не прекращавшееся съ 1831 года, но обнаруживавшееся только изрѣдка и то маленькими вспышками, прорвалось черезъ всѣ заставы и разлилось, такъ сказать, по улицамъ. Мы должны перейти теперь къ изображенію этихъ въ высшей степени характерныхъ уличныхъ событій.

X.

Общій характеръ уличнаго движенія.

Народное польское движеніе, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, начавшее опредѣлять событія и выдвигать впередъ лица съ момента, до котораго доведенъ нашъ разсказъ, есть явленіе столь крупное и сложное, что оно, очевидно, выходитъ за предѣлы моей задачи, но я не могу обойтись безъ составленія, если не обстоятельной оцѣнки, то по крайней мѣрѣ, характеристики этого историческаго событія. Я уже указывалъ на многочисленность и развѣтвленіе корней его. Какъ всякое народное ненормальное революціонное движеніе, оно было непроизвольное, зародившееся по закону роковой необходимости отъ неправильной постановки международнаго вопроса и отъ запущенія этого вопроса въ теченіе весьма продолжительнаго времени, когда онъ былъ откладываемъ и еще откладываемъ, пока волненія и смуты не поставили его энергически опять послѣ пропуска потеряннаго момента на очередь. Волненія явились одновременно и повсемѣстно, первоначально безъ всякаго плана и организаціи, и возникновеніе ихъ никакъ не можетъ быть относимо къ волѣ интеллигенціи общества, то-есть признанныхъ обществомъ его старшинъ и руководителей. Есть въ 3-й части „Дзядовъ“ Мицкевича характерная сцена (7), въ которой одинъ изъ молодыхъ, горячихъ людей жалуется на высшіе классы: „посмотрите, друзья, какая дрянь стоитъ во главѣ народа?“—Другой отвѣчаетъ: „не во главѣ, а на

поверхности. Народъ нашъ точно лава, сверху холодная и твердая, сухая и плюгавая, но внутри огонь не выстынетъ чрезъ сто лѣтъ; плевать намъ на эту корку и — опускаться вглубь". Хотя это движеніе, по происхожденію своему, не было произвольное, но оно было всеобщее, сопровождаемое сочувственными пожеланіями всѣхъ классовъ и сословій безъ различія партій. Однихъ оно увлекало, обольщая несбыточными надеждами, другихъ, весьма трезво судящихъ, оно подкупало тѣмъ, что полагало конецъ безвыходному положенію и выводило изъ мертваго застоя на какую бы то ни было, хотя бы мелкую и трудную, но общественную работу. Послѣдствій его никто не могъ предвидѣть; являлось оно какъ нѣчто ожидаемое и желаемое людьми одинаково любящими свой народъ, но діаметрально противоположными во всемъ остальномъ, напримѣръ, Замойскимъ и Вѣлёпольскимъ, изъ которыхъ первый усматривалъ въ немъ зарю воскресенія, а другой начало новаго бытія въ славянскомъ общемъ цѣломъ и подъ сѣнью русской державы. Эта неясность и неопредѣленность цѣлей движенія имѣла послѣдствіемъ, что на первыхъ порахъ русское общество не относилось къ польскому движенію враждебно, но скорѣе сочувственно, не находя пока ничего оскорбительнаго для русскаго патріотизма въ простыхъ, хотя и нелегальныхъ демонстраціяхъ противъ системы управленія, которая не была хороша, но держалась силою одной инерціи. Всѣ чувствовали, что ее надо замѣнить новою, въ особенности, при совершающемся обновленіи, посредствомъ реформъ, всего строя жизни русской. Безъ этого доброжелательства полякамъ въ русскомъ обществѣ, въ теченіе всего времени, пока польскій вопросъ не обострился и не перешелъ въ конфликтъ между двумя національностями съ роковымъ: быть или не быть,—нельзя и объяснить ни русской политики вплоть до начала 1863 г., ни той поддержки, которую нашли въ Петербургѣ планы Вѣлёпольскаго. Общественное мнѣніе въ Россіи, хотя и не относилось къ вопросу враждебно, но находило, однако, само движеніе несвое-

временнымъ и потому неудобнымъ. По этому предмету можно замѣтить, что какъ въ прошломъ, такъ и въ будущемъ, польскій вопросъ въ русской политикѣ и являлся доселѣ и, можетъ быть, будетъ являться, если не всегда, то еще долгое время, некстати и несвоевременно въ силу нижеслѣдующихъ обстоятельствъ.

Есть у польскаго поэта Кондратовича, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Сырокомли, отрывокъ, изображающій неимовѣрныя трудности сближенія двухъ отдѣльныхъ національностей (Sejm lubelski III, 301): „каждый народъ ли, племя ли имѣетъ свой особый обычай отъ отцовъ, свои историческіе законы, иное сердцебіеніе. Многое нужно, ахъ, многое при сліяніи двухъ разныхъ племенъ, чтобы сравнить обычай, чтобы сердца забились въ одинъ тактъ. Двѣ рѣки соединятся своими водами только тогда, когда проплывутъ чрезъ много утесовъ. Общая доля и недоля (несчастіе) связуютъ разныя племена“. Двумя народностями, имѣвшими безконечно разныя формулы развитія, исторія распорядилась такъ, что она ихъ соединила на вѣчныя времена бракомъ неравнымъ (вспомнимъ извѣстную въ свое время балладу графини Ростопчиной „Насильственный бракъ“), но нерасторжимымъ, не допускающимъ развода, на общую долю такъ, что только сообща они могутъ жить и успѣвать или страдать и гибнуть. Обѣ особи въ этой четѣ не сходятся темпераментами, настроены всегда на разные лады, когда одна на веселье, то другая на печаль; когда одна на раздраженіе, то другая на спокойствіе; одна на порывы, другая на терпѣніе и легальность, и наоборотъ. Риѳмъ движенія національныхъ жизней иной у каждой особи, и если бы изображать его графически, то пришлось бы чертить различной длины волны. Волна движенія русской жизни длиннѣе; давно уже замѣчено, что ростъ русскаго народа медленъ и мало замѣтенъ: весьма продолжительные періоды застоя и, какъ будто бы, сна перемежаются съ короткими эпохами преобразованій, когда организмъ какъ будто бы обновляется весь, когда въ одинъ мигъ пускается

въ ходъ то, что̀ въ теченіе десятилѣтій застоялось или было запущено, и создаются учрежденія, точно платья подрастающему юношѣ не по его росту, а на выростъ, съ тѣмъ, что, когда онъ поплотнѣетъ, то ему они придутся въ пору. Зато, какая дѣятельность, когда настаетъ великая пора, одна иногда на нѣсколько поколѣній,—а бываетъ она, когда отойдутъ заботы о внѣшнихъ дѣлахъ, и общество всецѣло углубляется въ свои внутреннія задачи! Эти задачи такъ многочисленны, что онѣ толпятся, на первый планъ выступаютъ тѣ, которыя попроще, ближе къ сердцу и яснѣе. Понятно, что польскій вопросъ не доходитъ до своей очереди, на него никакъ еще общество русское не пріучилось смотрѣть какъ на чисто-внутренній, а какъ на какой-то внѣшне-внутренній, смѣшанный, какъ на вопросъ не объ уравненіи племенъ, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, а объ укрощеніи вѣчныхъ враговъ и недоброжелателей, которые даже по собственному интересу, даже по чистому расчету никакъ, будто бы, не могутъ быть съ Россіею въ общегосударственномъ дѣлѣ заодно. Кромѣ этихъ старыхъ поминаній былого и привычекъ мышленія, есть еще и другая причина, затрудняющая сближеніе. Попытки сближенія если и дѣлались, то такимъ образомъ, что обѣ націи сходились, такъ сказать, на флангахъ въ своихъ крайностяхъ, съ наименѣе привлекательныхъ своихъ сторонъ, наименѣе надежными своими элементами. Нити заговоровъ въ Польшѣ находили поддержку еще въ двадцатыхъ годахъ сего столѣтія въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ; русское крѣпостничество, по естественному сродству, якшалось съ польскимъ крѣпостничествомъ, между тѣмъ средними своими классами и либеральными, гуманными стремленіями оба общества меньше всего сближались одно съ другимъ. Ритмъ польской жизни быстрѣе, нежели русской, и волна, по формѣ своей, правильнѣе, съ болѣе равномѣрными по времени откосами акціи и реакціи. Съ раздѣловъ Польши совершены два полные оборота въ этой жизни, кончившіеся ужасными катастрофами послѣ явно неразумныхъ,

но тѣмъ не менѣе общенародныхъ повстаній, одинъ съ 1794 по 1830, и второй отъ 1831 по 1863 г. Оба повстанія были обострившимися національными движеніями, которыя въ началѣ своемъ не имѣли явно враждебнаго для цѣлости и бытія Россіи характера. Оба движенія отразились въ жизни русской тѣмъ, что первое изъ нихъ, приключившееся въ періодъ начавшейся въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I реакціи, ускорило ее необычайно и подготовило выработку того строго милитарнаго режима, который просуществовалъ вплоть до начала нынѣшняго царствованія; второе движеніе подошло въ самую блистательную эпоху преобразованій, всеобщаго одушевленія и умственнаго подъема русской націи; трудно себѣ представить болѣе благопріятный моментъ, потому что общее настроеніе было таково, что готово было широкими льготами покрыть старые счеты и сойтись съ заявляющею о своихъ потребностяхъ національностью на единственно пригодной къ тому почвѣ—гуманныхъ идей и либеральныхъ учрежденій, даруемыхъ, не скупясь, щедрою рукою. Когда соглашеніе двухъ націй, котораго выраженіемъ былъ Вѣлёпольскій, не удалось, не состоялось, тогда эта неудача, показавъ, что гуманныя идеи не всемогущи, и выдвинувъ впередъ крутыхъ людей и крутыя мѣры, имѣла послѣдствіемъ значительное сокращеніе преобразовательной эпохи и быстрое наступленіе реакціи во внутренней политикѣ Россіи при недоконченныхъ и далеко не выведенныхъ подъ крышу преобразованіяхъ. Эти вредныя послѣдствія польскаго движенія, какъ для русскаго, такъ и для польскаго обществъ, опредѣлились только впослѣдствіи, когда по ослѣпленію и по слабости консервативные элементы въ польскомъ обществѣ не могли совладать съ движеніемъ и затормозить его, вслѣдствіе чего оно и разыгралось, какъ неудержимая, разрушительная стихійная сила, которой не дано полезнаго употребленія. У самаго своего источника въ 1859 и 1860 гг., движеніе имѣло видъ неизвѣстно кѣмъ затѣваемыхъ демонстрацій и манифе-

стацій, на которыя начинали откликаться все шире и шире разные круги и слои общества, по простому желанію дать волю придавленному національному чувству, заявить открыто, всенародно и во всеуслышаніе, въ глаза недолюбливаемой полиціи и во испытаніе ея долготерпѣнія, что нація еще не перестала существовать. Никакое общее національное движеніе не бываетъ подстроено и не является слѣдствіемъ заговора, но несомнѣнно, что, когда оно началось, то оно неизбѣжно должно получить извѣстную организацію. Всегда и вездѣ существуютъ кружки, сожительства и знакомства; тѣ изъ нихъ, на которые распространилось движеніе, превращаются въ организаціонныя клѣточки, внутри ихъ обозначаются болѣе и менѣе дѣятельныя особи, руководители и руководимые. Первая демонстрація въ іюлѣ 1860 г., на похоронахъ вдовы генерала Совинскаго, павшаго въ 1831 г., при взятіи русскими штурмомъ предмѣстья Воли у повстанцевъ, происходила на реформатскомъ кладбищѣ [1]). Осенью того же 1860 г., въ срединѣ октября стараго стиля, произошелъ съѣздъ въ Варшавѣ трехъ монарховъ: русскаго, короля прусскаго Вильгельма и императора австрійскаго Франца-Іосифа, пожаловавшаго передъ тѣмъ 8 (20) октября свой федеративный октябрьскій дипломъ и поставившаго кабинетъ, съ первымъ министромъ графомъ Голуховскимъ во главѣ. Уличные мальчишки урѣзывали цвѣтныя дамскія платья ножницами и обливали ихъ сѣрной кислотой; въ большомъ театрѣ, во время балета раздавляемы были пузырьки съ вонючею жидкостью. 17 (29) ноября, въ день св. Сатурнина, въ годовщину повстанія 1830 г., было стеченіе народа на одной изъ дальнихъ улицъ Варшавы, Лешнѣ, передъ статуей Богоматери при церкви кармелитовъ, и началось пѣніе церковныхъ гимновъ (Boże coś Polskę), которое потомъ сошло на не церковные, а просто на религіозно-патріотическіе мотивы (Z dymem pożarów). Изъ Варшавы манифестаціи распространились на всѣ города царства польскаго, на

[1]) Записки Н. В. Берга. О польскихъ заговорахъ и восстаніяхъ. Москва, 1873. Стр. 167.

села, на губерніи, бывшія литовскія. Пишущій эти строки былъ лично свидѣтелемъ, какъ онѣ возникали въ Вильнѣ, въ маѣ и іюнѣ 1861 г.; онъ заключаетъ, что и въ царствѣ польскомъ демонстраціи затѣвались подобнымъ же образомъ. Серьёзные люди держались въ сторонѣ, считая дѣло просто ребячествомъ. Послѣ обѣдни или вечерни, передъ церковью собирались дамы, дѣти, распускаемы были зонтики, хотя и при ясной погодѣ, дабы труднѣе было распознать издали поющія лица, начиналось нѣніе хоромъ, число строфъ въ заурядныхъ манифестанціонныхъ гимнахъ возрастало вслѣдствіе постепенныхъ вставокъ и прибавокъ, потомъ толпа расходилась, каждый возвращался къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Одна изъ этихъ пѣсней: Boże coś Polskę, сочинена въ двадцатыхъ годахъ Алоизіемъ Фелинскимъ, въ чувствахъ единенія съ русскими („Соедини узломъ свободы твои народы подъ одною державою ангела мира...“) и благодарности императору Александру Павловичу за возстановленіе польскаго королевства („возврати, Боже, новой Польшѣ древній ея блескъ“). Вторая хоровая пѣсня, или хоралъ: Z dymem pożarów, была новая, сочиненная однимъ изъ талантливѣйшихъ польскихъ лириковъ Корнеліемъ Уѣйскимъ-галичаниномъ; христіанскаго ничего почти нѣтъ въ этомъ протяжномъ, могучемъ стонѣ въ духѣ Плача Іереміи, столь древне-библейскомъ, что я самъ въ 1861 г. слышалъ его и на площадяхъ, и въ церквахъ, и въ синагогахъ (на Данилевичовской улицѣ, гдѣ нынѣ малый театръ). Такъ, злобствуя, плакать и, плача, вѣрить умѣли только древніе пророки („У насъ нѣтъ пѣсни безъ жалобы, терновый вѣнецъ впился въ чело; вѣчно, какъ памятникъ Твоего гнѣва, торчитъ поднятая длань молельщика... Между тѣмъ врагъ одолѣваетъ и кидаетъ намъ точно камень насмѣшку: „гдѣ же вашъ отецъ? гдѣ же вашъ Богъ?“— Пѣснь кончается пророчествомъ. „Съ архангеломъ твоимъ во главѣ, мы пойдемъ на великій бой и на тѣлѣ сатаны водрузимъ побѣдный стягъ, раскроемъ сердца для заблудшей братьи, вину смоетъ свобода, тогда услышитъ

богохулитель нашъ отвѣтъ: Богъ былъ и есть".—Переводъ обѣихъ пѣсней см. въ Библіотекѣ для Чтенія, 1864, февраль). Струя движенія имѣла у самаго своего источника религіозную окраску; она направлялась въ храмъ Божій и наполняла его, послѣ чего уже изъ церкви она разливалась по улицамъ. Вначалѣ, всѣ безъ изъятія духовныя власти: духовенства римско-католическое, реформатское, еврейское сопротивлялись сильно такой профанаціи религіи [1]), такому насилованію ея революціонерами, во всѣхъ отношеніяхъ предосудительному и чреватому самыми пагубными послѣдствіями, потому что оно соблазняло духовенство, въ особенности римско-католическое, столь склонное оплакивать упадокъ вліянія церкви на дѣла мірскія, и открывало ему въ миражѣ чарующія перспективы дѣятельности, власти, господства надъ умами,—съ другой же стороны, дѣлая религію рабынею страстей народныхъ, соединяло церковь желѣзными цѣпями съ революціею, обрекало обѣ на одну и ту же участь, то-есть, при полной невѣроятности успѣха революціоннаго дѣла, на неизбѣжныя, жестокія и безпардонныя репрессаліи послѣ пораженія, котораго не могли не предвидѣть люди маломальски трезвые и разсудительные. Соблазнъ былъ силенъ, и въ концѣ концовъ какъ ни крѣпилось сначала духовенство, оно стало въ большинствѣ своихъ представителей заодно съ теченіемъ, при чемъ все будущее церкви оно отдало въ жертву за нѣсколько моментовъ упоенія. Не отрицая вины, привожу, однако, сильно смягчающія ее обстоятельства. Одни изъ этихъ обстоятельствъ свойственны римско-католическому исповѣданію вообще, другія положенію его въ Россіи и особеннымъ отношеніемъ его къ русскому правительству. Старая церковъ имѣетъ большія притязанія и не ладитъ ни съ духомъ вѣка, то-есть, съ новѣйшими успѣхами культуры, ни съ основами

---

[1]) Я самъ былъ свидѣтелемъ панихиды, устроенной въ церкви св Екатерины на Невскомъ проспектѣ, въ мартѣ 1861 года, по убитымъ на варшавской мостовой въ февралѣ. Присутствовало много русскихъ—доминиканцы не знали о томъ, кому справляютъ панихиду, и сопротивлялись. Пѣсня была спѣта помимо ихъ сопротивленія.

современнаго государства. Въ тѣхъ или другихъ формахъ возгоралась послѣ перемирій „культурная борьба", которая никогда еще не кончалась побѣдою государства, потому что легко религіозную совѣсть прижать, стѣснить, но гоненіе только удвоиваетъ силу гонимой церкви, и послѣ самыхъ торжественныхъ заявленій о томъ, что „мы не пойдемъ въ Каноссу", приходилось отправляться, если не въ самую Каноссу, то въ мѣста къ ней близкія, т.-е. отказываться отъ строгостей и идти на мировую. Форма соглашенія, которое бы было безобидно для обѣихъ сторонъ, еще не найдена; ее должно искать не въ одной вѣротерпимости, но и въ *одинаковой* для всѣхъ вѣръ и убѣжденій религіозной свободѣ, которая бы не допустила ни одному изъ нихъ брать верхъ и притѣснять или вытѣснять другія.—Въ предѣлахъ Россіи общій вопросъ осложнялся еще тѣмъ, что по конституціоннымъ преданіямъ, по хартіи 1815 г. и по ст. 5 органич. статута 1832 г., римскій католицизмъ претендовалъ на особенно привилегированное положеніе, между тѣмъ какъ въ имперіи онъ сталкивался съ другимъ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ, которое преслѣдовало совращеніе, обязательно пріобщало къ себѣ дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ и совершило въ 1839 г. (соборный актъ въ Полоцкѣ 12 февраля) полное присоединеніе уніатовъ въ западныхъ губерніяхъ [1]). Статьи объ уніи, составленныя по подлиннымъ источникамъ о. Морошкинымъ, доказываютъ несомнѣнно, что присоединеніе произошло по почину людей, задумавшихъ его въ средѣ самой уніатской іерархіи, но доказываютъ также, что оно совершено при содѣйствіи свѣтской власти и послѣ сильнаго сопротивленія со стороны извѣстной части присоединяемыхъ. Присоединеніе не касалось уніатовъ въ царствѣ польскомъ, но фактъ былъ знаменателенъ, какъ прецедентъ. Суровая и деспотическая система управленія краемъ князя Паскевича отразилась и на духовныхъ дѣлахъ, которыя отне-

[1]) Возсоединеніе уніи, статья отца Морошкина въ «Вѣстникѣ Европы» 1872 г.

сены къ вѣдомству комиссіи внутреннихъ дѣлъ. Недостатокъ системы—держанія духовенства въ строгой субординаціи государству, заключается въ томъ, что въ силу служащаго государству права представленія папѣ на епископскія мѣста кандидатовъ, обходятся съ умысломъ при назначеніяхъ люди твердаго характера и самостоятельные, а должности эти занимаютъ лица безцвѣтныя, болѣе податливыя, которыхъ потомъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, теченіе народное уноситъ съ собою безъ всякаго съ ихъ стороны сопротивленія. Что касается до низшаго духовенства, то его положеніе среди движенія было невыносимо тяжкое и почти незащитимое. Крѣпкій союзъ яркихъ воспоминаній и общихъ страданій соединялъ значительно сошедшую съ высотъ своего средневѣковаго величія церковь и развѣнчанную, лишенную самобытности, національность. Духовенство польское было всегда сильно патріотично, въ патріотическихъ чувствахъ оно находило средства къ поддержанію благочестія, оно учило *sperare contra spem,* чаять чудеснаго, надѣяться на лучшее вопреки всему происходящему. И вдругъ появилось нѣчто похожее на чудо, зардѣлось пламя національно-религіознаго чувства; оно распространилось на необозримыя пространства, оно превратилось въ пожаръ. Есть нѣчто потрясающее въ согласованныхъ дѣйствіяхъ громадныхъ народныхъ массъ, хотя бы и ограничивающихся только тѣмъ, что онѣ поютъ религіозныя пѣсни, подставляя грудь вооруженной силѣ, не рѣшающейся стрѣлять въ молельщиковъ. Прибавимъ, что по всей прошлой жизни и занятіямъ эти духовные и вѣрили и учили пренебреженію земными средствами и упованію въ сверхъ естественныя. Теперь имъ предстояло или тушить это пламя, отрекаясь отъ всей прежней жизни, въ теченіе коей они тщательно раздували его искры, и прослыть отступниками, или славить самый пожаръ, какъ дѣло провидѣнія, и стать во главѣ народныхъ массъ, потому что сама смерть вкупѣ и на людяхъ красна. Въ одной изъ своихъ поэмъ (Anhelli) Словацкій изображаетъ три типа польскаго ре-

волюціонерства: графа Скира, который предлагаетъ весь народъ ошляхетчить, солдата Скартабеллу, который предлагаетъ всѣхъ обратить въ мужиковъ, и отца Бонифата, который совѣтуетъ спасать народъ только молитвой и приказываетъ всѣмъ идти и погибать не защищаясь, какъ дѣлаютъ мученики. Такихъ отцовъ Бонифатовъ было безъ счету и въ народѣ, между свѣтскими и между низшимъ духовенствомъ, которое и винить очень трудно, въ особенности, по сравненію ихъ съ старшею братіею, высшимъ духовенствомъ, въ нѣкоторое оправданіе коего можно бы привести только то, что во главѣ его, вслѣдствіе вліянія по особеннымъ расчетамъ направляющей духовными дѣлами свѣтской политики, стояли люди посредственные и по способностямъ и по характеру.

Манифестаціи шли развиваясь, повторяясь, пріобрѣтая все болѣе и болѣе вызывающій характеръ. Народонаселеніе втягивалось въ эту забаву, пріучалось подчиняться дѣйствовавшимъ исподтишка малоизвѣстнымъ организаторамъ. Чувствовалась духота въ общественной атмосферѣ и накопленіе электричества. При такихъ условіяхъ столкновеніе было неизбѣжно и оно случилось при похоронахъ какого-то малоизвѣстнаго человѣка 27 февраля 1861 г., послѣ 2 часовъ пополудни, когда близъ дома (не существующаго теперь) Мальча, съуживавшаго Краковское Предмѣстье, генералъ Заболоцкій, съ ротой Низовскаго полка, раздраженный тѣмъ, что изъ дома Мальча сыпались на него и на солдатъ камни и кирпичи, скомандовалъ: пли! Отъ этихъ выстрѣловъ пало въ густой толпѣ народа 5 человѣкъ: два помѣщика, два рабочіе съ фабрикъ, одинъ гимназистъ. Впечатлѣніе, вызванное смертью пяти жертъ 15 (27) февраля, было колоссальное; взрывъ негодованія произошелъ всеобщій и озадачилъ намѣстника. Толчокъ былъ данъ и привелъ въ движеніе всѣ группы польскаго общества, которыя приняли потомъ участіе въ начинавшемся и вступившемъ въ острый фазисъ революціонномъ движеніи. Намъ слѣдуетъ сдѣлать обзоръ этихъ группъ.

XI.

27 февраля 1861 г. Два адреса.

Общія или „вальныя“ засѣданія земледѣльческаго общества происходили въ февралѣ 1861 г., на Краковскомъ Предмѣстьѣ, въ такъ называемомъ „дворцѣ намѣстника“, предъ которымъ у входа на обширный дворъ расположились гранитные львы, а нѣсколько дальше ко дворцу высится нынѣ бронзовая статуя Паскевича. Комитетъ общества изъ 16 человѣкъ собирался для подготовительныхъ работъ у предсѣдателя Андрея Замойскаго на Новомъ-Свѣтѣ въ его домѣ, теперь носящемъ надпись: „домъ военнаго вѣдомства“. „Моральное представительство страны“, сильно соблазняемое и со всѣхъ сторонъ подговариваемое къ тому, чтобы оно взяло на себя активно починъ въ мѣрахъ, которыя бы отвратили неизбѣжный конфликтъ, грозящій обагрить кровью варшавскую мостовую, держался крѣпко въ предѣлахъ возложеннаго на него правительствомъ порученія по аграрному вопросу. Комитетъ съ Замойскимъ во главѣ давалъ на подобныя предложенія отрицательные или уклончивые отвѣты. Былъ процентъ горячихъ головъ въ средѣ собранія, но сравнительно малый. Засѣданія происходили въ присутствіи старательно посѣщавшаго ихъ и наблюдавшаго за рѣчами П. Муханова. Жара переживаемой минуты и серьезность положенія сказались однако и здѣсь въ болѣе радикальномъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, нежели того желали А. Замойскій и вожаки общества, то-есть въ рѣшеніи его 13 (25) февраля на началахъ надѣленія крестьянъ землею и выкупа чиншей. Вслѣдствіе твердой рѣшимости Замойскаго и его штаба держаться въ предѣлахъ своего устава и порученій, полученныхъ отъ правительства, на строго легальной почвѣ, земледѣльческое общество не пользовалось вовсе популярностью на улицѣ. Темные агитаторы крайняго направленія, организовавшіе уличныя демонстраціи, пытались во что бы то ни стало

заманить общество на улицу, увлечь его и силою заставить принять участіе въ столкновеніи народа съ правительствомъ. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей этой масти, Агатонъ Гиллеръ [1]) откровенно признается, что агитаторы замышляли „увлечь общество къ протесту противъ угнетенія и принудить его подать адресъ къ Царю съ требованіемъ политическихъ правъ и автономіи“. Въ тотъ самый день, 13 (25) февраля, когда состоялось постановленіе о крестьянскомъ надѣлѣ, уличныя событія прервали пренія общества. Походъ съ крестами, устроенный отъ Лешна чрезъ Старе-Място, мимо замка и намѣстниковскаго дворца къ церкви св. Александра, разогнанъ былъ казаками и пѣхотою, прикладами и нагайками безъ выстрѣловъ, и въ залу засѣданія введенъ весь окровавленный одинъ изъ пострадавшихъ въ этой свалкѣ юноша, впослѣдствіи сдѣлавшійся извѣстнымъ какъ поэтъ и драматургъ Іосифъ Наржимскій. Замойскій послѣ этого сенсаціоннаго эпизода прекратилъ засѣданіе. По требованію комитета земледѣльческаго общества [2]), намѣстникъ отрядилъ для охраны общества солдатъ, которые расположились между львами и дворцомъ; 26 же числа Мухановъ заявилъ при появленіи своемъ въ засѣданіе, что онъ пришелъ раздѣлять съ обществомъ опасность.

Обществу нечего было опасаться грубой силы уличной толпы; наибольшее, что могло бы произойти, была бы „кошачья музыка“ или выбитіе стеколъ въ окнахъ въ пику умѣреннымъ панамъ-помѣщикамъ. Труднѣе было отражать давленіе съ другой стороны и возражать противъ весьма вѣскихъ резоновъ, которыми путемъ убѣжденія общество было подговариваемо къ изготовленію и подачѣ адреса монарху. Давленіе это исходило изъ двухъ совершенно разныхъ пунктовъ: отъ маркиза Вѣлёпольскаго и изъ, такъ называемой, купеческой рессурсы. Маркизъ Вѣлёпольскій, въ теченіе всего 1860 года, обнару-

---

[1]) A. G. Alexander hr. Wielopolski. Lwów. 1878 Przedruk z Gazety Narodowej.

[2]) Записки Н. Берга, 186.

живалъ признаки большого безпокойства: чутьемъ онъ предчувствовалъ приближеніе рѣшительной минуты, которую надобно было схватить, такъ сказать, налету, дабы овладѣть положеніемъ, получить власть и осуществить задуманную въ уединеніи, въ теченіе многихъ лѣтъ и тысячу разъ передуманную программу. Гордый, неуживчивый человѣкъ онъ отступалъ отъ своихъ привычекъ, желалъ имѣть точки опоры для своей политики, дѣлалъ авансы. Въ октябрѣ 1860 г. онъ отправился въ Парижъ искать себѣ сторонниковъ въ злѣйшемъ гнѣздѣ непримиримыхъ враговъ Россіи—между польскими эмигрантами. Само собою разумѣется, что видѣться онъ могъ не съ радикалами и не съ демократами, а только съ тою бѣлою аристократическою отраслью выходства, которая группировалась въ отелѣ Ламберъ и имѣла корифеемъ генерала Владислава Замойскаго. Расчетъ маркиза былъ бы вѣрный, если бы во имя чувствъ патріотизма онъ заставилъ выходцевъ поменьше возлагать надеждъ на звѣзду Наполеона и по крайней мѣрѣ повременить, пока будетъ сдѣланъ опытъ русско-польскаго сближенія на основаніяхъ начала „Pologna fara da se"—безъ помощи Запада. Тогда Вѣлёпольскій могъ бы считать, что онъ стоитъ твердою ногою на родной почвѣ, потому что, хотя земледѣльческое общество и выдавало себя за моральное представительство страны, однако моральнымъ правительствомъ страны оно не было. Серьезные люди, консерваторы признавали это значеніе только за выходствомъ и именно за тою частью его, которая держала въ рукахъ нити дипломатическаго дѣйствія; слѣдовательно Вѣлепольскій могъ думать, что если бы оно отнеслось къ нему только нейтрально и дало въ этомъ смыслѣ приказъ, то его приказа послушались бы. Эта попытка, однако, не удалась съ перваго же разу. Одна сторона далека была отъ того, чтобы понять и оцѣнить планъ маркиза по существу, другая слишкомъ горда и чувствительна по личнымъ вопросамъ. Положимъ, это такъ, сказалъ одинъ изъ участниковъ въ переговорахъ, въ кабинетѣ генерала Замойскаго, но объясните намъ

сначала. зачѣмъ вы заставили сына поступить въ русскую армію?—Такъ я заблагоразсудилъ (cela nous a paru convénable), отвѣчалъ сухо маркизъ [1]), и на этой фразѣ оборвалась бесѣда, послѣ чего ужъ рѣчи не было ни о чемъ серьезномъ. Маркизъ возвратился въ Хробержъ, но ему тамъ не сидѣлось; 17 февраля онъ отправился въ Варшаву со своимъ проектомъ адреса, который, по идеѣ маркиза, должны бы подписать члены общества, не какъ землевладѣльцы, а какъ шляхта, и снести къ намѣстнику лично цѣлою массою, а не чрезъ делегатовъ [2]). Маркизъ и не обращался къ Андрею Замойскому, что было, при отрицательномъ отношеніи сего послѣдняго къ какому бы то ни было адресу, совершенно безполезно. Но онъ видѣлся съ большею частью членовъ комитета, которые, спрашиваемые поодиночкѣ, хотя и входили въ виды маркиза и одобряли его намѣреніе, но когда пришлось дѣйствовать сообща, отшатнулись отъ него, такъ что на сторонѣ его остался, послѣ недѣли безплодныхъ переговоровъ, одинъ-одинешенекъ шуринъ его, Ѳома Замойскій, тотъ самый радикальнѣйшій изъ членовъ земледѣльческаго общества по крестьянскому вопросу, котораго мнѣніе рѣшило споръ о надѣленіи крестьянъ землею.

Гораздо настойчивѣе, чѣмъ Вѣлёпольскій, дѣйствовала въ томъ же направленіи, въ пользу энергическаго адреса, многочисленная группа людей, составлявшая цвѣтъ интеллигенціи города Варшавы, людей, имѣющихъ свой сборный пунктъ въ купеческомъ клубѣ или «рессурсѣ», близъ Рымарской улицы. Здѣсь преобладало бюргерство, мѣщанскій элементъ, люди средней руки, представители ума и капитала, низшіе чиновники, писатели, купцы, артисты, безъ различія происхожденія, потомки нѣмцевъ или евреевъ или ополячивающіеся евреи, которыми такъ богата Варшава. Ихъ уравненіе съ христіанами защищалъ въ то время І. И. Крашевскій, принявшій редакторство въ органѣ «Gazeta Codzienna», превратившейся послѣ февральскихъ

[1]) A. W., sa vie et son temps. II, 115.
[2]) Польское изданіе A. W. 1,144.

дней 1861 г. въ «Gazeta polska» и принадлежавшей одному изъ финансовыхъ тузовъ Варшавы, Леопольду Кроненбергу. Эти элементы сплавляло въ одну массу горячее, сильное польское чувство патріотизма. Очутившись между двухъ огней, между адресомъ Вѣлёпольскаго и требованіями варшавскаго бюргерства, А. Замойскій, чтобы не отступать отъ своего правила: «мы не желаемъ просить, но не въ правѣ требовать», придумалъ слѣдующую комбинацію. Общество земледѣльческое должно избрать изъ своей среды восемь человѣкъ, пользующихся довѣріемъ, отъ восьми бывшихъ въ царствѣ польскомъ воеводствъ (mężowie zaufania), которые, соединившись съ именитыми людьми отъ интеллигенціи варшавской, составятъ въ послѣднихъ числахъ февраля или первыхъ числахъ марта всеподданнѣйшій адресъ о положеніи края. Эта медлительность сильно не понравилась, въ особенности послѣ того, какъ 25 февраля столкновенія народа съ войскомъ на улицахъ стали доходить до употребленія прикладовъ и нагаекъ. Тогда 26 февраля состоялось между выдающимися лицами изъ умѣренныхъ варшавскихъ гражданъ рѣшеніе выбрать немедленно нѣсколько человѣкъ, которымъ бы и поручить составленіе самостоятельнаго адреса отъ города Варшавы, не обращая уже никакого вниманія на земледѣльческое общество, которое пусть за оплошность и медлительность свою само и отвѣчаетъ. Сборище изъ нѣсколькихъ десятковъ людей состоялось 14 (26) февраля послѣ обѣда, въ угловой кофейнѣ Европейской гостиницы (кофейня Конти), въ комнатѣ за бильярдною. Выкликали имена самыхъ популярныхъ людей въ Варшавѣ: докторъ Халубинскій, купецъ Шленкеръ, издатель ежедневной газеты Крашевскій, рядомъ съ нимъ Кёнигъ, отличившійся полемикою противъ евреевъ, генералъ Левинскій, священники Вышинскій и Стецкій, раввинъ Майзельсъ, сапожникъ Гишпанскій. Леопольдъ Кроненбергъ, къ которому обратились руководители собранія съ просьбою дать возможность делегатамъ собраться въ «рессурсѣ» для написанія адреса, охотно согласился и принялъ участіе

въ дѣлѣ. Составленіе адреса должно было послѣдовать 27 февраля, но въ этотъ день событія, происходившія на улицѣ, разстроили всѣ предположенія и измѣнили планы и задачи дѣйствующихъ лицъ.

Наименьшую пертурбацію внесла катастрофа 27 февраля въ занятія и отправленія земледѣльческаго общества. Оно слушало, торопясь, послѣдніе доклады, которые должны были сойти въ послѣднемъ засѣданіи общества, такъ какъ въ тотъ же день предполагалось закрытіе собранія. Когда донеслась до засѣдающихъ пальба и сдѣлалось извѣстнымъ, что войско стрѣляетъ въ народъ, Замойскій хотѣлъ продолжать занятія, но волненіе сдѣлалось всеобщимъ и множество голосовъ потребовало энергически и громко, чтобы общество въ полномъ составѣ отправилось въ зàмокъ къ намѣстнику требовать прекращенія кровопролитія. А. Замойскій подчинился требованію, но, проходя съ цѣлымъ собраніемъ черезъ дворъ, одумался и у львовъ, то-есть уже на Краковскомъ Предмѣстьѣ, обратилъ вниманіе товарищей, что цѣлесообразнѣе будетъ разойтись, предоставивъ за общество дѣйствовать его комитету. На томъ и покончили члены общества и разошлись по домамъ. Поздно вечеромъ, часу въ десятомъ, Замойскій поѣхалъ въ зàмокъ, бесѣдовалъ съ намѣстникомъ со своею почти британскою флегмою, но ни о чемъ опредѣленномъ не ходатайствовалъ и ничего не получилъ. Вслѣдъ затѣмъ побывали у намѣстника люди несравненно болѣе раздраженные и страстные: то были делегаты отъ города, которые предназначались для сочиненія адреса въ «рессурсѣ», но такъ какъ не до адреса было, то вмѣсто того, чтобы возиться съ перомъ и чернилами, они рѣшились дѣйствовать отъ имени города и отправились въ зàмокъ.

Делегаты добились пріема поздно вечеромъ: объясненія ихъ продолжались полтора часа за полночь и имѣли въ варшавскихъ событіяхъ значеніе рѣшающаго момента. Князь Горчаковъ принялъ ихъ въ малой пріемной, предъ кабинетомъ, имѣя при себѣ генерала Коцебу и Муханова. Намѣстникъ былъ, видимо, сбитъ съ толку, не рѣшался

ни на что, колебался, отъ Замойскаго онъ получилъ совѣтъ «оставить страну» вмѣстѣ съ войскомъ и правительствомъ. Очутившись среди повально возбужденнаго населенія, не могъ же онъ въ этомъ состояніи дѣлъ запереться въ цитадель и бомбардировать Варшаву, истребляя городъ и разя и невинныхъ и виновныхъ. И послѣдованіе совѣту Замойскаго и послѣднее предположеніе были бы одинаково безумны. Есть, однако, люди, которые ставятъ въ вину Горчакову, что онъ не рѣшился на послѣднее, т.-е., что онъ не залилъ Варшаву потоками крови для сохраненія обаянія власти, какъ бы сдѣлалъ, по ихъ мнѣнію, на его мѣстѣ Паскевичъ (Записки Берга, 306). Подобныя сужденія грѣшатъ тѣмъ, что писаны послѣ событій, безъ соображенія съ обстоятельствами времени. Когда появляется общее народное движеніе, запущенное властью и не предупрежденное, то на первыхъ порахъ оно имѣетъ почти несокрушимую, стихійную силу, такъ что правительству приходится выжидать, выигрывать время, пока теченіе не разольется по многимъ русламъ, пока партіи, участвующія въ движеніи, не станутъ себя поѣдать взаимно, пока онѣ не ослабнутъ во взаимныхъ раздорахъ, пока, наконецъ, можно будетъ поодиночкѣ однѣ изъ нихъ уничтожить, на другія наложить узду. Движеніе являлось какъ запоздалый рефлексъ, вызванный всею системою управленія князя Варшавскаго; разъ оно прорвалось—не осилили бы его въ эту минуту ни князь Варшавскій, ни М. Н. Муравьевъ, ни кто бы то ни было другой. Много разъ послѣ 27 февраля пришлось и употреблять силу, дѣйствуя оружіемъ, и перемѣнять правителей, но прочной пользы отъ того не получалось никакой, и нужны были два года выжиданія, пока въ гнойной ранѣ не завелись черви въ родѣ политическихъ убійствъ, кинжальщиковъ, вѣшателей, пока революція не сдѣлалась жертвою безумнѣйшихъ страстей, пока она не была вся покрыта кровью и грязью, пока, наконецъ, не былъ ощупанъ въ аграрномъ вопросѣ пунктъ опоры. Не только варшавскіе правители, но и петербургскіе государственные люди не рѣ-

шались въ эти два года совѣтовать дѣйствовать грубою силою, не потому только, что имъ представлялся теперь наглядно во всей своей сложности забытый и запущенный вопросъ, который они прежде того готовы были считать вымысломъ досужихъ писателей, и не потому, чтобы можно было сомнѣваться въ полномъ и моментальномъ успѣхѣ всякаго укрощенія силою, но по полной неизвѣстности, что будетъ дальше послѣ того, какъ само укрощеніе безоружныхъ скопищъ, защищающихся только каменьями съ мостовой, подольетъ еще болѣе масла къ пылающему уже повсюду огню. Всякій намѣстникъ былъ бы въ затрудненіи; всякій, вѣроятно, пошелъ бы на уступки и искалъ бы успокоить населеніе, но не всякій обнаружилъ бы передъ посторонними вполнѣ наглядно тайну своего смущенія и колебаній. Онъ то отказывалъ, то спорилъ, то вслѣдъ затѣмъ уступалъ и дѣйствовалъ, вообще, какъ человѣкъ, не знающій чего держаться. Делегаты города, люди покладистые и смирные, были сильно возбуждены событіями дня и настроены на тонъ откровенной рѣзкости, какъ будто бы предъ ними носился образъ ихъ предшественника, сапожника Яна Килинскаго, въ его переговорахъ съ Игельштремомъ. Они горько жаловались и многаго требовали (Шленкеръ, докторъ Халубинскій). Этотъ тонъ озадачилъ намѣстника, который и отступалъ отъ своихъ распоряженій и выдавалъ имъ головою людей — агентовъ власти, и переговаривался съ ними не какъ со случайными выразителями чувствъ и желаній населенія, не имѣющими полномочій, но какъ съ настоящимъ, хотя и импровизованнымъ муниципалитетомъ. Курьезную эту минуту записалъ одинъ изъ делегатовъ, фотографъ Карлъ Бейеръ, слѣдующимъ образомъ (A. W., польское изданіе 1,145): «Всѣ вмѣстѣ и въ одиночку мы спорили какъ могли, ничего не смягчая. Никто изъ насъ, мѣщанъ, не говорилъ порядочно по-французски. Первый Шленкеръ началъ, какъ умѣлъ, но съ громадною энергіею: потомъ за нимъ мы всѣ гурьбою, какъ кто зналъ, по-польски, по-французски, по-нѣмецки... Оказалось, что правительство, вовсе не стоитъ

за лица служащія, что оно жертвуетъ ими безъ милосердія, безъ сожалѣнія, даже безъ сохраненія приличій». Намѣстникъ тутъ же согласился на увольненіе арестованныхъ въ день 27 февраля лицъ, на торжественные похороны пяти убитыхъ при отсутствіи во время этихъ похоронъ войска и полиціи и съ возложеніемъ отвѣтственности за порядокъ при похоронахъ на признаваемую, такимъ образомъ, за нормальное учрежденіе делегацію, на уголовное слѣдствіе о приказавшемъ стрѣлять генералѣ Заболоцкомъ и на смѣщеніе оберъ-полицмейстера, полковника Ѳ. Ѳ. Трепова. Только на слѣдующій день рѣшилось, кто будетъ его преемникомъ; и въ этомъ пунктѣ намѣстникъ уступилъ и назначилъ, по желанію делегаціи, стараго генералъ-маіора, добряка Паулуччи. Изъ пріемной намѣстника самозванные представители города вышли организованнымъ собирательнымъ лицомъ, снабженнымъ громадною властью, съ неопредѣленнымъ кругомъ вѣдомства,—учрежденіемъ, къ которому могли съ увѣренностью примкнуть консервативные классы населенія, заинтересованные въ томъ, чтобы не порвались и не обратились въ ничто всѣ нити законнаго гражданскаго порядка. Намѣстника можно винить въ томъ, что онъ явилъ себя открыто слабымъ передъ населеніемъ, возбужденнымъ противъ русскихъ, что онъ не отстоялъ и выдалъ подчиненныхъ, но образованіе делегаціи и обращеніе ея въ учрежденіе — это была съ его стороны счастливая и умная мысль, которая потомъ и принесла плоды, такъ какъ матеріаломъ для делегаціи послужило здоровое ядро варшавскаго мѣщанства, такъ какъ составившіе ее люди были въ самомъ дѣлѣ популярны и такъ какъ они запрягли себя усердно въ нелегкую работу установленія кое-какого порядка.

Въ числѣ предметовъ, о которыхъ шли въ замкѣ переговоры съ делегатами, было и отправленіе депутаціи съ адресомъ въ Петербургъ. Депутаціи не отправили. Намѣстникъ настоялъ на томъ, чтобы адресъ былъ отосланъ по почтѣ. Само составленіе его выпало на долю не делегаціи, а земледѣльческому обществу, которое какъ ни

артачилось подъ сдерживающимъ его вліяніемъ А. Замойскаго, но поняло, наконецъ, что отказываться дѣйствовать въ подобную минуту значитъ отречься окончательно отъ сладкой роли „моральнаго представительства страны“, на которое всегда въ Польшѣ претендовалъ помѣщичій элементъ. Адресъ надо было обсудить окончательно, о немъ согласиться и составить его въ ту же ночь, начало коей ознаменовано было образованіемъ делегаціи. Адресъ этотъ еще не существовалъ до того времени, даже и въ проектѣ, а такъ какъ имѣлась въ этомъ родѣ уже готовая работа А. Вѣлёпольскаго, которую читали многіе члены комитета, то хотя она и была забракована, но являлись опять для нея шансы успѣха, и воскресала надежда, къ которой и прилѣпился энергически ея авторъ, на то, что его проектъ, можетъ быть, и пройдетъ вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ. Проектъ маркиза былъ пространный, весьма подробный, осмысленный до мелочей и содержалъ цѣлую программу. Съ одной стороны, онъ примыкалъ къ неподанному адресу 25 мая 1856 г. и повторялъ дословно выраженія сего послѣдняго о забвеніи прошлаго, объ открывающейся, при новомъ царствованіи, „новой эпохѣ милости, довѣрія и примиренія“, о пламенномъ желаніи населенія откликнуться на зовъ монарха, когда оно будетъ призвано открыть свое мнѣніе „о нуждахъ и потребностяхъ края, неразрывно связанныхъ съ интересами королевской службы“. Къ выраженной уже въ адресѣ 1856 г. благодарности за замѣщеніе епископскихъ вакансій присоединялись новыя за открытую медицинскую академію и за земледѣльческое общество. Ново было въ проектѣ обращеніе къ монарху, съ особеннымъ натискомъ указывающее на слова, произнесенныя Государемъ 27 мая 1856 г. въ Лазенковскомъ дворцѣ: en conservant ses droits et ses institutions, telles qu'elles lui ont été données par mon Père, — сопровождаемое жалобою на то, что власти царства польскаго не дали никакого осуществленія этимъ торжественнымъ словамъ монарха, вслѣдствіе чего грозитъ продлиться въ безко-

нечность переходное состояніе, въ которомъ цѣлыя тридцать лѣтъ обрѣтается страна, по отношенію къ своему публичному праву. Адресъ указывалъ, что нѣтъ нынѣ ни единаго органа, посредствомъ коего подданные могли бы пользоваться своимъ неотъемлемымъ правомъ, безъ котораго монархическое устройство немыслимо,—ходатайствовать передъ монархомъ о своихъ правахъ и потребностяхъ. Предводители дворянства, недавно установленные, не могутъ считаться такимъ органомъ, такъ какъ они не выборные и представляютъ интересы одного только класса населенія. Въ виду сего отсутствія официальнаго органа, адресъ просилъ извиненія за подачу коллективнаго прошенія въ закономъ неустановленной формѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оправдывалъ необычайность поступка тѣмъ, что слова Государя 27 мая произнесены были къ вѣрноподданнымъ царства польскаго in corpore и обращены были къ нимъ непосредственно.

Такъ какъ центральный пунктъ адреса составляли слова Государя „о правахъ и учрежденіяхъ, пожалованныхъ Родителемъ“. то самымъ существеннымъ предметомъ являлось даваемое въ проектѣ этимъ словамъ толкованіе. Что разумѣть подъ этими словами? Императоръ Николай издалъ 14 (26) февраля 1832 года органическій статутъ, долженствующій, по его идеѣ, замѣнить конституціонную хартію 1815 г., о которой послѣ повстанія 1830 г. не было и помину, но эта хартія предана забвенію только tacito consensu, безъ прямой ея отмѣны, а и статутъ самъ остался только на бумагѣ, безъ всякаго опыта осуществленія. Когда заходила рѣчь объ учрежденіяхъ, пожалованныхъ императоромъ Николаемъ, то прежде всего представлялся уму вопросъ объ органическомъ статутѣ 1832 г., и являлись предположенія о томъ, чтобы съ него начинать реформы въ царствѣ польскомъ. Проектъ Вѣлёпольскаго былъ и въ этомъ отношеніи своеобразенъ и смѣлъ. Рядами примѣровъ авторъ его пояснялъ, что всѣ почти постановленія статута были отмѣнены, другія же намѣренно не исполнялись, вслѣдствіе чего этотъ статутъ не

могъ не потерять, даже въ глазахъ создавшаго его монарха, свою обязательную силу. Если устранить пустой призракъ этого какъ бы закона, то единственнымъ законодательнымъ основаніемъ, способнымъ связать народъ съ монархомъ, являлась конституціонная хартія, всемилостивѣйше пожалованная Александромъ I, не отмѣненная формально, какъ не отмѣненъ былъ законъ объ учрежденіи Императорскаго Александровскаго Варшавскаго Университета. Основанныя на этой хартіи отношенія были, правда, омрачены печальными событіями 1830 г., но „съ тѣхъ поръ прошло 30 лѣтъ спокойной и терпѣливой покорности, между тѣмъ, какъ повсюду кругомъ господствовали глубокія потрясенія. Въ теченіе этихъ 30 лѣтъ, новое поколѣніе выросло съ Вами, Государь, и возлѣ Васъ поколѣніе не отвѣчающее за дѣйствія отцовъ и созрѣвшее среди жестокихъ испытаній“. Прося о прекращеніи переходнаго состоянія и указывая на хартію 1815 года, не какъ на нѣчто готовое и подлежащее немедленно осуществленію, но какъ на приблизительный образецъ и источникъ гарантій искомаго будущаго устройства, проектъ перечислилъ затѣмъ и тѣ частныя реформы, которыхъ потребность всего сильнѣе ощущается и которыя должны быть пущены въ ходъ; таково прежде всего ускореніе очиншеванія крестьянъ. (Въ этомъ пунктѣ предложеніе Вѣлепольскаго являлось уже отсталымъ по отношенію къ постановленіямъ земледѣльческаго общества, но его можно было и выкинуть изъ адреса, въ виду того, что аграрный вопросъ былъ уже въ ходу.) Затѣмъ шли просьбы объ отмѣнѣ административныхъ распоряженій, изданныхъ вопреки постановленіямъ кодекса Наполеона, составляющаго нить, связующую національные польскіе интересы съ интересами европейской цивилизаціи; о возстановленіи въ Варшавѣ университета, вслѣдствіе отсутствія коего убываютъ люди солидно образованные, а государственныя должности занимаются незнающими ни законовъ, ни обычаевъ, ни нуждъ и воспоминаній края; объ усиленіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаванія польскаго языка и

классицизма; объ отмѣнѣ предварительной цензуры, способствующей тому, что молодежь подвержена тайному вліянію анархическихъ и революціонныхъ теорій; объ уравненіи евреевъ въ правахъ съ христіанами; наконецъ, объ участіи народнаго представительства въ установленіи податей и повинностей, а равно способа наилучшаго распредѣленія этихъ податей. Адресъ заключалъ въ просительномъ пунктѣ просьбу о томъ, чтобы на однихъ вѣсахъ были взвѣшены и интересы имперіи, съ которою царство польское неразрывно связано своимъ устройствомъ, и права и нужды польскаго народа.

Проектъ Вѣлёпольскаго не могъ не вооружить противъ себя двоякаго рода людей: во-первыхъ, робкихъ постепеновцевъ, которые скептически относились ко всякимъ болѣе крупнымъ требованіямъ, потому что по ихъ понятіямъ никогда въ Петербургѣ на нихъ не согласятся; во-вторыхъ, тѣхъ непримиримыхъ, которые считали всякую формулировку требованій измѣною польскому дѣлу, потому что заявлять желанія можно только прося, а просить, значитъ входить въ договорныя отношенія съ непріятелемъ и налагать извѣстныя узы на свою собственную совѣсть. Маркизъ желалъ, конечно, отстаивать свой проектъ адреса лично, но, при страшной его непопулярности, нельзя было и думать о томъ, чтобы внести адресъ въ какое-либо собраніе — оно бы, не сдѣлавъ ничего, разошлось. Защитникомъ адреса Вѣлёпольскаго явился Ѳома Потоцкій, который послалъ за адресомъ къ маркизу, между тѣмъ какъ у него собрались упомянутые выше „мужи довѣрія“, по одному отъ воеводствъ, въ ожиданіи того, что ихъ позовутъ въ комитетъ земледѣльческаго общества, собиравшійся у А. Замойскаго.—На подробности, которыя я намѣренъ передать, у меня нѣтъ документовъ, но я ихъ слышалъ въ іюнѣ 1861 г. по свѣжей памяти отъ одного изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей между варшавскими горожанами умѣренной партіи Э. Юргенса, отъ котораго я заимствовалъ и объясненіе того, какъ образовалась делегація. Посланному за адресомъ сыну Потоцкаго мар-

кизъ отвѣчалъ отказомъ, присовокупивъ: „я и адресъ мой нераздѣлимы“. Чрезъ четверть часа маркизъ позвонилъ однако къ Ѳомѣ Замойскому и былъ введенъ, но не въ тотъ кабинетъ, гдѣ происходило совѣщаніе съ выборными отъ воеводствъ. Ѳома Потоцкій могъ обмѣняться съ маркизомъ лишь нѣсколькими словами, потому что вскорѣ потомъ послѣдовало сообщеніе отъ комитета, приглашающее членовъ некомитетскихъ, собиравшихся у Потоцкаго, въ засѣданіе. Вѣлёпольскій остался у Потоцкаго ждать результатовъ совѣщанія и просидѣлъ въ этомъ безсонномъ и безпокойномъ ожиданіи до 4 часовъ утра. Результатъ, какъ можно было предвидѣть, былъ отрицательный. „Я дѣлалъ, что могъ, защищалъ твой проектъ,—сказалъ Потоцкій,—но онъ отвергнутъ значительнымъ большинствомъ“. Вѣлёпольскій не обнаружилъ никакихъ признаковъ досады и ушелъ съ видомъ равнодушія. Его адресъ, который знали уже нѣкоторые члены комитета, не былъ у Замойскаго даже и прочитанъ. Побѣду одержалъ другой проектъ, составленный однимъ изъ столповъ земледѣльческаго общества, хорошимъ экономистомъ и публицистомъ, Эдмундомъ Ставискимъ. Проектъ Ставискаго избѣгалъ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ требованій и былъ похожъ на одинъ незвукораздѣльный, безконечно протяжный стонъ страдающей національности-мученицы, которая протестуетъ противъ своей судьбы, но не выражаетъ, чего ей надо. Послѣ указанія на то, что не существуютъ законные пути для принесенія монарху жалобъ, вслѣдствіе чего польскій народъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ заявлять можетъ о себѣ только стономъ жертвъ, адресъ пояснялъ слѣдующее: „Въ душѣ каждаго жителя этой страны хранится сильное чувство особенной и отличной отъ другихъ европейскихъ національности. Это чувство не могло быть ни сокрушено, ни даже ослаблено ни временемъ, ни событіями. Все, что его оскорбляетъ или умаляетъ, глубоко потрясаетъ и волнуетъ умы. Видитъ край съ грустью, что, вслѣдствіе неудовлетворенія этой потребности, возникло отсутствіе довѣрія, необходимаго въ сношеніяхъ правите-

лей съ управляемыми. Довѣріе не возродится, пока не прекратится употребленіе насильственныхъ, но безполезныхъ мѣръ укрощенія. Эта страна, стоявшая нѣкогда на одномъ уровнѣ образованія съ другими странами Европы, не въ состояніи развиваться ни морально, ни матеріально, доколѣ начала, вытекающія изъ духа народа, изъ его преданій и исторіи, не будутъ осуществлены въ церкви, законодательствѣ, публичномъ воспитаніи и во всей общественной организаціи. Желанія края тѣмъ горячѣе, что въ европейской семьѣ народовъ онъ нынѣ только одинъ лишенъ необходимыхъ условій существованія, безъ которыхъ никакое общество не можетъ прійти къ познанію цѣлей, ради которыхъ оно вызвано къ жизни провидѣніемъ“ (A. W., польское изданіе II, 38). Вѣлёпольскій отказался положить свою подпись на актѣ, котораго онъ не одобрялъ, и уѣхалъ въ Хробержъ, сказавъ: „адресъ большинства для меня слишкомъ узокъ, я въ немъ помѣститься не могу“ (I, 148). Выраженіе было едва ли точное: тѣснымъ можетъ быть то, что ограничено, адресъ не былъ вовсе ограниченъ такъ, чтобы въ немъ не могла умѣститься даже грузная фигура маркиза; онъ просто былъ туманное пятно, онъ ровно ничего не опредѣлялъ, онъ былъ сплошная фраза, воздушный шаръ, наполненный мистическимъ смысломъ, при отсутствіи всякой ясной, политической идеи. Кто въ состояніи былъ бы формулировать, еслибъ его спросили тогда ли, теперь ли: что такое начала, вытекающія изъ духа народа? цѣли, предопредѣленныя провидѣніемъ? Не разрѣшили бы этихъ вопросовъ для поляковъ сами жрецы ихъ народной идеи, какъ не разрѣшили бы его для русскаго народа гг. Иванъ Аксаковъ и Достоевскій, если бы были вызваны въ качествѣ экспертовъ. Въ первомъ соприкосновеніи съ живою дѣйствительностью польскаго общества брала, такимъ образомъ, верхъ партія ультра-націоналистовъ и мечтателей, людей той масти, которой въ русскомъ обществѣ соотвѣтствуютъ славянофилы. Народное дѣло не поднималось въ ихъ рукахъ вверхъ, но грозило соскользнуть внизъ по наклонной

плоскости въ туманъ, въ неизвѣстное. Съ принятіемъ этого адреса проиграна была польскою революціею первая ставка: люди, признанные умственными вожаками народа, ступили на фальшивый путь; вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ-подъ ногъ маркиза вывалился и скатился въ бездну одинъ изъ камней, на которые онъ разсчитывалъ стать. Завоевать вліятельное положеніе черезъ земляковъ ему не удалось; это его ни мало не обезкуражило, но для полученія власти единственный возможный путь пролегалъ теперь чрезъ за̀мокъ и кабинетъ намѣстника. Маркизъ проникъ въ за̀мокъ невидимкой, утвердился въ кабинетѣ, получилъ власть и сдѣлался министромъ, прежде чѣмъ варшавскимъ общественнымъ дѣятелямъ могла прійти въ голову мысль о возможности такой комбинаціи, которая ихъ огорошила, какъ настоящій *coup de théâtre*.

XII.

Мартъ 1861.—Похороны убитыхъ.—Паденіе Муханова.

Катастрофа 27 февраля оставила городу Варшавѣ въ наслѣдіе двѣ важныя статьи: всеподданнѣйшій адресъ и похороны пяти случайныхъ жертвъ уличнаго конфликта. Адресъ былъ подписываемъ послѣ перевода его на французскій языкъ; на первомъ листѣ подписалось до 180 человѣкъ, затѣмъ, послѣ отправки его, продолжали собираться на отдѣльныхъ листахъ подписи, которыхъ число въ два дня дошло до 18,000 (Записки Берга, стр. 218). На первомъ листѣ сливались состоянія: шляхетское землевладѣніе съ купечествомъ и мѣщанствомъ, христіане съ евреями, и подъ подписью А. Замойскаго, данною почти по принужденію, чтобы только не отставать отъ всѣхъ своихъ товарищей, расписались римско-католическій епископъ Фіалковскій и тутъ же раввинъ Майзельсъ. Результаты движенія обнаруживались прежде всего въ томъ, что вѣковыя преграды исчезали вдругъ между людьми разной масти, и всѣ элементы общества сплавля-

лись въ одно національное цѣлое; всѣ элементы, замѣтимъ, но съ оговоркою: кромѣ того, который сказался въ концѣ концовъ рѣшающимъ, то-есть, кромѣ крестьянъ. Похороны происходили съ необычайною торжественностью 2 марта изъ церкви св. Креста черезъ Саксонскую площадь на кладбище Повонзки, при обстановкѣ, какую умѣетъ давать Варшава подобнымъ церемоніямъ, то-есть при полномъ порядкѣ, среди половины, можетъ быть, населенія Варшавы, расположившейся на пути кортежа. Наканунѣ того дня по улицамъ приклеенные плакаты делегаціи призывали жителей къ сохраненію порядка, подъ страхомъ прослыть врагами отечества. На улицахъ, на пути кортежа, не было ни войска, ни полиціи, кромѣ одного только генерала Паулуччи, въ парадной формѣ верхомъ. Распорядителями являлись члены делегаціи съ особыми траурными повязками на рукавахъ (въ полосы черныя съ бѣлымъ) и назначенные ими констэбли изъ обывателей. Самыми исправными изъ этихъ констэблей оказывались гимназисты. Толпы народа повиновались распоряженію какого-нибудь ученика въ мундирѣ. Послѣ удачи своей на похоронахъ, делегація не разошлась, но получила отъ намѣстника слѣдующую организацію. Предсѣдателемъ въ ней назначенъ начальникъ, завѣдующій полиціей Варшавы, генералъ Паулуччи, вице-предсѣдателемъ—отставной генералъ бывшихъ польскихъ войскъ Левинскій, число ея членовъ съ 14, имѣвшихся первоначально, возросло до 24; они засѣдали ежедневно, отбывая по два засѣданія въ день въ ратушѣ, и могли бы располагать громадною силою, потому что двѣ задачи, которыя возложены были на делегацію временно, впредь до полученія отвѣта изъ Петербурга на адресъ, а именно: сохраненіе порядка на улицѣ и успокоеніе умовъ въ городѣ,—имѣли первостепенную важность по обстоятельствамъ времени, и что едва ли бы делегаціи могло быть отказано въ томъ, чего бы она настойчиво потребовала, грозя разойтись... Доказательствомъ того, какой вѣсъ имѣли ея требованія, служитъ удостовѣренное литографированными протоколами ея за-

сѣданій сообщеніе ей намѣстникомъ списковъ всѣхъ лицъ, заключенныхъ въ цитадели по политическимъ обвиненіямъ, и уваженныя намѣстникомъ ея ходатайства о многихъ изъ этихъ арестантовъ. Само происхожденіе делегаціи исключало возможность думать, чтобы она могла стать серьезно на сторонѣ правительства, въ случаѣ укрощенія силою безпорядковъ. Члены этой коммуны— добродушнѣйшіе консерваторы, служили только каналомъ, доводящимъ до зàмка слухи и желанія населенія, могли, притомъ, личнымъ своимъ вліяніемъ располагать своихъ знакомыхъ и товарищей къ терпѣнію, что и дѣлалось ими, по возможности, главнымъ образомъ по выходѣ изъ ратуши послѣ засѣданій, въ купеческой „рессурсѣ“. Возобновляющіеся безпорядки обнаружили слабость делегаціи, неспособной ихъ обуздать. Делегація чувствовала, какъ подъ нею шатается почва, и желала бы къ чему-нибудь прислониться. Въ такомъ же точно положеніи очутилось и другое юридическое лицо, точно также на воздухѣ висящее, а именно комитетъ земледѣльческаго общества; оно ощущало вокругъ себя образовавшуюся совершенную пустоту, прекращеніе своего вліянія на умы и дѣла. Обнаружилось взаимное притяженіе между двумя безпочвенными установленіями: люди изъ земледѣльческаго комитета вошли въ делегацію, люди отъ делегаціи стали принимать участіе въ совѣщаніяхъ земледѣльческаго комитета; сложились будто бы двѣ палаты: коммонеровъ и пэровъ, а надъ ними носился, являя слабое подобіе конституціоннаго президента, популярный человѣкъ, графъ Андрей Замойскій съ сопровождающимъ его штабомъ комитетскихъ тузовъ (Курцы, Венгленскій, Ставискій, Гольцъ и др.). Его домъ и гостиную навѣщали часто высокопоставленные сановники судебнаго и административнаго міра въ царствѣ польскомъ, которые, какъ служащіе, имѣли обязанности по отношенію къ правительству, но, какъ лица польскаго происхожденія, не хотѣли становиться поперекъ движенія, понимали его неизбѣжность и готовы были, по первому

слову графа и по внушенію его партіи, подать въ отставку (Ленскій, Воловскій, Энохъ, Карницкій). Графъ Андрей смотрѣлъ на дѣло пессимистически, не ожидалъ изъ Петербурга никакихъ уступокъ, ничего, кромѣ строгостей. Въ предвидѣніи такого именно исхода, онъ и его приближенные обдумывали, что дѣлать, когда придетъ отказъ, и останавливались преимущественно на предположеніяхъ о способахъ легальной пассивной оппозиціи, къ каковымъ прибѣгали англичане въ XVII столѣтіи или итальянцы въ Ломбардо-Венеціи въ нынѣшнемъ, о неплатежѣ податей по всеобщему соглашенію, о выходѣ разомъ въ отставку всѣхъ служащихъ польскаго происхожденія. Весь интересъ историческаго момента заключался теперь только въ томъ, что думаетъ дѣлать съ царствомъ польскимъ намѣстникъ, и какъ отнесется къ этимъ предложеніямъ намѣстника петербургское правительство. Глубокая тайна окружала эту переписку, о содержаніи ея знали точно не всѣ даже изъ самыхъ приближенныхъ къ намѣстнику лицъ; неизвѣстность продолжалась до конца марта, когда облако разсѣялось и изъ него вышелъ во всеоружіи Вѣлёпольскій. Прежде чѣмъ это событіе наступило, Варшава торжествовала еще одну побѣду надъ ненавистною системою управленія—паденіе Муханова, значительно упростившее положеніе власти и сдѣлавшее возможнымъ переходъ ея на путь преобразованій. До 27 февраля Мухановъ держалъ, можно сказать, въ своихъ не тонкихъ и не ловкихъ, но крѣпкихъ рукахъ все управленіе царствомъ; послѣ 27-го онъ не хотѣлъ понять, что обстоятельства существенно измѣнились, и продолжалъ считать себя необходимымъ въ управленіи для постановки вновь сошедшаго съ рельсовъ бюрократической рутины поѣзда на эти же самые рельсы, между тѣмъ какъ въ сущности онъ сдѣлался неудобнымъ человѣкомъ на своемъ посту и являлся сильнѣйшею помѣхою умиротворенію края и успокоенію умовъ. Ненависть и озлобленіе противъ системы переносились съ нея на человѣка, противъ котораго говорило все его прошед-

шее. Весьма естественно выводимо было всѣми заключенiе, что никакого существеннаго облегченiя въ положенiи края быть не можетъ, пока Мухановъ будетъ оставаться главнымъ лицомъ въ управленiи царствомъ, завѣдывающимъ хотя бы одною только изъ главныхъ вѣтвей управленiя по гражданской части (внутреннiя дѣла и духовныя или народное просвѣщенiе). Непопулярнаго человѣка никто не поддерживалъ, отъ него сторонились. Высшiе сановники царства поляки никогда не долюбливали Муханова за его спесивое, нацiональное высокомѣрiе; они стояли тоже за автономiю царства польскаго, но не въ смыслѣ усиленiя деспотической власти намѣстника, а въ смыслѣ введенiя совѣщательныхъ элементовъ изъ народонаселенiя края въ управленiе. Самымъ способнымъ изъ этихъ дѣятелей былъ тонкiй, гибкiй и вкрадчивый человѣкъ, Юлiй Энохъ, оберъ-прокуроръ варшавскихъ департаментовъ правительствующаго сената, часто бывавшiй у намѣстника и снискавшiй расположенiе князя Горчакова своимъ отличнымъ знанiемъ французскаго языка и неистощимою веселостью и даже шутовствомъ. Военные люди, между которыми на первомъ планѣ стоялъ генералъ (впослѣдствiи графъ и генералъ-губернаторъ) П. Е. Коцебу, не имѣли точно также никакого основанiя держать руку Муханова, въ виду того, что либо наступитъ что-нибудь въ родѣ военной диктатуры, и тогда гражданское управленiе должно стушеваться совсѣмъ передъ военною властью, либо будутъ уступки, но для успѣшности этихъ уступокъ необходимо прежде всего, чтобы Мухановъ удалился со сцены дѣйствiй.

При такихъ условiяхъ, малѣйшiй случай былъ достаточенъ для того, чтобы подкопанный со всѣхъ сторонъ колоссъ свалился. Случай этотъ представился въ видѣ злополучнаго секретнаго циркуляра Муханова, какъ директора комиссiи внутреннихъ дѣлъ, къ гражданскимъ губернаторамъ царства отъ 6 (18) марта, № 70. Послѣ польскаго движенiя въ Познани и Галицiи 1846 г., вошло въ обычай отъ времени до времени разсылать пре-

держащимъ полицейскимъ властямъ, начиная съ губернаторовъ и кончая бургомистрами и войтами гминъ, предписанія, чтобы они слѣдили за безпаспортными, за проѣзжими, въ особенности за иностранцами. По одному изъ пунктовъ циркуляра, начальники обязывались „внушать крестьянамъ, что пекущееся о благѣ ихъ правительство ожидаетъ отъ нихъ не только, что они не послушаютъ подстрекательствъ къ безпорядкамъ, но что для сохраненія общаго порядка они будутъ задерживать и доставлять къ ближайшимъ властямъ всякаго подговаривающаго къ возмущенію, который бы между ними явился“ (A. W., польское изданіе II, 63). По словамъ г. Лисицкаго (тамъ же, I, 188), циркуляръ этотъ не былъ ни новъ, ни оригиналенъ. Онъ былъ теперь извлеченъ въ пятый разъ изъ архивной пыли и переданъ за подписью намѣстника для опубликованія комиссіи внутреннихъ дѣлъ, но безъ вѣдома, однако, совѣта управленія. Мухановъ поднесъ его намѣстнику для подписанія, намѣстникъ же подписалъ его, можетъ быть, не читая и во всякомъ случаѣ не приписывая ему особой важности, какъ простому подтвержденію прежнихъ распоряженій. Такъ какъ всѣ этого содержанія циркуляры были секретны, то они не оглашались, но послѣдній изъ нихъ, пущенный въ ходъ въ 1861 г., представился какъ нѣчто новое, какъ осуществленіе адскаго замысла поднять крестьянъ на помѣщиковъ, какъ подражаніе австрійской политикѣ въ Галиціи съ цѣлью произвести междоусобную рѣзню. Въ литографированныхъ протоколахъ делегаціи записано, что 8 (20) декабря купеческая „рессурса“, въ присутствіи командированнаго для переговоровъ съ купцами и фабрикантами Шленкера, оглашалась непрекращающимися криками: „долой Муханова“. Того же дня, въ видѣ отвѣта на циркуляръ Муханова, комитетъ земледѣльческаго общества, входя въ роль власти и законодательнаго собранія, довелъ во всеобщее свѣдѣніе тоже циркуляромъ о состоявшемся „постановленіи“ общества надѣлить крестьянъ землею на условіяхъ выкупа. Этотъ не-

обдуманный циркуляръ, имѣвшій въ виду только то, чтобы присвоить всецѣло одному земледѣльческому обществу, а не правительству, носящееся еще въ туманѣ будущаго, предполагаемое прекращеніе барщины, могъ сдѣлаться опаснымъ брандеромъ и если не причиною крестьянскаго движенія, то сигналомъ къ немедленному прекращенію крестьянами отбыванія барщины на одну ту вѣсть, что ихъ постановлено надѣлить землею въ собственность. Въ совѣтѣ управленія заявлены были протесты противъ циркуляра и требованія о томъ, чтобы онъ былъ офиціально отмѣненъ. При такихъ условіяхъ, намѣстникъ рѣшилъ, не безъ колебаній и борьбы съ самимъ собою, дать отставку Муханову, уступая настояніямъ, съ одной стороны, Коцебу, съ другой, Эноха. Въ субботу, 11 (23) марта, еще эта отставка не была рѣшена, въ полдень телеграфировали въ С.-Петербургъ; около 2 часовъ получился отвѣтъ, въ 3 часа Мухановъ былъ приглашенъ къ намѣстнику и ему сообщено извѣстіе, которое поразило его какъ громомъ, потому что онъ былъ убѣжденъ, что его въ сущности всѣ любятъ и что безъ него не обойдутся. Конечно, Мухановъ уже зналъ, что вслѣдствіе переговоровъ съ Вѣлёпольскимъ отъ него отойдутъ народное просвѣщеніе и духовныя дѣла, но комиссію внутреннихъ дѣлъ онъ надѣялся сохранить. Съ Мухановымъ сдѣлалось дурно; онъ вернулся домой еще не думая о выѣздѣ изъ Варшавы, между тѣмъ какъ по неловкому приказу, отданному по варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ, велѣно было приготовить для него экстренный поѣздъ въ 9 часовъ вечера, изъ Варшавы къ австрійской границѣ. При условіяхъ тогдашняго времени, такое распоряженіе было равносильно доведенію до свѣдѣнія варшавской публики объ отъѣздѣ ненавистнаго министра, а слѣдовательно, и вызову ея на самую недружелюбную демонстрацію. Мухановъ не готовился вовсе къ путешествію, когда въ 7 часовъ вечера за нимъ была прислана карета намѣстника, которая повезла его въ зáмокъ, гдѣ и произошло послѣднее ихъ свиданіе. Мухановъ вернулся

домой сильно озлобленный, едва запасся наскоро деньгами и платьемъ и, сѣвъ съ женою въ нанятый экипажъ, отправился окольными путями, по страшной распутицѣ, не на вокзалъ желѣзной дороги въ Варшавѣ, на углу Іерусалимской и Маршалковской, но на первую станцію желѣзной дороги—Прушковъ. Распространившаяся съ необычайною быстротою вѣсть о его паденіи успѣла обогнать его. Несмотря на глубокую ночь, его уже ждалъ въ Прушковѣ шумный пріемъ съ кошачьею музыкою, чтó повторялось на каждой почти станціи вплоть до границы. Особенно отличилась станція въ горнозаводскомъ мѣстечкѣ Домбровѣ. Здѣсь бывшій министръ долженъ былъ въ теченіе цѣлаго часа выслушивать пронзительный свистъ двухъ нарочно подвезенныхъ локомотивовъ, при устремленныхъ на него взорахъ сбѣжавшихся толпами заводскихъ рабочихъ. Такъ исчезалъ, среди злорадостныхъ ликованій и свиста, человѣкъ, хотя и тяжелый, но солидный, толковый и во многихъ личныхъ отношеніяхъ не дурной, расплачиваясь за систему управленія, которая не имъ была создана, но которой онъ былъ самымъ виднымъ и крѣпкимъ представителемъ.

XIII.

Отвѣтъ изъ Петербурга. — Концессіи. — Вѣлёпольскій министромъ.

Съ отсылки адреса жителей Варшавы въ Петербургъ движеніе пріостановилось въ ожиданіи того, какой послѣдуетъ отвѣтъ. Такъ какъ петербургское центральное правительство не могло имѣть ясныхъ понятій о происшествіяхъ варшавскихъ, но взвѣшивало и обсуждало только представленія намѣстника, то весь главный интересъ событій по русско-польскому вопросу сосредоточивался на перепискѣ и сообщеніяхъ между Петербургомъ и Варшавою, составляющихъ закулисную сторону дѣла, извѣстную весьма немногимъ. Политика центральнаго правительства

имперіи по отношенію къ польскимъ событіямъ могла быть двоякая: либо укрощеніе силою либо серьезныя реформы. Князь Горчаковъ заключилъ совершенно основательно и резонно, что открытою силою нельзя дѣйствовать, имѣя противъ себя все населеніе; очень понятно, что онъ совѣтовалъ реформы. Онъ отправилъ ходатайствовать о реформахъ въ С.-Петербургъ статсъ-секретаря Карницкаго, котораго брошюра [1]) представляетъ собою наглядный примѣръ того, какъ неясны и неопредѣлительны были на этотъ счетъ понятія у самого князя Горчакова. Карницкій разсказываетъ, что въ самый день похоронъ убитыхъ, т.-е. 2 марта, князь Горчаковъ позвалъ его къ себѣ и объяснилъ, что при невозможности передать всѣ подробности о варшавскихъ происшествіяхъ на письмѣ, ему, Карницкому, предстоитъ ѣхать доложить Государю о положеніи дѣлъ и о воззрѣніяхъ намѣстника на то, какъ бы поправить это положеніе. Къ вечеру Карницкій долженъ былъ получить инструкцію. Вмѣсто инструкцій, намѣстникъ продиктовалъ ему по пунктамъ кое-какія замѣтки и подробности о случившемся и о его причинахъ, а также о томъ, что необходимо дать странѣ новыя учрежденія и реформы, при чемъ онъ не опредѣлилъ, однако, обстоятельно, въ чемъ должны состоять эти реформы. Карницкій уѣхалъ ночью со 2 на 3 марта, но прибылъ въ Петербургъ только 7 марта (еще желѣзной дороги не было на большей половинѣ протяженія пути), имѣя при себѣ, такъ сказать, бѣлый листъ бумаги, на которомъ онъ долженъ былъ начертить по своему разумѣнію и соображеніямъ, что̀ нужно царству польскому. Карницкій былъ, какъ и всѣ поляки въ его положеніи, автономистъ, но робкій, осторожный; онъ и не считалъ возможнымъ ссылаться на хартію 1815 г., но взялъ за исходную точку залежавшійся 30 лѣтъ органическій статутъ 1832 г. и прибавилъ къ нему школьную реформу, особенно желательную вслѣдствіе отсутствія въ царствѣ польскомъ всякаго высшаго учебнаго заведенія.

---

[1]) *Suum cuique* издана безыменно въ Дрезденѣ 1878 г. съ оговоркою: Bez wolności przedruku, Egzemplarz jako manuskrypt nie będący w handlu

Предложенія Карницкаго нашли поддержку въ товарищѣ статсъ-секретаря по дѣламъ царства польскаго, Валеріанѣ Платоновѣ (самъ статсъ-секретарь Тымовскій былъ человѣкъ дряхлый и совершенно ничтожный), и въ предсѣдателѣ кодификаціонной комиссіи царства польскаго, Ромуальдѣ Губе. Въ самый день пріѣзда Карницкій представлялся Государю, а такъ какъ на слѣдующій день должно было происходить особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Государя, изъ министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова, военнаго министра Сухозанета и шефа жандармовъ князя Долгорукова, въ которомъ Карницкій долженъ былъ докладывать свои заключенія при Тымовскомъ и Платоновѣ, то Карницкому пришлось побывать у каждаго изъ приглашенныхъ на совѣщаніе сановниковъ для ознакомленія ихъ съ существомъ подлежавшихъ обсужденію вопросовъ. Такъ какъ Тымовскому поручено на основаніяхъ, одобренныхъ при совѣщаніи, составить записку и такъ какъ эта записка напечатана (A. W., польское изданіе 1878 г. II, 47 — 57), то можно точнымъ образомъ опредѣлить, въ чемъ состояли бы реформы по идеѣ Карницкаго или, лучше сказать, по понятіямъ чиновниковъ, помнившихъ еще конституціонный періодъ и затѣмъ прошедшихъ школу Паскевича. Записка усматриваетъ корень зла въ исключительности чистаго бюрократизма и требуетъ дать участіе въ дѣлахъ мѣстнаго управленія населенію. Она не затрогивала центральныхъ органовъ управленія — правительственныхъ комиссій, не предлагала преобразованія судоустройства, она устраняла даже поименованные въ органическомъ статутѣ 1832 года провинціальные штаты. Она предлагала выборныя установленія или *совѣты* (собственно собранія, изъ которыхъ еще не предполагалось выдѣлять, какъ у насъ въ земскихъ учрежденіяхъ, órганы исполнительные, т.-е. управы): *а*) совѣты *городскіе*, къ категоріи которыхъ впослѣдствіи пріурочены могли бы быть и гминные; *б*) совѣты *уѣздные* (о которыхъ не было и помину въ статутѣ); *в*) *совѣты губернскіе* (вмѣсто указанныхъ въ статутѣ воеводскихъ,

такъ какъ страна дѣлилась уже теперь на губерніи, а не на воеводства). При выборахъ членовъ въ городскіе и уѣздные совѣты, записка предлагала устранить совсѣмъ дѣленіе населенія на дворянъ и недворянъ, противное теперь и самому дворянству, и допустить въ избиратели всѣхъ землевладѣльцевъ. Губернскіе совѣты должны бы состоять изъ выборныхъ, отряжаемыхъ уѣздными совѣтами: въ число членовъ входилъ бы, какъ непремѣнный членъ ex officio—предсѣдатель совѣта губернскаго города. Предсѣдатели совѣтовъ какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ должны бы быть назначаемы изъ среды членовъ этихъ совѣтовъ намѣстникомъ. Всѣмъ этимъ выборнымъ органамъ земскаго самоуправленія поручалось хозяйство города, общины, уѣзда, губерніи, пути сообщенія, благотворительныя заведенія, распредѣленіе податей и повинностей, наконецъ, имъ предоставлялось ходатайствовать о нуждахъ и потребностяхъ населенія. Я сказалъ, что провинціальные штаты были устранены, какъ напоминающіе слишкомъ непріятные по своимъ воспоминаніямъ сеймъ и конституцію. Вмѣсто нихъ центральнымъ пунктомъ и вѣнцомъ зданія являлся, воскресающій вновь послѣ отмѣны его въ 1841 году, особый государственный совѣтъ царства польскаго (Rada Stanu), долженствующій вступить въ отправленіе обязанностей, которыя лежали на департаментѣ дѣлъ царства польскаго въ государственномъ совѣтѣ имперіи и на особенно ненавистной для варшавскихъ автономистовъ кодификаціонной комиссіи для царства польскаго при II отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи. Этому установленію должны были быть предоставлены функціи и нашего 1-го департамента сената и государственнаго совѣта имперіи, то-есть, изготовленіе законопроектовъ, разсмотрѣніе бюджета, разсмотрѣніе всѣхъ отчетовъ директоровъ правительственныхъ комиссій, наконецъ, дача заключеній по ходатайствамъ мѣстныхъ уѣздныхъ, городскихъ и губернскихъ совѣтовъ о нуждахъ и потребностяхъ страны. Выборный элементъ не долженъ былъ проникать въ государственный совѣтъ и не участвовалъ въ его комплектованіи.

Въ совѣтъ должны были входить либо высшіе сановники царства либо именитые граждане-нотабли, по назначенію правительства, изъ числа выдающихся членовъ земскаго кредитнаго общества, предсѣдателей магистратовъ, предсѣдателей губернскихъ совѣтовъ и проч. Во всей запискѣ ни разу не былъ затронутъ вопросъ о духовенствѣ. Она не касалась также народнаго воспитанія, такъ какъ особый школьный и университетскій уставъ поручено составить Ромуальду Губе, бывшему много лѣтъ профессоромъ с.-петербургскаго университета.

Всѣ эти одобренныя въ принципѣ и набросанныя въ общихъ чертахъ предположенія требовали долгаго времени для разработки, тѣмъ болѣе, что ихъ предполагали осуществлять обыкновеннымъ порядкомъ, т.-е. съ изготовленіемъ проектовъ, отсылкою таковыхъ къ намѣстнику, разсмотрѣніемъ ихъ въ Варшавѣ намѣстникомъ при участіи мѣстныхъ нотаблей, людей пользующихся довѣріемъ страны. Намѣстнику разрѣшено по телеграфу, не объявляя офиціально о результатахъ совѣщанія, передать конфиденціально, кому слѣдуетъ, для успокоенія умовъ въ Варшавѣ, что вопросъ о реформахъ въ царствѣ въ ходу, что и было намѣстникомъ исполнено. Призвавъ къ себѣ Шленкера, Кроненберга, архіепископа Фіалковскаго и графовъ Андрея Замойскаго и Малаховскаго, князь Горчаковъ сообщилъ имъ 1 (13) марта, что одобренные пункты предполагаемыхъ реформъ состоятъ въ слѣдующемъ: 1) государственный совѣтъ, въ составъ котораго войдутъ способные граждане — люди довѣрія (т.-е. пользующіеся уваженіемъ страны); 2) учрежденіе выборныхъ городскихъ совѣтовъ; 3) полное преобразованіе общественнаго воспитанія; 4) призывъ способныхъ гражданъ—людей довѣрія, къ совѣщаніямъ о потребностяхъ страны (литографированные протоколы делегаціи). Таковъ былъ, въ половинѣ марта новаго стиля, немаловажный результатъ поѣздки Карницкаго въ Петербургъ; но прежде, чѣмъ дописаны были сочиняемые въ Петербургѣ законопроекты, набѣжала изъ Варшавы новая волна требованій, смутныхъ извѣстій и предполо-

женій. Волна эта исходила уже главнымъ образомъ отъ утвердившагося въ зàмкѣ Вѣлёпольскаго, къ которому мы и должны возвратиться.

Когда, кончая главу XI, я употребилъ слова: „маркизъ проникъ въ зàмокъ невидимкой“, то эти слова надобно разумѣть въ переносномъ значеніи. Маркизъ отправился изъ Варшавы въ Хробержъ, но были люди, которые за него говорили и хлопотали въ зàмкѣ. Въ тотъ самый день, 2 марта, который ознаменованъ и похоронами, и отправкою Карницкаго съ порученіями въ Петербургъ, князю намѣстнику поднесена работа, напечатанная теперь во 2 томѣ польскаго сочиненія Лисицкаго (стр. 39—47) и озаглавленная такъ: Меморіалъ оберъ-прокурора (naczelny prokurator) сената Эноха, изъ которой мы предложили читателямъ выдержки въ ст. (VII). Эта записка донынѣ есть лучшее и обстоятельнѣйшее изложеніе какъ причинъ, такъ и свойствъ польскаго движенія 1861 — 1864 года. По силѣ пера, по рельефности, по яркому колориту изложенія, она обличаетъ мастера (ex ungue leonem), выражающагося своеобразно и чуждаго всякихъ привычекъ канцелярскаго, офиціальнаго слога или даже дипломатической шлифовки. Она вся, можно сказать, граненая, врѣзывающаяся въ память. Я ее прямо приписываю Вѣлёпольскому не потому только, что въ ней сквозятъ тѣ начала, которыя составляли основу его проекта адреса и правила всей его позднѣйшей политики, но потому, что въ запискѣ уже намѣчено и то мѣсто, которое напередъ предположилъ занять Вѣлёпольскій на случай, если его призовутъ умиротворять страну. Едва ли бы пришло въ голову Эноху, какъ не пришло оно въ голову Карницкому, сказать, какъ сказано въ запискѣ, что главная причина неудовольствій заключается въ томъ, что во главѣ управленія исповѣданіями поставленъ въ римско-католической странѣ не римскій католикъ, но православный (Мухановъ); едва ли бы предложили они, вмѣстѣ съ тѣмъ, закрыть варшавскій округъ, все школьное дѣло поручить, независимо отъ петербургскихъ министровъ, возстановляе-

мой комиссіи народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, существовавшей въ хартіи 1815 г., но отмѣненной по статуту 1832 г. (ст. 35). Записка совѣтовала умѣренныя реформы; широкое примѣненіе избирательнаго начала, на основаніяхъ имущественнаго ценза и двустепенныхъ выборовъ и предлагала, съ одной стороны, попускать вожжи, съ другой—затягивать ихъ, карая строго за всякія революціонныя затѣи. Записка произвела впечатлѣніе. Намѣстникъ усумнился, найдутся ли между поляками люди авторитетные и твердые, готовые идти противъ теченія. Энохъ рекомендовалъ двоихъ: Ѳому Потоцкаго и Вѣлёпольскаго и сообщилъ князю намѣстнику неизвѣстное ему произведеніе: Lettre d'un gentilhomme polonais. Тогда Горчаковъ предложилъ черезъ Эноха маркизу портфель просвѣщенія и исповѣданій, послѣ чего, 6 марта, произошло свиданіе въ зàмкѣ намѣстника съ пріѣхавшимъ, по вызову, маркизомъ. Маркизъ дѣйствовалъ теперь, какъ и потомъ, не навязывая себя, не заискивая, онъ только совѣтовалъ и брался за дѣло положительно и рѣшительно, но на весьма опредѣленныхъ условіяхъ. Тяжелый, неуклюжій и близорукій, а потому въ многочисленномъ обществѣ часто застѣнчивый, чтò принимаемо было мало знающими его лицами за высокомѣріе и спесь, маркизъ не задавалъ себѣ труда быть обходительнымъ съ людьми, которые его мало интересовали, но онъ успѣвалъ привлечь, кого надо было, на свою сторону и обворожить силою логики, могучею діалектикою, своеобразнымъ краснорѣчіемъ, не лишеннымъ пряной приправы ироніи и сарказма. Князя Горчакова онъ увлекъ и сталъ въ глазахъ князя l'homme d'état par excellence. Несмотря на всѣ свои усилія, Вѣлёпольскій успѣлъ внушить намѣстнику не всѣ свои идеи (ссылку на хартію 1815 г. Горчаковъ положительно отвергъ), а только нѣкоторыя, а именно: обязательное очиншеваніе крестьянъ, уравненіе въ правахъ евреевъ съ христіанами, отмѣну учрежденія предводителей дворянства, отмѣну кодификаціонной комиссіи въ Петербургѣ (въ чемъ Вѣлёпольскій сошелся съ Карницкимъ, уничтоженіе земледѣльческаго

общества, съ образованіемъ, вмѣсто него, сельско-хозяйственныхъ комицій или съѣздовъ, и образованіе самостоятельной комиссіи просвѣщенія и вѣроисповѣданій съ порученіемъ ея Вѣлёпольскому. Выборъ поста могъ свидѣтельствовать не столько о честолюбіи, сколько о храбрости маркиза, а также о вѣрномъ пониманіи имъ того, что главная опасность заключается въ религіозномъ характерѣ движенія. Только римскій католикъ, неподозрѣваемый въ отступленіи отъ вѣры и уважающій церковные законы, могъ надѣяться, что онъ, съ одной стороны, избѣгнетъ конфликта съ церковью, а съ другой—подавитъ церковныя манифестаціи. Университетъ предполагался въ Варшавѣ полный, съ пятью факультетами: по странному предубѣжденію намѣстника противъ слова *университетъ*, его рѣшили назвать *Главною Школою*. Не имѣя возможности ссылаться на хартію, Вѣлёпольскій пытался, однако, какъ можно ближе къ ней подойти, возстановляя старинное дѣленіе царства на 8 воеводствъ и созидая цѣлую лѣстницу выборныхъ совѣтовъ по воеводствамъ, съ правомъ ходатайства о нуждахъ и потребностяхъ, и съ замысловато устроеннымъ сенатомъ, который бы состоялъ изъ пожизненно назначаемыхъ воеводъ, каштеляновъ, епископовъ и членовъ изъ именитыхъ гражданъ. Этотъ сенатъ, усиленный пріобщеніемъ къ нему предсѣдателей воеводскихъ совѣтовъ, представителей земскаго кредитнаго общества, высшихъ судебныхъ сановниковъ, предсѣдателя муниципалитета варшавскаго и ректора университета, давалъ бы свои заключенія по ходатайствамъ воеводскихъ совѣтовъ, разсматривалъ бы предложенные ему правительствомъ законопроекты, предлагалъ бы правительству свои соображенія объ усовершенствованіи законовъ и о реформахъ, словомъ, имѣлъ бы извѣстное участіе въ законодательной власти. Самоуправленіе городское предположено было для одной Варшавы. Въ дальнѣйшемъ развитіи реформы предполагаемо было преобразованіе варшавскихъ департаментовъ сената въ верховный судъ, учрежденіе коллегіальнаго государственнаго совѣта

(Rada Stanu), какъ высшаго административнаго учрежденія, которому подчинялись бы министры, упраздненіе военно-судныхъ комиссій за политическія преступленія и новая уголовная кодификація, вмѣсто кодекса 1847 г., дословно почти скопированнаго съ нашего уложенія 1845 г., которое сочинилъ Р. Губе и отъ котораго къ сожалѣнію мы и донынѣ не можемъ освободиться. Къ 17 марта соглашеніе о реформахъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его изложили, послѣдовало между кн. Горчаковымъ и Вѣлёпольскимъ; маркизъ опять вернулся въ Хробержъ, а представленія намѣстника отправлены въ Петербургъ съ чиновникомъ комиссіи казны, Кретковскимъ, куда и прибыли 23 марта.

Петербургскіе составители законоположеній для царства, Карницкій со своими пособниками, нашлись въ величайшемъ затрудненіи, когда имъ пришлось передѣлывать свою, уже наполовину конченную, работу и когда понадобилось докладывать о совсѣмъ новыхъ планахъ преобразованія въ совѣтѣ изъ всѣхъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ государя, 13 (25) марта 1861 г. Авторское самолюбіе Карницкаго было въ этомъ случаѣ ни при чемъ: Карницкій не могъ не радоваться, что предложенія намѣстника шли несравненно дальше его, Карницкаго, ожиданій, что автономія предлагалась полная, широкая, что реформы были сверхъ чаянія радикальныя. Съ другой стороны, столица и все русское общество находились въ упоеніи отъ совершившагося великаго дѣла обнародованія, за три недѣли предъ тѣмъ, положеній о крестьянахъ 19 февраля 1861 г. Либерализмъ достигъ наивысшаго діапазона. Царила безграничная увѣренность во всемогуществѣ и плодотворности свободы. При такихъ условіяхъ, уступки дѣлались легко и безъ долгихъ колебаній. Въ совѣщаніи 25 марта (брошюра Карницкаго) оба проекта Карницкаго и Вѣлёпольскаго слиты въ одно. Предположенія Вѣлёпольскаго о совѣтахъ воеводскихъ и о сенатѣ провалились, осталась система органовъ земскаго самоуправленія по идеѣ Карницкаго, съ особымъ государственнымъ совѣтомъ, въ

Варшавѣ, имѣющимъ только совѣщательный характеръ, безъ признаковъ представительства, и усиленнымъ включеніемъ въ составъ его епископовъ. Въ остальномъ предположенія Вѣлёпольскаго одобрены. Вся суть рѣшеній по польскому вопросу выражена въ пяти пунктахъ Высочайшаго указа отъ 14 (26) марта, которые еще наканунѣ того дня, то-есть 25 марта, были переданы намѣстнику по телеграфу и оглашены въ Варшавѣ. Эти пункты составляли программу будущаго, должны были быть разработаны въ Варшавѣ и присланы въ Петербургъ, въ видѣ готовыхъ законопроектовъ. Они состояли въ слѣдующемъ:

1) учрежденіе государственнаго совѣта, въ составъ котораго будутъ назначаемы мѣстные именитые люди и духовные сановники; совѣтъ будетъ разсматривать прошенія и жалобы;

2) учрежденіе комиссіи народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій „съ вашимъ кандидатомъ, какъ предсѣдателемъ (т.-е. съ Вѣлёпольскимъ), и съ назначеніемъ его членомъ совѣта управленія“;

3) общее преобразованіе училищъ, разрѣшенное въ принципѣ;

4) учрежденіе *высшихъ училищъ*, въ томъ числѣ училища правовѣдѣнія (въ этомъ пунктѣ нашли отголосокъ предубѣжденія кн. Горчакова противъ слова: университетъ, и идеи не только Муханова, но и другихъ лицъ, озадаченныхъ студентскими волненіями и безпорядками во всей Россіи и предлагавшихъ расчленять университеты по факультетамъ и разсыпать ихъ по разнымъ мѣстечкамъ, вдали отъ крупныхъ центровъ населенія);

5) учрежденіе губернскихъ и окружныхъ совѣтовъ.

27 марта 1861 г. Вѣлёпольскій уже былъ въ Варшавѣ, на своемъ посту и вступилъ офиціально въ отправленіе своихъ обязанностей.

XIV.

Между двумя катастрофами: 27 февраля и 8 апрѣля 1861 г.

Прорвавшееся на площадь и разлившееся по улицамъ революціонное движеніе праздновало съ упоеніемъ послѣ 27 февраля 1861 г. въ теченіе почти шести недѣль свою побѣду. То была полнѣйшая анархія, въ особенности въ продолженіе первыхъ $2^1/_2$ недѣль, родъ подразумѣваемаго перемирія, вымаливаемаго изо дня въ день людьми умѣренными и разсудительными у болѣе порывистыхъ вожаковъ толпы, впредь до полученія отвѣта изъ Петербурга. Власть съ намѣстникомъ во главѣ держала себя пассивно и допускала демонстраціи подъ условіемъ, чтобы онѣ не переходили въ открытое нападеніе на ȯрганы правительства, на безопасность лицъ и имуществъ. Съ другой стороны, огромное большинство населенія очень хорошо понимало, что у правительства достанетъ силы, чтобы моментально раздавить движеніе; большинство было по принципу противно открытому повстанью и надѣялось сначала удержать движеніе въ предѣлахъ демонстративнаго его фазиса, въ которомъ оно тогда находилось, а потомъ, по достиженіи демонстраціями положительныхъ результатовъ, затормозить его и заставить войти въ русло законнаго порядка. Но и самые сильные друзья и ревнители порядка не могли себѣ отказать въ удовольствіи демонстрировать всласть, демонстрировать до упоенія. Какъ послѣ продолжительной засухи почва способна всасывать, не размокая, невѣроятно большое количество воды, такъ и населеніе, которое 30 лѣтъ принуждено было таить свои національныя чувства и которому строжайше воспрещалось свой патріотизмъ чѣмъ-либо проявлять, никакъ не могло не прельститься новизною положенія и не переставало стремиться къ нервному возбужденію средствами, которыя при иныхъ условіяхъ смертельно бы надоѣли, до того они были часты и утомительно однообразны. Съ 1859 года публика перестала

посѣщать спектакли; мѣстами зрѣлищъ сдѣлались площади, украшенныя образами и статуями святыхъ, церкви, могилы 5 убитыхъ на Повонзковскомъ кладбищѣ и иныхъ славныхъ умершихъ, покоящихся на другихъ и христіанскихъ и еврейскихъ кладбищахъ. Къ оказательствамъ религіозно-патріотическихъ чувствъ пѣніемъ присоединялись доказательства костюмовъ, переодѣванія. Еще въ 1860 г. общество польское, начиная съ высшихъ слоевъ, прекратило балы, облеклось въ родъ траура, фракъ въ то время былъ повсемѣстно изгнанъ и замѣненъ сюртукомъ, высокая круглая шляпа или такъ называемый цилиндръ уступила мѣсто низкой войлочной. Послѣ февральскихъ событій, въ мартѣ явился на улицѣ настоящій старопольскій костюмъ, во всей его восточной пестротѣ съ разноцвѣтными конфедератками, съ жупанами и кунтушами, съ штанами въ сапогахъ, съ булавками въ видѣ бѣлыхъ орликовъ на шейныхъ шарфахъ. Хотя потомъ, послѣ 8 апрѣля, эти наряды опять исчезли, но костюмный протестъ продолжался и впослѣдствіи въ менѣе театральной формѣ и въ болѣе темныхъ цвѣтахъ, при чемъ въ мужскомъ нарядѣ преобладали чамарки, а появлялись и сукманы на подобіе крестьянскихъ или шерстяныя блузы съ пребольшущими кожаными поясами, украшенными разными эмблемами въ видѣ крестовъ, цѣпей или якорей. Само собою разумѣется, что дамы въ отношеніи изобрѣтательности далеко по этой части опережали мужчинъ и что главный городъ, а затѣмъ и другіе города въ провинціи представляли видъ импровизированнаго маскарада.

Когда въ ненавистной и долгое время стѣснявшей жизнь системѣ образуется трещина, по которой прорвется наружу народное движеніе, то даже при измѣненіи системы и представленіи гуманнѣйшихъ уступокъ допущенное зло исправляется съ крайнимъ трудомъ, во-первыхъ, потому, что торжествующій на извѣстномъ пунктѣ безпорядокъ превращается, какъ бы ни было коротко его временное признанное со стороны власти существованіе, въ совершившійся фактъ, въ пріобрѣтеніе, которое потомъ

отстаивается заинтересованною толпою на правахъ законнаго владѣнія; во-вторыхъ, потому, что изъ того, что уступка послѣдовала за безпорядкомъ, выводится толпою заключеніе, что уступка обязана своимъ существованіемъ безпорядку, а разъ мелькнула фальшивая мысль о такой причинной связи, изъ нея вытекаютъ поползновенія, не имѣющія конца, продолжать волноваться, чтобы цѣною новыхъ усилій и новыхъ жертвъ достигнуть постепенно все бо̀льшихъ и бо̀льшихъ результатовъ. Въ промежуткѣ времени между 27 февраля и концессіями, при бездѣйствіи власти, всѣ оттѣнки общественнаго мнѣнія въ движущемся населеніи успѣли организоваться, одни для наступательнаго усиленнаго дѣйствія, другія для замедленія движенія и даже для противодѣйствія виднѣющемуся уже на краю горизонта, въ видѣ черной тучи, возможному повстанью. Когда пришли уступки, а онѣ были гораздо болѣе значительны, чѣмъ того могли ожидать люди, питавшіе даже смѣлыя надежды, никому изъ самыхъ солидныхъ консерваторовъ, потиравшихъ руки отъ удовольствія въ виду достигнутыхъ офиціально-обнародованныхъ пожалованныхъ благъ, не приходило на мысль, что они могли бы при измѣнившихся обстоятельствахъ сдѣлать полуоборотъ кругомъ, стать фронтомъ къ движенію, сказать революціонерамъ: довольно, вы не пойдете дальше! и въ случаѣ нужды оказать дѣятельную, хотя бы только моральную, а вовсе не матеріальную поддержку правительству въ возстановленіи законнаго порядка, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы обѣщанныя реформы могли быть безъ помѣхи и въ скорѣйшемъ времени осуществлены.

Ставить подобныя требованія по отношенію къ образованному польскому обществу нельзя было потому, что ломка старыхъ привычекъ и старой политики не совершается моментально, что намѣренія правительства, столь недавнія, извѣстны были только на словахъ по обѣщаніямъ и еще не проявились на дѣлѣ, наконецъ, что никакой, даже самый завзятый консерваторъ, даже самъ Вѣлёпольскій не могъ по совѣсти рѣшиться помогать

своими руками внѣшней силѣ, какою въ послѣднія 30 лѣтъ представлялось правительство, укрощать своихъ земляковъ, ведя съ ними въ союзѣ съ этою силою противоестественную братоубійственную борьбу. Наибольшее, чего правительство могло бы ожидать отъ консерваторовъ поляковъ въ данныхъ обстоятельствахъ, могло заключаться только въ томъ, что тѣ изъ нихъ, которые уже состояли на службѣ, продолжали бы служить правительству, но только не по части политическихъ преслѣдованій, а тѣ, которые еще не состояли на службѣ, готовы были бы служить, послѣ того какъ будетъ безъ нихъ и помимо ихъ возстановленъ законный порядокъ, обусловливающій основаніе и развитіе свободныхъ учрежденій. Вѣлёпольскій не принадлежалъ ни къ одной изъ этихъ категорій, но стоялъ между ними посрединѣ и особнякомъ. Онъ опредѣлилъ себѣ напередъ съ тою отчетливостью и ясностью, которыя составляли особенность его ума, свой постъ, свои задачи, свою дѣятельность, свои права и обязанности. Задачи заключались въ слѣдующемъ.

Вѣлёпольскій не могъ ждать, пока бы внѣшній порядокъ былъ возстановленъ; еслибы правительству удалось возстановить своими средствами внѣшній порядокъ, то оно не обратилось бы ни къ нему, ни къ кому бы то ни было изъ его соотечественниковъ, ни тѣмъ менѣе къ его идеямъ, столь противнымъ всей системѣ русской политики въ послѣднія 30 лѣтъ. Къ нему прибѣгли, чтобы съ одной стороны выборомъ лица дать извѣстнаго рода ручательство населенію, что серьёзныя перемѣны въ ненавистномъ порядкѣ рѣшены, и тѣмъ облегчить задачу укрощенія уличныхъ демонстрацій; съ другой стороны, чтобы тотчасъ по укрощеніи пустить въ ходъ цѣлую систему мѣръ, способныхъ успокоить общество и предотвратить опасность всеобщаго мятежа. Вѣлёпольскій не имѣлъ свободы выбора или, лучше сказать, выборъ представлялся ему только въ видѣ такой дилеммы: либо навсегда отказаться отъ всякой политической роли и потерять единственный моментъ, когда открывалась возможность что-

нибудь великое совершить человѣку его поколѣнія, его преклоннаго уже возраста (58 лѣтъ), съ его консервативнымъ, слегка славянскимъ направленіемъ, усматривающимъ спасеніе для его народа подъ сѣнью российской державы; либо спѣшить, какъ дѣлаютъ голландцы, на подвергающуюся опасности отъ напора волнъ плотину и во время самой сильной бури строить новую, которая бы была надежною отъ этихъ волнъ защитою. Предпріятіе сопряжено было съ опасностью и рискомъ, и Вѣлёпольскій рискнулъ, зная, что толпа сочтетъ его измѣнникомъ и что ему будутъ вмѣнятъ и ту кровь, которая будетъ пролита при водвореніи наружнаго спокойствія на улицахъ и площадяхъ. Кто рѣшается идти прямо къ цѣли, тотъ уже обсудилъ и необходимыя средства, которыя въ его сознаніи не могутъ не сливаться съ цѣлью въ нераздѣльное цѣлое. Натура энергическая и цѣльная, маркизъ и предвидѣлъ, и желалъ, обусловливающаго всю его послѣдующую дѣятельность, подавленія силою уличныхъ безпорядковъ. Хотя въ матеріальныхъ дѣйствіяхъ по укрощенію онъ не хотѣлъ участвовать, но нравственную полную отвѣтственность за эти дѣйствія онъ на себя принималъ безъ колебаній и лицемѣрія, безъ сантиментальныхъ слезъ, которыя были бы не у мѣста, безъ наружныхъ доказательствъ сожалѣнія. Онъ былъ рѣшительнѣе въ этомъ отношеніи и гораздо дальновиднѣе намѣстника. Лисицкій удостовѣряетъ (Le Marquis W. II, 174), что, пріѣхавъ въ Варшаву 27 марта, въ страстную среду, маркизъ совѣтовалъ князю Горчакову немедленно объявить осадное положеніе дней на восемь, закрыть въ этотъ періодъ времени делегацію, земледѣльческое общество и арестовать главнѣйшихъ агитаторовъ; но князь Горчаковъ не рѣшился, далъ движенію разыгрываться лишнюю недѣлю на Пасхѣ, далъ ему возможность воспользоваться закрытіемъ земледѣльческаго общества и былъ причиною того, что катастрофа 8 апрѣля вышла кровопролитнѣе того coup d'état, который былъ бы совершенъ въ послѣднихъ числахъ марта, если бы послушались маркиза.

Людей, затѣвающихъ повстаніе, маркизъ считалъ непримиримыми врагами, и въ этомъ отношеніи онъ былъ правъ. Но онъ жестоко ошибался насчетъ умѣренныхъ: онъ разсчитывалъ на бо́льшую долю трезвости, практичности, здраваго смысла въ интеллигентныхъ слояхъ; онъ забывалъ, какъ онъ глубоко непопуляренъ, какъ онъ одинокъ, какъ подозрительны казались всѣмъ наиболѣе разумныя его предложенія. Онъ думалъ, что, съ властью въ рукахъ и съ задатками лучшаго будущаго въ видѣ пожалованныхъ концессій, онъ заставитъ своихъ противниковъ, Андрея Замойскаго и комитетъ земледѣльческаго общества, усиленный делегатами отъ воеводствъ, оказать ему поддержку и принять дѣятельное участіе въ реформахъ во имя общаго блага. Онъ почувствовалъ, что ему слѣдуетъ сдѣлать первый шагъ, и онъ этотъ шагъ сдѣлалъ. На Свѣтлое Христово Воскресеніе по польскому обычаю ѣздятъ знакомые безъ приглашенія другъ къ другу въ гости отвѣдать пасхальныхъ яствъ или на такъ называемое „Święcone“, Маркизъ поѣхалъ къ Андрею Замойскому на это Święcone и обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Сегодня вся Варшава съѣзжается къ вамъ, графъ, съ поздравленіемъ, и я пріѣхалъ тоже; надѣюсь, что отнынѣ мы будемъ работать сообща для блага страны“... (Aleks. W. I, 151). Говорятъ, что въ дальнѣйшей бесѣдѣ Вѣлёпольскій не могъ не похвалиться результатомъ своей политики и замѣтилъ: „видите, графъ, польскій шляхтичъ вступилъ въ переговоры съ русскимъ правительствомъ и получилъ то, чего потребовалъ“. Отвѣтомъ на эти авансы были со стороны Замойскаго ироническія поздравленія и ледяное равнодушіе. Сердца не открывались, не прояснялись лица; Замойскій наотрѣзъ отказался занять какое бы то ни было мѣсто въ проектируемыхъ учрежденіяхъ, даже предназначавшуюся для него должность вице-предсѣдателя государственнаго совѣта. Было ли то слѣдствіемъ непреодолимыхъ личныхъ антипатій, которыми столь богата лѣтопись послѣднихъ дней Польши, или, можетъ быть, мечтатель-визіонеръ инстин-

ктивно противенъ былъ всякимъ попыткамъ, имѣющимъ цѣлью отдалить моментъ, когда Польша, какъ зрѣлый плодъ, отпадетъ, увлекаемая своею тяжестью отъ дерева? Можетъ быть дѣйствовала первая причина, можетъ быть— вторая, а можетъ быть—обѣ вмѣстѣ. Сторону маркиза отказывались держать явнымъ образомъ помѣщики, обрекая себя на безмолвное выжиданіе; ему предстояло ограничиться пока только содѣйствіемъ однихъ чиновниковъ, между которыми имѣлись люди и усердные, и трудолюбивые, и способные. Ставъ у машины, Вѣлёпольскій очень скоро ознакомился съ ея особенностями и отправленіями и самъ себя явилъ отличнымъ администраторомъ, доходящимъ иногда до мелочей, но не теряющимъ изъ виду общихъ началъ и вопросовъ. Вѣлёпольскій предпочелъ бы начать дѣйствовать послѣ катастрофы, но принужденъ былъ высказаться раньше того, прежде чѣмъ пронеслась гроза, очистившая и немного освѣжившая удушливую атмосферу. Двуличность, недоговариваніе не были въ его характерѣ; съ ранней молодости притомъ онъ привыкъ къ рѣчамъ и любилъ щеголять ораторскимъ талантомъ, образностью слога, мѣткостью обдуманныхъ выраженій. Загадочный для публики человѣкъ опредѣлился, можетъ быть, даже слишкомъ откровенно и рѣзко при офиціальномъ пріемѣ на третій день праздниковъ, 2 апрѣля 1861 г., чиновъ комиссіи вѣроисповѣданій и просвѣщенія и духовенствъ римско-католическаго и уніатскаго, и въ отвѣтной рѣчи, данной представлявшимся ему 4 апрѣля еврейскому духовенству и выборнымъ отъ еврейской общины въ маіоратскомъ его мѣстечкѣ Пинчовѣ.

Чиновникамъ онъ напомнилъ, что самый фактъ возстановленія бывшей комиссіи вѣроисповѣданій и просвѣщенія (вмѣсто варшавскаго учебнаго округа) обозначаетъ существенную перемѣну въ положеніи вещей, состоящую въ томъ, что по волѣ монарха странѣ возвращено самоуправленіе въ самоважнѣйшихъ сферахъ жизни народной: въ дѣлѣ религіи и народнаго образованія, а то, что теперь предоставлено мѣстному самоуправленію, послужитъ

основаніемъ для другихъ усовершенствованій въ общественномъ быту въ будущемъ. Къ еврейской депутаціи маркизъ отнесся съ необыкновеннымъ радушіемъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ всѣмъ сознаваемой потребности въ еврейской реформѣ. Въ этомъ случаѣ онъ былъ полнымъ выразителемъ общественнаго мнѣнія. „Я искренно желаю,—сказалъ онъ, — устраненія всѣхъ тяготѣющихъ на васъ стѣсненій и какъ завѣдующій вѣроисповѣданіями, и какъ юристъ. Духу гражданскаго кодекса, составляющаго звено, которое связуетъ насъ съ Европою, противны всякія изъятія отъ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ. Я вовсе не раздѣляю мнѣнія самоновѣйшаго чекана, будто бы вы, предварительно достиженія равноправности, должны сойти съ пути торговой промышленности и запречь себя въ плугъ. Очень почетно званіе земледѣльца, я самъ по ремеслу земледѣлецъ, но земледѣльцевъ было у насъ всегда вдоволь, а недоставало намъ такъ называемаго средняго состоянія, котораго отъ провидѣнія привитый намъ зародышъ, заключающійся въ васъ, пропадаетъ втунѣ. Постарайтесь этотъ зародышъ развить, въ томъ-то и заключается ваше общественное достоинство“. Строже и суровѣе была рѣчь новаго министра къ сильно подмываемому революціоннымъ теченіемъ и отчасти уже предавшемуся революціи духовенству католическому, представлявшемуся вмѣстѣ съ уніатскимъ; впрочемъ, и эта рѣчь не содержала ничего, что бы могло считаться стѣсненіемъ церкви, посягательствомъ на ея права. Она выдвигала впередъ только два начала, которыя составляютъ коренныя основы современнаго государства и свободы религіозной: вѣротерпимость и невмѣшательство духовенства въ свѣтскую политику. „Римско-католической церкви, — сказалъ маркизъ,—посвящу я особое вниманіе. Помнить о томъ для меня тѣмъ естественнѣе, что католическая вѣра есть — вѣра отцовъ моихъ и моя собственная. Но это мое доброжелательство по отношенію къ церкви я удержу въ надлежащихъ предѣлахъ. Я начальникъ установленія, завѣдующаго всѣми исповѣданіями, совокупно съ просвѣ-

щеніемъ. Я не сойду съ пути истинной вѣротерпимости— одного изъ великихъ пріобрѣтеній нашего вѣка. Я—членъ правительства нашего всемилостивѣйшаго монарха. Никогда, насколько силъ моихъ хватитъ, а тѣмъ болѣе въ моемъ вѣдомствѣ, не допущу я правительства въ правительствѣ... Полагаюсь на ваше благоразуміе и умѣренность, вы же, уважаемые господа, положитесь на мои добрыя желанія"... Вѣлёпольскій могъ съ нѣкоторымъ правомъ требовать къ себѣ довѣрія; онъ являлся предъ духовенствомъ не съ пустыми руками: онъ приносилъ преимущества и льготы, о которыхъ никто до того времени не могъ и подумать, начиная съ допущенія епископовъ въ государственный совѣтъ, съ изъятія духовныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія комиссіи внутреннихъ дѣлъ, то-есть изъ вѣдѣнія полиціи, и съ образованія задуманныхъ духовныхъ совѣтовъ, предназначенныхъ на то, чтобы имъ сдѣлаться центромъ церковнаго самоуправленія. Вѣлёпольскій, конечно, могъ бы свое неудовольствіе за участіе духовенства въ демонстраціяхъ высказать сдержаннѣе, конфиденціальнѣе, келейнымъ образомъ, переговоривъ о томъ наединѣ съ епископами. Вѣлёпольскій былъ безусловно правъ по существу, а что касается до избранной имъ формы гласнаго и громкаго предостереженія вмѣсто келейнаго внушенія, то этотъ вопросъ, какъ вопросъ одного только приличія, не могъ, повидимому, имѣть важнаго значенія. Но общество было сильно возбуждено, слова маркиза вызвали яростные протесты со стороны духовенства и произвели дѣйствіе, совершенно противоположное тому, которое имѣлось въ виду: они подлили, такъ сказать, масла въ огонь. Отголоски тогдашняго впечатлѣнія слышатся и теперь. Графъ Ст. Тарновскій (Przegląd Polski, list. 1879, s. 184) усматриваетъ въ словахъ 2 апрѣля къ духовенству одну изъ капитальнѣйшихъ ошибокъ, повліявшихъ на весь дальнѣйшій ходъ дѣлъ, и сравниваетъ маркиза съ Гамлетомъ, когда этотъ послѣдній закололъ по ошибкѣ за занавѣсью Полонія, думая, что онъ поражаетъ короля. По мнѣнію Тарновскаго, маркизъ словами рѣчи 2 апрѣля казнилъ земледѣльческое

общество, но вмѣсто того шпагою попалъ въ духовенство, еще непричастное политикѣ, вслѣдствіе чего, обидѣвъ его, онъ заставилъ это духовенство кинуться въ объятія революціи. Легко доказать, какъ неосновательна эта критика, пытающаяся объяснить крошечною причиною великія послѣдствія. Духовенство варшавское не осталось въ долгу отвѣтомъ; коллективный протестъ поданъ былъ въ началѣ мая 1861 г., снабженный множествомъ подписей, варшавскому архіепископу Фіалковскому. Въ немъ рѣчь маркиза названа „угрожающею церкви, унижающею духовенство", и истолкована въ смыслѣ намѣренія отрицать духовную власть епископовъ, ограничить ее, поставить ее на ряду съ другими отраслями управленія, то-есть превратить ее въ учрежденіе религіозно-полицейское. Препровождая этотъ протестъ, Фіалковскій присовокуплялъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ негодованіе духовенства, которому причинена обида (krzywda), тѣмъ болѣе *нестерпимая*, что она опубликована въ газетахъ; онъ возмущался тѣмъ, что религія римско-католическая отнесена будто бы маркизомъ къ разряду *терпимыхъ*, между тѣмъ какъ она въ царствѣ польскомъ *господствующая*, какъ вѣроисповѣданіе „почти всѣхъ" обитателей царства; наконецъ, онъ замѣчалъ внушительно, съ высоты величія духовнаго состоянія предъ свѣтскимъ, что „только монархъ въ правѣ говорить про вѣротерпимость, а не подданный, въ особенности если притомъ сей послѣдній—римскій католикъ", то-есть лицо, обязанное церкви послушаніемъ въ области дѣлъ духовныхъ (Aleks. W. II, 95—97). Вѣлёпольскій имѣлъ, повидимому, основаніе гордиться, какъ католикъ, тѣмъ, что ему довѣрены были иностранныя исповѣданія, и разсматривалъ этотъ фактъ, какъ громадный успѣхъ для римскаго католицизма. Изъ словъ престарѣлаго пастыря вытекало, что правами, бо́льшими по отношенію къ церкви, пользовался бы иновѣрецъ, нежели свой братъ католикъ, что духовенство не могло простить маркизу того, что оно безропотно вытерпѣло бы со стороны Муханова; слѣдовательно указываемо было косвенно правительству, безъ вѣдома, конечно, писавшаго

эти неразумныя строки, что въ его прямомъ интересѣ не имѣть римскаго католика на важномъ посту директора вѣроисповѣданий. Оба приведенные документы доказываютъ, что разномыслiе между маркизомъ и духовенствомъ было столь велико, что исключало возможность всякихъ соглашенiй и что маркизъ неповиненъ въ томъ, что будто бы онъ-то и толкнулъ духовенство въ объятiя революцiи. При совершенно безцвѣтномъ обращенiи маркиза къ духовенству не было бы повода къ пререканiю, но миръ все равно не состоялся бы потому, что цѣли съ обѣихъ сторонъ были различны и что духовенство, начиная съ приходскихъ священниковъ и до епископовъ, было со всѣхъ сторонъ окружено революцiею и неслось уже съ быстротою на всѣхъ парахъ въ роковое будущее. Первые протесты, вызванные рѣчью 2 апрѣля, освѣтили точно молнiя положенiе вещей; тѣ трещины, которыя грозили опасностью, тѣ ужасающiе успѣхи революцiоннаго движенiя, котораго ядомъ были пропитаны слои и группы общества, наиболѣе, повидимому, заинтересованные въ томъ, чтобы не разыгралось повстанiе. Для начинающаго министра эти протесты равносильны были неудачѣ. Что̀ попорчено было словами, то предстояло поправить настоящимъ дѣломъ, то-есть осуществленiемъ обѣщанныхъ реформъ. На выработку законопроектовъ и проведенiе ихъ чрезъ Петербургъ требовалось два, три мѣсяца. Указъ 14 (26) марта 1861 г. содержалъ въ себѣ только одинъ перечень будущихъ учрежденiй: совѣтъ государственный, совѣты губернскiе, уѣздные и городскiе. Съ введенiемъ ихъ должны были исчезнуть тѣ ихъ суррогаты. которые выдвинулись впередъ въ послѣднее время и функцiонировали кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ безъ всякаго опредѣленнаго круга вѣдомства и предѣловъ власти, вмѣшиваясь поминутно и въ то, что́ ихъ вѣдѣнiю и подлежать не могло, по ихъ назначенiю. Такими иррегулярными институтами представлялись въ то время два: земледѣльческое общество со своимъ комитетомъ и городская делегацiя въ Варшавѣ. Ихъ можно было либо тот-

часъ же упразднить, расчищая почву для будущихъ автономныхъ совѣщательныхъ установленій, либо оставить до самаго введенія въ дѣйствіе этихъ послѣднихъ установленій новой формаціи. И тотъ и другой пріемы имѣли свои выгоды и свои неудобства. И делегація, и комитетъ земледѣльческаго общества, очень мало самостоятельные, исправляли функцію подушекъ, предупреждающихъ и ослабляющихъ столкновенія между уличною толпою и властью, но въ данномъ случаѣ эти два политическіе призрака могли превратиться въ орудія и знамена уличнаго движенія подъ натискомъ толпы, при извѣстной постановкѣ вопроса. Делегація причиняла меньше хлопотъ. Съ нею справился намѣстникъ еще до пріѣзда Вѣлёпольскаго въ Варшаву. 11 (23) марта онъ ей предложилъ выбрать изъ своей среды 8 выборныхъ, которые должны были образовать особый, такъ называемый, „обывательскій отдѣлъ" при магистратѣ. 4 апрѣля и этотъ отдѣлъ былъ упраздненъ, но члены бывшей делегаціи собрались еще разъ въ ратушѣ и выбрали *двѣнадцатичленную* комиссію, долженствующую исправлять временно обязанности городского совѣта, обѣщаннаго указомъ 14 (26) марта 1861 года. Труднѣе была задача по отношенію къ земледѣльческому обществу. Оно не выросло внезапно, какъ делегація, безъ законодательной санкціи въ силу обстоятельствъ, среди борьбы разъяренныхъ стихій. Оно имѣло свой Высочайше утвержденный 12 (24) ноября 1857 г. уставъ, свое, хотя немноголѣтнее, но не безполезное, прошедшее. Крупную ошибку сдѣлали намѣстникъ и Мухановъ, когда, во избѣжаніе дачи царству польскому настоящихъ политическихъ реформъ и учрежденій, они дали этому сельскохозяйственному обществу въ руки игрушку—крестьянскій вопросъ, въ полной увѣренности, что это развлеченіе не свяжетъ рукъ администраціи, не станетъ зародышемъ ни малѣйшаго самоуправленія и не повлечетъ за собою никакихъ ни перемѣнъ, ни послѣдствій. Оно на этомъ вопросѣ выѣхало, оно вкусило всю сладость запретнаго съ 1830 г. плода жизни общественной и соборнаго обсу-

жденія жгучихъ животрепещущихъ вопросовъ настоящаго, оно сдѣлалось популярнымъ и пріобрѣло громадное вліяніе, совсѣмъ не соотвѣтствующее скромному его назначенію по уставу. Сжать его и заставить войти въ узкія уставныя рамки было весьма трудно и даже невозможно без противодѣйствія, которое оказываетъ всякое учрежденіе, когда его пытаются сдвинуть съ занимаемой имъ позиціи, и безъ попытокъ, если бы оно было сдвинуто, возвратить себѣ по бывшимъ примѣрамъ и прецедентамъ прежнее значеніе. Земледѣльческое общество при реформахъ являлось просто-напросто помѣхою, которую, во избѣжаніе столкновеній, надлежало упразднить. Мотивы закрытія общества, сообщенные правительствомъ 12 апрѣля 1861 г. варшавскимъ газетамъ, чрезвычайно вѣски и убѣдительны. Несомнѣнно и безспорно то, что̀ писалъ въ этомъ сообщеніи Вѣлёпольскій, что „въ послѣднемъ своемъ видѣ земледѣльческое общество было громадною хаотическою смѣсью стихій земледѣльческой и законодательно-политической и что политика требовала положить конецъ этому хаосу, раздѣливъ эти стихіи“. Вѣрно было то, что земледѣльческое общество въ силу обстоятельствъ сдѣлалось „ассоціаціею, чрезвычайно обширною, съ неограниченнымъ числомъ членовъ, преслѣдующею законодательныя и политическія цѣли, и считало себя, а фактически и сдѣлалось, чѣмъ-то въ родѣ представительства страны. Но чѣмъ больше оно приближалось къ этому *какъ бы* представительству, тѣмъ болѣе готовило оно себѣ судьбу, которой подлежатъ по существу всѣ представительныя собранія. Всякое представительное собраніе подлежитъ по существу своему распущенію, ихъ достоинство и превосходство проявляются именно въ этомъ распущеніи, то-есть „въ приведеніи ихъ въ соотвѣтствіе съ каждымъ новымъ состояніемъ того общественнаго тѣла, котораго они органъ“ (Aleks. W. II, 91—93). Немедленное закрытіе и расформированіе общества составляютъ одну изъ самыхъ существенныхъ частей записки маркиза, поданной князю Горчакову, и представленія

князя, ходившаго въ Петербургъ. Вмѣсто общества съ его средоточіями, общимъ собраніемъ и комитетомъ, предполагалось завести земледѣльческіе *съѣзды* или *комиціи* по образцу французскихъ „comices agricoles“ по департаментамъ, безъ общаго центра. Въ пользу этой мѣры приводились и мотивы, повторенные въ сообщеніи 12 апрѣля, что правительство не можетъ допустить, чтобы существовало частное общество, которое бы, располагая превозмогающею силою и массою, могло стѣснять свободу дѣйствія у организованныхъ политическихъ или административныхъ учрежденій. Нераспущенное земледѣльческое общество сдѣлалось бы тормозомъ и препятствіемъ введенію новыхъ учрежденій, потому именно, что̀ оно въ себѣ выработало самаго превосходнѣйшаго, по сильной субординаціи членовъ, по подчиненію ихъ комитету, что́ предоставило бы обществу, на первыхъ же порахъ, излишнее вліяніе на самое начало и возникновеніе новыхъ институтовъ“. Эти мотивы вполнѣ объясняютъ обдуманную рѣшимость Вѣлёпольскаго закрыть общество, которая не нуждалась ни въ какой примѣси личныхъ побужденій и не предполагала никакого злопамятства по отношенію къ Андрею Замойскому и комитету. На Пасхѣ 1861 г. такія побужденія и не могли существовать; Вѣлёпольскій еще заискивалъ у Замойскаго и надѣялся расположить его ко вступленію въ государственный совѣтъ въ званіи вице-предсѣдателя, но въ сущности съ властью предсѣдателя, такъ какъ предсѣдателемъ по § 4 указа 14 (26) марта 1861 г. считался намѣстникъ, которому трудно было бы руководить преніями по незнанію польскаго языка. Въ государственномъ совѣтѣ Замойскій былъ бы не одинъ; онъ вошелъ бы туда со всѣмъ своимъ штабомъ. Съ каждымъ поодиночкѣ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ комитета маркизъ совѣщался, каждому обѣщалъ мѣсто въ совѣтѣ, и всѣ поодиночкѣ высказались въ пользу необходимости распущенія общества. Конечно, онъ отъ нихъ не могъ и требовать, чтобы они сами наложили руку на общество,

но онъ разсчитывалъ, что они отнесутся пассивно и нейтрально къ факту, и считалъ дѣло слаженнымъ, когда 6 апрѣля, въ субботу на Святой, явилось во всѣхъ газетахъ состоявшееся по его почину постановленіе совѣта управленія объ упраздненіи земледѣльческаго общества и заведеніи вмѣсто него земледѣльческихъ съѣздовъ (комицій). Постановленіе мотивировано было не совсѣмъ удачно слишкомъ рѣзко; правительство оправдывалось тѣмъ, что „общество, будучи учреждено единственно для споспѣшествованія земледѣлію, заняло, вопреки своему уставу, положеніе, несоотвѣтственное современнымъ обстоятельствамъ". Этотъ актъ власти, выраженный внезапно и безъ подготовки среди города, въ которомъ уличный порядокъ не былъ еще возстановленъ и обезпеченъ, повелъ кратчайшимъ путемъ къ катастрофѣ 8 апрѣля, которую Вѣлёпольскій предвидѣлъ и ускоренія которой онъ даже желалъ, но въ то же время актъ этотъ оттолкнулъ отъ него бывшихъ членовъ земледѣльческаго общества, раздѣлилъ ихъ съ нимъ навсегда, образовалъ между маркизомъ и комитетомъ, сдѣлавшимся кадромъ для организаціи бѣлой или умѣренной патріотической партіи, непроходимую пропасть. Въ этомъ отношеніи, судя по послѣдствіямъ, распущеніе общества стало второю неудачею для Вѣлёпольскаго; даже друзья и приверженцы его считаютъ это дѣйствіе крупною ошибкою. Ближайшій его пріятель, Сигизмундъ Гельцель, писалъ, вскорѣ послѣ происшествія, котораго онъ былъ очевидцемъ: „Мы большіе поклонники маркиза, но мы не можемъ постигнуть политики упраздненія земледѣльческаго общества" (Aleks. W. I. 199). Теперь, когда много времени ушло, и мы отдалились отъ тогдашнихъ событій, легко опредѣлить, сдѣлалъ ли промахъ Вѣлёпольскій, закрывая общество, и притомъ какой: малозначительный или крупный? Ошибка была сдѣлана и довольно значительная, въ которую Вѣлёпольскій былъ вовлеченъ своимъ неумѣніемъ хитрить и выжидать, своимъ воинственнымъ темпераментомъ, своею теоретичностью во взглядахъ на жизнь и отчасти своимъ

оптимизмомъ по отношенію къ лицамъ. Земледѣльческое общество было, конечно, помѣхою въ настоящемъ, но полагающій конецъ ему coup d'état былъ вызовомъ, обращеннымъ къ революціи, былъ сопряженъ съ рискомъ и опасностью, а зло, которое заключалось въ этомъ образѣ дѣйствія, превосходило пользу отъ расчистки почвы подъ новыя учрежденія. Въ сущности земледѣльческое общество этимъ учрежденіямъ безусловно не препятствовало; его можно бы преспокойно и обойти, и оставить, пока бы само оно не скончалось естественною смертью послѣ двухъ, трехъ мѣсяцевъ безъ всякаго coup d'état. Полномочія его по крестьянскому вопросу были исчерпаны, послѣднее слово по этому предмету сказано въ заключеніяхъ его въ февралѣ 1861 г. объ очиншеваніи и добровольномъ выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ. Послѣдствія доказали, что и земледѣльческое общество подмываемо было революціонною волною, но громадное большинство его состояло изъ людей степенныхъ, осторожныхъ и предусмотрительныхъ, такъ что оно ни въ какомъ случаѣ не стало бы во главѣ движенія и не соотвѣтствовало бы своими дѣйствіями той роли, на которую его наталкивали уличные агитаторы. Если бы общее годовое его собраніе было не въ январѣ, а немедленно, то и въ такомъ случаѣ оно обречено было бы на печальную необходимость съ высотъ политики низойти къ прозѣ жизни и разсуждать преважно о земледѣльческихъ машинахъ, о способахъ удобренія земли и о корнеплодныхъ растеніяхъ. Даже вліяніе общества на предстоящіе выборы въ автономическія совѣщательныя учрежденія не должно было сильно озабочивать правителей. Они должны были предвидѣть, что и по закрытіи общества организація, созданная имъ, останется, что эта организація умѣренныхъ можетъ оказать услуги въ борьбѣ съ главнымъ врагомъ правительства, революціонною организаціею красныхъ, и что чѣмъ больше людей изъ земледѣльческаго общества войдетъ въ составъ новыхъ автономическихъ институтовъ, тѣмъ будетъ лучше; когда же они утвердятся въ уѣздныхъ, городскихъ и губернскихъ совѣ-

тахъ и въ государственномъ совѣтѣ и найдутъ тамъ подходящее поприще для осуществленія своихъ политическихъ идей, то они сами перестанутъ дорожить земледѣльческимъ обществомъ, отстаивать его и противиться его преобразованію. Если бы оно было даже политическимъ учрежденіемъ, его можно было бы безвредно оставить и дать ему прозябать нѣкоторое время на ряду съ учрежденіями новаго порядка, какъ существуютъ, напримѣръ, у насъ дворянскія собранія и особые представители этого состоянія послѣ введенія земствъ. Направленное не въ бровь, а въ глаза обществу обвиненіе въ томъ, что оно заняло неподобающее ему положеніе, было ясно несправедливо и не могло не возмущать, потому что общество заняло это положеніе не само по своей волѣ, посредствомъ узурпаціи, а очутилось оно на этомъ посту отчасти по волѣ правительства, предложившаго ему политическій аграрный вопросъ, отчасти по силѣ извѣстнымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ. Обѣщанныя блага или такъ называемыя концессіи были еще въ туманѣ будущаго, впереди; горькимъ должно быть показаться, въ виду только обѣщаннаго, разставаться съ тѣмъ единственнымъ пожалованіемъ 30-ти лѣтъ, которое въ послѣднее время утоляло, хотя и въ весьма недостаточной степени, пробужденную жгучую жажду дѣятельности общественной. Актъ закрытія и рѣзкая мотивировка этого закрытія ставили бывшихъ членовъ общества внезапно подъ два давленія: съ одной стороны, правительства съ маркизомъ во главѣ, не пріобрѣвшихъ еще общественнаго довѣрія, а съ другой стороны, общественнаго мнѣнія революціонно возбужденнаго, поддающагося внушеніямъ агитаторовъ. Эти члены должны были напрямикъ и безъ обиняковъ высказать, чью сторону они держатъ? Одобряютъ ли они упраздненіе общества, котораго заслуги были неоспоримы въ прошломъ, или же протестуютъ противъ закрытія, становясь въ рядахъ оппозиціи? Государственный человѣкъ не долженъ себѣ позволять играть въ столь азартную игру, ставя все свое дѣло на одну карту. Такъ какъ его искусство должно

заключаться въ томъ, чтобы пользоваться всѣми ошибками противниковъ, раздѣлять стихіи движенія и съ каждою справляться поодиночкѣ, то моральное насилованіе извѣстной партіи прямо противно его интересамъ и въ періодѣ прогрессирующей и даже въ періодѣ ослабѣвающей революціи: въ первомъ періодѣ потому, что давленіе съ улицы всегда возьметъ верхъ и подведетъ всѣ головы подъ одну шапку, а во второмъ періодѣ потому, что оно можетъ вновь оживить потухающее движеніе, придавъ ему новыя силы, подливъ масла въ огонь. Вѣлёпольскій могъ убѣдиться, что въ данный критическій моментъ всѣ члены какой-нибудь организаціи, вмѣстѣ взятые, могутъ оказаться совсѣмъ противнаго мнѣнія тому, какое высказывали они каждый поодиночкѣ, и что одни по близорукости, другіе по отсутствію гражданскаго мужества и безхарактерности будутъ громко вопить противъ того, съ чѣмъ бы они помирились втихомолку. Катастрофа наступила, и воздухъ немного очистился, но польза отъ того вышла малая; базисъ, на которомъ стоялъ маркизъ, значительно съузился, что̀ не поколебало, однако, его самоувѣренности и не умалило нисколько его энергіи. Ходъ катастрофы былъ слѣдующій:

Въ воскресенье, 7 апрѣля, то-есть въ день, слѣдующій за обнародованіемъ постановленія совѣта управленія отъ 5 апрѣля объ упраздненіи земледѣльческаго общества, послѣдовали неизбѣжныя манифестаціи, имѣвшія теперь предлогъ: справлять по закрытомъ обществѣ поминки. Громадная толпа въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ собралась въ 4 часа пополудни передъ зданіемъ „кредитнаго общества“, гдѣ помѣщалось бюро земледѣльческаго общества, неся цвѣты, вѣнки и бѣлаго польскаго орла, котораго повѣсили поверхъ двуглаваго чернаго на вывѣскѣ, украшающей зданіе. Пѣлись пѣсни и въ томъ числѣ: jeszcze Polska nie zginęła. Толпа послушалась, однако, предложенія генерала Панютина разойтись, но не разсѣялась, а перенеслась на Новый Свѣтъ къ дому Андрея Замойскаго, которому сдѣлала овацію. Графъ Замойскій долго не показывался, принялъ, однако, послан-

ный ему вѣнокъ, но когда толпа не довольствовалась появленіемъ на балконѣ со словомъ благодарности секретаря его Гарбинскаго и потребовала его самого, то онъ появился лично. Нѣтъ достаточнаго основанія признать, чтобы имъ дѣйствительно произнесены были слова, которыя ему тогда приписывались, о томъ, будто бы къ пяти убитымъ (27 февраля) жертвамъ присоединилась теперь новая шестая: земледѣльческое общество (Le marquis W. II, 179). По всей вѣроятности, Замойскій этихъ словъ не произнесъ и, можетъ быть, даже, какъ утверждаетъ Гиллеръ (Aleks W. Lwów, 1878, стр. 60), онъ просилъ толпу прекратить манифестацію, которая грозила разрѣшиться несчастіемъ. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что и онъ, и его ближайшіе друзья, и родные считали всяческія заявленія и протесты противъ закрытія общества и своевременными и необходимыми. Съ Новаго Свѣта, отъ Замойскаго, толпа повалила къ статуѣ Сигизмунда III на Замковую площадь. Она становилась съ часу на часъ грознѣе, принимала вызывающее положеніе, шутила, глумилась надъ солдатами, офицерами, надъ самимъ намѣстникомъ, когда онъ вышелъ къ ней на съѣздѣ къ Вислѣ въ пальто и съ хлыстикомъ и уговаривалъ стоящихъ: „rozchodźcie się!“ (разойдитесь). „Мы у себя дома,— слышались отвѣты изъ толпы:—вы, князь, идите домой“. Люди посмѣлѣй прибавляли: „иди домой, старина, холодно, насморкъ получишь!“ (Записки Берга, стр. 286). Между тѣмъ стемнѣло, и войска уведены были съ Замковой площади; уличныя сборища тоже разсѣялись, весьма собою довольныя, при крикахъ: побѣда! (wygrana). Ясно было, что ночь прервала только непріязненныя дѣйствія, но что они возобновятся на слѣдующій же день. Въ эту-то ночь, съ 7 на 8 апрѣля, по идеѣ Вѣлёпольскаго состоялось въ замкѣ новое законоположеніе *о сборищахъ*, облеченное въ форму постановленія совѣта управленія и опубликованное за подписями князя Горчакова, назначеннаго нѣсколько дней тому назадъ министромъ юстиціи (директоромъ комиссіи) Яна Кантія Воловскаго и статсъ-секре-

таря Карницкаго (Aleks. W. II, 55). Нельзя не отдать полной справедливости добрымъ намѣреніямъ составителей. Законъ былъ внушенъ чувствомъ строгой законности, желаніемъ разобраться съ крамольниками на общемъ основаніи, общими судами, и взять ихъ въ тиски не средствами террора, а одними только умѣренными, хотя и внушительными, карами, строго соотвѣтствующими установленнымъ довольно точно степенямъ вины. Внѣшняя форма. констатированія порядка заимствована у англичанъ и есть подражаніе статуту о riot'ахъ или сборищахъ короля Георга I, 1715 г. (1 G. 1 st. 2 c. 5 c. 1). Когда произойдетъ противозаконное на публичномъ открытомъ мѣстѣ сборище, бургомистръ, гминный войтъ, полицейскій комиссаръ или иной чиновникъ должны послѣ удара въ барабанъ сдѣлать троекратное воззваніе къ собравшимся, чтобы они разошлись. Взысканія за непослушаніе послѣ каждаго воззванія росли отъ простого ареста за непослушаніе по первому воззванію, до шестимѣсячнаго заключенія по второму и до двухлѣтняго по третьему. Послѣ третьяго воззванія будетъ употреблена *вооруженная сила*, но и за сопротивленіе этой самой вооруженной силѣ положено только заключеніе на время отъ 3 до 5 лѣтъ въ одной изъ крѣпостей царства польскаго. Въ послѣдней чертѣ проглядывалъ, очевидно, патріотъ-полякъ, желающій справляться съ своими земляками домашними, такъ сказать, то-есть не выходящими за предѣлы царства, карательными средствами, безъ ненавистной, особенно для поляка, отрывающей его навсегда отъ родины, Сибири. Подстрекателямъ къ сборищу или къ сопротивленію грозитъ удвоенное противъ физическихъ виновниковъ наказаніе. Меньшей тяжести мѣры положены за простыя приглашенія на сборище устныя, нисаныя или печатныя. Исполненіе закона поручено директорамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, слѣдовательно, по общегражданскому, а не по военному уставу судопроизводства. Установлена была тогда же и формула воззванія: „въ силу закона и распоряженій власти приглашаю васъ разойтись; если

же не исполните сего послѣ троекратнаго воззванія, то будете разогнаны вооруженною силою“ (Зап. Берга, 293).

На слѣдующій день, 8 апрѣля (28 марта) 1861 г., которое пришлось въ воскресенье, власть въ замкѣ поджидала мутителей порядка до самаго вечера. Не обошлось и въ этотъ разъ безъ примѣси церковнаго, безъ процессіи и безъ похоронъ. Толпа надвинулась со съѣзда на Вислу. Тогда былъ посланъ къ ней полицейскій офицеръ съ барабанщикомъ, который сдѣлалъ три установленныя наканунѣ воззванія съ 10-минутными между ними промежутками. Когда толпа отвѣтила на эти воззванія хохотомъ и свистками, то военный начальникъ 1-го отдѣла Варшавы, вмѣщающаго въ себѣ зàмокъ, извѣстный по своимъ севастопольскимъ подвигамъ генералъ Хрулевъ, произвелъ нѣсколько атакъ конными жандармами и пѣхотою, холоднымъ оружіемъ, но когда народъ сталъ вырывать камни изъ мостовой и бросалъ ихъ на солдатъ, то приказано было стрѣлять. Стрѣляли залпами вдоль главныхъ улицъ; выпущено зарядовъ около 500; кровопролитіе не было особенно велико (11 на мѣстѣ убитыхъ, 36 отъ ранъ умершихъ, 240 раненыхъ), но воображеніе дѣйствовало, дорисовывая картины ужаса; паника была большая, въ особенности когда, по взвившимся надъ зàмкомъ сигнальнымъ ракетамъ, войска явились мгновенно на напередъ указанныхъ мѣстахъ и бивакировали въ послѣдующія ночи, при пламени костровъ, пока не соорудили себѣ палатокъ. О кровопролитіи, которое ночь покрыла мракомъ, стали слагаться цѣлыя легенды: о громадномъ числѣ убитыхъ, о звѣрскомъ съ ними обращеніи разъяренныхъ солдатъ, о трупахъ, цѣлыми десятками бросаемыхъ въ Вислу, съ прибитыми къ черепамъ конфедератками, и тому подобныхъ небылицахъ. Мы сами слышали эти ходившія тогда легенды мѣсяца черезъ три, въ іюнѣ 1861 года, въ Варшавѣ. Впечатлѣніе было громадное, въ городѣ все на минуту замерло.

Возвратимся къ маркизу. Г. Бергъ въ своихъ запискахъ, наивно признается (253), что онъ берется

живописать Вѣлёпольскаго не такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности по бумагамъ и документамъ, но „какимъ его нарисовала роковая (??) кисть общественнего мнѣнія“. Бергъ этимъ признаніемъ отнимаетъ у своего разсказа всякое значеніе серьёзнаго сужденія. Онъ выразился о Вѣлёпольскомъ (300), что его роль въ этотъ день или, лучше сказать, въ эту ночь была *забавна* и *плачевна*. Гиллеръ, одинъ изъ крайнихъ красныхъ, упрекаетъ (62) маркиза въ безсердечіи, съ которымъ онъ отказался въ зàмкѣ, несмотря на мольбы Шленкера, просить князя намѣстника о томъ, чтобы положенъ былъ конецъ кровопролитію. По свѣдѣніямъ Лисицкаго (Le marquis W. II, 176), маркизъ, въ то время какъ шла стрѣльба, бесѣдовалъ въ намѣстниковскомъ дворцѣ (гдѣ онъ проживалъ съ 28 марта, какъ утверждаетъ Бергъ, Зап. 300) съ другомъ своимъ Сиг. Гельцелемъ, когда явился весь разстроенный докторъ Халубинскій и сталъ его просить ѣхать въ зàмокъ, ходатайствовать о прекращеніи безцѣльнаго уже кровопролитія. Маркизъ не колебался ни минуту, хотя сама поѣздка въ зàмокъ сопряжена была для него съ величайшею опасностью, такъ какъ и раненые и умирающіе, и весь уличный народъ сваливали на него всю вину кровопролитія и осыпали его проклятіями, отъ которыхъ недалеко было до мести и кровавой расправы. Въ четырехмѣстную карету маркиза усѣлись онъ съ сыномъ своимъ Сигизмундомъ и Энохъ, на козлахъ возлѣ кучера помѣстился Халубинскій съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, вступиться за маркиза и защищать его своею громадною популярностью. Карета пробиралась съ трудомъ подъ градомъ камней, кидаемыхъ въ солдатъ; у Халубинскаго шляпа была сплюснута; стекла кареты разбиты въ дребезги; къ зàмку пришлось пробираться пѣшкомъ. На просьбу маркиза намѣстникъ тотчасъ же согласился и отдалъ приказаніе о прекращеніи стрѣльбы, а на слѣдующій день обнародовалъ онъ слѣдующее воззваніе къ жителямъ Варшавы, внушенное Вѣлёпольскимъ и указывающее на то, что на

кровопролитіе онъ смотрѣлъ какъ на печальную необходимость и намѣренъ былъ пользоваться крайне умѣренно превосходствомъ силы (Aleks. W. II, 84): „во имя Бога, во имя уваженія къ монарху, къ общественному порядку, къ закону, къ счастію и чести страны умоляю васъ, опомнитесь, а если и новый законъ (о сборищахъ) не удержитъ злобы тѣхъ, которые васъ увлекаютъ къ погибели, тогда я буду принужденъ, потерявъ всякое терпѣніе, объявить осадное положеніе. Тогда дальнѣйшія несчастія да падутъ на отвѣтственность злоумышленниковъ". Маркиза событія дня не смутили, не поколебали, а вдохнули ему только и удвоили, такъ сказать, рѣшимость стать въ одинъ уровень съ усложняющимися обстоятельствами и явить себя такимъ желѣзнымъ въ дѣйствіяхъ, какимъ онъ былъ въ мысляхъ и чувствахъ, взять на свои плечи двойную тяжесть, двойную отвѣтственность, подвергнуться еще большей опасности, бравируя ею и подставляя подъ удары грудь свою. Случай подходящій представился. Воловскій, подписавшій законоположеніе о сборищахъ, до того потрясенъ былъ катастрофою 8 апрѣля, что подалъ въ отставку. Министерство юстиціи оказалось вакантнымъ, и Вѣлёпольскій взялъ его, не отказываясь отъ народнаго просвѣщенія и исповѣданій, прельщаемый желаніемъ доказать, что въ польской странѣ найдутся судьи поляки, которые сумѣютъ, во имя закона и изъ любви къ отечеству, охранять, какъ слѣдуетъ, власть и общественный порядокъ, отъ котораго зависитъ все будущее развитіе страны. Получивъ новое назначеніе, Вѣлёпольскій 10 апрѣля принималъ представлявшихся ему чиновъ министерства юстиціи, судебнаго персонала, прокуратуры и адвокатуры и произнесъ новую рѣчь, одну изъ самыхъ типическихъ и врѣзывающихся въ память, до того полна она „крылатыхъ" словъ, до того въ сильномъ, образномъ слогѣ отчеканился въ ней самъ человѣкъ упорный, непреклонный, а главное—прямой. Никакихъ въ этой рѣчи не было крокодиловыхъ слезъ и соболѣзнованій о случившемся, какъ о роковой необходимости, а сдѣлано

прямое отождествленіе себя съ правительствомъ и мужественно принята на себя вся отвѣтственность. Противниковъ маркиза всего болѣе озлобила заявленная имъ моральная солидарность съ правительствомъ въ катастрофѣ 8 апрѣля, чего онъ могъ весьма легко избѣжать, намекнувъ, что происшедшее случилось за областью его вѣдомства, внѣ его спеціальности. Вотъ главныя мѣста этой рѣчи (Aleks. W. II, 87).

„Господа, прихожу передать вамъ въ руки *спасенный въ кровавой*, къ сожалѣнію, *схваткѣ порядокъ*, прихожу вооруженный новымъ законоположеніемъ (законъ о сборищахъ 8 апрѣля). Вашимъ затѣмъ дѣломъ будетъ озаботиться, чтобы мы отнынѣ спокойно владѣли этимъ общественнымъ добромъ. Общественный порядокъ не можетъ быть *выпрашиваемъ какъ милостыня* изо дня въ день; онъ долженъ самъ на себя опираться, быть непоколебимымъ, быть ежеминутно въ себѣ самомъ увѣреннымъ. Когда порядокъ *живетъ изъ милости на хлѣбахъ* у самоволія, легкомыслія и безначалія, тогда все въ народѣ принижается, изсякаетъ источникъ мужества гражданскаго, пропадаетъ независимое мнѣніе, пропадаетъ свобода мысли...“ Вѣлёпольскій заявлялъ, что онъ только временно завѣдуетъ портфелемъ юстиціи, чѣмъ и воспользуется для созданія, купно съ вѣдомствомъ просвѣщенія, юридическаго факультета; выразилъ надежду, что найдетъ между представлявшимися достойнаго преемника, послѣ чего кончилъ такимъ образомъ: „Жизнь моя въ рукѣ Божіей. Если бы, при помощи вашей, я достигъ только того, что укрѣпилъ бы и обезпечилъ бы на основаніи вновь изданнаго закона общественный порядокъ—это первое условіе всякаго народнаго прогресса на законномъ пути—то я думаю, что тѣмъ самымъ я бы уже оставилъ добрую о себѣ память дѣтямъ моимъ“. Рѣчью къ лицамъ вѣдомства юстиціи кончались словесныя заявленія, которыми Вѣлёпольскій достаточно ясно и не двусмысленно себя опредѣлилъ. Требовались теперь настоящія дѣла, законодательныя работы, для обозрѣнія которыхъ намъ слѣдуетъ

войти въ рабочій кабинетъ маркиза и порыться въ его законопроектахъ.

XV.

Законодательныя работы Вѣлёпольскаго. — Соціальныя реформы: еврейская и аграрная.

Вопросъ политическій спутанъ былъ, во многихъ отношеніяхъ, съ соціальнымъ въ польскомъ движеніи начала шестидесятыхъ годовъ. Польша, несмотря на свою близость къ европейскому Западу, не выработала, какъ всѣ славянскія націи, своего родного крѣпкаго мѣщанства; вопросъ соціальный не ставился въ ней какъ вопросъ о рабочемъ наемникѣ, о фабричномъ пролетаріи, но распадался на два не одинаково важные: одинъ, поменьше, заключался въ сплоченіи въ одну массу съ поляками того пришлаго племени еврейскаго, которое являлось на этой почвѣ подспорьемъ, замѣщающимъ третье состояніе; другой вопросъ, гораздо крупнѣе, былъ аграрный, касающійся отмѣны барщины и крестьянскаго надѣла. Оба вопроса пущены Вѣлёпольскимъ въ ходъ, оба поняты одинаково ясно и энергично, но разрѣшены не одинаково радикально.

Въ средніе вѣка еврея обособляла вѣра среди христіанскаго населенія; подъ ея вліяніемъ для этой крѣпко сплоченной вѣрою расы сложилось законодательство, стѣсняющее евреевъ и относительно мѣста жительства, и относительно землевладѣнія, и относительно промысловъ. Положеніе это было до нѣкоторой степени возможно и сносно, пока существовали классы, еще болѣе въ отношеніи правъ обиженные, закрѣпощенные и невольные, между тѣмъ какъ еврей, хотя откупался, но былъ вольный человѣкъ, подвижной и предпріимчивый, а если онъ принималъ христіанскую вѣру, то легко прокладывалъ себѣ дорогу и втирался въ среду привилегированныхъ классовъ, заметая слѣды своего происхожденія. Но когда

при выходѣ изъ среднихъ вѣковъ произошла отмѣна сословныхъ привилегій и тамъ даже, гдѣ не установилась свобода политическая, состоялось подведеніе всѣхъ гражданъ подъ общій знаменатель одного гражданскаго закона, еврей, если онъ остался внѣ этого общаго закона, очутился отверженцемъ-паріей, въ положеніи, совершенно не соотвѣтствующемъ его уму, способностямъ и средствамъ, и прямо располагающемъ его ко всякому перевороту, который бы ему доставилъ равноправность гражданскую, т. е. въ сущности, послѣ исчезновенія привилегій, права общечеловѣческія. Не считая тѣхъ евреевъ, которые всочились въ разныя времена въ составъ христіанскаго населенія, т. е. сдѣлавшихся выкрестами, число исповѣдующихъ іудейство въ одномъ царствѣ польскомъ составляетъ нынѣ, при почти 7-милліонномъ населеніи царства, около 820,000, т.-е. около 12°/o. Процентное отношеніе евреевъ въ населеніи далеко не выражало еще степени вліянія этого элемента на массу. Слѣдуетъ сообразить, какимъ количествомъ денежнаго капитала онъ вращаетъ быстро въ своихъ умѣлыхъ рукахъ и какой контингентъ доставляетъ онъ въ интеллигентныя званія и занятія, въ прессу, искусство, адвокатуру. Равноправность для евреевъ обусловливается предварительнымъ отреченіемъ ихъ отъ обособленности и рѣшимостью распуститься въ массѣ нееврейскаго населенія, усвоить себѣ языкъ, нравы, даже образъ мыслей и національныя привязанности среды, все, однимъ словомъ, кромѣ вѣры, которая ихъ спасала и дала уцѣлѣть типу въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и которая сродни христіанской, потому что составляетъ подкладку сей послѣдней. Такую наклонность къ превращенію изъ ветхозавѣтныхъ жидовъ въ „поляковъ израильскаго вѣроисповѣданія“ обнаружило еврейское населеніе царства со свойственною ему чуткостью въ теченіе всѣхъ тѣхъ тяжелыхъ 30 лѣтъ, съ 1831 по 1861 годъ, когда при полномъ практическомъ бездѣйствіи и политической несвободѣ работала только поэтическая фантазія польскаго народа, развивая въ немъ мечтательный и востор-

женный патріотизмъ. Еврейскія дѣти посѣщали польскія школы; еврейскій плебсъ коснѣлъ въ мрачномъ талмудизмѣ; но все, что было поразвитѣе, ополячивалось; а когда подошло движеніе 1861 г., то молодежь кинулась въ него опрометью, увлекая и стариковъ и соперничая въ самопожертвованіи и чувствахъ патріотизма съ самими поляками. Съ другой стороны, польскимъ революціонерамъ-повстанцамъ всякій союзникъ былъ дорогъ. Сліяніе двухъ стихій въ одномъ общемъ движеніи обозначилось еще до вступленія Вѣлёпольскаго въ должность министра; но онъ его нашелъ, оцѣнилъ по достоинству и ввелъ его въ свою политику въ полномъ объемѣ, безъ всякихъ робкихъ колебаній и ограниченій, безъ всякой аристократической брезгливости, боящейся протянуть руку еврею, чтобы не заразиться чесоткой. Іудофильство маркиза было сознательное, основанное на цѣлой теоріи, выводимое изъ принциповъ 1789 года и изъ духа кодекса Наполеона, котораго онъ, какъ европеецъ, былъ горячимъ приверженцемъ и которому было противно всякое изъятіе изъ общаго правила (art. 8), что „каждый туземецъ пользуется гражданскими правами“. Первый и весьма рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ посредствомъ допущенія евреевъ наравнѣ съ христіанами къ пользованію правами политическими. Въ уставѣ о выборахъ отъ 24 мая (5 іюня) 1861 г. въ уѣздные и городскіе совѣты, изъ среды которыхъ должны были комплектоваться губернскіе совѣты, въ избиратели допущены имѣющіе извѣстный цензъ подданные царства польскаго мужского пола, достигшіе 25-лѣтняго возраста, умѣющіе читать и писать по-польски, *безъ различія состоянія и вѣроисповѣданія*, слѣдовательно, со включеніемъ евреевъ. Евреи наравнѣ со всѣми могли быть также избираемы, могли попасть и въ губернскій совѣтъ; въ составъ членовъ государственнаго совѣта вошелъ еврей Матіасъ Розенъ. Потомъ, когда открылъ свои засѣданія государственный совѣтъ, имъ былъ одобренъ законопроектъ, который удостоился Высочайшаго утвержденія 5 іюня

(24 мая) 1862 г. во время бытности Вѣлёпольскаго въ Петербургѣ на три дня передъ назначеніемъ его начальникомъ гражданскаго управленія въ царствѣ польскомъ. По этому закону отмѣнены всѣ запрещенія и ограниченія относительно недопущенія евреевъ проживать въ городахъ, деревняхъ и въ 21-верстной пограничной полосѣ (ст. 2). Имъ дано право пріобрѣтать недвижимую собственность въ городахъ безусловно, а внѣ городовъ съ тѣмъ: *а*) что земель крестьянскаго надѣла они не могутъ покупать отъ крестьянъ, пока сами крестьяне не пріобрѣтутъ ихъ въ собственность; *б*) что въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ со дня изданія сего закона они не могутъ быть избираемы въ должности войтовъ гминъ и заступающихъ ихъ мѣсто; *в*) что они не будутъ пользоваться помѣщичьими правами ктиторства и представленія кандидатовъ на духовныя должности въ своихъ имѣніяхъ (ст. 1). Имъ запрещено вести книги, корреспонденціи, совершать акты и сдѣлки. выдавать обязательства, составлять духовныя завѣщанія на языкахъ еврейскомъ или еврейско-нѣмецкомъ или еврейскими письменами, подъ страхомъ недѣйствительности въ силу самаго закона такихъ сдѣлокъ и документовъ (ст. 5). Приказано одновременно пересмотрѣть всѣ распоряженія, ограничивающія евреевъ въ производствѣ ремеслъ, промысловъ и торговли и всѣхъ постановленій объ особыхъ податяхъ, тяготѣющихъ исключительно на еврейскомъ населеніи.

Переходя къ аграрнымъ отношеніямъ, я долженъ, прежде всего, отмѣтить, что чрезвычайно трудно стать на надлежащую точку зрѣнія для правильной и безпристрастной оцѣнки дѣятельности по этой части какъ Вѣлёпольскаго, такъ и его соотечественниковъ, въ сравненіи съ таковою же дѣятельностью смѣстившихъ ихъ чисто русскихъ реформаторовъ Н. Милютина, Ю. Самарина, князя Черкаскаго, взявшихся устраивать польскихъ крестьянъ послѣ подавленія мятежа. Вопросъ этотъ, крайне сложный, могъ быть рѣшенъ на множество ладовъ и съ безконечно различными результатами. Судить дѣятелей по

однимъ результатамъ, какъ это дѣлаетъ офиціозный публицистъ (*A. de Moller,* Situation de la Pologne au 1 janvier 1865. Paris, 1865), было бы крайне несправедливо. Рѣшать его не могли одинаково полякъ и русскій, человѣкъ, дѣйствующій въ своей средѣ или во враждебномъ ему чужомъ обществѣ, человѣкъ, разстраивающій начавшійся мятежъ или пришедшій послѣ пожара на пепелище и дѣйствующій въ отместку мятежу. Не отвлекая Вѣлёпольскаго отъ его національности, отъ его среды и отъ историческаго момента, поставимъ себѣ вопросъ: сдѣлалъ ли Вѣлёпольскій все то, что долженъ бы былъ сдѣлать, въ данныхъ обстоятельствахъ, патріотъ-полякъ, дальнозоркій политикъ? Испоконъ вѣка существуютъ и долго еще существовать будутъ коренной контрастъ и взаимодѣйствіе двухъ обществъ: аристократически-организованной народности польской, съ недавняго времени, сто лѣтъ демократизирующейся, но не могущей этого дѣлать сразу—съ одной стороны, и съ другой—насквозь демократической національности русской съ самодержавнымъ Царемъ во главѣ и при крошечной, сравнительно съ массою, долѣ интеллигенціи, столь крошечной, что ее едва достанетъ на насущныя потребности управленія посредствомъ громадной бюрократической машины. Въ высшей степени несправедливо было бы укорять современное общество польское въ томъ, что оно не демократично, но оно демократично по-своему. Оно ближе стоитъ къ европейскому Западу, оно крѣпче держится тѣхъ формъ идеи собственности, которыя отчеканены еще римлянами и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе какъ нѣчто незыблемое, какъ самъ писаный разумъ. Никогда на этой почвѣ не могло бы явиться ученіе, подобное тому, которое составляетъ окончательный выводъ книги князя А. Васильчикова „Землевладѣніе и земледѣліе“ (Петербургъ, 1876, 2 тома): что характеристическую черту и едва ли даже не преимущество Россіи передъ Западомъ составляетъ то, что въ ней еще не кристаллизировалось донынѣ и не отвердѣло въ опредѣленныхъ формахъ право

поземельной собственности, что понятіе собственности еще не выдѣлилось окончательно изъ понятія владѣнія, что ему неприсуще полное сознаніе права распоряженія и неотъемлемости имущества (298). Не подлежитъ сомнѣнію, что польское общество представляетъ почву, весьма мало пригодную для развитія соціалистическихъ идей, въ формѣ ли теорій объ отмѣнѣ законодательнымъ путемъ частной поземельной собственности или въ формѣ ходящихъ въ простомъ народѣ легенды и вѣстей о черномъ передѣлѣ. Но независимо отъ этихъ качествъ, условія историческаго момента исключали возможность разсѣченія внезапно Гордіева узла, рубки съ плеча, мгновеннаго перехода изъ одного состоянія въ другое. Реформа имѣла на своей сторонѣ волю большинства, общественное мнѣніе, высказавшееся въ земледѣльческомъ обществѣ не только за очиншеваніе крестьянъ, но и за выкупъ. Страдающіе отъ реформы интересы при ея спокойномъ и добровольномъ осуществленіи требуютъ возможно бо́льшей пощады; реформа бываетъ тогда компромиссомъ между крайними направленіями. Такимъ образомъ, и положеніе 19-го февраля 1861 г. далеко не соотвѣтствовало всѣмъ замысламъ и надеждамъ корифеевъ реформы, во главѣ которыхъ безспорно стоялъ Н. Милютинъ; положено было только основаніе и начало устроенію выходящаго изъ крѣпостной зависимости населенія, но какъ затѣмъ крестьянское дѣло перешло въ иныя руки и содержавшіеся въ положеніяхъ зародыши будущаго не получили надлежащаго развитія, то крестьянскій вопросъ въ коренныхъ частяхъ имперіи стоитъ нынѣ хуже нежели на западной окраинѣ и въ царствѣ польскомъ и являетъ признаки обѣднѣнія и истощенія освобожденныхъ крестьянъ, въ сравненіи съ состояніемъ, въ которомъ они находились въ моментъ освобожденія—признаки, требующіе нынѣ весьма серьезныхъ заботъ со стороны законодателя. Тѣ же самые люди, Н. Милютинъ и его сотрудники, очутились въ совершенно иномъ положеніи въ 1863 г. въ царствѣ польскомъ, гдѣ могли чертить что̀

угодно, потому что все общество было передъ ними какъ *tabula rasa*, гдѣ и реформа становилась, по необходимости, тенденціозна и ставила себѣ задачею достигнуть, въ наиболѣе скоромъ времени, наиболѣе энергическими средствами, подъема крестьянства, какъ базиса для будущей русской политики въ царствѣ польскомъ съ соотвѣтствующимъ сокращеніемъ являющагося враждебнымъ Россіи помѣщичьяго элемента. Въ этой политикѣ сошлись и дѣйствовали заодно люди совершенно противоположныхъ лагерей по крестьянской реформѣ внутри самой Россіи, каковы были, напримѣръ, Милютинъ и М. Н. Муравьевъ [1]). Гербертъ Спенсеръ въ своей „Соціологіи" (т. II, § 258) дѣлитъ общества по формѣ управленія на два типа: военный, съ принудительною коопераціею гражданъ правительству, и промышленный. Россія находилась, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ самомъ началѣ перехода отъ перваго типа ко второму, когда польскій мятежъ 1863 г. заставилъ ее возвратиться въ западной части государства къ живымъ преданіямъ и крѣпкимъ привычкамъ первой системы, такъ что съ тѣхъ поръ установилось длящееся донынѣ двойственное управленіе: по типу промышленнаго общества, съ зачатками самоуправленія во внутреннихъ областяхъ, и по типу военнаго устройства на западной окраинѣ; что̀ считается невозможнымъ по одной сторонѣ черты, отдѣляющей области на особомъ положеніи отъ средоточія государства, то считается какъ будто бы нормальнымъ по другой сторонѣ. Защитники крѣпостной зависимости у себя дома, въ томъ числѣ Муравьевъ, сами присовѣтовывали въ царствѣ польскомъ крутой аграрный переворотъ (ст. Леруа Больё, стр. 900). Относить исключительно на счетъ намѣреній русскихъ государственныхъ людей всю крестьянскую реформу въ царствѣ польскомъ значитъ упускать изъ виду другой факторъ — повстанье 1863 г., сулившее также землю крестьянамъ и, вдобавокъ, даромъ и развязавшее руки русскимъ дѣятелямъ

[1]) Leroy Beaulieu—Un homme d'état russe, въ „Revue des Deux Mondes" 15 февраля 1881 г.

крестьянолюбцамъ, давшее имъ такой просторъ, какого они не имѣли въ центрѣ государства.

Но если невозможно прилагать одну и ту же мѣрку къ оцѣнкѣ работъ и предположеній по аграрному вопросу поляковъ-патріотовъ до мятежа и русскихъ дѣятелей послѣ мятежа, то нельзя не признать, что и польскій патріотъ-помѣщикъ могъ и долженъ былъ дѣйствовать рѣшительно и радикально въ пользу, если не внезапнаго, то постепеннаго, но, во всякомъ случаѣ, скораго снабженія крестьянъ земельнымъ надѣломъ на правахъ собственности. Побудительная причина, заставляющая его дѣйствовать, была бы не та, какая у прогрессиста русскаго, не одна любовь къ простонародію съ примѣсью отвращенія отъ дворянской своекорыстной замкнутости и исключительности. Полякъ бы дѣйствовалъ по чувству національнаго самосохраненія, въ видахъ предупрежденія возможности возстановить одинъ классъ противъ другого, крестьянъ противъ помѣщиковъ, въ видахъ подведенія подъ національность такого широкаго основанія въ лицѣ надѣленныхъ собственностью крестьянъ, которое бы во много разъ увеличило силы національности, а можетъ быть, повело бы въ далекомъ будущемъ и къ возвращенію той самобытности политической, которая составляла горячую мечту смѣнявшихся поочередно поколѣній съ 1830 по 1861 годъ. Очень немногіе изъ числа людей, которыхъ можно бы назвать шальными головами, ничему не выучившихся въ роковомъ 1846 году, берегли искренно или притворно при себѣ крестьянскій надѣлъ, чтобы его бросить какъ приманку, когда созрѣетъ повстаніе. Громадное большинство понимало, что немедленное и радикальное разрѣшеніе легальнымъ путемъ крестьянскаго вопроса, на основаніяхъ выкупа надѣловъ, подорветъ немедленно повстанское движеніе, осадитъ его и предотвратитъ повстаніе, котораго гибельныя для народности послѣдствія были очевидны и которое всѣ благоразумные люди считали опасностью и несчастіемъ. Состязаться съ русскимъ обществомъ на почвѣ крестьянскаго вопроса

можно было только однимъ способомъ: предоставляя крестьянину въ царствѣ польскомъ никакъ не меньше того, что̀ за нимъ обезпечивала законодательная власть въ имперіи положеніями 19 февраля 1861 г. Исходя изъ основаній, общихъ для крестьянскаго дѣла и въ имперіи, и въ царствѣ, можно было, пользуясь минутою и торопясь, ускорить не только очиншеваніе, но и выкупъ, достигнувъ при этомъ случаѣ раздѣла помѣщичьей и крестьянской собственности. а также столь желательнаго для помѣщиковъ и столь существеннаго для успѣховъ земледѣлія, при интенсивной обработкѣ почвы и плодопремѣнномъ хозяйствѣ, прекращенія сервитутовъ, то-есть отмѣны за вознагражденіемъ крестьянскихъ угодій въ помѣщичьихъ поляхъ и лѣсахъ. Это рѣшительное настроеніе сдѣлалось преобладающимъ въ средѣ земледѣльческаго общества, вопреки желаніямъ его вожаковъ, и выразилось въ постановленіяхъ его въ послѣднихъ засѣданіяхъ его въ концѣ февраля 1861 г. Государственный человѣкъ, который бы желалъ воспользоваться этимъ настроеніемъ, поискалъ бы себѣ сотрудниковъ не столько между ближайшими друзьями А. Замойскаго, не столько въ средѣ комитета общества, сколько между молодыми и болѣе радикальными членами. Программа реформы была готовая, ее бы можно позаимствовать изъ прекрасныхъ сочиненій Ѳ. Потоцкаго по крестьянскому дѣлу. Если бы къ аграрной реформѣ приложено было столько старанья, сколько къ общественнымъ и политическимъ преобразованіямъ, которыя въ концѣ концовъ не удались; если бы провозглашено было начало обязательнаго выкупа и сдѣланы первые по этому пути шаги, то даже и при неудачѣ всѣхъ другихъ плановъ Вѣлёпольскаго были бы предвосхищены у Н. Милютина и его сподвижниковъ главныя орудія ихъ послѣдующаго дѣйствія; они должны были бы только продолжать начатое, а не отвергнуть все, до нихъ сдѣланное, какъ будто бы оно не существовало, какъ будто бы предъ ними была tabula rasa, во всякомъ случаѣ не существовалъ бы нынѣ вопросъ о сервитутахъ, нарочно припасенный дѣя-

телями учредительнаго комитета, чтобы оставить аграрную реформу открытою, не доводя по политическимъ соображеніямъ до окончательнаго разрѣшенія спутанное пользованіе крестьянами помѣщичьею собственностью [1]). Но, чтобы дѣйствовать въ крестьянскомъ дѣлѣ твердо, скоро и радикально, необходимо было бы самому раздѣлять хотя бы тѣ убѣжденія, до которыхъ дошелъ путемъ размышленія кабинетный человѣкъ Ѳома Потоцкій, необходимо было бы проникнуться мыслью о крестьянскомъ правѣ на земельный надѣлъ, правѣ, которое никоимъ образомъ не выводилось изъ кодекса, напротивъ того, выдвигалось силою вещей съ ломкою кое-чего въ теоріи собственности гражданскаго кодекса и съ разстройствомъ кое-какихъ изъ признаваемыхъ нерушимыми и коренными началъ этого института. Такая ширь во взглядѣ была, однако, совершенно чужда Вѣлёпольскому, въ чемъ легко убѣдиться изъ документовъ, которые тщательно собраны у Лисицкаго. Для Вѣлёпольскаго гражданскій кодексъ былъ столь же непреложенъ по части положеній, опредѣляющихъ понятіе собственности, какъ евангеліе; вводить крестьянскую общину, устанавливать новый видъ собственности въ надѣлахъ крестьянъ было равносильно въ его глазахъ попыткѣ „мѣнять кодексъ Наполеона на сербскіе законы царя Душана“ (A. W. I, 61. Замѣтимъ, что имя Душана употреблено здѣсь втунѣ; законовъ его Вѣлёпольскій, вѣроятно, и не зналъ, а употребилъ имя иронически для обозначенія учрежденій крайне зачаточныхъ и первобытныхъ въ сравненіи съ западною цивилизаціею, которой онъ поклонялся). Вѣлёпольскій стоялъ упорно на очиншеваніи крестьянъ долгосрочномъ, непревышающемъ, однако, 24-хъ лѣтъ и отвергалъ uwłaszczenie, т.-е. превращеніе крестьянъ въ собственниковъ въ формѣ ли экспропріаціи у помѣщиковъ крестьянскихъ

[1]) Leroy Beaulieu, „Revue des Deux Mondes“ du 15 février, 1881, p. 905. On est encore à Varsovie ou Pétersbourg à la politique de 1864: on semble heureux d'avoir dans ces servitudes un moyen de semer la zizanie entre les deux classes rurales du royaume, comme si leur antagonisme était la condition nécessaire de la domination russe.

надѣловъ правительствомъ или въ формѣ обязательной продажи земли крестьянамъ по извѣстной таксѣ. „Искалѣченіе права собственности,—писалъ онъ,—въ одной какой-нибудь жилкѣ общественнаго организма, уязвляетъ эту собственность и раздражаетъ ее во всѣхъ членахъ, такъ что, будучи болѣзненно задѣта, она судорожно сжимается и обволакивается въ предосторожности, тяжелыя и для нея самой неудобныя. Свобода гражданскихъ сдѣлокъ стѣснена и разстраиваются соглашенія, для обѣихъ сторонъ несомнѣнно выгодныя... Приманка собственности, вытекающая изъ обязательнаго предоставленія ея одной сторонѣ, велика, но на оборотѣ этой позолоченной медали стоятъ надпись: *опасеніе захвата* (zmora zaboru). Переводъ съ лица на лицо права собственности (uwłaszczenie), хотя бы на основаніи принудительныхъ продажъ или обмѣна, рождаетъ боязнь и угрожаетъ всѣмъ родамъ земли, отдаваемой во владѣніе въ видѣ вѣчной аренды, мельницъ, фольварочныхъ усадебъ. Опасность возрастаетъ по мѣрѣ того, чѣмъ долгосрочнѣе владѣніе, а извѣстно, что чѣмъ долгосрочнѣе аренда, тѣмъ она полезнѣе" (A. W. I, 57). По понятіямъ маркиза, крестьянинъ страстно привerженъ къ землѣ, но не къ праву собственности; тонкостей различія основаній владѣнія онъ и не постигаетъ; его интересуетъ, какъ бы платить чиншъ вмѣсто барщины, какъ бы увеличить свой участокъ, какъ бы укрѣпить его за собою на извѣстное число лѣтъ, напримѣръ, на десять или на двадцать,—дальше его мысли и желанія не идутъ. Ему не втолкуешь, что онъ долженъ будетъ сверхъ чинша платить выкупъ и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, считаясь будто бы собствеником, не имѣть возможности распорядиться этою собственностью, продать ее или заложить. Разъ вы пробудите въ немъ мечту собственности, онъ не допуститъ, чтобы вы пеленали ее, точно мумію, въ благовонныя обѣщанія, разсчитанныя на далекое будущее (A. W. I, 57). По своему образу мыслей Вѣлёпольскій всего ближе подходилъ къ комитету земледѣльческаго общества. Еще до упраздненія общества

1-го апрѣля (20-го марта) 1861 г., при комиссіи внутреннихъ дѣлъ былъ образованъ полуофиціальный совѣщательный отдѣлъ (sekcya rolna), въ который вошли вліятельнѣйшіе дѣятели комитета [1]). Хотя послѣ катастрофы 8-го апрѣля отношенія Вѣлёпольскаго къ членамъ бывшаго комитета испортились и обострились, но онъ разсчитывалъ, что, несмотря на то, во имя общихъ интересовъ края и въ виду важности дѣла, тѣ изъ нихъ, которые участвовали въ совѣщательномъ земледѣльческомъ отдѣлѣ при комиссіи внутреннихъ дѣлъ, помогутъ ему устроить крестьянскія отношенія. Медлить было крайне опасно. Циркуляръ земледѣльческаго общества, отъ 20-го марта, оповѣщавшій, что послѣ перевода крестьянъ по добровольному соглашенію рѣшено въ принципѣ обществомъ дать возможность купить свой надѣлъ въ собственность, посредствомъ соотвѣтствующей кредитной операціи, производилъ свое дѣйствіе на ничего не смыслящіе крестьянскіе умы. Въ плоцкой епархіи послѣдовалъ циркуляръ отъ администратора епархіи къ приходскимъ священникамъ, чтобы они внушали крестьянамъ въ проповѣдяхъ, во время Великаго поста, что не король, но паны, т. е. помѣщики, ихъ благодѣтели, рѣшившись за малость, за взносомъ крестьянами, въ теченіе какихъ-нибудь сорока лѣтъ, извѣстныхъ платежей, можетъ быть, меньшихъ, нежели тотъ чиншъ, на который бы крестьяне были переведены, предоставить, крестьянамъ ихъ надѣлы въ собственность (А. В. II 66—75). Эти извѣстія приводили простой рабочій народъ въ полнѣйшее замѣшательство, изъ котораго вытекалъ простой практическій выводъ: перестать работать на помѣщиковъ. Надобно было предупредить такую забастовку. При помощи земледѣльческаго отдѣла, при комиссіи внутреннихъ дѣлъ выработанъ на скорую руку законъ *о замѣнѣ барщины закон-*

[1]) Составъ ея былъ слѣдующій: Ѳома Потоцкій, Александръ Островскій, Адамъ Гольцъ, Александръ Яцковскій, Войтехъ Венгленскій, Людвигъ Гурскій, Титъ Войцеховскій, Климентъ Крыжтопорскій, Александръ и Адольфъ Курцы, Антонъ Вротновскій. Леопольдъ Кроненбергъ и Сигизмундъ Вѣлёпольскій.

нымъ окупомъ, который Высочайше утвержденъ 4-го (16-го) мая 1861 г. и котораго содержаніе слѣдующее: днемъ прекращенія въ царствѣ польскомъ барщины съ переводомъ крестьянъ на оброкъ назначенъ не моментъ обнародованія закона, но 19-е сентября (1-е октября) 1861 г., то-есть конецъ уборки хлѣбовъ въ томъ году. Для всѣхъ крестьянскихъ дворовъ не переоброченныхъ и состоящихъ на барщинѣ (а такихъ состояло 137,250 изъ общаго числа дворовъ помѣщичьихъ крестьянъ 138,267, т. е. 99,3%. A. B. II, 105) установлена такса рабочаго крестьянскаго дня, различная по мѣстностямъ. Всѣ уѣзды царства польскаго раздѣлены по добротѣ и урожайности почвы на 4 класса. Рабочій день крестьянскій пѣшій оцѣненъ въ наиболѣе худородныхъ мѣстностяхъ, т. е. въ IV классѣ, въ $7^1/_2$ к., въ наилучшемъ, т. е. въ I классѣ, въ 12 к. Цѣна дня съ упряжью въ пару рабочаго скота отъ 20—30 и двѣ пары отъ 30 до 40 к. Въ дополненіе къ имѣвшимся уже издѣльнымъ или рабочимъ таблицамъ (tabele prestacyjne), заведеннымъ по указу 26 мая (7 іюня) 1846 г., предписано составить дополнительныя съ обозначеніемъ годового количества оброка. Оброкъ этотъ долженъ быть вносимъ (ст. 4) крестьянами по четвертямъ года впередъ. Съ неуплатившаго въ срокъ взыскивается этотъ оброкъ въ *полуторномъ* количествѣ (ст. 14), въ видѣ неустойки за неисправность [1]). Крестьянамъ, не желающимъ перейти на оброкъ, дозволено оставаться при издѣльной повинности, но разъ они перешли на оброкъ, имъ не дозволено уже возвращаться на барщину (ст. 5). Сверхъ административныхъ средствъ взысканія оброка, помѣщику предоставлено прибѣгать и къ судебной экзекуціи посредствомъ судебныхъ приставовъ, съ жалобою на дѣйствія сихъ послѣднихъ къ предсѣдателямъ трибуналовъ первой инстанціи и съ описью и продажею крестьянскаго имущества, за исключеніемъ, однако, земле-

---

[1]) Въ мотивахъ къ закону Вѣлёпольскій отмѣтилъ (A. W. II, 100), что эта статья 14 съ неустойкою введена не по его иниціативѣ, а по предложенію мужей довѣрія, то-есть комитетскихъ экспертовъ.

дѣльческихъ орудій, рабочаго скота и хлѣба, предназначеннаго на обсѣмененіе полей (А. В. II, 122; ст. 21 особой инструкціи). Всѣ эти мѣры введены, какъ переходныя, впредь до изданія предвозвѣщеннаго особаго закона объ обязательномъ очиншеваніи.

Законъ 4 (16) мая 1861 г. о замѣнѣ барщины окупомъ, несмотря на то, что въ составленіи его участвовали многіе, носитъ явственные отпечатки идей и воли Вѣлёпольскаго, постоянныхъ его стремленій въ области аграрной политики и, прежде всего, его желанія выбраться кратчайшимъ путемъ изъ спеціальныхъ аграрныхъ отношеній и подвести крестьянское землевладѣніе подъ общія нормы кодекса Наполеона. Это стремленіе сказывается, *во-первыхъ*, въ отмѣнѣ барщины, глубоко противной началу (1142 ст.) превращенія обязанности *дѣлать* только въ вознагражденіе за убытки, но никакъ не въ понужденіе къ работѣ, напоминающее невольничество; *во-вторыхъ*, въ явномъ предпочтеніи мѣръ легальной судебной экзекуціи по уставу судопроизводства передъ мѣрами административнаго взысканія. Въ этомъ пунктѣ наиболѣе расходились русскіе реформаторы, составители положеній 19 февраля, отъ поляковъ, работавшихъ по аграрной реформѣ. Забота русскихъ реформаторовъ была та, чтобы законъ былъ широкъ, растяжимъ, съ намѣченными только главными очертаніями замышляемаго дѣла; предполагалось, что пробѣлы будутъ восполнены и неточности опредѣлены дружными усиліями лицъ, подобранныхъ для осуществленія реформы и дѣйствующихъ въ одномъ и томъ же духѣ; на личный составъ дѣятелей возлагалось, по крайней мѣрѣ, столько же надеждъ, сколько на самый законъ. Эти привычки дѣйствовать какъ бы въ разрѣженной атмосферѣ неконсолидированныхъ отношеній, допускать какъ можно меньше гарантій для заинтересованныхъ лицъ относительно обжалованія постановленій, учащать инстанціи, но дѣлать ихъ недосягаемыми для сторонъ, заслонять производство дѣлъ неудобопроницаемымъ покровомъ канцелярской тайны,

составляютъ едва ли не самую слабую сторону положеній 19 февраля 1861 г., наиболѣе вреднымъ образомъ повліявшую и на весь дальнѣйшій ходъ крестьянскаго дѣла въ Россіи. Все, главнымъ образомъ, зависѣло отъ личнаго состава дѣятелей; не образовалось никакихъ традицій; съ перемѣною лицъ являлись новые дѣятели съ противоположными направленіями, и слѣдовали въ практикѣ колебанія или крутые повороты отъ одной крайности къ другой, при чемъ терялись однообразіе, равномѣрность, дѣла вершились не безъ лицепріятія и не безъ предвзятыхъ идей, а страдало, очевидно, чувство справедливости, требующее, чтобы одна мѣрка была для всѣхъ. Въ желаніи Вѣлёпольскаго вставить разборъ коллизій между помѣщикомъ и крестьянами въ формы и гарантіи судебныя или заимствованныя изъ судопроизводства была доля правды; но что выигрывалось въ точности, то терялось въ быстротѣ, и реформа затягивалась, такъ что она не поспѣла во-время, и всѣ ея работы были сметены и разсѣяны вихремъ повстанья и послѣдовавшимъ затѣмъ укрощеніемъ. Замѣтимъ притомъ, что хотя формы судебнаго состязанія основаны на отвлеченной равноправности сторонъ, но въ дѣйствительной жизни онѣ всегда разсчитаны въ пользу той, которая умнѣе, лучше знаетъ законъ и имѣетъ бóльшія средства; онѣ всегда служатъ больше въ пользу взыскателя помѣщика, который, въ концѣ концовъ, можетъ разорить и выжить неисправнаго плательщика. Главнымъ, въ законѣ 4 (16) мая 1861 г., пунктомъ былъ чисто цифровый: относительная высота окупа барщины въ таксѣ рабочаго дня. Она, конечно, не удовлетворяла ретроградовъ, которые хотѣли бы подводить обязательный трудъ крестьянина подъ цѣну стоимости вольнонаемной работы. Законъ исходилъ изъ того предположенія, что трудъ подневольный гораздо менѣе производителенъ, нежели добровольный по найму; тѣмъ не менѣе, однако, такса была, по общимъ тогдашнимъ отзывамъ знающихъ дѣло людей, слишкомъ тяжела для крестьянина, при переходѣ съ барщиннаго хозяйства на денежное, и давала

возможность предусмотрительнымъ помѣщикамъ съ значительными сбавками съ окупа входить съ крестьянами въ сдѣлки объ очиншеваніи, не дожидаясь закона объ обязательномъ очиншеваніи. Вѣлёпольскій являлъ себя хотя и прогрессивнымъ человѣкомъ, но стоящимъ на точкѣ зрѣнія помѣщика, охраняющимъ бережливо интересы крупнаго землевладѣнія и, можетъ быть, разсчитывающимъ на то, что, давши партіи, которую онъ считалъ, несмотря на ея къ нему враждебность, моральнымъ представительствомъ страны, столь существенныя гарантіи, онъ ее привлечетъ къ себѣ, сгруппируетъ вокругъ себя и пріобрѣтетъ ея содѣйствіе и поддержку для своихъ политическихъ реформъ. Расчетъ этотъ, если онъ былъ, оказался невѣрнымъ. Партія къ нему все-таки не пристала, вокругъ него не сгруппировалась, хотя и помогла ему въ дальнѣйшемъ ходѣ аграрнаго вопроса, въ выработкѣ закона объ обязательномъ очиншеваніи, къ которому, хотя онъ состоялся уже въ 1862 г., я теперь перейду, чтобы избѣгнуть перерыва и покончить съ этимъ аграрнымъ вопросомъ, составляющимъ слабое мѣсто въ общей системѣ плановъ, задуманныхъ маркизомъ.

Законъ объ обязательномъ очиншеваніи Вѣлёпольскій выдѣлилъ изъ вѣдѣнія комиссіи внутреннихъ дѣлъ и разработалъ соединенными силами комиссіи юстиціи и такъ называемыхъ мужей довѣрія, т.-е. экспертовъ изъ совѣщательнаго земледѣльческаго отдѣла. Затѣмъ эта работа прошла чрезъ совѣтъ управленія, подверглась сильной критикѣ со стороны комиссіи внутреннихъ дѣлъ, разсмотрѣна во второй половинѣ года государственнымъ совѣтомъ царства польскаго и Высочайше утверждена 24 мая (5 іюня) 1862 года. Въ сущности, всѣ основанія новаго законоположенія уже содержатся въ первоначальномъ проектѣ, начертанномъ „мужами довѣрія“ (mężowie zaufania), экспертами изъ помѣщиковъ, а всѣ послѣдующіе разборы и пренія добавили къ первоначальному проекту очень мало новаго. Исходная точка новаго закона заключается въ томъ, что духу кодекса Наполеона соотвѣт-

ствуетъ идея раздѣльной единоличной собственности, вслѣдствіе чего по 530 ст. всякая вѣчная рента подлежитъ выкупу. Сеймовый законъ 1 (13) іюня 1825 г. и указы 26 мая (7 іюня) 1826 г. ввели противный кодексу новый родъ совмѣстной собственности крестьянско-помѣщичьей, построенный на вѣчномъ чиншѣ, который подлежитъ устроить на правильномъ основаніи, болѣе раціональномъ, нежели издѣльныя табели и такса окупа барщины. Такъ какъ всякому вмѣшательству правительства въ частныя отношенія предпочтительна свобода соглашеній, то этой свободѣ данъ самый широкій просторъ съ тѣмъ, чтобы чиншевые договоры заключаемы были не менѣе какъ на 20 лѣтъ (ст. 20), и притомъ письменно (ст. 3), безъ всякаго уменьшенія крестьянскихъ надѣловъ въ томъ ихъ объемѣ, въ какомъ ихъ засталъ указъ 1846 г. Во всѣхъ имѣніяхъ, гдѣ не состоялись подобныя сдѣлки о вѣчной или долгосрочной арендѣ, каждая изъ заинтересованныхъ сторонъ, то-есть какъ помѣщикъ, такъ и крестьянинъ, въ правѣ потребовать *обязательнаго очиншеванія* по постановленію власти (ст. 8) на слѣдующихъ началахъ. Не обращаясь къ платимому по таксѣ окупа барщины чисто-эмпирически и случайно выведенному оброку, органы власти подвергаютъ усадьбу и крестьянскіе надѣлы кадастраціи, подводятъ ихъ подъ извѣстные предопредѣленные въ законѣ классы почвы по ея плодородности. Каждому классу соотвѣтствуетъ разсчитанный средній урожай съ единицы мѣры пространства (морга) въ извѣстномъ количествѣ гарнцевъ ржи (ст. 18). Изъ выведеннаго, такимъ образомъ, годового урожая скидывается одна треть въ пользу крестьянина въ виду тѣхъ повинностей и податей, которыя онъ будетъ нести съ своего участка, послѣ чего остальныя двѣ трети оцѣниваются на деньги по средней цѣнѣ ржи въ ближайшемъ къ той мѣстности городѣ за послѣднія 20 лѣтъ (изъ суммы слагаемыхъ исключаются цѣны двухъ лѣтъ, когда онѣ были самыя высокія, и двухъ, когда онѣ были самыя низкія). Каждая изъ сторонъ имѣетъ право требовать внесенія въ

приговоръ власти объ устанавливаемомъ, такимъ образомъ, количествѣ годового чинша по средней цѣнѣ ржи, способной быть возвращаемою участкомъ, условія, чтобы, черезъ каждыя 20 лѣтъ чиншъ былъ вновь вычисляемъ по среднимъ цѣнамъ ржи за этотъ послѣдній періодъ времени (ст. 19). Обѣимъ сторонамъ предоставлено просить объ обязательномъ очиншеваніи и обязательной сепараціи или разверстаніи угодій съ прекращеніемъ сервитутовъ (ст. 37), при чемъ крестьянинъ получаетъ либо прирѣзку къ надѣлу, либо чиншъ его соотвѣтственно будетъ уменьшенъ. Механизмъ органовъ власти, производящихъ очиншеваніе, очень простъ и мало напоминаетъ крестьянскія учрежденія по положеніямъ 19 февраля. Предполагавшійся центральный комитетъ, соотвѣтствующій земскому отдѣлу, не устроился, не были образованы и установленія, соотвѣтствующія губернскимъ присутствіямъ, а заведены только двѣ инстанціи: уѣздныя чиншевыя комиссіи и уѣздныя чиншевыя делегаціи; какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ преобладали помѣщичій элементъ и выборное начало. Уѣздные совѣты, которые должны были сдѣлаться центрами уѣзднаго самоуправленія выбираютъ изъ среды своей 6 делегатовъ, которые, въ свою очередь, должны пригласить къ себѣ въ помощь еще 6 новыхъ членовъ, имѣющихъ такой же цензъ. Къ этимъ двѣнадцати лицамъ, изъ коихъ совѣтъ управленія возводитъ одного въ предсѣдатели делегаціи, присовокупляется одинъ коронный членъ отъ комиссіи внутреннихъ дѣлъ, подъ названіемъ „члена экономическаго" (ст. 61, 68). Делегація собирается по четвертямъ года, члены ея служатъ безъ жалованья; она можетъ дѣйствовать въ числѣ не менѣе пяти членовъ, но съ обязательнымъ присутствіемъ члена отъ короны (ст. 64); она рѣшаетъ дѣла по большинству голосовъ, но составляетъ только вторую инстанцію для дѣлъ крестьянскихъ, похожую на наши съѣзды мировыхъ посредниковъ. Первую инстанцію образуютъ трехчленныя чиншевыя комиссіи, разъѣзжающія по имѣніямъ для регулированія чиншей на мѣстахъ. Въ каждую такую ко-

миссію делегація отряжаетъ предсѣдателя и ассистента его изъ своей среды; третьимъ членомъ являлся коронный чиновникъ, самъ экономическій членъ или одинъ изъ его помощниковъ (адъюнктовъ); комиссія прибѣгаетъ къ экспертамъ и къ землемѣру. Постановленіе комиссіи можетъ быть обжаловано сторонами въ делегацію; по этимъ жалобамъ делегація рѣшаетъ дѣла окончательно и сообщаетъ свой приговоръ предсѣдателю ближайшаго трибунала для выдачи исполнительнаго листа (ст. 78). Приговоры делегаціи не подлежатъ оспариванію по существу, но допускается недовольной приговоромъ сторонѣ обращеніе въ государственный совѣтъ царства съ жалобою, въ родѣ кассаціонной, въ случаяхъ явнаго нарушенія либо самаго закона либо формъ и обрядовъ, установленныхъ для дѣйствія органовъ, производящихъ очиншеваніе (ст. 79).

По идеѣ, выраженной въ послѣднихъ постановленіяхъ земледѣльческаго общества, правительство должно помочь къ осуществленію 530 ст. код. Наполеона, то-есть къ выкупу вѣчныхъ рентъ или чиншей. Мысль эта занимала Вѣлёпольскаго, и въ его бумагахъ сохранился готовый проектъ „чиншевого банка“ съ предсѣдателемъ по назначенію императора и съ директорами, по выбору совѣта управленія. О выкупѣ, при посредствѣ банка, могутъ просить состоящіе на вѣчномъ чиншѣ либо по формальному договору къ помѣщику либо по приговору чиншевыхъ властей: комиссіи или делегаціи. Выкупъ допускается только въ мѣстахъ, гдѣ состоялась уже сепарація. Если сервитуты не упразднены, то выкупу должно предшествовать упраздненіе ихъ съ соотвѣтствующею оцѣнкою ихъ на деньги и пониженіемъ чинша. По требованію банка, чиншевыя установленія удостовѣряются на мѣстѣ въ томъ, обезпечиваетъ ли сумму выкупа выкупаемый участокъ, послѣ чего банкъ, опредѣливъ сумму выкупа по 20-ти-лѣтней сложности чинша (то-есть капитализируя выкупъ изъ 5%), пріобрѣтаетъ отъ помѣщика права по чиншу, выдавъ ему всю сумму выкупа своими чиншевыми листами, принося-

щими по 4°/₀. Банкъ выгадываетъ, такимъ образомъ, 1°/₀, который обращается на погашенiе выкупной ссуды долга въ теченiе 29-ти лѣтъ. Послѣ этихъ 29-ти лѣтъ, не подвергаясь никакому добавочному противъ чинша платежу, крестьянинъ прiобрѣтаетъ въ полную собственность владѣемый имъ участокъ (A. W. III, 262).

Таковы были планы и работы по крестьянскому дѣлу, начертанные совмѣстною дѣятельностью Вѣлёпольскаго и лучшихъ силъ изъ среды комитета земледѣльческаго общества и изъ интеллигенцiи польскаго общества въ царствѣ польскомъ. По обстоятельствамъ времени можно сожалѣть, конечно, что реформа, по способамъ ея осуществленiя, не была задумана смѣлѣе, что она не была скорѣе и рѣшительнѣе. Указъ 19-го февраля 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ въ царствѣ польскомъ оставилъ ее далеко за собою и, устранивъ законъ 24-го мая (5-го iюня) 1862 г. объ обязательномъ очиншеванiи, поставилъ крестьянъ въ царствѣ польскомъ въ положенiе гораздо болѣе выгодное, нежели то, въ которомъ они очутились бы не только по этому закону, но въ которомъ крестьяне находятся въ коренныхъ областяхъ имперiи по положенiямъ 19-го февраля 1861 г. Нельзя, однако, сказать, чтобы эти труды и заботы Вѣлёпольскаго и его сотрудниковъ могли быть безусловно осуждаемы, чтобы сами они могли быть обвиняемы въ ретроградствѣ. Эти законы не содержатъ всего, чего можно бы желать, но за нихъ не приходится и краснѣть обществу польскому и его интеллигенцiи, если только принять въ соображенiе моментъ историческiй, положенiе дѣлъ, предшествующее мятежу, и необходимость, въ которой находились и общество, и правительство до мятежа, не разсѣкать, а развязывать гордiевъ узелъ крестьянскаго вопроса. Въ этихъ законоположенiяхъ 1861 и 1862 гг. содержатся уже тѣ зачатки, которые бы довели законодательство до созданiя класса крестьянъ-собственниковъ въ царствѣ польскомъ не вдругъ, но постепенно, въ теченiе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, безъ тѣхъ потрясенiй, какiя производитъ и въ матерiальныхъ интересахъ, и въ идеяхъ всякiй крутой переворотъ.

XVI.

Законодательныя работы: церковь и школа.

Тѣ отрасли государственнаго управленія въ имѣющемъ получить автономію царствѣ польскомъ, которыя выдѣлилъ для себя съ расчетомъ и сознательно Вѣлёпольскій, были лучшія части администраціи, самыя красивыя и самыя заманчивыя для поляка. Русскій государственный человѣкъ, если бы ему пришлось выбирать, предпочелъ бы, можетъ быть, вѣдомство внутреннихъ дѣлъ, крестьянское дѣло, вообще власть въ ея проявленіяхъ болѣе матеріальныхъ, но въ обществѣ польскомъ съ давнихъ поръ и донынѣ на первомъ планѣ стоятъ идеальныя силы, нравственные интересы. Среди глубочайшаго своего паденія во второй половинѣ XVIII вѣка общество стало возрождаться къ новой жизни посредствомъ литературы и училищъ. Раньше всякихъ реформъ распахали общественную почву работы эдукаціонной комиссіи. Велико было обаяніе имени Александра I, преимущественно благодаря зажженнымъ имъ двумъ свѣтильникамъ просвѣщенія—университетамъ виленскому и варшавскому. Самымъ печальнымъ и тягостнымъ послѣдствіемъ тридцатилѣтняго періода, съ 1830 по 1860 годъ, стяжавшимъ правительству всего болѣе враговъ, было систематическое количественное сокращеніе преподаванія и сильное пониженіе его въ качественномъ отношеніи, вслѣдствіе чего культура падала, общество дичало, но вовсе не дѣлалось чрезъ то ручнѣе и покорнѣе. Существуетъ драгоцѣнный источникъ для характеристики, съ народно-русской точки зрѣнія, результатовъ этой политики, а именно *объяснительная записка* Николая Алексѣевича Милютина, отъ 24 мая 1864 г., объ устройствѣ учебной части въ царствѣ польскомъ, въ которой Милютинъ, вооружаясь противъ ополячивающей системы воспитанія Вѣлёпольскаго, не стѣсняясь, смѣло, откровенно и рѣзко немногими штрихами выска-

зывается въ пользу безусловной несостоятельности другой, предшествовавшей реформѣ Вѣлёпольскаго, системы, во главѣ которой стоялъ въ послѣднее время Мухановъ, но которая исходила изъ Петербурга и создана была въ началѣ сороковыхъ годовъ гр. Уваровымъ. Заимствуемъ изъ этой записки нѣсколько данныхъ. „Высшее образованіе,—говоритъ Милютинъ,—считалось дѣломъ не безопаснымъ, ибо, при мѣстномъ составѣ и настроеніи общества, открывало бы доступъ революціоннымъ идеямъ, враждебнымъ монархическому порядку. Послѣ закрытія варшавскаго университета, въ теченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ не было допускаемо ни одно высшее учебное заведеніе, ни общеобразовательное, ни спеціальное". Уменьшилось и число среднихъ учебныхъ заведеній, изъ 15 гимназій 1830 г. въ 1833 г. сохранено только 11, а въ сороковыхъ годахъ—только 7. Въ 1851 г. (послѣ февральской революціи) право поступать въ гимназіи предоставлено только дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ. Начальное образованіе по числу училищъ стояло почти на точкѣ замерзанія, т.-е. не дѣлало успѣховъ. Учебнымъ заведеніямъ давали по возможности спеціальный, утилитарный характеръ, въ особенности съ 1835 г., чѣмъ думали отвратить учащихся отъ политическихъ затѣй. Правительство стало направлять молодыхъ поляковъ, желающихъ получить высшее образованіе, въ русскіе университеты, учредивъ тамъ множество стипендій. Для выработки юристовъ, чиновниковъ и судей, сначала заведены юридическіе высшіе практическіе курсы въ Варшавѣ, а потомъ каѳедры польскаго права въ университетахъ петербургскомъ и московскомъ. „Результаты системы,—говоритъ Милютинъ,—не оправдали ожиданій. Уровень образованія упалъ. Поколѣніе, воспитанное послѣ 1830 г., невѣжественнѣе прежняго и, въ то же время, гораздо хуже въ политическомъ отношеніи, гораздо намъ враждебнѣе. Затрудняя полякамъ доступъ къ высшему образованію и распространяя поверхностное матеріальное знаніе въ ущербъ серьезной наукѣ, мы тѣмъ самымъ открывали

просторъ революціонной пропагандѣ, которая всего успѣшнѣе дѣйствуетъ на людей полуобразованныхъ... Система воспитанія отстраняла все то, что̀ способно направить молодого человѣка къ критическому анализу и пріучить его къ логической повѣркѣ своихъ мыслей. Такимъ образомъ, приготовилась почва, на которой всякая ложь могла привиться къ обществу, по своей природѣ легковѣрному и гдѣ (по мнѣнію Милютина, противъ котораго мы возражаемъ, такъ какъ это мнѣніе предубѣжденнаго человѣка, не оправдываемое ни тогдашними ни тѣмъ болѣе теперешними обстоятельствами) крайній матеріализмъ (?) такъ безобразно сочетался съ подчиненіемъ фанатическому духовенству. Съ другой стороны, явное предпочтеніе, оказываемое русскому языку передъ польскимъ во всѣхъ училищахъ, имѣло послѣдствіемъ, что мы раздражали поляковъ, не достигая никакихъ существенныхъ результатовъ; мы не обрусили ни одного поляка, а между тѣмъ являлись какъ бы посягающими на польскую національность... Для обрусенія у насъ достаточно средствъ. Опытъ показалъ, что за превосходнѣйшимъ знаніемъ русскаго языка и даже за полнымъ наружнымъ обрусеніемъ весьма часто скрывается непримиримая вражда къ Россіи... 30 лѣтъ мы учили цѣлыя поколѣнія по-русски, знакомили ихъ съ силою и славою нашего отечества, съ историческими недугами Польши, сдѣлавшими невозможнымъ ея независимое существованіе. Однако, ученіе наше не передѣлало ни одного изъ нихъ, ибо характеръ и образъ мыслей слагаются подъ вліяніемъ религіи, семьи и общества, а не подъ однимъ дѣйствіемъ внѣшняго знанія, пріобрѣтаемаго уроками и являющагося на экзаменахъ“. Главная руководящая мысль Милютина поразительно проста и теоретически безусловно вѣрна и безспорна: просвѣщеніе не можетъ сдѣлаться предметомъ второстепеннымъ; въ воспитаніи на первый планъ не должна выступать цѣль политическая. „Общественное образованіе было политическимъ орудіемъ въ рукахъ нашихъ съ 1831 по 1861 г.; въ 1861 г. оно же обратилось какъ политиче-

ское орудіе противъ насъ. Можемъ ли мы и должны ли мы оставаться на этой же почвѣ? Надобно себѣ рѣшительно сказать, что нѣтъ... Достаточно, если поляки будутъ учиться русскому языку, какъ необходимому для нихъ предмету общаго образованія..." Какъ трудно съ высоты несомнѣнно вѣрной теоріи спускаться на низменныя плоскости обыденной практики, доказывается всего лучше, *во-первыхъ*, примѣромъ самого Милютина, который, извѣрившись въ руссификацію и обращаясь съ польскимъ элементомъ какъ съ врагомъ, предложилъ потомъ педагогическую систему своего изобрѣтенія на весьма своеобразной, но сильно политической подкладкѣ и присовѣтовалъ покровительствовать и насаждать, при содѣйствіи правительства, національныя училища: польскія, русскія, нѣмецкія, литовскія и даже *еврейскія* (?). Великій государственный человѣкъ смѣшалъ временное съ постояннымъ, мѣру укрощенія возвелъ въ систему управленія. Его идея была бы, можетъ быть, вѣрна, еслибы навѣки продолжалась эта двойственность системъ управленія военно-завоевательной въ одной полосѣ и мирно-промышленной въ другой,—двойственность, на которую мы намекали въ XV главѣ. Разъ мы допустимъ необходимость настоящаго объединенія государства, то окажется, что, обнѣмечивая окраины или возращая еврейскую особенность и исключительность, мы дѣлали бы чужую ненужную, можетъ быть, весьма вредную работу. *Второе* доказательство трудности примѣнять теорію къ практикѣ заключается въ томъ, что, несмотря на неоспоримую вѣскость доводовъ, которыми Милютинъ разбивалъ систему воспитанія временъ императора Николая, къ ней вернулись, послѣ малаго промежутка; политическія цѣли опять взяли верхъ надъ цѣлями преподаванія, и эта окаменѣвшая рутина пережила даже времена управленія возстановившаго ее министра просвѣщенія гр. Толстого и можетъ, ко вреду для обѣихъ національностей, и польской, и русской, долго существовать. Осуждая вліяніе политики въ преподаваніи и рѣзко отзываясь о системѣ воспита-

нія Уваровской, Милютинъ съ той же точки зрѣнія осуждалъ и всю систему Вѣлёпольскаго, какъ ту же политику, вывернутую на изнанку: тамъ обрусеніе, тутъ систематическое ополяченіе. Маркизъ Вѣлёпольскій, по его словамъ, направилъ общественное образованіе къ тому, чтобы устранить всякое вліяніе Россіи на Польшу. Намъ предстоитъ теперь изучить въ подробности педагогическую систему маркиза и опредѣлить, насколько уважительны упреки Милютина. Этотъ вопросъ мы можемъ разрѣшить только уяснивъ себѣ условія, при которыхъ Вѣлёпольскій дѣйствовалъ, сознаніе имъ его задачи и цѣлесообразность ея осуществленія.

Начну съ того, что я не вѣрю въ искреннюю любовь къ отвлеченному просвѣщенію, лишенному національнаго колорита, разсматриваемому внѣ общественной его среды и внѣ связи съ его приложеніями къ жизни и къ практическимъ результатамъ. Вѣлёпольскій былъ несомнѣнно очень просвѣщенный человѣкъ, но, въ то же время, патріотъ и политикъ, ни на минуту не упускавшій изъ виду, какъ бы посредствомъ просвѣщенія воспитывать новыя поколѣнія полезныхъ гражданъ, совмѣщающихъ страстную любовь къ своей народной культурѣ съ обдуманною преданностью тому порядку вещей, который бы дозволилъ этой культурѣ, послѣ невозвратной утраты самостоятельности политической, развиваться свободно и автономно подъ сѣнью русской державы, на почвѣ общеславянскихъ интересовъ. Самъ онъ, какъ истый европеецъ, признавая громадное превосходство двухъ культуръ: французской и нѣмецкой (въ особенности первой изъ нихъ, съ которою его соединялъ кодексъ Наполеона), хотѣлъ бы привить результаты обѣихъ культуръ къ своей родинѣ посредствомъ школы. Школу эту не пришлось выдумывать и организовать; польская школа существовала съ конца прошлаго вѣка и имѣла свои прекрасныя преданія, соединенныя съ именами Коллонтая, Почобута, Снядецкихъ; она внушала съ малолѣтства дѣтямъ: изъ любви къ родинѣ учись; ты—народъ павшій; единствен-

ное средство явить, что мы чего-нибудь да стоимъ,— заключается въ томъ, чтобы успѣвать въ знаніи и доказать въ наукахъ и искусствахъ, что мы не одичали, но живемъ. Нота эта сильнѣе всего звучитъ во всѣхъ рѣчахъ къ юношеству самого Вѣлёпольскаго, ректора Мяновскаго (A. W. II, 431), Крживицкаго (II, 413, 445), профессора Шмурло (II, 248). Что въ этихъ рѣчахъ не однѣ только фразы—доказалъ опытъ. Дорого казнѣ стоящее привлеканіе молодыхъ поляковъ въ русскіе университеты, по системѣ Уварова, оказалось поразительно безплоднымъ и почти не выработало никакихъ сколько-нибудь видныхъ дѣятелей: но въ малый промежутокъ времени,—до преобразованія, варшавской главной школы, польской по преподаванію въ университетъ съ безусловно обязательнымъ на всѣхъ каѳедрахъ русскимъ языкомъ,— подготовилось цѣлое поколѣніе людей, которые занимаютъ теперь первыя мѣста по таланту въ литературѣ и вносятъ въ нее духъ научнаго изслѣдованія и положительнаго знанія, борясь съ преданіями отжившаго польскаго романтизма, который и былъ главною движущею силою въ повстаніи 1863 года. Самъ Милютинъ удивляется, что въ главной школѣ, занятія которой ни на одинъ моментъ не прерывались, изъ числа студентовъ за 1862—1863 годъ (728 чел.) только 13 ушли въ банды; а въ 1863—1864 г. изъ 649 только 72 оказались замѣшанными въ политическія дѣла. „Эти цифры,—присовокупляетъ Милютинъ,—довольно благопріятны и свидѣтельствуютъ о томъ, въ какой мѣрѣ, даже во время разгара революціоннаго движенія, занятія наукою могутъ отвлечь большинство юношей отъ политическихъ предпріятій". Что, дѣйствуя въ царствѣ польскомъ, Вѣлёпольскій обращался для образованія школъ къ традиціямъ народной польской школы—то было совершенно естественно, такъ поступилъ бы даже и просвѣщенный иностранецъ, дѣйствующій безъ предвзятой политической идеи. Что онъ надѣялся поднятіемъ уровня преподаванія въ польской школѣ, усовершенствованіемъ методовъ, усиленіемъ интенсивности

въ знаніяхъ сдѣлать эту школу свѣточемъ, распространяющимъ польскую культуру,—и это натурально; это единственный законный способъ національной пропаганды, человѣчески общеполезной и заслуживающей полнѣйшаго сочувствія. Еще менѣе основаній винить Вѣлёпольскаго въ томъ, что онъ заботился объ одной польской школѣ и не заботился о таковыхъ же школахъ для другихъ національностей: для нѣмцевъ, для латышей, для евреевъ и русскихъ. Вѣлёпольскій, по свойству своей задачи, проводимой завѣдомо о томъ Россіи, былъ полякъ-автономистъ, дѣйствующій въ предѣлахъ края, въ которомъ польская національность имѣла на своей сторонѣ фактъ вѣкового спокойнаго владѣнія, потревоженнаго за послѣднія 30 лѣтъ неудачными, по словамъ Милютина, опытами руссификаціи. Русскій языкъ предстояло въ пользахъ преподаванія сократить, какъ языкъ преподаванія другихъ наукъ, и оставить его какъ необходимый предметъ общаго образованія. Если при такомъ сокращеніи обнаруживалось, что въ царствѣ польскомъ русскій ребенокъ не получитъ чисто русскаго образованія, на что жаловался Милютинъ (одна изъ статей Leroy Beaulieu въ „Revue des Deux Mondes“ 1880 г.), то отвѣтственность за этотъ результатъ должна быть отнесена на прежнюю систему, которая главнымъ образомъ озабочена была обрусеніемъ всѣхъ польскихъ школъ и не думала припасать спеціально русскія для русскихъ дѣтей. Я не буду опровергать совершенно непрактичную мысль Милютина объ искусственномъ насажденіи, средствами правительства, отдѣльныхъ училищъ для иноплеменныхъ стихій: нѣмецкихъ и еврейскихъ. Къ счастію, эта часть системы Милютина не была приведена въ исполненіе министерствомъ графа Толстого, и совершенно резонно. Есть пословица: „travailler pour le roi de Prusse“; она шла бы здѣсь прямо къ дѣлу. Она была бы повтореніемъ Стадіоновской политики въ Галичинѣ по отношенію къ русинамъ, политики, которая несомнѣнно оказалась ошибочною съ точки зрѣнія цѣлости и безопасности Австро-Венгерской монархіи. По

нашему мнѣнію, свобода преподаванія требуетъ разрѣшать всякой національности въ государствѣ заводить на свои средства свои національныя школы подъ контролемъ государства и со включеніемъ въ преподаваніе государственнаго языка, какъ необходимаго предмета образованія, но воспитывать національныя разновидности на казенныя средства не можетъ лежать въ задачахъ политики какого бы то ни было правительства. Такимъ образомъ остается для разрѣшенія вопросъ: достаточно ли былъ уваженъ русскій языкъ не какъ средство преподаванія другихъ наукъ, но какъ общеобразовательный предметъ въ школѣ, созидаемой Вѣлёпольскимъ. Надобно замѣтить, что маркизъ не только не имѣлъ понятія о русской культурѣ, но русскаго языка совсѣмъ не зналъ и не умѣлъ бы даже имени своего на немъ подписать. Представленія Вѣлёпольскаго о русской образованности и культурѣ были крайне смутныя, вѣроятно, въ родѣ понятій о сербскомъ царѣ Душанѣ (глава XV); вообще взаимное знаніе между обѣими національностями находится и нынѣ, послѣ двухъ почти десятковъ лѣтъ, на весьма низкой степени развитія. Но значеніе русскаго языка, какъ государственнаго для поляковъ, Вѣлёпольскій понималъ, что̀ признаетъ и Милютинъ: „уставъ (Вѣлёпольскаго) 1862 г. даетъ русскому языку должное значеніе; къ сожалѣнію, правительственная комиссія дозволила училищнымъ начальствамъ и ученикамъ высказывать къ нему пренебреженіе. Необходимо взяться за строгое буквальное исполненіе постановленій устава 1862 г. вывести его изъ положенія, въ которое онъ поставленъ по злоупотребленію мѣстныхъ властей“. Такимъ образомъ крупныя и главныя обвиненія противъ системы Вѣлёпольскаго не важны; есть недостатки въ подробностяхъ. Сама система можетъ быть обрисована слѣдующими главными чертами по Высочайше утвержденному 8 іюня (29 мая) 1862 г., составленному въ комиссіи исповѣданій и просвѣщенія уставу (A. W. II, 278—358).

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе та часть

закона, которая посвящена начальнымъ (элементарнымъ) школамъ. До сихъ поръ ихъ было мало, онѣ содержались изъ складчинъ и на средства общинъ и состояли подъ контролемъ общихъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія по учебному округу. Главное лицо съ 1833 г. было *опекунъ* школы, отъ котораго зависѣлъ сельскій учитель, преимущественно предъ иными лицами сельскій священникъ или викарій. Надъ ними стояли надзиратели уѣздныхъ училищъ, директора гимназій округа и самъ попечитель округа. Поставимъ себя въ положеніе школьнаго учителя, которому только по уставу 1862 г. жалованье повышено и опредѣлено не менѣе 60 р. въ годъ; надъ нимъ клерикальное вліяніе, а надъ клерикальнымъ формальное, въ сущности безучастное, отношеніе къ дѣлу чиновниковъ министерства, занятыхъ непосредственно общими и высшими учебными заведеніями и не имѣющихъ досуга заниматься начальными. Уставъ прежде всего обратился къ самодѣятельности общественной и предоставилъ приходскимъ священникамъ, землевладѣльцамъ и магистратамъ мѣстечекъ учреждать, сколько угодно, начальныхъ училищъ, донося о томъ только губернскому правленію (ст. 1). Независимо отъ этихъ училищъ, содержимыхъ на частныя средства, учреждаются казенныя одноклассныя и двуклассныя (числомъ 3,000) на средства казны, изъ указанныхъ особыхъ источниковъ, для дѣтей обоего пола, а гдѣ можно для дѣвочекъ особо отъ мальчиковъ. Школьные учителя назначаются изъ выдержавшихъ экзаменъ и получившихъ надлежащее свидѣтельство. Особенную черту въ законѣ составляло то, что начальныя школы изъяты и изъ исключительнаго вѣдѣнія мѣстнаго духовнаго лица въ лицѣ *опекуна*, и отъ контроля обыкновеннаго училищнаго начальства и переданы въ вѣдѣніе того, что мы бы назвали теперь *земствомъ*. Вѣлепольскій вернулся къ постановленію эдукаціонной палаты 1808 г. и подчинилъ школьныхъ учителей коллегіальнымъ *дозорамъ* изъ войта гмины и двухъ выборныхъ отъ землевладѣльцевъ въ деревняхъ, изъ бургомистра и двухъ выборныхъ отъ города

въ городахъ. Прежній опекунъ, мѣстный священникъ, вошелъ въ составъ этой коллегіи какъ предсѣдатель. Въ иновѣрческихъ школахъ протестантскихъ и уніатскихъ, членами дозора были пасторы и священники уніатскіе, и преподавались въ числѣ другихъ предметовъ богослужебные языки нѣмецкій и церковно-славянскій (ст. 29). За школами и дозорами наблюдали, съ правомъ вмѣшательства въ ихъ содержаніе и преподаваніе, уѣздные совѣты. Какъ дозоры, такъ и школы состояли въ вѣдѣніи губернскихъ правленій. На всѣ начальныя школы въ царствѣ установленъ одинъ инспекторъ, участвующій какъ членъ въ высшемъ педагогическомъ установленіи, совѣтѣ воспитанія. Признаніе польскаго языка господствующимъ не прошло въ государственномъ совѣтѣ единогласно; тайный совѣтникъ Крузенштернъ, отстаивая интересы нѣмецкаго элемента, требовалъ, чтобы 285 существующихъ начальныхъ нѣмецкихъ училищъ остались въ вѣдѣніи протестантскихъ консисторій, съ преподаваніемъ исключительно на нѣмецкомъ языкѣ (А. В. III, 420). Это особое мнѣніе провалилось; оно было противно и коренной идеѣ реформы: возстановить польскую національную школу, и другой идеѣ о секуляризаціи преподаванія. На бюджетъ начальныхъ школъ, превышающій 370,000 р., предполагалось усилить число этихъ школъ съ 1,114 до 3,000 (III, 413). Въ своей заботливости о распространеніи образованія въ массахъ Вѣлёпольскій пошелъ еще дальше и, усваивая себѣ систему прусскую, самую радикальную и самую демократическую, предложилъ *обязательное обученіе* дѣтей съ шестого года, въ теченіе 4-хъ или 5-ти лѣтъ, съ денежною отвѣтственностью непосылающихъ дѣтей въ школу родителей или опекуновъ (штрафъ, доходящій до 8 коп. въ сутки). Эта статья прошла чрезъ государственный совѣтъ (III, 281, 419), но отвергнута въ Петербургѣ.

Въ устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣлёпольскій, сверхъ возможно бо̀льшаго увеличенія этихъ заведеній въ количественномъ отношеніи, боролся съ двумя чертами ихъ организаціи, вынесенными изъ Россіи и не

безъ основанія разсматриваемыми имъ какъ коренные пороки. Одна черта была искони присуща русской школѣ и заключалась въ присутствіи въ управленіи школою и въ преобладаніи чиновнаго непедагогическаго элемента, въ видѣ инспекторовъ и директоровъ гимназій, и подчиненныхъ инспекторамъ, надзирателей уѣздныхъ училищъ. Гимназіи и уѣздныя училища обособлены; послѣднія поставлены наравнѣ съ первыми въ непосредственную зависимость отъ комиссіи исповѣданій и просвѣщенія. Они разсматривались какъ тѣ же гимназіи, но только не полныя. Первые четыре класса ихъ по преподаванію совершенно уравнены съ низшими классами гимназій. Пятый классъ, прибавочный въ уѣздномъ училищѣ, устраивался тремя разными способами, вслѣдствіе чего и училища дѣлились на 3 вида: *a*) общія для оканчивающихъ въ нихъ свое образованіе, *b*) педагогическія для приготовленія учителей для элементарныхъ училищъ и *c*) спеціальныя вмѣсто бывшихъ реальныхъ, съ преобладающимъ преподаваніемъ естественныхъ наукъ и математики. Готовящіеся въ главную школу ученики изъ четвертаго класса уѣзднаго училища поступали въ пятый гимназическій. Во главѣ каждаго заведенія, какъ уѣзднаго училища, такъ и гимназіи, поставленъ преподающій педагогъ, одинъ изъ учителей, въ званіи ректора училища или гимназіи, съ добавочнымъ содержаніемъ; по назначенію комиссіи ему данъ въ помощники другой учитель съ званіемъ префекта. Другая черта, съ которою боролся Вѣлёпольскій, занесена въ педагогическую систему послѣ передрягъ 1848 и 1849 годовъ, когда начальство, думая о возможномъ ограниченіи доступа юношамъ въ университетъ, спеціализировало знанія въ самихъ гимназіяхъ и раздѣлило ихъ на два отдѣленія: физико-математическое и филологическое, съ включеніемъ въ преподаваніе по филологическому отдѣленію ни на что непригоднаго курса законовѣдѣнія, состоящаго изъ смѣси поверхностныхъ и отрывочныхъ юридическихъ свѣдѣній. Рѣшено, что среднее образованіе должно быть универсальное, подготовляю-

щее и къ спеціальному развитію, и къ общечеловѣческому образованію и открывающее всѣмъ поступающимъ, какъ въ уѣздныя училища, такъ и въ гимназіи, возможность поступить и въ главную школу. Латынь начиналась съ 1-го класса, греческій языкъ съ 4-го; съ перваго же класса по всѣмъ высшимъ велось преподаваніе русскихъ языка, словесности и исторіи, съ изустными и письменными упражненіями (ст. 94). Плата за ученье положена самая малая, по 8 рублей съ ученика уѣзднаго училища, по 15 руб. съ ученика гимназіи. На первый разъ число гимназій съ бывшихъ 7 увеличено до 13 (онѣ заведены вездѣ, гдѣ съ давнихъ временъ существовали зданія отъ прежнихъ гимназій, закрытыя послѣ 1830 г.). Уѣздныхъ училищъ положено сразу открыть 23. Сверхъ гимназій существовало въ Варшавѣ, подъ именемъ благороднаго института, закрытое заведеніе для такъ называемыхъ маменькиныхъ сынковъ, изъ знатнаго и богатаго дворянства, воспитываемыхъ на особыхъ, болѣе льготныхъ, относительно требованій при испытаніи, условіяхъ. Не желая ломать это непопулярное и неудачное учрежденіе, Вѣлёпольскій удалилъ его изъ Варшавы въ Люблинъ подъ именемъ лицея, открылъ въ него доступъ недворянамъ и сдѣлалъ заведеніемъ полузакрытымъ чрезъ допущеніе и приходящихъ учениковъ, такъ что со временемъ лицей уравнялся бы во всемъ съ гимназіями. На мѣсто благороднаго института въ его просторныя зданія переведенъ изъ Пулавъ (Новой Александріи) дѣвичій институтъ. Въ Варшавѣ учреждена казенная высшая 6-ти-классная школа. Въ мужскихъ среднихъ заведеніяхъ переходныя испытанія облегчены, но особенными условіями обставлены три вступительныя: 1) въ 1-й классъ, 2) при переходѣ съ 4-го класса въ 5-й и 3) окончательный для полученія свидѣтельства о зрѣлости, обусловливающаго доступъ къ университетскому образованію. Испытаніямъ въ зрѣлости могутъ быть подвергаемы и лица, получившія домашнее воспитаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ они должны держать экзаменъ и на 5-й классъ гимназіи.

Въ опустѣвшихъ по выводѣ института дѣвицъ Пулавахъ (Новой Александріи) основано обширное заведеніе для подготовки техниковъ по всѣмъ родамъ земледѣлія, архитектуры и промышленности, подъ именемъ политехническаго и земледѣльческо-лѣсного института, съ подраздѣленіемъ на 5 отдѣленій: механиковъ, гражданскихъ инженеровъ, горныхъ инженеровъ, агрономовъ и лѣсоводовъ. На это заведеніе обращены были средства бывшихъ заведеній, вошедшихъ въ него: реальной гимназіи варшавской и маримонтскаго сельско-хозяйственнаго института. Предположено развить и расширить школу художествъ варшавскую, съ подраздѣленіемъ ея на отдѣленія архитектуры, живописи и скульптуры. Но главное созданіе по части не только высшаго образованія, но и всей педагогической системы, такъ сказать, ключъ свода этой системы былъ университетъ, который пришлось поневолѣ вводить, нѣкоторымъ образомъ, съ переодѣваньемъ, давъ ему весьма неподходящее наименованіе *главной школы*. Забавны резоны, оправдывающіе этотъ терминъ въ объяснительной запискѣ: (A. W III, 394) то, что недостаетъ въ заведеніи богословскаго факультета, и то, что нѣтъ отдѣленій для знаній камеральныхъ, реальныхъ, прикладныхъ. Настоящая причина заключалась въ противодѣйствіи, которое даже и по смерти князя Горчакова встрѣчала мысль объ университетѣ въ высшихъ сферахъ въ Петербургѣ, напуганныхъ студентскими волненіями и доискивавшихся причинъ зла въ универсальности преподаванія, скучивающаго подъ одною крышею громадное число разными предметами занимающихся молодыхъ головъ. Мартовскія концессіи разрѣшали только высшія училища въ царствѣ польскомъ, въ томъ числѣ училище правовѣдѣнія. Приходилось пространно доказывать, что обособленіе высшихъ училищъ вводило бы между учащими и учащимися вредный антагонизмъ (что не совсѣмъ вѣрно) и отнимало бы у заведеній ту разносторонность, которая и для преподавателей полезна, потому что хранитъ крайнихъ спеціалистовъ отъ односторонности и заставляетъ

умы взаимно себѣ содѣйствовать, хотя они посвящаются знаніямъ, повидимому, неимѣющимъ ничего общаго; эта система же и для учащихся выгодна, потому что даетъ средство студентамъ ходить изъ любознательности на лекціи и не своихъ факультетовъ. Наконецъ, сводя студентовъ разныхъ факультетовъ и заставляя ихъ сталкиваться другъ съ другомъ, это общеніе факультетовъ хранитъ учащихся отъ „усматриванія всей человѣческой мудрости только въ той спеціальности знанія, которой они себя посвящаютъ“ (A. W. III, 393). На первыхъ порахъ главная школа открывалась для всѣхъ, кто выдержитъ вступительное испытаніе. Учреждены были, 14 (26) октября 1861 г., приготовительные курсы для занятій молодыхъ людей, пока поспѣлъ университетскій уставъ и пока состоялось образованіе главной школы, открывшейся только (25) 13-го ноября 1862 г. Огромное число лицъ разныхъ возрастовъ, отъ весьма юныхъ до порядочно пожилыхъ, толпилось на этихъ курсахъ съ одинаковою жаждою знанія. Послѣ первыхъ 4-хъ лѣтъ (ст. 308) предположено принимать безъ пріемнаго экзамена по однимъ аттестатамъ зрѣлости. Главную школу образовали 4 факультета: медицинскій — изъ бывшей медико-хирургической академіи, физико-математическій, юридическій-административный и филологическо-историческій. Первые два помѣщены въ корпусѣ, а послѣдніе два во флигеляхъ Казимировскаго дворца на Краковскомъ Предмѣстьи, въ такъ называемыхъ кадетскихъ казармахъ или рыцарской школѣ, основанной королемъ Понятовскимъ, въ которой воспитывался Косцюшко. Преподавателями были штатные профессора экстраординарные, ординарные, адъюнкты и приватъ-доценты. Всякій ученый, либо съ ученою степенью либо извѣстный трудами своими, можетъ ходатайствовать о разрѣшеніи ему преподавать безплатно тѣ самые предметы, которые читаются штатными преподавателями. Доцентъ считается кандидатомъ на штатныя вакансіи, но если онъ четыре года преподавалъ, не попадая на штатное мѣсто, то перестаетъ быть доцентомъ, чтобы

не заграждать дорогу другимъ соискателямъ. Всѣ штатные преподаватели факультета, со включеніемъ адъюнктовъ, собираются въ засѣданія факультетскія и выбираютъ на два года декана. Ректоръ назначался только на первые три года совѣтомъ управленія, послѣ чего должность эта должна была быть замѣщаема по утверждаемому Государемъ выбору, производимому не всѣми, а только ординарными профессорами. Совѣтъ университета, подъ предсѣдательствомъ ректора, дѣйствуетъ въ двоякомъ составѣ: либо маломъ—изъ четырехъ декановъ и восьмерыхъ ординарныхъ профессоровъ (по два по выбору отъ каждаго факультета), либо въ большомъ—изъ всѣхъ ординарныхъ профессоровъ для замѣщенія преподавательскихъ вакансій и разрѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ по преподаванію. Хозяйственная и полицейская часть, подобно какъ и въ русскихъ университетахъ, возложена на правленіе, состоящее изъ ректора и 4-хъ декановъ, а по дѣламъ о проступкахъ студентовъ и изъ особаго университетскаго судьи. Этотъ чиновникъ, назначаемый изъ лицъ судебнаго вѣдомства, по соглашенію комиссіи просвѣщенія и юстиціи, производитъ слѣдствія, налагаетъ на учащихся мелкія дисциплинарныя взысканія; важнѣйшія, простирающіяся до ареста, до consilium abeundi и до исключенія изъ университета безъ права быть опять принятымъ, налагались только властью правленія либо совѣта. По старому польскому и западно-европейскому обычаю каникулы перенесены на осень (августъ и сентябрь); ученіе дѣлится на 2 семестра, разграничиваемые 15-мъ марта. Студенты не носятъ форменнаго платья и платятъ крайне умѣренную плату за слушаніе лекцій, по 10 руб. за полугодіе. Сверхъ жалованья, преподаватели получаютъ особый гонораръ не за преподаваніе, а за производимыя экзаменаціонными комиссіями полукурсовыя испытанія, безъ выдержанія коихъ студентъ не можетъ перейти въ 3-й курсъ, и окончательныя, для полученія ученыхъ степеней (6 р. и 15 р.; докторскій экзаменъ — 30 р.). При двухъ факультетахъ: физико-математическомъ и филологическо-историческомъ

учреждены учительскія семинаріи изъ студентовъ-стипендіатовъ (по 12 въ каждой), живущихъ въ стѣнахъ университета и упражняющихся для подготовленія къ педагогической дѣятельности подъ руководствомъ особо приставленнаго къ каждой семинаріи и живущаго вмѣстѣ со студентами профессора. Изъ книгохранилищъ, принадлежавшихъ къ закрываемымъ или преобразовываемымъ заведеніямъ и казнѣ, департаментамъ сената и бывшей кодификаціонной комиссіи, предположено устроить одну *главную* библіотеку, которая бы, состоя при главной школѣ, составляла нѣчто отдѣльное, подчиняющееся непосредственно комиссіи исповѣданій и просвѣщенія. Самоуправленіе главной школѣ дано весьма широкое, но она лишена того, что составляло особенность организаціи бывшаго виленскаго университета: она не завѣдывала низшими и средними училищами. Начальными школами комиссія исповѣданій и просвѣщенія занималась мало, предоставивъ всю власть надъ ними уѣзднымъ совѣтамъ и губернскимъ правленіямъ. Зато управленіе среднихъ заведеній, гимназій и главной школы стягивалось въ ея рукахъ посредствомъ довольно сильной централизаціи, при чемъ по части, такъ сказать, законодательной, то-есть составленія правилъ, инструкцій, оцѣнокъ сочиненій, въ помощь директору комиссіи устроено, подъ его предсѣдательствомъ, существенно важное совѣщательное установленіе: *Совѣтъ воспитанія*, изъ директора отдѣленія просвѣщенія, двухъ постоянныхъ визитаторовъ училищъ, ректора главной школы, директоровъ главной библіотеки и музеевъ, инспектора начальныхъ училищъ и лицъ, по особому назначенію опредѣляемыхъ изъ педагоговъ, ученыхъ и спеціалистовъ совѣтомъ управленія царства польскаго (Уставъ комиссіи исп. и пр. 8 января 1862—27 декабря 1861 года).

Въ школьной организаціи, осуществляемой Вѣлёпольскимъ, недоставало только, по очень понятнымъ причинамъ, учебныхъ заведеній военныхъ и духовныхъ. Отношенія правительственной власти, которую онъ представлялъ въ

своемъ лицѣ, къ духовенству важнѣйшаго по числу и вліятельнѣйшаго римско-католическаго исповѣданія, были крайне натянутыя и непріязненныя. Стоявшій во главѣ этого духовенства архіепископъ Фіалковскій, старый и дряхлый, находился вполнѣ подъ вліяніемъ окружающихъ. Въ польскомъ изданіи Лисицкаго (III, 203) помѣщена записка, поданная епископами царства польскаго, 25-го сентября 1861 г., намѣстнику графу Ламберту, съ перечнемъ требованій, начинающихся: 1) съ возвращенія религіи римско-католической прежняго (первенствующаго) ея значенія; 2) отмѣны многихъ статей уложенія о наказаніяхъ и закона о бракѣ 1836 года съ его постановленіями о смѣшанныхъ бракахъ, какъ противныхъ и католическому праву, и всякой вѣротерпимости; 3) невмѣшательства свѣтской власти въ богослуженіе и проповѣди; 4) разрѣшенія епископамъ открывать епархіальные съѣзды духовенства и т. п. Большинство этихъ пунктовъ были таковы, что не было вѣроятно, чтобы русское правительство, при необострившемся до крайности состояніи дѣлъ, на нихъ согласилось; разрывъ свѣтской власти съ духовенствомъ близился, ставилась со стороны духовенства дилемма: все или ничего. На увлекшееся духовенство римско-католическое въ царствѣ польскомъ можно было искать управы только въ Римѣ, но на престолѣ св. Петра возсѣдалъ Пій IX, совсѣмъ не расположенный къ какимъ бы то ни было компромиссамъ, съ духомъ ли вѣка или со свѣтскими правительствами. Возможность сближенія съ Римомъ и дѣйствія черезъ Римъ на духовенство наступила только по смерти Фіалковскаго въ 1862 году; мы тогда остановимся подольше на самой сущности римско-католическаго вопроса въ Россіи, но намъ необходимо указать теперь же, какія облегченія и гарантіи вносилъ съ собою Вѣлёпольскій еще въ 1861 г., на первыхъ порахъ, послѣ того какъ онъ вступилъ на важный и трудный постъ министра исповѣданій и просвѣщенія. Мартовскія концессіи, по отношенію къ вѣроисповѣданіямъ, выразились въ Высочайше утвержденномъ уставѣ о комиссіи

исповѣданій и просвѣщенія отъ 8 января 1862 г. (27 декабря 1861 г.). Руководящимъ идеаломъ являлось возможно широкое самоуправленіе церковное, котораго органомъ долженъ былъ сдѣлаться особый самостоятельный римско-католическій духовный совѣтъ, установленіе коллегіальное, состоящее не изъ командируемыхъ отъ епархій, какъ бы для отбыванія повинности ассесоровъ, но изъ лицъ, первенствующихъ въ церкви, опредѣляемыхъ по выборамъ и притомъ дѣйствующихъ въ самомъ ограниченномъ составѣ: три дѣйствительные члена да два ассесора-докладчика съ совѣщательнымъ голосомъ — изъ высшихъ духовныхъ лицъ. Предсѣдательствующимъ долженъ быть архіепископъ или епископъ. Всѣ члены засѣдаютъ въ совѣтѣ временно по четырехлѣтней очереди, обходящей всѣ епархіи. Выборы совершаются въ капитулахъ епархіи. Совѣтъ даетъ заключеніе по всѣмъ назначеніямъ на духовныя должности, по всѣмъ представленіямъ отъ орденовъ и епархій въ Римъ, по пропуску къ печати духовныхъ книгъ; составляетъ проекты законоположеній въ области церковнаго порядка и благочинія; принимаетъ участіе въ обсужденіи вопросовъ, требующихъ совмѣстнаго дѣйствія свѣтскихъ и духовныхъ властей, и ходатайствуетъ передъ правительствомъ о нуждахъ и потребностяхъ духовенства. Всѣ вѣроисповѣданія сходятся, такъ сказать, на нейтральной почвѣ въ общемъ совѣтѣ комиссіи исповѣданій и просвѣщенія, состоящемъ изъ главнаго директора комиссіи, директоровъ и вицедиректоровъ отдѣленій вѣроисповѣданій и просвѣщенія и управляющаго канцеляріей комиссіи, особаго управляющаго дѣлами греко-уніатскаго исповѣданія, двухъ визитаторовъ училищъ, почетныхъ членовъ присутствія, предсѣдателя, а по вопросамъ, касающимся римско-католическаго совѣта, и представителей другихъ исповѣданій, по одному отъ каждаго изъ нихъ, а именно: православнаго, греко-уніатскаго, лютеранскаго и реформатскаго. Въ будущемъ предположено участіе одного представителя и отъ еврейской вѣры. Члены-представители назначаются: православнаго исповѣданія — изъ духовныхъ по назначенію

архіепископа варшавскаго и ново-георгіевскаго, греко-уніатскаго — по выбору холмскаго капитула и по назначенію холмскаго епископа; представителями протестантовъ являлись въ совѣтѣ по званію своему предсѣдатели духовныхъ протестантскихъ консисторій.

Уставъ комиссіи исп. и просв. 8-го января 1862 г. заключалъ въ себѣ только начало преобразованія; дальнѣйшіе идеи и планы Вѣлёпольскаго по устроенію сложнѣйшаго и, можно сказать, единственнаго труднаго изъ вѣроисповѣдныхъ вопросовъ—римско-католическаго, находятъ свое объясненіе въ двухъ запискахъ, относящихся къ 1861 году (А. W. II, 215—223 №№ 50 и 51), въ которыхъ Вѣлёпольскій являетъ себя послѣдовательнымъ автономистомъ, одинаково нерасположеннымъ жертвовать самостоятельностью національной римско-католической церкви государству, какъ и римской куріи. По присвоенному себѣ государствомъ и признанному въ конкордатахъ праву (jus placeti regii) всякія сношенія мѣстнаго духовенства съ Римомъ проходятъ черезъ посредство разрѣшающаго каждое сообщеніе государства. Съ 1845 г. корреспонденція эта направлялась черезъ Петербургъ, черезъ министра внутреннихъ дѣлъ по департаменту иностранныхъ исповѣданій. Вѣлёпольскій хлопочетъ о возстановленіи порядка, существовавшаго до 1845 г., когда мѣстное духовенство царства польскаго сносилось съ папою черезъ комиссію исповѣданій и просвѣщенія, черезъ намѣстника и черезъ русское посольство въ Римѣ, минуя Петербургъ. Монашескіе ордена, не подчиняясь мѣстнымъ епископамъ, зависѣли только отъ пребывающихъ въ Римѣ генераловъ орденовъ. Вѣлёпольскій предлагалъ подчинить ихъ епископамъ, подобно тому, какъ это сдѣлано въ имперіи въ 1784 г. при Екатеринѣ II. Съ папскимъ престоломъ труднѣе сноситься въ Римѣ, а легче и скорѣе разрѣшались бы требующіе соглашенія обѣихъ властей вопросы, если бы въ Петербургѣ или Варшавѣ имѣлъ постоянное пребываніе нунцій папскій, который бы большинство вопросовъ разрѣшалъ самъ по своему полномочію и только

о важнѣйшихъ дѣлахъ дѣлалъ представленія римской куріи. По конкордату 1847 г. 3-го августа (23-го іюля) третья инстанція суда духовнаго по дѣламъ брачнымъ установлена въ Римѣ. Вѣлёпольскій ходатайствовалъ о возстановленіи, существовавшаго по закону о бракѣ 1830 г., суда третьей инстанціи или такъ называемаго апостольскаго суда въ Варшавѣ изъ лицъ по назначенію папы. Всѣ эти и измѣненія и предположенія касались малопамятныхъ обществу подробностей въ положеніи и организаціи духовныхъ властей. Для убѣжденія общества, что государственная политика ступила на путь настоящей религіозной вѣротерпимости, нуженъ былъ бы болѣе осязательный залогъ, нужна была бы отмѣна насилующихъ религіозную свободу совѣсти строгихъ статей уложенія о наказаніяхъ за совращеніе и отпаденіе отъ православія и постановленій гражданскаго кодекса о смѣшанныхъ бракахъ, съ обязательными подписками отъ неправославныхъ брачущихся о томъ, что они всѣхъ дѣтей будутъ крестить и воспитывать въ православной вѣрѣ. Есть части россійской державы, напримѣръ, Финляндія, на которыя этотъ законъ не распространяется. Онъ не распространялся и на области отъ Польши, присоединенныя въ силу трактата 13-го (24-го) февраля 1768 г.; по этому трактату сыновья слѣдовали вѣрѣ отца, дочери — вѣрѣ матери; дворянамъ разрѣшалось заключать особые договоры о вѣрѣ дѣтей. Но постановленія трактата были русскимъ правительствомъ отмѣнены какъ льготы, похѣренныя мятежомъ 1830 г., и коренное русское начало исключительной принадлежности дѣтей церкви православной водворено въ губерніяхъ западной окраины имперіи указомъ 23-го ноября 1832 г., а въ царствѣ польскомъ положеніемъ о бракѣ 16-го (28-го) марта 1836 г. Вѣлёпольскій надѣялся, что со временемъ онъ одолѣетъ этотъ пунктъ и возстановитъ прежнія отношенія, чѣмъ будетъ покрыта и изглажена одна изъ самыхъ чувствительныхъ утратъ, понесенныхъ польскимъ обществомъ послѣ мятежа 1830 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ и устранится одна изъ причинъ, по-

рождающихъ, вслѣдствіе присущаго ей принужденія, всего болѣе раздоровъ, страданій, безвѣрія и соблазна въ средѣ семействъ, возникающихъ, изъ смѣшанныхъ браковъ. Если бы въ этомъ главномъ пунктѣ удалось достигнуть уравненія другихъ христіанскихъ вѣръ съ православіемъ, то за симъ послѣдовало бы и упраздненіе уголовныхъ запретовъ, направленныхъ противъ религіозной пропаганды. Этой послѣдней цѣли Вѣлёпольскій стремился достигнуть инымъ путемъ, а именно, посредствомъ предполагаемой имъ отмѣны уложенія о наказаніяхъ 1847 года, а эта отмѣна стояла въ связи съ преобразованіемъ цѣлой карательной системы судопроизводства.

XVII.

Законодательныя работы: гминное устройство.

Когда въ 1807 г. въ Дрезденѣ Наполеонъ въ часъ времени продиктовалъ герцогу Бассано, хватавшему на лету слова его и записывавшему ихъ, такъ сказать, на колѣнѣ, конституціонный статутъ для княжества Варшавскаго, обнародованный 22 іюля 1807 г. [1]), то по этому статуту край весь раздѣленъ на департаменты, департаменты на уѣзды, уѣзды на общины или муниципалитеты; въ общинѣ поставленъ во главѣ мэръ или президентъ по назначенію отъ правительства, вмѣстѣ съ муниципальнымъ совѣтомъ, приставленнымъ къ нему (art. 67 и 68).— Муниципальные совѣты такъ и остались на бумагѣ, они вовсе не были заведены; мэры явились простыми полицейскими чиновниками, соотвѣтствующими полицейскимъ комиссарамъ или нашимъ становымъ приставамъ, и переименованы по старой памяти въ войтовъ. Войтъ, по конституціи Александра I для Царства Польскаго 1815 г., долженъ былъ составлять послѣднее звено администраціи

---

[1]) Pamiętniki Jòzefa Wybickiego. Lwow 1881, стр. 253.

(art. 84. Un bailli dans chaque commune sera chargé de l'exécution des ordres du gouvernement et fermera le dernier chaînon du service administratif). Такъ какъ и по конституціонной хартіи утвердилось правленіе преимущественно помѣщичье и все царствованіе императора Николая, вплоть до указа 1846 г., ограждало, какъ способъ и утвержденіе порядка, помѣщичьи интересы, то постепенно совершалось удобное, по понятіямъ того времени, сліяніе власти помѣщичьей съ полицейской. По акту 30 мая 1818 г. владѣлецъ селенія ipso jure дѣлался *войтомъ* гмины или общины, или предлагалъ отъ себя кандидата или замѣстителя (zastępca), котораго утверждало правительство [1]). Гмины были весьма неравномѣрны; селеніе изъ 10 дворовъ могло составить гмину, но и нѣсколько десятковъ селеній одного помѣщика могли образовать тоже одну гмину, наконецъ нѣсколько помѣщиковъ могли соединить свои селенія въ одну гмину и условиться, кто изъ нихъ будетъ войтомъ. Бо̀льшая часть должностей войтовъ была занята наемными за довольно низкую плату помѣщичьими замѣстителями. Единственное измѣненіе, которое правительство предположило сдѣлать въ этихъ умилительно-патріархальныхъ отношеніяхъ, заключалось въ увеличеніи наименьшаго пространства гмины; указомъ 3 (15) марта 1859 г. minimum гмины положенъ въ 50 обитаемыхъ дворовъ, вслѣдствіе чего и выборное начало усилилось, не выходя, однако, изъ рамокъ патримоніальной юрисдикціи. Явилось больше общинъ изъ многихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые условливались между собою, кто изъ нихъ будетъ войтомъ. Если бы Вѣлёпольскій былъ въ самомъ дѣлѣ тѣмъ паномъ и аристократомъ, какимъ онъ неизмѣнно представляется донынѣ въ глазахъ русскаго читателя по книгамъ и газетамъ и какимъ его изобразилъ, напримѣръ, знающій подкладку событій, но

---

[1]) См. Biblioteka umiejętności prawnych. Wykład prawa administracyjnego przez D-ra A. Okolskiego 1880. Warszawa (serya 3, zeszyty 48—52).— Juljan Łapicki, Stosunki gminne w kr. p. Ateneum 1880 r. listopad, grudzien.

тенденціозный A. de Moller [1]), то безъ сомнѣнія Вѣлёпольскій ухватился бы, такъ сказать, клещами за столь твердо стоявшее и десятилѣтіями отвердѣвшее начало панской полиціи и расправы, онъ бы его защищалъ тѣми доводами, которые Моллеръ приводитъ изъ записки графа Александра Островскаго, управлявшаго комиссіею внутреннихъ дѣлъ, отъ 9 ноября 1863 г., что польскій простой народъ не обладаетъ еще составными частями сельской общины и не въ состояніи оцѣнить необходимость мѣстнаго самоуправленія. Подобный выводъ вытекалъ бы неизбѣжно изъ шаблонныхъ понятій о дѣятельности и цѣляхъ маркиза, а между тѣмъ онъ отъ начала до конца невѣренъ. Обстоятельства помѣшали Вѣлёпольскому провести свою гминную организацію, но мотивированный совсѣмъ готовый ея проектъ уцѣлѣлъ (A. W. III, 440—483). Этотъ проектъ принадлежитъ къ числу лучшихъ работъ маркиза и даетъ столь же высокое понятіе о его политическихъ способностяхъ и умѣ, какъ и уставъ о воспитаніи, который считается его капитальною работою.

Главныя идеи этого проекта воспроизводятся и въ указѣ 19 февраля (2 марта) 1864 г. объ устройствѣ сельскихъ гминъ, а такъ какъ онѣ своеобразны и прямо противоположны положеніямъ о крестьянахъ въ Россіи и расходятся съ этимъ положеніемъ въ самомъ коренномъ пунктѣ, который дѣятели крестьянской реформы въ имперіи, Милютинъ, Самаринъ и Черкаскій, положили въ основаніе сельскаго и волостного устройства, а именно въ томъ, что волость исключительно только крестьянская, а гмина всесословная, то я и заключаю, что составители указовъ 19 февраля 1864 г., вводя такъ называемую *всесословную* гмину, воспользовались готовымъ планомъ и усвоили себѣ самую существенную часть этого плана

[1]) Situation de la Pologne au 1 janvier 1865. 274. Wielopolski était l'incarnation de la Pologne aristocratique, considérant tous les pouvoirs politiques comme un attribut ou un corollaire de la grande propriété foncière.

задуманнаго Вѣлёпольскимъ, и что эта всесословная, а не крестьянская гмина, введенная потомъ въ 1864 г. хотя конечно во враждебномъ къ помѣщичьему элементу направленіи, есть въ сущности идея неотъемлемо польская и должна быть поставлена въ заслугу Вѣлёпольскому.

Пора разстаться съ предубѣжденіемъ и предвзятыми мыслями, сложившимися по извѣстному шаблону. Демократическія идеи суть главный двигатель людей въ началѣ XIX столѣтія. Онѣ прокладывали себѣ дорогу и между русскими, и между поляками, но у каждаго на иной ладъ, смотря по его темпераменту и исторіи. Каждое общество демократизируется иначе, по болѣе подходящему къ нему способу; одно, заботясь болѣе о матеріальныхъ экономическихъ условіяхъ и предпосылкахъ желаемому подъему народныхъ массъ, другое — о гражданской и политической выправкѣ этихъ массъ, дѣлающей ихъ способными принимать участіе въ широкой дѣятельности общественной. Русскихъ двигателей крестьянской реформы занимало главнымъ образомъ только первое; что касается до второго, то правильной его постановкѣ мѣшалъ духъ нашего дворянства. Подобно французскому XVIII в. оно, не въ отдѣльныхъ лицахъ, а въ массахъ, горой стояло за свои привилегіи, гораздо сильнѣе дорожило своими изъятіями отъ государственныхъ повинностей и податей, своими особенными льготами, нежели своимъ дѣйствительнымъ политическимъ вліяніемъ, которое всегда пропорціонально количеству услугъ, а слѣдовательно, тяготѣ обязанностей, принимаемыхъ на себя сословіемъ, поставившимъ себѣ задачею быть общеполезнымъ и чрезъ то популярнымъ и вліятельнымъ. Дворянство противно было всякой мысли быть поставленнымъ на одну ногу съ освобождаемымъ крѣпостнымъ людомъ, и если бы могло согласиться на всесословную волость, то подъ условіемъ, чтобы ему отъ государства предоставлена была *доминіальная* власть, чтобы, подобно какъ въ царствѣ польскомъ до 1861 г., помѣщикъ сдѣлался у себя и становымъ — желаніе со стороны государства недопу-

стимое, такъ какъ оно равнялось бы возстановленію подъ другимъ именемъ и въ иныхъ формахъ прежней зависимости, обратнымъ закрѣпощеніемъ раскрѣпощаемыхъ крестьянъ. При нежеланіи дворянства распуститься въ массѣ и отказаться отъ привилегій, крестьянская реформа не коснулась этихъ привилегій и разрубила только имущественный вопросъ, но затѣмъ дѣятели реформъ, хотя сами вышедшіе изъ среды дворянства, повели по необходимости устроеніе освобождаемыхъ крѣпостныхъ въ духѣ, наиболѣе антидворянскомъ. Они съ противоположной стороны подпирали всячески ту стѣну, которая такъ ревниво оберегалась и дворянствомъ по отношенію къ простонародію. Устроена замкнутая мужицкая община съ ея специфическими великорусскими особенностями общей собственности, круговой поруки, а надъ нею такая же замкнутая волость со своимъ судомъ, не руководимая оторвавшеюся отъ своего основанія интеллигенціею, но сданная въ опеку развивающихъ ее крестьянофиловъ — мировыхъ посредниковъ. Не буду касаться магическихъ свойствъ, приписываемыхъ крестьянскому общинному землевладѣнію, институту съ невѣдомымъ еще содержаніемъ, которому увлекающіеся общиною сторонники пророчили широкое распространеніе на западъ чуть ли не до Атлантическаго океана. Кажется, что послѣ высокихъ надеждъ [1]) наступило нѣчто похожее на разочарованіе. Но что касается до волости, до звена, связующаго крестьянскій міръ съ опекающеюся имъ бюрократіею, то оказывается, что эта изолированная крестьянская волость съ одной стороны не исполняетъ функцій, необходимыхъ для крестьянства, а занята только исполненіемъ требованій полиціи, земской управы и т. д., и

---

[1]) Нынѣ довольно странно звучатъ разсужденія въ родѣ слѣдующихъ: depuis l'émancipation la commune est devenue le conservateur et le gardien de l'ordre public et même de l'équité. Dans les innombrables litiges qu'elle a eu à régler avec la noblesse, la commune a contenu les impatiences et régularisé les aspirations des masses et su par son attitude à la fois calme et décidée rallier à ses intérêts l'immense majorité des arbitres de paix. C'est grace à cette maturïté politique des arbitres de paix et des communes, que le bilan de l'époque de servage a pu être déposé sans soulever ces haines des diverses classes si funestes à la Pologne.—A. de Moller, p. 369.

что она не служитъ выразителемъ нуждъ и потребностей крестьянства, съ другой стороны, что земство безъ волости есть зданіе безъ фундамента; „сферы, въ которыхъ проявляетъ свою дѣятельность земство, настолько удалены отъ массы населенія,—по мнѣнію тверской губ. земской управы („Порядокъ“ 1881 г. № 108), настолько сложны, что земство и до сихъ поръ для массы населенія еще слишкомъ чуждо“. „Волость должна быть не административнымъ центромъ“, какимъ она неминуемо останется при изолированности ея, „а наименьшею земскою единицею“. Вѣлёпольскій въ выгоды особеннаго крестьянскаго землевладѣнія не вѣрилъ, существованія замкнутой крестьянской общины не предполагалъ, съ аграрною реформою мирился неохотно и не безъ опасеній, что усѣченіемъ легальной собственности въ одномъ пунктѣ породится соблазнъ, будетъ поддерживаться въ массахъ желаніе новыхъ передѣловъ, будетъ возрождаться аграрный вопросъ чрезъ каждые три, четыре десятка лѣтъ. Что при рѣшенной крестьянской реформѣ онъ позаботился объ устроеніи всесословной гмины, какъ основной земской единицы, это совершенно понятно. Въ реформѣ поспѣшила принять починъ шляхта, само осуществленіе реформы должно было отражать въ себѣ ея иниціативу, а не признаки бюрократическихъ тенденцій. Но я не могу не признать за Вѣлёпольскимъ свойства великаго государственнаго ума въ томъ, что, проектируя всесословную волость или *гмину*, онъ радикальнѣйшимъ образомъ вырвалъ изъ нея съ корнемъ помѣщичью полицію и юстицію и, поставивъ помѣщика на одну ногу съ осѣдлыми въ ней земледѣльцами и даже не земледѣльцами, а просто интеллигентными людьми, все затѣмъ устройство гмины основалъ на выборномъ началѣ [1]). Ничего подобнаго этому началу не существовало въ законодательствѣ. Еще въ

[1]) У меня подъ руками первоначальный проектъ устава о гминахъ съ собственноручными поправками и отмѣтками карандашомъ Вѣлёпольскаго. Заимствую изъ него ст. 33. Jeżeli cały okrąg gminy jest własnością jednego dziedzica, tedy on jest wójtem z prawa bez wyboru. Отмѣтка Вѣлёпольскаго: jest kandydatem obok kandydatów z wyboru do nominacyi władzy.

законѣ 3 (15) марта 1859 г. объ устройствѣ гминъ, изданномъ по представленію кн. Горчакова: „право быть войтомъ гмины сопряжено съ вотчиннымъ правомъ владѣнія имѣніемъ“ (ст. 4), а по запискѣ Муханова 1858 г., „эта система имѣла ту неоспоримую и доказанную многолѣтнимъ опытомъ пользу, что предоставленіе поземельнымъ владѣльцамъ должности гминнаго войта даетъ правительству ручательство должнаго исполненія оной, и притомъ служба эта исполняется безвозмездно“. Единственное неудобство, по мнѣнію Муханова, то, что гминъ слишкомъ много (около 5 т.), вслѣдствіе чего по усиленіи размѣра гмины до 50 жилыхъ домовъ, ихъ образовалось въ царствѣ польскомъ съ небольшимъ 3 тысячи (3069). Это число Вѣлёпольскій предположилъ сократить, увеличивъ единицу, и образовать 1761 гминъ, ничѣмъ уже ненапоминавшихъ прежнія гмины, раздѣленныя межами помѣщичьяго землевладѣнія. Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ, была ли его идея удачная: за основаніе дѣленія онъ взялъ приходъ и хотѣлъ устроить столько гминъ, сколько приходовъ римско-католическихъ или уніатскихъ. Самоуправленіе гмины выражается въ выборныхъ войтѣ и совѣтѣ. Участію въ самоуправленіи дано изумительно широкое основаніе. Избирателями состояли всѣ совершеннолѣтніе мужчины, безъ различія состоянія и вѣроисповѣданія, по слѣдующему цензу, опредѣленному либо *землевладѣніемъ* (всѣ помѣщики, арендаторы, закладодержатели или главные управляющіе, собственники и управляющіе заводами и промышленными заведеніями, крестьяне собственники или обязанные окупомъ вмѣсто барщины или чиншомъ, имѣющіе участки болѣе 3 морговъ, наконецъ, приходскіе священники, тоже какъ владѣющіе земельнымъ участкомъ—церковнымъ), либо *доходомъ* (платящіе за наемъ квартиръ не менѣе 15 р. въ годъ, либо пользующіеся постояннымъ жалованьемъ или рентою не менѣе 90 р.), либо наконецъ *родомъ занятій* (купцы, фабриканты, мастера, учителя, артисты, получающіе эмеритальные пенсіоны, настоятели монашескихъ

мужскихъ орденовъ). Всѣ избиратели могутъ быть избираемы въ гминный совѣтъ, если они грамотны. Отъ избираемыхъ въ войты требуются два спеціальныя условія: 1) христіанская вѣра; 2) свидѣтельство объ окончаніи 4-классснаго (уѣзднаго) училища. По деревнямъ войту подчинены, какъ исполнители его распоряженій, выборные солтысы, отъ которыхъ не требуется даже условія грамотности. Срокъ служенія по выборамъ — трехлѣтній, гминный совѣтъ обновляется въ одной половинѣ своихъ членовъ каждые три года, утверждаетъ ихъ начальникъ уѣзда; губернаторъ, по порученію совѣта управленія, или самъ совѣтъ управленія назначаетъ на должность войта одного изъ 3 избранныхъ гминою кандидатовъ. Войтъ есть начальствующее въ гминѣ лицо по типу французскаго мэра, представитель гмины и вмѣстѣ съ тѣмъ органъ государственной, исполнительной полицейской и административной власти въ самомъ обширномъ смыслѣ. Изъ судебныхъ функцій на его долю приходилось только судопроизводство охранительное, попеченіе объ открывающихся наслѣдствахъ, предсѣдательствованіе въ семейныхъ совѣтахъ да веденіе метрическихъ книгъ въ качествѣ officier de l'état civil для всѣхъ нехристіанскихъ исповѣданій (въ христіанскихъ эту функцію исправляло духовенство). Уголовной власти онъ не имѣлъ никакой, кромѣ права штрафовать до 75 к. либо арестовать на время до 24 часовъ лицъ, сопротивляющихся ему или не исполняющихъ его законныхъ распоряженій, да и въ этомъ случаѣ недовольный могъ апеллировать къ начальнику уѣзда. Гминный совѣтъ собирается дня на два четырежды въ году. Къ составу совѣта принадлежатъ по закону: предсѣдательствующій въ немъ войтъ, ректоръ уѣзднаго училища, а гдѣ его нѣтъ, школьный учитель гмины и приходскій священникъ и по выборамъ не менѣе 6 членовъ. Функціи совѣта двоякаго рода: *а*) составленіе бюджета расходамъ по гминѣ, а также податямъ и другимъ источникамъ, изъ коихъ расходы должны быть покрыты; управленіе и опредѣленіе способа пользованія гминною

собственностью, ревизія кассы, заботы по охраненію и содержанію церквей, училищъ, больницъ, доставленію врачебной помощи жителямъ; *b*) дача заключеній по всѣмъ вопросамъ о нововведеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ гминѣ, о ея нуждахъ и потребностяхъ. Бюджетъ гмины утверждаетъ губернское управленіе. Постановленія гмины представляются начальнику уѣзда, который можетъ ихъ опротестовать въ восьмидневный срокъ, если же не опротестовалъ, то они вступаютъ въ законную силу. Должности войта гмины и членовъ совѣта безвозмездны. Войтъ съ подначальными ему солтысами (на жалованьи) и наемными всякаго рода десятниками и сторожами входитъ въ общій составъ судебной полиціи и долженъ оказывать содѣйствіе органамъ юстиціи. Уставъ о сельской гминѣ распространяется и на малые города и мѣстечки, не имѣющіе особаго городского самоуправленія, съ тою разницею, что вмѣсто войта управляетъ гминою бурмистръ, и его участковые помощники называются *лавниками*.

Послѣ усмиренія мятежа въ періодъ сильнѣйшихъ репрессалій, когда царство польское было переустраиваемо въ концѣ 1863 г. со спеціальною цѣлью опереться прямо и непосредственно на крестьянскихъ массахъ, съ устраненіемъ отъ дѣятельности общественной польской интеллигенціи, считаемой во всѣхъ ея видахъ неблагонадежною, неосуществившійся проектъ гмины Вѣлёпольскаго былъ на разсмотрѣніи учредительнаго комитета, какъ одинъ изъ главныхъ матеріаловъ для выработки новаго закона. Учредительный комитетъ подвергъ этотъ проектъ строгой критикѣ, которая во многихъ отношеніяхъ была и явно пристрастна и несправедлива. Записка исполнена сѣтованій о томъ, что „патримоніальная власть, вытѣсненная со всего европейскаго материка, въ *одной Польшѣ* нашла себѣ нынѣ послѣднее прибѣжище“ (стр. 33), при чемъ записка умалчивала, что эта власть нашла прибѣжище только въ *русской* Польшѣ и что она особенно расцвѣла только въ тѣ 30 лѣтъ (1831 — 1861) послѣ повстанья, когда общество судьбами своими не распоряжалось ни въ ма-

лѣйшей степени, а на патримоніальную власть смотрѣли Паскевичъ и Мухановъ какъ на столбъ и утвержденіе законнаго порядка, когда слѣдовательно высшіе русскіе чиновники не считали вовсе своею обязанностью „пролагать себѣ доступъ къ тѣмъ отдаленнымъ и низменнымъ сферамъ, гдѣ польскій простолюдинъ безмолвно, но съ затаенною злобою страдалъ подъ тяжкимъ гнетомъ единоплеменнаго ему войта“ (стр. 34). Самъ Вѣлёпольскій предложилъ вырвать патримоніальную власть съ корнемъ. Находя его предположеніе неуязвимымъ съ этой стороны, учредительный комитетъ обвиняетъ его въ другой крайности, а именно, въ увлеченіи „теоріею всеобщей подачи голосовъ (suffrage universel)“. Включить въ гмину помѣщика и всѣхъ его крестьянъ, поставивъ ихъ на одну ногу, дать имъ всѣмъ по одному голосу — пожалуй, но зачѣмъ давать голосъ всѣмъ нанимающимъ квартиры за 15 р., всѣмъ получающимъ постояннаго жалованья или дохода 90 р., всѣмъ арендаторамъ, ремесленникамъ, мелкимъ торговцамъ. „Такое расширеніе права голоса имѣетъ, по мнѣнію комитета, очевидною цѣлью (?) усилить вліяніе помѣщика или, лучше сказать, обезпечить безусловное его преобладаніе на гминномъ сходѣ чрезъ посредство всѣхъ его официіалистовъ, работниковъ, арендаторовъ, жильцовъ“ (стр. 33). Учредительный комитетъ упустилъ изъ виду, что демократическій институтъ всеобщаго голосованія и аристократическое преобладаніе единицы съ ея челядью и агентами суть два совершенно несовмѣстимыя понятія,— въ особенности при посредствѣ голосованія закрытыми записками или шарами, изъ каковыхъ способовъ одинъ прямо указанъ въ проектѣ Вѣлёпольскаго (47 стр.), а другой непротивенъ проекту и могъ бы практиковаться. Вспомнимъ, что по проекту Вѣлёпольскаго гмина могла доходить по людности до 10,000 жителей, что если взять среднюю гмину въ 5,000 ч., исключить и женскій полъ, не имѣющихъ ценза, неспособныхъ и т. д., то все-таки осталось бы около 1,000 человѣкъ избирателей, самыхъ разнообразныхъ званій и самыхъ противоположныхъ интересовъ,

которыхъ нельзя въ массѣ ни подкупить, ни заставить во вредъ самимъ себѣ вотировать, и что если бы при этихъ условіяхъ выбранъ былъ помѣщикъ, то это бы свидѣтельствовало, что онъ—не угнетатель, а дѣйствительно полезный и популярный человѣкъ. По мнѣнію учредительнаго комитета, несносно и стѣснительно то, что по проекту Вѣлёпольскаго отъ войта требуется, чтобы онъ кончилъ 4 класса уѣзднаго училища, чѣмъ „рѣшительно исключаются изъ этого круга (избираемыхъ въ войты) крестьяне". Въ этомъ сужденіи начало демократическое переходитъ уже въ демагогическое, войтъ есть хозяинъ въ гминѣ, въ хозяева гминъ открывается доступъ людямъ совсѣмъ необразованнымъ, даже неграмотнымъ, то-есть такимъ, къ которымъ, по условіямъ современнаго быта, вполнѣ основательно и резонно присваивается названіе *черни* или стихійной силы. Комитетъ не можетъ допустить, чтобы въ совѣтѣ гмины, вмѣстѣ съ войтомъ и выборными засѣдателями по званію своему, засѣдали священникъ и школьный учитель, потому что, по мнѣнію комитета, въ комплектѣ 6 членовъ гмины изъ нихъ „трое: войтъ, ксендзъ и учитель, при согласномъ дѣйствіи, могутъ безгранично распоряжаться всѣми общественными дѣлами, гминными повинностями и даже работою крестьянъ подъ видомъ общеполезныхъ цѣлей". Въ этомъ пунктѣ разсужденіе не только невѣрно, но подъ него подложены искаженные факты. По ст. 21 проекта, сверхъ трехъ членовъ ex officio въ совѣтѣ полагается 6 выборныхъ, итого 9 человѣкъ, а въ гминахъ съ населеніемъ, превышающимъ 2,000, число это можетъ быть удвоено, слѣдовательно, комплектъ можетъ быть доведенъ до 15. Возражая противъ участія ксендза и въ гминномъ сходѣ, и въ совѣтѣ, учредительный комитетъ всѣ проекты устройства гминъ, а въ томъ числѣ и проектъ Вѣлёпольскаго, называетъ *клерикальными* потому, что они основаны на дѣленіи страны на *приходы*, слѣдовательно, „на стремленіи сосредоточить въ рукахъ духовенства административно-полицейское вліяніе и *безусловно* (!!) подчинить сельское населеніе ксендзамъ» (стр. 33). Проектъ

Вѣлёпольскаго говоритъ самъ за себя; содержаніе его разрѣшаетъ вопросъ, отводилось ли въ немъ не только преобладающее, но и вообще значительное вліяніе на дѣла гмины духовнымъ лицамъ. Устранить совсѣмъ духовенство изъ области земскаго самоуправленія не рѣшилось даже и русское законодательство въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 г. Основаніе гмины въ предѣлахъ древняго прихода приводилось и въ Россіи много разъ писателями изъ лагеря славянофиловъ, а въ настоящее время оно предлагается всѣми почти органами печати, старающимися дать земскому самоуправленію недостающій нижній этажъ; въ проектѣ Вѣлёпольскаго оно проистекало изъ желанія порвать связи новой гмины съ прошлою патримоніальною, опредѣляемою границами отдѣльныхъ помѣщичьихъ имѣній. Во всякомъ случаѣ, оно въ проектѣ Вѣлёпольскаго имѣетъ значеніе только второстепенное.

Не удостоивъ проектъ Вѣлёпольскаго ни одной похвалы, смѣшавъ его въ одну кучу со всѣми крѣпостническо-клерикальными затѣями прошлаго [1]), учредительный комитетъ приступилъ къ созданію своего новаго проекта, который и послужилъ основаніемъ одному изъ указовъ 19 февраля (2 марта) 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ. Намъ подлежитъ разсмотрѣть этотъ законъ объ устройствѣ гмины въ связи съ проектомъ Вѣлёпольскаго, чтобы опредѣлить взаимное ихъ отношеніе.

Совершенно послѣдовательно и въ духѣ крестьянской реформы въ Россіи, по положеніямъ 19-го февраля 1861 г., внутри гминъ, какъ крупныхъ союзовъ лицъ всѣхъ сословій, образованы меньшіе союзы—сельскія общества, но уже замкнутыя и чисто крестьянскія, изъ крестьянъ одного села, съ исключеніемъ изъ этого союза землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ не крестьянъ, ихъ офиціалистовъ, прислуги и наемныхъ работниковъ. Въ сельскомъ обществѣ главное лицо — выборный солтысъ; онъ созываетъ сходъ изъ всѣхъ домохозяевъ. На сходѣ могутъ

---

[1]) Стр. 33: „Таковы виды польской шляхты и польскихъ ксендзовъ на будущее“!

участвовать и женщины, владѣющія усадебными участками. Эта сельская община есть новый пересаженный на почву царства польскаго русскій институтъ, полезный и цѣлесообразный. Сельская община была по-русски загорожена и отдѣлена отъ всего некрестьянскаго; слѣдовало ли продолжать ту же стѣну и въ области единицы высшаго порядка — гмины, соотвѣтствующей русской *волости*, и устроить и эту волость-гмину сплошь изъ одного крестьянскаго элемента? Составители закона натолкнулись по этому вопросу на двойную невозможность: 1) нельзя было обойтись безъ войта, а войтъ не то, что волостной старшина, онъ то же, что становой приставъ, невыдѣлимый изъ администраціи, послѣдній ея органъ — представитель правительства, по отношенію ко всѣмъ безъ различія состояній осѣдлыхъ, въ извѣстной мѣстности, жителямъ, и 2) кодексъ Наполеона до того перемололъ всѣ состоянія, что они вовсе не существовали въ 1864 г., что дворянство сдѣлалось миѳомъ, и осталось только одно органическое, но не юридическое дѣленіе людей по профессіямъ и роду занятій. Итакъ, по необходимости надо было склониться къ идеѣ Вѣлёпольскаго и образовать всесословную волость, какъ „союзъ лицъ, всѣмъ сословіямъ принадлежащихъ“ (стр. 36, п. 5). Но, нисходя къ этой мысли, учредительный комитетъ поставилъ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, другую задачу (стр. 36, п. 6): „противопоставленіе вліянію шляхты и ксендзовъ новаго мірского начала: *громады*“. Для достиженія этой цѣли необходимо было: 1) устранить отъ дѣлъ, выдѣливъ ее, всю интеллигенцію, всѣ лица, не обладающія поземельною собственностью, хотя и образованныя, хотя и въ высшей степени заинтересованныя въ благосостояніи гмины; 2) оставить въ гминѣ одного помѣщика и свести его съ крестьянами, поставивъ его изолированнаго съ ними на одной доскѣ; 3) прихлопнуть его, такимъ образомъ, численнымъ превосходствомъ громады предъ каждою входящею въ ея составъ единицею. Громада, по мѣрѣ того, какъ она растетъ, становится чѣмъ-то неустроеннымъ,

она не способна дѣйствовать осмысленно, безъ возложенія полномочія дѣйствовать на своихъ представителей. Даже и волостной сходъ въ Россіи образуется не изъ сельчанъ поголовно, а изъ представителей селеній: „избираемыхъ отъ каждаго селенія или поселка, къ волости принадлежащаго, по одному отъ каждыхъ *десяти* дворовъ“ (ст. 71, общаго полож. о крест. въ особомъ прил. къ т. IX Св. Зак.). Выборное представительство по проекту Вѣлёпольскаго въ составѣ 9-членнаго или 15-членнаго гминнаго совѣта могло казаться слишкомъ ограниченнымъ, тогда надлежало бы его расширить, удвоить, утроить число членовъ, подойдя къ началамъ русскаго волостного схода. Не такъ поступилъ учредительный комитетъ; онъ создалъ свой *гминный сходъ*, нѣчто напоминающее польскій сеймикъ или новгородское вѣче, собраніе всѣхъ членовъ всѣхъ сельскихъ громадъ, поголовно соединенныхъ въ одну огромную массу, съ примѣсью къ нимъ всѣхъ вообще домохозяевъ-землевладѣльцевъ — собственниковъ, утопающихъ въ этой численно превозмогающей крестьянской массѣ, но съ самымъ рѣшительнымъ устраненіемъ и исключеніемъ всякихъ другихъ осѣдлыхъ въ гминѣ промышленниковъ, людей, живущихъ собственнымъ капиталомъ и доходомъ или занимающихся умственнымъ трудомъ. Изъ схода исключены по званію, хотя бы и владѣли собственною землею въ размѣрѣ, превышающемъ 3 морга, мѣстные мировые судьи, чины мѣстной полиціи, а главное — духовныя лица. Гминный сходъ созывается обязательно по четвертямъ года, четырежды въ году. Онъ избираетъ на всѣ гминныя должности, въ томъ числѣ и на должность войта, лицъ членовъ схода христіанской вѣры, не моложе 25 лѣтъ, имѣющихъ двойной противъ другихъ цензъ, т.-е. не менѣе 6 морговъ (нѣсколько менѣе 4 десятинъ), при чемъ устранены всякія условія образованія, даже сама грамотность не требуется (ст. 67). Всѣ должностныя лица на жалованьѣ (82). По русскому обычаю, господствующему въ состояніяхъ податныхъ, пріемъ должностей обязателенъ для избираемыхъ безъ

отговорокъ (72). На каждую должность избираются два кандидата, изъ которыхъ уѣздный начальникъ утверждаетъ любого, а можетъ и совсѣмъ забраковать выборы, назначить новые, въ случаѣ же неудовлетворительности и тѣхъ новыхъ, войти съ представленіемъ къ губернатору. По проекту Вѣлёпольскаго должность войта поставлена весьма почетно съ отвѣтственностью его за дѣйствія только по суду, но по закону 1864 г. уѣздному начальнику предоставлено штрафовать войта до высоты 5 р. или сажать его подъ арестъ на недѣлю. Хотя званіе войта съ этой стороны сильно понижено, но власть ему предоставлена большая надъ лицами всѣхъ званій, проживающими въ гминѣ: штрафовать ихъ до рубля и сажать подъ арестъ на время до двухъ дней. Сверхъ того, ему дано предсѣдательствовать въ гминномъ судѣ, состоящемъ изъ выборныхъ лавниковъ, рѣшающемъ дѣла о движимомъ имуществѣ и обязательствахъ до 30 руб. безапелляціонно и дѣла о маловажныхъ проступкахъ; это учрежденіе просуществовало до 1-го іюля 1875 г., когда съ введеніемъ судебной реформы въ царствѣ польскомъ устроены новые гминные суды безъ войта подъ предсѣдательствомъ особыхъ гминныхъ судей, дѣйствующіе хотя и въ коллегіальномъ составѣ, но наподобіе единоличныхъ мировыхъ судей имперіи и не имѣющіе съ прежними гминными судами ничего общаго. Отвергнувъ образованіе гминъ въ предѣлахъ прихода, законъ 19-го февраля 1864 г. предположилъ новое раздѣленіе царства сообразно потребностямъ края на гмины, но не осуществивъ его, оставилъ все попрежнему, т.-е. съ 3069 гминами, основанными на произвольныхъ очертаніяхъ границъ бывшихъ помѣщичьихъ имѣній, такъ что затѣмъ остается открытымъ вопросъ, не согласнѣе ли было бы съ потребностями края и не раціональнѣе ли дѣленіе, совпадающее съ границами приходовъ, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ о границахъ нисколько не предрѣшаетъ другого вопроса объ участіи въ гминныхъ собраніяхъ духовенства?

Организацію гмины по идеѣ учредительнаго комитета

нельзя назвать ни демократическимъ учрежденіемъ, ни опытомъ самоуправленія. Демократія предполагаетъ участіе массы въ общественныхъ дѣлахъ, но массы процѣженной при посредствѣ фильтра, называемаго представительствомъ; въ противномъ случаѣ оно будетъ не демократія, а охлократія: господство грубой черни. Громада въ сыромъ видѣ никогда не даетъ въ результатѣ самоуправленія, а обыкновенно ее ведутъ по своей волѣ ея опекуны, такъ сказать, на помочахъ. Приведемъ слова автора, написавшаго лучшую монографію по устройству гмины, г. Лапицкаго (Ateneum 1880, grudzień 432): „Сходъ не можетъ помѣститься ни въ одномъ изъ деревенскихъ строеній, посему онъ располагается бивакомъ подъ открытымъ небомъ, а такъ какъ нѣтъ наказа о томъ, какъ совѣщаться, то всѣ совѣщанія превращаются въ безпорядочное галдѣніе или въ разговоры въ отдѣльныхъ кружкахъ. Послѣ многочасового безплоднаго калякапья, когда утомленные и отощавшіе члены схода начинаютъ расходиться, войтъ съ писаремъ, если нуженъ приговоръ или если начальникъ уѣзда поручилъ имъ заручиться приговоромъ, пишутъ постановленіе, которое кто-нибудь подписываетъ за неграмотныхъ. Голосованіе посредствомъ раздѣленія на двѣ расходящіяся въ разныя стороны партіи практикуется весьма рѣдко и то въ такихъ гминахъ, гдѣ имѣются войты, которые добросовѣстнѣе, нежели другіе, относятся къ своимъ обязанностямъ. Рѣдкій уѣздный начальникъ не вліяетъ на выборы, рѣдкій предоставляетъ сходу полную свободу; всего чаще онъ заправляетъ голосованіемъ, при чемъ практикуются два метода: либо выкликается кандидатъ, котораго желаетъ начальство, послѣ чего предлагаютъ несогласнымъ на выборъ его выйти впередъ изъ толпы, чѣмъ причиняется психическое насиліе лицамъ, не обладающимъ гражданскимъ мужествомъ и не желающимъ навлекать на себя гнѣвъ начальства; либо называются два кандидата и предлагаютъ членамъ схода, чтобы они разошлись въ двѣ противоположныя стороны, одна группа за одного, а другая за другого кандидата,

что крайне неправильно, потому что многіе члены схода могутъ одинаково недолюбливать обоихъ кандидатовъ или быть одинаково къ обоимъ расположены, а отъ нихъ непремѣнно требуютъ, чтобы они выбирали либо одного либо другого". Какъ ни далеко это устройство гмины отъ проекта Вѣлёпольскаго, но изъ этого проекта сдѣлано одно, хотя частичное, заимствованіе. Законъ 19 февраля 1864 г. устроилъ гмину далеко не всесословную, какъ предлагалъ Вѣлёпольскій, но скорѣе двусословную съ сліяніемъ въ ней воедино и мелкаго крестьянскаго и крупнаго помѣщичьяго землевладѣнія. Этого одного заимствованія уже было достаточно для оказанія извѣстной доли пользы, но она проявилась неожиданно для опекуновъ крестьянства тѣмъ, что помѣщикъ всплылъ наверхъ въ этой двусословной гминѣ и сдѣлался во многихъ мѣстахъ войтомъ, а еще въ большемъ числѣ гминъ—гминнымъ судьею. Въ „Новомъ Времени" 28 апрѣля 1881 г., № 1854 (П.: „къ отвѣту польскому публицисту Голоса") по этому случаю помѣщенъ фельетонъ, который можно бы назвать „плачемъ Іереміи" о паденіи всего того, что насаждено Н. Милютинымъ. „Система Вѣлёпольскаго,—говоритъ этотъ писатель,—въ полномъ ходу: элементъ помѣщичій незамѣтно возобладалъ надъ крестьянствомъ, вопреки чаяніямъ Милютина, коего законодательныя мѣры утратили значеніе. Крестьянскій элементъ слишкомъ въ Польшѣ пассивенъ, чтобы можно было разсчитывать на него какъ на политическій факторъ. Въ извѣстномъ своемъ довѣріи къ его могуществу Милютинъ организовалъ всесословную волость, разсчитывая, что крестьянскій элементъ подчинитъ себѣ элементъ помѣщичій. Это,—да будетъ позволено сказать,—крупная ошибка. При всесословной волости помѣщики, при помощи ксендзовъ, поведутъ крестьянъ куда угодно, особенно если добьются прекращенія крестьянскихъ сервитутовъ на своихъ земляхъ". Странная вещь! Система Милютина въ полномъ дѣйствіи, никто ее не отмѣнялъ; если же она не дала чаемыхъ результатовъ, значитъ, она сама въ томъ вино-

вата, значитъ, по выраженію того же автора, „естественная сила вещей выпираетъ вонъ клинья", вбитые между различными классами связуемаго одною національностью населенія. Безуміемъ было бы противиться естественной силѣ вещей; нельзя искусственно подчинять одинъ элементъ другому, когда у нихъ оказываются общіе интересы. Съ этой точки зрѣнія не только не слѣдовало бы увѣковѣчивать нѣкоторыя ошибочныя идеи Н. Милютина и его друзей, идеи уже значительно устарѣвшія, не только не слѣдовало бы подкрѣплять новыми подпорками въ самой внутренней Россіи непроходимую стѣну, отдѣляющую помѣщиковъ отъ крестьянъ, но желательно было бы самой Россіи усвоить главныя идеи проекта Вѣлёпольскаго: всесословную волость или всесословный приходъ, участіе въ дѣлахъ этой наименьшей земской единицы всѣхъ интеллигентныхъ классовъ и занятій, съ устраненіемъ по возможности всякихъ перегородокъ между сословіями, наконецъ участіе въ земскомъ дѣлѣ всѣхъ осѣдлыхъ жителей не непосредственно нестройною толпою, а только посредствомъ земскаго представительства. Полагаю, что внѣ этихъ условій не можетъ установиться успѣшно и на прочныхъ основаніяхъ никакое земское самоуправленіе.

XVIII.

Законодательныя работы: высшіе органы самоуправленія, судъ.

Въ образованіи представительныхъ высшаго порядка органовъ самоуправленія Вѣлёпольскій принималъ только посредственное участіе. Онъ бы охотно держался по принципу установленій хартіи 1815 года и возстановилъ бы по возможности всѣ, кромѣ центральныхъ: сената и сейма, о которыхъ незачѣмъ было и мечтать. Въ Петербургѣ восторжествовало въ мартѣ 1861 года другое мнѣ-

ніе: придерживаться болѣе установленій органическаго статута 1832 г.; сама работа по этой части возложена главнымъ образомъ на В. Платонова и Карницкаго; выработанные ими проекты по представленію намѣстника удостоились Высочайшаго утвержденія въ Москвѣ 24 мая (5 іюня) 1861 г. въ формѣ пяти отдѣльныхъ законовъ: *о выборахъ*, *о совѣтахъ городскихъ*, *уѣздныхъ*, *губернскихъ* и *о государственномъ совѣтѣ*. И по малому участію въ этихъ законахъ самого Вѣлёпольскаго, и по эфемерному существованію этихъ установленій имъ слѣдуетъ удѣлить сравнительно меньшую долю вниманія. Ограничимся самымъ бѣглымъ ихъ очеркомъ.

Общія черты, присущія всѣмъ этимъ установленіямъ, кромѣ государственнаго совѣта, слѣдующія: 1) широкое участіе всѣхъ званій и занятій людей осѣдлыхъ въ мѣстности въ самоуправленіи, но не непосредственное, а только посредствомъ выборныхъ представительствъ; 2) малый комплектъ этого представительства, избираемаго на 6 лѣтъ, выбывающаго по частямъ, не засѣдающаго сплошь, а собирающагося только отъ времени до времени, періодически; 3) вліяніе тревожнаго времени отразилось въ постановленіяхъ о негласности засѣданій этихъ собраній, совѣщающихся при закрытыхъ дверяхъ. Общій законъ о выборахъ требуетъ отъ избирателей 25 лѣтъ возраста, грамотности (умѣніе читать и писать по-польски) и *имущественнаго* ценза, опредѣляемаго либо высотою *податей* съ недвижимости (6 рублей, платимые либо собственниками, либо вѣчными чиншевиками, эмфитевтами, либо священниками съ церковныхъ земель; въ городахъ высота подати, дающая право быть избирателемъ, сведена до 4 р.; арендаторы и въ уѣздѣ и въ городѣ состоятъ избирателями при условіи платежа податей свыше утроенныхъ минимумовъ 6 и 4, т.-е. 18 р. въ уѣздахъ и 12 въ городахъ), либо доказаннымъ постояннымъ *доходомъ* не менѣе 180 руб., либо цѣною найма квартиры не менѣе 60 р. въ годъ. Выборами руководятъ мировые судьи или президенты городовъ. Выборный сходъ не можетъ состоять

изъ большаго числа нежели 600 человѣкъ, въ противномъ случаѣ, онъ дѣлится на отдѣленія; городъ Варшава имѣетъ 12 такихъ избирательныхъ коллегій по числу околотковъ. Условія отъ избираемыхъ въ совѣты уѣздные и городскіе: 30 лѣтъ, 15 р. подати съ недвижимости въ уѣздѣ или 10 р. въ городахъ (арендаторы втрое больше), постоянный доходъ или высота найма квартиры устранены, какъ показатели имущественнаго ценза съ движимости, но зато открытъ доступъ въ совѣты и неизбирателямъ, имѣющимъ особыя условія по образованію или роду занятій: профессора общихъ учебныхъ заведеній, ученые художники, литераторы, купцы, фабриканты и мастера, содержащіе извѣстное число подмастерьевъ (10 въ уѣздѣ, 3 въ городѣ).

Наименьшею долею самостоятельности въ самоуправленіи надѣлены были города; они были центромъ революціоннаго движенія, и могло явиться не лишенное основанія опасеніе, чтобы муниципальныя власти, вновь образованныя, не сдѣлались органами повстанья. Только *городской совѣтъ*, соотвѣтствующій нашей городской думѣ, былъ выборный (въ Варшавѣ — изъ 24, въ второстепенныхъ городахъ—изъ 12, а въ третьестепенныхъ — изъ 8 членовъ). Но образованіе *магистрата*, соотвѣтствующаго нашей городской управѣ, олицетворяющаго исполнительную власть и состоящаго изъ президента и 2 или 3 ратмановъ, зависѣло больше всего отъ правительства, которое само назначало отъ себя президента и утверждало въ званіи ратмановъ кандидатовъ, представляемыхъ совѣтами. Совѣту управленія царства польскаго предоставлена власть по усмотрѣнію распускать строптивые городскіе совѣты и назначать временные новые впредь до выборовъ, долженствующихъ послѣдовать не позже 6 мѣсяцевъ отъ дня, когда упраздняемый совѣтъ былъ распущенъ. Городскіе органы самоуправленія не состоятъ ни въ какой связи съ земскими, т.-е. съ уѣздными и губернскими совѣтами, которые по устройству своему очень похожи на русскія уѣздныя и земскія собранія по положенію 1 ян-

варя 1864 года, въ томъ отношеніи, что губернскій совѣтъ состоитъ изъ выборныхъ отъ уѣздныхъ совѣтовъ (по одному отъ уѣзда), но не составляетъ высшей инстанціи для дѣлъ, вѣдаемыхъ уѣздными совѣтами, такъ что и губернскій, и уѣздные дѣйствуютъ самостоятельно. Губернскій совѣтъ собирается разъ въ году, уѣздные — четыре раза. Въ губернскомъ присутствуетъ губернаторъ въ роли правительственнаго комиссара, съ правомъ протеста и даже остановки засѣданій; въ уѣздномъ эти же права принадлежатъ начальнику уѣзда. Губернскому совѣту предоставлено всеподданнѣйше ходатайствовать о нуждахъ и потребностяхъ губерніи чрезъ посредство государственнаго совѣта. Какъ въ губернскихъ, такъ и въ уѣздныхъ совѣтахъ, предсѣдательствуетъ одинъ изъ членовъ совѣта по назначенію отъ правительства.

Вершиною, вѣнчающею зданіе новыхъ пожалованныхъ институтовъ, былъ особый, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, государственный совѣтъ царства польскаго, учрежденіе по устройству аналогичное съ государственнымъ совѣтомъ имперіи, лишенное совсѣмъ выборнаго элемента и состоящее либо изъ лицъ, засѣдающихъ въ совѣтѣ по своему званію (министровъ, членовъ совѣта управленія), либо изъ заслуженныхъ сановниковъ, назначаемыхъ безсрочно для присутствованія и въ отдѣленіяхъ и въ общемъ собраніи совѣта, либо изъ временныхъ членовъ тоже по назначенію, присутствующихъ только въ общемъ собраніи. Вѣлёпольскій не могъ не знать, что этотъ институтъ уже по своему составу, при возбужденномъ состояніи умовъ и при находящихся въ обращеніи широкихъ надеждахъ, не можетъ быть популяренъ въ массахъ, но онъ разсчитывалъ на возможность привлечь къ содѣйствію въ работахъ государственнаго совѣта людей серьёзныхъ и пользующихся авторитетомъ. Онъ полагалъ въ особенности развить учрежденіе временныхъ членовъ, призываемыхъ по 2 ст. закона о государственномъ совѣтѣ, изъ епископовъ, предсѣдателей и членовъ губернскихъ совѣтовъ, и земскаго кредитнаго общества, однимъ словомъ,

изъ именитѣйшихъ обывателей и свѣтилъ мѣстнаго общества. Тѣмъ моральнымъ представительствомъ края, какимъ было земледѣльческое общество, могло бы сдѣлаться и общее собраніе государственнаго совѣта, собирающееся ежегодно 1 октября (19 сентября). При горячемъ участіи обывательскаго элемента, онъ бы бралъ верхъ надъ сановнымъ при окончательномъ разрѣшеніи вопросовъ, только подготовляемыхъ въ отдѣленіяхъ. Обывательскій элементъ привлекаемъ былъ туда прежде всего обусловливающимъ его участіе въ преніяхъ употребленіемъ польскаго языка. На этотъ счетъ Вѣлёпольскій былъ весьма категориченъ и заявлялъ (Le marquis W. II; 199), что такъ какъ онъ не знаетъ русскаго языка, то въ случаѣ введенія этого языка онъ не могъ бы участвовать ни въ совѣтѣ управленія, ни въ государственномъ. Новымъ членамъ изъ обывателей не могла нравиться устанавливаемая закономъ (ст. 35) негласность засѣданій, но ихъ не могли не поражать разнообразіе предметовъ вѣдомства и громадная важность предлагаемыхъ имъ на рѣшеніе задачъ. Государственный совѣтъ въ своихъ отдѣленіяхъ вѣдалъ дѣла такъ называемой административной юстиціи, пререканія о подсудности, отдавалъ подъ судъ и судилъ за преступленія по должности, начиная съ министровъ и кончая губернаторами. Для докладовъ по этимъ дѣламъ существовали по отдѣленіямъ особые референдаріи, а для защиты особые адвокаты при государственномъ совѣтѣ. Въ общемъ собраніи государственный совѣтъ разсматривалъ законопроекты, бюджеты царства польскаго, отчеты министровъ, ходатайства губернскихъ совѣтовъ и совѣты города Варшавы о нуждахъ и потребностяхъ населенія, наконецъ, всевозможныя жалобы на злоупотребленія должностныхъ лицъ и нарушенія ими законовъ, а также давалъ свои заключенія по всѣмъ дѣламъ и вопросамъ, по которымъ таковыя заключенія требовались бы намѣстникомъ. При государственномъ совѣтѣ положено состоять особому статсъ-секретарю; должность эту занялъ Ю. Энохъ. Можно было предвидѣть, что намѣстникъ будетъ не часто при-

сутствовать, а потому положено во время его отсутствія предсѣдательствовать особому вице-президенту по Высочайшему назначенію.

На общее собраніе государственнаго совѣта царства польскаго перешли теперь спеціальныя функціи бывшаго общаго собранія варшавскихъ департаментовъ сената, остались самые эти департаменты, IX и X, одинъ—гражданскій, другой — уголовный, судящіе въ послѣдней инстанціи дѣла и только по нумераціи связанные съ сенатомъ имперіи, такъ какъ никогда не практиковался переносъ дѣлъ изъ Варшавы въ Петербургъ чрезъ комиссію прошеній въ государственный совѣтъ имперіи. Въ интересѣ Вѣлёпольскаго по его автономистической программѣ было разорвать и эту номинальную связь высшихъ варшавскихъ судилищъ съ Петербургомъ; предположено переименовать оба департамента, IX и X, въ одинъ судъ наивысшей инстанціи, подраздѣляющійся на двѣ палаты, уголовную и гражданскую (A. W. II, 168); впрочемъ, осуществленіе этого предположенія отложено было впредь до выработки проекта, за который взялась уже послѣ 8 апрѣля 1861 г. комиссія юстиціи подъ управленіемъ Вѣлёпольскаго, для общаго преобразованія въ царствѣ польскомъ и судоустройства и судопроизводства. Эта задача поздно была предпринята и не подвинулась впередъ по недостатку времени, такъ что до самаго повстанья 1863 г. она носилась предъ Вѣлёпольскимъ въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ. Гражданскій судъ не представлялъ большихъ затрудненій; слѣдовало только примкнуть какъ можно ближе къ первообразу судовъ гражданскихъ царства польскаго: французскому судоустройству, откинувъ пристроенное послѣ 1830 г. и заведя немногія перемѣны, требуемыя обстоятельствами времени. По уголовной части приходилось все созидать заново, чтобы вырваться на свѣжій воздухъ изъ затхлаго канцелярски-келейнаго производства съ теоріею законныхъ доказательствъ, пропитаннаго запахомъ XVII и XVIII вѣковъ. Образцы отсутствовали; русскіе судебные уставы еще не

существовали, не было даже основныхъ положеній. Между польскими теоретическими и практическими законовѣдами были хорошіе цивилисты, не было вовсе криминалистовъ. Не изъ чего было и образовать редакціонную комиссію, которая бы задалась работою выбиранія изъ иностранныхъ законодательствъ всего, что получше, и эклектическаго укладыванія заимствованныхъ частей въ свое собственное, подобное тому, которое возникло подъ именемъ уставовъ 20 ноября 1864 года, уже усвоено русскою національностью и разсматривается ею, какъ свое неотъемлемое и коренное. Ни Вѣлёпольскій, ни его сотрудники въ комиссіи юстиціи не забѣгали далеко и ни о чемъ крупномъ, новомъ и не думали, ни о судѣ присяжныхъ, ни о введеніи выборнаго начала въ судоустройство. Предполагаемо было раздѣленіе края на 250 мировыхъ округовъ для стольких же судей отъ правительства, судящихъ менѣе цѣнныя дѣла гражданскія и менѣе важные проступки и, можетъ быть, производящихъ предварительныя слѣдствія (A. W. III, 483). Едва ли выработано было понятіе о судебномъ слѣдствіи, предположено свести инстанціи, рѣшающія дѣла по существу къ двумъ вмѣсто трехъ (упразднивъ апелляціонный судъ) и ввести нѣкоторыя изъ формъ аккузаціоннаго, такъ называемаго состязательнаго судопроизводства при разрѣшеніи дѣлъ по актамъ предварительнаго слѣдствія, а именно допустить пренія на судѣ между обвинителемъ-прокуроромъ и защитникомъ изъ установленныхъ при судилищахъ адвокатовъ. Находясь, какъ министръ юстиціи, въ постоянномъ почти столкновеніи съ военно-слѣдственными и военно-судными комиссіями, вѣдающими дѣла о всѣхъ политическихъ преступленіяхъ и проступкахъ, начиная отъ простыхъ уличныхъ безпорядковъ до бунта, заговора и государственной измѣны, Вѣлёпольскій многократно, но безуспѣшно, хлопоталъ въ 1861 году (A. W. II, 171), чтобы такія политическія преступленія передавались обыкновеннымъ уголовнымъ судамъ гражданскаго вѣдомства, а болѣе тяжкія судились главнымъ судомъ по политическимъ преступленіямъ

(Głòwny Sąd Stanu); составленнымъ, какъ и верховный уголовный судъ имперіи, на половину изъ сенаторовъ (изъ IX и X департаментовъ) на половину изъ членовъ государственнаго совѣта царства польскаго.

Существенно важно было для царства польскаго освободиться въ возможно скорѣйшемъ времени отъ одного изъ худшихъ произведеній законодательства, составленнаго въ чисто византійскомъ стилѣ и даже по своей техникѣ не выдерживающаго никакой критики, а именно, отъ Kodeks'a kar głównych i poprawczych 1847 г., составляющаго почти дословный переводъ нашего уложенія о наказаніяхъ, изд. 1845 года, который признается нынѣ и въ Россіи однимъ изъ главныхъ тормозовъ, мѣшающихъ развитію и усовершенствованію уголовнаго суда. На первыхъ же порахъ послѣ открытія государственнаго совѣта въ Варшавѣ, законодательное его отдѣленіе внесло въ общее собраніе предложеніе, которое было принято въ засѣданіи 25 ноября 1861 г. о томъ, чтобы отмѣнить кодексъ 1847 г. и возстановить сеймовое уголовное уложеніе 1818 г., которое, хотя никогда не считалось образцомъ совершенства, но и по духу, и по изложенію было неизмѣримо выше замѣнившаго его кодекса 1847 года.

Мы начертили всю программу Вѣлёпольскаго, всѣ его планы о преобразованіяхъ общественныхъ и административныхъ въ царствѣ польскомъ. Теперь намъ предстоитъ изобразить, какъ онъ стоялъ за свои идеи, съ какими препятствіями и противниками боролся и какъ, наконецъ, онъ не справился съ задачею и былъ побѣжденъ въ этой весьма неравной борьбѣ, въ которой ему приходилось сражаться чуть ли не одному противъ всѣхъ.

XIX.

Отъ марта до августа 1861 г. — Князь Горчаковъ и Сухозанетъ.

Когда маркизъ Вѣлёпольскій вступилъ въ мартѣ 1861 г. на политическую арену въ царствѣ польскомъ, поставя

себѣ задачею умиротвореніе страны и возстановленіе на новыхъ основаніяхъ расшатаннаго общественнаго порядка, то успѣхъ его въ выполненіи этой задачи зависѣлъ отъ двухъ предположеній: *во-первыхъ*, отъ того—органы русскаго правительства предоставятъ ли ему полную свободу дѣйствій и помогутъ ли ему, насколько отъ нихъ зависитъ, успокоить волны расходившагося движенія соотвѣтствующимъ энергическимъ, но не вызывающимъ и не раздражающимъ образомъ своего дѣйствія, и *во-вторыхъ*, отъ того — поддержатъ ли его политику благоразумные и трезвые патріоты-поляки, постоятъ ли за нее консервативные элементы польскаго общества? Оба предположенія оправдались лишь въ малой и ненадлежащей степени. Не лишенное надежды желаніе Вѣлёпольскаго сойтись съ А. Замойскимъ оказалось чистѣйшею иллюзіею; никогда маркизъ политикъ-реалистъ не могъ дѣйствовать заодно съ мечтателемъ, визіонеромъ; они другъ друга едва ли когда-нибудь и понимали, до того любовь къ родинѣ была у нихъ радикально различна, хотя эту родину оба любили безпредѣльно и пламенно. Въ семьѣ и свитѣ А. Замойскаго къ этому несочувствію, основанному на различіи коренныхъ началъ, примѣшивались личные зависти и расчеты. Мартовскія концессіи превосходили самыя смѣлыя надежды этой партіи, но съ маркизомъ во главѣ, всѣ концессіи и реформы оказывались нехороши, и втихомолку дѣлаемы были старанія отбивать у него сотрудниковъ, совѣтуемо было предлагаемыхъ имъ должностей не принимать, сторониться и выжидать. Рѣшительный отказъ А. Замойскаго дать князю-намѣстнику свои замѣчанія по содержанію проекта о государственномъ совѣтѣ, разосланнаго конфиденціально нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ, истолкованъ былъ княземъ Горчаковымъ какъ оказательство явной оппозиціи намѣреніямъ правительства, слѣдствіемъ которой являлось въ апрѣлѣ 1861 г., послѣ закрытія земледѣльческаго общества въ связи съ народными манифестаціями въ честь Замойскаго, какъ бывшаго предсѣдателя этого общества, — предположеніе сослать Замой-

скаго въ Вятку административнымъ порядкомъ. Это предположеніе оставлено вслѣдствіе сильнѣйшаго протеста Вѣлёпольскаго въ его запискѣ отъ 22 (10) апрѣля 1861 г. направленной противъ этой мѣры (Le marquis W. II, 182), запискѣ остроумной, хлесткой, въ которой маркизъ, иронически великодушничая и ограждая своимъ щитомъ противника, безпощадно указывалъ на то, что онъ считаетъ его нулемъ въ политикѣ и что онъ вовсе не желаетъ возводить его преслѣдованіемъ въ положительную величину. Вѣлёпольскій писалъ, что въ неприкосновенности графа З. онъ лично заинтересованъ: „меня считаютъ его личнымъ врагомъ, — при такихъ условіяхъ мѣра строгости въ отношеніи къ нему сдѣлаетъ мое положеніе почти невыносимымъ въ царствѣ польскомъ. Отказываясь даже читать проектъ, графъ Замойскій выражаетъ только съ полною прямотою и откровенностью, что онъ не приметъ никакого участія въ развитии новыхъ учрежденій. Это воздержаніе происходитъ, вѣроятно, отъ того, что графъ затрудняется одинъ и отдѣльно отъ своихъ (сторонниковъ) формулировать свои идеи по политическимъ вопросамъ. Если бы у него былъ замыселъ противиться развитію новыхъ учрежденій или тормозить ихъ введеніе, то онъ прежде всего поспѣшилъ бы познакомиться съ предметомъ, чтобы потомъ критиковать его и дискредитировать до введенія учрежденій въ дѣйствіе. Графъ всегда довольствовался тѣмъ, что служилъ *знаменемъ*, но никогда не былъ онъ *вожакомъ* своихъ сторонниковъ. Его отказъ не имѣетъ въ себѣ ничего противузаконнаго, такъ какъ онъ не должностное лицо, да и само обращеніе къ нему намѣстника не имѣло офиціальнаго характера. Строгая мѣра по отношенію къ графу за этотъ отказъ возстановила бы опять часть значительно нынѣ поколебленнаго его авторитета и въ концѣ концовъ возвела бы его въ политическіе мученики. Правительство поступитъ самымъ благоразумнымъ образомъ, если оно не будетъ вовсе заниматься графомъ Замойскимъ и оставитъ его въ покоѣ. До ноября можно держать не занятою вакансію вице-предсѣдателя государственнаго

совѣта. Можетъ быть, что, увидѣвъ друзей своихъ поддерживающими новыя учрежденія, графъ усвоитъ себѣ, *по своему обыкновенію*, ихъ убѣжденіе и присоединится къ нимъ *активно*. Если же онъ будетъ продолжать оставаться въ своей системѣ воздержанія, то обнаружится, что это уединеніе добровольно. Тогда *искусственное* политическое значеніе этой *личности* будетъ совсѣмъ нейтрализировано искреннимъ и дѣятельнымъ развитіемъ новыхъ учрежденій". — Отъ такого рода защиты не могло поздоровиться Замойскому, но онъ и былъ въ дѣйствительности такимъ, какимъ его изобразила записка, то-есть человѣкомъ не отъ мира сего, знаменемъ, не вожакомъ, идоломъ, именемъ котораго распоряжались приближенные къ нему жрецы. Вѣлёпольскому надлежало, минуя Замойскаго, сойтись съ настоящими двигателями и головами помѣщичьей партіи. Мы указывали (XIV), при случаѣ съ закрытіемъ земледѣльческаго общества, что маркизъ не умѣлъ взяться, какъ слѣдуетъ, за это дѣло, что онъ былъ слишкомъ рѣзокъ, слишкомъ крутъ, слишкомъ лишенъ гибкости и вкрадчивости, которыми привлекаются и которыми порою ловятся на удочку сердца человѣческія. То искусство, которымъ нѣкогда славились польскіе магнаты, кланяться и льстить младшей братіи или, какъ говоритъ старинная пословица: „полонить братью шляхту шапкой да хлѣбомъ-солью", было маркизу совершенно чуждо. Всѣмъ своимъ сравнительно скромнымъ состояніемъ обязанъ онъ былъ строгой бережливости; непопулярные же и проигранные процессы развили въ немъ способности бойца, а не дипломата, человѣка склоняющагося къ тому, чтобы свою волю навязывать другимъ, не кланяться, а требовать, чтобы ему подчинялись и его требованія исполняли. Ему и подчинялись, но неохотно, безъ привязанности, безъ симпатіи. По одной сознанной необходимости вошли вліятельные члены земледѣльческаго комитета въ составъ земледѣльческаго отдѣла, въ комиссію внутреннихъ дѣлъ, а потомъ въ государственный совѣтъ. Они были пособники, негласные помощники, но не партія; они не группиро-

вались вокругъ реформатора и до извѣстнаго только пункта шли съ нимъ вмѣстѣ. Гораздо болѣе ревностныхъ и весьма способныхъ сотрудниковъ нашелъ Вѣлёпольскій въ личномъ составѣ правительственныхъ комиссій, между скромными тружениками, второстепенными чиновниками-поляками. Въ этой администраціи сохранились еще прусскія преданія точности, аккуратности, доведенной до педантизма. Классъ этотъ, довольно многочисленный (5—6 тысячъ семействъ), состоялъ изъ людей порядочно образованныхъ, способныхъ, дорожащихъ мѣстами, весьма скромныхъ, вслѣдствіе болѣе нежели умѣренныхъ окладовъ жалованья, не разсчитывающихъ на значительныя повышенія, такъ какъ на высшія мѣста назначались русскіе сановники изъ Петербурга, и крайне заинтересованныхъ въ раздѣльности царства польскаго и имперіи по отношенію къ законамъ и порядкамъ управленія. По положенію ихъ въ большой правительственной машинѣ и взгляды ихъ были правительственные, фискальные, отзывающіеся казенщиною, преимуществомъ, отдаваемымъ правамъ власти предъ правами частныхъ лицъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, они ненавидѣли русскую національность и лично, какъ патріоты, не могли оставаться чужды вѣяніямъ времени и ходу національнаго польскаго движенія. Эта двойственность, это противорѣчіе между служебнымъ положеніемъ и національнымъ чувствомъ подтачивали всю административную организацію въ царствѣ польскомъ, задолго до вступленія Вѣлёпольскаго въ управленіе и имѣли послѣдствіемъ, что многіе изъ служащихъ либо сознательно работали въ пользу революціи, измѣняя правительству, такъ что самыя секретныя мѣропріятія правительства бывали чрезъ нихъ извѣстны задолго до приведенія въ исполненіе, либо служили одновременно и правительству и революціи, чтобы не быть окончательно въ накладѣ, чья бы сторона ни взяла. Но въ личномъ составѣ служащихъ были также лица, которыя ясно предусматривали, что повстанье не можетъ не быть подавлено, что подавленіе его отзовется самымъ гибельнымъ образомъ на судьбахъ страны и уничтожитъ въ корнѣ весь классъ

мѣстныхъ жителей служащихъ. Послѣднее, какъ извѣстно, случилось: послѣ повстанья помѣщичій элементъ и духовенство пострадали, но все-таки уцѣлѣли, между тѣмъ какъ весь классъ служащихъ поляковъ, насчитывавшій вмѣстѣ съ ихъ семьями до 30,000 человѣкъ, вышвырнутъ былъ изъ колеи либо пропалъ, либо перечислился въ другіе классы и занятія и увеличилъ ряды непримиримыхъ, безусловно враждебныхъ донынѣ Россіи и ея правительству. Можно положительно сказать, что Вѣлёпольскій никакъ не справился бы въ тѣ бурные два года, 1861 и 1862 гг., въ теченіе которыхъ онъ дѣйствовалъ и проводилъ свои реформы, съ страшною массою пріуготовительной къ законодательству работы, если бы ему не содѣйствовали лица изъ мелкихъ служащихъ, имена которыхъ остались даже неизвѣстны. Вѣлёпольскій, разсчитывавшій, что къ нему пристанутъ, увидѣвъ его за работою, оставался попрежнему одинъ, шелъ противъ теченія, имѣлъ противъ себя общественное мнѣніе и не нашелъ ни одного союзника даже въ прессѣ, ни на мѣстѣ дѣйствія въ Варшавѣ, ни за границею. Варшавская печать, съ 1831 г. находившаяся подъ самою строгою предварительною цензурою, пользовалась весьма ничтожною долею свободы. Послѣ мартовскихъ событій, газетамъ разрѣшено помѣщать передовыя статьи, а одной изъ нихъ, основанной Л. Кроненбергомъ и редактируемой Крашевскимъ, дозволено перемѣнить названіе и изъ „Ежедневной“ переименоваться въ „Польскую“. Таковы были льготы; о текущихъ событіяхъ можно было писать только иносказательно и только по поводу событій, происходящихъ въ Германіи, Франціи или въ особенности въ возрождающейся Италіи, выражать кое-какія мысли, которыя бы проницательный читатель, ловя ихъ налету, могъ прилагать къ жгучимъ вопросамъ дня. Цензура въ то время входила въ кругъ вѣдомства народнаго просвѣщенія и зависѣла, такимъ образомъ, отъ Вѣлёпольскаго. Освободить литературу отъ предварительной цензуры Вѣлёпольскій не могъ, хотя въ слѣдующемъ году онъ и замышлялъ попытку въ этомъ родѣ. Разрѣшеніе безцензур-

ныхъ изданій было еще безъ прецедента въ русской исторіи, слѣдовательно, едва ли бы правительство согласилось на введеніе въ волнующейся Варшавѣ того, чего оно не рѣшалось еще ввести въ Петербургѣ и Москвѣ. Не дѣлая шума и не отмѣняя цензуры, Вѣлёпольскій, какъ ея начальникъ, могъ ее ослабить на практикѣ до того, что чрезъ ея сѣтку проходили бы приличныя и по формѣ свободныя разсужденія о текущихъ дѣлахъ и бóльшая часть хорошо всѣмъ извѣстныхъ лучшихъ произведеній запрещенной литературы польскаго выходства. Подобный опытъ, допущенный вó-время, могъ бы содѣйствовать созданію въ Варшавѣ серьёзной прессы и отвратить появленіе лѣтомъ въ 1861 году первыхъ подпольныхъ листковъ (A. Giller, стр. 78). Смутное время мало годилось для подобныхъ опытовъ, печать не могла не сдѣлаться отголоскомъ возбужденныхъ страстей, свобода не могла обойтись безъ злоупотребленій. Соотвѣтственно ослабленію предварительной цензуры создавать мѣры карательныя и устроить надежный и самостоятельный судъ въ подобнаго рода дѣлахъ — задача самая трудная среди взволнованнаго общества, увлекаемаго въ разныя стороны противоположными теченіями. Законодатель въ дѣлахъ печати долженъ заранѣе предвидѣть, что надо долго и терпѣливо ждать, пока взойдетъ посѣянный хлѣбъ, и что на первыхъ порахъ прорастать будутъ на запущенной почвѣ однѣ сорныя травы, что облегченія въ области свободы мысли никогда не должны быть даваемы съ расчетомъ на благодарность, точно на скорый платежъ по краткосрочному векселю. Этого долготерпѣнія недоставало Вѣлёпольскому: во всю жизнь онъ много выстрадалъ отъ печати, не будучи у власти; теперь, пріобрѣтя власть, онъ былъ недоволенъ, что его недостаточно хвалятъ, и сердился на статьи Крашевскаго, на всякіе признаки самой скромной оппозиціи. Бывали примѣры административныхъ ссылокъ журналистовъ изъ Варшавы въ мѣста не очень дальнія, положимъ, напримѣръ, въ Бялу близъ Брестъ-Литовска. Бывали случаи обысковъ въ бумагахъ, въ особенности у предполагаемыхъ

заграничныхъ корреспондентовъ краковской газеты „Czas“. По подозрѣнію въ подобной перепискѣ получилъ отставку отъ коронной службы очень почтенный литераторъ, редакторъ „Библіотеки Варшавской“, Войцицкій. Сама газета „Czas“ была строжайше запрещена; между тѣмъ, это былъ ӧрганъ, мнѣніемъ коего маркизъ особенно дорожилъ, ӧрганъ строгаго консерватизма, крупнаго землевладѣнія, ӧрганъ, въ редакціи котораго участвовали нѣкоторые близкіе друзья Вѣлёпольскаго. Давленіе общественнаго мнѣнія оказывалось сильнѣе, нежели ихъ симпатіи; господствующій тонъ заграничной польской печати зависѣлъ отъ парижской эмиграціи; она возбуждала къ движенію, а потому не могла не быть враждебна ко всей политикѣ Вѣлёпольскаго, а слѣдовательно, и къ личности его. Планы, которые онъ созидалъ и вырабатывалъ въ своемъ кабинетѣ, пока еще не были публикѣ извѣстны, да если бы и огласились, то не соотвѣтствовали бы возбужденнымъ надеждамъ и ничѣмъ неудовлетворимымъ ожиданіямъ. Настроеніе общественное не исправлялось, не улучшалось, то было въ полномъ значеніи *смутное* время, тяжелое, тоскливое, безъ крупныхъ эпизодовъ, но съ множествомъ мелкихъ вспышекъ, свидѣтельствующихъ о дѣятельности подземной лабораторіи. Подавленное уличное движеніе воскресало, какъ только войска сошли съ площадей послѣ апрѣльскихъ дней; тотчасъ же послѣ того начались манифестаціи пѣніемъ церковныхъ пѣсней, костюмомъ, передразниваніемъ полиціи и военныхъ, скаленіемъ зубовъ. Были въ ходу кошачьи музыки, были еще и иныя забавы съ примѣсью крови, — травля и избіеніе предполагаемыхъ шпіоновъ и доносчиковъ. Рѣдкій праздничный день обходился безъ такихъ жертвъ, при изведеніи которыхъ предвкушались уже всѣ будущіе ужасы 1863 года. Толпа привыкла къ звѣрству и сильнымъ зрѣлищамъ и находила въ нихъ удовольствіе. Всякое смутное время, когда оно затянулось и поколебало власть, неминуемо кончается заговорами и выработкою развѣтвленныхъ тайныхъ организацій. Лѣто 1861 года выработало вчернѣ организацію красныхъ, которая впо-

слѣдствіи и сдѣлалась ядромъ *народоваго ржонда*. Успѣхи союза красныхъ заставили сплотиться и бѣлыхъ, имѣвшихъ въ личномъ составѣ упраздненнаго земледѣльческаго общества готовые кадры для консервативной и легальными путями дѣйствующей бѣлой организаціи. Андрей Замойскій не принималъ участія въ этомъ союзѣ, но зналъ о немъ, потому что въ немъ участвовали его сынъ и знакомые. Полиція безопасности не входила въ кругъ дѣятельности маркиза, но признаки общественнаго возбужденія не были переносимы имъ равнодушно и уязвляли его глубоко; онъ отвѣчалъ на нихъ желчными выходками, забавлявшими въ свое время Варшаву, исключеніемъ чиновниковъ изъ службы, приказаніемъ служащимъ носить круглыя шляпы или такъ называемые цилиндры, между тѣмъ, какъ вся публика носила низкія, или надѣлавшимъ много шуму судебнымъ обвиненіемъ противъ гимназистовъ, которые разрушили балясы въ саду Казимирскаго дворца. Это послѣднее событіе столь характерно, оно такъ наглядно рисуетъ завзятый нравъ маркиза и странную въ немъ смѣсь упрямаго задора и педантства съ стремленіемъ къ легальности, даже въ мелочахъ, что мы не можемъ на этомъ дѣлѣ не остановиться. Казимировскій дворецъ съ садомъ, впредь до отдачи его подъ университетъ, занимаемъ былъ гимназіею. Въ одномъ изъ павильоновъ его отведена была квартира Вѣлёпольскому, какъ директору комиссіи просвѣщенія и исповѣданій. Вѣлёпольскій распорядился обнести заборомъ съ рѣшетчатыми балясами часть дворцоваго сада лично для себя. Мальчикамъ гимназистамъ не понравилась эта затѣя. Кто-то сострилъ, что они не выносятъ сада въ саду, какъ Вѣлёпольскій не выносилъ, въ своей рѣчи къ духовенству, государства въ государствѣ. Они напали на каменщиковъ, потузили ихъ и раскидали кирпичи, известь, куски дерева. Вмѣсто того, чтобы взыскать съ шалуновъ дисциплинарно, затѣяли противъ нихъ уголовный процессъ. Защитникъ ихъ, адвокатъ Ціонглинскій, задобривъ каменщиковъ, склонилъ ихъ отказаться отъ жалобы о побояхъ. По приказанію

Вѣлёпольскаго, слѣдствіе, несмотря на то, продолжалось на томъ основаніи, что съ побоями стекалось поврежденіе недвижимой собственности, казеннаго забора. По апелляціи прокурора дѣло перешло во вторую инстанцію и дало поводъ къ пресмѣшнымъ эпизодамъ въ родѣ слѣдующихъ. Мальчишки-гимназисты отыскиваютъ въ Саксонскомъ саду между публикою адвокатовъ. — Зачѣмъ вамъ, мальчуганы, нужны адвокаты? — Защищать насъ. — Отъ кого?—Отъ маркиза Вѣлёпольскаго.

Прямой порывистый нравъ маркиза, наклонность его воевать никому не спуская, неспособность дипломатизировать вмѣняются Вѣлёпольскому въ вину, какъ главная причина его неудачи. Несомнѣнно, что если бы онъ былъ болѣе мягокъ, болѣе кротокъ и умѣлъ выжидать, то его политическіе противники не имѣли бы предлоговъ ко многимъ самымъ сильнымъ и ѣдкимъ своимъ нареканіямъ. Слѣдуетъ ли затѣмъ заключить, что при бо̀льшей долѣ терпѣнія и такта ему бы удалось осуществить свое дѣло? Я думаю, что нѣтъ, и полагаю, что угловатости, шероховатости и даже болѣе крупные недостатки, нежели тѣ, которые поражали публику въ Вѣлёпольскомъ и дѣлали его непривлекательнымъ лицомъ, столь же мало помѣшали бы ему сдѣлать свое дѣло, если бы оно приходилось по времени, какъ мало мѣшаютъ горные хребты на землѣ признавать нашу планету шаромъ. Мелкія причины рѣдко годятся для объясненія крупныхъ явленій. Князь Бисмаркъ во сто разъ рѣзче, беззастѣнчивѣе и грубѣе въ своихъ выходкахъ и причудахъ, что̀ ему не помѣшало совершить великія дѣла, несмотря на малое расположеніе къ нему людей, подчинявшихся его желѣзной волѣ. Задача Вѣлёпольскаго была столь трудна, что съ ней, вѣроятно, не справился бы даже человѣкъ, снабженный Кавуровскимъ добродушіемъ, обезоруживающимъ противниковъ его неистощимымъ юморомъ и любезностью. Неимовѣрно трудно было положеніе маркиза, оттого, что отвлекаемый отъ организаціонныхъ работъ, онъ долженъ былъ бороться и съ обществомъ, среди котораго продол-

жалъ неудержимо развиваться процессъ внутренняго брожения, и съ своими товарищами по службѣ, которые не разъ аттестовали его въ Петербургѣ, какъ опаснѣйшаго изъ революціонеровъ и какъ замаскированнаго измѣнника, и со смѣнявшимися въ теченіе 1861 г. въ Варшавѣ намѣстниками. Борьба его съ государственными сановниками въ Варшавѣ, военными и гражданскими, была столь ожесточенная, и пріемы Вѣлёпольскаго были столь крутые, исполненные такой высокомѣрной гордости и самоувѣренности, что если бы подробности ежедневныхъ почти стычекъ съ русскими представителями власти не пропадали вслѣдствіе того, что происходили за кулисами, и если бы онѣ сдѣлались извѣстными польской публикѣ, то это одно измѣнило бы отношеніе къ нему населенія и сообщило бы, можетъ быть, его ненавистному имени нѣкоторую популярность. Не будь онъ до упрямства твердъ въ своемъ предпріятіи, за которое онъ взялся съ цѣпкостью человѣка, котораго вся жизнь поглощена одною идеею, онъ бы десять разъ подалъ въ отставку вслѣдствіе тѣхъ служебныхъ непріятностей, какія его постигали отъ лицъ, вмѣстѣ съ которыми ему приходилось управлять волнующеюся страною. Въ Варшавѣ Вѣлёпольскій имѣлъ, при вступленіи въ должность, одного только заступника, больного и умирающаго уже князя Горчакова, который безусловно довѣрился ему, какъ нѣкогда, до февральскихъ событій, довѣрялся Муханову и при которомъ завистники и подозрѣвающіе должны были молчать, но со смертью князя Горчакова, послѣдовавшею (29) 17 мая 1861 г., его понимали лишь въ Петербургѣ и то немногіе, но не было ни одного русскаго человѣка въ Варшавѣ, который бы склонялся къ его системѣ въ главныхъ и основныхъ ея чертахъ. Прослѣдимъ исторію этихъ столкновеній маркиза въ офиціальныхъ сферахъ со средою, въ центрѣ которой стояли быстро смѣняющіеся, точно мелькающія тѣни, намѣстники: Сухозанетъ съ 1 іюня (18 мая) 1861 г. по 23 (11) августа 1861 г.; графъ Ламбертъ, съ 23 (11) августа по 26 (14) октября 1861 г.; опять Сухозанетъ

по 5 ноября (24 октября) 1861 г., когда назначенъ былъ уже не заставшій въ Варшавѣ Вѣлёпольскаго генералъ Лидерсъ.

Намѣстникомъ въ царствѣ польскомъ могъ быть только военный человѣкъ. Въ Петербургѣ требовалось сбыть стараго и малоспособнаго Николая Онуфріевича Сухозанета, чтобы очистить мѣсто военнаго министра для лица, которое съ тѣхъ поръ въ теченіе 20 лѣтъ занимало съ достоинствомъ эту должность (Д. А. Милютинъ), а такъ какъ Сухозанетъ былъ уроженецъ западныхъ губерній и считался хорошо знающимъ царство польское вслѣдствіе того, что еще при Паскевичѣ служилъ долгое время начальникомъ артиллеріи въ Варшавѣ, то его и назначили еще при жизни князя Горчакова исправляющимъ временно должность намѣстника. О новомъ главномъ начальникѣ края ходили въ Петербургѣ анекдоты, изображавшіе его и со стороны его недальновидности и со стороны не особенной его твердости въ правописаніи. Въ запискахъ Н. Берга и въ статьяхъ „Очевидца“ въ „Русской Старинѣ“ (1874, № 9, сентябрь) имѣется обильный матеріалъ для сатиры. Ненаходчивость военнаго министра была поразительна; презабавны были его отношенія къ командированному изъ Петербурга, по рекомендаціи Хрулева, для писанія статей по части царства польскаго въ повременныхъ изданіяхъ русскихъ и заграничныхъ, Ильѣ Арсеньеву, въ которомъ генералъ Сухозанетъ публично привѣтствовалъ представителя русскаго общества и литературы и защитника Россіи предъ Европою („Рус. Старина“, стр. 120). Новый начальникъ очень мало понималъ происходящее, но онъ преусердно отстаивалъ начало произвола и дѣйствовалъ ни съ кѣмъ не совѣтуясь, помимо совѣта управленія, посредствомъ предписаній изъ своей особой канцеляріи, въ которыхъ не было никакой послѣдовательности ни заботы о законности. Для него не существовала программа политики, проводимая Вѣлёпольскимъ и одобренная петербургскимъ правительствомъ. При такихъ условіяхъ, вся возня съ умиротвореніемъ края преобразованіями получала

видъ безобразнѣйшаго толченія воды, дискредитировала власть, изобличала безпочвенность политики Вѣлёпольскаго и порождала безчисленныя пререканія между нимъ съ одной стороны, а съ другой — намѣстникомъ и мелкими дѣятелями въ составѣ канцеляріи намѣстника. Постановленіе о сборищахъ (8 апрѣля) 27 марта 1861 г., которымъ гордился Вѣлёпольскій и которое передавало въ руки органовъ вѣдомства гражданской юстиціи всѣ уличные безпорядки, считалось какъ бы несуществующимъ. Циркуляромъ намѣстника отъ 9 іюля, на основаніи того, что еще въ 1833 г. объявлена была вся страна въ осадномъ положеніи, всѣ дѣла не только о государственныхъ преступленіяхъ, но и о преступленіяхъ противъ порядка управленія переданы въ вѣдѣніе военно-слѣдственныхъ и судныхъ комиссій; воинскіе начальники арестовали и ссылали административнымъ порядкомъ кого хотѣли, не спуская даже и чиновникамъ за дѣйствія ихъ по службѣ. Особенно по этой части отличился воинскій начальникъ въ Сувалкахъ Рудановскій. На жалобы Вѣлёпольскаго отвѣчаемо было личными къ нему притязаніями за всякую пропущенную цензурою газетную статью, судящую о современныхъ событіяхъ, за неточный переводъ застольной рѣчи Сухозанета на офиціальномъ обѣдѣ, вслѣдствіе передачи словъ: „besoins et intérêts du pays“ словами: „potrzeby i życzenia kraju“, за разрѣшеніе духовенству справлять панихиды по великомъ историческомъ лицѣ, имя котораго, будучи вплетено въ величайшія событія первыхъ 30 лѣтъ прошлаго столѣтія, возбуждало тысячи воспоминаній и въ душѣ поляка, и въ душѣ русскаго, а именно, по умершемъ въ Парижѣ на выходствѣ бывшемъ министрѣ россійской имперіи и личномъ другѣ Александра I-го, князѣ Адамѣ Чарторыскомъ. На постъ вице-предсѣдателя государственнаго совѣта генералъ Сухозанетъ предполагалъ назначить варшавскаго генералъ-губернатора. Чаша неудовольствій переполнилась, и Вѣлёпольскій рискнулъ ускорить развязку, подавая 26 (14) іюня прошеніе объ отставкѣ. Прежде нежели это прошеніе дошло по

назначенію, телеграфомъ передано предписаніе маркизу остаться на своемъ посту до прибытія новаго намѣстника, графа Ламберта. Послѣдніе дни пребыванія Сухозанета въ Варшавѣ ознаменованы были такимъ поруганіемъ власти, такимъ ея разложеніемъ, какому не бывало до сихъ поръ примѣровъ. Въ публикѣ обращались почти открыто первые нумера подпольной „Стражницы“; въ два табельные дня 3 и 8 августа публика въ костелахъ мѣшала молебствію, а вечеромъ камнями съ улицы разбиваемы были окошки въ домахъ, гдѣ замѣчалась зажигаемая жителями иллюминація. На 11-е августа н. ст. руководителями движенія условлена громадная народная манифестація въ память годовщины люблинской уніи, т. е. соединенія Литвы съ Польшею въ 1569 году. Наканунѣ того дня, печатные плакаты возвѣстили распоряженіе начальника края, запрещающее на слѣдующій день торжественныя богослуженія въ церквахъ, иллюминаціи, и предписывающее держать всѣ магазины открытыми. Тридцать тысячъ вооруженнаго войска выведены для исполненія этихъ предписаній и расположены на главныхъ улицахъ и площадяхъ. Ни одно изъ распоряженій однако исполнено не было, полиція отступила предъ матеріальною невозможностью взламывать двери всѣхъ лавокъ, вся Варшава высыпала на улицу въ разноцвѣтныхъ праздничныхъ нарядахъ, пѣлись всевозможныя запрещенныя пѣсни, вечеромъ городъ горѣлъ огнями. На прощальномъ обѣдѣ передъ офицерами Сухозанетъ, какъ говорятъ, признавался, что онъ человѣкъ стараго покроя, не сладившій со страною, которая больна и съ которою слѣдуетъ обращаться какъ съ больною, но что онъ сходитъ съ поприща съ тѣмъ только утѣшеніемъ, что не довелъ дѣло до кровопролитія. Я былъ въ Варшавѣ вскорѣ послѣ событія и не могу не привести слѣдующихъ словъ, записанныхъ мною тогда же 8 (20) августа 1861 г. въ моей записной книжкѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ минуты: „Порядокъ висѣлъ на волоскѣ, держался на остріѣ иголки, зависѣлъ отъ какой-нибудь задорной торговки, отъ столкновенія улич-

ныхъ мальчишекъ съ полиціантами. Если не случилась катастрофа, то лишь благодаря тому, что при всей ненависти къ правительству и при рѣшимости не подчиниться ему, существуетъ безусловное, слѣпое послушаніе толпы въ отношеніи къ первому встрѣчному студентику, который скомандуетъ: господа, расходитесь,—не останавливайтесь!— Одинъ изъ летучихъ листковъ обозвалъ это состояніе общества *студентократіей*. Юноши перестали учиться, но привыкли весьма быстро функціонировать въ роли полиціи. Наблюдая это послушаніе публики къ самозваннымъ руководителямъ, командующимъ ею, русскіе въ Варшавѣ и даже поляки пріѣзжіе глубоко увѣрены въ томъ, что независимо отъ настоящаго существуетъ другое, вполнѣ организованное, подпольное, революціонное правительство, которому всѣ подчинены. Между тѣмъ, никакой подобной цѣльной организаціи не имѣется, а существуетъ при относительно весьма незначительномъ количествѣ шальныхъ головъ, лѣзущихъ въ огонь, несмѣтное число маленькихъ группъ, союзовъ, клубовъ, съ утра до ночи занятыхъ политикой и старающихся сдержать движеніе на легальной почвѣ и не допускать его до открытаго нападенія на власть. Эти несмѣтныя группы, не сносясь съ собою, дѣйствуютъ въ одномъ направленіи, стремятся къ одной цѣли; но каждая, встрѣчая поддержку въ другихъ, умозаключаетъ, что за его плечами стоитъ весь народъ, отчего и проистекаетъ общераспространенное чувство какой-то страшной силы и надежда на удачу самыхъ невѣроятныхъ плановъ и замысловъ, выжиданіе того, что грядетъ нѣчто несказанно великое, и совершенное равнодушіе къ тому, какими это великое осуществится способами и путями, точно оно случится какимъ-то чудомъ, точно сами собою станутъ распутываться событія. Классъ, по своей профессіи проповѣдывающій чудеса (духовенство), а потому живущій мысленно въ мірѣ полуфантастическомъ, всего сильнѣе возбуждаетъ остальныя состоянія къ движенію. Когда я искалъ подходящей характеристики для опредѣленія настоящей стадіи движенія, то мой другъ Юргенсъ

далъ ему имя, назвавъ его политическимъ онанизмомъ. Болѣе мѣткаго выраженія нельзя и придумать".

XX.

Съ августа по ноябрь 1861 г. Намѣстники: графъ Ламбертъ, опять Сухозанетъ и Лидерсъ. Маркизъ подаетъ въ отставку.

Новый правитель страны, находившейся въ столь ненормальномъ положеніи, К. К. Ламбертъ не ѣздилъ, какъ его предшественникъ, въ сопровожденіи полусотни кубанскихъ казаковъ; онъ даже совсѣмъ отказался отъ конвоя и былъ ко всѣмъ необычайно любезенъ, доступенъ и мягокъ. Варшавскому населенію онъ приходился по душѣ, какъ французъ по происхожденію и римскій католикъ, притомъ какъ человѣкъ самыхъ утонченныхъ манеръ и самаго высокаго общества. Вдобавокъ его одушевляли самыя благія и гуманныя намѣренія; онъ бы желалъ удовлетворить и умиротворить край безъ кровопролитія, однѣми только мѣрами убѣжденія, широкими свободами, подкупить общество выраженіемъ къ нему совершеннѣйшаго довѣрія. Въ немъ должно было естественно родиться и желаніе сойтись съ этимъ обществомъ непосредственно, минуя Вѣлёпольскаго и даже пожертвовавъ симъ послѣднимъ, о крутомъ нравѣ котораго и непопулярности протрубили ему уши люди всѣхъ направленій и оттѣнковъ, съ которыми онъ поочередно сближался, такъ что онъ могъ и въ самомъ дѣлѣ утвердиться въ мысли о томъ, не служитъ ли маркизъ помѣхою русско-польскому сближенію. Въ кабинетѣ намѣстника и его гостиной бывали и вліятельнѣйшіе изъ членовъ бывшей городской делегаціи и люди изъ земледѣльческаго общества и даже лица весьма красноватаго оттѣнка. Лисицкій (A. W. II, 224) утверждаетъ, что Вѣлёпольскій зналъ о содержаніи ихъ записокъ и о дѣлаемыхъ подъ него съ этой стороны подкопахъ и проникалъ намѣренія людей изъ бѣлой партіи,

ставящихъ на своемъ знамени имя А. Замойскаго и работающихъ съ расчетомъ на то, что когда низвергнутъ будетъ маркизъ, а Замойскій по своему обыкновенію откажется отъ должности, то и на ихъ улицѣ будетъ праздникъ, и что и они тогда доберутся до власти. По словамъ Лисицкаго, маркизъ относился равнодушно къ этимъ проискамъ и поговаривалъ только: „пускай себѣ хлопочутъ“ (niech się tam sobie starają). Это высокомѣрное равнодушіе великана къ лиллипутамъ проистекало у Вѣлёпольскаго не только изъ чувства собственнаго достоинства, но, вѣроятно, и изъ глубокаго пониманія характера намѣстника. Вѣлёпольскій постигъ тайну этой души, благонамѣренной, но нерѣшительной, вѣчно колеблющейся между внушеніями военнаго кружка, предлагающаго крутыя мѣры, суровость и провозглашеніе осаднаго положенія, совѣтами противниковъ маркиза — поляковъ, и системою маркиза. Дни уходили за днями, а тотъ, котораго Вѣлёпольскій называлъ „своимъ Гамлетомъ“, не могъ прійти ни къ какому практическому заключенію. Изъ всѣхъ людей, съ которыми намѣстникъ, какъ новый человѣкъ въ царствѣ, входилъ въ сношенія, у одного только Вѣлёпольскаго имѣлась система дѣйствія послѣдовательная и цѣльная, для осуществленія которой по значительно испортившемуся положенію вещей и настроенію умовъ требовались и мѣры новыя, выходящія немного за предѣлы мартовскихъ концессій, но которыя несомнѣнно были бы тотчасъ же разрѣшены, потребуй ихъ только намѣстникъ. Маркизъ понималъ, что невозможно управлять безъ согласнаго министерства или кабинета, а кабинета нѣтъ безъ премьеръ-министра; онъ того и требовалъ, онъ домогался для себя мѣста предсѣдателя въ совѣтѣ управленія и вице-предсѣдателя въ государственномъ совѣтѣ. Онъ требовалъ также полнаго отдѣленія части гражданской отъ военной, съ устраненіемъ вмѣшательства военнаго элемента въ ходъ гражданскаго управленія, иными словами, упраздненія милитарной системы управленія, не прекратившейся, несмотря на мартовскія концессіи. Послѣдовательное осу-

ществленіе этого начала потребовало бы упраздненія должности варшавскаго военнаго генералъ-губернатора, занимаемой пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ графомъ Ламбертомъ генераломъ Александромъ Даниловичемъ Герштенцвейгомъ, и ограниченія круга вѣдомства особой канцеляріи намѣстника дѣлами чисто военной администраціи. Вѣлёпольскій предлагалъ еще ускорить выборы въ уѣздные и городскіе совѣты, возстановить дѣленіе царства на 8 воеводствъ, открыть народный польскій театръ; онъ отказывался отъ цензуры, но домогался учрежденія въ Варшавѣ вмѣсто офиціальной газеты особаго „Всеобщаго Дневника" на польскомъ языкѣ, который бы былъ настоящимъ литературнымъ и политическимъ органомъ правительства и проводилъ бы его желанія и идеи.

Малая только часть предложеній, исходившихъ отъ маркиза, была удовлетворена: слѣдствія получили болѣе правомѣрный ходъ съ порученіемъ ихъ смѣшаннымъ гражданско-военнымъ комиссіямъ; сдѣланы приготовленія къ открытію театровъ; разрѣшены приготовительные курсы въ университетъ, чтобы чѣмъ-нибудь занять стремящуюся получить высшее образованіе молодежь; наконецъ сталъ издаваться, подъ непосредственнымъ руководствомъ Вѣлёпольскаго и даже при его литературномъ сотрудничествѣ, по части передовыхъ статей, ежедневный Dziennik powszechny, — затѣя, насчетъ полезности которой маркизъ сильно ошибался и которая во многомъ ему вредила, но едва ли въ чемъ-либо помогла. Нормальныя средства дѣйствія правительства на народъ — это указы и законы, но не печать. Правительство, считающееся съ общественнымъ мнѣніемъ, должно предоставить печати спокойный критическій разборъ своихъ мѣропріятій, но никогда еще ни одно правительство не обрѣталось въ авантажѣ, когда сходило съ своего возвышеннаго сѣдалища и появлялось между полемизирующими бойцами пера на литературной аренѣ. Въ странахъ съ вполнѣ развившимся парламентаризмомъ бываютъ всегда органы, поддерживающіе правительство, но не оно ихъ создаетъ; вслѣдствіе того, что

парламентаризмъ обозначаетъ управленіе страною преобладающей численно партіи, когда извѣстная партія получаетъ власть, то вмѣстѣ съ тѣмъ и ея òрганы поступаютъ, такъ сказать, въ добровольное служеніе правительству, пока вожаки партіи будутъ стоять у руля государственнаго корабля. Но предположимъ, что у правительства нѣтъ партіи, тогда основаніемъ òргана оно этой партіи не создастъ; обладай его писатели острѣйшими перьями и выдающимися талантами, оно останется въ накладѣ по очень простымъ причинамъ: что оно должно быть сдержанно, между тѣмъ, какъ частный òрганъ тѣмъ шибче расходится, чѣмъ болѣе онъ страстенъ; что если оно рѣшится писать рѣзко и хлестко, то найдутся мастера, которые его непремѣнно превзойдутъ; что одинъ въ полѣ не воинъ — nec Hercules contra plures; наконецъ, что промахи и ошибки частнаго òргана остаются на личной отвѣтственности неумѣлыхъ писавшихъ, но каждая маломальски безтактная выходка правительственнаго òргана становится новымъ пунктомъ въ обвинительномъ актѣ, который всегда наготовѣ у всякой оппозиціи. Маркизъ не могъ найти въ средѣ варшавскихъ литераторовъ подходящаго редактора и долженъ былъ поручить эту должность предсѣдателю цензурнаго комитета, Ф. М. Собѣщанскому, и заставить писать статьи чиновниковъ правительственныхъ комиссій. Впослѣдствіи времени въ сотрудники завербованъ бойкій и вызывающій фельетонистъ Александръ Минишевскій изъ радикаловъ, обратившійся въ сторонники маркиза. Чѣмъ характернѣе становилась газета, вслѣдствіе того, что чрезъ нее проглядывала личность самого Вѣлёпольскаго, тѣмъ больше снискивалъ òрганъ ему враговъ, никого не обращая въ свою вѣру. Публика не пошла и въ театръ, несмотря на то, что ставились серьёзныя и патріотическія пьесы, въ прежнее время запрещаемыя. Какъ опасно было держать сторону маркиза, это испыталъ въ 1863 г. Минишевскій, когда въ маѣ его закололи на его же квартирѣ кинжальщики. Ни упраздненія генералъ-губернаторства, ни созданія согласнаго кабинета Вѣлёпольскій

не достигъ, онъ долженъ былъ ограничиваться своими непосредственными предметами вѣдомства по двумъ комиссіямъ, внутреннихъ дѣлъ и просвѣщенія съ исповѣданіями. Намѣстникъ самъ въ союзѣ съ представителями бѣлой партіи довелъ до конца, не безъ труда, въ сентябрѣ 1861 г., выборы въ уѣздные и городскіе совѣты, несмотря на усилія красныхъ помѣшать этимъ выборамъ (Записки Н. Берга, 345. żywot i czyny A. W., przez Epsilona. Poznań 1897, стр. 39). Безъ скандальныхъ сценъ не обошлось, въ особенности въ Варшавѣ; но когда сошли эти выборы, то оказалось, что не разрѣшена еще вовсе задача правительства, что, несмотря на всѣ желанія намѣстника угождать населенію и быть популярнымъ, и даже несмотря на всѣ старанія бѣлой партіи, при содѣйствіи его, войти въ составъ правительства и упрочиться у власти, народное движеніе стремится неудержимо впередъ, разстраивая всякіе расчеты и опрокидывая всякія препятствія. Оно стало пріобрѣтать характеръ особенно опасный, разрушающій программу маркиза въ самомъ ея корнѣ, дѣлающій просто немыслимымъ полюбовное разрѣшеніе вѣкового русско-польскаго спора. Вѣлёпольскій локализировалъ польскій вопросъ въ предѣлахъ царства польскаго; онъ бралъ за исходную точку конституціонную хартію 1815 г., какъ законодательный актъ россійскаго монарха, данный сознательно, добровольно и по убѣжденію дававшаго, не противный интересамъ Россіи. Для агитаторовъ хартія 1815 г. была нипочемъ, а воскресало время несравненно болѣе отдаленное, представлялись воображенію границы 1772 г.; при собственной слабости грезилась поддержка западной Европы, т. е., собственно говоря, надежда на Наполеона III, столь недавно помогшаго Италіи свергнуть австрійское иго. По воспитанію, по своей политической выправкѣ, люди того поколѣнія, съ весьма рѣдкими изъятіями, были падки на искушенія этого рода, дѣйствовавшія на нихъ неотразимо. Это поколѣніе выросло подъ 30-ти-лѣтнимъ гнетомъ вдали отъ практическаго дѣла, но съ затаенною мыслью о реставраціи и повстаніи. Оно теперь дипломатизировало

между двухъ теченій, прислушиваясь, съ одной стороны, какой вѣтеръ дуетъ изъ Петербурга, съ другой, что̀ говорятъ въ Тюльери. Для нихъ вопросъ представлялся какъ отпаденіе отъ Россіи, при чемъ одна только была забота— выждать подходящее время. Это были въ полномъ смыслѣ слова *полулюди,* какъ выразился Вѣлёпольскій въ своихъ мысляхъ и замѣчаніяхъ 1835 г. (IV) „столь же запутанные сами въ себѣ, какъ и порядокъ дѣлъ, составляющій стихію, въ которой они плаваютъ". Если гр. Ламбертъ имѣлъ намѣреніе опереться на этого рода людей, полагая, что они помогутъ обуздать революцію, то онъ долженъ былъ весьма скоро разубѣдиться, когда, несмотря на его авансы лицамъ, считаемымъ имѣющими авторитетъ въ обществѣ польскомъ, произведены были въ одинъ и тотъ же день, 10-го октября (29-го сентября) 1861 г., двѣ колоссальныя вызывающаго свойства демонстраціи: одна — въ Городлѣ въ память начала уніи Польши съ Литвою, выразившагося въ грамотѣ Ягеллы, подписанной въ Городлѣ 1413 г., по которой бояре и служилые люди литовскіе получили права польской шляхты; а другая въ Варшавѣ, по случаю похоронъ умершаго архіепископа Фіалковскаго. Двинувшуюся изъ Устилуга, волынской губерніи, процессію не пропустилъ въ Городлю, разставивъ войска, генералъ Хрущовъ, но съ его же разрѣшенія богослуженіе совершилось въ открытомъ полѣ, при чемъ надъ импровизованнымъ алтаремъ взвились принесенныя тайно и водруженныя на̀скоро на шестахъ знамена всѣхъ бывшихъ воеводствъ бывшей Рѣчи-Посполитой. Помѣщичій элементъ былъ сильно представленъ на съѣздѣ и сообщилъ манифестаціи внушительный характеръ (Зап. Берга, 352—360). По случаю похоронъ архіепископа, генералъ-губернаторъ и Вѣлёпольскій совѣтовали составить программу похоронъ, по возможности простую, и исполнить ее буква въ букву, но по ходатайству духовенства въ за̀мкѣ, намѣстникъ разрѣшилъ самому обществу, въ лицѣ особаго комитета, составить иную программу, послѣ чего утвердилъ ее и обѣщалъ самъ быть на похоронахъ, полагаясь на то, что не

будетъ никакихъ сверхъ програмы добавленій. Но агитація оказалась, какъ всегда до сихъ поръ бывало, сильнѣе офиціальныхъ организаторовъ обряда. Намѣстникъ долженъ былъ снять мундиръ и превратиться въ простого зрителя, когда развернулся кортежъ неслыханной длины, монструозный, когда понесли на подушкахъ терновые вѣнки, какія-то двѣ короны, гербы: польскаго бѣлаго орла и литовскаго ѣздока (pogoń), покрытые крепомъ, а надъ головами толпы поднялись знамена съ тѣми же гербами и національными цвѣтными лентами. На другой день, съѣхавшіеся на похороны со всѣхъ частей царства, представители общества справляли обѣдъ съ рѣчами въ Европейской гостиницѣ; угощаемы были крестьяне и отвозимы на желѣзнодорожныя станціи въ омнибусахъ со знаменами. Вдобавокъ новая манифестація условлена на 15-е октября въ память Косцюшки (Зап. Берга, 361—366). Тогда оказалось, что мѣра терпѣнія у намѣстника исчерпана: въ засѣданіи совѣта управленія 1-го (13) октября 1861 г. онъ объявилъ, что получилъ приказаніе изъ Петербурга поставить царство польское на военное (осадное) положеніе (по словамъ Лисицкаго (Le marquis W. II, 235), особаго приказанія не было, а намѣстникъ дѣйствовалъ только въ силу данныхъ ему напередъ полномочій). Съ маркизомъ намѣстникъ обошелся въ этомъ засѣданіи рѣзко, онъ его упрекалъ въ возстановленіи противъ правительства дворянства, духовенства, отцовъ семействъ и молодежи (Le marquis W. II, 236). Условлено дать функціонировать при военномъ положеніи государственному совѣту, уже открытому намѣстникомъ перваго числа октября, а также допустить дѣйствовать городскіе совѣты, повременить только съ открытіемъ уѣздныхъ. 2-го (14-го) октября, утромъ, военное положеніе было распубликовано, съ воспрещеніемъ публикѣ сходиться на улицахъ и разговаривать въ числѣ болѣе трехъ человѣкъ, съ спеціальнымъ предписаніемъ, если произойдутъ сборища въ церквахъ, окружать костелы войскомъ, а когда служба кончится и народъ станетъ выходить, арестовать всѣхъ взрослыхъ мужчинъ. На слѣдую-

щій день, 3-го (15-го) октября, съ ранняго утра народъ наполнилъ церкви св. Креста на Краковскомъ предмѣстьи, соборную церковь св. Яна и бернардинскую — обѣ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ зàмкомъ, и богослуженіе отправлено со всѣми церемоніями и пѣніемъ гимновъ. Войско оцѣпило костелы, чтобы арестовать выходящихъ — никто не выходилъ; вошедшіе туда продержались за полночь. Ходили слухи, что духовенство съ прелатомъ Бялобржескимъ, заступавшимъ временно вакантное мѣсто послѣ Фіалковскаго, намѣрено устроить ночную процессію, чтобы выручить осажденныхъ въ церквахъ. Съ этими извѣстіями явился ночью въ зàмокъ генералъ Хрулевъ и, въ отсутствіи уѣхавшаго къ себѣ на домъ Герштенцвейга, убѣдилъ намѣстника измѣнить опубликованный приказъ и ускорить развязку. Послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы офицеры вошли въ оцѣпленныя церкви съ невооруженными командами солдатъ и арестовали кого тамъ застанутъ. Когда это новое распоряженіе стало приводиться въ исполненіе, то церковь св. Креста оказалась пустою, у бернардиновъ сидѣвшіе въ осадѣ бросали въ солдатъ шандалами, скамейками, такъ что пришлось дѣйствовать противъ сопротивляющихся съ оружіемъ въ рукахъ. Въ соборѣ св. Яна, куда въ 4 часа ночи вошли съ войсками Герштенцвейгъ и пріѣхавшій организовать полицію въ Варшавѣ генералъ Потаповъ, внутренность горѣла огнями, и духовенство справляло служеніе, которому положили конецъ аресты, между тѣмъ, какъ кто-то изъ участвовавшихъ въ демонстраціи ударилъ съ колокольни собора въ большой колоколъ. Арестовано отъ 2 до 3 тысячъ человѣкъ, которые отведены въ зàмокъ, а потомъ въ цитадель. На слѣдующій же день пущенъ изъ римско-католической консисторіи циркуляръ съ объявленіемъ, можно сказать, войны со стороны варшавскаго духовенства правительству, въ формѣ закрытія по распоряженію администратора архіепархіи двухъ костеловъ: св. Яна и бернардинскаго, по причинѣ оскверненія ихъ, а равно и закрытіи временно всѣхъ вообще храмовъ Божіихъ впредь до особаго распо-

ряженія, которое обусловлено полученіемъ гарантій въ томъ, что эти храмы не подвергнутся поруганію. Совершилось то, чего больше всего опасался Вѣлёпольскій; начался явный конфликтъ между государствомъ и церковью, самый непріятный и безпокойный, на мало извѣстной свѣтской власти почвѣ каноническаго права. Государство могло судить духовныхъ какъ бунтовщиковъ; оно уже по пріѣздѣ въ Варшаву Лидерса арестовало и предало Бялобржескаго военному суду, но духовные могли, съ своей стороны, ставить себя мучениками, и возникалъ открытый вопросъ: чтò было въ данномъ случаѣ — бунтъ или оскорбленіе святыни? вопросъ тѣмъ болѣе непріятный, что до рѣшенія его на Варшавѣ, а, можетъ быть, и на всемъ царствѣ польскомъ, лежалъ бы церковный интердиктъ съ пріостановкою на неопредѣленное время церковныхъ требъ и богослуженія, зло очень тяжкое и поправимое только чрезъ сношенія съ Римомъ, которыя вовсе не были легки при натянутыхъ отношеніяхъ съ папскимъ престоломъ. Намѣстникъ рѣшился на строгости, но онъ не предусмотрѣлъ борьбы съ идеальною силою, которую представляла церковь, какъ религія. Вся бодрая рѣшимость оставила варшавскаго „Гамлета“, и онъ послалъ за Вѣлёпольскимъ съ цѣлью добиться, при его посредствѣ, отъ духовенства отмѣны распоряженія о повсемѣстномъ закрытіи варшавскихъ церквей.

Въ провозглашеніи военнаго положенія Вѣлёпольскій не участвовалъ, объ арестахъ въ церквахъ ночью съ 15-го на 16-е октября не зналъ, утромъ 16-го съ большимъ трудомъ удалось ему чрезъ Ѳому Потоцкаго убѣдить временныхъ членовъ государственнаго совѣта (изъ обывателей), чтобы они не разъѣзжались изъ Варшавы въ самый тотъ моментъ, когда коренные законопроекты о реформахъ шли на докладъ въ общемъ собраніи совѣта. Отъ личнаго посредничества между намѣстникомъ и духовенствомъ маркизъ умылъ себѣ руки, замѣтивъ, что его вмѣшательство только бы затруднило переговоры. Онъ указалъ на директора отдѣленія исповѣданій Сольницкаго. Намѣст-

никъ соглашался выпустить на свободу лицъ, арестованныхъ въ ночь на 16-е октября, и давалъ слово, что на будущее время войска и полиція не будутъ силою входить и дѣйствовать внутри церквей. Администраторъ и нѣкоторые члены епархіальнаго капитула склонялись помириться на этихъ условіяхъ и открыть церкви для богослуженія, но агитаторы, которыхъ мировая вовсе не устраивала, взяли верхъ и настояли на томъ, чтобы, предварительно открытію церквей, опубликовано было данное намѣстникомъ слово, какъ формальное его обязательство. Намѣстникъ отвергъ это унизительное условіе и прервалъ переговоры, но между тѣмъ распорядился объ освобожденіи всѣхъ почти заарестованныхъ въ ночь на 16-е октября кромѣ коноводовъ, такъ что изъ арестованныхъ освобождено $^{9}/_{10}$, а подъ стражею осталась только $^{1}/_{10}$. Духовенство, согласно циркуляру, запечатало два костела св. Яна и бернардиновъ, и заперло всѣ остальные, такъ что на Рождество 1861 г. желавшіе причащенія варшавяне должны были отправляться за городъ (Dzien. powsz. 1861, № 73). По дѣлу о возникшемъ конфликтѣ въ совѣтѣ управленія превозмогло мнѣніе, противное предложенію Вѣлёпольскаго, который совѣтовалъ соблюсти законность и отнестись въ Римъ объ уничтоженіи выбора Бялобржескаго въ администраторы. Совѣту этому не послѣдовали; уже по отъѣздѣ Вѣлёпольскаго Лидерсъ заключилъ подъ стражу Бялобржескаго и отставилъ его своею властью отъ должности, что было сопряжено съ нарушеніемъ законовъ о правахъ капитула, потомъ предложилъ капитулу избрать новаго администратора, чего капитулъ не исполнилъ. Перекрещивающіяся распоряженія намѣстника, въ которыхъ отражались всѣ его колебанія, получили неожиданную и трагическую развязку. Въ полдень 15-го октября Герштенцвейгъ узналъ, что по распоряженію намѣстника отпущены на волю почти всѣ тѣ лица, которыхъ пришлось ему ночью, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, арестовать при свалкѣ съ народомъ и подъ гудѣніе набата. Человѣкъ энергичный и рѣшительный, онъ былъ

до глубины души возмущенъ этимъ, по его мнѣнію, постыднымъ и соблазнительнымъ отступленіемъ назадъ передъ мятежомъ. Онъ поѣхалъ тотчасъ же въ зáмокъ и имѣлъ съ глазу на глазъ продолжительное и крупное объясненіе съ графомъ Ламбертомъ, содержаніе котораго остается донынѣ тайною. На другой день, 17-го (5) октября, утромъ въ 7 часовъ, Герштенцвейгъ пустилъ себѣ двѣ пули въ лобъ, но остался живъ еще въ теченіе цѣлыхъ 19 дней; онъ умеръ 5-го ноября (24-го октября). Послѣ катастрофы съ Герштенцвейгомъ у намѣстника произошла еще одна, и то послѣдняя, вспышка гнѣва, ознаменовавшаяся 19-го (7) октября многочисленными арестами даже между людьми, которые радушно принимаемы были въ зáмокъ (арестованы, между прочимъ, прелаты Вышинскій и Стецкій), но затѣмъ графъ Ламбертъ окончательно изнемогъ, кровь у него лилась горломъ изъ легкихъ; болѣе походилъ на тѣнь, нежели на живого человѣка и, оставивъ Варшаву, ни съ кѣмъ не простясь, 23-го октября онъ уѣхалъ прямо за границу на островъ Мадеру, гдѣ и умеръ вскорѣ отъ чахотки. Утромъ въ день выѣзда, принявъ, лежа въ постели, маркиза Вѣлёпольскаго, онъ ему возвѣстилъ, что управленіе страною опять переходитъ временно въ руки возвращающагося изъ-за границы Сухозанета. Съ Сухозанетомъ Вѣлёпольскій не хотѣлъ вовсе служить и тутъ же попросилъ графа Ламберта объ увольненіи его отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, послѣ чего пересталъ совсѣмъ бывать въ совѣтѣ управленія, но воспользовался неполученіемъ еще отставки, во-первыхъ, чтобы открыть 28-го (16) октября приготовительные курсы въ университетъ и, во-вторыхъ, чтобы напечатать, для оправданія себя передъ обществомъ и обнародованія своей программы, два заготовленные законопроекта устава о воспитаніи и закона объ обязательномъ очиншеваніи крестьянъ. Сухозанетъ злился на это оглашеніе и, обративъ взысканіе на редактора „Всеобщаго Дневника“, Собѣщанскаго, продержалъ его подъ арестомъ недѣлю. Пререканія намѣстника съ ходатайствующимъ объ отставкѣ министромъ обострились

и дошли до личностей. Маркизъ предупреждалъ намѣстника черезъ третье лицо, ссылаясь на законъ: „я иногда бываю дерзокъ, но я не опрометчивъ“ (je suis quelquefois téméraire, mais jamais étourdi). Сухозанетъ запретилъ выѣздъ изъ Варшавы и отпускъ почтовыхъ лошадей сыну Вѣлёпольскаго Сигизмунду, отправлявшемуся въ С.-Петербургъ; запрещеніе это было вскорѣ снято, оно дано было только въ виду того, чтобы дать генералу Потапову, отправляемому въ Петербургъ съ донесеніями о положеніи дѣлъ въ Варшавѣ и съ жалобами на Вѣлёпольскаго, возможность предупредить въ Петербургѣ Сигизмунда Вѣлёпольскаго. Рѣшеніе пререканія ожидаемо было изъ Петербурга съ напряженнымъ вниманіемъ. Ожидали сухой отставки Вѣлёпольскаго; къ крайнему огорченію Сухозанета, вмѣсто отставки Вѣлёпольскаго, получена 1-го ноября н. ст. въ Варшавѣ бумага, вызывающая его въ Петербургъ для личныхъ объясненій. Раздраженіе Сухозанета выразилось въ отказѣ Вѣлёпольскому взять съ собою чиновника вѣдомства просвѣщенія Видаля, въ предписаніи маркизу сдать немедленно оба портфеля народнаго просвѣщенія и исповѣданій Ромуальду Губе, и юстиціи—каштеляну Дембовскому. 3-го ноября (22-го октября) Вѣлёпольскій уже собрался въ путь, довольно утомительный, такъ какъ желѣзнодорожнаго сообщенія еще не было. Нѣсколько дней спустя, 8-го ноября (27-го октября) Сухозанетъ дождался преемника въ лицѣ извѣстнаго и по венгерской войнѣ, и по командованію крымскою арміею, послѣ отбытія Горчакова съ 27-го декабря 1855 г. до заключенія парижскаго мира, генерала Лидерса. Съ пріѣздомъ Вѣлёпольскаго въ сѣверную столицу, польскій вопросъ вступилъ въ новый фазисъ, соотвѣтствующій послѣдней попыткѣ со стороны русскаго правительства дать русско-польскому конфликту мирное рѣшеніе, развязавъ его полюбовно.

XXI.

Съ ноября 1861 г. по іюнь 1862 г. Дѣятельность Вѣлёпольскаго въ Петербургѣ. Реформы. Новое его назначеніе начальникомъ гражданскаго управленія.

Политическія идеи Вѣлёпольскаго находили немного сочувствія и отголосковъ въ Варшавѣ, царствѣ польскомъ и за западной границей Россіи и еще менѣе явныхъ сторонниковъ, рѣшавшихся сказать, что они эти идеи раздѣляютъ. Но гораздо легче въ то время, предшествовавшее повстанью 1863 г., онѣ принимались, укоренялись и всходили на почвѣ русскаго общества, по особеннымъ причинамъ, существовавшимъ только въ этотъ моментъ, но не повторившимся уже впослѣдствіи. При появленіи маркиза въ Петербургѣ, лицо его дѣлалось интереснымъ и популярнымъ между русскими образованными людьми разныхъ оттѣнковъ и партій. Положеніе польскаго реформатора, не знающаго ни слова по-русски и очутившагося впервые въ жизни, на самомъ склонѣ лѣтъ и въ концѣ многотруднаго поприща, въ сѣверной столицѣ, было въ высшей степени новое и оригинальное, лишенное всякихъ точекъ сравненія въ прошломъ. Петербургъ много видалъ поляковъ со временъ Екатерины II, но такого еще не видалъ. При Екатеринѣ II забѣгали въ Петербургъ и патріоты, стремящіеся къ Польшѣ и къ возрожденію, и тарговичане, послѣдніе въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ первые. Въ Петербургѣ содержались также не по доброй волѣ плѣнные: Косцюшко и его товарищи. Потомъ въ весьма интимныхъ бесѣдахъ императора Александра I съ молодымъ Адамомъ Чарторыскимъ, они мечтали о возстановленіи умершей, но не забытой ея сынами Польши подъ сѣнію и скипетромъ Россійскихъ самодержцевъ. Конгрессовое королевство 1815 г. было только ядромъ, вокругъ коего могли въ будущемъ сгруппироваться части бывшей Польши, прусскія и австрійскія. Заманчиво и неопредѣленно выражался императоръ Александръ о западной

окраинѣ и ея возможномъ соединеніи съ конгрессовкой. Въ этихъ надеждахъ Чарторыскаго и поляковъ будущее строилось на личности императора и на династическихъ интересахъ дома Романовыхъ, при чемъ не было обращаемо никакого вниманія на общество русское, на его особые интересы, на его мнѣніе, на то неудовольствіе, котораго не можетъ не возбудить большая доля самодѣятельности, предоставленной вѣчно вспоминающимъ о своемъ нерусскомъ прошломъ, въ сравненіи съ правами, коими пользовались коренные вѣрноподданные, единокровные съ монархомъ. Во всякомъ случаѣ, государемъ приближаемы были къ своему престолу люди изъ среды общества польскаго самые знатные, самые популярные, считаемые представителями чувствъ, одушевляющихъ интеллигентную часть польскаго общества, его высшіе классы и въ особенности дворянство, на которое опиралось правительство и на западной окраинѣ, и въ срединѣ имперіи, и которое давало тонъ и окраску всему управленію.

Въ 1861 году обстоятельства сильно измѣнились, и карты перемѣшались. Крѣпостной трудъ упразднялся, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и положеніе дворянства существенно ухудшилось въ матеріальномъ отношеніи и становилось шаткимъ. Не столь далеко идущій по аграрному вопросу, нежели русскіе радикалы, которые мысленно подсѣкали дерево дворянства, крѣпко стоящаго за свою сословную исключительность, Вѣлёпольскій лучше понималъ политическія условія демократическаго устройства, немыслимаго безъ тѣснѣйшаго союза интеллигенціи съ народомъ. Вся его политическая программа была въ сущности демократическая, и въ этомъ отношеніи она совпадала, какъ нельзя лучше, съ общимъ настроеніемъ эпохи, съ наибо̀льшимъ развитіемъ въ этотъ моментъ въ Россіи гуманныхъ общеевропейскихъ идей, при посредствѣ которыхъ обновляемъ былъ во всѣхъ частяхъ государственный строй, съ цѣлью дать болѣе простора правамъ личности. Хотя по рожденію аристократъ, Вѣлёпольскій былъ весь пропитанъ принципами 1789 года; изъ исторіи Польши онъ

заимствовалъ глубокое отвращеніе къ бюрократическимъ пріемамъ и порядкамъ, въ чемъ опять онъ встрѣчался съ общимъ теченіемъ мысли въ Россіи, съ относящимися къ тому времени первыми систематическими усиліями подтачивать корни чрезмѣрно разросшагося растенія, которое, поглощая въ себѣ всѣ жизненные соки, становилось все болѣе и болѣе плотною преградою, отдѣляющею престолъ отъ народа. Онъ не имѣлъ чина и только въ декабрѣ 1861 г., при отставкѣ, удостоенъ былъ первыхъ орденскихъ знаковъ Бѣлаго Орла. Извѣстно, въ какомъ затрудненіи нашлись чины двора при назначеніи ему мѣста, при представленіи государю въ день новаго 1862 г.; извѣстно также, какъ онъ вышелъ изъ этого затрудненія, ставъ возлѣ представлявшихся лицъ дипломатическаго корпуса (Le marquis W. II, 267). При Высочайшемъ дворѣ онъ не изображалъ собою какой бы то ни было партіи, заявляющей въ его лицѣ готовность служить правительству, напротивъ того, онъ несъ на себѣ, завѣдомо о томъ всѣмъ, бремя колоссальнѣйшей и единодушнѣйшей между своими земляками непопулярности, которою едва ли пользовался въ такой степени кто-либо изъ выдающихся политическихъ дѣятелей въ Польшѣ. Никакими успѣхами не могъ онъ похвалиться; его 7-мѣсячное участіе въ дѣлахъ ознаменовано было рядомъ неудачъ и неоправдавшихся расчетовъ; въ пользу его располагали только его несомнѣнная и откровенная прямота, строгая логика его программы и дознанный непреклонный, желѣзный его характеръ. Маркизъ ставилъ вопросъ совершенно прямо и развивалъ программу, устраняя возможность предполагать, что за его словами и предложеніями есть еще какія-либо заднія мысли и недомолвки. Съ своимъ поколѣніемъ и народомъ онъ разошелся потому, что сознательно отвергъ всякую возможность реставраціи; еще въ 1846 г., 31-го августа, писалъ онъ своему другу, Роману Залускому: „прошлое наше сожжено и переварилось, изъ уцѣлѣвшихъ зародышей надлежитъ отстраивать будущее“. Съ тѣхъ поръ онъ ту же мысль преслѣдовалъ неуклонно, принимая за исход-

ную точку не прошлое, до раздѣловъ Польши, и не международные трактаты, а ту политическую идею, которая проявлялась по временамъ въ политикѣ россійскихъ вѣнценосцевъ, начиная съ Александра I, когда сей послѣдній помышлялъ о миролюбивомъ прекращеніи междунаціональной розни между русскими и поляками. Въ письмѣ „польскаго шляхтича" еще въ 1846 г. маркизъ заявилъ, что полякамъ слѣдуетъ стоять терпѣливо заодно съ Россіей и противъ Европы, на общей почвѣ общеславянской идеи. По обстоятельствамъ времени и лучшему пониманію условій быта, это созиданіе новаго будущаго, не составляющаго никакого продолженія прошлаго, начинаемо было не съ крыши, то-есть не съ конституціонныхъ формъ, а съ основаній, съ автономіи провинціальной, въ строго и точно очерченныхъ границахъ царства польскаго. Только въ этихъ границахъ польскій языкъ и культура имѣли за собою признанный правительствомъ, при трехъ царствованіяхъ, фактъ владѣнія почвою. Перекидывать, какъ то пытались дѣлать революціонеры, движеніе польское и вопросъ съ Вислы за Западный Бугъ значило бы пресѣкать всякую возможность мирнаго разрѣшенія этого вопроса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтожать возможность возникновенія провинціальной автономіи царства польскаго, на закладку котораго требовалась работа нѣсколькихъ поколѣній. Вся программа Вѣлёпольскаго обусловлена была невыходомъ польскаго вопроса за рубежъ Западнаго Буга, но само допущеніе въ царствѣ автономіи на національно-польской подкладкѣ обезпечило бы уже спокойное существованіе польскаго элемента въ западныхъ губерніяхъ, не въ смыслѣ преобладающаго, — чего ни правительство русское, ни общество никогда не могли бы допустить,—но въ смыслѣ одного изъ туземныхъ, которому предоставлялось бы существовать на одинаковыхъ правахъ со всѣми другими инородными элементами, подъ общею охраною одинаковыхъ законовъ. Программа Вѣлёпольскаго была до такой степени обдуманная и цѣльная, что съ самаго появленія Вѣлёпольскаго она не измѣнилась и не

дополнилась ни въ чемъ, но со временемъ увеличились только требованія Вѣлёпольскаго и усилилась его настойчивость. Онъ проводилъ ту мысль, что неудача произошла оттого, что съ нимъ торговались, что ему не дали въ руки всего, о чемъ онъ просилъ, при менѣе остромъ кризисѣ. Нынѣ, твердилъ онъ, обстоятельства стали еще хуже, настроеніе массъ еще враждебнѣе, но и недостаточность употребляемыхъ средствъ еще очевиднѣе; слѣдовательно, если правительство продолжаетъ считать, что мирный исходъ лучше кровавaго и насильственнаго, то оно должно пойти еще дальше въ концессіяхъ и дать все то, что можно дать безъ ущерба и опасности для государства, взятаго какъ цѣлое. Эти требованія маркиза имѣли весьма своеобразную форму. Вѣлёпольскій не являлся въ видѣ просителя; всѣмъ было извѣстно, что онъ не ищетъ ни высокаго положенія въ служебной іерархіи, ни внѣшнихъ почестей и ранга, что его честолюбіе выше и что оно направлено къ тому, чтобы поставить свой народъ, больной и сбившійся съ пути, на настоящую дорогу. Вѣлёпольскій былъ какъ бы экспертъ или совѣтникъ, готовый ко всякимъ услугамъ, если будетъ одобрена его система, но такъ какъ эта система была полнѣйшимъ осужденіемъ всѣхъ предшествовавшихъ системъ, такъ какъ она объясняла смуты въ настоящемъ тѣмъ, что въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій вопросъ былъ полузабытъ, запущенъ, что въ затянувшейся съ виду ранѣ завелись черви и что всплываетъ наружу вся та скверны, которая могла бы быть своевременно предупреждена, то съ этой точки зрѣнія Вѣлёпольскій становился такимъ сильнымъ выразителемъ мыслей и чувствъ своихъ соотечественниковъ и такимъ убѣдительнымъ адвокатомъ польскаго дѣла передъ лицомъ русскаго общества и правительства, какихъ до сихъ поръ никогда Россія не видывала. Онъ приводилъ на память всѣ когда-либо данныя надежды или обѣщанія и, по словамъ одной брошюры, протестовалъ въ С.-Петербургѣ эти „политическіе векселя“ (Epsylon, żywot i czyny Wiel). 58). Особенную силу сообщала словамъ и совѣтамъ Велёпольскаго увѣренность

всѣхъ въ томъ, что за предлагаемое имъ дѣло онъ возьмется всею душою, что отъ него онъ не отступитъ, хотя бы пришлось лечь костьми; что, по всей вѣроятности, въ случаѣ неуспѣха, ему не сдобровать, а придется отвѣчать передъ своими соотечественниками головою, не заслуживъ со стороны русскихъ даже и простого спасибо. Пребываніе въ Петербургѣ и роль, которую здѣсь сыгралъ Вѣлёпольскій, даютъ подходящій матеріалъ для опредѣленія настоящей мѣры этого лица, какъ политическаго дѣятеля, и той колоссальной силы воли, которая ему была присуща. Величіе крупнаго политическаго бойца измѣряется идеею, которую онъ проводитъ, и стойкостью, съ которою онъ ее осуществляетъ. Представимъ себѣ, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который, при способностяхъ маркиза и политическомъ его умѣ, меньше его по калибру, благоразумнѣе, разсчетливѣе, то, несомнѣнно, этотъ человѣкъ ликвидировалъ бы свою политическую дѣятельность послѣ отъѣзда графа Ламберта или при вторичномъ появленіи въ Варшавѣ Сухозанета, и удалился бы съ почетомъ отъ дѣлъ, храня самого себя на болѣе счастливыя времена и значительно поправивъ этимъ бѣгствомъ отъ дѣлъ свою репутацію въ глазахъ соотечественниковъ. Его готовые законопроекты оправдывали бы его передъ исторіею и были бы очевидными доказательствами его благихъ намѣреній; непринятіе этихъ проектовъ могло бы считаться съ другой стороны доказательствомъ того, что русское правительство никогда къ реформамъ въ царствѣ польскомъ серьёзно не относилось и только дипломатизировало, выигрывая время. Прикрытый плащомъ удостовѣренныхъ благихъ намѣреній, Вѣлёпольскій могъ бы спокойно стоять въ сторонѣ отъ событій, какъ человѣкъ, который уже сдѣлалъ все, что́ человѣчески было возможно сдѣлать при данныхъ обстоятельствахъ, но услуги котораго были обществомъ отклонены. Само крушеніе отечества и катаклизмъ возвысили бы потомъ эту личность, предпочевшую благую часть: otium cum dignitate. Среди послѣдующихъ народныхъ бѣдствій этотъ человѣкъ, осто-

рожно и своевременно спасшій свою особу, еслибы онъ былъ болѣе себялюбивъ и болѣе мелокъ, могъ находить даже, не лишенное, правда, горечи, удовольствіе въ напоминаніи обществу, что оно пало, потому что его не послушалось, и даже могъ бы быть въ извѣстной степени полезенъ обществу, уча его вести терпѣливо ту легальную борьбу, мелкую, ежедневную, упорную, за существованіе, которую ведетъ общество польское съ 1863 г., защищаясь отъ обрусенія, и въ которой оно несомнѣнно доказало, что кое-чему научилось и способно приспособляться къ условіямъ жизни, самымъ неудобнымъ и стѣснительнымъ. Такъ бы поступилъ средній человѣкъ, избирающій задачи только по своимъ средствамъ и жертвующій собою и своимъ личнымъ счастіемъ только въ половину. Не изъ такихъ людей былъ Вѣлёпольскій: онъ какъ игрокъ все свое безъ остатка поставилъ на карту, безусловно предавшись той политической идеѣ, съ которою онъ носился столько лѣтъ и въ которую онъ безусловно вѣровалъ. Живой и бойкій ростъ всякаго общественнаго дѣла обусловливается такими крупными самопожертвованіями, которыя для общества вознаграждаются потомъ сторицею и суть, можно сказать, самыя производительныя изъ затратъ. Еслибы Вѣлёпольскій стушевался къ концу 1861 г., оставивъ послѣ себя мимолетный слѣдъ и воспоминаніе о кабинетномъ человѣкѣ-прожекторѣ и теоретикѣ, мечтавшемъ о примиреніи національностей, то, *во-первыхъ*, въ активѣ польскаго движенія 1863 г. значились бы одни фантасты и шальные люди или одни слабые и шатающіеся и ни одного государственнаго человѣка, способнаго командовать и распоряжаться, никого, кого бы можно было противопоставить, напримѣръ, самому типичному представителю людей реформы въ Россіи, въ исходѣ пятидесятыхъ годовъ, Н. А. Милютину. За поляками, которые въ XVIII в. слыли неисправимыми анархистами, а въ XIX столь же неисправимыми мечтателями, слѣдовало бы всюду донынѣ то всеобщее представленіе о нихъ, какъ о восточныхъ ирландцахъ, какъ о

людяхъ съ огненнымъ, поэтическимъ воображеніемъ, но лишенныхъ глубины въ мысляхъ, выдержки въ характерѣ, равновѣсія въ способностяхъ. Одинъ Вѣлёпольскій выдѣлился, какъ лицо совсѣмъ противоположныхъ качествъ; но этого одного экземпляра было достаточно, чтобы затруднить общій выводъ о цѣломъ,—человѣкъ, котораго нельзя было назвать ни поэтомъ ни фантастомъ, который поражалъ своимъ реализмомъ въ политикѣ. *Во-вторыхъ*, послѣ крушенія 1863 года, по мѣрѣ того, какъ утихали страсти и наступало отрезвленіе, мощная фигура мужественнаго патріота стала расти въ мнѣніи его соотечественниковъ; она стала подниматься въ полномъ трагическомъ своемъ величіи, равняющемъ его съ самыми доблестными людьми національнаго прошлаго, ставящемъ его никакъ не ниже Косцюшки. Его ошибки забывались, его главныя руководящія идеи оживали и распространялись. Если самые ярые противники поляковъ не могутъ не признать, что послѣ 1863 г. они стали трезвѣе, дисциплинированнѣе и реальнѣе, то несомнѣнно, что на эту перемѣну повліяло въ значительной степени и представленіе о лицѣ, которое одно шло противъ общаго теченія и выдержало свою роль до конца.

Но значеніе Вѣлёпольскаго не исчерпывается его вліяніемъ на національную его среду; оно становится еще больше, если сообразить, что вопросъ, которому онъ посвятилъ свои способности, былъ междунаціональный, и что Вѣлёпольскій содѣйствовалъ извѣстной его постановкѣ въ русской политикѣ, которая не лишена важности и обильна послѣдствіями въ далекомъ будущемъ. Я уже приводилъ слова одной брошюры, опредѣляющей его роль въ Петербургѣ, какъ „протестованіе политическихъ векселей", въ томъ смыслѣ, что Вѣлёпольскій указалъ на неисполненныя обѣщанія и на запущенное и упущенное по отношенію къ царству польскому со стороны правительства. Съ бо́льшимъ основаніемъ можно бы уподобить его дѣйствія не опротестованію, а возобновленію или переписанію векселей. Не легко урезонить какое бы то ни было общество;

это возможно только въ счастливыя минуты, когда по обстоятельствамъ общество можетъ отнестись къ вопросу безъ страсти, вполнѣ справедливо и объективно. Такія счастливыя минуты бываютъ рѣдки въ жизни народовъ; одною изъ нихъ и воспользовался Вѣлёпольскій. И правительство и общественное мнѣніе въ Россіи одинаково желали добра волнующейся странѣ; мартовскія уступки не были, конечно, вынуждены какою бы то ни было необходимостью подобнаго давленія извнѣ. Правительство постигало, что всѣ устои власти въ волнующейся странѣ были подточены, и хотѣло распространить на царство польское либеральныя реформы, привязать къ себѣ поляковъ, создать русскую партію въ Польшѣ. Если бы оно достигло этого умиротворенія и этого полюбовнаго рѣшенія тяжелой распри двухъ славянскихъ племенъ, которая во все царствованіе императора Николая считалась совѣмъ неразрѣшимою и вѣковѣчною, то эта мировая была бы вѣнцомъ либеральной политики, видимымъ и осязаемымъ доказательствомъ всемогущества либеральной теоріи, проповѣдующей быстрый во всемъ прогрессъ путемъ свободы, и доставила бы Россіи неслыханный блескъ и большое вліяніе на западную Европу. Славянскій вопросъ развязывался бы сначала на Вислѣ и потомъ уже приходилось бы разрѣшать его за Балканами. Большинство поляковъ, въ настоящее время, сильно убѣждено въ томъ, что, не будь мятежа 1863 года, карта Европы представлялась бы въ иномъ видѣ; поладившая съ поляками Россія, ради ихъ сочувствія къ конституціонной Австріи и къ Франціи и ради ихъ несочувствія къ Пруссіи, не допустила бы Пруссію разбить сначала австрійцевъ подъ Садовой, а потомъ французовъ подъ Седаномъ. Не беремся рѣшать этотъ вопросъ, основанный на однихъ далекихъ предположеніяхъ; несомнѣнно, однако, что польскій мятежъ скрѣпилъ союзъ Россіи съ Пруссіей и что образомъ дѣйствія Россіи въ франко-прусской войнѣ обусловлены были свобода дѣйствій Пруссіи на западѣ, осада Парижа и заключеніе версальскаго мира. Поляки убѣждены

еще, что, не будь повстанья 1863 года, сама восточная война 1877 г. получила бы иной видъ и не имѣла бы такой характерной московско-славянофильской окраски, какую она получила въ дѣйствительности. Съ другой стороны, общественное мнѣніе Россіи не переставало смотрѣть на польскій вопросъ какъ на одинъ изъ внутреннихъ вопросовъ русской жизни; еще этотъ вопросъ не ставился ребромъ и не превращался въ страшную и роковую дилемму, чему быть: Россіи или Польшѣ въ какихъ-то ея старинныхъ границахъ? Еще не предусматривалось вмѣшательство западно-европейскихъ державъ. Достигнувъ спокойнымъ образомъ развязки посредствомъ компромисса труднѣйшаго изъ всѣхъ общественныхъ вопросовъ—аграрнаго, общество русское увѣровало, что всякіе вопросы, а въ томъ числѣ и польскій, можно разрѣшить посредствомъ компромисса. Неудача компромисса не могла не поколебать увѣренности въ непреложность либеральной теоріи, а слѣдовательно, не могла не положить конецъ эпохѣ реформъ и не подготовить реакцію. Общественное мнѣніе предчувствовало будущее раздвоеніе въ нѣдрахъ государства, когда въ одной его части будетъ господствовать суровое, безпощадное укрощеніе помимо всякаго закона, а въ другой будетъ водворяться легальность; оно предчувствовало также будущее зло отъ того, что внѣзаконное положеніе окраинъ послужитъ школою, въ которой будутъ учиться крутымъ мѣропріятіямъ будущіе государственные дѣятели. Совокупность этихъ соображеній и предчувствій объясняетъ, почему Вѣлёпольскій имѣлъ успѣхъ въ Петербургѣ и почему правительство, при вполнѣ сочувственномъ настроеніи общественнаго мнѣнія, поддержало Вѣлёпольскаго, утвердило всѣ его предположенія и ходатайства; почему оно изъявило свое согласіе на всѣ эти реформы добровольно, произвольно, и нисколько не обусловливая реформъ образомъ дѣйствій и поведеніемъ поляковъ. Это отношеніе къ дѣлу, независимое отъ всякихъ личныхъ счетовъ съ волнующимися подданными, продолжалось въ обществѣ русскомъ вплоть

до вмѣшательства иностранныхъ державъ, въ правительствѣ же еще дольше, чтò можно вывести изъ словъ Высочайшаго рескрипта, даннаго въ Ливадіи (31) 19 октября 1863 г. великому князю Константину Николаевичу, напечатаннаго въ „Сѣверной Почтѣ“ (1863, № 236) и перепечатаннаго въ апрѣльской книжкѣ „Русской Старины“ за 1881 г. (стр. 914), съ поясненіемъ со словъ Н. А. Милютина, что всѣ существенныя строки рескрипта изложены въ его черновой покойнымъ Государемъ собственноручно: „сознавая справедливость вашего воззрѣнія на невозможность, при настоящихъ обстоятельствахъ, слѣдовать для усмиренія края тѣмъ путемъ, который вызвалъ назначеніе ваше, я соизволяю на испрашиваемое вамъ увольненіе отъ обязанностей. Когда же, съ номощью Божіею, возстаніе въ Польшѣ будетъ подавлено; когда, внявъ наконецъ гласу закона и долга, подданные мои въ царствѣ отвергнутъ насиліе явныхъ поборниковъ измѣны и обратятся къ моему милосердію, когда водворенный порядокъ дозволитъ *приступить вновь* къ начатому вами дѣлу; когда обстоятельства *дозволятъ* введеніе *тѣхъ* учрежденій, которыя мною были дарованы царству и приведеніе въ дѣйствіе коихъ есть одно изъ моихъ живѣйшихъ и искреннѣйшихъ желаній,—тогда я буду надѣяться, что вамъ снова можно будетъ принять участіе въ исполненіи моихъ предначертаній“... Съ тѣхъ поръ много времени прошло, но обстоятельства не сложились такъ, чтобы можно было продолжать начатое; напротивъ того, тѣ учрежденія, которыя были дарованы въ 1861 и 1862 гг., канули повидимому въ вѣчность и не соотвѣтствуютъ уже теперешнимъ условіямъ жизни государства. Донынѣ продолжается въ царствѣ польскомъ порядокъ, который и при заведеніи его считался временнымъ, донынѣ ожидается установленіе отношеній постоянныхъ и нормальныхъ; неизвѣстно, когда настанетъ пора преобразованій; во всякомъ случаѣ, если она настанетъ, то придется созидать порядокъ вновь, а не возвращаться къ учрежденіямъ 1861 и 1862 годовъ. Изъ законодательной дѣятельности

того времени не уцѣлѣло ни одно узаконеніе, кромѣ закона о евреяхъ; остались однѣ идеи, одни пріемы и исходная точка, которая вѣрна и оправдается когда-нибудь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Но во всякомъ случаѣ, въ исторію занесенъ знаменательный фактъ, что былъ довольно продолжительный періодъ въ русской политикѣ (1861—1863), когда она считала вполнѣ согласнымъ съ интересами Россіи и не противорѣчащимъ правамъ русской національности дѣйствовать по отношенію къ полякамъ „путемъ умиротворенія“, къ „водворенію (въ Польшѣ) прочнаго управленія на основаніяхъ, согласныхъ съ нуждами и пользою края“ (слова рескрипта). Это направленіе политики оказалось несостоятельнымъ въ 1863 году, вслѣдствіе противодѣйствія со стороны поляковъ; оно уступило мѣсто противоположному, доходящему до попытокъ обрусенія всего царства польскаго, даже по отношенію къ языку. Но и это послѣднее направленіе, можетъ быть, не вѣчно. При измѣнившихся обстоятельствахъ, въ особенности при доказанномъ опытомъ измѣненіи въ образѣ мыслей и правилахъ дѣйствія населенія, можетъ совершиться обратный переходъ политики на ту точку зрѣнія, на которой она стояла въ періодъ 1861—1863 гг. и въ особенности въ тѣ мѣсяцы, съ ноября 1861 г. по іюнь 1862 г., которые соотвѣтствуютъ пребыванію и работамъ Вѣлёпольскаго въ Петербургѣ. Тогда и окажется, что русско-польскій вопросъ вовсе не такой „роковой“, какимъ онъ не могъ не представляться въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, что „ларчикъ просто открывается“. Считаю излишнимъ распространяться о той громадной пользѣ не только для польской національности, но и для Россіи, какъ государства, и для народа русскаго, и для общественнаго дѣла, отъ возвращенія къ преданіямъ славной эпохи великихъ преобразованій прошедшаго царствованія.

Бытность Вѣлёпольскаго въ Петербургѣ составляетъ кульминаціонный пунктъ въ его политической карьерѣ. Онъ требовалъ бы сильнѣйшаго освѣщенія; къ сожалѣнію,

для поясненія этого момента имѣется всего менѣе данныхъ. Официальные документы хранятся въ архивахъ; записки лицъ, съ которыми маркизъ былъ въ сношеніяхъ по дѣламъ царства польскаго въ Петербургѣ, не опубликованы; самъ Вѣлёпольскій никакихъ записокъ не велъ; такимъ образомъ мы должны ограничиться тѣмъ, что̀ содержится въ одномъ только источникѣ — въ книгѣ Лисицкаго, источникѣ, конечно, хорошемъ, такъ какъ Лисицкій заимствовалъ данныя либо изъ бумагъ Вѣлёпольскаго, переданныхъ ему семьею маркиза, либо изъ разсказовъ сподвижниковъ его, завербованныхъ имъ въ Петербургѣ или сопровождавшихъ его въ этой поѣздкѣ. Результаты пребыванія Вѣлёпольскаго въ сѣверной столицѣ представляются въ главныхъ чертахъ въ слѣдующемъ видѣ.

Строгое раздѣленіе властей, военной и гражданской, выходъ изъ конфликта военной власти съ духовенствомъ, дошедшаго до прекращенія богослуженія въ церквахъ, и способствованіе тому, чтобы изготовленные въ Варшавѣ и прошедшіе чрезъ государственный совѣтъ царства польскаго законопроекты удостоились Высочайшаго утвержденія — таковы были три главныя задачи Вѣлёпольскаго съ момента его прибытія въ Петербургъ, 7-го ноября (26-го октября) 1861 года. Реформы немыслимы безъ законности, законность невозможна при военномъ положеніи и при постоянныхъ вторженіяхъ военной администраціи въ порядокъ гражданскаго управленія; отсюда выводилась необходимость одного главнаго въ царствѣ польскомъ лица — начальника гражданскаго управленія, который объединялъ бы въ себѣ всѣ вѣтви управленія, и другого лица — командующаго войсками, но не вмѣшивающагося въ ходъ гражданскаго управленія. Въ исторіи царства польскаго былъ примѣръ, что съ 1815 по 1825 г. намѣстникомъ, распоряжавшимся гражданскою частью, былъ генералъ Заіончекъ, а командовалъ войсками великій князь Константинъ Павловичъ. Всѣ эти доводы не оказались, однако, достаточно убѣдительными, чтобы раздѣлить власти, т.-е. въ сущности подчинить военное управленіе гражданскому.

Былъ еще одинъ способъ примирить противорѣчіе: назначить намѣстникомъ въ царствѣ польскомъ лицо, близкое къ престолу — принца крови, снабдить его большими полномочіями и дать ему въ помощники и начальника гражданскаго управленія и командующаго войсками. На первыхъ порахъ верховная власть не рѣшалась на выборъ ни намѣстника, ни его помощниковъ. При пріемѣ Вѣлёпольскаго въ царскосельскомъ дворцѣ, Вѣлёпольскій удостоился слышать изъ устъ государя императора (Le marquis W. II, 248), что раздѣленіе властей немыслимо при военномъ положеніи и что нельзя ослаблять принципъ власти. Отъ министерскихъ своихъ обязанностей Вѣлёпольскій былъ уволенъ въ декабрѣ 1861 г., но съ оставленіемъ въ званіи постояннаго члена государственнаго совѣта царства польскаго, и получилъ приглашеніе принять участіе въ законодательныхъ работахъ, предшествующихъ утвержденію приходящихъ изъ Варшавы законопроектовъ. Прежде, однако, чѣмъ Вѣлёпольскій принялъ участіе въ этихъ работахъ и сталъ засѣдать въ многочисленныхъ комитетахъ, разсматривавшихъ эти проекты, подавая несмѣтное число мнѣній, заключеній, записокъ, ему удалось если не разрѣшить и уладить церковный вопросъ въ царствѣ, то, по крайней мѣрѣ, открыть церкви въ Варшавѣ для богослуженія и поставить во главѣ архіепархіи лицо свѣжее, непричастное дѣйствіямъ варшавскаго духовенства и раздѣляющее иногда вполнѣ виды Вѣлёпольскаго. Пререканія между духовенствомъ варшавскимъ и генераломъ Лидерсомъ доходили до безобразія. Бялобржескій и значительная часть капитула содержались въ цитадели, одновременно со всею почти городскою делегаціею и членами похоронныхъ комитетовъ 5-ти февральскихъ жертвъ и Фіалковскаго. Уцѣлѣвшимъ остаткамъ капитула предлагаемо было выбрать новаго администратора на основаніи постановленія каноническаго права, что „когда епископъ или заступающій его мѣсто плѣнены per barbaros и неизвѣстно гдѣ находятся, то капитулъ можетъ избрать новаго на его мѣсто“. Духовенство оспаривало основательность приравниванія

государственной власти варварамъ и доказывало невозможность допустить незнаніе мѣстопребыванія администратора, когда всѣмъ извѣстно, что онъ заключенъ въ цитадели (Aleksander W. II, 299). Надобно было дѣйствовать помимо Варшавы и сойтись съ Римомъ, остановившись на извѣстномъ лицѣ. Вѣлёпольскій предложилъ умнаго, ловкаго и свѣтскаго человѣка—священника при мальтійской церкви пажескаго корпуса въ Петербургѣ, графа Константина Лубенскаго; но этотъ выборъ встрѣтилъ затрудненія. Тогда, по совѣту Лубенскаго и по указанію Вѣлёпольскаго, взятъ человѣкъ еще молодой, весьма мало извѣстный въ Петербургѣ, профессоръ въ духовной академіи римско-католической въ Петербургѣ, Феликсъ-Сигизмундъ Фелинскій, въ жизни котораго были слѣдующія, довольно странныя сочетанія. Онъ былъ внучатный племянникъ поэта-классика начала XIX столѣтія, Алоизія Фелинскаго, и сынъ писательницы Эвы, урожденной Вендорфъ. Фелинскій, воспитывался сначала въ московскомъ университетѣ, во времена самой бо̀льшей славы Грановскаго, въ началѣ сороковыхъ годовъ; потомъ мы видимъ его въ Парижѣ въ 1847 году, въ бурную эпоху передъ революціею, на курсахъ въ Сорбоннѣ и Collège de France, но не заодно съ господствовавшимъ революціоннымъ теченіемъ, а напротивъ того, съ намѣреніемъ надѣть рясу. Здѣсь онъ сблизился съ великимъ польскимъ поэтомъ Юліемъ Словацкимъ, впавшимъ уже въ то время въ религіозный мистицизмъ. Потомъ, въ 1848 году, мы встрѣчаемъ его въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ въ рядахъ повстанцевъ, сражающимся противъ пруссаковъ и раненымъ подъ Милославомъ. Этотъ эпизодъ былъ самый краткій; Фелинскій въ концѣ 1848 г. изучалъ уже богословіе въ Мюнхенѣ, былъ вызванъ въ Парижъ Словацкимъ, который и умеръ, можно сказать, на его рукахъ. Фелинскій былъ патріотъ-полякъ, но еще болѣе римскій католикъ, нѣсколько односторонняго ультрамонтанскаго оттѣнка, что̀ его и предохраняло отъ профанирующаго церковь не только общенія съ повстаніемъ, но и служенія революціи, въ чемъ по-

винны были въ то время всѣ почти духовные царства польскаго поголовно. Гибкости въ характерѣ у него не было, равно какъ и способностей дипломатическихъ, но онъ готовъ былъ идти, по долгу патріота, бороться съ революціоннымъ движеніемъ и стать какъ миротворецъ, съ крестомъ въ рукахъ, между сражающимися подъ ихъ обоюдные удары. Впослѣдствіи и онъ не выдержалъ характера и не былъ до конца, какъ бы надлежало, послѣдователенъ, но на первыхъ порахъ онъ вполнѣ годился для предназначавшейся ему роли: лучшаго кандидата по тому времени едва ли можно было найти. По отысканіи подходящаго кандидата, на которомъ могли одинаково остановиться и русское правительство и римская курія, переговоры пошли быстро и коснулись двухъ предметовъ: выбора архіепископа и посылки изъ Рима въ Варшаву и Петербургъ папскаго нунція, который бы укрѣпилъ поколебленное благочестіе, поддержалъ новаго архипастыря и разрѣшилъ на мѣстѣ въ Варшавѣ или Петербургѣ множество вопросовъ, требующихъ немедленной развязки. Что касается до первой изъ этихъ задачъ, то цѣль была достигнута. 25 декабря 1861 года (6 января 1862) Фелинскій утвержденъ въ Римѣ архіепископомъ; быстро совершилось его посвященіе въ духовный санъ въ Петербургѣ; до его отъѣзда послѣдовала Высочайшая конфирмація о Бялобржескомъ, смягчающая состоявшійся о немъ смертный приговоръ военнаго суда и замѣняющая эту казнь заключеніемъ въ крѣпости на годъ безъ лишенія званія и правъ. 31 (19) января 1862 года Фелинскій отправился въ Варшаву, гдѣ очутился въ страшно трудномъ положеніи среди своей паствы, которая его не слушала, и властей, которыя предлагали ему военный конвой для охраненія его лица. Этого рода опеку Фелинскій отклонилъ, церкви въ Варшавѣ онъ открылъ, но когда въ воскресенье 15 (3) февраля, онъ, среди богослуженія, произнесъ пастырское слово, въ которомъ внушалъ воздержаніе отъ пѣсней въ церквахъ и манифестацій, то оскорбительныя выраженія послышались въ толпѣ, молодежь съ шумомъ стала вы-

ходить изъ церкви, немногіе остались. Скандалъ повторился еще и въ началѣ апрѣля, 10 (22) апрѣля, во время проповѣди Фелинскаго, въ томъ же соборѣ св. Яна (Dziennik powsz. 1862, № 86). Изъ Петербурга Фелинскій привезъ заготовленное „пастырское посланіе", одобренное правительствомъ. Побывавъ въ Варшавѣ, онъ убѣдился, что оно не подходящее къ положенію вещей, и чрезъ Вѣлёпольскаго сообщилъ, что находитъ неудобнымъ его обнародовать въ виду его политическаго характера и возбужденнаго состоянія умовъ, которыхъ еще большему раздраженію оно можетъ содѣйствовать. Между тѣмъ, недоброжелатели сыграли штуку съ Фелинскимъ, и этотъ проектъ несостоявшагося посланія напечатанъ былъ въ Парижѣ въ ультрамонтанской газетѣ *Monde*, съ разными неблагопріятными и для автора, и для русскаго правительства комментаріями, что̀ дало поводъ къ непріятной перепискѣ между вице-канцлеромъ кн. Горчаковымъ и архіепископомъ. Между тѣмъ, римскій дворъ не оказалъ архіепископу надлежащей поддержки, вліяніе враговъ русскаго правительства перевѣсило и взяло верхъ надъ политикою кардинала Антонелли; предполагавшаяся посылка нунціемъ кардинала Берарди не состоялась. Папа звалъ въ Римъ Фелинскаго на канонизацію японскихъ мучениковъ и послалъ ему 20 (8) февраля бреве, предписывающее ходатайствовать объ освобожденіи арестованныхъ духовныхъ лицъ, что̀ русская дипломатія приняла за вмѣшательство во внутреннія политическія отношенія Россіи. На архіепископа жаловался въ Петербургѣ Лидерсъ за его слишкомъ малое содѣйствіе возстановленію дисциплины, какъ будто бы эта дисциплина могла быть возстановляема мѣрами внѣшними, а не средствами убѣжденія. Борясь съ неимовѣрными трудностями своего положенія, Фелинскій оставался вѣрнымъ сподвижникомъ Вѣлёпольскаго, который вполнѣ сознавалъ полную невозможность безъ этого сотрудника совладать со своею задачею. „Я могъ бороться съ Фіалковскимъ и со сбитымъ чрезъ него съ толку духовенствомъ, писалъ Вѣлёпольскій къ друзьямъ (A.W.I, 335),

потому что я предчувствовалъ и усматривалъ лекарство въ перемѣнѣ архіепископа и въ новомъ духѣ, который будетъ исходить отъ его преемника. Перемѣна произошла моими руками въ лицѣ ксендза Фелинскаго. Если бы онъ сталъ въ то же, какъ Фіалковскій, положеніе по отношенію къ правительству, то я отказался бы отъ должностей, требующихъ возобновленія прежней борьбы при неимѣніи уже лекарства. Вмѣсто предусмотрѣннаго постепеннаго поправленія дѣлъ и въ этихъ отношеніяхъ, и въ Римѣ, отверзлась бы хаотическая бездна во всемъ и здѣсь (въ Петербургѣ), и въ Варшавѣ“.

Положеніе дѣлъ въ Варшавѣ на видъ было какъ будто бы спокойнѣе, а въ сущности становилось хуже. Новый главный начальникъ края былъ не въ примѣръ умнѣе Сухозанета, хладнокровнѣе, энергичнѣе, но понималъ задачу правительства по военному, какъ укрощеніе безпорядковъ. Пріемы были болѣе приличные, но аресты коснулись всѣхъ тѣхъ людей, которые стояли на виду или пользовались популярностью. Манифестаціи прекратились сами собою, вслѣдствіе закрытія церквей. Вся та уже развивавшаяся революціонная дѣятельность безчисленныхъ кружковъ разныхъ направленій, которыми переполнены были Варшава и царство польское, обратилась теперь на объединеніе этихъ кружковъ и на выработку двухъ большихъ тайныхъ организацій. По свидѣтельству Гиллера (Al. h. W. s. 88), варшавскій красный комитетъ образованъ въ концѣ 1861 г., а въ маѣ 1862, передъ самымъ пріѣздомъ в. князя, онъ уже именовался „*Центральнымъ народнымъ комитетомъ*“, стоящимъ во главѣ цѣлой „*народной организаціи*“. Организація красныхъ тащила за собою на буксирѣ организацію бѣлыхъ, по общему правилу, оправдывающемуся во всякой революціи, по которому, коль скоро начнутъ организоваться революціонеры, то по необходимости должны сплачиваться и люди умѣренные, друзья порядка, чтобы не допустить до взрыва и тормозить движеніе. Извѣстно также, что ихъ усилія бываютъ бо̀льшею частью безплодны, и что горсть сорви-

головъ, на все рѣшившихся, можетъ въ концѣ концовъ увлечь громадныя массы. Между тѣмъ, какъ незримо, подъ управленіемъ Лидерса, получали правильную организацію элементы, изъ которыхъ долженъ былъ составиться потомъ революціонный народный ржондъ, въ совѣтѣ управленія засѣдали либо военные, либо вышколенные Паскевичемъ и ради возвращенія къ старой рутинѣ старающіеся уничтожить все, что̀ только было затѣяно Вѣлёпольскимъ. Намѣстникъ передалъ портфель внутреннихъ дѣлъ Крузенштерну, при которомъ администрація опять наполнилась недавно выгнанными со службы чиновниками (Le marquis W. II. 260); генералъ Непокойчицкій не согласился принять предложенную ему должность военнаго генералъ-губернатора, которую занялъ генералъ Крыжановскій; какъ сей послѣдній, такъ и директоръ почтъ Массонъ сдѣланы членами совѣта управленія, въ которомъ теперь русскіе были въ большинствѣ двухъ третей голосовъ. На одномъ только учрежденіи могъ остановиться съ удовольствіемъ Вѣлёпольскій, какъ на вполнѣ выдержавшемъ пробу, то былъ государственный совѣтъ царства польскаго. Маркизъ гордился тѣмъ, что этотъ совѣтъ „лучше представляетъ страну, нежели всѣ вожаки манифестацій“ (A. W. 1, 294). Проекты Вѣлёпольскаго выходили одинъ за другимъ изъ совѣщаній, исправленные и въ томъ же духѣ дополненные; предсѣдательствовалъ Лэнскій, очень былъ полезенъ Энохъ; о всемъ происходившемъ въ совѣтѣ сообщалъ Вѣлёпольскому Ѳома Потоцкій. Когда 12 декабря (30 ноября) 1861 г. Потоцкій умеръ, то смерть его оплакиваема была людьми всѣхъ направленій, какъ большая потеря. Каждый проектъ, окончательно выработанный совѣтомъ, сопровождался враждебными ему замѣчаніями оппозиціи, состоящей изъ противниковъ и реформъ и самого Вѣлёпольскаго; но проекты отстаивалъ въ Петербургѣ маркизъ, и его мнѣніе было столь вѣско и авторитетъ столь великъ, что проекты удостоились Высочайшей санкціи почти безъ измѣненій,—въ томъ числѣ два капитальные: о народномъ воспитаніи и о евреяхъ. Сначала

жаловавшійся на одиночество, Вѣлёпольскій очутился вскорѣ въ такомъ положеніи, что ему не хватало времени на всѣ получаемыя приглашенія, до того многочисленны были знакомства и связи въ высшихъ офиціальныхъ сферахъ общества и въ средѣ дипломатической, въ которыя онъ вошелъ, какъ оригинальное лицо, интересующее своею новизною. Онъ близко сошелся съ иностранными посланниками, лордомъ Нэпиромъ и Фурнье, и познакомился съ бывшимъ тогда графомъ, впослѣдствіи княземъ, Бисмаркомъ и княземъ Горчаковымъ; онъ часто бывалъ въ домѣ канцлера Нессельроде, у барона Петра Мейендорфа и у престарѣлаго, но высоко уважаемаго предсѣдателя государственнаго совѣта, графа Д. Блудова, котораго дочь, графиня Антонина Дмитріевна, встрѣтившись съ Вѣлёпольскимъ на общей почвѣ славянской идеи, сдѣлалась восторженною его почитательницею и рѣшительною сторонницею „развода царства польскаго и Россіи“ (см. ея корреспонденцію съ Вѣлёпольскимъ въ книгѣ Le marquis W. II, 417), съ тѣмъ же горячимъ увлеченіемъ, съ какимъ она впослѣдствіи стала превозносить М. Н. Муравьева и проповѣдывать обрусеніе. Вѣлёпольскій былъ принимаемъ в. кн. Еленою Павловною. Еще важнѣе были сношенія его съ в. княземъ Константиномъ Николаевичемъ, въ которомъ Вѣлёпольскій предугадывалъ возможнаго будущаго намѣстника. Въ своихъ разговорахъ съ великимъ княземъ и великою княгинею, Вѣлёпольскій, какъ о томъ не безъ основанія догадывается Н. Бергъ въ своихъ запискахъ („Русскій Архивъ“ 1873 г. № 7, стр. 1283), „могъ указывать в. князю путь миротворца и спасителя двухъ славянскихъ націй, искреннее соединеніе которыхъ повлечетъ за собою безчисленныя, благодѣтельныя послѣдствія для нихъ и, можетъ быть, для всего міра“.

На первыхъ порахъ подобныя идеи имѣли мало шансовъ успѣха; Вѣлёпольскій ждалъ только, пока будутъ утверждены законопроекты, входившіе въ его програму, чтобы возвратиться въ деревню, въ Хробержъ, на покой. Онъ отклонилъ два предложенія, изъ которыхъ одно за-

ключалось въ поѣздкѣ въ Римъ для переговоровъ съ папою, а другое состояло въ занятіи поста статсъ-секретаря по дѣламъ царства польскаго. Послѣднее отклонено имъ по нежеланію быть „передаточною почтовою конторою безъ власти почина" (un postillon sans initiative). Въ его планы входило упраздненіе всѣхъ тѣхъ спеціальныхъ установленій по дѣламъ царства польскаго, которыя стѣною стояли между автономіею царства польскаго и особою Монарха; потому онъ торжествовалъ, какъ настоящую побѣду, закрытіе къ 1 января 1862 г. департамента для дѣлъ царства польскаго въ государственномъ совѣтѣ имперіи и особой кодификаціонной комиссіи. 24 (12) марта 1862 г. Вѣлёпольскій уѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву на засѣданія общаго собранія государственнаго совѣта царства польскаго по просмотру законопроекта объ обязательномъ очиншеваніи, въ которомъ Крузенштернъ съ товарищами пытались сдѣлать существенныя измѣненія и вставки. Послѣ полной и блистательной побѣды надъ противниками, онъ вернулся 27 (15) апрѣля въ Петербургъ. Въ маѣ 1862 года послѣдовало затянувшееся рѣшеніе коренного вопроса. Идея о назначеніи намѣстника съ самыми обширными полномочіями, изъ членовъ августѣйшей фамиліи, который бы былъ настоящимъ alter ego Монарха, настоящимъ вице-королемъ, созрѣла, но при осуществленіи ея представлялись правительству два способа рѣшенія относительно замѣщенія должности его ближайшаго помощника по гражданской части — начальника гражданскаго управленія: русскій либо полякъ? Изъ поляковъ одинъ былъ въ эту минуту возможенъ, а именно маркизъ, но правительство предпочитало бы русскаго, сильнаго человѣка, авторитетнаго и опытнаго законовѣда (Бергъ, въ „Русск. Арх." 1873, № 7, стр. 1283). Одно только изъ русскихъ лицо и выдвигалось способное занять этотъ постъ: Н. А. Милютинъ, принесенный въ жертву дворянству по доведеніи до конца крестьянской реформы, которой онъ былъ главнымъ двигателемъ. Милютинъ былъ вызванъ изъ-за границы въ маѣ, и Вѣлёпольскій выражаетъ опасенія въ письмахъ къ

друзьямъ (A. W., II, 319), чтобы не дали Милютину устраивать Польшу. „Я опасаюсь, — писалъ онъ, — что Милютинъ станетъ преобразовывать посредствомъ выстрѣла полнымъ зарядомъ изъ законодательной пушки“ (grubym jakim wystrzałem z prawodawczego działa). Милютинъ, какъ извѣстно, рѣшился ѣхать устраивать Польшу, но только послѣ повстанія и послѣ полной надъ нимъ побѣды, съ неоспариваемою силою въ рукахъ. Онъ далекъ былъ, конечно, въ 1862 г. отъ всякой мысли пускаться на незнакомое ему волнующееся море. Когда Милютинъ не принялъ предложенія, то комбинація, составленная нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Вѣлёпольскимъ, осуществилась внезапно и для него самого неожиданно, посредствомъ назначеній, опубликованныхъ 14 (2) іюня во „Всеобщемъ Дневникѣ“, по указамъ, подписаннымъ 8 іюня (27 мая) въ Царскомъ Селѣ. Возведенный въ графское достоинство, Лидерсъ долженъ былъ передать исправляемую имъ временно намѣстническую власть въ руки августѣйшаго брата Государя съ полномочіями, увеличенными сравнительно съ тѣми, какими намѣстникъ пользовался по закону 29-го (17-го) апрѣля 1818 г., и съ предоставленіемъ ему рѣшать всякіе вопросы, кромѣ законодательныхъ, кромѣ тѣхъ, которые будутъ спеціально изъ вѣдѣнія его изъяты, наконецъ кромѣ тѣхъ, въ которыхъ онъ самъ найдетъ необходимымъ войти съ докладами къ Государю. Свою административную и исполнительную власть намѣстникъ будетъ исправлять посредствомъ подчиненныхъ ему командующаго войсками (баронъ Рамзай) и начальника гражданскаго управленія (Вѣлёпольскій). Этому послѣднему подчинены всѣ правительственныя комиссіи и равныя имъ установленія; онъ назначенъ предсѣдательствовать въ совѣтѣ управленія въ отсутствіе намѣстника, онъ и членъ государственнаго совѣта, по чину первый между засѣдающими въ совѣтѣ по званію членами совѣта управленія. Особымъ указомъ Вѣлёпольскій одновременно назначенъ и вицепредсѣдателемъ государственнаго совѣта, слѣдовательно заступающимъ намѣстника въ этомъ совѣтѣ во время его

отсутствія. Еще въ Петербургѣ было условлено, чтобы постъ директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ порученъ былъ не поляку. Выборъ Вѣлёпольскаго остановился на бывшемъ минскомъ губернаторѣ, впослѣдствіи сенаторѣ, графѣ Э. Келлерѣ. Директора комиссіи просвѣщенія и исповѣданій Вѣлёпольскій пріискалъ въ лицѣ ученаго многосторонне-образованнаго Казимира Крживицкаго, служившаго въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, а потомъ во II отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи. Вербовка на мѣста по управленію началась еще въ Петербургѣ. Сверхъ утвержденныхъ плановъ, новый намѣстникъ и его помощникъ по гражданскому управленію имѣли еще устныя наставленія и инструкціи. Пріѣхавъ въ Варшаву 14 (2) іюня 1862 г. и открывая засѣданія общаго собранія государственнаго совѣта царства польскаго 28 (16) іюня, Вѣлёпольскій, съ вѣдома о томъ намѣстника, поспѣшилъ заявить о важныхъ льготахъ для римско-католическаго исповѣданія, уже въ принципѣ разрѣшенныхъ, а именно (Dziennik powszechny, № 143, dodatek): о разсмотрѣніи вновь закона 1836 г. о *смѣшанныхъ* бракахъ съ цѣлью возстановленія прежняго законодательства, по соображеніи его съ основаніями, на которыя римскій дворъ согласился для прирейнской Пруссіи, Баваріи и Венгріи; о возстановленіи существовавшаго до 1845 г. прежняго порядка корреспонденцій правительства царства польскаго съ Римомъ, минуя Петербургъ; о пересмотрѣ постановленій закона уголовнаго, касающихся отступленія отъ вѣры и совращенія, а также уголовной отвѣтственности духовныхъ лицъ. Весьма существенны были концессіи, уже сдѣланныя, громадны были эти новыя обѣщанныя, но онѣ и должны были быть послѣдними, дальше чего правительство и не могло идти. Вѣлёпольскій въ своей политической игрѣ ставилъ послѣднюю и самую большую ставку, отъ проигрыша которой зависѣло безусловно существованіе автономнаго царства польскаго съ передѣланными остатками пожалованій 1815 г., содержавшихся въ конституціонной хартіи императора Александра I. Когда

эта ставка была проиграна, то въ упоеніи побѣды, возбужденное русское національное чувство толковало этотъ вопросъ такимъ образомъ, что проигрышемъ были обусловлены не только потеря автономіи царства польскаго, но и само прекращеніе существованія польской національности въ предѣлахъ имперіи по самый прусско-австрійскій рубежъ.

XXII.

Съ іюня по августъ 1862 г. — Пріѣздъ великаго князя въ Варшаву. — Покушенія на политическія убійства.

Программа Вѣлёпольскаго исчезла во время послѣдующихъ политическихъ событій. Основная политическая идея этой программы сама по себѣ вѣрна; быть можетъ, она не разъ всплыветъ въ будущемъ и даже можетъ осуществиться съ обоюдною пользою для обѣихъ національностей, по мѣрѣ того, какъ будетъ дѣлать успѣхи другая идея, а именно общеславянская, по мѣрѣ того, какъ Россія будетъ продолжать считать себя главнымъ представителемъ и носителемъ этой послѣдней. Въ сущности идея Вѣлёпольскаго была не что иное, какъ общеславянская, созерцаемая съ спеціально польской точки зрѣнія, послѣ отказа со стороны польскаго общества отъ воспоминаній о давно потерянной суприматіи и даже отъ самобытности политической, т. е. послѣ отрѣшенія польскаго патріотизма отъ всѣхъ особенностей, дѣлавшихъ его непримиримо враждебнымъ Россіи и обострявшихъ вопросъ до степени конфликта, заканчивающагося роковою дилеммою: быть или не быть тому или другому изъ антагонистовъ. Не всякая, даже и вполнѣ вѣрная, идея осуществляется, ни одна почти не осуществляется сразу, окончательному успѣху предшествуютъ цѣлые ряды неудавшихся опытовъ. Обыкновенно успѣхъ идеи обусловливается въ меньшей лишь степени личными свойствами и практическимъ талантомъ дѣятеля, а въ гораздо большей обстоя-

тельствами времени, подготовкою людей къ тому, что̀ пробуютъ дѣлать. Ни разу въ жизни не имѣлъ Вѣлёпольскій этихъ обстоятельствъ времени на своей сторонѣ; объ немъ нельзя сказать, что эти обстоятельства имѣлись налицо и благопріятствовали ему, но что онъ ихъ упустилъ. Графъ Тарновскій ставитъ ему (Przegląd polski, listopad 1879, стр. 191) въ упрекъ, что онъ въ своей гордынѣ взялъ себѣ девизомъ невозможный тезисъ: „moi seul et c'est assez", но при этомъ Тарновскій упускаетъ изъ виду, что Вѣлёпольскій временемъ не располагалъ, что онъ ждалъ благопріятнаго момента съ 1846 г. по 1861 г., до склона своихъ лѣтъ и что ему приходилось либо совсѣмъ отказаться отъ политической роли и бросить свою идею, либо идти, не оглядываясь на свое одиночество, одному и по выраженію пословицы „прать противъ рожна", не взирая на послѣдствія. Затѣянное имъ дѣло можно назвать междунаціональнымъ компромиссомъ, начатымъ среди наступившаго уже разгара національныхъ страстей, грозящаго перейти въ кровопролитіе. Для компромисса нужно счастливое совпаденіе и уравненіе обоюдныхъ желаній и удовлетвореній, моментъ большею частью слѣдуетъ хватать налету, потому что желанія растутъ съ бо̀льшею быстротою, а уступки всегда ограничены. Съ марта до конца лѣта 1861 г. движеніе было еще въ зародышѣ, и надежды, а вмѣстѣ съ ними и желанія, относительно невысоки, такъ что, будь въ то время дана власть Вѣлёпольскому, а при власти и утвержденная впослѣдствіи программа, можетъ быть, планъ его имѣлъ бы нѣкоторые шансы успѣха [1]). Остановка была за Петербургомъ, и семь мѣсяцевъ пребыванія Вѣлёпольскаго въ столицѣ употреблены только на то, чтобы склонить правительство стать послѣ колебаній на точку зрѣнія Вѣлёпольскаго и согласиться на его программу; но въ эти семь мѣсяцевъ (съ начала ноября 1861 г. по конецъ мая 1862 г.) отношенія въ Варшавѣ при генералѣ Лидерсѣ обострились, револю-

[1]) См. St. Petersburger Beiträge zur neuesten russischen Geschichte von Nicolaus I zu Alexander III, стр. 365.

ціонное движеніе зашло далеко, успѣло организоваться, выработало настоящее подпольное правительство, отвѣргавшее всякій компромиссъ и прямо стремившееся къ повстанію; средина, консерваторы, „полу-люди“, стали еще блѣднѣе и безхарактернѣе, совсѣмъ сбились и противъ воли шли туда же. Такимъ образомъ, несмотря на данныя маркизу полномочія, дѣйствующія лица, числомъ четыре: правительство, Вѣлёпольскій, революціонеры или красные и консерваторы или бѣлые, и положеніе ихъ по отношенію однихъ къ другимъ, остались почти тѣ же, какъ въ предшедшемъ году, только температура повысилась, борьба становилась ожесточеннѣе, пульсъ у противниковъ бился чаще, дѣйствіе происходило съ усиливающеюся быстротою и близилось къ развязкѣ, къ роковой для поляковъ катастрофѣ. Повстаніе вспыхнуло лишь въ слѣдующемъ году; въ 1862 г. оно еще откладывалось по общему соглашенію и бѣлыхъ, и красныхъ, какъ неготовое, недозрѣлое. Смутное время, предшествующее открытой революціи, дѣлалось еще болѣе смутнымъ, сопровождаемое колебаніемъ почвы, ударами грома, еще болѣе частыми вспышками и новымъ явленіемъ — дерзкими покушеніями на жизнь людей, представлявшихъ собою правительство. Главные моменты дѣйствія въ эту мрачную эпоху, продолжавшуюся съ іюня 1862 по январь 1863 г. были слѣдующіе.

Со 2 (14) іюня 1862 г., новый начальникъ гражданскаго управленія хлопоталъ въ Варшавѣ о скорѣйшемъ введеніи реформъ, въ особенности объ укомплектованіи личнаго состава учащихъ въ главной школѣ и объ ея открытіи; совмѣстно съ оставлявшимъ свой постъ графомъ Лидерсомъ онъ старался поставить управленіе края въ такое положеніе, которое дало бы возможность великому князю намѣстнику прибыть въ Варшаву въ срединѣ лѣта на все уже устроенное и готовое. Съ особою торжественностью совершилось введеніе К. Крживицкаго въ должность директора просвѣщенія и исповѣданій (A. W. II, 411—414). Бодрою, не лишенною нѣкотораго задора увѣрен-

ностью звучали произнесенныя при этомъ случаѣ слова новаго директора: „мы призваны исполнить Высочайшую волю: да будетъ свѣтъ въ странѣ. Благородныя души наградятъ насъ признательностю, на крики неблагоразумныхъ мы не обратимъ вниманія, а свѣтъ должень все-таки быть въ странѣ—онъ и будетъ!"—На каѳедры шли приглашенія въ Познань, Краковъ, Львовъ, даже въ Парижъ [1]). Особенно надежнаго человѣка требовалъ важный постъ президента города Варшавы. На эту должность предназначался занявшій ее 4 (16) августа, старшій сынъ маркиза, Сигизмундъ. Всѣ эти хлопоты въ официальной сферѣ и вся эта возня совершались какъ бы въ пустомъ, безвоздушномъ пространствѣ, не вызывая въ обществѣ почти никакихъ одобреній, никакихъ отголосковъ. Вѣлёпольскаго не могло не озадачить, какъ весьма дурной признакъ времени, то обстоятельство, что какъ до поѣздки его въ Петербургъ, такъ и послѣ возвращенія, общество высшее, интеллигентное, то, на которое онъ разсчитывалъ опереться, стояло въ сторонѣ и относилось къ нему отчасти съ ледянымъ и недоброжелательнымъ, а отчасти просто только съ выжидательнымъ равнодушіемъ. Самымъ популярнымъ и авторитетнымъ человѣкомъ въ царствѣ польскомъ продолжалъ быть идолъ шляхты, графъ Андрей Замойскій, который, если бы поддержалъ маркиза, то привлекъ бы на его сторону классъ помѣщиковъ, людей интеллигенціи, колеблющихся; онъ могъ бы затормозить такимъ образомъ движеніе. Такъ какъ это движеніе было уже весьма значительное, то оно бы произвело общую повстанскую вспышку, которая, при дружномъ противодѣйствіи и правительства, и людей состоятельныхъ и интеллигентныхъ, могла бы кончиться хотя бы и не безъ кровопусканія, но полнымъ торжествомъ законнаго порядка, слѣдовательно упроченіемъ началъ, на которыхъ основана была комбинація маркиза, его политическій ком-

---

[1]) Къ Генриху Вызинскому.—Мнѣ была въ то время предложена каѳедра, которую я принялъ, но не могъ занять по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ.

промиссъ. Вся организація бѣлыхъ развилась изъ кадровъ земледѣльческаго общества, изъ людей довѣрія отъ 8 воеводствъ, къ которымъ присоединились представители Варшавы. Центральный органъ этой организаціи была образовавшаяся въ концѣ 1861 г. делегація изъ 6 членовъ, однимъ изъ коихъ былъ одинъ изъ сыновей Замойскаго Владиславъ (Записки Н. Берга въ „Русскомъ Архивѣ" за 1873 г., стр. 1338). Въ началѣ февраля 1862 г. делегація преобразовалась въ *дирекцію*, которая предполагала всѣ свои постановленія предлагать на утвержденіе графу Андрею Замойскому (тамъ же стр. 1242). Положимъ, что графъ отклонилъ отъ себя предводительство и остался внѣ организаціи, но во всякое время онъ могъ имѣть громадное вліяніе, а положительные результаты отъ поддержки, оказанной Вѣлёпольскому, могли бы быть рѣшительные, могли прельстить патріота.

Человѣкъ болѣе честолюбивый, чѣмъ Замойскій, могъ бы воспользоваться моментомъ и сыграть первостепенную политическую роль, вполнѣ располагая ситуаціею.—Графъ Андрей Замойскій не измѣнилъ и въ этомъ случаѣ своей натурѣ и предпочелъ быть мертвымъ знаменемъ, между тѣмъ какъ могъ бы сдѣлаться живымъ, дѣйствующимъ лицомъ. Онъ ограничился сухимъ обѣщаніемъ, что не будетъ препятствовать маркизу, но въ содѣйствіи отказывалъ наотрѣзъ, то подъ предлогомъ, что „если бы онъ связался съ маркизомъ, народъ сказалъ бы, что аристократія ему измѣняетъ", то подъ другимъ предлогомъ, что „если бы онъ вошелъ въ сдѣлку съ правительствомъ и маркизомъ, то потомъ стыдился бы смотрѣть на жену и дѣтей" (A. W. I. 330). Очень трудно сказать, насколько на эту неподвижность повліяла политическая близорукость графа и насколько ей содѣйствовали личныя антипатіи и счеты вельможи съ вельможею. Въ характерѣ графа была одна черта, которую подмѣтилъ Вѣлёпольскій въ запискѣ отъ 10 (22) апрѣля 1861 г. (XIX): отсутствіе самолюбія при отстаиваніи своихъ убѣжденій, пассивная уступчивость волѣ и образу мыслей той группы, которая его несла,

какъ знамя на своихъ плечахъ. Поспоривъ, онъ бы сдался „по своему обыкновенію“ и присоединился бы „активно“ къ противному мнѣнію, если бы, обступивъ его дружною толпою, друзья его сказали, что того требуетъ благо его польскаго отечества. Но консервативная партія, группировавшаяся вокругъ графа, поражала, какъ въ прежнее время, такъ въ особенности теперь, отсутствіемъ мужества, полною безхарактерностью. Всѣ эти „полу-люди“ пугались, когда имъ предлагали министерскіе портфели, требовали отъ Вѣлёпольскаго объясненій о томъ, какъ онъ относится къ вопросу о литовско-русскихъ (западныхъ и юго-западныхъ) губерніяхъ, наконецъ уходили, пожимая плечами и отзываясь, конечно, неискренно, такъ какъ программа маркиза была ясна какъ день: „маркизъ предлагаетъ садиться въ экипажъ, не объясняя, куда онъ насъ повезетъ“ (A. W. I. 331).

Между тѣмъ, какъ бѣлые консервативные люди робко выжидали, красные поставлены были въ необходимость употребить всѣ мѣры, чтобы не допустить осуществленія реформъ и даже, чтобы разстроить самый пріѣздъ великаго князя въ Варшаву, вѣнчавшій комбинацію Вѣлёпольскаго. Съ осени 1861 г. шла не только на мостовой Варшавы, но и съ широкими развѣтвленіями во всемъ царствѣ польскомъ и даже за З. Бугомъ вербовка заговорщиковъ, въ особенности между рабочимъ ремесленнымъ простонародіемъ. Завербованные укладывались въ десятки, сотни; по выраженію Н. Берга, „этажи воздвигались за этажами“. Передъ полученіемъ извѣстія о дарованныхъ царству въ маѣ 1862 г. реформахъ, въ средоточіи организаціи красныхъ, въ центральномъ народномъ комитетѣ поставленъ было серьёзно вопросъ о немедленномъ возстаніи, сильно поддерживаемый вошедшимъ въ комитетъ капитаномъ Ярославомъ Домбровскимъ, которому потомъ довелось въ 1871 г. быть послѣднимъ главнокомандующимъ парижской коммуны. На этотъ разъ вопросъ разрѣшенъ отрицательно (Зап. Берга въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873, стр. 1277), и всѣ разговоры о возстаніи прекра-

тились; но когда Вѣлёпольскій получилъ власть, то дальнѣйшее бездѣйствіе партіи грозило ей разложеніемъ. Справедливо замѣчаетъ Бергъ (л. 1290): „число поляковъ, начинавшихъ группироваться вокругъ Вѣлёпольскаго, могло увеличиться; бѣдая организація могла рухнуть, явиться арміей правительства, которую оно повело бы на красныхъ. Необходимо было произвести нѣчто потрясающее, авось черезъ такой порогъ не перешагнетъ принцъ крови, раздражитъ государя и такимъ образомъ остановитъ реформы“. Отсюда произошли крупныя политическія убійства, затѣваемыя систематически. Они не дѣло всей партіи, которая до совершенія ихъ могла о нихъ не знать и быть ими же поражена; они не были дѣломъ даже центральнаго комитета. Охотно вѣримъ бывшему членомъ этого комитета Гиллеру (Alek. W., przez A. G. Lwow, 1878), что комитетъ былъ здѣсь ни при чемъ, что онъ этихъ убійствъ не рѣшалъ. Но характерная и, можно сказать, роковая черта во всякой революціонной организаціи, идущей на насиліе и дѣйствующей не разбирая средствъ, — та, что она дѣйствуетъ какъ стихія, что въ ней немыслимы дѣйствіе по плану и дисциплина, что верхъ беретъ въ ней не умъ и даже не сила, а просто одна смѣлость, и что, какъ бы ни были возмутительны покушенія, партія поневолѣ должна мириться съ ними по ихъ совершеніи и брать ихъ на свой счетъ, чтобы не дать себя опередить, хотя бы пришлось брести по колѣна въ крови. Комитетъ не рѣшалъ стрѣлять изъ-за угла и убивать, но въ комитетѣ былъ Игнатій Хмѣленскій, наряжавшій и подстраивавшій убійцъ съ іюня 1862 г. по самый конецъ повстанія, человѣкъ, записавшій имя свое самыми кровавыми чертами и дѣйствовавшій долго потомъ, напримѣръ, при организованіи покушенія на графа Берга 7 (19) сентября 1863 года на Новомъ Свѣтѣ изъ дома Замойскаго, уже въ то время, когда Вѣлёпольскій сошелъ со сцены дѣйствія. Собственнымъ дѣломъ Хмѣленскаго были выстрѣлъ въ Лидерса и три покушенія, за которыя въ краткіе промежутки поплатились жизнью Ярошинскій,

Рыль и Ржонца. (15) 27 іюня, среди бѣлаго дня, въ 8 ч. утра, въ публичномъ мѣстѣ — Саксонскомъ саду, среди публики, бывшій намѣстникъ Лидерсъ пораженъ былъ выстрѣломъ сзади въ шею, съ поврежденіемъ рта, языка и челюсти. Убійца остался неизвѣстнымъ; онъ положилъ револьверъ въ карманъ, смѣшался съ прохожими и точно въ воду канулъ. Несмотря на полную неизвѣстность, кто былъ злоумышленникъ, мелькнувшее предположеніе, что онъ могъ быть русскимъ, явившимся въ роли мстителя за разстрѣлянныхъ наканунѣ въ Новогеоргіевскѣ русскихъ офицеровъ: Арнгольда и Сливицкаго, дававшихъ читать солдатамъ „Колоколъ“ и „Полярную Звѣзду“, не выдерживаетъ критики. Орудовавшій въ красномъ комитетѣ Гиллеръ (Al. W. przez A. G., стр. 95) прямо винитъ въ выстрѣлѣ демагогическую фракцію польской революціонной партіи. Въ карманѣ у Ярошинскаго найдено сдѣланное имъ готовое признаніе въ томъ, что онъ стрѣлялъ въ Лидерса, признаніе, оказавшееся ложнымъ, но свидѣтельствующее, какъ заботились люди, употреблявшіе его какъ орудіе, чтобы отвести отъ себя подозрѣніе. Наконецъ извѣстно, что за три недѣли до выстрѣла Лидерсъ былъ предупрежденъ о замышляемомъ покушеніи анонимнымъ письмомъ съ угрозами (Le marquis A. W. II, 318). Такъ какъ Лидерсъ былъ человѣкъ уже уходящій и совсѣмъ кончившій свою роль въ царствѣ польскомъ, то поразившая его пуля мѣтила вовсе не въ него. Она произвела дѣйствіе совершенно противоположное тому, которое предполагали заговорщики. На слѣдующій день послѣ выстрѣла 16 (28) іюня, Вѣлёпольскій, заступая его мѣсто, открылъ торжественно засѣданіе государственнаго совѣта. Прежде, нежели до Петербурга дошло письмо, въ которомъ онъ просилъ великаго князя намѣстника ускорить пріѣздъ, уже въ Варшавѣ получена скрестившаяся съ письмомъ телеграмма, возвѣщавшая о немедленномъ прибытіи великаго князя со всѣмъ семействомъ, несмотря на то, что супруга великаго князя была въ послѣднихъ дняхъ беременности. Изъ Петербурга, вслѣдствіе выстрѣла,

посылаемы были Вѣлёпольскому горячія пожеланія успѣха и сильныя одобренія. Князь А. М. Горчаковъ писалъ ему: „мы не смѣшиваемъ націю съ осквернившимъ Варшаву злодѣяніемъ. Въ виду сего преступленія, я точно вижу, какъ вы подымаетесь во всю высоту вашей энергіи. „Sic itur ad astra“, мой дорогой маркизъ. Среди этого бастарднаго вѣка, вы обезпечиваете за собою прекрасную страницу въ исторіи“ [1]). Сборы въ путь были короткіе, черезъ пять дней послѣ выстрѣла въ Лидерса, 20 августа (1 сентября) вечеромъ, великаго князя встрѣчали у вокзала ж. д. на Прагѣ Вѣлёпольскій, мѣстныя власти и несмѣтныя толпы народа, послѣ чего, по деревянному пловучему мосту, онъ проѣхалъ черезъ Вислу и черезъ Замковый спускъ въ Бельведеръ. Никто не зналъ, что въ этой самой толпѣ на вокзалѣ затаенъ рѣшившійся на злое дѣло убійца, который не рѣшился, однако, на злодѣяніе потому, что великій князь намѣстникъ велъ подъ руку свою супругу; но на второй день потомъ, у подъѣзда оперы злой умыселъ осуществленъ; къ счастію пуля револьвера, пробивъ только платье и рубашку и контузивъ шейные покровы, завязла въ кистяхъ эполета. Злодѣй Людвигъ Ярошинскій оказался жалкимъ, неразвитымъ субъектомъ, подмастерьемъ у портного, 22 лѣтъ, фанатикомъ, котораго завели какъ машину и предали на жертву другіе, болѣе умные, ускользнувшіе подстрекатели. Его завербовали дней за десять до пріѣзда великаго князя, слѣдовательно дней за пять до выстрѣла въ Лидерса. Бѣдный и темный невѣжа поддался безъ спроса и условій, когда былъ приведенъ къ таинственному начальнику заговора, оказавшемуся помѣщикомъ И. Хмѣленскимъ; онъ получилъ отъ Хмѣленскаго приказъ убить для блага отечества одно лицо, которое ему укажутъ. Это лицо—великій князь, было Ярошинскому названо за нѣсколько часовъ до момента, когда должно было совершиться посягательство, при чемъ данъ и револьверъ. Близость великой княгини

[1]) Переводъ съ французскаго: Le marquis. W. II, 319.

помѣшала выстрѣлу на вокзалѣ. На слѣдующій день, 2 іюля, Ярошинскій поджидалъ великаго князя у православнаго собора, но успѣлъ произвести выстрѣлъ только 3 іюля (22 іюня). Долгое время онъ былъ твердъ какъ скала и молчалъ, не поддаваясь даже увѣщаніямъ ксендзовъ, но твердая рѣшимость оставила его, когда ему показаны были польскія заграничныя газеты, съ негодованіемъ осуждавшія его злодѣйскій поступокъ (Подробности извлечены изъ офиціальнаго отчета о засѣданіи полевого военнаго суда о Ярошинскомъ, помѣщаннаго въ варшавскихъ газетахъ; см. Gazeta polska, 18 августа 1862 г., № 187). Раньше, чѣмъ состоялся судъ надъ Ярошинскимъ и въ то еще время, когда не улеглось впечатлѣніе отъ его дѣянія, совершены два новыя покушенія, которыхъ предметомъ былъ Вѣлёпольскій и которыя шли изъ одного и того же источника [1]; 7 августа (26 іюля) 1862 г., на лѣстницѣ комиссіи финансовъ, въ маркиза сдѣланы были непричинившіе ему вреда два выстрѣла изъ револьвера литографомъ-подмастерьемъ Людвигомъ Рылемъ, а 15 (3) августа, среди Уяздовской аллеи по пути къ Бельведеру, другой литографъ-подмастерье Янъ Ржонца, 19 лѣтъ, ухватившись одною рукою за ѣдущую коляску Вѣлёпольскаго, другою пытался нанести ему ударъ кинжаломъ, котораго острее покрыто было засохшимъ сильнымъ растворомъ стрихнина, но сшибъ только шляпу съ головы маркиза, послѣ чего бѣжалъ, получивъ отъ кучера ударъ кнутомъ по головѣ. Оба преступника были другъ съ другомъ лично знакомы, оба предъ покушеніемъ были опоены и достались въ руки полиціи отравленными. Рыля уговорилъ на убійство Хмѣленскій, а Ржонца рѣшился на убійство подъ вліяніемъ опасности, грозившей ему отъ знакомства съ Рылемъ, и раздраженія отъ приготовленій къ суду надъ Ярошинскимъ. Оба преступника не сдѣлали откровенныхъ признаній и не выдали сообщни-

[1]) Зап. Берга въ „Русск. Арх.“ 1873 содержатъ много данныхъ, заимствованныхъ изъ подлинныхъ слѣдственныхъ производствъ, которыхъ нѣтъ въ отчетѣ полевого суда.

ковъ. Судъ полевой, какъ надъ ними, такъ и надъ Ярошинскимъ, состоялся въ августѣ 1862 г. на Медовой улицѣ въ бывшемъ дворцѣ Паца, гдѣ нынѣ окружный судъ, при открытыхъ дверяхъ, съ допущеніемъ публики по билетамъ, съ данными подсудимымъ отъ суда защитниками изъ адвокатовъ, состоящихъ при сенатѣ, и съ производствомъ суда на польскомъ языкѣ. По конфирмованнымъ великимъ княземъ намѣстникомъ приговорамъ, всѣ трое приговорены къ смертной казни, которая совершена на гласисѣ Александровской цитадели повѣшеніемъ 21 (9) августа Ярошинскаго, а 26 (14) августа Рыля и Ржонцы. Какъ четыре покушенія, такъ и расплата за послѣднія три изъ нихъ съ преступниками слѣдовали одни за другими быстро, въ предѣлахъ двухъ мѣсяцевъ. Если сравнить начало этого краткаго періода съ его концомъ, то надобно признать, что положеніе дѣлъ въ Варшавѣ значительно ухудшилось и что безповоротно исчезла бо̀льшая часть надеждъ на будущее, а весь небосклонъ заволокло черными, поминутно сверкавшими отъ молній тучами. Оказывалось, что въ томъ положеніи дѣлъ первенствующими людьми, по части цѣлесообразности дѣйствій, были уже Хмѣленскій и его ближайшіе друзья изъ демагогической фракціи революціонной партіи. Хотя ни одно изъ замышляемыхъ убійствъ не удалось, но главная цѣль, ради которой затѣвались убійства, осуществлена вполнѣ, и вмѣсто помоста изъ реформъ съ одного берега на другой, открылась между обоими обществами, русскимъ и польскимъ, зіяющая пропасть. Это ухудшеніе положенія не зависѣло вовсе отъ образа дѣйствій Вѣлёпольскаго, который дѣлалъ что̀ только могъ, чтобы осуществить свое личное дѣло и созданіе. Не зависѣло оно и отъ великаго князя; никогда еще не являлся на высокомъ посту намѣстника болѣе симпатичный, болѣе искренно расположенный къ полякамъ представитель русскаго правительства. Въ короткое время онъ научился польскому языку, былъ всякому доступенъ и привѣтливъ; онъ окружилъ себя поляками (Альфъ Вржесніовскій, Тенгоборскій, графъ

Хрептовичъ); публикѣ льстили даже цвѣта носимаго имъ синяго съ желтымъ мундира, и общее вниманіе возбудило даже крестное имя, данное родившемуся въ Варшавѣ сыну: Вячеславъ или по-польски Wacław, пробуждавшее бездну дорогихъ дли западнаго славянства воспоминаній. Даже повтореніе учащающихся покушеній само по себѣ могло не измѣнить настроеніе умовъ, къ нимъ могло отнестись правительство согласно съ мыслью, выраженною въ приведенномъ выше письмѣ князя Горчакова: „отдѣльныя преступленія не сбиваютъ власть съ пути, который считается ею соотвѣтствующимъ потребностямъ страны“ (Le marquis W. II, 319). Само по себѣ это учащеніе покушеній могло только вызвать усиленіе мѣръ предосторожности, мѣръ, которыя и были приняты, несмотря на то, что Вѣлёпольскому онѣ были по его натурѣ крайне стѣснительны и противны. Великій князь не выѣзжалъ потомъ иначе, какъ съ эскортомъ изъ черкесовъ; экипажъ Вѣлёпольскаго сопровождали по улицамъ конные жандармы. Печальнымъ явленіемъ были не столько покушенія, сколько та вялость, которую консервативные люди обнаружили по случаю покушеній, та колеблющаяся нерѣшительность, съ которою землевладѣніе, капиталъ и интеллигенція, очутившись между правительствомъ, на сторонѣ котораго они не хотѣли стать, и злоумышленниками, идущими на явно нечистое дѣло, отнеслись къ событію. Никто отъ нихъ и не требовалъ, чтобы они собственными руками ловили и выдавали злоумышленниковъ; достаточно было въ данную минуту, послѣ молній, освѣтившихъ пропасть, куда увлекаемо было общество, энергически протестовать противъ убійствъ, отклонивъ всякую, даже нравственную солидарность, и поддержать Вѣлёпольскаго не въ его полицейскихъ мѣропріятіяхъ, а въ реформахъ. Въ новомъ письмѣ къ Вѣлёпольскому А. М. Горчакова, отъ 16 августа (Le marquis W. II, 328), русскій канцлеръ помѣстилъ выраженіе, внушенное ему обнаруживающимся изолированнымъ положеніемъ маркиза: „безнаказанность злодѣевъ кончилась бы тѣмъ, что

честь націи была бы помрачена" (finirait par atteindre l'honneur de la nation). Замѣтимъ мимоходомъ, что не въ наказаніи или безнаказанности была суть вопроса, а въ томъ, что если бы значительная часть интеллигенціи высказалась рѣшительно и активно въ пользу реформъ, то вслѣдствіе этого раскола исчезла бы у крайнихъ революціонеровъ всякая надежда остановить ходъ реформъ изведеніемъ того или другого лица и покушенія прекратились бы совершенно независимо отъ наказаній, которыя въ тревожныя минуты, подобныя тогдашнимъ, теряютъ устрашающую, а иногда пріобрѣтаютъ даже возбуждающую силу. На другой день послѣ покушенія на великаго князя, т.-е. 4 іюля, архіепископъ Фелинскій съ высоты амвона въ соборѣ св. Яна проповѣдывалъ: „братья, въ эту послѣднюю минуту не правительство, а вѣра и отечество требуютъ, чтобы вы явно высказались противъ злодѣйства; помните, что въ подобныхъ случаяхъ qui tacet consentire videtur". 5 іюля въ засѣданіи государственнаго совѣта Вѣлёпольскій разразился рѣчью, которую Н. Бергъ („Р. Арх." 1873 г. 1302) называетъ не безъ основанія *громовою*, потому что и теперь еще въ чтеніи она производитъ сильное впечатлѣніе, до того ея сжатыя огненныя и образныя фразы проникнуты искреннимъ чувствомъ, до того для маркиза было лично правдою то, что онъ изобразилъ словами: „если еще имѣютъ послѣдовать смертоубійственные удары, то я желаю, чтобы лучше направились они на мою собственную грудь, потому что я не желалъ бы пережить на этой землѣ доблесть моихъ отцовъ и честь имени польскаго".

Нельзя сказать, чтобы эти слова пропадали даромъ, чтобы они не встрѣчали весьма многихъ людей, глубоко имъ сочувствующихъ. Огромное большинство публики было и возмущено и опечалено, но въ данномъ случаѣ это настроеніе не привело ни къ какимъ результатамъ. Собралась многочисленная депутація отъ всѣхъ классовъ народонаселенія варшавскаго съ графомъ Андреемъ Замойскимъ во главѣ; она представлялась 4 іюля, на другой

день послѣ событія, великому князю въ Бельведерѣ: она выражала несомнѣнно нелицемѣрное осужденіе случившагося, но ни одно слово не вышло изъ рамокъ заурядной офиціальности и не было ни одного движенія, которое бы вылилось изъ сердца; свиданіе началось и кончилось банально, какъ обрядъ. Великій князь пробовалъ извлечь извѣстную пользу изъ минуты и, напомнивъ явившимся о томъ, что мало однихъ словъ, а нужно дѣло, взялъ одною рукою руку графа Замойскаго со словами: „Вы раздѣляете мое мнѣніе, графъ“, а другою руку Велёпольскаго, и сказалъ: „я требую вашего содѣйствія, господа, помогайте мнѣ вашимъ нравственнымъ вліяніемъ, потому что правительство, не опирающееся на народъ, безсильно“ (A. W. I, 338). Сближеніе рукъ не довело до рукопожатія; графъ не сказалъ ни да, ни нѣтъ и былъ холоденъ и сухъ, какъ при исполненіи повинности. Но, выходя отъ великаго князя, лица, являвшіяся выразителями чувствъ населенія, были вообще крайне собою недовольны. Большинство общества тяготилось молчаніемъ и проистекающею отъ молчанія двусмысленностью положенія. Оно желало выразить энергичнѣе свое омерзѣніе по отношенію къ злодѣйствамъ. Слѣдствіемъ этого была мысль о необходимости подачи адреса, съ цѣлью отдѣлить себя отъ революціонеровъ; но настроеніе общественное было таково и революціонное теченіе было столь сильно, что пропадали безслѣдно самыя благія намѣренія, и людей заносило гораздо дальше, чѣмъ они хотѣли и предполагали, и что политическіе и общественные дѣятели сами того не замѣчали, какъ, по словамъ пословицы, начавъ за здравіе, они кончали за упокой. Затѣянный въ видѣ протеста противъ убійцъ адресъ превратился потомъ въ протестъ противъ Россіи и ея правительства. Исторія его представляетъ одно изъ характернѣйшихъ явленій того смутнаго періода, знаменіе времени, свидѣтельствующее о томъ, что уже осенью 1862 г. дѣло польское, при его тогдашнихъ условіяхъ, было безповоротно проиграно.

XXIII.

Сентябрь 1862 г. Манифестъ партіи крупныхъ землевладѣльцевъ.—Высылка графа А. Замойскаго.

Адресъ къ в. князю былъ затѣянъ тотчасъ послѣ представленія варшавскихъ нотаблей въ Бельведерѣ. Слѣдовало собрать какъ можно болѣе подписей, а потому въ редакціонный комитетъ приглашены по возможности представители всѣхъ оттѣнковъ умѣренной партіи, даже и такіе, которые стояли, такъ сказать, на ея лѣвомъ краю, подходящемъ къ области центральнаго (революціоннаго) комитета. Соглашеніе было, конечно, трудное и неустойчивое, потому что хотя всѣ сходились въ осужденіи убійствъ, но затѣмъ одни останавливались на этомъ голомъ отрицаніи, а другіе, боясь, чтобы ихъ не заподозрили, что они, вступаясь безъ условій за правительство, стали съ нимъ заодно, обусловливали свою подпись на адресѣ тѣмъ, чтобы внесена въ него была малая толика того неопредѣленнаго плача безъ словъ, того жалобнаго тона, который звучалъ въ адресѣ 27 февраля 1861 г., составленномъ Ставискимъ (XI) и который свидѣтельствовалъ, что они вѣрны мерцающему въ ихъ воображеніи и взлелѣянному ихъ поэтами и пророками идеалу реставрированной Польши отъ моря и до моря, что они не удовлетворены, не примирены, а можетъ быть и не примиримы. Тутъ входила у многихъ, какъ примѣсь, и боязнь стать поперекъ краснымъ, потерять популярность, быть на дурномъ счету на улицѣ, но дѣйствовало въ значительно бóльшей степени еще другое чувство: нежеланіе разстаться ни съ единымъ атомомъ отъ благъ великаго прошлаго, потерянныхъ по своей же винѣ упавшей націей, хотя бы чрезъ то пришлось терять весьма существенныя блага въ настоящемъ, посредствомъ которыхъ можно бы заработать на новое сносное будущее. Самая трудная борьба—та, которая происходитъ въ душѣ предъ совѣстью; согласившіеся сперва брали свое согласіе на-

задъ, перетягивали на свою сторону остальныхъ и уже условленное измѣнялось и дополнялось въ новой редакціи. Такъ случилось и съ адресомъ. Вѣлёпольскому показанъ былъ первоначально проектъ его, который имъ одобренъ, на другой день ему подали тотъ же документъ, но въ столь видоизмѣненной редакціи, вслѣдствіе прибавокъ, что Вѣлёпольскій долженъ былъ наотрѣзъ отказать въ представленіи его великому князю. Такимъ образомъ подача адреса не состоялась, но мысль о немъ бродила въ обществѣ и занимала, въ особенности въ провинціи, шляхту, т. е. партію бѣлыхъ, организованную по кадрамъ, которыми ее снабдило еще земледѣльческое общество. Отъ этого провинціальнаго, владѣющаго землями, дворянства шли предложенія о сочиненіи, для предотвращенія болѣе и болѣе грознаго повстанія, такой программы или такого манифеста, который бы отдѣлилъ эту партію отъ красныхъ и указалъ ей чего держаться. Въ концѣ концовъ по идеѣ лицъ, которыя брали на себя въ этомъ дѣлѣ починъ, адресъ долженъ былъ скорѣе подкрѣпить Вѣлёпольскаго, нежели его ослабить. По созыву дирекціи бѣлыхъ, до трехсотъ помѣщиковъ съѣхались въ Варшавѣ въ началѣ сентября. Цѣль съѣзда была та, чтобы дать отвѣтъ съ польской стороны на прокламацію в. князя къ полякамъ отъ 27 августа 1862 г., по случаю выстрѣла Ярошинскаго (A. W. II, 425), проредактированную Вѣлёпольскимъ (Le marquis, II, 334) и кончающуюся словами: „положите во мнѣ довѣріе равное тому, которое я въ васъ положилъ. Соединитесь со мною въ одномъ чувствѣ. Будемъ работать сообща и согласно для блага Польши, прося Бога, да благословитъ онъ усилія наши, а новая эпоха благосостоянія и счастія откроется для того отечества, которое вы столь сильно любите“. Съѣхавшіеся были на свой ладъ патріоты, пуще всего опасавшіеся, чтобы къ нимъ не пристала ненавистная кличка „новой Тарговицы“. Какъ заявить свою хотя и антиреволюціонную самостоятельность? Самымъ простымъ къ тому способомъ было: потребовать отъ правительства но-

выхъ уступокъ, которыми и обусловить свое содѣйствіе къ умиротворенію края. Грузящійся въ волнахъ повстанія классъ, на которомъ лежало столько неочищенныхъ еще грѣховъ отъ прошлаго, превращаясь по старой памяти въ родъ конфедераціи, вмѣсто того, чтобы самому спасаться, хватаясь за протянутую ему съ берега руку помощи, шелъ, на словахъ по крайней мѣрѣ, какъ будто бы на выручку правительству въ его, во всякомъ случаѣ менѣе стѣсненныхъ, обстоятельствахъ и торговался о цѣнѣ, за которую онъ возьмется спасать это правительство. Этотъ пріемъ какъ будто бы и приносилъ торгующимся нѣкоторыя выгоды въ настоящемъ. Онъ ставилъ людей, торгующихся собственно не о чемъ другомъ, какъ о своемъ спасеніи, въ положеніе рѣшителей судебъ, безъ представленія съ ихъ стороны какихъ бы то ни было доказательствъ, что морская волна ихъ послушается, когда они скажутъ: не иди дальше. Онъ продолжалъ для людей, въ сущности пассивныхъ и колеблющихся, относительно милое состояніе бездѣйствія безъ обязательствъ, впредь до полученія уступокъ. Наконецъ онъ былъ самымъ дешевымъ способомъ проявить свой патріотизмъ. О томъ, будетъ ли требованіе уступокъ послѣднимъ и какъ далеко могутъ идти уступки противной стороны, никто и не разсуждалъ. Уступчивость противника была, повидимому, безпредѣльна; не превзошли ли ожиданій большинства уступки мартовскія 1861 г. и не выхлопоталъ ли Вѣлёпольскій еще вдвое больше въ маѣ 1862 г.; отчего не заставить его похлопотать о новыхъ? Запрашиваемыя теперь уступки были не малыя: ни больше, ни меньше какъ административное соединеніе подъ властью великаго князя намѣстника и при общихъ въ польскомъ духѣ учрежденіяхъ земель коренныхъ польскихъ съ бывшими польскими, до раздѣловъ, Литвою и Русью по Двину и по Днѣпръ, т. е. то самое, чему еще въ 1819 г. противился и противъ чего протестовалъ Карамзинъ, въ извѣстномъ своемъ письмѣ къ Александру I, когда и воля тогдашняго Государя склонялась къ административному

соединенію царства польскаго съ западными губерніями, и голосъ общественнаго мнѣнія въ Россіи не имѣлъ ни половины того значенія, которое онъ пріобрѣлъ въ царствованіе Александра II [1]). Очевидно, что для домогающихся этихъ уступокъ, русскій народъ и его мнѣніе какъ бы не существовали вовсе или существовали въ скрытномъ состояніи, заслоняемые правительствомъ, которое само представлялось какъ нѣчто неопредѣленное и отвлеченное. Ужасало притомъ легкомысліе, съ которымъ считавшіе себя настоящими представителями своей національности, все-таки только въ предѣлахъ царства польскаго, не спросясь своихъ братьевъ за Бугомъ, распоряжались ихъ судьбою, продавали, такъ сказать, ихъ шкуру и увлекали ихъ съ собою, т. е. обрекали ихъ первыхъ въ жертву, на съѣденіе въ случаѣ катастрофы. Повторяемъ: „не спросясь", потому что въ данномъ случаѣ, хотя въ числѣ совѣщавшихся объ адресѣ и были нѣкоторые помѣщики, пріѣхавшіе, а можетъ быть и вызванные *дирекціею* изъ Вильны или изъ Кіева, но эти лица не представляли собою и не могли представлять ни польской народности между Западной Двиною и Днѣпромъ съ одной, а Западнымъ Бугомъ съ другой стороны, но даже и польскаго землевладѣнія въ этихъ земляхъ. Значеніе и права польскаго элемента въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ имперіи, гдѣ онъ былъ пришлый, привитой на не польскомъ корню, были всегда понятія весьма запутанныя и спорныя. Литва и Русь дали польской національности ея геніальнѣйшихъ поэтовъ, но въ политическихъ движеніяхъ этого вѣка играли всегда только роль резерва, только роль силъ вспомогательныхъ, никогда не оперирующихъ по собственному почину и самостоя-

[1]) Вотъ главныя мѣста письма Карамзина: „Мы взяли Польшу мечомъ: вотъ наше право, которому всѣ государства обязаны бытіемъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній... Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ поминѣ... Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: ни пяди земли ни врагу, ни другу... Можете ли отнять у насъ... утвержденную собственность Россіи еще до вашего царствованія?.. Согласно ли это возстановленіе Польши съ закономъ государственнаго блага въ Россіи? съ вашими священными обязанностями?"

тельно, но готовыхъ откликнуться по всякому зову со словами: гдѣ вы, тамъ и мы. Главный узелъ польскаго вопроса въ Россіи, какъ тогда, такъ и нынѣ, лежалъ и лежитъ не въ западныхъ губерніяхъ, а въ царствѣ польскомъ и Варшавѣ; всякое стѣсненіе въ этомъ центрѣ отзывается вдвое тяжелѣе польскому элементу по сю сторону Западнаго Буга; наоборотъ, всякая льгота, устанавливающая болѣе сносное положеніе польскому языку и литературѣ или большую вѣротерпимость, ведетъ неизбѣжно и къ бо̀льшей свободѣ польскаго элемента въ западныхъ губерніяхъ, въ единственной области, въ которой проявляются интересы этого элемента, въ жизни его интеллектуальной и религіозной. Мы лично по собственному опыту помнимъ ту глубокую тишину, чуждую всякаго чаянія грядущихъ бѣдъ, какая господствовала въ западныхъ губерніяхъ въ послѣдніе дни 1862 г., несмотря на то, что отъ расходившихся въ царствѣ польскомъ волнъ подергивало легкою поверхностною зыбью общество польское городское, чиновное и помѣщичье въ западныхъ губерніяхъ. Въ сущности ощущалось продолжающееся пріятное впечатлѣніе отъ ослабленія, хотя не въ законоположеніяхъ, но фактически, суровыхъ мѣръ, восходящихъ ко временамъ императора Николая Павловича. Это вспомогательное значеніе западныхъ губерній должно было бы внушить составителямъ адреса желаніе выгородить эти губерніи прежде всего и принять мѣры, чтобы повстаніе, котораго уже боялись, ихъ не коснулось, но уже въ то время преобладали мрачныя соображенія, философія отчаянія, руководящаяся правиломъ: если погибать, такъ всему и всѣмъ заодно. Г. Лисицкій утверждаетъ (Le marquis, II, 336), и мы оставляемъ его слова на его отвѣтственности, что въ *дирекціи* бѣлыхъ, гдѣ обсуждался адресъ, подняты были вопросы о томъ, не выразить ли недовѣріе къ Вѣлёпольскому и не потребовать ли отъ великаго князя отставки маркиза, но что эти предложенія были большинствомъ отвергнуты. Кончилось тѣмъ, что наряжена была депутація, которая была

отправлена къ Вѣлепольскому для объясненія адреса и для увѣренія его въ томъ, что умѣренная партія обѣщаетъ ему полную и безусловную свою поддержку въ случаѣ, если маркизъ возьмется хлопотать о Волыни, Подоліи и Литвѣ въ смыслѣ соединенія ихъ съ царствомъ польскимъ (A. G., Aleks. W. Lwów, 1878, стр. 102). Нѣтъ основанія не вѣрить этому послѣднему факту, приводимому стоявшимъ столь близко къ центральному революціонному комитету Агатономъ Гиллеромъ, факту тѣмъ болѣе правдоподобному, что при подачѣ адреса нельзя никакъ было обойти Вѣлёпольскаго. Понятно, что для маркиза минута эта была трагическая, роковая, въ которой безповоротно и окончательно уничтожалась его вѣра въ успѣхъ его идеи и обрывались всѣ его надежды, въ которой у него, какъ у бойца, переломлена была въ рукахъ его ни на что ненужная уже боевая шпага. Новѣйшія изслѣдованія опровергаютъ фактъ, произнесенныхъ будто бы Косцюшкою на побоищѣ подъ Мацѣевицами легендарныхъ словъ: finis Poloniae. Не знаю, какъ отнесется исторія къ словамъ, которыя Гиллеръ влагаетъ въ уста Вѣлёпольскому при пріемѣ делегаціи бѣлыхъ, но которыя не приведены жизнеописателемъ маркиза Лисицкимъ, но если они были въ дѣйствительности произнесены, то они изображали бы характерно мрачное отчаяніе гордаго человѣка, которому, послѣ крушенія всѣхъ надеждъ, приходится только сойти со сцены съ сознаніемъ моральнаго безсилія и умереть: „я не желаю и не требую содѣйствія ни вашего, ни чьего бы то ни было. Въ пользу поляковъ можно иногда что-нибудь сдѣлать, но съ поляками сообща никогда“ (A. G., стр. 103).

Люди, которыхъ мнѣніе получило перевѣсъ въ помѣщичьемъ парламентѣ, созванномъ по случаю адреса, не могли довольствоваться такимъ отрицательнымъ результатомъ, какимъ было непринятіе адреса; этотъ результатъ не устраивалъ ихъ вовсе, они теперь старались его огласить, довести до свѣдѣнія страны и не только страны, а и всей Европы, т. е., не добившись своихъ условій,

хотѣли констатировать, что не отъ нихъ, а отъ непринявшаго условій правительства зависѣло предотвратить революцію. О напечатаніи адреса нельзя было и думать; участвовавшіе въ немъ не могли быть увѣрены, что они не подвергнутся преслѣдованію, какъ за преступленіе политическое. Эти соображенія заставили дирекцію бѣлыхъ избрать косвенный путь для достиженія цѣли, заключавшейся въ томъ, чтобы сдѣлать свою резолюцію почти гласною, а именно, распространивъ ее только въ рукописи, сообщить ей форму частнаго письма къ довѣренному лицу, поручивъ этому лицу въ моментъ, который оно найдетъ удобнымъ, довести до свѣдѣнія великаго князя, а слѣдовательно и правительства, о нуждахъ и желаніяхъ общества польскаго, питаемыхъ его консервативными и умѣренными людьми. Подходящее лицо отыскивалось само собою, безъ указанія на него; то былъ безупречный великій гражданинъ, неподвижный какъ статуя, постоянно противополагаемый новому тарговичанину, почти измѣннику-маркизу, графъ Андрей Замойскій. Послѣ раскассированія земледѣльческаго общества графъ удалился отъ дѣлъ, стоялъ внѣ организаціи бѣлыхъ и жилъ отшельникомъ, превратившись въ ходячій, но безмолвный протестъ; но хотя онъ стоялъ вдали отъ дѣлъ, онъ никогда непереставалъ быть знаменоносцемъ, и болѣе нежели знаменоносцемъ — живымъ воплощеніемъ духа шляхетской партіи. Было, однако, затрудненіе, заключавшееся въ томъ, что Замойскій, по принципу проводившій правило: ни о чемъ не просить, — былъ противникомъ всякаго адреса и всякихъ совѣщаній объ адресѣ, онъ прямо называлъ это дѣло „ребячествомъ“ и совѣтовалъ съѣхавшимся бросить „глупости“ и разъѣхаться. Но руководители съѣзда помѣщиковъ знали отлично человѣка, знали, что онъ всегда уступитъ, когда отъ него что-нибудь потребуется цѣлымъ соборомъ, что онъ всегда готовъ принести въ жертву даже свои убѣжденія тѣмъ, кого онъ считаетъ по совѣсти настоящими представителями народа, что по одушевляющимъ его истинно рыцарскимъ чувствамъ и по всегда присущей

ему жаждѣ самопожертвованія ради общаго блага, онъ будетъ скорѣе склоненъ къ тому, чтобы сдѣлать угодное съѣхавшимся, нежели удерживаемъ соображеніями о томъ, что теперь, въ сущности, закрывая ихъ всецѣло собою, онъ своею головою отвѣчаетъ за всѣ послѣдствія ихъ коллективнаго дѣйствія. На коллективномъ посланіи къ графу Замойскому рѣшились подписаться не всѣ съѣхавшіеся (числомъ около 300), но большинство (около 200 подписей — A. W. II, 427). Посланіе писано въ патетическомъ тонѣ, кажется, что оно было поднесено графу въ бывшемъ тогда его домѣ на Новомъ Свѣтѣ (нынѣ домъ военнаго вѣдомства) всѣми подписавшимися in corpore; оно содержитъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Вновь пожалованныя учрежденія не могутъ предупредить грозящихъ опасностей... Нынѣ опять дѣйствуя во имя общественнаго порядка и европейской цивилизаціи и будучи побуждаемы прокламаціею великаго князя къ тому, чтобы не допустить страну до паденія въ безвыходную пропасть, мы, поляки, прибыли со всѣхъ областей, и, не имѣя никакого иного пути дѣйствія, мы окружаемъ васъ, графъ, съ увѣренностью, что вы, *олицетворяя* въ себѣ духъ всего народа, выскажете великому князю нужды и убѣжденія, нашимъ сердцамъ и умамъ присущія, которыхъ утайку мы считаемъ вредною, а *обнародованіе* предъ цѣлымъ міромъ *необходимымъ*. Мы *не уклоняемся* отъ участія во вновь дарованныхъ учрежденіяхъ, но мы обязаны заявить, что *средствами*, *употребленными до сихъ поръ*, страна доведена до того, что ни военная сила, военные суды, тюремное заключеніе и изгнанія, ни даже смертныя казни не могутъ ее успокоить, а напротивъ того вызываютъ крайнее раздраженіе и влекутъ на пути болѣе и болѣе пагубные и для управляющихъ, и для управляемыхъ. Мы, какъ поляки, *только тогда* будемъ въ состояніи *поддерживать* правительство нашимъ довѣріемъ, когда оно будетъ наше *польское* и когда основнымъ закономъ, при существованіи свободныхъ учрежденій, будутъ соединены *всѣ области*, *составляющія наше оте-*

чество. Самъ великій князь въ своей прокламаціи почтилъ эту нашу любовь къ отечеству и обѣщаетъ свое содѣйствіе для блага ея. Мы не можемъ *дѣлить эту любовь* и мы любимъ наше отечество *въ предѣлахъ*, какіе начерталъ ему Богъ и какіе освящены историческими преданіями".

Этотъ документъ мы относимъ къ числу величайшихъ курьезовъ смутной эпохи, мы еще считаемъ его одною изъ печальнѣйшихъ, безумнѣйшихъ и самыхъ жалкихъ страницъ новѣйшей исторіи польской націи, доказательствомъ полной неспособности людей, претендующихъ на то, что они, — цвѣтъ націи, къ разрѣшенію простѣйшихъ жизненныхъ задачъ своего общественнаго быта. Посланіе не содержало ни одного слова порицанія политическихъ убійствъ. Какъ программа партіи, оно ничѣмъ не разнится отъ устава народнаго революціоннаго союза, который найденъ былъ у одного изъ заговорщиковъ при обыскѣ и опубликованъ, по распоряженію маркиза, въ неофиціальной части правительственной газеты „Dziennik powszechny", 29-го октября 1862 г., № 244. Посланіе стоитъ сообща съ революціоннымъ уставомъ за полную реставрацію или, какъ выражается уставъ въ § 1, за отстройку вновь Польши (odbudowanie) въ предѣлахъ дораздѣльныхъ. Но уставъ логичнѣе потому, что вслѣдъ за § 1 идетъ § 2, въ которомъ прямо сказано, что единственнымъ средствомъ отстройки вновь Польши полагается вооруженное возстаніе, между тѣмъ, какъ авторы посланія, усвоивъ себѣ цѣль, открещиваются отъ средства и думаютъ, что отъ однихъ ихъ возвышенныхъ чувствъ обвалятся, точно отъ трубнаго звука левитовъ, іерихонскія стѣны существующаго враждебнаго имъ порядка. Они идутъ въ своемъ изумительномъ ослѣпленіи еще гораздо дальше и хотѣли бы, чтобы Россія, для которой вопросъ о реставраціи Польши есть to be or not be, сама по своему почину пошла возвращать полякамъ Литву, Подолію и Волынь, созидать еще болѣе свободныя учрежденія и устанавливать еще болѣе польское правительство. Никакія границы не указываются Богомъ, а опредѣляются и охраняются онѣ весьма про-

заически кускомъ желѣза—мечомъ; что касается до историческихъ преданій, то о томъ, что они обрывались въ концѣ XVIII в., какъ будто бы и не помнили дѣти прокутившихъ свою отечественную самостоятельность предковъ. Наконецъ, прелестенъ самъ финалъ: недѣлимость любви, любовь къ отечеству не по частямъ, а только въ цѣломъ его составѣ, со включеніемъ туда же Литвы, но обходя Познань и Галицію. Одного недоставало, а можетъ быть, одно не было досказано: чтобы Россія для реставраціи призрака Польши пошла войною на своихъ могущественныхъ западныхъ сосѣдей.

Авторы посланія не ошиблись въ своемъ расчетѣ относительно Замойскаго. Графъ ихъ принялъ, вѣроятно спорилъ, наконецъ сдался, когда пріѣхавшіе обратились къ его патріотическимъ чувствамъ. Онъ акцептовалъ адресъ подъ тѣмъ только условіемъ, что выберетъ самъ время, подходящее для того, чтобы пустить его въ ходъ, слѣдовательно, онъ самъ обрекъ себя на отвѣтственность за дѣло другихъ лицъ, въ которомъ не участвовалъ, и если не за образъ мыслей, то за образъ дѣйствій, котораго не одобрялъ. Посланіе такъ и осталось въ его рукахъ, а безъ этого вещественнаго доказательства, которое нельзя было отъ него добыть, невозможно было и привлекать къ отвѣту подписавшихся на посланіи. Но текстъ посланія безъ подписей пошелъ ходить по рукамъ по всей Варшавѣ, съ примѣсью ложныхъ извѣстій о томъ, будто бы члены съѣзда собирались по волѣ великаго князя, будто бы великій князь желалъ узнать отъ нихъ о нуждахъ и желаніяхъ страны. Необходимость требовала вывести дѣло на чистую воду и возстановить факты въ ихъ настоящемъ видѣ. Прежде, чѣмъ графъ Замойскій нашелъ удобный случай познакомить великаго князя съ содержаніемъ посланія, его самого потребовали 11 (23) сентября къ великому князю, гдѣ при графѣ Хрептовичѣ (Le marquis W. II, 338), великій князь поставилъ ему на видъ, что онъ не долженъ былъ принимать завѣдомо незаконный актъ, котораго не потерпѣло бы никакое правительство

безъ навлеченія на себя обвиненій въ слабости, и объявилъ ему Высочайшій приказъ ѣхать немедленно въ Петербургъ, куда Замойскій и былъ отвезенъ (3) 15-го сентября (Dziennik powszechny, № 206). По требованію великаго князя, Замойскій выдалъ правительству 11-го (23) сентября, слѣдующее удостовѣреніе, которое опубликовано въ офиціальной газетѣ (Dz. powsz. № 119): „спѣшу заявить, что я не получалъ отъ Его Императорскаго Высочества никакого разрѣшенія (на съѣздъ землевладѣльцевъ) и что я никого не созывалъ". Въ статьяхъ офиціальной газеты (Dzien. №№ 206 и 231) объяснено было, что нѣкоторые землевладѣльцы съѣхались въ Варшавѣ, и вслѣдствіе совѣщаній, происходившихъ у графа Замойскаго и подъ его руководствомъ, написали къ нему посланіе. Вина графа опредѣлялась такимъ образомъ: „принимая порученіе, графъ Замойскій подвергалъ самъ себя тому, что имя его послужитъ знаменемъ, которымъ революціонная партія постарается прикрыть свои анархическія стремленія. Отъ этихъ послѣдствій правительство рѣшило предохранить его, вызывая его въ С.-Петербургъ". Въ сѣверной столицѣ онъ жилъ на вольной ногѣ, въ гостиницѣ Клэ, нынѣ Европейской, на Михайловской площади, ожидая распоряженій относительно своей дальнѣйшей участи. При всѣхъ своихъ ошибкахъ, онъ внушалъ къ себѣ здѣсь уваженіе по безукоризненной правотѣ и честности своего характера, что̀ и выразилось въ мѣрѣ, употребленной по отношенію къ нему, которая не имѣла вида кары, а только остракизма: онъ представлялся Государю въ Царскомъ Селѣ, послѣ чего получилъ приказаніе уѣхать на время за границу. Онъ уѣхалъ въ Парижъ къ брату своему, генералу Владиславу Замойскому; ему не суждено уже было возвратиться на родину. Съ высылкою Замойскаго изъ Варшавы стушевывается и почти совсѣмъ исчезаетъ, сходя со сцены дѣйствія, организація бѣлыхъ, образованная изъ обломковъ земледѣльческаго общества. Главными дѣйствующими лицами остались только два: съ одной стороны Вѣлёпольскій, съ другой

стороны красный центральный комитетъ съ его развѣтвленіями; оба готовились къ рѣшительной и окончательной схваткѣ.

XXIV.

Съ октября 1862 до половины января 1863. — Coup d'état маркиза: рекрутскій наборъ. — Вспышка и начало повстанья.

Ударъ, нанесенный Вѣлёпольскому посланіемъ къ Замойскому съѣзда землевладѣльцевъ, былъ столь силенъ, что Вѣлёпольскій уже не могъ оправиться, во-первыхъ, потому, что ему прямо враждебнымъ оказывался тотъ слой общества, въ интересахъ котораго онъ, главнымъ образомъ, дѣйствовалъ и на который хотѣлъ опереться, во-вторыхъ, потому, что эта неудача дискредитировала его въ Петербургѣ. Большинство людей судитъ человѣка по удачѣ. Самые горячіе сторонники маркиза охладѣвали и становились сдержаннѣе. Отражая, наподобіе термометра, эту перемѣну температуры, графиня Ант. Блудова писала въ январѣ 1863 г. Вѣлёпольскому: „мой отецъ и я, мы принадлежимъ къ *малому* числу тѣхъ, которые думаютъ, что вы можете ошибаться, но что вы, какъ благородный и честный человѣкъ, не можете обманывать тѣхъ, которые имѣютъ къ вамъ довѣріе"... (Le marquis W. II, 365). Эти слова доказываютъ, что большинство къ началу 1863 г. уже было враждебно настроено; одна часть публики пошла за тѣми, которые съ самаго начала польскаго движенія совѣтовали крутыя мѣры, и считала всякія уступки и либеральныя реформы въ царствѣ польскомъ баловствомъ, а другая часть, относившаяся къ политическому вопросу еще менѣе критически, начинала додумываться, не есть ли Вѣлёпольскій измѣнникъ, и представлять его себѣ въ образѣ Конрада Валленрода, гораздо болѣе опаснаго, чѣмъ всѣ члены народнаго ржонда вмѣстѣ взятые. Маркизъ не могъ не предвидѣть, что когда начнется открытая борьба

съ революціею, то по необходимости гражданское управленіе отойдетъ на второй планъ, а первымъ выдвинется военное, всегда косившееся на маркиза, что оно поспѣшитъ убрать прочь, какъ препятствіе, всѣ либеральныя реформы, послѣ чего творецъ ихъ застрянетъ на мели или будетъ выброшенъ черезъ бортъ для облегченія спасаемаго корабля. Для тѣхъ, которые вблизи наблюдали Вѣлёпольскаго, онъ былъ неузнаваемъ, до того онъ сдѣлался печаленъ и мраченъ; но по наружности онъ продолжалъ съ желѣзнымъ постоянствомъ работать, и работалъ еще неутомимѣе и настойчивѣе прежняго. По понедѣльникамъ вечеромъ происходили пріемы въ занимаемомъ Вѣлёпольскимъ Брюлевскомъ дворцѣ; Dziennik powszechny помѣщалъ обширные отчеты о дѣятельности уѣздныхъ совѣтовъ и протоколы засѣданій государственнаго совѣта; военное положеніе было постепенно снимаемо въ губерніяхъ царства польскаго, кромѣ большихъ городовъ; въ Варшавѣ съ 28 іюля 1862 г. разрѣшено публикѣ ходить по улицамъ ночью безъ фонарей. Открытіе всякаго новаго учебнаго заведенія сопровождаемо было подобающимъ торжествомъ и рѣчами г. Крживицкаго; 26 ноября 1862 г. начались по всѣмъ факультетамъ лекціи въ главной школѣ. Осуществлено полное административное отдѣленіе вѣдомствъ почтоваго и путей сообщенія въ царствѣ отъ главныхъ управленій тѣхъ же вѣдомствъ въ Петербургѣ. На мѣста губернаторовъ въ царствѣ назначено нѣсколько поляковъ (Александръ Островскій, Доминикъ Дзѣвановскій и Осипъ Корытковскій въ Радомѣ, Плоцкѣ и Сувалкахъ); происходило множество событій, изъ которыхъ нѣкоторыя при другихъ условіяхъ составили бы въ жизни того края эпоху, но теперь они проходили едва замѣчаемыя, потому что вниманіе общества обращено было цѣликомъ въ иную сторону. По мѣрѣ того, какъ отлетали одна за другой надежды, Вѣлёпольскій становился мрачнѣе и озлобленнѣе, взыскательнѣе и придирчивѣе. Его никогда не любили въ публикѣ, его считали мстительнымъ, высокомѣрнымъ до

безконечности и мелочнымъ; въ сущности, даже ставъ государственнымъ человѣкомъ, онъ никогда не могъ отдѣлаться отъ привычекъ адвоката-бойца и газетнаго боксера. Предметомъ, на которомъ онъ всего чаще вымѣщалъ свою досаду, была, конечно, та бѣдная безоружная подцензурная печать, поставленная между двухъ огней и преслѣдуемая, несмотря на свою несамостоятельность, за всѣ заблужденія общественнаго мнѣнія. Мы не разъ имѣли случай говорить, что Вѣлёпольскій значенія печати и условій ея дѣятельности не понималъ, что по отношенію къ ней онъ былъ деспотъ, что онъ съ одной стороны претендовалъ на то, чтобы она для идеи его работала какъ извозчичья лошадь, а съ другой склоненъ былъ думать, что общественное мнѣніе фабрикуется газетами. Что касается до печати, то за исключеніемъ немногихъ, какъ Минишевскій, сотрудниковъ маркиза по журнальному дѣлу, она не была справедлива по отношенію къ маркизу и не умѣла его цѣнить. Она стояла на той точкѣ зрѣнія, на которой остановился въ своей статьѣ и графъ С. Тарновскій. Она одобряла идею, но полагала, что маркизъ портитъ все тѣмъ, что непомѣрно спесивъ и самоувѣренъ, что не выноситъ свободнаго слова и отталкиваетъ отъ себя всякаго, однимъ словомъ, что будь онъ покладистѣе и вкрадчивѣе, все пошло бы какъ по маслу. При такихъ условіяхъ понятно, что маркизъ и печать ненавидѣли другъ друга сердечно. Статья № 204 офиціальной газеты (12 сентября), видимо написанная самимъ Вѣлёпольскимъ, содержитъ въ сущности слѣдующее: правительство дозволило газетамъ писать по внутреннимъ вопросамъ, но частныя газеты, по давленію ли общественнаго мнѣнія или по неподготовкѣ (brak studyów), вскорѣ отъ внутреннихъ вопросовъ перекинулись въ область внѣшней политики, что и заставило правительство предписать цензурѣ, чтобы она воспретила газетамъ общія разсужденія и выводы по заграничной политикѣ. „Будущее покажетъ,—гласила статья,—выведетъ ли это средство газеты изъ фальшиваго круга? захотятъ ли онѣ понять и при-

нять къ руководству, что блистательнѣйшія заграничныя дѣла меркнутъ передъ нуждами и задачами отечественными? Во всякомъ случаѣ цензурныя препятствія не могутъ служить предлогомъ руководителямъ газетъ къ дальнѣйшему въ этомъ отношеніи воздержанію (отъ внутреннихъ вопросовъ), такъ какъ они вовсе не лишены публицистическихъ способностей“. Едва ли даже при Паскевичѣ бывали подобные примѣры столь изумительной безтактности по отношенію къ печати, примѣры не только запугиванія ее лозою цензурныхъ запрещеній и лишеній, но и дрессировки ея громкимъ прикрикиваніемъ, употребляемымъ по отношенію къ лицамъ, которыя, по крайней мѣрѣ, по юридической фикціи, если не фактически, предполагаются свободными въ выраженіи своихъ убѣжденій. Обыкновенно за печатью признавалась свобода молчанія о томъ, о чемъ ей неудобно говорить; теперь ее заставляли говорить въ правительственномъ смыслѣ о томъ, о чемъ она стѣснялась говорить, слѣдовательно ее понуждали къ неискренности и лжи, и дѣлали это въ то самое время, когда произведенія подпольной печати ходили по рукамъ столь же свободно, какъ и подцензурныя. Газеты частныя, какъ бы онѣ ни были принижены, сохраняютъ даже и подъ цензурою свое жало; печать можетъ оказаться ядовитою потому, что читатели ухитряются читать между строками. Для послѣдующихъ поколѣній большею частью даже непонятна этого рода литература, и проскользаютъ незамѣченными слова, которыми придавленный публицистъ или сатирикъ ухитрялся порою проколоть и пришпилить своихъ могущественныхъ противниковъ. Я полагаю, что безъ комментаріевъ никто уже и нынѣ не постигнетъ въ чемъ заключалась суть передовой статьи, помѣщенной наканунѣ Рождества 1862 г. въ „Польской газетѣ“ (№ 294) и писанной опытнымъ перомъ лица уважаемаго и честнаго ветерана литературы, І. И. Крашевскаго. Въ статьѣ нѣтъ ни слова ни о правительствѣ, ни о Польшѣ, ни о маркизѣ, а содержатся только слѣдующія нравоученія: „прежде всего намъ не-

достаетъ смиренія—добродѣтели, которая приводитъ къ любви... Когда бы мы умѣли смириться, Боже, какъ бы мы стали велики! Если бы мы не желали царствовать, какимъ бы могуществомъ мы преисполнились!.. Только смиреніемъ человѣкъ доходитъ до совершенства, до побѣды надъ самимъ собою, безъ которой мы ничего побѣдить не въ силахъ!..“ Въ этихъ словахъ, для насъ нынѣ почти безцвѣтныхъ, въ глазахъ публики тогдашней обрисовывался маркизъ, какимъ она себѣ его представляла: гордецъ и деспотъ. Вѣлёпольскій почувствовалъ ударъ и въ сердцахъ поѣхалъ къ великому князю, добился того, что Крашевскому приказано было оставить редакторство газеты и уѣхать за границу (Записки Берга въ „Русской Старинѣ“, 1879, февраль, стр. 206). Крашевскій уѣхалъ въ Дрезденъ въ первыхъ числахъ февраля и уже не могъ возвратиться на родину. Изгнаніе его есть одно изъ пятенъ на памяти маркиза; оно свидѣтельствуетъ, что онъ уже терялъ свою устойчивость и что въ то время ему начинало отказывать въ услугахъ то чутье, которое ему способствовало умозаключать вѣрно и отличать настоящихъ враговъ отъ ненастоящихъ. Какъ тогда, такъ и теперь, объ этомъ дѣйствіи маркиза приходится, пожимая плечами, сказать: своя своихъ не познаша.

Къ той эпохѣ относится затѣянное Вѣлёпольскимъ издательство сатирическаго листка *Коммуналы*, издаваемаго *„связками“* подъ редакціею вымышленнаго лица Ахилла Каценберговіуса, подъ прозрачною маскою котораго скрывалось дѣйствительное лицо—записной защитникъ маркиза въ печати *Минишевскій*. Первая связка появилась въ сентябрѣ 1862 г. (цензурная помѣта 10 сентября), послѣ второй по случаю вспыхнувшаго повстанія трудно было печатать Коммуналы въ Варшавѣ, третья связка отпечатана на средства Вѣлёпольскаго уже за границею и едва ли даже пущена въ Варшавѣ въ обращеніе. За эти листки главнымъ образомъ расплатилась революція съ Минишевскимъ кинжаломъ. Листокъ былъ

ѣдокъ и задоренъ, осмѣивалъ всѣхъ и вся: Гарибальди и клерикаловъ французскихъ съ Генрихомъ V во главѣ, польскихъ магнатовъ, трусящихъ и удирающихъ за границу, и зарождающіяся дружины вѣшателей и кинжальщиковъ. Въ коммуналахъ больше было отваги, чѣмъ юмора, цѣли своей не достигало это изданіе, оно только раздражало. Лишь въ настоящее время можно по достоинству оцѣнить, сколько было правды въ слѣдующихъ, напримѣръ, заимствуемыхъ мною изъ связки первой отрывкахъ. Разговариваютъ въ Варшавѣ Шульце съ Мюллеромъ.—Ш: я говорю, что ты глупъ, когда усовѣщиваешь поляковъ, чтобы они не дѣлали глупостей. У тебя есть запасецъ, съ твоею фабрикою ты продержишься нѣсколько лѣтъ и переживешь смуту. Не мѣшай полякамъ съ ума сходить. Чѣмъ больше они разбасурманятся, тѣмъ для насъ лучше, потому что ихъ потомъ осѣдлаютъ, мы же завладѣемъ всѣми безъ остатка ихъ народными богатствами и сдѣлаемъ въ Польшѣ Германію. Теряемое нынѣ мы возвратимъ съ избыткомъ лѣтъ черезъ десять.—Разговариваютъ мужики Бартошъ съ кубою. Б: хваты хлопцы, опять повѣсили, и завтра вѣшать будутъ, пока не сдѣлаютъ.—К: чего не сдѣлаютъ?—Б: глупъ ты, братъ; будетъ Польша и баста.—К: Польша будетъ потому, что она и теперь есть, но когда наши поѣдятъ себя взаимно какъ крысы, кто же въ ней-то будетъ сидѣть.—Умные люди совѣтовали ирландцамъ: учитесь, заботьтесь о просвѣщеніи, поставьте Ирландію въ такое состояніе достатка, чтобы она сама удовлетворяла свои потребности собственною промышленностью и торговлею. Свободы гражданскія зарабатываются, такъ точно какъ и хлѣбъ—пóтомъ и кровью.—Но энтузіасты кричали: вонъ доктринеры, прочь педагоги и экономисты! намъ необходимы свободы, намъ нужно ежеминутно доказывать, что мы народъ живой, имѣющій право жить. Будемъ же затѣвать политическія демонстраціи. Энтузіасты одержали верхъ и сорокъ лѣтъ употребили на демонстрацію, вступивъ съ политическимъ порядкомъ въ упорную борьбу.—Что сдѣлалось съ Ирлан-

діей послѣ этихъ сорока лѣтъ?—Съ восьми-милліоннаго народа она превратилась въ пяти-милліонное скопище нищихъ. Покажите этому нищему кусокъ мяса и хлѣба, и этимъ купите его, этимъ наймете его въ защитники невольничества въ Америкѣ, въ папскіе солдаты, въ гарибальдійцы, еще того хуже—въ братоубійцы"...

Сравнительно съ другими крупными событіями того тревожнаго времени, изгнаніе литератора Крашевскаго было мелкимъ фактомъ, проскользнувшимъ малозамѣтнымъ образомъ. Было другое дѣйствіе Вѣлёпольскаго несравненно важнѣе и богаче послѣдствіями, которое показываетъ, что онъ былъ крайне раздраженъ и что трудное положеніе одолѣвало и его, оказывалось сильнѣе, нежели его умъ и его характеръ, что оно заставляло его быть непослѣдовательнымъ, сходить съ почвы строгой справедливости и законности и прибѣгать для борьбы съ революціею къ средствамъ самой же революціи, къ тому, что называется coup d'état. Съ первыхъ же покушеній на жизнь генерала Лидерса и великаго князя въ умѣ Вѣлёпольскаго созрѣвалъ, по поводу предстоящаго рекрутскаго набора, планъ такого способа этого набора, который, бывъ направленъ на наиболѣе волнующіеся слои населенія, вырвалъ бы съ корнемъ изъ этой среды главныхъ коноводовъ движенія и, поставивъ ихъ въ ряды дѣйствующей арміи гдѣ-нибудь въ центрѣ Россіи, освободилъ бы отъ нихъ царство польское. Рекрутская повинность въ томъ видѣ, въ какомъ она отбываема была въ прежнее время по системѣ наборовъ императора Николая Павловича, была весьма обременительна; въ царствѣ польскомъ, помнившемъ еще свое особое „войско польское", народонаселеніе смотрѣло на нее какъ на „подать крови". Она распространялась на всѣ состоянія и производилась конскрипціонными комиссіями по такъ называемому очередному порядку, по выбору и назначенію властей. Послѣ крымской войны и заключенія парижскаго мира 1856 г. данъ былъ нѣкоторый отдыхъ населенію всей Россіи, и ни одинъ наборъ не производился въ царствѣ польскомъ

вплоть до 1862 г.; только указомъ 3 (15) марта 1859 г. установлено, что на будущее время наборъ будетъ производиться по болѣе справедливому жеребьевому порядку. Въ іюнѣ 1862 г. послѣдовало распоряженіе о производствѣ въ царствѣ польскомъ рекрутскаго набора въ концѣ этого года въ уменьшенномъ размѣрѣ: подлежали набору на все царство 12,000 изъ числа 72,000 призываемыхъ къ отбыванію повинности. Въ волнующейся странѣ наборъ всегда затруднителенъ; приведеніе его безъ сопротивленія въ исполненіе должно было служить пробнымъ камнемъ крѣпости водворяемаго при посредствѣ Вѣлёпольскаго порядка; по всей вѣроятности, наборъ прошелъ бы исправно по уѣздамъ и только города имѣли бы значительный процентъ уклоняющихся отъ повинности. Раздраженный покушеніями, Вѣлёпольскій еще лѣтомъ 1862 г. задумалъ сообщить набору характеръ мѣры карательной, взвалить повинность на этотъ разъ только на одни города, возвратиться отъ оповѣщеннаго жеребьеваго порядка къ очередному, по заранѣе составленнымъ администраціею именнымъ спискамъ, и занести въ списки побольше отъявленныхъ и безпокойнѣйшихъ революціонеровъ, которыми въ то время кишѣла мостовая городовъ. „Это не *конскрипція*, а *проскрипція*, но она необходима“, толковалъ онъ (Le marquis, II, 343) великому князю, который очень долго противился этой хитрой, но неправой мѣрѣ. Представленіе отправлено было въ Петербургъ, утверждено, и 6 октября (24 сентября) послѣдовала въ офиціальной газетѣ публикація, что отъ набора на этотъ разъ освобождаются, вслѣдствіе введенія въ дѣйствіе закона объ обязательномъ очиншеваніи крестьянъ и необходимости урегулированія аграрныхъ отношеній, землевладѣльцы и крестьяне-земледѣльцы и что наборъ будетъ произведенъ изъ остальныхъ классовъ населенія, въ предѣлахъ отъ 20 до 30-лѣтняго возраста, не вынутіемъ жеребьевъ, а по именнымъ спискамъ по старому порядку. Такимъ образомъ проектировалась полуоткрыто административная высылка неблагонадежныхъ лицъ подъ завѣдомо фальшивымъ предлогомъ рекрутскаго набора.

Главные недостатки въ данномъ случаѣ этой насильственной мѣры заключались, во-первыхъ, въ томъ, что никакое правительство въ смутное время не знаетъ въ точности, кого высылать, потому что почти всегда запримѣчаются люди наиболѣе пустые, наиболѣе вертящіеся, между тѣмъ какъ совсѣмъ ускользаютъ настоящіе минеры, ведущіе подкопы, то-есть люди самые опасные; во-вторыхъ, что нѣтъ возможности, въ особенности при сопровождающей смутное время деморализаціи въ средѣ личнаго состава управленія, сохранить въ тайнѣ имена лицъ, намѣченныхъ къ набору, и заставить ихъ попасть въ разставленныя сѣти. Разсчитывая на то, что и моментъ набора и имена подлежащихъ ему останутся въ тайнѣ, Вѣлёпольскій сильно ошибался; распоряженія правительства сообщались тотчасъ же центральному комитету, который пріобрѣлъ власть и располагалъ нѣсколькими десятками тысячъ преданныхъ ему и рѣшившихся на всякую крайность заговорщиковъ. Нѣкоторое понятіе объ этой страшно развѣтвленной организаціи даютъ ея уставъ и инструкціи, опубликованныя правительствомъ въ октябрѣ 1862 г. въ офиціальной газетѣ (№ 244). Почетнымъ предсѣдателемъ комитета считался фиктивно Мѣрославскій, пребывавшій за границею. Въ дѣйствительности комитетъ состоялъ изъ 5 членовъ въ Варшавѣ, завѣдывавшихъ пятью особыми отдѣленіями управленія: 1) провинціальной администраціи; 2) города Варшавы и полиціи; 3) казны; 4) сообщеній и 5) корреспонденціи съ забужскими губерніями и заграничныхъ сношеній. Комитетъ могъ дѣйствовать въ составѣ 3 человѣкъ, но только въ полномъ пятичленномъ составѣ онъ въ правѣ былъ функціонировать какъ революціонный трибуналъ. Комитетъ назначалъ начальниковъ по уѣздамъ; каждый уѣздный начальникъ, набравъ по своему усмотрѣнію еще 4 человѣка, учреждалъ уѣздный комитетъ. Каждый членъ этой уѣздной пятерки своимъ почином образовалъ свою пятерку, въ которой опять каждый членъ могъ основывать особую пятичленную группу. Пятерки низшаго разряда не знали личнаго состава высшихъ, съ которыми онѣ сносились

только чрезъ своихъ предсѣдателей. Каждый членъ союза вносилъ въ кассу не менѣе 30 копѣекъ помѣсячно, но на обязанность уѣздныхъ комитетовъ возложено обложить податью и всѣхъ вообще, къ революціонному союзу непринадлежащихъ. Подать установлена въ размѣрѣ $^1/_2$% отъ стоимости недвижимыхъ имуществъ и суммъ, обезпеченныхъ ипотекою, и 5% отъ всякаго годового дохода. Наемная годовая плата за квартиру разсматривалась какъ треть годового дохода въ Варшавѣ и какъ пятая часть его въ провинціи. Подать съ дохода взималась независимо отъ подати съ недвижимости. Первымъ срокомъ взноса податей назначено 10 ноября. Подати платимы были довольно исправно, центральный комитетъ располагалъ сотнями тысячъ рублей и заказывалъ на всякій случай оружіе за границей, въ Англіи и Франціи. Союзу подчинялись весьма многіе помѣщики, весьма значительная часть римско-католическаго духовенства, въ особенности низшаго (въ числѣ членовъ центральнаго комитета былъ даже священникъ Микошевскій, авторъ яраго революціоннаго памфлета: Głos kapłana); союзъ стоялъ въ связи съ поддерживающими его особыми комитетами за границею Россіи, въ Парижѣ и Галиціи. Революціонное движеніе, сообщавшееся массамъ, было столь всеобщее и стремительное, что центральный комитетъ, увлекаемый имъ, едва поспѣвалъ его направлять или дѣлать видъ, что его направляетъ. Полнымъ доказательствомъ безсилія комитета передъ народнымъ движеніемъ служатъ колебанія его въ концѣ 1862 года по вопросу: какъ отнестись къ объявленному рекрутскому набору? предупредить ли его, дѣлая повстаніе, или удержать во что бы то ни стало рвущихся на повстаніе людей въ виду крайней неподготовки и недостаточности матеріальныхъ средствъ, которыми бы повстаніе могло располагать. Вопросу о томъ, быть или не быть повстанію, посвящена была бóльшая часть засѣданій комитета въ декабрѣ 1862 г. (A. G. стр. 120), когда съ одной стороны обнаружены правительствомъ закупки оружія въ Парижѣ, съ другой — Вѣлёпольскій назначилъ день набора

3 (15) января 1863 г. Рѣшено: не начинать, воздержаться, а помѣщеннымъ въ спискахъ новобранцамъ дать всѣ денежныя и матеріальныя средства укрываться отъ набора, перекочевывая въ мѣста, удаленныя отъ офиціально заявленнаго жительства. За нѣсколько дней до набора комитетъ стоялъ твердо на своемъ, но начались по составленному плану дислокаціи уклоняющихся отъ набора, выходъ ихъ изъ Варшавы и размѣщеніе ихъ по окрестностямъ къ Сероцку, Модлину и къ Камниноской пущѣ. Комитетъ надѣялся, что при принятыхъ мѣрахъ въ наборъ попадетъ самая малая часть заговорщиковъ, состоящихъ въ революціонной организаціи. Въ ночь съ 14 на 15 января (съ среды на четвергъ) наборъ произведенъ въ Варшавѣ ночью съ 1 часу до 8 часовъ утра при совмѣстномъ дѣйствіи администраціи, полиціи и солдатъ; полиція входила въ дома, гдѣ значились на жительствѣ лица, подлежащія набору, и забирала ихъ отчасти въ ратушу, отчасти въ цитадель. Взяты были, конечно, только тѣ, которые не ушли, потому что не имѣли намѣренія сопротивляться; такимъ образомъ достигнутъ былъ, повидимому отчасти успокоительный на первый взглядъ результатъ: наборъ произведенъ, никто не сопротивлялся. Вѣлёпольскій пріободрился; 7 (19) января, въ понедѣльникъ, бо̀льшее, въ сравненіи съ обыкновеннымъ, число посѣтителей явилось на вечерній пріемъ въ Брюлевскомъ дворцѣ, иные изъ любопытства для простого наблюденія, а иные съ поздравленіями въ успѣхѣ... Ходили въ публикѣ слова, будто бы сказанныя маркизомъ (A. G. стр. 118) до набора: „нарывъ созрѣлъ, его надо разрѣзать, я подавлю повстаніе въ одну недѣлю и тогда получу возможность управлять“. Офиціальная газета того же числа (№ 6 Dz. P.) провозглашала точно трубнымъ звукомъ побѣду и содержала написанную самимъ маркизомъ весьма рѣзкую статью—изъ тѣхъ его статей, которыя имѣли свойство колоть до крови его противниковъ и выводить ихъ изъ терпѣнія. Никто, можетъ быть, въ Варшавѣ способу набора не сочувствовалъ, между тѣмъ маркизъ на зло всѣмъ, дразня против-

никовъ, глумясь и издѣваясь надъ общимъ мнѣніемъ и чувствомъ, утверждалъ вопреки истинѣ, что „никогда еще въ продолженіе послѣднихъ 30 лѣтъ новобранцы не исполняли столь охотно, какъ теперь, своей повинности, что никогда еще они не были бодрѣе и веселѣе, что многіе напередъ радуются, что, поступивъ въ школу порядка, каковою будетъ для нихъ военная служба, они покинутъ жизнь праздную и безпутную, которая была имъ въ тягость“. Отвѣтомъ на фальшь, содержавшуюся въ этихъ словахъ, послужилъ открытый бунтъ, вспыхнувшій разомъ въ 15 или 16 мѣстахъ въ ночь съ 22 на 23 (10 на 11) января 1863 г. и съ этого момента непрекращавшійся. Эмиграціонная печать заявляла не разъ, что передовая статья Вѣлёпольскаго была нѣчто въ родѣ послѣдней капли, переполнившей чашу, послѣднею причиною, если не произведшею, то ускорившею возстаніе. Это положеніе не вѣрно. За полтора дня до появленія статьи, а именно 17 января, центральный комитетъ, убѣдившись, что, несмотря на всѣ его усилія, бунтъ произойдетъ неудержимо, перемѣнилъ намѣреніе и сдѣлалъ распоряженіе по уѣзднымъ комитетамъ начинать повстанье. Вмѣсто нарыва, который правительство надѣялось разрѣзать, появилась злокачественная сыпь, покрывшая не только всю поверхность царства польскаго, но отозвавшаяся и въ Вильнѣ, и въ Кіевѣ, и въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ функціонированіе гражданскихъ органовъ управленія было замедлено и даже почти совсѣмъ остановилось. На первомъ планѣ становятся военныя власти и военныя дѣйствія. Польско-русскій конфликтъ вступилъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ новый и послѣдній фазисъ, уже весьма близкій къ роковой развязкѣ.

XXV.

Первые мѣсяцы мятежа. — Отпускъ Вѣлёпольскаго. — Его послѣдніе годы и кончина.

Въ первыхъ числахъ января 1863 г., слѣдовательно еще до вспышки, написано было въ Парижѣ, а въ самый

день повстанья, 22 января, опубликовано въ Познани, „Открытое письмо къ братьямъ священникамъ грѣховно-заговорствующимъ и къ братьямъ шляхтѣ не мудро-умѣреннымъ“ (List otwarty do braci księży grzesznie spiskujących i do braci szlachty niemądrze umiarkowanych) за полною подписью вліятельнаго человѣка, одного изъ столбовъ римскаго католицизма въ польской эмиграціи, основателя ордена „Воскресенцевъ“, всегдашняго непримиримаго врага Россіи, ксендза Іеронима Кайсевича. Само заглавіе обозначало, что въ брошюрѣ осуждались и революціонное движеніе и участіе въ немъ духовенства. Въ частномъ письмѣ автора къ редакціи „Католическаго Еженедѣльника“, въ которомъ напечатано письмо, помѣщена фраза: я обрекаю себя опасности отъ кинжала, слѣдовательно пишу по глубокому чувству потребности и прилежанію (Ksiądz H. Kajsiewicz, przez B. Zaleskigo. Poznań 1878). Эти слова намекаютъ на опасность, которой подвергался даже за границею, вдали отъ мѣста дѣйствія, человѣкъ, открыто неодобряющій работъ и начинаній революціи. Опасность эта росла по мѣрѣ приближенія къ западной границѣ Россіи, къ княжеству Познанскому, гдѣ дѣйствовали комитеты, отъ центральнаго народнаго комитета уполномоченные; въ Галиціи, гдѣ вооруженіе, вербовка и снаряженіе повстанскихъ отрядовъ въ походъ за кордонъ или за русскую границу происходили почти открыто. Наконецъ, она достигала крайнихъ предѣловъ въ самомъ царствѣ польскомъ, гдѣ консервативные, умѣренные или боязливые люди очутились точно зерна между двумя вертящимися и перемалывающими ихъ жерновами—терроромъ бѣлымъ и терроромъ краснымъ, русскимъ правительствомъ и революціонною организаціею. Въ подобныхъ случаяхъ люди, не принадлежащіе къ организаціи, идутъ въ разбродъ, но при этомъ разбродѣ проявляется въ разсыпающихся дѣйствіе табуннаго чувства и расчетъ опасности ближайшей и опасности болѣе отдаленной, наконецъ, вліяніе всего предшествующаго, десятилѣтіями выработаннаго, настроенія, пріобрѣтенныхъ воспитаніемъ цѣлыхъ поко-

лѣній привычекъ ума и чувства. По роковому стеченію обстоятельствъ предшествующія поколѣнія воспитывались въ духѣ наиболѣе враждебномъ Россіи; никакихъ зародышей русской партіи въ обществѣ польскомъ не могло образоваться за много лѣтъ до повстанья; одинъ Вѣлёпольскій изображалъ собою приверженца Россіи и пришелъ къ этому заключенію путемъ крайне своеобразнымъ, по соображеніямъ весьма отвлеченнымъ, чисто теоретическимъ. Теперь подъ давленіемъ, заставляющимъ высказываться прямо и пристать къ той или другой сторонѣ, огромное большинство людей середины пристало къ бунтовщикамъ не потому, чтобы оно увѣровало въ возможность успѣха, но потому, что легче держаться со своею братьею вкупѣ, легче и умирать съ ореоломъ національнаго мученичества, нежели мизернымъ образомъ спасаться поодиночкѣ и всетаки гибнуть отъ руки своихъ же собратьевъ либо отъ русскихъ, у которыхъ больше и больше укоренялось убѣжденіе, что нѣтъ поляка, который бы если и не дѣлалъ, то по крайней мѣрѣ всѣмъ сердцемъ не принадлежалъ бы къ повстанію. Измѣнившееся вслѣдствіе повстанія отношеніе партій выразилось въ томъ, что бѣлая организація, имѣвшая своимъ вѣнцомъ *дирекцію*, совсѣмъ распалась и прекратила свое существованіе. Въ февралѣ 1863 г. къ центральному комитету прильнула группа Юргенса, составлявшая крайнюю лѣвую въ станѣ умѣренныхъ, послѣ чего вскорѣ и сама *дирекція* бѣлыхъ закрылась, а ея средства по соглашенію, заключенному именемъ ея Карломъ Рупрехтомъ 3 марта (19 февраля) 1863 г., поступили въ распоряженіе центральнаго комитета, который принялъ съ тѣхъ поръ названіе народнаго „правительства“ (Rząd Norodowy) [1]. Самъ Рупрехтъ поступилъ въ члены этого ржонда, который вскорѣ затѣмъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе когда, послѣ появленія вызваннаго изъ-за границы и почти немедленнаго затѣмъ и послѣдняго бѣгства диктатора Мѣрославскаго, диктаторомъ про-

[1]) Karol Ruprecht, szkic biograficzny przez Agatona Gillera. Lwów, 1875, стр. 89.

возгласилъ себя, 10 марта (26 февраля) въ Гощѣ (близъ Мѣхова) начальникъ одной изъ повстанскихъ бандъ, Маріанъ Лангевичъ. Диктатура Лангевича была сюрпризомъ для членовъ ржонда, засѣдавшихъ въ Варшавѣ; въ основаніи ея лежала попытка бѣлыхъ не допустить Мѣрославскаго, противопоставивъ ему болѣе способное и болѣе податливое консерваторамъ лицо. Въ событіи участвовалъ, въ качествѣ самозваннаго представителя ржонда, нѣкто Адамъ Грабовскій. На первыхъ порахъ прозвучавшее имя, несущееся на крыльяхъ воображенія, сдѣлалось сразу столь популярнымъ, что ржондъ долженъ былъ преклониться предъ нимъ, признать диктатора и превратиться въ его исполнительную комиссію, но 7 (19) марта, диктаторъ бѣжалъ столь же постыдно, какъ и Мѣрославскій, за границу въ Австрію, гдѣ и былъ арестованъ и посаженъ подъ арестъ въ Краковѣ, послѣ чего ржондъ вступилъ опять въ неоспариваемую съ тѣхъ поръ функцію руководителя повстанія, но потерялъ самаго способнаго и энергичнаго своего члена, Степана Бобровскаго, убитаго на дуэли Адамомъ Грабовскимъ. Движеніе продолжалось, борьба становилась ожесточеннѣе и кровавѣе; съ 27 (15) января въ Варшавѣ велѣно запирать ворота домовъ въ 9 часовъ вечера, съ 9 до 11 разрѣшалось ходить по улицамъ только съ фонарями, а послѣ 11 всякое движеніе воспрещалось (Dz. P. № 21); бунтовщиковъ велѣно предавать полевому военному суду. Несмотря на то, съ тѣхъ только поръ и начинаютъ дѣйствовать рѣшительно и дерзко и организоваться шайки жандармовъ-вѣшателей и кинжальщиковъ. Въ концѣ января 1863 г. Вѣлёпольскій съ семействомъ подвергся новому покушенію на жизнь его; неизвѣстная рука успѣла примѣшать большую дозу атропина къ завтраку, отъ чего почти весь домъ маркиза захворалъ, множество лицъ пострадало отъ этой отравы. Не вдаваясь въ подробности, касающіяся дальнѣйшаго развитія повстанскаго движенія и которыя уже выходятъ за предѣлы моей задачи, я долженъ опредѣлить непосредственное вліяніе повстанія на положеніе маркиза

и его образъ дѣйствій. Внутренно онъ былъ поколебленъ и надломленъ задолго до вспышки, но вспышка видимо его пошатнула и сдѣлала дальнѣйшее его пребываніе на посту почти невыносимымъ. Люди партіи, группировавшейся вокругъ гр. Андрея Замойскаго, прямо винили Вѣлёпольскаго въ повстаніи, устанавливая причинную связь между повстаніемъ и рекрутскимъ наборомъ. Правительство тяготилось имъ, какъ негоднымъ для употребленія орудіемъ, и предвидѣло въ немъ помѣху, когда пришлось бы, подавивъ возстаніе, учреждать новый порядокъ вещей, въ которомъ автономія царства польскаго являлась весьма спорнымъ вопросомъ. Его держали потому, что не хотѣли показать видъ, что уступаютъ сколько-нибудь революціи. Единственное учрежденіе, которымъ могъ похвалиться маркизъ—государственный совѣтъ царства польскаго—опустѣлъ вслѣдствіе выхода изъ него по прошеніямъ въ отставку всѣхъ тѣхъ людей, которые представляли въ немъ элементъ обывательскій и изображали собою если не выборныхъ, то по крайней мѣрѣ самыхъ интеллигентныхъ людей того края: генерала Левинскаго, Вэнгленскаго, Курца, Ставискаго, архіепископа Фелинскаго и даже того еврея Матіаса Розена, посредствомъ назначенія коего въ государственный совѣтъ маркизъ провелъ начало равноправности еврейскаго исповѣданія съ христіанскимъ. Этотъ коллективный выходъ въ отставку объяснялся не одною только сознанною невозможностью принести какую-либо долю пользы при данныхъ обстоятельствахъ, но имѣлъ смыслъ демонстраціонный, не чуждый вліянія той дипломатизирующей части польской эмиграціи, которая была представляема отелемъ Ламберъ въ Парижѣ или домомъ Чарторыскихъ. До вспышки эта часть выходства тормозила, елико могла, движеніе, подготовляя только внѣшнее западно-европейское вмѣшательство, въ которомъ первенствующую роль долженъ былъ играть Наполеонъ III; послѣ вспышки всѣ ея усилія направились къ тому, чтобы всячески продлить повстанье, пока послѣдуетъ вмѣшательство. Отъ нея исходилъ родъ совѣта, равносильнаго

приказу, тѣмъ, которые еще оставались въ государственномъ совѣтѣ, чтобы они подали въ отставку и тѣмъ показали, что повстаніе есть движеніе польское, всенародное, и что на сторонѣ правительства нѣтъ, кромѣ Вѣлёпольскаго, ни одного сколько-нибудь виднаго лица изъ поляковъ. Давленіе съ этой стороны было весьма сильно, вслѣдствіе вкоренившихся, начиная съ Наполеона I, польскихъ иллюзій насчетъ Франціи и наполеоновской династіи, сдѣлавшихся почти основною чертою народнаго характера въ теченіе всего періода до 1863 года, такъ что ему подчинился даже такой, повидимому, надежный и преданный идеѣ Вѣлёпольскаго человѣкъ, какъ Фелинскій. Его отставка, его пререканія съ властью за подвергаемыхъ смертной казни за бунть священниковъ, а главное—его письмо отъ 3 (15) марта къ Государю [1]) имѣли послѣдствіемъ вызовъ его въ Петербургъ 3 (15) іюня 1863 г. и затѣмъ высылку его, донынѣ продолжающуюся, въ Ярославль. Еще убывалъ такимъ образомъ человѣкъ, выдвинутый Вѣлёпольскимъ, за котораго Вѣлёпольскій въ свое время ручался. Съ Римомъ не было тоже достигнуто соглашеніе, несмотря на громадныя въ сравненіи съ прежнимъ состояніемъ и льготныя измѣненія въ положеніи римско-католическаго исповѣданія. Вѣлёпольскій долженъ былъ вести ни къ чему не ведущую переписку съ кардиналомъ Антонелли о новомъ учрежденіи духовнаго совѣта при комиссіи просвѣщенія и исповѣданій, стѣсняющей будто бы вопреки каноническому праву власть епископовъ съ римской точки зрѣнія. Въ сношеніяхъ маркиза съ великимъ княземъ намѣстникомъ произошло въ мартѣ нѣкотораго рода охлажденіе по поводу директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ. Самъ Вѣлёпольскій представилъ неосмотрительно на

[1]) Les institutions octroyées par V. M. sont insuffisantes pour assurer le bonheur du pays; la Pologne ne se contentera pas d'une autonomie administrative, elle a besoin d'une vie politique. Sire, prenez d'une main forte l'initiative dans la question polonaise; faites de la nation polonaise une nation indépendante, unie à la Russie seulement par le lien de Votre auguste dynastie. Le marquis W. II. 378.

эту должность графа Келлера, а теперь, убѣдившись въ полнѣйшемъ его несоотвѣтствіи этой должности, хлопоталъ о замѣщеніи его другимъ лицомъ, предлагалъ на этотъ постъ своего сына Сигизмунда, но не получилъ согласія на это предложеніе отъ великаго князя.

Такъ прошелъ мартъ. Въ апрѣлѣ послѣдовали два событія: объявленъ былъ Высочайшій манифестъ 31 марта (12 апрѣля), обѣщавшій прощеніе тѣмъ изъ бунтовщиковъ, которые положатъ оружіе до 1 (13) мая 1863 г., и послѣдовало начало дипломатической кампаніи Франціи и Англіи въ пользу поляковъ, открытой врученіемъ 17 (5) апрѣля первыхъ дипломатическихъ нотъ русскому правительству. Манифестъ состоялся въ виду возможнаго вмѣшательства и дѣйствительно являлъ большую мѣру правительственнаго долготерпѣнія по отношенію къ бунтующимъ подданнымъ. Русское правительство подтверждало (Dziennik P. 15 апрѣля 1863 г., № 85), что оно намѣрено сохранить пожалованныя учрежденія, что оно одушевлено желаніемъ открыть новую эру политической жизни (для царства польскаго) посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основы всего общественнаго зданія. Никто не могъ разсчитывать на то, чтобы при данныхъ обстоятельствахъ слова манифеста способны были подѣйствовать на бунтующихъ, воспользоваться имъ могли отдѣльныя и то немногія лица, никакъ не массы, которыхъ ожиданія и надежды оживали и напрягались до послѣдней степени сообщаемыми имъ подъ рукою изъ-за границы извѣстіями о грядущемъ спасеніи, въ видѣ рѣшительнаго дѣйствія того рокового человѣка, который вѣчно конспирировалъ, даже будучи на тронѣ, и довелъ впослѣдствіи Францію до Седана. Правительство русское не разсчитывало на успѣхъ манифеста, чему доказательствомъ можетъ служить то, что его выборъ уже остановился на лицѣ, на которое возложено умиротвореніе царства польскаго силою. 7 апрѣля (26 марта) прибылъ въ Варшаву генералъ-отъ-инфантеріи графъ Бергъ—замѣстить Рамзая. Къ рѣшительнымъ мѣропріятіямъ прави-

тельство еще не прибѣгало, и даже сдѣлано послѣднее распоряженіе въ духѣ примирительномъ, состоявшее въ назначеніи радомскаго губернатора Александра Островскаго на вакантную послѣ Келлера должность директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ. Назначеніе совпало въ одинъ и тотъ же день съ назначеніемъ въ Вильну М. Н. Муравьева. Злѣйшій врагъ поляковъ не могъ бы изобрѣсть болѣе жестокаго удара, какъ тотъ, который былъ имъ нанесенъ доброжелательнымъ будто бы вмѣшательствомъ двухъ западно-европейскихъ державъ, изъ которыхъ Францiя стояла въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ, а Англія тащилась за нею немного позади. Когда, выбиваясь изъ силъ, эмиграціонная дипломатія вымаливала помощь у загадочнаго человѣка, царствующаго въ Тюльери, не могла она предполагать, что заступничество за Польшу Франціи, передовой, по мнѣнію эмиграціи, страны въ Европѣ, ограничится только пустыми словами. Оказалось, что дипломатическіе выстрѣлы были холостые, что послѣднее слово осталось за русскимъ канцлеромъ, княземъ Горчаковымъ, отвѣчавшимъ рѣшительно и побѣдоносно 14 (2) іюля 1863 г. на дипломатическія ноты Англіи и Франціи. Дѣйствіемъ этихъ нотъ, хотя посредственнымъ, но послѣдовавшимъ съ неимовѣрною быстротою, было то, что русско-польскій конфликтъ въ самой Россіи изъ внутренняго вопроса превратился вдругъ во внѣшній,— въ вопросъ о томъ: быть или не быть самой Россіи. Подъ вліяніемъ близящейся и совсѣмъ нависшей интервенціи всѣ оттѣнки общественнаго мнѣнія слились въ одну мысль: дружнаго отпора. Г. Катковъ ударилъ въ набатъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“; съ конца мая (по н. ст.) пошли всеподданнѣйшіе адресы. Къ осени вопросъ о Польшѣ уже пересталъ существовать въ дипломатіи, за совершеннымъ упраздненіемъ его въ области международныхъ сношеній. Прежде, чѣмъ это случилось, уже маркизъ Вѣлёпольскій освободился отъ своихъ служебныхъ обязанностей послѣ восьмикратныхъ, съ 3 апрѣля 1863 г., ходатайствъ объ отставкѣ. Увольненіе его отъ службы совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ началѣ іюня нов. стиля изъ главнаго казначейства царства польскаго совершено, при участіи двухъ служащихъ въ казначействѣ чиновниковъ, крупное похищеніе 3,600,000 р. въ монетѣ, кредитныхъ билетахъ и закладныхъ листахъ земскаго кредитнаго общества („Записки“ Берга въ „Русской Старинѣ“, іюль, 1879, стр. 565). Всѣ эти суммы поступили въ распоряженіе ржонда, доставившаго средства чиновникамъ-похитителямъ удрать за границу. Вѣлёпольскій успѣлъ устранить прежде того предложеніе о замѣщеніи чиновниковъ казначейства поляковъ русскими и поручился за честность своихъ земляковъ. Кража изъ казначейства была послѣдняя капля, прибавившаяся къ жидкости, наполнявшей по самый край сосудъ. На этотъ разъ прошенію объ увольненіи данъ былъ ходъ; Вѣлёпольскій получилъ 7 іюля (25 іюня) только двухмѣсячный отпускъ за границу, но графу Бергу поручено заступать мѣсто намѣстника въ совѣтѣ управленія (отставка послѣдовала 12 сентября (31 августа) 1863 г.). Въ 9 дней по полученіи отпуска, 16 іюля маркизъ уѣхалъ изъ Варшавы съ полнымъ сознаніемъ, что ему никогда уже на родину не вернуться; онъ отправился на морскія купанья въ Путбусъ на островѣ Рюгенѣ, оттуда въ Берлинъ, гдѣ прожилъ цѣлый годъ до осени 1864 года, прислушиваясь издали съ мрачнымъ отчаяніемъ, какъ разыгрываются послѣднія дѣйствія кровавой драмы, какъ гибло и ссылалось все лучшее, что́ было въ современномъ ему польскомъ обществѣ, какъ обваливались и падали, точно картонныя постройки, всѣ придуманныя имъ учрежденія политическія и воспитательныя; какъ Н. Милютинъ, Самаринъ и князь Черкаскій распоряжались въ Варшавѣ, осуществляя свою радикальную реформу аграрную, съ явно политическою антипольскою подкладкою, какъ ставилась открыто новыми дѣятелями задача обрусенія царства польскаго, то-есть, какъ предполагалось вырвать съ корнями одну національность и насадить другую. Весною 1864 г. маркизъ представлялся великому князю Константину Николаевичу, про-

ѣзжавшему чрезъ Берлинъ, въ іюлѣ того же года онъ удостоился видѣть Императора Александра II въ Потсдамѣ, при чемъ государь ему сказалъ: „мы были побѣждены, маркизъ; мы были побѣждены"... [1]). Сдавъ управленіе маіоратскими имѣніями старшему сыну Сигизмунду, Вѣлёпольскій поселился осенью 1864 г. безвыѣздно въ Дрезденѣ, съ женою и семействомъ младшаго своего сына Іосифа. Здѣсь онъ велъ жизнь самую уединенную, какую только можно себѣ представить, разсчитанную по часамъ, не принималъ никого, не читалъ газетъ, избѣгалъ говорить съ кѣмъ бы то ни было о политикѣ, бывалъ часто въ Гофъ-кирхѣ, рѣже въ картинной галлереѣ дрезденской или въ театрѣ, когда шли пьесы стариннаго классическаго репертуара. По наружности спокойный, равнодушный ко всему, кругомъ происходящему, Вѣлёпольскій былъ подавленъ совершающимися событіями: зло, которое онъ предвидѣлъ для своей родины и которое пытался предотвратить, превосходило въ дѣйствительности по ужасамъ своимъ самыя сильныя мечты воображенія, оно было гораздо тяжелѣе того, какое испытали современники Мацѣёвицкаго боя и плѣна Косцюшки. Упадокъ духа, мрачная и унылая безнадежность сдѣлались обыкновеннымъ душевнымъ состояніемъ маркиза, при чемъ въ этомъ настроеніи духа не играло никакой роли личное оскорбленное самолюбіе. Онъ зналъ, что онъ ненавидимъ, онъ чувствовалъ, что эта ненависть незаслуженная, но не угадывалъ, когда отнесутся къ нему справедливѣе, и отвѣчалъ отказомъ въ 1868 г. скульптору Иринею Залускому, просившему позволенія вылѣпить его бюстъ, словами, исполненными горькой грусти: „полководцы, проигравшіе сраженія, не въ правѣ переходить къ потомству".

Къ моральнымъ страданіямъ присоединилось чисто физическое несчастіе; въ началѣ 1867 г. Вѣлёпольскій разбитъ былъ параличомъ. Крѣпкій, атлетически сложенный, весьма плотный и полнокровный маркизъ, казалось,

---

[1]) Le marquis W. II, 405. Nous avons été vaincus, marquis, nous avons été vaincus.

созданъ былъ для дѣятельности сельской, для жизни на открытомъ воздухѣ помѣщика-земледѣльца. Съ начала 1861 года обстоятельства такъ сложились, что потребовали отъ него неимовѣрнаго количества усиленной мозговой работы. Послѣ покушеній на жизнь его въ срединѣ 1862 г. онъ превратился точно въ арестанта, рѣдко выѣзжалъ, и то подъ конвоемъ, изъ Брюлевскаго дворца и долженъ былъ вести образъ жизни сидячій, отчего усилились приливы крови къ головѣ. Въ Дрезденѣ онъ не могъ устроиться такъ, какъ смолоду привыкъ; нравственныя страданія повліяли также не мало на организмъ. Когда ударъ паралича приковалъ его окончательно къ постели, то въ порывѣ отчаянія, а можетъ быть, и подъ давленіемъ сильныхъ физическихъ страданій, Вѣлёпольскій порывался покончить съ собою и порѣзалъ себѣ горло бритвою— рѣшимость ужасная, если принять въ соображеніе отвращеніе къ самоубійству по религіозному чувству, которое въ Вѣлёпольскомъ всегда было сильно, и мужественный его характеръ. Говорятъ, и этотъ разсказъ идетъ отъ людей, близко стоявшихъ къ семейству маркиза въ Дрезденѣ, что за эту минуту забывчивости Вѣлёпольскій придумалъ самъ для себя наказаніе, обрекъ правую руку свою, державшую бритву въ роковой моментъ, на совершенное мускульное бездѣйствіе, такъ что она со временемъ совсѣмъ атрофировалась. Съ тѣхъ поръ чужими руками онъ былъ перекладываемъ съ кровати въ кресло и даже питаемъ; въ этомъ положеніи, которое едва можно назвать человѣческою жизнью, Вѣлёпольскій просуществовалъ еще цѣлыя десять съ чѣмъ-то лѣтъ. Уединеніе превратилось теперь въ затворничество. Кромѣ семейства и поселившагося въ Дрезденѣ бывшаго сотрудника маркиза, К. Крживицкаго, никто не былъ допускаемъ къ неподвижному, но сохранившему всю память, всю свѣжесть умственныхъ способностей паралитику. Смерть не приходила къ страдальцу, онъ даже пережилъ своего противника, котораго антагонизмъ столь много помѣшалъ успѣху идей Вѣлёпольскаго, графа Андрея Замойскаго, скончав-

шагося въ Краковѣ 29 октября 1874 года.—Графъ Андрей былъ въ сущности добрый, искренній и честный человѣкъ, провинившійся главнымъ образомъ вслѣдствіе своей односторонности и политической близорукости. По удаленіи его въ Парижъ онъ сдѣлался свидѣтелемъ той катастрофы, которая стряслась надъ его родиною, и сообразилъ, сколь многихъ бѣдъ былъ онъ въ значительной степени причиною, потому что несомнѣнно, что польское движеніе получило бы другое направленіе и другой исходъ, еслибы оба эти дѣятели пошли рука объ руку, вліяя другъ на друга и дѣлая взаимныя уступки. Вспышка могла бы произойти, но она не была бы общая, всенародная; консервативные элементы поддержали бы власть и отстояли бы учрежденія, рожденныя отъ реформы. Упреки совѣсти не давали покоя Замойскому и, мучимый ими, въ 1867 г., на пути изъ Парижа въ Краковъ, онъ заѣзжалъ въ Дрезденъ и чрезъ третье лицо изъявилъ желаніе сдѣлать визитъ маркизу, котораго состояніе здоровья было еще не настолько плохо, чтобы онъ не могъ ходить, хотя вскорѣ потомъ онъ былъ пораженъ параличомъ. Вѣлёпольскій отклонилъ предложеніе, сказавъ: „теперь уже поздно“, и издали только, встрѣтивъ случайно Замойскаго въ церкви, обмѣнялся съ нимъ поклономъ (Le marquis W. II, 410). Въ этихъ словахъ была извѣстная горечь, но не злопамятство; когда въ 1874 году умеръ Замойскій, то отъ едва живого Вѣлёпольскаго послана была телеграмма къ братьямъ умершаго съ соболѣзнованіемъ о тяжелой утратѣ, которую понесла вся страна (Niwa, 1879, № 109, стр. 30). Единственное развлеченіе разбитаго параличомъ и больного глазами калѣки составляло слушаніе того, что̀ ему читали; записокъ о своемъ прошломъ онъ не составлялъ, не любилъ даже и говорить объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его политическую дѣятельность въ Варшавѣ; но онъ любилъ слушать произведенія великихъ польскихъ поэтовъ, философскія книги, рѣже журналы.—Какая ни была затворническая жизнь больного, до его постели доходилъ гулъ великихъ міро-

выхъ европейскихъ событій, въ особенности такихъ колоссальныхъ, знаменующихъ поворотъ въ судьбахъ европейскаго материка, какъ франко-прусская война 1870 г., Седанъ, осада и капитуляція Парижа. Какъ вообще онъ сильно разнился отъ своихъ соотечественниковъ во взглядахъ и чувствахъ, такъ и теперь онъ расходился съ ними въ оцѣнкѣ событій. Онъ былъ большой поклонникъ Бисмарка, съ которымъ лично познакомился 1861—1862 гг. въ Петербургѣ. Въ бумагахъ его сохранилось черновое письмо его къ Бисмарку въ 1866 г., по случаю покушенія на жизнь Бисмарка. Есть и любопытный собственноручный отвѣтъ Бисмарка отъ 14 мая 1866 г.; это письмо показываетъ, какъ цѣнилъ Бисмаркъ силу характера маркиза: „Вы знаете по опыту образъ жизни, который я веду, его разочарованія, его неблагодарности, его лишенія, недостаточность времени и силъ при единственномъ утѣшеніи въ сознаніи того, что я исполнилъ мой долгъ и послушался призванія, Богомъ даннаго. Вы чрезъ то прошли и я увѣренъ въ вашемъ сочувствіи“ (Le marquis W. II, 428). Для поляковъ вообще Франція—самая симпатичная изъ націй; огромное большинство польской націи страдало отъ седанскаго погрома какъ будто бы отъ потери чего-то самаго дорогого, родного, завѣтнаго; вмѣстѣ съ тѣмъ получался и хорошій результатъ, радикальное исцѣленіе отъ одной изъ наиболѣе закоренѣлыхъ иллюзій. Эта иллюзія не существовала для Вѣлёпольскаго, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ взялся писать въ 1846 г. свое письмо: „Lettre d'un gentilhomme polonais“, къ Меттерниху; это письмо, какъ извѣстно, внушено было ему тѣмъ, что онъ окончательно извѣрился въ западную Европу, а потому и обратилъ взоры на Россію; теперь предугаданное имъ сбывалось, и Франція несла послѣдствія своихъ ошибокъ, а Пруссія пожинала плоды отъ стойкой выдержки, съ которою она подготовила себѣ побѣду.—Еще прошло нѣсколько лѣтъ, и разразилась восточная война, въ которую въ недавно волновавшейся и силою умиротворенной Польшѣ никто не шелохнулся,

несмотря на удобную, повидимому, оказію и несмотря на подсылаемыхъ изъ-за границы агентовъ, но польская кровь лилась въ русскихъ войскахъ одновременно съ русскою за дѣло славянъ за Балканами. Старый боецъ просыпался, славянская идея была ему близка, и онъ говорилъ: „о, если бы я былъ здоровъ, если бы у меня были силы, теперь можно бы кое-что для насъ сдѣлать“.— Смерть пришла неожиданно, почти безъ агоніи, безъ страданій. Вѣлёпольскій умеръ отъ разрыва сердца въ ночь на 30 (18) декабря 1877 г. Тѣло его перевезено въ ординатское помѣстье и погребено въ Мировѣ, въ фамильномъ гробѣ дома, при громадномъ стеченіи народа, весьма торжественно, при участіи помѣщиковъ, крестьянъ, евреевъ. Въ моментъ, когда маркизъ угасъ, страсти, волновавшія его современниковъ въ моментъ его дѣйствія, значительно пріутихли, событія ушли въ даль прошедшаго; оказалосѣ, что для умершаго уже началась исторія. Никто не злословилъ, большинство òргановъ печати отнеслось къ памяти умершаго съ большимъ уваженіемъ, многіе даже тепло и сочувственно. Приведемъ два тогдашніе отзыва. Одинъ принадлежитъ перу Крашевскаго, который, какъ мы видѣли (XXIV), могъ бы до извѣстной степени помянуть умершаго лихомъ: „умѣніе нести достойнымъ образомъ на плечахъ бремя, возлагаемое судьбою, не многимъ дано. Покойный Вѣлёпольскій переносилъ свои страданія въ стоическомъ молчаніи и спокойствіи“ (Kłosy, 1878, №655). Другой отзывъ заимствуемъ изъ журнала „Niwa“, 1878, № 74: „прощаясь съ бывшимъ начальникомъ гражданскаго управленія и повторяя слова, исполненныя классическаго спокойствія: sit illi terra levis, мы должны присовокупить: да будетъ къ тебѣ справедлива эта земля и да окружитъ она имя твое памятью, какая подобаетъ тѣмъ, которые работали на пользу ея съ любовью, доброю совѣстью и не изъ личныхъ выгодъ“.—Съ человѣкомъ, столь пламенно и долго ненавидимымъ, младшія поколѣнія народа, неизвѣстно когда и какъ, примирились; чѣмъ больше опредѣляются его черты, тѣмъ симпатичнѣе становится его

лицо и тѣмъ яснѣе сознается, что оно крупное, что оно громадныхъ размѣровъ, что оно изъ числа тѣхъ, которыхъ, если бы цѣнить ихъ по достоинству, принято было бы хоронить въ склепахъ польскаго Вестминстера, въ краковскомъ соборѣ на Вавелѣ. Мировая состоялась относительно значенія характера, но не относительно идей Вѣлёпольскаго, насчетъ которыхъ идутъ непрерываемыя пренія. Нѣсколькими заключительными словами объ этихъ идеяхъ мы и закончимъ нашъ біографическій этюдъ.

XXVI.

Нѣсколько заключительныхъ словъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Вѣлёпольскаго въ Брюлевскомъ опустѣвшемъ дворцѣ поселился другой устроитель Польши, котораго зоркій глазъ маркиза предчувствовалъ, какъ своего соперника еще въ началѣ 1862 г., Н. А. Милютинъ, корреспонденція котораго, относящаяся къ тому времени и приведенная въ порядокъ Леруа-Больё (напечатана въ „Revue des Deux Mondes“, во второй февральской книгѣ 1881 г.; переводъ въ „Древней и Новой Россіи“ за февраль 1881 г., с. 237—263), представляетъ высокій интересъ и историческій, и психологическій. Подъемъ національнаго чувства въ Россіи, совершившійся въ началѣ 1863 г., сблизилъ всѣ партіи и заставилъ дѣйствовать рука объ руку и заодно Милютина, московскихъ славянофиловъ, въ лицѣ Юрія Самарина и князя Черкаскаго и М. Н. Муравьева.—Н. А. Милютинъ былъ прежде всего крестьянофилъ-бюрократъ и даже, не въ обиду будь сказано, соціалистъ—слово, получившее наравнѣ съ „демократомъ“ право гражданства въ печати съ тѣхъ поръ, какъ она толкуетъ столь много о соціализмѣ князя Бисмарка. „Милютинъ имѣлъ (всегда) противъ себя то, что не безъ презрѣнія называлъ онъ салоннымъ или коллегіальнымъ либерализмомъ“, говоритъ Леруа-Больё

(стр. 262 по русскому переводу). Онъ довольно легко смотрѣлъ на цивилистическія нормы и не считалъ ихъ неприкосновенною и нерушимою святынею. Москвичи-славянофилы были подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ блистательной кампаніи, отбытой ими вмѣстѣ съ Милютинымъ въ редакціонныхъ комитетахъ по выработкѣ положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 г. Послѣдующее время доказало (1881), что эта черта въ дѣятельности славянофильства не безусловно существенная и что оно или по крайней мѣрѣ его эпигоны могутъ становиться и не на крестьянской сторонѣ, а на помѣщичьей. Во всякомъ случаѣ любовь ихъ къ народу была болѣе теоретическая и къ ней примѣшивались вѣроисповѣдныя идеи, ненависть къ латинству, считаемому ими чѣмъ-то антиславянскимъ, и вслѣдствіе того большая наклонность къ мѣрамъ и пріемамъ обрусенія. Что касается до М. Н. Муравьева, то для характеристики его достаточно словъ Леруа-Больё. „Милютинъ старался угомонить свое отвращеніе къ личности, взглядамъ и поступкамъ Муравьева. По странной прихоти судьбы защитникъ привилегій и защитникъ крѣпостничества сходились на окраинѣ невольными сотрудниками въ одномъ и томъ же дѣлѣ, при выполненіи задачи, въ сущности совершенно одинаковой“ (245). Муравьевъ самъ шелъ навстрѣчу Милютину и писалъ (25 сентября 1863 г.): „во всемъ этомъ великомъ дѣлѣ (устройства крестьянъ какъ въ западныхъ губерніяхъ, такъ и въ царствѣ полскомъ) мы должны идти рука объ руку; я вамъ предлагаю съ полною готовностью мое содѣйствіе“. „Вотъ человѣкъ, совершенно измѣнившійся! — долженъ былъ воскликнуть Милютинъ при чтеніи этого письма. На самомъ дѣлѣ, перемѣна была болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная. Для Муравьева это попеченіе о крестьянахъ проистекало единственно изъ соображеній политическихъ. Если въ западныхъ губерніяхъ онъ одобрялъ поступки, которые онъ энергично отвергалъ въ Россіи, то это было не отъ того, чтобы онъ пересталъ считать ихъ революціонными. Въ его глазахъ не состав-

ляло важности, что орудіе противъ возстанія и полонизма заимствовано было у революціи. Онъ пользовался имъ, не стѣсняясь, противъ враговъ своего государя и отечества, потому что противъ враговъ орудія наиболѣе вѣрные казались ему наилучшими“ (245). Мы охотно вѣримъ автору, что совсѣмъ иныя были точка исхода и побужденія Милютина и его московскихъ друзей. Они ѣхали примѣнять въ Польшѣ „мѣры и принципы, которые были ими уже признаны и приведены въ исполненіе въ самой Россіи. Возстаніе доставило имъ только способъ дѣйствовать быстрѣе и рѣшительнѣе, относясь *съ меньшею пощадою* къ правамъ и интересамъ высшихъ классовъ“ (247). Мы охотно вѣримъ, что они дѣйствовали не изъ одной только „*политической ненависти*“, хотя приходили къ тому, чего требовала и воплощенная въ Муравьевѣ политическая ненависть. Ихъ поѣздка изображается какъ нѣчто въ родѣ экспедиціи Колумба на открытіе Америки: „путешествіе съ цѣлью развѣдокъ, почти что съ цѣлью открытія невѣдомой страны. „Никогда путешествіе государя или государственнаго человѣка въ какой-либо странѣ и въ какую-либо эпоху не имѣло, быть можетъ, такихъ громадныхъ результатовъ“ (244), какъ эта недолгая поѣздка нѣсколькихъ людей „съ полуэскадрономъ уланъ и полсотнею казаковъ“ (254), среди селъ и деревень отъ Варшавы по направленію къ Кракову, среди населенія, вѣковое уничиженіе котораго сдѣлало его глухимъ и нечувствительнымъ къ идеѣ объ отечествѣ и національности. „Въ первый разъ,—пишетъ Милютинъ 25 октября женѣ,—этимъ бѣднымъ мазурамъ и краковякамъ приходилось встрѣтиться съ представителями государя, которые пришли говорить съ ними о ихъ нуждахъ. Женщины плакали и обнимали наши колѣни. Мы чувствовали укрѣпляющуюся въ насъ надежду, что съ какою-нибудь сотнею людей честныхъ и разумныхъ возможно бы было, передъ лицомъ всей *латинской* и *шляхетской* Польши, быстро поднять этотъ угнетенный народъ“ (253). Первый и положительный результатъ поѣздки опредѣлился вполнѣ

согласно съ основною чертою характера и дѣятельности Милютина—его крестьянофильствомъ: „этотъ угнетенный народъ можетъ сдѣлаться для насъ, *по крайней мѣрѣ въ настоящее время*, дѣйствительною опорою", говорилъ онъ. Былъ и другой, отрицательный, выразившійся съ неменьшею рѣзкостью. Въ письмѣ 16 ноября къ женѣ сказано: „ты не можешь повѣрить, какъ все здѣсь политически деморализовано: повсюду ложь, лицемѣріе, подлость, жестокость" (258). Еще прежде онъ писалъ (253): „низшій классъ, единственный, отъ котораго мы можемъ ждать себѣ какого-либо утѣшенія. Все остальное: шляхта, духовенство, жиды—до того намъ враждебны и до того развращены и деморализованы, что съ *нынѣшнимъ* поколѣніемъ ничего нельзя сдѣлать. Страхъ есть единственное средство для обузданія общества. Ложь, притворство, грабежи, убійство возведены были въ число добродѣтелей и героическихъ поступковъ. За исключеніемъ военной силы здѣсь нѣтъ никакой другой административной власти" (253). Очевидно, что эта вторая сторона дѣла вызывала на размышленія, и не могли не ставиться вопросы: *историческій* — какъ произошла эта деморализація послѣ 48 лѣтъ принадлежности царства польскаго Россіи и 32 лѣтъ бюрократическаго режима безъ всякихъ учрежденій не только представительныхъ, но и въ малѣйшей степени автономныхъ; и *практическій*—какъ оздоровить деморализованное? Первый вопросъ смущалъ Милютина, но разрѣшался въ немъ только простыми сѣтованіями: „Къ стыду нашему мы не сумѣли здѣсь ничего организовать. Внѣ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ правительство не имѣетъ ни одного агента, ни одного представителя, заслуживающаго довѣрія. Простодушіе, съ которымъ мы позволили устроить все это (повстаніе) у себя подъ носомъ, превосходитъ всякое вѣроятіе". Дальше этихъ сѣтованій Милютинъ не пошелъ. Допустимъ, что политикъ располагаетъ свои задачи въ послѣдовательномъ порядкѣ, одно дѣлаетъ сегодня, другое оставляетъ на завтра или послѣзавтра; допустимъ, что

первымъ на очереди было устройство крестьянъ, что съ настоящимъ „положеніемъ" интеллигенціи польской нельзя было ничего подѣлать, — но если не все въ настоящемъ можно было дѣлать, то слѣдовало ясно опредѣлить и намѣтить, что̀ необходимо сдѣлать въ ближайшемъ будущемъ, хотя бы для слѣдующаго поколѣнія, чтобы не впасть въ старыя ошибки, въ рутинную колею, чтобы избѣгнуть упрека въ томъ, что „video meliora proboque deteriora sequor". Въ статьѣ Леруа-Больё описано, какъ поняли три друга (Милютинъ, Самаринъ, Черкаскій) ту часть своей задачи по возвращеніи изъ Варшавы и съ какимъ трудомъ, вопреки мнѣнію большинства комитета для дѣлъ царства польскаго, они провели свою программу, которая обезпечила за новою системою управленія царствомъ польскимъ наименованіе милютинской системы. „На берегахъ Вислы, говорили три друга, либерализмъ не годится; для Польши требуются не политическія права, которыми она неспособна пользоваться, а экономическое обновленіе, которое возродило бы народъ, при чемъ необходимо отказаться *отъ всякаго рода* автономіи" (263), т. е. и отъ автономіи по системѣ Вѣлёпольскаго, которая еще предполагается возможною и въ манифестѣ 31 марта (12 апрѣля) 1863 г. объ амнистіи и въ рескриптѣ изъ Ливадіи в. кн. Константину Николаевичу 31 октября 1863 г., и отъ мѣстныхъ особенностей въ управленіи, которыя оставлены послѣ отмѣны конституціи императоромъ Николаемъ Павловичемъ и дороги были населенію края не по содержанію, а по воспоминаніямъ и по языку, наконецъ и отъ той доли самоуправленія, къ которой правительство сочло необходимымъ привлечь и обязать состоянія и классы населенія въ коренныхъ областяхъ имперіи. Однимъ словомъ, система сводилась къ слѣдующему: аграрная реформа на болѣе широкихъ, чѣмъ въ Россіи, основаніяхъ, отмѣна особенныхъ польскихъ и введеніе русскихъ порядковъ устарѣлыхъ, дореформенныхъ въ администраціи, съ полнымъ устраненіемъ отъ ея заботъ управляемыхъ и съ оставленіемъ страны на особенномъ

исключительномъ положеніи на время неопредѣленное и, можетъ быть, безконечное. Если сравнить этотъ поразительно простой способъ успокоенія страны, который въ сущности, если откинуть подробности и комплектованіе личнаго состава управленія, совершенно былъ тождественъ съ существовавшимъ столь долго при Паскевичѣ, то можетъ показаться загадочнымъ, какъ на немъ остановился человѣкъ, который столь рѣзко осуждалъ глубокую сонливость управленія, возникшаго при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, который мучился тѣмъ, что „здѣсь нужно все разъяснять самому, собственнымъ умомъ“ (259), и который жаловался, что „здѣсь (въ Варшавѣ) дѣйствительно спится меньше, чѣмъ обыкновенно“ (256). Очевидно, что по его же понятіямъ рѣшеніе, данное его системою польскому вопросу, не было устроеніе страны, что отъ нормальнаго устроенія страны онъ воздержался, что онъ сошелъ со сцены даже и не указавъ, какъ, по его идеѣ, эту страну устроить, какъ рѣшить вопросъ, ему самому представлявшійся крайне сложнымъ и головоломнымъ. Этотъ пробѣлъ въ дѣятельности графа Милютина возможно объяснить, какъ мнѣ кажется, двумя соображеніями. *Во-первыхъ,* при всей своей необыкновенной талантливости Милютинъ былъ односторонній человѣкъ, крестьянофилъ, но чистокровный бюрократъ, что и до сихъ поръ сказывается въ той формѣ, которую онъ далъ крестьянскому дѣлу, не только въ царствѣ польскомъ, но и въ Россіи (XVII). Онъ взялъ, такъ сказать, съ боя освобожденіе крестьянъ съ надѣломъ и, весьма мало заботясь о гражданской выправкѣ освобождаемыхъ, соорудилъ въ замкнутыхъ крестьянскихъ учрежденіяхъ стѣну, отдѣляющую крестьянъ отъ дворянства. Въ Польшѣ, въ виду явной враждебности интеллигенціи, онъ задался мыслью вполнѣ изолировать интеллигентные классы отъ сельскаго простонародія, слѣдовательно, предпочелъ не устраивать вовсе цѣлое общество, такъ какъ при этомъ устройствѣ произошло бы сближеніе сословій въ новыхъ учрежденіяхъ и интеллигенція польская возстановила бы свое вліяніе на

народъ. *Во-вторыхъ*, Милютинъ дѣйствовалъ не одинъ, а въ союзѣ съ другими; всякая коалиція возникаетъ посредствомъ компромисса, въ которомъ дѣйствующій подчиняется вліянію другихъ и очень далеко иногда отходитъ отъ первоначальныхъ предположеній. Милютинъ, авторъ записки 24 мая 1863 г. объ учебной части, предостерегавшей, чтобы не дѣлать воспитанія политическимъ орудіемъ, есть совсѣмъ иной человѣкъ, нежели Милютинъ послѣдней поры своей жизни, помирившійся съ обрусеніемъ даже и самой школы. Милютинъ не былъ узкій сектантъ, но когда въ письмѣ къ женѣ онъ замышлялъ, предъ лицомъ латинской и шляхетской Польши, воздвигнуть другую, на нее непохожую, то кажется, какъ будто бы друзья его, славянофилы, вдохнули въ него мысль о возможности будущей Польши не латинской. Можетъ быть подъ ихъ вліяніемъ сдѣлался онъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей, настоявшихъ на разрывѣ конкордата указомъ 25 ноября 1866 г. Извѣстно, что онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и при изданіи указа 10 декабря 1865 г., которымъ мало усилено русское землевладѣніе на окраинѣ западной, но крайне затруднено экономическое и юридическое положеніе землевладѣльцевъ. Крестьянское дѣло, школа, судъ и управленіе, уклоняясь отъ своего прямого назначенія, превращались послѣдовательно въ политическія орудія борьбы двухъ національностей въ духѣ, наиболѣе свойственномъ тому направленію, которое Леруа-Больё опредѣлилъ какъ муравьевское. Сама система въ общемъ выходитъ болѣе муравьевская, нежели милютинская. Дѣйствіе ея продолжается, но силою первоначальнаго невозобновляющагося толчка, слѣдовательно, съ потерею скорости движенія отъ тренія и сопротивленія среды. Живое дѣло переродилось въ рутину, трудный вопросъ забытъ или занесенъ послѣднимъ въ очередь. Все спитъ въ Варшавѣ не въ примѣръ лучше, чѣмъ при Милютинѣ, на мягкой подушкѣ старыхъ канцелярскихъ порядковъ, все дѣлается по шаблону. На поверхности гладь и тишь, а что̀ подъ ними происходитъ, то извѣстно до того мало,

что требовало бы новыхъ развѣдокъ, новой экспедиціи съ цѣлью открывать Америку, какъ въ 1863 году, на которомъ и обрываются извѣстія о внутреннемъ состояніи страны. Подъ этою чинной наружностью существуетъ особый міръ, идетъ муравьиная работа, развивается промышленность, дѣлаютъ успѣхи науки, искусства и въ обновленной демократизированной, но любящей свое историческое прошлое Польшѣ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, любовь къ своему родному и вѣра въ несокрушимую силу своей національности. Таково современное положеніе дѣлъ, среди котораго весьма свѣжо въ сознаніи общества воспоминаніе о Вѣлёпольскомъ и его неудавшихся предпріятіяхъ. Даютъ ли эти зарытыя въ землю сѣмена какіе-либо всходы, которые бы были уже замѣтны въ нынѣшнюю минуту? таковъ вопросъ, на который можно отвѣчать только расчленивъ политическое дѣло Вѣлёпольскаго на его составные идейные элементы.

Въ системѣ Вѣлёпольскаго, подкладку ея составляло представленіе о законности, какъ о якорѣ спасенія и единственномъ способѣ подъема глубоко павшей націи, отреченіе отъ помысловъ о реставраціи и сознаніе того, что прошлое незачѣмъ возвращать, а на будущее надо отъ самыхъ корней и основаній работать. Вѣлёпольскій былъ однимъ изъ немногихъ, ясно понимавшихъ, еще задолго до 1863 г., эту необходимость, которую теперь сознаетъ большинство послѣ внушительнаго урока, даннаго въ 1863 году. Сама мысль была еще и до 1863 г. слишкомъ общая, свойственная многимъ, а не исключительно Вѣлёпольскому, почему я затрудняюсь пристать къ тѣмъ, которые видятъ въ теперешнемъ выгодномъ положеніи поляковъ въ Галиціи плодъ практическаго примѣненія политики маркиза.

Образъ мыслей Вѣлёпольскаго былъ гораздо опредѣленнѣе; извѣрившись въ Европу, онъ предпочтительно предъ Австріею и Пруссіею примкнулъ къ Россіи, отчасти можетъ быть, по воспріимчивости къ славянской идеѣ, но главное, по строгому расчету, по сознанію солидарности интересовъ. Мысль единенія осуществима практически только когда

она раздѣляется и той и другой стороною. Замѣчательно, что до сихъ поръ она всего менѣе находитъ отголосковъ съ русской стороны, между тѣмъ какъ теперь казалось бы всего удобнѣе, по собственному почину, приступить къ опыту устроенія болѣе нормальныхъ международныхъ отношеній. Рутина сильна, на стражѣ стоятъ и не допускаютъ трогать существующаго порядка могучіе матеріальные интересы, сросшіеся съ милютино-муравьевскою системою. Замѣчательно, что мысль о политическомъ единеніи съ Россіею всего сильнѣе усваивается тѣми, которымъ жить по многимъ соображеніямъ нехорошо, и что именно между поляками нынѣ сильно рѣдѣютъ ряды непримиримыхъ. Произойдетъ ли перемѣна въ правительственной системѣ, которой навстрѣчу идетъ столько ожиданій? Мы думаемъ, что произойдетъ, и умозаключаемъ по слѣдующимъ двумъ соображеніямъ. Движеніе ослабло, связки системы порядочно растянулись, наступилъ почти что застой; при этихъ условіяхъ тлѣютъ и подтачиваются незамѣтно устои системы. Придется когда-нибудь испробовать ея крѣпость, окажется, что она разсыпается, тогда сила вещей заставитъ приступить къ радикальному переустройству, при чемъ придется считаться съ Польшею новою, о которой мечталъ только въ будущемъ Милютинъ, не *шляхетскою*, а крестьянскою, которая столь же горячо стоитъ за свое національное, какъ бывшая аристократическая, стертая съ лица земли. Во-вторыхъ, мы смѣемъ думать, что не всегда, а только въ сравнительно непродолжительные періоды времени, соотвѣтствующіе особенному возбужденію страстей, можетъ быть въ ходу и пользоваться успѣхомъ философія ненависти международной, которую мы назвали бы „волчьею", потому что она есть примѣненіе формулы: homo homini lupus est, и которая когда-то примѣнялась и въ области отношеній между отдѣльными лицами. По этой философіи, которую донынѣ неугомонно проводятъ ѳрганы, на ней основавшіе свой успѣхъ, напримѣръ, „Московскія Вѣдомости" 1881 г. (12-го августа, № 222), есть въ мірѣ два дѣла прямо

другъ другу враждебныя: русское, которому долженъ быть преданъ всякій русскій патріотъ, и польское, къ которому онъ долженъ безъ разбора чувствовать такое же полное и безусловное отвращеніе. Кто мыслитъ иначе, тотъ врагъ Россіи. Злѣйшимъ и коварнѣйшимъ ея врагомъ былъ, конечно, Вѣлёпольскій; напротивъ того, повстанцы 1863 г. явились чуть ли не поборниками русскихъ государственныхъ интересовъ. На эту проповѣдь національнаго каннибализма единственный возможный отвѣтъ—пожатіе плечами. Главный жизненный вопросъ для Россіи нынѣ не тотъ: успѣетъ ли Россія, уничиживъ и вытѣснивъ все нерусское, чѣмъ порядочно пестрѣетъ нынѣ составъ государства, привести все внѣшними мѣрами принужденія къ одному типу, даже не общерусскому, а спеціально московскому, — или сумѣетъ ли она на одной и той же ткани согласовать искусно всѣ цвѣта радуги, въ одномъ и томъ же богатомъ узорѣ?

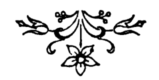
Наконецъ, Вѣлёпольскій былъ еще и автономистъ, тщательно старавшійся объ административномъ обособленіи царства польскаго отъ Россіи, какъ стараются о томъ, нынѣ, напримѣръ, остзейскіе нѣмцы, которымъ, однако, несмотря на то нельзя отказать въ вѣрноподданническихъ чувствахъ и которыхъ никто не называетъ за то измѣнниками. Эта часть системы Вѣлёпольскаго, въ его глазахъ самоважнѣйшая, всего болѣе пострадала и считается вообще совсѣмъ похороненною. Несомнѣнно, что она и была бы, можетъ быть, навсегда похоронена, если бы вовремя постарались связать и объединить царство польское съ имперіею не языкомъ, посредствомъ обрусенія, котораго невозможность по отношенію къ царству польскому принимается теперь какъ аксіома, но что важнѣе—учрежденіями, притомъ учрежденіями не старыми, дореформенными и признанными за негодныя для самой Россіи, но тѣми, которыя возникли въ славную эпоху великихъ реформъ (1856—1864). При ихъ введеніи политическую цѣль слѣдовало бы предпочесть филологической и дать ихъ на польскомъ языкѣ. Эти учрежденія столь просторны,

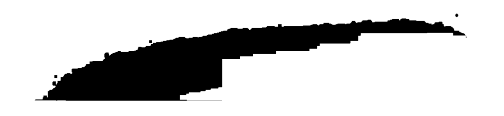
что при единственной уступкѣ относительно языка, доказывающей, что родной языкъ не вытѣсняется изъ главныхъ областей жизни общественной, они будутъ приняты и усвоены, можетъ быть, съ лучшимъ даже успѣхомъ, чѣмъ въ самой Россіи. Но допустимъ еще десятки лѣтъ исключительнаго положенія и опытовъ объединять сначала филологически, а потомъ уже политически, тогда это расположеніе къ усвоенію учрежденій можетъ быть замѣнится въ чувствахъ населенія другимъ: воспоминаніями объ утраченныхъ формахъ автономіи, желаніями имѣть то административно-раздѣльное отъ коренныхъ областей имперіи существованіе, о которомъ помышлялъ Вѣлёпольскій и возвратъ къ которому былъ бы невозможенъ, если бы царство польское не было содержимо донынѣ на исключительномъ положеніи, если бы оно введено было въ круговоротъ жизни общественной въ имперіи, разсматриваемой какъ одинъ цѣлый составъ.

Есть логика вещей, которая въ политикѣ и составляетъ главное. Всего важнѣе въ политикѣ выборъ подходящаго момента. Такъ какъ народы могутъ жить только обновляясь, т.-е. отрѣшаясь отъ пережитаго и видоизмѣняясь усвоеніемъ себѣ новыхъ элементовъ и привычекъ, то задержка въ этомъ жизненномъ процессѣ, продолжительное неудовлетвореніе потребностей, не могутъ не отразиться на всемъ ходѣ развитія организма. Ростъ задерживается, организмъ дичаетъ, точно садовое растеніе, лишенное надлежащаго ухода. Много лѣтъ спустя, оказывается невозможнымъ или весьма труднымъ совладать съ запущеннымъ или одичавшимъ элементомъ. Англія не успѣваетъ справиться съ ирландскимъ населеніемъ по расчетамъ, восходящимъ къ Кромвелю и еще дальше. Трудность еврейскаго вопроса въ Европѣ зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что мы имѣемъ дѣло съ элементомъ, сильно исказившимся и одичавшимъ, вслѣдствіе неправильнаго отношенія къ этому племени въ теченіе среднихъ вѣковъ. Польскій вопросъ въ Россіи требуетъ теперь настоятельнѣе, чѣмъ когда-нибудь, приложенія къ нему опытной

руки искуснаго садовода. Такимъ садоводомъ не былъ въ свое время и не могъ быть Милютинъ; разрубивъ гордіевъ узелъ крестьянскаго вопроса, онъ по остальнымъ сторонамъ дѣла не оставилъ даже указаній. По важности своего содержанія и послѣдствій польскій вопросъ выдвигается впередъ и становится на очередь не послѣднимъ, а однимъ изъ первыхъ вопросовъ внутренней политики Россіи. Желательно, чтобы онъ былъ разрѣшенъ окончательно съ устраненіемъ возможности конфликта въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Заключая этимъ искреннимъ пожеланіемъ мою работу, я протестую противъ „Московскихъ Вѣдомостей", назвавшихъ мой трудъ служеніемъ одному польскому дѣлу. Въ такой же степени можно бы сказать, что я старался служить и русскому дѣлу; точка зрѣнія у меня была общая обѣимъ націямъ, по мѣрѣ разумѣнія моего объективная и не исключительно національная, а, насколько я могъ, общечеловѣческая.

1882 г.

Викторъ Антоновичъ
Арцимовичъ.

1863—1866 гг.

I.

Къ осени 1863 г. можно было уже считать польское революціонное движеніе, вспыхнувшее въ этомъ же году, окончательно неудавшимся и проиграннымъ, за неполученіемъ имъ никакой поддержки извнѣ—отъ Франціи, на которую оно разсчитывало. Мятежъ былъ подавленъ, но еще не прекращенъ. Въ Вильнѣ распоряжался М. Н. Муравьевъ съ весьма широкими полномочіями. Маркизъ Вѣлёпольскій уже уѣхалъ 25 іюня (7 іюля) 1863 г. изъ Варшавы за границу въ отпускъ на два мѣсяца, но съ тѣмъ, чтобы на свой постъ не возвращаться. Весною 1864 г., въ Потсдамѣ, императоръ Александръ II сказалъ ему при его представленіи: *nous avons été vaincus, marquis, nous avons été vaincus!* Не было въ царствѣ польскомъ и прежняго намѣстника, великаго князя Константина Николаевича; рескриптъ ему, освобождавшій его отъ этой должности, послѣдовалъ изъ Ливадіи 31 октября 1863 г. Замѣстителемъ великаго князя явился графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ. Все гражданское управленіе въ царствѣ было въ состояніи полнѣйшаго разложенія. Личный составъ его былъ до того времени почти исключительно польскій и состоялъ либо изъ старыхъ служакъ,

временъ князя Паскевича или князя Горчакова, либо изъ вновь назначенныхъ при Вѣлёпольскомъ. Онъ никуда не годился, какъ слагавшійся изъ людей или совсѣмъ деморализованныхъ и на все, на что угодно, податливыхъ, или даже изъ людей, предательски помогавшихъ повстанцамъ. Въ этотъ моментъ пришлось, опираясь только на штыкъ, на одну военную диктатуру, пересоздать и отстроить заново все гражданское управленіе, предоставивъ его твердо преданнымъ правительству лицамъ, при несомнѣнно полномъ тому противодѣйствіи подавленной силою, но сплошь враждебной страны и ея общества, въ особенности городовъ и культурныхъ классовъ населенія. До очевидности ясно было русскимъ людямъ, что правительство должно взять въ свои руки уже затѣянную, но далеко не разрѣшенную крестьянскую реформу, что оно должно дать крестьянамъ земельные надѣлы, прекративъ немедленно ихъ прежнія отношенія къ помѣщикамъ. Работа эта была по силамъ русской бюрократіи, русскимъ чиновникамъ, уже пріобрѣвшимъ въ этомъ дѣлѣ извѣстную опытность и навыкъ при оказавшемся успѣшнымъ осуществленіи крестьянской реформы въ имперіи. Предвидѣлось, что, при коренномъ преобразованіи внутренняго управленія въ царствѣ польскомъ, оно потеряетъ совсѣмъ свою прежнюю административную автономію. Не только образъ дѣйствія навязывался самъ собой, какъ будто бы по заготовленной программѣ, но имѣлись налицо и самые пригодные для осуществленія этой программы люди, а именно дѣятели крестьянской реформы въ имперіи, составители и первые исполнители „положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 г.“, съ Николаемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ во главѣ, удаленные потомъ отъ дѣлъ послѣ введенія крестьянской реформы, въ угоду русскому дворянству, указавшему на нихъ какъ на опасныхъ революціонеровъ. Императоръ Александръ II имѣлъ въ апрѣлѣ 1862 г. въ виду Милютина на мѣсто начальника гражданскаго управленія въ царствѣ польскомъ, но Милютинъ рѣшительно отказался, послѣ чего состоялся планъ на-

значенія намѣстникомъ великаго князя Константина Николаевича и начальникомъ гражданскаго управленія маркиза Вѣлёпольскаго (*Anatole Leroy Beaulieu*, „Un homme d'Etat Russe—Nicolas Miloutine“. Paris 1884, p. 135). Въ Россію изъ-за границы возвратился Милютинъ 25 августа 1863 г. Его ожидали въ Петербургѣ, но еще до его пріѣзда вызванъ былъ изъ Самары случайно находившійся тамъ въ своемъ имѣніи сподвижникъ и единомышленникъ Милютина по крестьянскому дѣлу, доказавшій блистательно свои административныя способности въ званіи калужскаго гражданскаго губернатора и затѣмъ, вскорѣ послѣ приведенія въ дѣйствіе „положенія 19 февраля 1861 г.“, опредѣленный въ одинъ изъ московскихъ департаментовъ правительствующаго сената — Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ.

Я имѣлъ счастье познакомиться съ Викторомъ Антоновичемъ уже подъ конецъ шестидесятыхъ годовъ. Мы были знакомы домами; я получалъ отъ него указанія и нѣкоторые источники для сочиненія, которое я писалъ въ 1880 г. и которое было потомъ издано отдѣльною книгою въ 1882 году подъ заглавіемъ: „Жизнь и политика маркиза Вѣлёпольскаго“. Такъ какъ я всегда пользовался расположеніемъ и довѣріемъ семьи Виктора Антоновича, то послѣ его кончины, послѣдовавшей въ 1893 году, я получилъ отъ этой семьи, изъ хранившихся у него въ систематическомъ порядкѣ книгъ, изданій, печатныя и рукописныя бумаги покойнаго, всѣ тѣ, которыя относились къ его дѣятельности по царству польскому, начиная съ первой его командировки туда въ сентябрѣ 1863 г. до опредѣленія его сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента 7 февраля 1866 г., послѣ чего онъ окончательно поселился въ С.-Петербургѣ. Переданныя мнѣ бумаги занимаютъ цѣликомъ объемистый сундукъ и заключаются въ 14 папкахъ; онѣ были дополнены сообщенною мнѣ перепиской Виктора Антоновича съ членами его семьи и со свойственниками его по женѣ—Жемчужниковыми. Меня просили изложить по этимъ даннымъ дѣя-

тельность покойнаго по одному царству польскому, между тѣмъ какъ другіе пріятели его займутся изображеніемъ дѣятельности его по тобольской губерніи, по калужской губерніи, по уголовному кассаціонному и по первому департаментамъ правительствующаго сената, такъ чтобы общими силами и сборнымъ трудомъ можно было составить сплошное жизнеописаніе Виктора Антоновича какъ государственнаго человѣка. Та часть работы, которая мнѣ досталась, была кропотливая, мелкая, можно сказать, мозаичная. Я предлагаю читателямъ все то, что могъ извлечь изъ имѣвшихся у меня подъ рукою матеріаловъ. Такъ какъ послѣ ухода Вѣлёпольскаго Арцимовичъ былъ единственный человѣкъ польскаго происхожденія, призванный дѣйствовать по обострившемуся до послѣдней степени русско-польскому конфликту, и такъ какъ его происхожденіе повліяло несомнѣнно на самый образъ его дѣятельности, то я полагаю, что мой трудъ можетъ интересовать читателей не столько по достигнутымъ дѣятельностью Арцимовича результатамъ, которые не могутъ быть значительны, не только потому, что Арцимовичъ не игралъ въ событіяхъ первой роли и что онъ короткое только время былъ въ царствѣ польскомъ, но главнымъ образомъ по діаметральной противоположности по разнымъ дѣламъ взглядовъ между дѣятелями, призванными для упорядоченія этого края, по оказавшимся неизбѣжными столкновеніямъ Арцимовича съ другимъ, болѣе крупнымъ историческимъ лицомъ, а именно съ Николаемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ, наконецъ потому, что вопросы, по которымъ они сталкивались другъ съ другомъ, суть, до сихъ поръ, вопросы очередные; они не разрѣшены донынѣ, они застоялись, такъ сказать, на своемъ ходу и неизбѣжно будутъ составлять „злобу", если не сегодняшняго, то завтрашняго дня.

II.

Для поясненія происхожденія Арцимовича, я долженъ начать съ его родословной. Воеводство виленское, въ

великомъ княжествѣ литовскомъ, заключало въ себѣ лежащій на сѣверѣ отъ Вильны и граничащій съ Курляндіею уѣздъ или повѣтъ браславскій, позднѣйшій—дисненскій, который послѣ раздѣловъ Польши былъ присоединенъ сначала къ минской, а впослѣдствіи къ виленской губерніи. Въ этомъ браславскомъ уѣздѣ имѣлась околица или осѣдлость *Арцимовичи*, населенная сплошь мелкопомѣстною шляхтою того же наименованія. Въ декретѣ или постановленіи минскаго дворянскаго депутатскаго собранія, 25 января 1806 г., о дворянскомъ происхожденіи рода Арцимовичей, признанъ въ дворянскомъ достоинствѣ Михаилъ Петровъ Арцимовичъ съ четырьмя сыновьями, со внесеніемъ ихъ въ первую часть дворянской родословной книги. Они записаны имѣющими гербъ *Долэнга* (Dołęga) и владѣющими частью наслѣдственной осѣдлости Арцимовичи. При перечнѣ фамильныхъ документовъ этого рода декретъ упоминаетъ, какъ о древнѣйшемъ изъ представленныхъ ими актовъ, о письмѣ виленскаго воеводы и литовскаго канцлера Альбрехта Гаштолда, 1532 г., къ старостѣ браславскому, предписывающемъ сему послѣднему возвратить Арцимовичамъ принадлежащія имъ пашни. Родъ этотъ разсѣялся и по другимъ уѣздамъ и губерніямъ. Не всегда было возможно членамъ рода, не занесеннымъ въ дворянскія книги, приписываться къ записаннымъ уже прежде въ эти книги своимъ однофамильцамъ, представляя метрическія записи и иныя доказательства, между тѣмъ какъ менѣе хлопотливымъ и достигающимъ той же цѣли средствомъ могло быть возведеніе даннаго лица въ дворянское достоинство по полученному имъ чину (начиная со статскаго совѣтника). Такъ и поступилъ Антонъ Ѳедоровичъ Арцимовичъ, проживавшій въ бѣлостокской области и имѣвшій чинъ, дающій право на дворянское достоинство. Онъ былъ признанъ дворяниномъ бѣлостокскимъ дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ 22 мая 1835 года. Такъ какъ проситель изложилъ въ своемъ ходатайствѣ, что, состоя съ молодыхъ лѣтъ непрерывно на государственной службѣ, онъ не могъ отлу-

читься для пріисканія принадлежащихъ его роду документовъ, то, зачисляя его съ потомствомъ въ дворяне, съ записаніемъ его въ 3-ю часть дворянской родословной книги, собраніе предоставило ему право на перечисленіе въ 1-ю часть этой книги, по представленіи надлежащихъ документовъ. Проситель этихъ документовъ никогда не собралъ, не перенесъ своего рода въ 1-ю часть книги, но сближался по возможности со своими однофамильцами и входилъ съ ними въ переписку. Въ бумагахъ Виктора Антоновича имѣется письмо 1859 г., писанное къ его отцу нѣкоимъ Казимиромъ Симоновичемъ Арцимовичемъ, рѣчицкимъ уѣзднымъ ротмистромъ польскихъ войскъ, рѣчицкимъ ловчимъ и хорунжимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главноуправляющимъ имѣніями рѣчицкаго маршалка графа Юдыцкаго. Заимствую отрывокъ изъ этого письма, характеризующій нравы той средне-шляхетской среды, къ которой принадлежали Арцимовичи: „Вы стали выше всѣхъ Арцимовичей, начиная съ перваго ихъ предка, Андрея. Долгъ нашей чести, равно какъ и долгъ нашъ религіозный, состоитъ въ томъ, чтобы стараться о возвышеніи нашего добраго рода и о вспомоществованіи ему, насколько то отъ нашихъ силъ зависитъ. Многіе члены этого многочисленнаго рода, угнетаемые безурядицею прежней Польши и лишенные наслѣдія предковъ, принуждены были избрать жизнь несвободную и забыть о своемъ происхожденіи. Многіе стали чужими по отношенію къ своему гнѣзду и, подѣлившись на разныя вѣтви, получили особые декреты о своемъ шляхетствѣ въ разныхъ депутатскихъ собраніяхъ“. Казимиръ Арцимовичъ указываетъ, между прочимъ, на то, что такимъ образомъ укрѣпилъ себя въ своемъ шляхетствѣ одинъ богатый помѣщикъ рогачевскаго уѣзда, другой же люцинскаго уѣзда, витебской губерніи. Одинъ изъ минскихъ Арцимовичей, записанныхъ въ родословную по декрету 1806 г., Петръ казначей, продалъ иного рода лицамъ наслѣдіе предковъ, село Арцимовичи, которыми родъ этотъ уже провладѣлъ 250 лѣтъ.

Объ Антонѣ Ѳедоровичѣ Арцимовичѣ имѣются только

свѣдѣнія, которыя доставляетъ его формулярный списокъ 5 августа 1858 г. Ему было тогда 69 лѣтъ, былъ онъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и состоялъ членомъ совѣта министра государственныхъ имуществъ. Родился онъ въ 1789 году, еще до двухъ послѣднихъ раздѣловъ Польши, учился въ виленскомъ университетѣ, получилъ степень кандидата въ 1807 г., магистра въ 1809 г., доктора философіи въ 1811 г., служилъ сначала по учебной части учителемъ; потомъ, съ 1814 г., по судебной части асессоромъ отъ короны въ областной уголовной палатѣ; потомъ, съ 1830 г., асессоромъ въ областномъ бѣлостокскомъ правленіи. Съ самаго образованія вѣдомства государственныхъ имуществъ онъ дѣйствуетъ въ этомъ вѣдомствѣ въ качествѣ ревизора въ губерніяхъ минской, гродненской, пермской и псковской. Произведенный въ 1841 году въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ получилъ въ 1852 г. въ награду 2,000 десятинъ земли изъ пустопорожнихъ казенныхъ. Самъ онъ былъ римскій католикъ и женился на римской католичкѣ, дворянкѣ Евфросиніи Врубель, въ 1815 году. Отъ этого брака произошло слѣдующее потомство:

1) Флора, родившаяся 15 сентября 1818 г.; скончалась въ 1892 г., 10 февраля.

2) *Викторъ*—родился 19 апрѣля 1820 г.; скончался 2 марта 1893 года.

3) Пелагея, родившаяся въ 1822 г., 8 августа; вышла замужъ за инспектора строительнаго училища, профессора архитектуры въ с.-петербургскомъ университетѣ, Аполлинарія Каетановича Красовскаго; скончалась 3 февраля 1863 года.

4) Анна—родилась 20 октября 1826 г.

5) *Адамъ*—родился 28 декабря 1829 г.; былъ самарскимъ губернаторомъ, а потомъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа; скончался 15 января 1893 года.

6) *Антонъ*—родился въ 1832 г., мая 26 дня; нынѣ состоитъ сенаторомъ по уголовному кассаціонному департаменту.

Старшій изъ сыновей, Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, родившійся въ 1820 г., апрѣля 19, окрещенъ былъ только въ слѣдующемъ году, 24 марта 1821 года, приходскимъ бѣлостокскимъ священникомъ, монахомъ ордена миссіонеровъ Георгіемъ Юзефовичемъ.—Patrini fuere: Petrus Klim cum Marianna Petricowska pauperes de xenodochio Bialostocensi.—Замѣтимъ, что по мѣстному обычаю, когда дитя больное, то для испрошенія ему здоровья и, вообще, для его благополучія, въ воспріемники его при крещеніи приглашались люди самаго бѣднаго состоянія и низменнаго происхожденія

Антонъ Өедоровичъ Арцимовичъ, достигнувъ по службѣ большого почета и обезпеченнаго положенія, озаботился направить на тотъ же путь служенія государству своихъ сыновей. Двухъ старшихъ онъ помѣстилъ въ училище правовѣдѣнія, а младшаго—въ александровскій (бывшій царскосельскій) лицей. Императорское училище правовѣдѣнія открыто было въ 1835 году. Къ самому его открытію отправленъ былъ изъ Бѣлостока въ Петербургъ сынъ члена уголовной палаты, Антона Арцимовича, Викторъ, 15 лѣтъ, конечно полякъ, получившій первоначальное образованіе на польскомъ языкѣ, но еще въ такихъ лѣтахъ, которыя не соотвѣтствуютъ полному расцвѣту юноши, сильнѣйшему пробужденію идеальнѣйшихъ чувствъ, а въ томъ числѣ и патріотическаго энтузіазма. Въ училище поступилъ Викторъ Арцимовичъ не въ высшій приготовительный классъ, а въ слѣдующій за нимъ, такъ что онъ не попалъ въ число воспитанниковъ *перваго* выпуска (Барановскій, Сѣровъ), но только во *второй*, отличившійся большимъ числомъ государственныхъ дѣятелей (Стояновскій, Зубовъ, Философовъ, І. Н. Калайдовичъ, фонъ-Бюлеръ). Онъ сжился тотчасъ же со своими товарищами русскими, бывалъ по воскресеньямъ и праздникамъ только въ русскихъ домахъ, въ особенности у генерала Вельяминова. Съ нимъ поступилъ въ одинъ классъ поэтъ Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ, на сестрѣ котораго онъ впослѣдствіи женился. Арцимовичъ проводилъ въ стѣнахъ училища

даже и каникулы, имѣлъ общеніе съ одними только русскими, окруженъ былъ тою же атмосферою, которою дышали въ николаевскій періодъ люди такъ называемыхъ сороковыхъ годовъ, то-есть въ духѣ ненависти къ бездушному формализму и рѣшительнаго предрасположенія къ великимъ реформамъ послѣдующаго затѣмъ царствованія. Привилегированное учебное заведеніе, въ которое Арцимовичъ поступилъ, предназначено было служить разсадникомъ чиновниковъ-юристовъ новаго прогрессивнаго типа, находящихся на виду у правительства и быстро повышаемыхъ, но обреченныхъ на упорную войну со взяточничествомъ, со всеподавляющею канцелярскою рутиною, господствовавшею повсюду на государственной службѣ. Поприще, къ которому готовилъ себя Арцимовичъ, пришлось ему по душѣ. Спокойный, уравновѣшенный, но энергичный, онъ былъ до мозга костей законникъ по самому своему темпераменту и говаривалъ впослѣдствіи, что его настоящее призваніе — быть судьей (Записки Обнинскаго). Кончивъ воспитаніе по второму выпуску, въ 1841 г., и бывъ зачисленъ въ канцелярію 4-го департамента сената, Арцимовичъ обратилъ на себя вниманіе, какъ исправный чиновникъ при сенаторскихъ ревизіяхъ. Въ 1842 году, онъ и его товарищъ Алексѣй Жемчужниковъ сопровождали сенатора Бѣгичева, ревизовавшаго губерніи орловскую и калужскую. Въ 1843 году, Арцимовичъ ѣздилъ съ сенаторомъ Михаиломъ Николаевичемъ Жемчужниковымъ ревизовать таганрогское градоначальство и керченскій карантинъ. Въ 1850 г., уже состоя въ должности оберъ-секретаря въ 1-мъ департаментѣ сената, Арцимовичъ былъ командированъ къ члену государственнаго совѣта, генералъ-адъютанту Анненкову, ѣздившему ревизовать Западную Сибирь. Въ 1854 году, уже женившись на дочери сенатора Жемчужникова, Арцимовичъ назначенъ былъ исправлять должность тобольскаго губернатора и произведенъ, 14 декабря 1855 года, въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 1 августа 1858 года онъ переведенъ на губернатор-

скую же должность, въ калужскую губернію, въ самый интересный для Россіи моментъ, когда было въ полномъ ходу дѣло освобожденія крестьянъ, въ которомъ на сторонѣ правительства группировались всѣ оттѣнки прогрессивныхъ направленій, а тормозили движеніе немногочисленные, но имѣвшіе силу и значеніе на службѣ и вліяніе при дворѣ, крѣпостники. Такими оппонентами изобиловала, въ особенности, калужская губернія, сильно помѣщичья. Въ 1859 и 1860 гг., онъ былъ вызываемъ нѣсколько разъ въ Петербургъ, по законодательнымъ вопросамъ. Къ этому времени относится его знакомство съ главнымъ сотрудникомъ, по крестьянской реформѣ, министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, Н. А. Милютинымъ и съ группою его сподвижниковъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ крестьянскій вопросъ. Милютинъ получилъ отставку немедленно по опубликованіи „положенія 19 февраля 1861 г.“ и одновременно съ назначеніемъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуева, поддерживавшаго всячески помѣщичью партію въ калужской губерніи, имѣвшую во главѣ своей Мальцева. Арцимовичъ осуществлялъ на своемъ губернаторскомъ посту приведеніе въ исполненіе „положенія 19 февраля 1861 г.“, твердо, спокойно, энергически, безъ употребленія военной силы, но безъ всякихъ колебаній и уступокъ.

Сдѣланный имъ подборъ мировыхъ посредниковъ оказался хорошимъ; всѣхъ ихъ вдохновлялъ и сплотилъ воедино губернаторъ, отвѣчавшій за нихъ и относившійся къ дѣлу какъ убѣжденный человѣкъ и настоящій его апостолъ. Его вызывали неоднократно въ Петербургъ по жалобамъ помѣщиковъ. По настоянію Валуева назначена была въ Калугу сенаторская ревизія. Пріѣхалъ ревизовать, съ враждебными для Арцимовича намѣреніями, сенаторъ Александръ Христіановичъ Капгеръ. Въ виду очевидной неосновательности обвиненій, ревизоръ измѣнилъ свое мнѣніе и уѣхалъ изъ Калуги другомъ и защитникомъ Арцимовича; по его представленію, Арцимовичу пожалована звѣзда ордена св. Анны. У Арцимо-

вича не было личныхъ враговъ, но были сильные общественные противники, ненавидѣвшіе въ немъ главу дѣла, атамана такъ называемыхъ разбойниковъ — мировыхъ посредниковъ. Въ концѣ 1862 г., противникамъ удалось выжить Арцимовича изъ Калуги, со всѣми, впрочемъ, онёрами и съ повышеніемъ въ служебномъ положеніи. Въ 1862 г., 10 декабря, онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники; 1 января 1863 г. его назначили присутствовать въ 8-мъ департаментѣ правительствующаго Сената, одномъ изъ московскихъ. Лѣтомъ 1863 г., онъ ѣздилъ въ самарскую губернію по слѣдующему семейному дѣлу. Сенатору Жемчужникову пожалована была въ этой губерніи земля, которую ему разрѣшено передать дочери своей Аннѣ Михайловнѣ Арцимовичъ, не выдѣленной еще отцомъ. Арцимовичу пришлось принять эту землю и ее устроить. Здѣсь Арцимовичъ получилъ приглашеніе ѣхать на службу въ царство польское, къ великому князю Константину Николаевичу, что и заставило его немедленно отправиться въ С.-Петербургъ.

III.

Арцимовичъ получилъ слѣдующее письмо отъ 20 іюля 1863 г., отъ шефа жандармовъ, князя Василія Долгорукова: „Великій князь Константинъ Николаевичъ убѣдительно проситъ васъ, чтобы вы пріѣхали въ Варшаву и приняли званіе члена совѣта управленія царства польскаго, до времени—*sans portefeuille*. Государю Императору весьма желательно, чтобы вы оказали просимую у васъ услугу и чтобы вы о вашемъ согласіи увѣдомили меня для всеподданнѣйшаго доклада. Званіе члена совѣта сопряжено съ содержаніемъ въ 4,500 рублей, но я полагаю, что можно будетъ сохранить вамъ и то содержаніе, которымъ вы пользуетесь теперь по званію сенатора“.

23 августа, Арцимовичъ уже былъ въ С.-Петербургѣ. На пути онъ узналъ, что великій князь, уѣхавшій за

супругою въ Варшаву, не останется тамъ. Русская публика относилась къ нему несочувственно. Говорили въ Петербургѣ объ оказательствѣ неуваженія къ нему со стороны Валуева и со стороны Муравьева въ Вильнѣ. Въ разговорѣ съ княземъ Долгоруковымъ Арцимовичъ просилъ доложить государю о своемъ безсиліи исполнить его желаніе. Долгоруковъ уклонился, сказавъ, что не увидитъ государя. Представленіе назначено было въ субботу въ Царскомъ. Къ женѣ Арцимовичъ писалъ: „Во всякомъ случаѣ я положительно скажу, что не могу“. Аудіенція длилась болѣе получаса; содержаніе ея записано Арцимовичемъ насвѣжо въ слѣдующихъ словахъ:

— Ты былъ въ Самарѣ?

— Да, государь, по частному дѣлу; моей женѣ досталась земля.

— На комъ ты женатъ?

— На Жемчужниковой.

— Знаю. Ты знаешь, зачѣмъ я тебя призвалъ?

— Князь Долгоруковъ мнѣ передалъ о предположеніи вашего величества, но...

— Наше управленіе въ царствѣ дошло до крайняго разстройства, подземное правительство чрезвычайно усилилось; всѣ чиновники по выборамъ оставили службу; слабость дошла до такой степени, что наши уѣздные начальники входятъ въ сношенія съ революціонными начальниками относительно приведенія въ исполненіе распоряженій нашего правительства. Войска отыскиваютъ банды, но это не рѣшаетъ ничего, потому что администрація совершенно безсильна. Намъ нужны во главѣ администраціи люди, которымъ можно бы вѣрить. Я тебя избралъ и предполагаю назначить тебя сначала членомъ совѣта. Между нами будь сказано, я готовлю тебѣ министерство внутреннихъ дѣлъ. Теперь это мѣсто занимаетъ бывшій губернаторъ Островскій, другъ Замойскаго. Намъ необходимо имѣть людей вѣрныхъ, и я надѣюсь, что ты не откажешься отъ моего предложенія.

— Государь, еще въ прошломъ году я осмѣлился

представлять вамъ о крайне затруднительномъ моемъ положеніи. Переходить на службу въ царство мнѣ препятствуетъ мое воспитаніе, мои друзья, всѣ мои отношенія къ Россіи. Жена моя и дѣти православнаго исповѣданія. Въ моей личности какая-то двойственность. По вѣрѣ я католикъ, а между тѣмъ клерикальная партія вооружится противъ меня. Вообще положеніе мое гораздо затруднительнѣе чисто русскаго, въ особенности въ настоящее время. Вражда народная возросла до такихъ ужасныхъ размѣровъ, и общественное мнѣніе сдѣлалось до крайности подозрительнымъ. Государь, мое положеніе было бы въ Польшѣ невозможнымъ.

— Все это справедливо. Я понимаю, что для тебя это очень трудно, но что̀ дѣлать правительству, ежели всѣ будутъ уклоняться отъ службы въ царствѣ? И брату моему крайне было затруднительно пріискивать людей. Онъ боролся и затруднялся, и за это, къ сожалѣнію (ты вѣроятно слышалъ), на него взводили страшныя обвиненія. Этого человѣка, который поѣхалъ съ самоотверженіемъ,—обвиняли въ измѣнѣ. Это—гнусная, подлая клевета. Онъ помогалъ мнѣ горячо...—Молчаніе.—У поляковъ я не намѣренъ отымать льготы, которыя имъ даны, только необходимо, чтобы они успокоились, чтобы возстановился порядокъ. Это очень трудная задача, но я надѣюсь, что ты мнѣ поможешь въ этомъ и воспользуешься твоею опытностью въ управленіи.

— Я, государь, не имѣю никакихъ свѣдѣній о мѣстныхъ условіяхъ и не чувствую въ себѣ достаточной силы преодолѣть многочисленныя затрудненія, въ особенности въ настоящее время, когда даже рѣшаются посягнуть на брата Императора.

— Совершенно съ тобою согласенъ; это очень трудно, и это будетъ большое самопожертвованіе съ твоей стороны, за что я буду тебѣ весьма благодаренъ.

— Не могу рѣшиться, государь, принять порученіе. Мнѣ кажется, что оно не по моимъ понятіямъ. Я чувствую, что не могу *идти путемъ злобы*, а готовъ дѣй-

ствовать и ощущаю силу для устройства, облегченія, руководствуясь *началами любви къ человѣчеству* и разумнаго снисхожденія къ его слабостямъ. Я не понимаю, чтобы можно было устраивать крестьянъ единственно по злобѣ къ помѣщикамъ и съ видомъ ихъ истребленія.

25 августа 1863 г., вопросъ о назначеніи Арцимовича въ Варшаву еще оставался нерѣшеннымъ. Въ письмѣ Арцимовича къ женѣ написано: „Государь далъ сроку три дня и велѣлъ переговорить съ Платоновымъ“ (Валеріанъ Платоновичъ, статсъ-секретарь по дѣламъ царства польскаго). Арцимовичъ просилъ Платонова, письмомъ отъ 27 августа, о докладѣ государю его всеподданнѣйшаго ходатайства о неназначеніи его въ царство польское, мотивируя свой отказъ, между прочимъ, тѣмъ, что графъ Бергъ его не знаетъ, а изъ царства польскаго отъѣзжаетъ великій князь Константинъ Николаевичъ, приглашавшій Арцимовича на службу, зная, что онъ всегда держался легальнаго пути и усвоилъ себѣ пріемы управленія на твердомъ основаніи законовъ.

28 августа, въ среду, послѣдовало вторичное представленіе Арцимовича государю въ Зимнемъ дворцѣ, послѣдствія котораго выражены такимъ образомъ въ запискѣ Арцимовича, поданной намѣстнику Бергу 25 октября 1863 г.: „Государю благоугодно было повелѣть мнѣ отправиться временно въ Варшаву, для того, чтобы, ознакомившись, насколько возможно, съ ходомъ дѣлъ и состояніемъ гражданскаго управленія въ царствѣ польскомъ, я могъ уяснить себѣ, можно ли при настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ рѣшиться принять отвѣтственное участіе въ высшемъ управленіи этимъ краемъ. Въ то же время государь изволилъ высказать, что предполагается назначить меня директоромъ правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ, съ цѣлью содѣйствовать, между прочимъ, къ скорѣйшему осуществленію крестьянской реформы и къ преобразованію управленія гминами“.

Въ началѣ сентября Арцимовичъ поспѣшилъ опредѣлить свою дѣятельность и свою отвѣтственность по возла-

гаемому на него порученію, съ точнѣйшимъ изложеніемъ цѣли, условій и срочности принимаемой работы. Одна его записка, поданная 8 сентября, одобрена была государемъ словесно въ выраженіяхъ, что „онъ именно этого и желаетъ“; другая, дополнительная, подана 10 сентября. Обѣ записки, по Высочайшему повелѣнію, препровождены къ Бергу, обѣ писаны помимо Милютина и безъ соглашенія съ нимъ, при полной еще неизвѣстности, приметъ ли Милютинъ какое-нибудь участіе въ дѣлахъ царства польскаго. Въ обѣихъ запискахъ на первомъ планѣ поставленъ крестьянскій вопросъ, въ которомъ сошлись въ своихъ взглядахъ государь и Арцимовичъ и ради котораго главнымъ образомъ Арцимовичъ принялъ командировку. Еще 23 августа, въ письмѣ къ женѣ, Арцимовичъ сообщалъ ей, что онъ прямо заявлялъ Долгорукову, что и онъ, и его друзья, очутились въ опалѣ за крестьянскій вопросъ, что „способности и труды мои довели всѣхъ моихъ сотрудниковъ до скитальческой жизни“. Въ письмѣ 7 сентября 1863 г. Арцимовичъ хвалится, что Милютинъ, при первомъ свиданіи съ нимъ того же числа, передавалъ слова государя, Милютину же сказанныя: „ты вынесъ крестьянское дѣло здѣсь (въ имперіи) на своихъ плечахъ, а Арцимовичъ выносилъ его во время исполненія“.

Въ главной, первой запискѣ Арцимовичъ предполагаетъ: „1) Собрать на мѣстѣ, посредствомъ объясненій съ властями и съ другими лицами, и изъ статистическихъ свѣдѣній данныя, которыя могли бы объяснить настоящее положеніе гражданскаго управленія царствомъ, степень его дѣйствительнаго нравственнаго упадка и степень вліянія революціоннаго ржонда на служащихъ. Затѣмъ придется обсудить, какая система, болѣе вѣрная и прочная, чѣмъ система одного устрашенія, можетъ содѣйствовать къ возстановленію правительственной силы во всѣхъ органахъ власти и поднять ихъ нравственный уровень. 2) Какъ можно больше ознакомиться съ положеніемъ крестьянскаго дѣла въ царствѣ и обсудить, нельзя ли безотлагательно, пользуясь настоящими обстоятельствами, довести до конца

задуманную Его Императорскимъ Величествомъ крестьянскую реформу, посредствомъ развитія *общиннаго мірского* начала и установленія *крестьянскаго самоуправленія*, а также чрезъ принятіе законодательныхъ мѣръ къ освобожденію всей массы крестьянскаго населенія отъ непосредственнаго подчиненія *панамъ* или ихъ агентамъ? Нѣтъ ли возможности подвинуть начало очиншеванія помѣщичьихъ имѣній и довести это дѣло до принятія общей мѣры выкупа разомъ всѣхъ земель, на которыхъ поселены крестьяне, съ облегченіемъ взноса выкупной ссуды сравнительно съ существующими повинностями. Въ этихъ видахъ необходимо опредѣлить съ практической точки зрѣнія пригодныя для того средства, всмотрѣться, *нѣтъ ли на мѣстѣ людей*, которыхъ бы можно *привлечь къ дѣлу* во имя сочувствія къ угнетенному народу, и указать, откуда взять вѣрныхъ дѣятелей для правительственнаго участія въ крестьянской реформѣ. Взвѣсить силы, необходимыя для дѣйствія, опредѣлить время для начала дѣла и въ общихъ чертахъ самую систему и постепенность распоряженій". — Въ заключительныхъ словахъ записки высказывается вполнѣ русскій государственный человѣкъ, апостолъ крестьянской реформы и демократъ, считающій своимъ патріотическимъ долгомъ содѣйствовать благу своей польской родины освобожденіемъ крестьянъ съ землею въ русской формѣ этого преобразованія: „вполнѣ сочувствуя заботѣ о многочисленномъ, униженномъ и совершенно зависимомъ классѣ сельскаго населенія въ царствѣ, смѣло заявляю, что употреблю всѣ силы и способности къ изысканію ближайшихъ способовъ осуществленія благой реформы, и ежели только буду предвидѣть возможность подвинуть дѣло къ благопріятному исходу безъ усиленія кровопролитія въ краѣ, то, несмотря на неизбѣжную борьбу, происки и противодѣйствія, почту себя счастливымъ. Если же сознаю мое безсиліе и невозможность при настоящемъ положеніи взволнованнаго края принести пользу въ управленіи царствомъ, согласно съ моими способностями и нравственнымъ характеромъ, то смѣю на-

дѣяться, что Его Императорское Величество освободитъ меня отъ исполненія обязанностей, которыя окажутся превышающими мои силы".

Во второй дополнительной запискѣ Арцимовичъ ходатайствовалъ о слѣдующемъ:

„1) Получить уполномочіе требовать всѣ свѣдѣнія къ разъясненію положенія гражданскаго управленія въ царствѣ польскомъ.—Можетъ быть, было бы не безполезно съѣздить въ одинъ или два губернскихъ города, для ознакомленія на мѣстѣ съ организаціею губернскаго и уѣзднаго управленія, и взглянуть на отправленія правительственныхъ органовъ въ настоящее время.

„2) Сообщить графу Бергу о цѣли моей командировки, дабы не произошло недоразумѣнія въ моихъ къ нему отношеніяхъ.

„3) Хотя очень трудно опредѣлить въ точности срокъ для моихъ занятій, но было бы желательно испросить мнѣ право тотчасъ по уясненіи опредѣленныхъ вопросовъ возвратиться въ С.-Петербургъ для представленія моихъ соображеній".

Обѣ записки писались на досугѣ въ Москвѣ, куда уѣхалъ 29 августа Арцимовичъ, съ разрѣшенія государя, для того, чтобы проститься съ семействомъ. Возвращаясь изъ Москвы, 7 сентября, утромъ, онъ ѣхалъ въ одномъ поѣздѣ съ Юріемъ Самаринымъ. Всю дорогу они толковали о Польшѣ, для которой Самаринъ не видѣлъ иного исхода, кромѣ диктатуры (письмо къ женѣ). Въ С.-Петербургѣ Арцимовичъ засталъ уже Милютина, имѣвшаго аудіенцію у государя 31 августа. Оставаясь затѣмъ въ Петербургѣ до 18 сентября, Арцимовичъ почти каждый день видался съ нимъ и простился съ нимъ до скораго свиданія въ Варшавѣ и до скорыхъ совмѣстныхъ работъ по управленію. Въ письмахъ къ женѣ Арцимовича имѣются слѣдующія отмѣтки о Милютинѣ.

7 сентября вечеромъ: „Увидѣлся съ Милютинымъ. Отказывается, но ему не уступаютъ". *9 сентября:* „Насчетъ Милютина еще ничего не рѣшено". *10 сентября:*

„Вчера я провелъ вечеръ у Милютина. Толковали; онъ намѣренъ отказываться“. *11 сентября:* „Сегодня будетъ окончательное убѣжденіе Милютина. Неизвѣстно, какой будетъ результатъ. Онъ отговаривается, между прочимъ, полнымъ незнаніемъ польскаго языка“. *13 сентября:* „По случаю назначенія Милютина тоже временно въ царство польское, надо съ нимъ поговорить, а онъ до крайности *медлителенъ.* Хотя мы оба посвящаемся одному дѣлу, но, по случаю отъѣзда государя (въ Финляндію), ничего не сказано насчетъ соглашенія. Это меня затрудняетъ. Во всякомъ случаѣ надо какъ-нибудь уладить и извернуться“.

Отношенія этихъ двухъ людей, столь различныхъ по темпераментамъ, могутъ быть опредѣлены такимъ образомъ. Оба сознавали, что будутъ дѣйствовать сообща по одному и тому же государственному дѣлу на правахъ равенства, а не подчиненія, и съ возможностью расходиться во взглядахъ во всемъ, кромѣ одного крестьянскаго вопроса, въ каковомъ вопросѣ Арцимовичъ добровольно уступалъ первенство Милютину и становился подъ его начало, какъ то видно изъ его письма отъ *14 сентября:* „Ежели Милютинъ найдетъ возможнымъ при настоящихъ обстоятельствахъ принять участіе въ управленіи царствомъ и коснуться крестьянской реформы, то тогда разрѣшится и возможность моего участія. Все зависитъ отъ системы, какая будетъ принята въ царствѣ. Теперь не можетъ быть никакого гражданскаго управленія, но одна военная диктатура“. Уже и тогда Арцимовичъ и Милютинъ не договаривались до самаго существеннаго и, сами того не замѣчая, откликались на многое происходившее—не совсѣмъ согласно. Милютинъ мирился мысленно съ ролью Муравьева въ Вильнѣ, у котораго онъ побывалъ по пути въ Варшаву и съ которымъ былъ потомъ въ лучшихъ отношеніяхъ. Онъ не прочь былъ пользоваться услугами „Московскихъ Вѣдомостей“, точно вѣтромъ, вздувающимъ его паруса, между тѣмъ какъ Арцимовичъ возмущался статьями Каткова. *11 сентября:* „Москва рубитъ и раз-

рѣшаетъ всѣ вопросы на бумагѣ. Катковъ—одинъ изъ самыхъ вредныхъ людей. Его энтузіазмъ къ поддержанію прежнихъ (кулачныхъ) пріемовъ приведетъ къ посрамленію отечество". *14 сентября:* „Катковъ кидаетъ камнями и грязью на всѣхъ варшавскихъ дѣятелей". Арцимовичъ замѣчаетъ, что Милютинъ работаетъ медленно и оттягиваетъ свой отъѣздъ. *15 сентября:* „Вчера до двухъ часовъ ночи мы бесѣдовали съ Милютинымъ и условились насчетъ нашихъ занятій въ Варшавѣ. Онъ пріѣдетъ въ началѣ октября, а я ѣду послѣзавтра". *16 сентября:* „Срокъ моего пребыванія въ Варшавѣ будетъ зависѣть отъ хода работъ и успѣха занятій Милютина. По пріѣздѣ его въ Варшаву, мы будемъ по нѣкоторымъ предметамъ работать совмѣстно. Милютинъ зоветъ съ собою Самарина. Не знаю еще—поѣдетъ ли онъ". *17 сентября,* за два часа до отъѣзда: „Купилъ карманный револьверъ, изъ котораго, впрочемъ, не умѣю стрѣлять".

Настроеніе Арцимовича въ моментъ отъѣзда всего лучше выражено въ слѣдующемъ отрывкѣ его письма къ женѣ: „Я смотрю на командировку Милютина и мою какъ на попытку воспользоваться болѣе разумными, мыслящими представителями нашей администраціи. Мы — ничтожное меньшинство, а большинство будетъ продолжать свои требованія, основанныя на разрушительной силѣ. Положеніе наше — не новое; оно проявлялось и при прежней дѣятельности, въ особенности же для меня, въ Калугѣ. Россія имѣетъ много опыта, знанія и преданій для системы полнаго прежняго произвола, но она еще очень неопытна и слаба въ пріемахъ гражданскихъ. Если бы сила просвѣщенія была (у насъ велика), то не могло бы возникнуть такихъ затрудненій на западѣ государства... Привлечь людей въ царство очень трудно и почти невозможно. Поѣдутъ шаромыжники и предприниматели черныхъ дѣлъ. Пока не уяснится и не установится новая система, я не могу и не буду принимать участія въ управленіи, и въ этомъ отношеніи буду твердъ, если бы мнѣ даже угрожали неудовольствія и самая отставка.

Скажи милому твоему брату Алексѣю, что я буду себя вести какъ врачъ, изучающій болѣзнь и желающій помочь больному. Странно подумать, какъ страдаютъ обѣ стороны: Россія и Польша".

IV.

Первое посѣщеніе В. А. Арцимовичемъ Варшавы и польскаго края продолжалось съ 18 сентября по 30 октября 1863 г. Ему не пришлось стрѣлять изъ револьвера. Въ Варшавѣ онъ испытывалъ самыя сенсаціонныя неожиданности, такъ какъ мимо него ежеминутно проносились тѣ или другія революціонныя катастрофы. На второй станціи отъ Вильна къ Гродну, за нѣсколько часовъ до прихода поѣзда, была схватка солдатъ съ бандою повстанцевъ; два солдата ранены, нѣсколько повстанцевъ взяты въ плѣнъ. Въ самый день пріѣзда Арцимовича въ Варшаву, на пяти варшавскихъ площадяхъ повѣшены пятеро такъ называемыхъ „кинжальщиковъ", по одному на каждой, взятые съ оружіемъ въ рукахъ. Казнены они были по распоряженію намѣстника и, такъ сказать, въ отместку за покушеніе на жизнь его метательными снарядами при проѣздѣ его по Новому-Свѣту, изъ дома графа Андрея Замойскаго. 23 сентября 1863 г., раннимъ утромъ, въ Европейской гостиницѣ, на Краковскомъ предмѣстьѣ, убитъ былъ ударомъ кинжала, при весьма таинственной обстановкѣ, саксонскій еврей, докторъ Бертольдъ Германи, служившій одновременно нѣсколькимъ правительствамъ въ качествѣ шпіона, пріѣхавшій изъ Кракова и направлявшійся въ Вильно, къ М. Н. Муравьеву („Записки о польскихъ повстаніяхъ" Н. Берга, въ „Русской Старинѣ", № 9, за 1877 г.). Намѣстникъ пытался осилить революцію посредствомъ репрессалій. И домъ Замойскаго, и Европейская гостиница были конфискованы и отведены подъ помѣщеніе солдатъ. Такова была общая мѣра по отношенію ко всѣмъ домамъ, гдѣ были совершены или при-

готовляемы политическія покушенія на убійства. Въ письмѣ отъ *20 сентября* Арцимовичъ сообщалъ женѣ, что въ этотъ день подписанъ намѣстникомъ „декретъ о контрибуціи“ и что съ 1 ноября жители Варшавы (домовладѣльцы) обложены налогомъ въ 8% съ дохода, что на городъ составитъ 300,000 рублей. Эту контрибуцію положено взимать по книгамъ подымнаго сбора, хранившимся въ варшавской ратушѣ, на Театральной площади. Подпольное правительство предположило похитить эти книги изъ ратуши, а такъ какъ похищеніе оказалось невозможнымъ, то—сжечь самую ратушу (бывшій дворецъ кн. Яблоновскихъ). Ратуша, дѣйствительно, подожжена 6 октября и сгорѣла дотла. Правительство учредило въ царствѣ польскомъ военно-полицейское управленіе, съ генералъ-полиціймейстеромъ Ѳ. Ѳ. Треповымъ во главѣ. Треповъ, обыкновенно, ходилъ пѣшкомъ изъ своей квартиры, въ Брюлевскомъ дворцѣ, на Сенаторскую улицу, гдѣ было управленіе генералъ-полиціймейстера. На его жизнь сдѣлано покушеніе 21 октября, на улицѣ, во время его прогулки, вслѣдствіе чего, 30 октября, двое изъ покушавшихся были повѣшены. Такимъ образомъ, явно было, что въ Варшавѣ существуютъ одновременно два взаимно противодѣйствующія правительства, одно — офиціальное, съ намѣстникомъ во главѣ, и другое—безымянное, революціонное. Ежедневно, съ 6 часовъ вечера до 6 утра, по городу разставляемы были войска, въ количествѣ до 30,000 человѣкъ, съ заряженными ружьями. Другое правительство—такъ называемый *ржондъ*—мѣнялось послѣдовательно нѣсколько разъ въ своемъ личномъ составѣ. Въ послѣднихъ числахъ сентября 1863 г., во главѣ его стоялъ послѣдній польскій революціонный диктаторъ, отставной саперъ, севастопольскій солдатъ Ромуальдъ Траугутъ, арестованный весною 1864 года. Арестованіе Траугута положило конецъ существованію подпольнаго революціоннаго правительства и послужило началомъ весьма медленнаго постепеннаго возвращенія столицы къ нормальному порядку.

Очутившись въ совершенно новой для него средѣ, между людьми, съ которыми ему впервые приходилось сводить знакомство, въ полномъ еще разгарѣ придавленной, но не потушенной революціи, Арцимовичъ въ первые полтора мѣсяца бытности въ Варшавѣ наблюдалъ происходившее и записывалъ въ ежедневныхъ почти посланіяхъ къ женѣ свѣжія впечатлѣнія народной драмы, которую приходилось переживать. Постараюсь передать вкратцѣ эти несомнѣнно интересныя ощущенія безпристрастнаго очевидца, не причастнаго ни къ одной изъ двухъ борющихся сторонъ.

Арцимовичу отведена была квартира въ За̀мкѣ, занимаемомъ намѣстникомъ. Почти ежедневно, для развлеченія, ѣздилъ онъ по Уяздовскимъ аллеямъ въ Бельведеръ и Лазенки. „Не воображай себѣ,—писалъ онъ,—чтобы насъ въ Варшавѣ опасались; движеніе здѣсь очень значительное, много народу, еще болѣе военныхъ; безпрерывно снуютъ казаки, будочники и караульные; на всѣхъ концахъ и углахъ, во всѣхъ монастыряхъ стоятъ роты солдатъ; но въ городѣ обычное движеніе и вовсе не замѣтно, чтобы убійства и покушенія на убійства пугали жителей... Много даже гуляющихъ, но всѣ смотрятъ уныло и мрачно. Польки, въ траурныхъ платьяхъ, отворачиваются, проходя мимо военныхъ. Наши патрули прохаживаются ровнымъ шагомъ, но только по приказанію начальства, безжизненно и скучно. Мы занимаемъ городъ, но имъ не управляемъ... Мы стоимъ лагеремъ въ непріятельской странѣ... Русскіе не бесѣдуютъ съ поляками, не видятъ поляковъ—полное разъединеніе. Изъ поляковъ я бесѣдую только съ здѣшними сановниками и чиновниками, между которыми много людей дѣловыхъ и образованныхъ. Говоря съ ними по-польски, мнѣ самому странно, что этимъ языкомъ приходится пользоваться въ офиціальной дѣятельности. Кое-какъ изворачиваюсь... Офиціальный кругъ и военные совсѣмъ отдѣлены отъ жителей, за исключеніемъ публичныхъ женщинъ и шпіоновъ... Я съ ужасомъ смотрю на это разъединеніе... Вся администрація подчинена военнымъ властямъ.

Гражданскіе чины не могутъ и не должны дѣйствовать— они въ параличѣ. Военные, дѣйствуя однимъ устрашеніемъ, не могутъ справиться съ революціоннымъ движеніемъ, которое поддерживается изъ Франціи, Галиціи, Познани, и всю вину неудачъ сваливаютъ на гражданскую администрацію, которая естественно должна ослабнуть во время военной диктатуры“... „Здѣшніе министры—просто столоначальники, а губернаторы — слѣпые органы военныхъ начальниковъ... Здѣсь, въ центрѣ Европы, военный элементъ желаетъ играть и дѣйствительно играетъ первую роль, при чемъ казачество составляетъ одну изъ важнѣйшихъ опоръ. Здѣшніе военные возстаютъ противъ гражданской администраціи, не замѣчая, что взваливаютъ свою собственную вину на другихъ. Ни одинъ изъ нихъ не читалъ исторіи, а ищутъ *виновныхъ въ лицахъ*, тогда какъ виновна *исторія*“. Употребленное въ этой фразѣ заключительное слово „исторія“ было бы столь же непонятно и темно, какъ слова: рокъ, судьба, еслибы Арцимовичъ не пояснялъ тутъ же, въ письмахъ, какъ, на его взглядъ, по исторически сложившимся условіямъ, съ которыми неспособны совладать современные люди, они пришли роковымъ образомъ къ тому „*нелѣпому*“ положенію, что изощряются въ однихъ только злобныхъ изобрѣтеніяхъ и думаютъ только о томъ, какъ бы другъ другу вредить и мстить. Онъ этой вражды не чувствуетъ, но онъ ее исторически понимаетъ; онъ сожалѣетъ о ней и считаетъ возможнымъ со временемъ устраненіе всякихъ только историческихъ, то-есть временныхъ, причинъ. „Бѣдная Польша—бѣдная и Россія. Польша страдаетъ и, можно сказать, мучится, но и всѣ живущіе здѣсь русскіе привыкаютъ къ произволу, къ пренебреженію правъ, къ поклоненію одной матеріальной силѣ. Польша — дурная школа для гражданскаго развитія Россіи... Участь страны такая ужасная, что нельзя уклоняться отъ дѣла, которое въ самомъ себѣ содержитъ добро... Какъ ни скучно мнѣ здѣсь, но я радъ, что видѣлъ Варшаву и изучилъ особенности положенія царства польскаго“. Арцимовичъ раз-

личаетъ историческія причины или условія вражды, совсѣмъ особыя для каждой изъ враждующихъ націй. Поляки всѣ сосредоточены въ идеяхъ патріотизма и политическихъ тенденціяхъ; положеніе поляковъ могутъ измѣнить только исторія и ходъ дѣлъ въ Европѣ, однимъ словомъ,—политическая мечтательность и заискиваніе у европейскихъ націй или, лучше сказать, заискиваніе у одной только державы—Франціи, съ которою Польшу связали наполеоновскія преданія. Что касается до послѣдняго изъ этихъ якорей, на которыхъ держатся упорно надежды поляковъ, вспомнимъ, что письма В. А. Арцимовича писались съ полгода послѣ дипломатической попытки вмѣшательства западно-европейскихъ народовъ въ польскій вопросъ въ Россіи (17 и 18 апрѣля 1863 г.) и что канатъ этого якоря былъ основательно и навсегда отрубленъ только событіями 1870 г., то-есть седанскимъ погромомъ и превращеніемъ Франціи въ республику. Седанскій погромъ, до котораго еще дожилъ Арцимовичъ, былъ едва ли не первымъ случаемъ совпаденія—по разнымъ причинамъ—одного и того же симпатичнаго для французовъ чувства и у русскихъ, и у поляковъ,—одинаковаго ихъ соболѣзнованія. Съ этого только момента польскій вопросъ пересталъ быть общеевропейскимъ и превратился въ одинъ изъ внутреннихъ вопросовъ каждаго изъ трехъ государствъ, расчленившихъ Польшу, при чемъ исчезала возможность у поляковъ помышлять о возстановленіи самобытности политической.

По воспитанію и карьерѣ, по своей женитьбѣ на русской и своему семейному положенію („я направилъ мое семейство въ составъ русской гражданственности") Арцимовичъ былъ чуждъ политическаго мечтательства, которымъ было пропитано поколѣніе польской націи, принявшее участіе въ мятежѣ 1863 г., но онъ винилъ русскихъ людей въ томъ, что, владѣя наибольшею частью прежней Польши полвѣка, они не сумѣли привязать къ себѣ подвластный народъ и политически перевоспитать его. „Ничего мы не внесли въ этотъ край, кромѣ военной

силы. Съ 1830 г., всѣ гражданскія власти зависѣли отъ военныхъ, министрамъ давали огромное содержаніе, построили имъ дворцы, но власть перешла къ военнымъ и въ округъ жандармовъ. Я читалъ отзывы поляковъ о прусскомъ управленіи; польскіе патріоты ненавидятъ пруссаковъ за германизацію, но уважаютъ ихъ за честную гражданскую администрацію. Въ Познани не давали мѣстъ въ высшей администраціи за сводничество и факторство, не ставили во главѣ управленія взяточниковъ, поклонниковъ нагайки и палокъ, не ставили своего личнаго произвола выше закона. Россія получила бы въ Польшѣ другое значеніе, если бы сила наша не основывалась на однихъ только штыкахъ... Если мы намѣрены устоять въ Польшѣ, то мы должны въ ней являться съ пріемами европейскаго образованія, съ книгою законовъ и гражданскою честностью,—и тогда, даже въ случаѣ борьбы за національность и цѣлость государственную, мы не будемъ ощущать тяжелаго чувства, оглядываясь на нечистыя и грубыя злоупотребленія нашихъ (русскихъ) соотечественниковъ. Революціонное движеніе въ царствѣ поддерживается пропагандою и вращается въ области идей, а мы не умѣемъ дѣйствовать въ этой сферѣ. Противъ движенія идей мы выставляемъ одну вещественную силу дисциплинированнаго солдата, отдаемъ приказы, чтобы гминные войты изъ поляковъ открывали намъ заговорщиковъ, и кричимъ: „измѣна!“, — когда сами должны сознать, что мѣстный житель не можетъ быть нашимъ агентомъ. Мы удивляемся, что ржондъ вѣшаетъ такое множество людей и что народъ не возстаетъ противъ этого страшнаго насилія. Оказывается на повѣрку, что банды вѣшаютъ по преимуществу тѣхъ, на кого сами жители указываютъ, какъ на измѣнниковъ и шпіоновъ. Въ этомъ фактѣ выражается сочувствіе массъ къ возстанію... Я далеко не увѣренъ, чтобы можно было начать реформы прежде усмиренія страны и въ особенности прежде окончательнаго неуспѣха заграничнаго вмѣшательства“.

V.

Намѣстникъ, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ, принялъ Арцимовича весьма любезно и предупредительно, звалъ его очень часто обѣдать, приходилъ къ нему бесѣдовать и настоятельно требовалъ принятія должности министра или, по официальному наименованію, директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто удаляющагося Александра Островскаго — друга и сторонника не А. Замойскаго, а маркиза Вѣлёпольскаго. Арцимовичъ отказывался и писалъ женѣ 19 сентября: „Я въ этомъ отношеніи непоколебимъ; выжду пріѣзда Милютина, съ нимъ потолкую и уясню, что мнѣ надобно дѣлать и какъ быть". Въ совѣтѣ управленія (rada administracyjna) онъ нашелъ прежнихъ своихъ знакомыхъ—Фондуклея и Кербедзя. Онъ былъ весьма пораженъ, когда ему сдѣлалъ визитъ Ѳ. Ѳ. Треповъ и когда, передавая ему о бѣдственномъ положеніи страны, былъ столь растроганъ, что даже „на глаза ему навернулись слезы". Треповъ указывалъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ революціи, на воспитаніе молодежи, которую Мухановъ систематически развращалъ по системѣ Меттерниха. Треповъ описалъ варшавскія событія 1863 г., но оставилъ это описаніе въ Кіевѣ, гдѣ живетъ его семейство. Свое нежеланіе вступить въ должность Арцимовичъ описываетъ 2 октября слѣдующимъ образомъ: „Я твердо убѣдился, что администрація не можетъ здѣсь имѣть никакого значенія. Гражданскія власти давно привыкли къ полному подчиненію военному начальству. Здѣшніе министры и губернаторы не опредѣляютъ иначе чиновниковъ, какъ съ согласія военныхъ начальниковъ и жандармовъ. Увольненіе всѣхъ чиновниковъ предоставлено военнымъ начальникамъ. Бумажная бюрократическая машина движется, но сила не въ ея рукахъ и не скоро въ ея руки возвратится. Появленіе въ гражданской администраціи новаго лица способно только возбудить множество столкновеній безъ видимой для хода дѣлъ

пользы. Я не могу принять ничтожную роль министра, подчиненнаго полковымъ командирамъ, министра безъ власти управленія и безъ всякаго сношенія съ народомъ".

Изъ всѣхъ вопросовъ будущей организаціи страны одинъ выдвигался на первый планъ и господствовалъ надъ другими, потому что на немъ, какъ на краеугольномъ камнѣ, надлежало утвердить, по усмиреніи страны, будущее общественное устройство. Съ крестьянскимъ дѣломъ въ царствѣ польскомъ Арцимовичъ былъ совершенно незнакомъ. Хотя самъ онъ лично не участвовалъ въ выработкѣ „положенія 19 февраля 1861 г.", а подалъ министру С. С. Ланскому только записку, которая обратила на себя вниманіе, о причинахъ упадка власти губернаторской, направленную противъ предполагавшагося повсемѣстнаго введенія генералъ-губернаторовъ, но онъ вводилъ „положеніе 19 февраля 1861 г." въ калужской губерніи и былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости распространенія его и на царство польское, въ чемъ онъ сходился съ Милютинымъ. Имѣя много свободнаго времени, онъ обложилъ себя книгами и брошюрами по крестьянскому вопросу въ Польшѣ, при чемъ ему весьма пригодилось знаніе польскаго языка. Онъ зачитывался до того, что глаза уставали. 20 октября онъ сообщалъ женѣ (двѣ недѣли послѣ пріѣзда): „Двадцать лѣтъ тому назадъ поляки сами предвидѣли настоящій кризисъ и въ прекрасно разработанныхъ сочиненіяхъ предлагали устроить крестьянъ на началахъ выкупа и сельскаго управленія". Вѣроятно, Арцимовичъ имѣлъ въ виду сочиненіе псевдонима, Адама Кржижтопора (гр. Ѳомы Потоцкаго), объ устройствѣ поземельныхъ отношеній въ Польшѣ [1]), а также заключеніе, къ которому пришло въ февралѣ 1861 г. земледѣльческое общество въ царствѣ польскомъ, что очиншеваніе крестьянъ не есть конецъ дѣлу, а надо посредствомъ обдуманной финансовой операціи произвести выкупъ чиншей и сдѣлать крестьянъ собственниками зе-

[1]) „O urządzeniu stosunkow rolniczych w Polsce", 1851. „Poznań" i „Poranki Karlsbadskie", 1858. Poznań.

мель, которыми они пользуются. „Варшавскіе правители,—писалъ Арцимовичъ,—не обратили вниманія на указанія мыслящихъ людей, а всѣ мѣры, принятыя Вѣлёпольскимъ, подвигали дѣло, но исключительно въ смыслѣ помѣщичьемъ“. Для поясненія этихъ выраженій замѣтимъ, что Вѣлёпольскій, будучи рѣшительнымъ врагомъ барщины, какъ нарушающей коренное начало статьи 1142 наполеонова кодекса, по которой нельзя никого обязать силою что-нибудь дѣлать, но только взыскивать убытки, въ своихъ личныхъ воззрѣніяхъ о поземельномъ обезпеченіи крестьянъ не шелъ дальше 24-лѣтней аренды. При немъ изданы два аграрные закона: 1) 4 мая 1861 г.—о замѣнѣ барщины окупомъ, коль скоро того потребуетъ состоящій на барщинѣ, и 2) 25 мая 1862 г.—объ обязательномъ очиншеваніи крестьянъ. Послѣдній законъ остался мертвою буквою, когда вспыхнуло повстаніе, потому что крестьяне перестали тогда и барщину отбывать, и оброкъ платить. Въ письмѣ отъ 2 октября Арцимовичъ задается вопросомъ, какое значеніе въ понятіяхъ простонародья имѣютъ прокламаціи ржонда о надѣлѣ крестьянъ землею и о воспрещеніи помѣщикамъ собирать оброки, и замѣчаетъ, что все въ царствѣ польскомъ усложнено до нельзя. Безземельныхъ крестьянъ считается до 1,100,000 — громадная пропорція, въ виду того, что все сельское населеніе царства не превышаетъ $3^1/_2$ милліоновъ душъ обоего пола. Эти безземельные крестьяне не имѣютъ ничего; они нанимаются помѣщиками и крестьянами же на срокъ и перекочевываютъ изъ одного селенія въ другое. Чтобы узнать, что̀ думаетъ и на что̀ надѣется сельскій людъ, надобно бы объѣхать нѣсколько селеній, по крайней мѣрѣ, въ разныхъ районахъ, что̀ представляется не совсѣмъ удобнымъ при условіяхъ не совсѣмъ подавленнаго мятежа и кое-гдѣ бродящихъ еще шаекъ повстанцевъ. Мысль о такой, совсѣмъ незаурядной и сопряженной съ неожиданностями поѣздкѣ не покидала Арцимовича съ самаго его прибытія въ Варшаву. „Поѣздку я отложилъ,—пишетъ онъ,—до пріѣзда Милютина.

Между тѣмъ, отъ намѣстника получено извѣстіе, что пріѣдетъ не одинъ Милютинъ, а съ цѣлою редакціонною комиссіею изъ русскихъ защитниковъ крестьянъ: Ю. Самаринъ, князь Черкаскій, Протопоповъ, Петерсонъ". Они пріѣхали 12 октября. Особенное вниманіе обращали на себя князь Черкаскій и Самаринъ съ большой окладистой бородой, оба съ независимымъ положеніемъ и люди новые среди служебнаго міра. Пріѣздъ ихъ удивилъ намѣстника, который не любилъ вообще редакціонныхъ комиссій. Какъ остзеецъ, онъ не сочувствовалъ и направленію пріѣхавшихъ спеціалистовъ крестьянскаго дѣла. „Не повѣришь,—пишетъ Арцимовичъ,—до какой степени я обрадовался, дождавшись и встрѣтивъ знакомыхъ и умныхъ людей. Всѣ убѣждены, что, пока существуетъ военная диктатура, я не долженъ здѣсь дѣйствовать". Арцимовичъ убѣдилъ пріѣхавшихъ предпринять поѣздку по уѣздамъ подъ прикрытіемъ казаковъ. Поѣздка началась въ 5 часовъ утра 20 октября, а 24-мъ октября помѣчено письмо Арцимовича къ женѣ, уже изъ Варшавы; значитъ, весь объѣздъ кончился на пятый день. Общее впечатлѣніе поѣздки Арцимовичъ выражаетъ такъ: „Болѣе всего досталось помѣщикамъ; за крестьянами ухаживаютъ и наши войска, и революціонная партія. Хотя отдѣльныхъ крестьянъ и вѣшаютъ, но они довольны. Ржондъ запретилъ взыскивать оброкъ; слѣдовательно, классъ крестьянъ находится въ покоѣ и удовольствіи".

Результатъ поѣздки изложенъ въ печатной запискѣ на 22 большихъ страницахъ, никѣмъ не подписанной и озаглавленной: „*Поѣздка по нѣкоторымъ мѣстностямъ царства польскаго въ октябрѣ 1863 г.*". На первой страницѣ, въ выноскѣ подъ нею, значится, что въ поѣздкѣ участвовали сенаторъ Милютинъ, сенаторъ Арцимовичъ, коллежскій совѣтникъ Самаринъ и князь Черкаскій; по распоряженію намѣстника царства, командированъ былъ для сопровожденія ихъ флигель-адъютантъ гвард. генер. шт. капитанъ Анненковъ съ конвоемъ изъ полсотни линейныхъ казаковъ и полуэскадрона уланъ.

Въ концѣ записки поставлено число ея напечатанія— 1 ноября 1863 года. Записка не имѣетъ подписей, но сочинена какъ будто бы сообща, какъ разсказъ о томъ, что „*мы*“ (во множественномъ числѣ) видѣли, изучили, потребовали... „такимъ представилось намъ настроеніе народной массы въ Польшѣ“... значитъ,—какъ повѣствованіе четырехъ поименованныхъ въ первой выноскѣ обозрѣвателей-спеціалистовъ. Записка составлена живо, бойко, рельефно, весьма литературно. Въ книгѣ Анатоля Лероа-Больё сочинительство ея прямо приписывается Юрію Өедоровичу Самарину, то-есть тому изъ обозрѣвателей, который былъ выдающійся по таланту писатель-публицистъ. Въ этой же книгѣ приведено (стр. 218) письмо Милютина къ женѣ, въ которомъ умалчивается то, что несомнѣнно явствуетъ изъ переписки Арцимовича съ женою, — что мысль о поѣздкѣ возникла у него и внушена имъ намѣстнику до пріѣзда трехъ остальныхъ, кромѣ Арцимовича, обозрѣвателей. Въ томъ же письмѣ къ женѣ Милютинъ представляетъ себя какъ будто бы дѣйствующимъ втроемъ („я, Самаринъ и Черкаскій“), а хотя упомянутъ и Арцимовичъ, но только въ качествѣ второстепеннаго лица: „Арцимовичъ предложилъ намъ охотно сопровождать насъ въ качествѣ переводчика, чѣмъ и оказалъ намъ величайшую услугу“. Позволю себѣ возразить противъ такого невѣрнаго, на мой взглядъ, обезцѣненія того участія, которое принималъ Арцимовичъ и въ поѣздкѣ, и въ самомъ сочинительствѣ записки, участія прямого, непосредственнаго и первостепеннаго. Записка начинается словами: „Изучивъ предварительно постановленія и инструкціи, которыми опредѣляется положеніе крестьянъ въ царствѣ польскомъ, мы испросили у намѣстника разрѣшеніе объѣхать нѣкоторые уѣзды и проч.“. Спутники Арцимовича не могли въ теченіе недѣли, съ 12 по 20 октября, изучить постановленія и инструкціи, изданныя на польскомъ языкѣ, въ которомъ никто изъ нихъ не былъ свѣдущъ. Настоящую пользу отъ интереснаго, предпринятаго ими, опыта они могли получить только посредствомъ разспро-

совъ на мѣстѣ, а сообщаться съ населеніемъ они, очевидно, могли только посредствомъ надежнаго переводчика, какимъ являлся одинъ Арцимовичъ. Сама программа занятій и планъ поѣздки могли исходить только отъ лица сравнительно болѣе знакомаго съ положеніемъ края и исключительно почти занятаго изученіемъ крестьянскаго вопроса. съ пріѣзда своего въ Варшаву 18 сентября. Въ письмѣ къ женѣ, отъ 25 октября, значится, что „все общество пріѣзжихъ, которое, по здѣшнему выраженію, можно назвать *бандою эманципаторовъ*, обѣдало у Берга; послѣ обѣда Милютинъ, Самаринъ и Черкаскій сидѣли у меня и долго бесѣдовали. Я имъ передавалъ собранныя мною свѣдѣнія“. Затѣмъ послѣдовала редакція записки, въ которую вошло что было схвачено, такъ сказать, налету обозрѣвателями и занесено ими въ ихъ „записныя книжки“. Кто составлялъ записку, того Арцимовичъ въ письмахъ своихъ не выяснилъ; по всей вѣроятности, то былъ Самаринъ, какъ самый талантливый, въ литературномъ отношеніи, въ той группѣ человѣкъ. Въ одномъ письмѣ Арцимовича къ Милютину (отъ 8 ноября 1863 г.) сказано: „*ваша* записка о поѣздкѣ по деревнямъ подкрѣпитъ государя въ мысляхъ его относительно крестьянскаго вопроса“. Слово „ваша“, а не „наша“, записки объясняется, какъ мнѣ кажется, тѣмъ, что въ запискѣ попадаются нерѣдко многія отдѣльныя выраженія и фразы, которыя не могли бы быть употреблены Арцимовичемъ, какъ полякомъ по происхожденію и римскимъ католикомъ или какъ человѣкомъ, понимающимъ глубокія причины столкновенія двухъ національностей и избѣгающимъ рѣзкихъ сужденій даже и о мятежникахъ. Въ запискѣ сельскіе костелы характеризуются какъ „мрачные“, ксендзы—какъ „исподлобья высматривающіе, что дѣлается по сторонамъ“. Бѣлостокскій уроженецъ, значитъ родившійся на самой почти границѣ царства польскаго, Арцимовичъ зналъ, что въ царствѣ польскомъ съ 1807 г. нѣтъ шляхты, какъ сословія,—значитъ, не могъ бы помириться съ тѣмъ, что написано на страницѣ 14: „Въ настоящее время

польская шляхта, носящая на себѣ двойственный характеръ *сословія* и политической партіи, въ союзѣ съ приходскимъ духовенствомъ образовали плотную стѣну, чрезъ которую мысль, воля и слово верховной власти, къ народу обращенныя, *никогда* до него не пробьются". Арцимовичъ съ своей точки зрѣнія только потому счелъ возможнымъ принять командировку въ Варшаву, что не признавалъ никакой такой стѣны между—не шляхтою,—но интеллигенціею народа и простымъ народомъ, не пропускающей будто бы никакой благой мысли и воли верховной власти. Еще менѣе могъ быть удовлетворенъ Арцимовичъ содержащимся на стр. 19 опредѣленіемъ современнаго положенія польскаго вопроса: „Борьба правительства не съ польскою націею, какъ думаютъ многіе, а съ уродливымъ сочетаніемъ революціоннаго одушевленія и іезуитскаго лукавства: въ этомъ и есть узелъ современнаго вопроса въ Польшѣ". Странное на первый взглядъ помѣщеніе этой фразы въ запискѣ, въ которой онъ является однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ, могло произойти отъ того, что Арцимовичъ уже не присутствовалъ при напечатаніи записки 1 ноября, такъ какъ 29 октября, сдавъ всѣ бумаги Милютину, онъ уже укладывался ѣхать въ Петербургъ, изъ котораго онъ пишетъ письмо женѣ въ Москву, помѣченное 2 ноября. Конецъ записки таковъ, что подъ нимъ могъ бы охотно подписаться Арцимовичъ, какимъ былъ онъ какъ человѣкъ, считающій безумными затѣи революціонеровъ, надѣющійся, однако, на будущее польской національности подъ сѣнью русской государственности: „Мы говорили крестьянамъ на прощаніе, что царь объ нихъ не позабылъ, убѣждали ихъ ждать терпѣливо отъ него милости, а врагамъ его не вѣрить и не служить. Слова эти вездѣ принимались съ искреннимъ, трогательнымъ сочувствіемъ. Поселяне выслушивали ихъ съ жадностью и повторяли ихъ отъ себя по нѣскольку разъ. Казалось, что они находили въ нихъ оправданіе какого-то своего собственнаго темнаго чаянія, котораго они сами не могли бы себѣ уяснить... Народная масса

находится въ какомъ-то неопредѣленномъ, тревожномъ, выжидательномъ положенiи. Въ одну сторону тянутъ ее (повстанцы) силою самыхъ заманчивыхъ обѣщанiй, на половину уже осуществившихся; къ другой влечетъ ее вѣрный историческiй инстинктъ, — къ сожалѣнiю, ни въ чемъ еще не находящiй ни поддержки, ни оправданiя. Чья сила окончательно перетянетъ? Кому удастся привлечь къ себѣ колеблющееся сочувствiе массы? Отъ разрѣшенiя этого вопроса зависитъ окончательно исходъ современной борьбы, въ которой законное правительство призвано спасти не только политическое владычество Россiи надъ Польшею, но и самую будущность народа польскаго!"

Въ этомъ заключенiи записки, которое повидимому было искреннее, проявляется въ полномъ блескѣ то, что было самаго лучшаго въ старомъ славянофильствѣ московскомъ пятидесятыхъ годовъ, имѣвшемъ своимъ умственнымъ руководителемъ Юрiя Самарина. Что такое же сочувственное отношенiе къ иной, не своей родной русской, но славянской нацiональности одушевляло и Милютина, о томъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя позднѣйшiя его дѣйствiя,—напримѣръ, его записка „объ устройствѣ учебной части въ царствѣ польскомъ" 22 мая 1864 г., направленная противъ мысли обрусить поляковъ въ царствѣ искусственными мѣрами, или организацiя имъ своеобразной гмины въ царствѣ, а не волости или общины наподобiе великорусской. Если мы вникнемъ, однако, въ мысль, внушающую эти славянскiя сочувствiя писателямъ записки, то должны будемъ признать, что эта мысль была у нихъ весьма отвлеченная, весьма далекая отъ дѣйствительности и неприложимая по крайней мѣрѣ въ настоящемъ. На ряду съ выражаемыми въ запискѣ симпатiями къ нацiи указано, что интеллигентные ея классы сплошною стѣною стоятъ, не пропуская свѣта, что въ нихъ одно только бунтованiе и iезуитское лукавство,— значитъ, что ихъ придется срѣзать, придется у нацiи ея голову отсѣчь. Еще не бывало хирурга, который бы ухи-

трился отнять голову у живого организма и приставить ему другую. Народъ, у котораго усѣчена была бы его интеллигенція, перестаетъ быть націей; только его же интеллигенція можетъ его воспитывать и одушевлять. Она можетъ заблуждаться, можетъ даже безумствовать; тогда приходится отрезвить ее и излечить, удаляя тѣ причины, которыя ей мѣшали относиться разумно къ вещамъ. По совершенно вѣрному пониманію Арцимовича, эти причины бываютъ только историческія, а слѣдовательно только временныя и несущественныя. Прочное оздоровляющее вліяніе одного народа на другой можетъ быть только посредствомъ интеллигенціи послѣдняго и посредствомъ дѣйствія на эту интеллигенцію умственными пріемами, которое только тогда становится возможнымъ, когда врачующій пойметъ, что̀ происходитъ въ душѣ врачуемаго и въ чемъ состоитъ то зло, отъ котораго приходится его лечить. У нашихъ реформаторовъ не было ни малѣйшихъ заботъ о такомъ психологическомъ діагнозѣ, ихъ средства дѣйствія были только физическія и заключались только въ могущественномъ военномъ и бюрократическомъ снарядѣ, которымъ однимъ не разрѣшается психологическая задача. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется безплодіе всей системы за предѣлами крестьянскаго вопроса, мѣропріятій Милютина, имѣвшаго почти неограниченныя полномочія на всякія реформы въ царствѣ польскомъ.

VI.

Перехожу къ разсказу объ октябрьской поѣздкѣ эманципаторовъ. Выборъ объѣзжаемыхъ мѣстностей былъ зрѣло обдуманъ съ полнымъ знаніемъ того, какія изъ нихъ были самыя интересныя для изслѣдованія. Взята была страна по варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ на 275-й верстѣ отъ Варшавы и по обѣ стороны дороги, съ такимъ расчетомъ, чтобы не отдаляться отъ рельсовъ болѣе чѣмъ

на день коннаго пути. Доѣхавъ изъ Варшавы до Рогова (еще не было пути желѣзнаго отъ Колюшекъ до Лодзи), свернуть направо въ Лодзь и оттуда на мѣстечко Тушино и опять на желѣзную дорогу къ Піотркову (теперь Петроковъ). Такимъ образомъ можно было объѣхать проселочными и шоссейными дорогами части уѣздовъ равскаго, ленчицкаго и піотрковскаго, весьма густо населенныя, съ населеніемъ великопольскаго типа. На Піотрковѣ и кончилъ свое путешествіе Милютинъ, вернувшійся въ Варшаву (книга А. Лероа-Больё, стр. 219). Его бывшіе спутники, Арцимовичъ, Самаринъ и Черкаскій, изъ Піотркова направились чрезъ Ченстоховъ въ южную часть радомской губерніи, своротили по другую сторону дороги на востокъ и въ виду синѣющихъ вдали карпатскихъ предгорій проѣхали чрезъ Славковъ и Олькушъ по горнозаводской странѣ, населенной кракусами малопольскаго типа; наконецъ, доѣхавъ на обратномъ пути до станціи Лазы, они вернулись въ Варшаву по желѣзной дорогѣ. Путешественники имѣли возможность изучить наглядно образцы существующихъ въ царствѣ формъ и условій сельскаго быта въ имѣніяхъ казенныхъ, маіоратныхъ и частныхъ, у крестьянъ удѣльныхъ (барщинныхъ), состоящихъ на окупѣ, отмежеванныхъ, наконецъ у колонистовъ, какъ польскихъ, такъ и нѣмецкихъ.

Совершающіе объѣздъ ѣхали подъ конвоемъ линейныхъ казаковъ въ бараньихъ шапкахъ, съ закинутыми на спины винтовками, и полуэскадрона уланъ. Ихъ принимали порою за арестованныхъ поляковъ-патріотовъ; встрѣчныя дамы посылали имъ даже сочувственные привѣты. Они видѣли разные образцы военныхъ начальниковъ, слушали ихъ разсказы и замѣчали поразительное отсутствіе всякаго согласія и единства въ ихъ дѣйствіяхъ и понятіяхъ, выходящихъ изъ круга военныхъ операцій. Наиболѣе времени посвятили они крестьянамъ и крестьянскимъ сходкамъ. Крестьяне далеко не такъ подозрительны, замкнуты и забиты, какъ обыкновенно полагаютъ. Нигдѣ объѣзжающіе не встрѣтили упорнаго уклоненія отъ объясненій; напро-

тивъ того, скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, удавалось вызвать крестьянъ на правдивое изложеніе ихъ нуждъ, ожиданій и жалобъ; достаточно было обнаружить къ нимъ участіе и приступить къ дѣлу съ нѣкоторою осторожностью, — напримѣръ, устранивъ со сходки втирающихся въ нее стороннихъ лицъ: писарей, конторщиковъ, вообще лицъ, присматривающихъ за крестьянами. За удаленіемъ этихъ незваныхъ свидѣтелей, крестьяне немедленно подымали головы, ободрялись и начинали объясняться смѣлѣе. Пріѣзжіе старались разспрашивать о самыхъ простыхъ предметахъ, числѣ дровъ, качествѣ грунта, повинностяхъ, затѣмъ переходили къ болѣе щекотливымъ: объ отношеніяхъ къ помѣщику, къ войску, о прокламаціяхъ ржонда. Крестьяне и объ этомъ говорили безъ утаекъ и затѣмъ уже излагали отъ себя разныя жалобы на обиды. Женщины оказывались еще откровеннѣе мужчинъ; вначалѣ онѣ только прислушивались, затѣмъ протирались въ толпу крестьянъ, вмѣшивались въ разговоры и къ концу даже оттѣсняли мужчинъ. Въ сословіи польскихъ крестьянъ, какъ и въ другихъ, высшихъ, обнаруживалось преобладаніе живой и бойкой иниціативы женскаго пола.

Крестьяне не потеряли сознанія предоставленныхъ имъ правъ, несмотря на частое нарушеніе этихъ правъ. Они не только понимаютъ разницу положенія барщинныхъ, платящихъ окупъ и очиншеванныхъ, но отдаютъ себѣ отчетъ въ самой причинѣ разницъ. Они никогда не смѣшиваютъ двухъ теперешнихъ видовъ денежной повинности, изъ которыхъ *окупъ* есть переложенная на деньги цѣнность барщинныхъ дней, а чиншъ есть повинность грунтовая, болѣе или менѣе точно исчисленная по количеству и качеству земли. Способъ опредѣленія окупа имъ вполнѣ извѣстенъ, и они безошибочно опредѣляли, во что цѣнится день пѣшій и конный, сколько нужно платить домохозяину, чтобы откупиться отъ барщины, сколько платить за строенія и во что имъ обходится моргъ земли.

О барщинѣ или панщизнѣ крестьяне отзываются съ омерзѣніемъ. Въ одномъ селеніи они жаловались на вы-

соту окупа, но на вопросъ: приходится ли имъ жалѣть о прежней барщинѣ? отвѣтили съ укоромъ: „какъ это можно! развѣ мы не люди?“ Крестьяне помѣщичьи и даже состоящіе на окупѣ—завидуютъ казеннымъ и очиншеваннымъ, но очиншеваніе подвигается туго. По официальнымъ свѣдѣніямъ въ царствѣ польскомъ числилось изъ 320,654 крестьянскихъ дворовъ 46% на чиншѣ, 41% на окупѣ, 11% на смѣшанной повинности и 2% на чистой барщинѣ. Казенные крестьяне сознаютъ не безъ гордости свое превосходство надъ помѣщичьими не только въ хозяйственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Они пріѣзжимъ говорили: „кромѣ царя и Бога мы не боимся никого“.

Что касается до крестьянскихъ надѣловъ, то само понятіе объ этихъ надѣлахъ могло возникнуть только съ изданія указа 26 мая 1846 года. Крестьяне въ царствѣ польскомъ получили въ 1807 г., по декрету Наполеона, одну личную свободу, безъ земли, превратились въ осѣдлыхъ на помѣщичьихъ земляхъ, но сгоняемыхъ съ этихъ земель по произволу, что̀ и имѣло послѣдствіемъ ихъ постепенное обезземеленіе, которому пытался положить предѣлъ Николай I, постановивъ, что помѣщикамъ воспрещено возвышать повинности, лежащія на крестьянахъ за пользованіе ими земельными участками, и присоединять эти участки къ землямъ фольварочнымъ или дворовымъ. Опустѣвшіе участки помѣщикъ долженъ былъ,—если онъ не хотѣлъ, чтобы они оставались необработанными пустками,—сдавать другимъ земледѣльцамъ на основаніи престаціонныхъ табелей, которыя обязательно, по закону 1846 г., вездѣ заведены для опредѣленія повинностей поселенцевъ. Совершающіе поѣздки натолкнулись въ семи мѣстахъ на явное нарушеніе закона 1846 г. Въ одномъ селѣ близъ Рогова крестьяне, припавъ къ ногамъ пріѣзжихъ, заявили, что въ 1863 г. помѣщикъ, онъ же и войтъ гмины, самовольно перенесъ всю деревню съ мѣстъ удобныхъ и вблизи водопоя на мѣста безплодныя и безводныя, уступающія прежнимъ даже по пространству и

съ возложеніемъ на крестьянъ расходовъ по этому переселенію. По официальнымъ свѣдѣніямъ, число такихъ *пустокъ* по всему царству польскому доходить до 13,000. Во многихъ мѣстахъ въ обходъ закона 26 мая 1846 г., не распространяющагося на участки менѣе 3-хъ морговъ, помѣщики разбивали болѣе крупные участки на малыя дѣлянки менѣе 3-хъ морговъ и водворяли на нихъ батраковъ. Объѣзжающіе страну нашли слѣды еще иного способа обезземеленія крестьянъ, зависѣвшаго отъ небрежнаго отношенія властей къ закону 1846 г. и недостаточнаго его осуществленія. Престаціонныя табели (въ родѣ русскихъ уставныхъ грамотъ или введенныхъ Бибиковымъ инвентарей въ юго-западномъ краѣ) представлялись помѣщиками, но съ невѣрнымъ уменьшеннымъ опредѣленіемъ количества земли, а такъ какъ эти табели не повѣрялись, то, произведя точныя измѣренія и доказавъ, что крестьяне имѣютъ земли больше, нежели по табели, помѣщики отбирали отъ нихъ эти излишки, какъ *припашки*, якобы самовольно захваченныя.

Законъ 26 мая 1846 г. утвердилъ за крестьянами права на *угодья* или на *сервитуты*, т. е. на обязательное для помѣщика снабженіе крестьянъ строевымъ лѣсомъ для ремонта строеній, отпускъ топлива, допущеніе крестьянамъ пасти скотину въ господскомъ лѣсу и собирать листья на подстилку. При замѣнѣ, по закону 4 мая 1861 г., барщины на окупъ, помѣщикъ слагалъ съ себя самовольно эти сервитуты, на что крестьяне горько жалуются. Вопросъ о сервитутахъ осложняется еще вопросомъ о правѣ собственности на *усадебныя строенія*. По закону 1807 г., освободившему крестьянъ только лично, судебныя мѣста рѣшали, что усадебныя строенія принадлежатъ помѣщику, если крестьянинъ не докажетъ, что строенія выстроены имъ на его счетъ; но, съ другой стороны, помѣщикъ охотно отпускалъ матеріалъ для ремонта строеній. Когда, послѣ изданія законовъ 1861 г., помѣщики прекратили отпускъ строевыхъ матеріаловъ, крестьяне, чтобы не остаться безъ крова, ставили матеріалы на свой счетъ, вслѣдствіе чего

возникали споры, трудно рѣшимые, по недостатку юридическихъ основаній для ихъ рѣшенія.

Законъ 4 мая 1861 года отмѣнилъ такъ называемыя *даремщизны*, т. е. добавочныя повинности, не имѣющія законныхъ основаній, кромѣ обычая, напримѣръ, поборы яйцами, курицами, холстомъ, сторожба, рубка дровъ на хозяйскомъ дворѣ. Эта отмѣна не была повсемѣстно исполняема. Изъ сравненія престаціонныхъ табелей оказывалось, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ эти повинности признаны даремщизнами и отмѣнены, а въ другихъ оставлены какъ повинности не личныя, а грунтовыя, что̀ вполнѣ зависѣло отъ произвола владѣльца.

Самъ *окупъ* барщины или оброкъ установляемъ былъ неравномѣрно, вслѣдствіе того, что число окупаемыхъ рабочихъ дней показано въ табеляхъ въ количествѣ, превышающемъ работы въ натурѣ, и затѣмъ табели безъ повѣрки были утверждаемы, такъ что съ одной десятины взимаемо было мѣстами 5 рублей, мѣстами 3, а мѣстами 1 р. 20 к. Такая же неравномѣрность замѣчалась при переводѣ крестьянъ съ окупа на *чиншъ* по соглашенію помѣщика съ крестьянами.

Средній классъ между осѣдлыми на 3-хъ-морговыхъ и свыше участкахъ и между безземельными батраками образовали *огородники* и *коморники*, пользующіеся или только хатою или хатою и нѣсколькими грядками земли, нанимающіеся на полевыя работы и отбывающіе за свою осѣдлость по одному или по два дня въ недѣлю за ничтожную плату 15 коп. въ сутки.

Кромѣ всѣхъ службъ и поборовъ крестьянство подвергалось еще почти повсемѣстно тяжелому, безобразному стѣсненію въ видѣ *пропинаціоннаго* права владѣльца, заключающагося въ томъ, что крестьяне могли покупать хлѣбное вино только отъ своего владѣльца и изъ его шинка. Мѣстные войты увѣряли совершающихъ объѣздъ, что нѣтъ запрета крестьянамъ привозить напитки извнѣ, но крестьяне тутъ же уличали ихъ во лжи. Обязательная

покупка вина въ мѣстномъ шинкѣ заведена была даже въ нѣкоторыхъ казенныхъ имѣніяхъ.

Въ олькушскомъ уѣздѣ объѣзжающіе натолкнулись на одинъ весьма странный запретъ. Когда прекращенъ былъ духовенствомъ, въ 1863 г., колокольный звонъ въ церквахъ по случаю ссылки варшавскаго архіепископа Фелинскаго, мѣстный ксендзъ запретилъ игру на скрипкѣ не только въ церкви, но и въ шинкахъ, избахъ и на улицахъ, что̀ сильно огорчало мѣстный людъ — веселыхъ краковяковъ, страстныхъ охотниковъ музыки и плясокъ. Они стали жаловаться пріѣзжимъ, и просили разрѣшенія снять съ гвоздя опальную скрипку, висѣвшую на стѣнѣ, по случаю предстоящей сельской свадьбы. Пріѣзжіе не могли понять въ чемъ дѣло, пока шинкарь не показалъ имъ письменный приказъ отъ войта объ уплатѣ штрафа за нарушеніе запрета, наложеннаго ксендзомъ. Ксендзъ стоялъ невдалекѣ отъ сходки; на вопросъ пріѣзжихъ — заговорилъ о томъ, что его обязанность поддерживать *моралитетъ*, но впрочемъ сознался, что нѣтъ причины запрещать игру на скрипкѣ внѣ церкви. По настоянію пріѣзжихъ онъ это повторилъ отъ себя крестьянамъ, къ неописанной ихъ радости.

Совершающіе объѣздъ нашли, что польскіе крестьяне имѣютъ всѣ условія для самостоятельнаго завѣдыванія своими общественными дѣлами, но этой стороны ихъ быта законодательство доселѣ не касалось. Нѣтъ сельскихъ обществъ, а есть только отдѣльныя лица, сожительствующія въ деревнѣ, не связанныя никакою организаціею, изолированныя и не имѣющія никакой для себя опоры. Общественнаго суда нѣтъ. Мірская сходка или громада сходится только для выбора солтыса (старосты), лавниковъ (помощниковъ солтыса) и для переговоровъ съ помѣщикомъ или начальникомъ объ очиншеваніи, сепаратѣ и разбивкѣ угодій. Сами солтысы выбираются подъ вліяніемъ войтовъ, отъ которыхъ они прямо зависятъ. Они не имѣютъ такой самостоятельности, какъ русскіе старосты, старшины и головы, и болѣе походятъ на сотскихъ, чѣмъ на выбор-

ныхъ представителей общества. Несмотря на то, они не оторвались отъ простого народа и не пристали къ мелкой шляхтѣ, къ войтамъ и къ офиціалистамъ, т. е. къ заправляющимъ сельскою жизнью. На солтысахъ, къ счастію, оборвалось вліяніе шляхты. Крестьяне смотрятъ на солтысовъ какъ на своихъ братьевъ-крестьянъ, которые ихъ не продадутъ.

Въ частныхъ имѣніяхъ званіе войта по закону принадлежитъ помѣщикамъ, но они рѣдко принимаютъ на себя эту заботливую должность. Они предпочитаютъ передавать свои полицейскія права подставнымъ лицамъ, которыхъ они нанимаютъ. Если по представленіямъ помѣщиковъ эти лица утверждены въ званіи войтовъ комиссіею внутреннихъ дѣлъ, то съ помѣщиковъ слагается за дѣйствіе такихъ войтовъ отвѣтственность. Въ противномъ случаѣ они правятъ должность въ качествѣ помѣщичьихъ приказчиковъ. Когда имѣніе сдается въ аренду, званіе войта обыкновенно передается арендатору. Полицейская власть войтовъ представляетъ собою не что̀ иное, какъ замаскированное помѣщичье право. Подставные войты въ частныхъ имѣніяхъ получаютъ жалованье до 50 рублей, а иногда сверхъ того провизію. Въ казенныхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ бургомистры и войты по назначенію отъ правительства изъ чиновниковъ низшаго разряда получаютъ жалованья отъ 100 до 180 рублей.

Какъ только вспыхнуло повстаніе, вожаки его поставили себѣ задачею привлечь на свою сторону народную массу. Они распространили прокламацію, что крестьянскія земли отдаются крестьянамъ въ полную собственность, что прекращаются всѣ повинности, отбываемыя въ пользу помѣщика, и что помѣщики будутъ вознаграждены правительствомъ. Особенною дѣятельностью въ этомъ отношеніи отличился въ Олькушѣ и его окрестностяхъ начальникъ шайки Куровскій. Ему передались и приняли присягу ржонду мѣстные чиновники съ уѣздными начальниками во главѣ. Объявленія о прекращеніи повинностей читаемы были въ костелахъ. Куровскій приказывалъ помѣщикамъ,

подъ страхомъ висѣлицы, не требовать съ крестьянъ оброка, а взысканные оброки отнималъ отъ помѣщика и возвращалъ крестьянамъ. Отбываніе повинностей совсѣмъ прекратилось, о чемъ крестьяне объявили объѣзжавшимъ, но помѣщики и войты, не вдаваясь въ объясненія, отзывались, что окупъ оплаченъ крестьянами сполна.

Въ то самое время, когда повстанцы принимали на себя роль освободителей крестьянъ отъ даней и повинностей и тѣмъ ихъ подкупали, русскіе военные отряды обходили край для сбора податей; когда же помѣщики-плательщики податей отговаривались несостоятельностью, взысканіе обращаемо было на крестьянъ, если только за ними числились недоимки по окупамъ и чиншамъ. Помѣщики, не смѣя и не желая явно требовать повинностей, упраздненныхъ прокламаціями повстанцевъ, забѣгали къ начальникамъ отрядовъ съ просьбою взять на себя взысканіе окуповъ и чиншей въ ихъ пользу, что̀ и исполняли военные начальники отрядовъ. Они понуждали крестьянъ вносить повинности въ уѣздное казначейство подъ росписки, имѣя въ виду обезпечить будущіе сборы, и выдавали остатки помѣщикамъ, подъ условіемъ письменнаго отреченія сихъ послѣднихъ отъ мятежническаго ржонда и признанія законности власти русскаго правительства. Такимъ образомъ, русская военная сила взыскивала повинности, установленныя въ пользу помѣщиковъ и упраздненныя ржондомъ.

Итакъ, подчиняясь вліянію съ одной стороны постоянныхъ угрозъ ржонда, за которыми слѣдовали истязанія, а съ другой стороны, не встрѣчая ни одобренія, ни защиты, крестьяне относившіеся сначала враждебно къ возстанію и готовые содѣйствовать его подавленію, сбились съ толку и упали духомъ. Жившіе въ деревняхъ отставные солдаты, ихъ жены, отчасти даже колонисты и крестьяне, стали помышлять о выѣздѣ изъ Польши. Перемѣна въ настроеніи крестьянъ не укрылась отъ повстанцевъ, которые отступились отъ строгихъ мѣръ, сверхъ случаевъ измѣны или шпіонства, въ виду того, что крестьяне по-

казывали явное расположеніе къ возстанію, но сохраняли строгій нейтралитетъ.

Записка по вопросу о настроеніи крестьянъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: кара и милость не безъ успѣха попеременно употреблялись. Съ нашей стороны, дѣло постоянно портилось и портится; къ счастію, оно еще не испорчено окончательно. Странно было бы утверждать, что прокламаціи о даровомъ надѣлѣ и дѣйствительное прекращеніе налоговъ не принимаются крестьянами сочувственно и не льстятъ ихъ издавна возбужденнымъ надеждамъ. Ржондъ успѣлъ задѣть въ нихъ самую чувствительную струну; но они не довѣряютъ безличному правительству и сомнѣваются въ прочности обѣщаній и распоряженій, исходящихъ отъ лицъ, прячущихся въ лѣсахъ и убѣгающихъ при видѣ казаковъ. Крестьяне ни разу не говорили намъ, что они могутъ уже по праву не отбывать повинностей. Мы отъ нихъ постоянно слышали только, что повинностей отъ нихъ не требуютъ. Многіе прибавляли, что если бы потребовали, то они не стали бы отказываться. Другіе говорили: „не знаемъ, недоумѣваемъ, какъ быть—платить или не платить?“ Многіе обращались за совѣтами къ олькушскому военному начальству; нѣкоторые, по его приказанію, вносили чинши въ казначейство. Наконецъ, нѣкоторые говорили намъ: „худо будетъ, если заставятъ насъ вдругъ заплатить окупъ за всѣ минувшіе сроки, — пришлось бы распродать скотъ и пожитки“.

Итакъ, крестьянскій вопросъ выдвигался впередъ, становился на первомъ планѣ. Первымъ дѣломъ было разрѣшить или даже разрубить его, не медля и не откладывая. Компетентнѣйшими для этой работы людьми представлялись лица, съ которыми Арцимовичъ совершалъ поѣздку по уѣздамъ. Еще до этой поѣздки, *18 октября*, онъ писалъ женѣ: „сдавъ Милютину всѣ бумаги, дѣла и свѣдѣнія по крестьянскому дѣлу, я теперь не особенно занятъ...“ Рѣшимость его не принимать на себя никакихъ должностей и совсѣмъ уѣхать изъ Варшавы осталась не-

поколебимою. „Не желаю принимать участія въ администраціи,—писалъ онъ 9 октября;—вся система заключается въ томъ, чтобы разными мѣрами вызвать реакцію большинства (населенія противъ повстанія) и заставить жителей просить пощады у правительства. Осуществленію этого результата препятствуетъ страшная восторженность умовъ, постоянная надежда на заграничное вмѣшательство и нерѣдко неудачные пріемы нашихъ исполнителей".— *25 октября:* „Бергъ въ каждомъ письмѣ къ императору жалуется на мою непоколебимость въ отказѣ; это мнѣ не нравится, но измѣнить не могу".—*27 октября:* „Я подалъ краткую записку Бергу о необходимости оставить всякое предположеніе о назначеніи меня въ настоящее время въ царство. Онъ до крайности желаетъ, чтобы я не отказывался, придумываетъ разныя комбинаціи, о которыхъ уже вѣроятно писалъ въ Крымъ" (къ государю). *29 октября:* „Я только что обѣдалъ у Берга. Мы наружно разстались хорошо; онъ не перестаетъ желать моего возвращенія". — *2 ноября* (изъ Петербурга): „Моя участь рѣшится либо теперь (при первомъ представленіи государю) либо по пріѣздѣ Милютина, который обѣщалъ возвратиться къ 20 ноября..." Приходится теперь объяснить, какимъ образомъ Арцимовичъ понужденъ былъ противъ своей воли принять на себя вторую, болѣе продолжительную командировку въ Варшаву весною 1864 года.

Основанія, по которымъ Арцимовичъ отказывался отъ служенія въ царствѣ польскомъ, какъ въ запискѣ его намѣстнику 25 октября, такъ и во всеподданнѣйшей запискѣ государю отъ 4 ноября, заключались въ слѣдующемъ.

Среди овладѣвшаго всѣмъ краемъ революціоннаго настроенія органы гражданскаго управленія не могутъ и не должны дѣйствовать самостоятельно. Всякая попытка ихъ дѣйствовать самостоятельно законными путями вызывала бы столкновенія ихъ съ военными властями въ такое время, когда необходима полная военная диктатура и когда

спасеніе общества требуетъ пріостановки гражданскаго управленія. Арцимовичъ признавалъ себя неспособнымъ дѣйствовать не въ направленіи и не по пріемамъ легальной администраціи. Онъ считалъ себя совершенно одинокимъ въ составѣ гражданскаго управленія, сложившагося по системѣ маркиза Вѣлёпольскаго въ 1862 г. Комиссія внутреннихъ дѣлъ, которую ему предлагали, вполнѣ устранена отъ участія въ разрѣшеніи какихъ бы то ни было вопросовъ по крестьянскому дѣлу. Оно требуетъ новыхъ законовъ, которыхъ составленіе возложено на Милютина. Даже и тогда, когда эти законы будутъ изданы, едва ли правительство возложитъ осуществленіё этой реформы на ȍрганы гражданской власти царства польскаго. Арцимовичъ считалъ себя тѣмъ менѣе пригоднымъ дѣйствовать въ этомъ краѣ, что по происхожденію онъ полякъ и римскій католикъ, а въ это время все русское общество склонно смотрѣть подозрительно на всякое лицо, носящее польское имя.

Какъ ни были сильны эти доводы, они не убѣдили намѣстника, который въ своемъ представленіи государю рѣшительно опровергалъ ихъ и признавалъ необходимымъ, не отпуская Арцимовича изъ царства польскаго въ имперію, опредѣлить его хотя бы въ званіи члена совѣта управленія (rada administracyjna), послѣ чего, ознакомившись съ дѣлами, онъ вступитъ въ управленіе комиссіею внутреннихъ дѣлъ. Изъ письма Милютина къ его женѣ, 25 октября 1863 г., видно, что Бергъ предлагалъ Милютину мѣсто вице-предсѣдателя въ государственномъ совѣтѣ царства польскаго [1]). Бергъ не раздѣлялъ взгляда Арцимовича на неизбѣжную продолжительность военной диктатуры, которая одна недостаточна по его мнѣнію для успокоенія края. Конечно, существующее гражданское управленіе изъ чиновниковъ-поляковъ не надежно, потому

---

1) „Berg s'obstine à vouloir me faire nommer vice-président de conseil de Varsovie. J'espère qu'on n'en fera rien avant de m'entendre. Autrement il me faudrait offrir ma démission“ (A. Leroy-Beaulieu, „Un homme d'état russe“, p. 226).

что одни изъ нихъ прямо враждебны правительству, а другіе недоброжелательствуютъ ему втайнѣ и бездѣйствуютъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ есть хорошій губернаторъ (напр., въ люблинской губ. при Буцковскомъ), гражданскія власти не приходятъ въ столкновеніе съ военными, а при взаимномъ содѣйствіи военныхъ и гражданскихъ властей, послѣднія, опираясь на содѣйствіе войска, могли бы дѣйствовать вполнѣ рѣшительно, руководя военной силой. „Въ сенаторѣ Арцимовичѣ, — писалъ Бергъ, — я вижу сановника опытнаго, твердаго и способнаго. Какъ только онъ возьметъ на себя управленіе внутренними дѣлами, то крестьянскій вопросъ неминуемо станетъ главнымъ предметомъ его соображеній и занятій". Принимая во вниманіе знаніе имъ польскаго языка и края и личныя его достоинства, графъ Бергъ полагалъ, что никто не былъ бы способнѣе его содѣйствовать сенатору Милютину въ возложенномъ на него порученіи. „Вообще,—заключалъ намѣстникъ,—я пришелъ къ убѣжденію, что онъ былъ бы самымъ полезнымъ дѣятелемъ для царства польскаго".

При столь настоятельномъ заявленіи намѣстника, что Арцимовичъ ему необходимъ, ходатайство Арцимовича объ увольненіи его не могло быть уважено. Изъ письма Арцимовича къ Милютину, отъ 8 ноября 1863 г., видно, что Арцимовичъ представлялся государю въ Царскомъ Селѣ, что былъ потребованъ статсъ-секретарь В. П. Платоновъ и что ему было приказано читать обѣ записки — Арцимовича и графа Берга — по пунктамъ. „Мои доводы, — пишетъ Арцимовичъ,—не поколебали предрѣшенія"; кончилось обращеніемъ къ чувствамъ преданности Арцимовича и къ пользамъ отечества. Въ заключеніе высказано было, что „графъ Бергъ, не зная польскаго языка, затрудняется при предсѣдательствѣ въ государственномъ совѣтѣ и что, въ видахъ государственной необходимости, остается Платонову написать указъ о назначеніи меня членомъ совѣта управленія и вице-предсѣдателемъ государственнаго совѣта". Арцимовичъ просилъ не рѣшать окончательно вопроса до пріѣзда Милютина, но и эта просьба не была уважена. Въ

промежутокъ времени, съ момента полученія назначенія въ ноябрѣ 1863 г. до отправки въ Варшаву, Арцимовичъ отпущенъ былъ въ Москву повидаться съ женою, а затѣмъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ, 28 декабря 1863 г., участвовать въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ князя П. П. Гагарина (Долгорукій, Чевкинъ, Зеленый, Валуевъ, Рейтернъ, Платоновъ, кн. Черкаскій, Милютинъ и Арцимовичъ,—дѣлопроизводителемъ былъ Жуковскій), для разсмотрѣнія проектовъ Н. А. Милютина по крестьянской реформѣ въ царствѣ польскомъ, получившихъ потомъ Высочайшую санкцію и извѣстныхъ подъ именемъ указовъ 19 февраля (2 марта) 1864 года.

Изъ переписки Арцимовича съ женою — *3 января 1864 г.*—видно, что Милютинъ назначенъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ царства польскаго и что самъ Арцимовичъ читаетъ записки по проекту Милютина. *27 января*— что дѣло подвигается. *11 февраля*—что „вчера вечеромъ подписанъ окончательный журналъ комитета, начинается новый оборотъ въ исторіи и жизни польскаго населенія, проживающаго въ царствѣ польскомъ. Глубоко желаю, чтобы настоящія мѣры привели къ упраздненію революціоннаго движенія и сопровождающей его военной полицейской системы угнетенія и мрака и послужили бы къ переходу на путь развитія и широкаго, разумнаго, благотворнаго устройства“. Уже было извѣстно, что въ Варшаву отправились Милютинъ и князь Черкаскій. 10 марта они уже уѣхали въ Варшаву; за ними поспѣшилъ и Арцимовичъ. *12 марта*: Объ указахъ 19 февраля 1864 г. Арцимовичъ отзывался вполнѣ сочувственно и въ комитетѣ противъ проекта Милютина ни въ чемъ существенномъ не возражалъ. Извѣстно, что при приведеніи въ исполненіе указовъ 19 февраля онъ разошелся съ бывшими своими единомышленниками, Милютинымъ, Черкаскимъ, Яковомъ Соловьевымъ. Посему необходимо прежде всего вникнуть въ сущность указовъ 19 февраля 1864 года, а затѣмъ опредѣлить, имѣлъ ли Арцимовичъ какое-нибудь личное непосредственное участіе въ этой законодательной работѣ.

VII.

Указовъ 19 февраля 1864 г. было числомъ четыре: 1) объ устройствѣ крестьянъ; 2) объ устройствѣ сельскихъ гминъ; 3) о ликвидаціонной комиссіи и 4) о порядкѣ введенія новыхъ о крестьянахъ постановленій. Хотя основная идея крестьянской реформы была одна и та же и для имперіи, и для царства польскаго, а именно: устроеніе крестьянъ при обезпеченіи ихъ земельнымъ надѣломъ, — но о простомъ копированіи „положенія 19 февраля 1861 г.“, предназначеннаго для имперіи, не могло быть и рѣчи въ указахъ для царства польскаго. Раздѣлы Польши сильно дифференцировали бытъ крестьянъ въ каждомъ изъ государствъ, получившихъ, при раздѣлахъ, части бывшей Польши. Въ тѣхъ изъ этихъ частей, которыя достались или Пруссіи или Австріи, а затѣмъ образовали княжество варшавское,—при введеніи въ нихъ гражданскаго кодекса Наполеона, крестьяне получили свободу, но только личную, безъ земельнаго надѣла,—значитъ, въ нихъ сохранилась барщина за пользованіе землею, отбываемая въ пользу помѣщика. Такъ какъ революціонное польское движеніе начала шестидесятыхъ годовъ распространилось за предѣлы царства польскаго и на губерніи западной окраины имперіи, въ которыхъ преобладало помѣщичье польское землевладѣніе, то правительство, по обнародованіи „положенія 19 февраля 1861 г.“, нашлось въ необходимости измѣнить его, исключивъ изъ него десятилѣтній переходный періодъ — отъ 1861 до 1870 гг., то-есть, отъ оставленія крестьянъ на этотъ періодъ въ состояніи *временно-обязанныхъ*, и разсѣчь мгновенно этотъ узелъ, связующій ихъ съ помѣщиками. Крестьяне объявлены были собственниками въ четырехъ бывшихъ литовскихъ губерніяхъ съ 1 мая 1863 г.; въ трехъ юго-западныхъ—съ 1 сентября 1863 г., и въ двухъ бѣлорусскихъ—съ 1 января 1864 г. Получивъ надѣлы въ собственность, крестьяне освободились сразу отъ всѣхъ повин-

ностей въ пользу помѣщиковъ; вознаградить помѣщиковъ обязана была казна, а крестьяне обязаны были только взносами въ казну налога за пріобрѣтенный надѣлъ. Такое же рѣшительное мѣропріятіе, мгновенно разсѣкающее всѣ отношенія, должно было произойти и въ царствѣ польскомъ. Единственнымъ основаніемъ къ дачѣ надѣла крестьянамъ служилъ замѣчательный указъ 26 мая (7 іюня) 1846 г., котораго содержаніе передается такимъ образомъ въ предисловіи къ указамъ 19 февраля 1864 г.: „Отмѣнено большинство даремщинъ и принудительныхъ наймовъ; крестьянамъ, исправно отбывающимъ законныя повинности, обезпечено спокойное владѣніе ихъ усадьбами и пользованіе угодіями (сервитутами); запрещено возвышать произвольно повинности, а равно присоединять крестьянскія земли къ землямъ дворовымъ (фольварочнымъ)". Указъ 1846 г. обезпечивалъ далеко не всѣхъ крестьянъ земледѣльцевъ, но только тѣхъ изъ нихъ, которыхъ осѣдлость была болѣе значительна, а именно обработывающихъ для себя не менѣе 3 морговъ, то-есть немногимъ больше 1½ десятины (1,289 квадр. саженъ, а въ десятинѣ ихъ 2,400). Болѣе мелкіе поселенцы были отъ дѣйствія закона изъяты и предоставлены произволу помѣщика. Этотъ трехморговый минимальный предѣлъ и сталъ проводиться неизмѣнно во всѣхъ послѣдующихъ попыткахъ аграрнаго законодательства и при князѣ Горчаковѣ, и при Вѣлёпольскомъ. Однимъ, такъ сказать, росчеркомъ пера Милютинъ, дѣйствуя рѣшительно, смѣло и весьма справедливо, уничтожилъ этотъ минимальный предѣлъ, обобщилъ такимъ образомъ реформу и подвелъ подъ нее всю крестьянскую чернь осѣдлую (ст. 5 перваго указа: „въ собственность крестьянъ поступаютъ всѣ усадьбы, то-есть, крестьянскіе участки, какъ подходящіе, такъ и неподходящіе подъ дѣйствіе указа 26 мая 1846 года, въ томъ числѣ и усадьбы, заключающія въ себѣ менѣе 3 морговъ новопольской мѣры, безо всякаго ограниченія какимъ бы то ни было размѣромъ").

Задуманная болѣе радикально, нежели для имперіи,

крестьянская реформа для царства польскаго отмѣняла всѣ недостигшія цѣли начинанія въ устроеніи быта крестьянъ въ періодъ времени отъ указа 26 мая 1846 г. до указовъ 19 февраля 1864 г. Въ предисловіи къ этимъ указамъ выражено, что три указа и постановленія—16 декабря 1858 г. о добровольномъ очиншеваніи, 4 мая 1861 г. о замѣнѣ барщины окупомъ и 24 маѣ 1862 года объ обязательномъ очиншеваніи—не встрѣтили, къ сожалѣнію, со стороны помѣстнаго сословія (właścicieli ziemskich) того содѣйствія, безъ котораго успѣхъ предпринятыхъ мѣръ былъ очевидно невозможенъ. Коренное различіе двухъ системъ мѣропріятій—неудавшейся системы Вѣлёпольскаго и проектируемой Милютинымъ — въ крупныхъ чертахъ можетъ быть изображено такъ:

Вѣлёпольскій началъ съ обязательной отмѣны указомъ 4 мая 1861 г. издѣльной повинности или барщины, какъ противной духу гражданскаго уложенія (кодексу Наполеона), и съ перевода барщины по таксѣ на денежную повинность или окупъ. Взыскивать окупъ въ правѣ былъ помѣщикъ только судебнымъ порядкомъ. Крестьянинъ, не платящій окупа въ теченіе двухъ лѣтъ, могъ быть выселенъ, а остающаяся послѣ него земля подлежала, если не было замѣстителя, передачѣ въ пользованіе соискателямъ съ публичныхъ торговъ. Завершеніемъ системы Вѣлёпольскаго было по указу 24 мая 1862 г. обязательное очиншеваніе поселянъ на участкахъ, подходящихъ подъ дѣйствіе указа 1846 г. Волѣ сторонъ предоставлялось на выборъ либо очиншеваніе безсрочное либо долгосрочное, но не менѣе какъ на 20 лѣтъ. Только безсрочное заносилось въ ипотечныя книги. Отмѣчено въ законѣ, что безсрочное очиншеваніе есть отступленіе отъ дѣйствующаго въ царствѣ польскомъ гражданскаго уложенія, возстановленіе, такъ сказать, пережитка, раздѣленіе права собственности на голое право собственности и на пользовладѣніе (dominium directum и dominium utile). При очиншеваніи по закону, земли дѣлились по мѣрѣ большей или меньшей ихъ производительности на классы; нормальная доходность каждаго

класса оцѣнивалась на деньги по среднимъ рыночнымъ цѣнамъ ржи за послѣднія 20 лѣтъ. Изъ опредѣленнаго такимъ образомъ дохода $^1/_3$ вычиталась въ пользу поселянина, а $^2/_3$ приходились помѣщику. Весьма была существенна статья 23-я закона 24 мая 1862 г., по силѣ которой если угодья или сервитуты (лѣсъ на строенія и топливо, пастбища въ поляхъ или лѣсахъ, собираніе валежника или сушняка) основаны на письменныхъ документахъ, то власти оцѣниваютъ стоимость такого угодья и вычитаютъ стоимость эту изъ платимаго чинша. Пользованіе угодьями на основаніи одного только обычая прекращается при очиншеваніи. Общія пастбища подлежатъ разверстанію по просьбѣ какой-нибудь изъ сторонъ. И взысканіе чиншей, и продажа съ торговъ пользовладѣнія участками производятся только судебнымъ порядкомъ. Очиншеваніе возлагалось на особыя уѣздныя делегаціи подъ вѣдѣніемъ и надзоромъ комиссіи внутреннихъ дѣлъ.

По указамъ 19 февраля 1864 г., всякіе поселенцы, безъ разбора состояній и вѣроисповѣданій—кметы, рольники, полурольники, колонисты, огородники, коморники, халупники—становятся собственниками съ отмѣною всѣхъ ихъ повинностей и съ вознагражденіемъ помѣщиковъ прямо изъ казны 4% ликвидаціонными листами и съ обложеніемъ такихъ крестьянъ особымъ поземельнымъ налогомъ. Размѣръ цѣны выкупа опредѣляется капитализаціею чинша изъ 6%. Изъ капитализированной такимъ образомъ суммы повинностей $^1/_3$ вычитается въ пользу крестьянъ, а $^2/_3$ выплачиваются помѣщику. Поселенцы-собственники получаютъ право на разработку рудниковъ въ своихъ надѣлахъ; права охоты, рыбной ловли и пропинаціи (выдѣлки и продажи питей) предоставляются не единолично каждому, но сельскимъ обществамъ. Крестьянству въ совокупности предоставлено право соискательства пользовладѣнія пустопорожними мѣстами, при чемъ установлено, что, при равныхъ условіяхъ между соискателями, первенство предоставляется поселянину того же селенія передъ постороннимъ, безземельному передъ осѣд-

лымъ, а изъ осѣдлыхъ тому, кто имѣетъ одну усадьбу передъ имѣющимъ и усадьбу, и пашню.

Весьма глубокую новую черту въ помѣщичьей собственности образовали въ указахъ 19 февраля 1864 г. законоположенія о сервитутахъ. Употребленіе ихъ открывало большой просторъ усмотрѣнію исполнителей и служило острымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. За крестьянами обезпечены тѣ угодья, которыми они пользовались не только по письменнымъ документамъ, но хотя бы и по словеснымъ соглашеніямъ, удостовѣряемымъ свидѣтелями или по обычаю. Если бы оказалось, что крестьяне пользовались этими сервитутами до 26 мая 1846 г., а потомъ у нихъ эти сервитуты были отняты, то права эти на угодья возстановляются.

Такъ какъ узелъ крестьянскаго вопроса разрубался въ самомъ разгарѣ еще не вполнѣ потушеннаго революціоннаго движенія, то о разрѣшеніи споровъ по системѣ Вѣлёпольскаго судебнымъ путемъ не могло быть и рѣчи. Рѣшителями споровъ являлись óрганы, которые въ имперіи назывались мировыми посредниками, а въ царствѣ польскомъ—комиссарами, по свойству самаго своего призванія крестьянофилы, расположенные дѣйствовать тенденціозно въ пользу крестьянъ. Самъ Милютинъ не скрывалъ, въ письмѣ къ женѣ, отъ 25 октября 1865 г., своихъ надеждъ: „при помощи какой-нибудь сотни честныхъ и умныхъ людей можно было бы передъ лицомъ всей латинской и шляхетской Польши поднять весьма быстро этотъ угнетенный народъ, который можетъ послужить по крайней мѣрѣ въ настоящее время твердою опорою“ (A. Leroy-Beaulieu, „Un homme d'état russe“, p. 217).

Легче было содѣйствовать подъему матеріальной стороны быта крестьянъ, нежели организовать эту сыпучую массу надѣляемыхъ землею поселенцевъ безконечно различнаго происхожденія, никогда не дѣйствовавшихъ сообща и не имѣющихъ ни малѣйшихъ представленій о томъ, что̀ такое міръ, тягло, порука, круговая отвѣтственность, общинное владѣніе. Съ 1807 г. не существовало крѣ-

постничества, не было прикрѣпленія лица къ землѣ; а такъ какъ народъ былъ сравнительно культурнѣе, чѣмъ въ Россіи, то приходилось людямъ разнаго происхожденія и богатства сходиться на основаніи равноправности на разныхъ поприщахъ дѣятельности общественной безъ всякихъ сословныхъ средостѣній. Притомъ, начало общинной всесословной организаціи положено было Наполеономъ при образованіи княжества варшавскаго. Край раздѣленъ на департаменты, департаменты на уѣзды, уѣзды на коммюны или гмины, въ гминахъ учреждены мэры съ приставленными къ нимъ муниципальными совѣтами. При образованіи въ 1815 году царства польскаго изъ княжества варшавскаго, мэры переименованы въ *войтовъ* (Vogte). Такъ какъ послѣ 1831 г., при кн. Паскевичѣ и директорѣ комиссіи внутреннихъ дѣлъ П. Мухановѣ, управленіе было не то что консервативное, но реакціонное и даже, по нашимъ понятіямъ, крѣпостническое, то уже подъ русскимъ владычествомъ, въ особенности послѣ 1831 года, и по вліянію русскихъ управителей, состоялось постепенно предоставленіе помѣщикамъ власти вотчинно-полицейской надъ поселенными у нихъ крестьянами. Помѣщикъ ipso jure дѣлался войтомъ въ гминѣ; гдѣ было въ гминѣ нѣсколько селеній, тамъ бывалъ войтомъ одинъ изъ помѣщиковъ; а если онъ не могъ исправлять функцій войта, то ставился по его указанію наемный его замѣститель. Попытки избіенія шляхты крестьянами въ Австріи въ 1846 г., по наущенію агентовъ демократической партіи польскаго выходства, заставили русское правительство положить предѣлъ обезземеленію крестьянъ закономъ 26 мая 1846 г., но безобразія вотчинной полиціи и юстиціи продолжались. Маркизъ Вѣлёпольскій предположилъ вполнѣ измѣнить этотъ порядокъ въ своемъ проектѣ гминнаго устройства, который не былъ приведенъ въ исполненіе по воспослѣдовавшему въ 1863 году мятежу. Проектъ маркиза былъ замѣчательно хорошъ. Гмина предположена всесословная. Въ гминныхъ сходахъ должны были участвовать по цензу землевладѣнія всѣ помѣщики и всѣ крестьяне

осѣдлые на участкахъ, имѣющихъ болѣе трехъ морговъ, по цензу доходности квартиранты въ домахъ и капиталисты, а по цензу образованія духовныя лица, учителя, литераторы, артисты. Функціи схода ограничивались только выборами въ гминныя должности. Выборное управленіе должно было состоять изъ войта и изъ гминнаго совѣта. Войтъ изъ кончившихъ курсъ наукъ, по крайней мѣрѣ, въ четырехклассномъ уѣздномъ училищѣ, назначался правительствомъ изъ трехъ представляемыхъ по выбору схода кандидатовъ. Ему подчинены солтысы по отдѣльнымъ селеніямъ. Гминный совѣтъ изъ девяти человѣкъ собирается четырежды въ году на сессіи подъ предсѣдательствомъ войта и дѣлаетъ постановленія, которыя могутъ быть опротестованы начальникомъ уѣзда. Всѣ сословія пріобщались въ гминномъ совѣтѣ къ общественному самоуправленію и получали въ немъ гражданскую выправку. Общины въ томъ видѣ, какъ она задумана въ проектѣ Вѣлёпольскаго, Россія не имѣетъ; отсутствіе ея составляетъ слабую сторону нашего земскаго устройства, начинающаго общину со слишкомъ крупной единицы—уѣзда. Оно непрочно, потому что не имѣетъ корней въ несуществующей еще общинѣ.

Книга А. Лероа-Больё изображаетъ довольно наглядно (стр. 175), какъ сплотился славянофильскій тріумвиратъ (Самаринъ, Милютинъ, Черкаскій), который обдумывалъ переустройство царства польскаго, прежде чѣмъ Милютинъ получилъ отъ государя въ Царскомъ Селѣ, 11 сентября 1863 г., свои широкія, но неопредѣленныя на этотъ предметъ полномочія. Изъ этого тріумвирата самый трезвый, практическій человѣкъ и въ наибольшемъ смыслѣ бюрократъ—былъ Черкаскій; всѣхъ глубокомысленнѣе, съ нѣкоторою долею романтизма и мистицизма, былъ Ю. Самаринъ. Въ книгѣ Лероа-Больё (стр. 122) приведено его письмо, писанное осенью 1862 г., въ которомъ онъ полагаетъ, что въ Россіи есть только двѣ живыя силы: *личная власть*, т. е. самодержавіе—у вершины, и русская *крестьянская община*—внизу; а между ними—

безсмысленная *среда*, не имѣющая въ народѣ корней, становящаяся на дыбы и либеральничающая. Что касается до Милютина, то и онъ вѣрилъ въ крестьянскую общину, а можетъ быть и считалъ ее цѣннымъ вкладомъ въ европейскую цивилизацію. Онъ принималъ въ 1846 г. дѣятельное участіе въ первомъ опытѣ городского самоуправленія, въ устройствѣ городской петербургской думы. Въ 1862 г., въ бытность свою въ С.-Петербургѣ, онъ знакомился съ проектами земскаго положенія и относился къ нимъ сочувственно. Такъ какъ крестьянская реформа 1861 г. проводилась противъ воли большинства помѣщиковъ и дворянства соединенными силами прогрессивныхъ дворянъ, прессы и бюрократіи, то реформаторы противополагали крестьянство дворянству и, освобождая первое изъ нихъ, заботились преимущественно о томъ, какъ бы его обезпечить матеріально, а не о гражданской сторонѣ его быта. Предполагалось, что оно будетъ въ опекѣ у правительства и на воспитаніи у бюрократіи, ведущей его на помочахъ. Сельское общество легко было устроить по примѣру того, какъ устроивались государственные крестьяне съ 1839 г., когда возникло министерство государственныхъ имуществъ. Надъ сельскимъ обществомъ воздвигнута, въ видѣ второго этажа, *волость*—плохой суррогатъ общины, замкнутое, полуадминистративное учрежденіе, занимающееся исполненіемъ и многообразнѣйшихъ земскихъ, и административныхъ требованій. Оно теперь становится помѣхою развитію благосостоянія крестьянъ. Понятно, что Милютинъ и его товарищи старались пересадить на почву царства польскаго всю организацію крестьянскихъ установленій, уже водворенную въ имперіи по „положенію 19 февраля 1861 г.“. Не трудно было образовать, по образцу русскихъ, польскія сельскія общества изъ однихъ крестьянъ съ сельскими сходами изъ крестьянъ-землевладѣльцевъ и выборными солтысами вмѣсто сельскихъ старостъ. Но какъ справиться съ волостью? Пересадка ея оказалась невозможною, во-первыхъ, потому, что войтъ не то что волостной старшина, онъ—

невыдѣлимое изъ государственной администраціи послѣднее ея звено, представитель правительства передъ людьми осѣдлыми въ гминѣ всякихъ состояній; а во-вторыхъ, потому, что кодексъ Наполеона уже перемололъ съ 1808 г. всѣ состоянія, само дворянство превратилось въ титулъ, а нестало миѳомъ, и имѣлось налицо бытовое, а не юридическое дѣленіе людей на разныя профессіи по роду занятій. Изъ какихъ бы то ни было людей въ извѣстной мѣстности можно образовать бюрократически устроенный полицейскій участокъ. Проектъ Велёпольскаго тѣмъ былъ хорошъ, что упорядочивалъ уже существующую, ведущую свое хозяйство и самоуправляющуюся гмину, которая составляла вмѣстѣ съ тѣмъ, первый органъ государственнаго сосредоточенія людей. Милютинъ поставленъ былъ въ необходимость заимствовать кое-что изъ проекта Вѣлёпольскаго, но значительно его обрѣзалъ и исказилъ. По политическимъ соображеніямъ онъ исключилъ изъ схода все духовенство, устранилъ также всю интеллигенцію и представителей капитала. Онъ образовалъ сходъ изъ однихъ только землевладѣльцевъ, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, на условіяхъ полнаго равенства, при чемъ, конечно, первый изъ этихъ элементовъ былъ подавленъ и прижатъ вслѣдствіе численнаго превосходства второго. Въ имперіи даже и волостной сходъ составляется не изъ домовладѣльцевъ, а изъ выборныхъ, по одному изъ десяти дворовъ, а по указамъ 19 февраля 1864 г. гминный сходъ составляютъ всѣ домохозяева, владѣющіе землею въ размѣрѣ не менѣе трехъ морговъ. Этотъ сходъ собирается подъ открытымъ небомъ не менѣе четырехъ разъ въ году, не только для выбора должностныхъ лицъ и кандидатовъ въ войты, но и для постановленій о всѣхъ хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлахъ гмины. Отъ гминнаго войта не требуется даже, чтобы онъ былъ грамотенъ. На должность войта избираются два кандидата; одного изъ нихъ опредѣляетъ уѣздный начальникъ, который, однако, въ правѣ забраковать обоихъ и назначить новые выборы. Гминные войты непосредственно подчинены уѣзднымъ начальникамъ.

Они могутъ быть удаляемы губернаторомъ и временно пріостанавливаемы въ исправленіи должности—уѣзднымъ, начальникомъ.

Въ виду особенныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилось царство польское при введеніи въ дѣйствіе указовъ 19 февраля 1864 г., была создана тогда цѣлая система временныхъ установленій для ихъ осуществленія въ мѣстѣ дѣйствія, безъ сношенія съ Петербургомъ и безъ обращенія къ законодательной власти. Установленъ *Учредительный Комитетъ*, устроенный коллегіально подъ предсѣдательствомъ намѣстника изъ лицъ или государемъ назначенныхъ или особо приглашаемыхъ каждый разъ по касающимся ихъ дѣламъ: генералъ-полиціймейстеръ, директоры правительственныхъ комиссій, члены ликвидаціонной комиссіи; наконецъ, въ качествѣ докладчиковъ и съ правомъ только совѣщательнаго голоса, предсѣдатели крестьянскихъ комиссій по крестьянскимъ дѣламъ. На „учредительный комитетъ“ возложено развитіе указовъ 19 февраля 1864 года, разрѣшеніе всѣхъ возникающихъ вопросовъ и недоумѣній, а также изданіе правилъ и инструкцій. Далѣе, установлена ликвидаціонная комиссія для производства операціи выкупа крестьянскихъ надѣловъ. Въ каждой губерніи заведены комиссіи (отъ одной до четырехъ) по крестьянскимъ дѣламъ, изъ предсѣдателя, его товарища и нѣсколькихъ комиссаровъ (отъ четырехъ до восьми). Учредительному комитету предоставлено допускать въ эти комиссіи уѣздныхъ начальниковъ. На комиссіи возложены повѣрка и исправленіе представленныхъ помѣщиками ликвидаціонныхъ табелей и наблюденіе за дѣйствіями сельскихъ и гминныхъ обществъ и властей.

VIII.

Вопросъ о томъ, имѣлъ ли В. А. Арцимовичъ прямое участіе въ законодательной работѣ по составленію указовъ 19 февраля 1864 года, долженъ быть рѣшенъ отрица-

тельно. Н. А. Милютинъ былъ гораздо ближе знакомъ съ Самаринымъ и Черкаскимъ, нежели съ Арцимовичемъ; по его рекомендаціи Я. И. Ростовцеву, они были приглашены въ редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу въ качествѣ членовъ экспертовъ, гдѣ и работали вмѣстѣ съ Милютинымъ. Послѣ увольненія Н. А. Милютина, они пошли въ мировые посредники. Высочайшая командировка Арцимовича въ Варшаву послѣдовала 28 августа 1863 г., а первое представленіе Милютина государю—31 августа, послѣ чего Милютинъ вызвалъ на совѣщаніе Самарина и Черкаскаго. Окончательное Высочайшее назначеніе Милютина состоялось 11 сентября 1863 г. съ широкими и неопредѣленными полномочіями, о которыхъ Арцимовичъ и не зналъ вѣроятно (слова государя: „все управленіе царства польскаго — въ дурномъ состояніи; ты долженъ заняться всѣмъ“ (см. Leroy-Beaulieu, стр. 187). Самый живой обмѣнъ мыслей между тремя сподвижниками произошелъ, вѣроятно, въ вагонѣ, на пути въ Варшаву. Съ первыхъ же поръ послѣ ихъ пріѣзда, намѣстникъ Бергъ произвелъ на нихъ дурное впечатлѣніе, какъ уклончивый и упрямый человѣкъ, дѣйствующій безъ плана, наудачу и отстаивающій противъ реформаторовъ свою личную власть и мѣстное управленіе (A. Leroy-Beaulieu, стр. 212). Они увидѣли, что Бергъ нашелъ въ Арцимовичѣ себѣ опору; что онъ къ Арцимовичу привязался, а это и повліяло несомнѣнно на нерасположеніе ихъ ко всякой откровенности,—притомъ они знали, что Арцимовичъ только и думаетъ о томъ, какъ бы скорѣе убраться изъ Варшавы. Съ начала ноября закипѣла работа въ Брюлевскомъ дворцѣ, гдѣ помѣстились сотрудники, надъ соображеніями о будущихъ реформахъ для представленія ихъ государю. Сотрудники дали себѣ слово держать выработанное ими въ полнѣйшемъ секретѣ до доклада Милютина государю. Въ особый комитетъ для обсужденія проектовъ Милютина по крестьянской реформѣ для царства польскаго, подъ предсѣдательствомъ князя П. П. Гагарина, Милютинъ предложилъ ввести князя Черка-

скаго и Арцимовича, но въ письмѣ своемъ къ Черкаскому, отъ 25 декабря 1863 г. (L.-B., стр. 234), онъ сдѣлалъ слѣдующую оговорку, поясняющую настоящія причины этого приглашенія: „Я счелъ полезнымъ настаивать (на приглашеніи Арцимовича), потому что оставить его въ сторонѣ—значило бы то же, что отбросить его въ лагерь противниковъ". Замѣтимъ, что Арцимовичъ получилъ въ Петербургѣ окончательное назначеніе въ Варшаву до 8 ноября, а Милютинъ возвратился въ Петербургъ только 26 ноября 1863 года. Замѣченное Арцимовичемъ отсутствіе откровенности повело къ нѣкоторому охлажденію его отношеній къ Милютину, объясненіе котораго имѣется въ письмѣ шурина Арцимовича, Владиміра Михайловича Жемчужникова, изъ Москвы, отъ 24 августа 1864 г., проливающемъ яркій свѣтъ на всѣ послѣдующія столкновенія противоположныхъ мнѣній въ средѣ учредительнаго комитета.

„Теперь,—пишетъ В. Жемчужниковъ,—я даю отчетъ о моемъ разговорѣ съ Милютинымъ. Разговоръ начался вопросомъ о впечатлѣніи, произведенномъ Варшавою. Я налегалъ, что не вижу *системы,* и потому тѣмъ менѣе могу оправдывать средства суровыя и не обѣщающія пользы. Онъ развивалъ свою систему, состоящую въ извѣстныхъ тебѣ средствахъ обезсиленія *двигающихъ* слоевъ общества и усиленія *консервативныхъ*. На замѣчаніе мое, что если у него принимаемыя мѣры составляютъ послѣдствіе системы, то на мѣстѣ онѣ представляются лишь послѣдствіемъ страшнаго озлобленія противъ поляковъ. Въ примѣръ я приводилъ Черкаскаго. Онъ оправдывалъ Черкаскаго, но когда на другой день случилось мнѣ говорить одному съ его женою, то она благодарила меня за то, что я спорилъ съ ея мужемъ, и на сомнѣніе мое въ пользѣ этого отвѣтила, что почти всѣ говорящіе съ Милютинымъ—или молчатъ, если не сочувствуютъ ему, или же безусловно соглашаются, и что онъ самъ находитъ Черкаскаго неподходящимъ для занимаемой имъ роли. Изъ послѣдующихъ моихъ разговоровъ съ Ми-

лютинымъ я заключилъ, что Черкаскій нуженъ ему какъ человѣкъ, неспособный снисходить къ полякамъ. Письмо Кошелева о согласіи съ тобою произвело на Милютина дурное впечатлѣніе. Онъ заподозрѣваетъ его въ подлащиваніи къ Бергу; я это опровергалъ рѣшительно, доказывая, что онъ работаетъ добросовѣстно, хотя, вѣроятно, и изъ эгоистическихъ цѣлей, и что подозрѣнія Милютина о подлащиваніи къ Бергу положительно неосновательны. Милютинъ возобновилъ этотъ разговоръ еще разъ и, кажется, убѣдился, что взглядъ мой на Кошелева вѣренъ. Меня, разумѣется, интересовали его отношенія къ тебѣ; поэтому, когда онъ замѣтилъ мнѣ однажды, что я пропитался твоими взглядами, я отвѣтилъ, что *сочувствую* имъ, но *умственно* не расположенъ пристать къ тебѣ, потому что ты *не противопоставляешь* своей системы той, которую проводитъ Милютинъ; но мнѣ кажется, однако, что вы оба могли бы и должны бы быть въ болѣе тѣсныхъ служебныхъ отношеніяхъ, чѣмъ находились, и что мнѣ, при любви къ тебѣ и уваженіи къ вамъ обоимъ, просто досадно видѣть, какъ вы мало согласились между собою и идете совсѣмъ особнякомъ. Онъ обвиняетъ тебя, что ты отстранился отъ дѣла при самомъ его началѣ, оставивъ Варшаву тогда, когда Милютинъ съ Самаринымъ и Черкаскимъ только стали обобщать свои наблюденія и собранные матеріалы и обдумывать планъ дѣйствій. Онъ видитъ въ этомъ, будто ты полагалъ, что избавишься такимъ образомъ отъ назначенія въ Варшаву:—„Но, говоритъ онъ,—я самъ ни за что не хочу служить въ Варшавѣ и сумѣлъ обставить себя такъ, что мнѣ даже не рѣшились предложить это настойчиво, а Викторъ Антоновичъ поставилъ себя только еще въ худшее положеніе“. По словамъ Милютина, вотъ почему отъ тебя скрывалось крестьянское дѣло: такъ какъ ты самъ отъ него отстранился и оно было обдумано окончательно безъ тебя въ Варшавѣ и особенно дорогой оттуда, — то онъ, для произведенія большаго эффекта и предупрежденія противодѣйствія, рѣшился вообще никому,

кромѣ государя, ни слова не говорить о томъ, что *тебѣ, быть можетъ,* и сказалъ бы, если бы ты самъ спросилъ его, но ты, пріѣзжая къ нему, *выжидалъ,* что онъ самъ все скажетъ, чего онъ не хотѣлъ сдѣлать, хотя и понималъ, что ты этого ждешь. Я попрежнему налегалъ на то, что во всякомъ случаѣ слѣдуетъ съ тобою подробно и обстоятельно объясниться впредь относительно принимаемыхъ мѣръ и предположеній; что отчужденіе между вами просто дико, непріятно и тягостно; что во всякомъ случаѣ вы оба знаете другъ друга довольно, чтобы взаимно уважать себя въ полной мѣрѣ и потомъ совѣщаться. Онъ отвѣтилъ, что вражды между вами никакой нѣтъ, что очень любитъ и уважаетъ тебя, объясниться съ тобою былъ бы готовъ и радъ, но что ты самъ какъ будто не желаешь этого, не дѣлаешь ни малѣйшей уступки, и что во всякомъ случаѣ онъ не можетъ начать ранѣе, чѣмъ видѣлъ бы желаніе съ твоей стороны. Въ третье мое посѣщеніе завелся между нами разговоръ по этому же предмету, и онъ сказалъ, что объясняться вамъ, повидимому, нечего, что ты, вѣроятно, очень хорошо понимаешь его систему и что, несмотря на всѣ его попытки, не хотѣлъ до сихъ поръ сдѣлать уступки въ *главномъ:* ты хочешь дѣйствовать на *юридической* почвѣ, а онъ призналъ необходимымъ, чтобы и исполнители имѣли въ виду *политическую* цѣль, потому что на юридической почвѣ поляки насъ всегда надували. Послѣ этого я увидѣлъ окончательно, что уступки приходится сдѣлать *ему,* если бы ты и одобрилъ его систему въ главныхъ чертахъ. Я напомнилъ ему, что характеръ твоего дѣйствія въ Варшавѣ совершенно тотъ же, каковъ былъ въ Калугѣ— тамъ и здѣсь ты борешься за то, чтобы законъ выполнялся серьезно безъ произвола. Тамъ Валуевъ и партія гнули въ одну сторону, теперь Милютинъ и партія гнутъ въ другую... Между прочимъ, я объяснялъ, что все творящееся въ Варшавѣ не столько по существу, сколько по духу исполненія, до того противно твоему направленію и убѣжденію, что ты бы вышелъ въ отставку, если бы не

семья, на содержаніе которой нѣтъ у тебя собственныхъ средствъ. Это онъ принялъ очень хорошо и просилъ уговорить тебя не выходить въ отставку и выждать еще *какой-нибудь годъ*. Вотъ его слова: „Я положительно знаю теперь, что насъ обоихъ спровадили въ Варшаву за крестьянское дѣло, чтобы сбыть съ рукъ и повредить намъ. Мнѣ удалось передѣлать интригу, а Арцимовичъ попался; но если онъ пробудетъ еще хотя одинъ годъ, то я положительно говорю, что если не захочетъ оставаться тамъ, его сдѣлаютъ здѣсь членомъ государственнаго совѣта"... Въ комитетѣ по дѣламъ царства польскаго — постоянные противники Милютина, бездарный Валуевъ и Панинъ; но противодѣйствіе Панина ограничивается только тѣмъ, что онъ каждый разъ старается устранить отвѣтъ Милютина Валуеву; Милютинъ же этому не поддается, каждый разъ рѣжетъ Валуева; тотъ же отступаетъ, и всѣ соглашаются. За Милютина постоянно Чевкинъ. Вообще, сила Милютина заключается въ томъ, что онъ овладѣлъ польскимъ вопросомъ шире другихъ (и онъ это очень хорошо понимаетъ и этимъ пользуется). Онъ представилъ планъ, знаетъ подробности, которыя другимъ неизвѣстны, и потому *ведетъ* другихъ. Война съ нимъ возможна, только не по частнымъ мѣрамъ, а въ цѣлой системѣ: вотъ мое убѣжденіе".

Владиміръ Михайловичъ Жемчужниковъ дѣйствовалъ самолично, безъ всякаго намека или порученія отъ Виктора Антоновича Арцимовича, который, въ письмѣ къ женѣ, 10 августа 1864 г., выражается такимъ образомъ: „Изъ письма отца (т.-е. сенатора М. Н. Жемчужникова) вижу, что онъ придаетъ особое значеніе бесѣдѣ брата Владиміра съ Милютинымъ. Это просто частное свиданіе. Я не уполномочивалъ Володю вести разговоръ отъ моего имени, и, слѣдовательно, его воззрѣнія принадлежатъ ему одному".

Бесѣда эта обнаруживаетъ, однако, наглядно, что между Милютинымъ и Арцимовичемъ была полная рознь почти во всемъ, за исключеніемъ крестьянскаго вопроса,

въ которомъ они наладились дѣйствовать заодно; что эта рознь усиливалась и превращалась изъ щели въ обрывъ, изъ обрыва—въ пропасть. Она обнаруживалась во всемъ, касающемся преобразованія польскаго общества мѣрами правительства, призвавшаго ихъ обоихъ на эту работу. Одинъ изъ нихъ стоялъ твердо и дѣйствовалъ, такъ сказать, какъ судья; другой же мало заботился о правовой сторонѣ дѣла, о его законности, а намѣчалъ себѣ политическія цѣли, къ которымъ онъ стремился, пользуясь возбужденными польскимъ движеніемъ національными стремленіями въ Россіи, и вспахивалъ возможно глубже польскую почву радикальнѣйшими мѣрами и пріемами. Рознь эта не ограничивалась почвою идеи, она захватывала область чувствъ и отталкивала бывшихъ пріятелей другъ отъ друга нравственно. Она была сильнѣе воли каждаго изъ нихъ, заставляла ихъ впослѣдствіи судить другъ о другѣ строго и сурово, подозрѣвать себя взаимно и бороться другъ съ другомъ на общественномъ и служебномъ поприщѣ. Откровенными они не могли быть, въ особенности Милютинъ. Арцимовичъ оставался въ полномъ невѣдѣніи о цѣляхъ Милютина, о возложенныхъ на него порученіяхъ и задачахъ. Онъ ничего не зналъ о томъ, что еще въ сентябрѣ 1863 г., до пріѣзда Милютина въ Варшаву, гдѣ его поджидалъ Арцимовичъ, Милютину была дана чрезвычайная миссія: „ознакомясь съ дѣлами царства польскаго и изучивъ на мѣстѣ положеніе тамошняго гражданскаго управленія, составить ближайшія *соображенія*, какъ о мѣрахъ къ успокоенію края, такъ и о дальнѣйшемъ его устройствѣ“ (всеподд. записка Милютина 21 декабря 1863 г., приведенная Д. Г. Анучинымъ въ его статьѣ о графѣ Ѳ. Ѳ. Бергѣ въ „Русской Старинѣ“ 1893 г., № 1). Арцимовичъ не былъ посвященъ въ совѣщанія пріѣхавшаго, въ октябрѣ 1863 г., Милютина съ намѣстникомъ, относительно учрежденія „временнаго военно-полицейскаго управленія“ (статья Анучина, стр. 77). Наконецъ, и по отношенію къ учредительному комитету, и по приступу къ крестьянской реформѣ въ

царствѣ польскомъ, Милютинъ, устроившій этотъ комитетъ по своей идеѣ, но не пожелавшій въ него вступить на постоянную работу и занявшій самостоятельный постъ въ качествѣ статсъ-секретаря по дѣламъ царства польскаго въ Петербургѣ, избралъ главнымъ дѣятелемъ и исполнителемъ своихъ намѣреній не Арцимовича и даже не князя Черкаскаго, а новое лицо, а именно Якова Александровича Соловьева, управлявшаго до конца 1863 г. земскимъ отдѣломъ. Со времени вступленія Соловьева въ должность члена комитета, завѣдывающаго его дѣлами, Арцимовичъ очутился по отношенію къ нему въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ. Переписка Милютина съ Яковомъ Соловьевымъ началась съ письма Милютина изъ Варшавы, 23 марта 1864 г., напечатаннаго въ „Русской Старинѣ" 1882 г., № 2, стр. 390. Оно до того характерно, что я привожу его цѣликомъ.

„Надѣюсь, что вы получили посланные мною указы и матеріалы по польскому крестьянскому дѣлу. Это — первый шагъ къ реформамъ съ ясно сознанною цѣлью *поднять и поставить на ноги угнетенную массу*, противопоставить ее *олигархіи*, которою проникнуты *до сихъ поръ всѣ польскія учрежденія*. Съ каждымъ днемъ убѣждаюсь въ возможности выполнить эту программу.

„*Со временемъ* въ самой Польшѣ можно будетъ найти дѣятельные элементы, чтобы на нихъ опереться, но *теперь* пока нужны *русскіе дѣятели* и необходимы не только вслѣдствіе ненормальнаго положенія края, но и по причинѣ совершеннаго отсутствія организаторскихъ способностей у поляковъ *внѣ ихъ отжившихъ традицій*. Эта способность проснется въ нихъ только тогда, когда связь съ этой традиціей порвется и явится на сцену новый невѣдомый въ польской исторіи дѣятель—народъ.

„Могу ли я не вспомнить о васъ, осужденныхъ на бездѣйствіе, когда является такая настоятельная надобность въ сильныхъ и энергическихъ распорядителяхъ.

„Вы знаете, что здѣсь образованъ учредительный комитетъ. Его задача—не только вести крестьянское дѣло (въ

этомъ отношеніи онъ будетъ играть роль русскаго главнаго комитета), но и разработать, а потомъ ввести всѣ прочія *органическія преобразованія* въ царствѣ. Теперь пока онъ составленъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, только изъ двухъ лицъ: Арцимовича и Черкаскаго. Если вы согласитесь принять званіе члена, то *отъ васъ зависѣло бы все дѣло*. Никто изъ членовъ не завѣдуетъ дѣлами комитета. Въ нашихъ понятіяхъ *коллегіальное* обсужденіе полезно только для важнѣйшихъ законодательныхъ и высшихъ административныхъ вопросовъ. Распорядительная власть должна принадлежать члену, завѣдывающему дѣлами комитета. *Конфликтовъ быть не можетъ* потому, что комитету положительно подчинены комиссіи (министерства) и всѣ распорядительныя власти. Нынѣ формируются 14 мѣстныхъ комиссій по крестьянскимъ дѣламъ, для которыхъ избраны уже 44 человѣка въ Россіи и 21 офицеръ изъ здѣшней арміи—юноши болѣе развитые.

„Вы вѣрно спросите, почему я самъ не принимаю этой роли? Не говоря уже о семейномъ положеніи, Государю угодно назначить меня въ польскій комитетъ при немъ, безъ котораго не могли бы осуществиться задуманныя преобразованія. Къ Святой я долженъ возвратиться въ С.-Петербургъ. Отказъ вашъ будетъ сильнымъ ударомъ для дѣла. Не пугайтесь незнаніемъ польскаго языка. Звѣрь не такъ страшенъ, какъ кажется вдали".

Въ этомъ письмѣ Милютинъ высказался вполнѣ опредѣленно, со всѣми качествами своего ума и характера. Онъ не стоитъ за денаціонизированіе поляковъ. Въ своей объяснительной запискѣ, 22 мая 1864 г., объ устройствѣ учебной части въ царствѣ польскомъ, онъ открещивается отъ мысли „обрусить поляковъ искусственными мѣрами, такъ какъ подъ полнымъ даже наружнымъ обрусеніемъ можетъ скрываться непримиримая вражда къ Россіи". Онъ признаетъ, что результаты тридцатилѣтней (съ 1831 г.) системы правительственнаго абсолютизма въ Польшѣ были плохіе и не оправдали ожиданій. Изъ письма видно, что онъ задумалъ „поднять и поставить массу простонародья".

Она-то и будетъ новый польскій народъ, невѣдомый еще теперь, а возможный только со временемъ, но когда именно—того ни онъ, ни кто бы то ни было не можетъ еще опредѣлить. Возлагая всѣ надежды на грядущее, на далекое будущее, Милютинъ удаляетъ отъ всякой дѣятельности служебной, то-есть — той именно, какую онъ имѣлъ въ виду въ моментъ, когда писалъ,—всѣхъ поляковъ повально и безъ всякаго ихъ разбора. Они, по его приговору, лишены всякихъ организаторскихъ способностей внѣ своихъ олигархическихъ традицій. Односторонность такихъ сужденій поразительна. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка Россія могла похвалиться только одною реформою, а именно крестьянскою. Въ другихъ отношеніяхъ она уступала царству польскому. И по части администраціи, и по части суда, царство польское было культурнѣе Россіи. Оно произвело такого блистательнаго администратора и финансиста, какъ князь Ксаверій Друцкій-Любецкій. Оно изобиловало образованнѣйшими чиновниками-техниками по всѣмъ частямъ управленія. Всѣ задуманныя Вѣлёпольскимъ реформы, которыя осуществлялись при ихъ посредствѣ, были по духу своему нисколько не олигархическія, а нѣкоторыя изъ нихъ были несомнѣнно демократичнѣе, нежели Милютинскія, напримѣръ, гминное устройство. Гмина, по плану Вѣлёпольскаго, была всесословная, между тѣмъ, у Милютина, она вышла только двусословная и односторонне-землевладѣльческая.

Знаніе предмета, умѣлость въ разрѣшеніи задачъ, техническая подготовка, нисколько, повидимому, не затрудняли Милютина, когда онъ писалъ къ Я. Соловьеву, 22 сентября 1864 г. („Русская Старина“, 1844 г., № 6, стр. 58): „Нужно всѣми силами увеличить нашу маленькую гражданскую армію въ Варшавѣ, надо образумить поляковъ и обуздать шайки интригановъ, которыя плодятся около графа Берга. Эти люди (даже наименѣе блистательные и способные) будутъ все-таки *полезнѣе* и *способнѣе* мѣстныхъ корифеевъ. Нужно имѣть людей вполнѣ

свѣдущихъ по юридической части, но вмѣстѣ съ тѣмъ способныхъ подчиниться *политической* идеѣ, которая должна господствовать надъ идеальными юридическими началами... Мнѣ нужно благонадежныхъ русскихъ юристовъ-практиковъ (теоретиковъ, въ родѣ Сергѣя Заруднаго, я ужасно боюсь)". Спрашивается, что же новое задумывалъ создать Милютинъ посредствомъ этого, далеко не первосортнаго личнаго состава, набраннаго съ трудомъ изъ всякихъ странъ Россіи, изъ этихъ людей, пришлыхъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ условіями страны, которыхъ пригласили образовывать ее? Изъ всѣхъ реформъ Александра II, кромѣ крестьянской, оглашена была въ то время только одна, 1 января 1864 г.,—о земскихъ учрежденіяхъ. Она не была еще испробована. О примѣненіи ея къ царству польскому не могло еще быть и помину. Городовое положеніе состоялось только 16 іюня 1870 г.,—въ томъ же году, въ которомъ былъ закрытъ и учредительный комитетъ (18 ноября 1870 г.) — за два года до смерти Милютина (26 января 1872 г.). Самая существенная послѣ крестьянской, видоизмѣняющая до основанія весь общественный бытъ, судебная реформа была только въ ходу—и Высочайше утверждена лишь 20 ноября 1864 г.; но сама вдова Милютина, по второму мужу г-жа Стиль, сообщившая письма Милютина „Русской Старинѣ" (1884 г., № 6), предваряетъ въ выноскѣ, на стр. 592, что Милютинъ, Самаринъ и Черкаскій не одобряли судебныхъ уставовъ и надѣялись избѣгнуть того, что считали ошибочнымъ въ этихъ уставахъ—въ своемъ польскомъ проектѣ, который предполагали составить, но не составили. Судебные уставы казались имъ слишкомъ либеральными. Такъ какъ преобразователи не располагали ничѣмъ пригоднымъ для введенія въ царствѣ польскомъ, кромѣ положенія о крестьянахъ, то всякая ломка съ ихъ стороны, безъ приступа къ новой постройкѣ, была бы безцѣльною, лишнею и неосмысленною. Не только у нихъ не было программы для преобразованій, но не было и средствъ дѣйствія на общество, которое имъ приходилось преобразовывать, — кромѣ чисто механическихъ...

Что касается Н. А. Милютина, то все его прошедшее было только бюрократическое. Въ письмѣ 23 сентября 1864 г. онъ дѣлаетъ замѣчательное, по своей откровенности, признаніе, что коллегіальное обсужденіе вопросовъ въ „нашихъ понятіяхъ“ (т. е. его лично и Соловьева) не нужное и лишнее; что, въ сущности, весь трудъ преобразованія имъ вдвоемъ по силамъ: онъ, Милютинъ, будетъ преобразовывать царство польское изъ Петербурга, а его *alter ego*, Соловьевъ, будетъ единоличнымъ распорядителемъ въ учредительномъ комитетѣ, стоящимъ надъ правительственными комиссіями или министерствами и дѣйствующимъ безъ всякихъ съ кѣмъ бы то ни было конфликтовъ. Послѣ того вполнѣ понятно, почему идея Милютина о созданіи правительственными мѣрами изъ польскаго крестьянства новаго польскаго народа, отрѣшеннаго отъ высшихъ слоевъ польскаго общества, испорченныхъ олигархическими традиціями, осталась чѣмъ-то совсѣмъ мертвымъ и къ дѣйствительности неприложимымъ. По естественному ходу событій, та численно увеличивающаяся армія пришлыхъ чиновниковъ, исключительно русскаго происхожденія, обособленныхъ среди мѣстнаго населенія и не позволяющихъ себѣ даже мѣстному языку учиться, должна была силою вещей образовать станъ обрусителей среди непріятельской страны, поставленной, такъ сказать, на военномъ положеніи.

Такимъ образомъ начинался повторительный опытъ той же самой системы, полную безплодность которой признавалъ самъ Милютинъ за весь предшествовавшій 30-лѣтній періодъ (1831—1863). Второй, повторительный опытъ длится съ 1863 г., четвертый десятокъ лѣтъ, и составляетъ мертвое потерянное время для русской политики въ царствѣ польскомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что можно господствовать одною внѣшностью въ покоренной странѣ, но нельзя въ ней утвердиться, не подготовивъ предварительно въ средѣ мѣстнаго населенія приверженцевъ изъ людей, безусловно убѣжденныхъ въ необходимости строгой законности, —не заинтересовавъ лучшіе культурные эле-

менты мѣстнаго населенія въ соединеніи своей судьбы съ судьбою цѣлаго государства, а эта послѣдняя задача осуществима только при полномъ отказѣ отъ преобладанія политической идеи надъ „идеальными юридическими началами“.

Въ тотъ моментъ, когда начиналась размолвка между Милютинымъ и Арцимовичемъ, превратившаяся потомъ въ очевидную рознь, еще не предвидѣлось вполнѣ ясно, куда поведетъ та или другая политика, но и Арцимовичъ, и братья Жемчужниковы, съ которыми Арцимовичъ породнился, чувствовали непреодолимое отвращеніе къ М. Н. Муравьеву и къ М. Н. Каткову, и къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, между тѣмъ какъ Милютинъ уже согласовался во многомъ съ Муравьевымъ, который былъ главнымъ его противникомъ по освобожденію крестьянъ въ Россіи. Брезгливость Арцимовича проистекала не только отъ одного того, что онъ по происхожденію своему былъ полякъ, но она была раздѣляема и тѣмъ отборнымъ меньшинствомъ изъ чистокровныхъ русскихъ людей, которые никогда не могли помириться съ доходившими до жестокости проявленіями возбужденнаго польскимъ мятежомъ русскаго патріотизма. Для поясненія, приведу отрывокъ изъ письма Алексѣя Жемчужникова, отъ 16 мая 1864 г. къ Арцимовичу.

„Ничто не можетъ быть несчастнѣе и грустнѣе національной вражды. Она источникъ пристрастія и колебанія въ убѣжденіяхъ. Русскіе въ Польшѣ и поляки въ Россіи должны дѣйствовать одинаково справедливо и безпристрастно. Изъ вражды къ полякамъ, точно также какъ и изъ пристрастія къ нимъ, выйдетъ не дѣло, а, — употребляя самое умѣренное слово,—*дрянь*, и притомъ личная. Этимъ путемъ не дѣло дѣлается, а разрушаются честное имя и созданная репутація. Основные принципы должны быть непоколебимы и одни и тѣ же и въ Россіи, и въ Польшѣ. Надѣюсь, что твоя правдивость и твое честное имя будутъ внѣ нападокъ легкомыслія и клеветы, этихъ двухъ главныхъ элементовъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“.

IX.

Новый періодъ въ жизни В. А. Арцимовича начался 13 марта 1864 г., съ пріѣзда его въ Варшаву въ страстную пятницу (по западно-европейскому стилю), и продолжался до сентября 1865 г., когда, убѣдившись въ невозможности принести какую-либо пользу на своемъ служебномъ посту, онъ подалъ прошеніе объ обратномъ его переводѣ на службу въ имперію въ октябрѣ 1865 года. Арцимовичъ поселился на отведенной ему казенной квартирѣ въ одномъ изъ флигелей такъ называемаго намѣстниковскаго дворца на Краковскомъ предмѣстьѣ, у входа въ который лежатъ каменные львы и высится нынѣ громадная бронзовая статуя князя Паскевича-Эриванскаго. Его пріѣздъ почти совпалъ съ заарестованіемъ послѣдняго состава народнаго ржонда, съ Траугутомъ во главѣ (Рафаилъ Краевскій, Точинскій, Іезеранскій, Жулинскій). Всѣ эти пять человѣкъ были повѣшены въ августѣ 1864 г.

Арцимовичъ мало интересовался послѣдними проявленіями угасающаго движенія. Матеріальный порядокъ былъ уже возстановленъ на улицѣ, открывались театры, давались усердно первые офиціальные балы и вечера. Арцимовичу приходилось постоянно работать съ намѣстникомъ; съ нимъ онъ состоялъ въ полномъ ладу. Семидесятилѣтній старикъ, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ былъ стараго закала генералъ и администраторъ въ духѣ Николаевской эпохи (см. въ „Русской Старинѣ“ 1893 г., съ января по апрѣль, статьи Д. Г. Анучина). Въ душѣ своей онъ былъ прежде всего балтикъ, стоящій за обособленность остзейскихъ провинцій, совсѣмъ не полонофилъ, но человѣкъ, готовый отстаивать мѣстныя особенности, которыхъ нарушеніе на берегахъ Вислы могло бы послужить прецедентомъ и для остзейскаго края. До мозга костей консерваторъ, Бергъ по своему темпераменту былъ прямою противоположностью Милютину и всей системѣ мѣропріятій Милютина, которыя, по выраженію Анучина, были совершенно революціоннаго

характера и своею властностью и рѣшительностью не соотвѣтствовали взглядамъ намѣстника. Бергъ не отказался бы отъ многихъ изъ нихъ, но исполнилъ бы ихъ не во всей полнотѣ и съ дипломатическою изворотливостью, щадящею побѣжденнаго врага. Самъ Н. А. Милютинъ, по словамъ Анучина, признавалъ за Бергомъ одно высокое достоинство: „лучшаго исполнителя, какъ Бергъ, я не знаю и не желаю; онъ протестуетъ, убѣждаетъ, пишетъ массу писемъ, но разъ дѣло кончено, исполняетъ его твердо и безъ всякой задней мысли“. По странному стеченію обстоятельствъ, этому послѣднему намѣстнику въ царствѣ польскомъ приходилось хоронить собственными руками автономію края, которую отстаивали всѣ намѣстники, и подводить царство польское подъ одинъ знаменатель съ другими областями имперіи, подъ общія губернскія учрежденія съ обыкновеннымъ генералъ-губернаторомъ во главѣ. Бергъ имѣлъ громадное преимущество передъ другими усмирителями западной окраины имперіи, заключающееся въ томъ, что былъ лично безстрастенъ, не допускалъ ненужной ломки и былъ расположенъ къ употребленію на переустройство края мѣстныхъ способныхъ чиновниковъ, вышколенныхъ на прусскій манеръ, или юристовъ, знающихъ кодексъ Наполеона, то-есть, вообще, людей помогавшихъ и Вѣлёпольскому въ его неудавшихся опытахъ преобразованія.

Арцимовичу пришлось дѣйствовать въ коллегіальныхъ установленіяхъ: въ государственномъ совѣтѣ царства польскаго, въ совѣтѣ управленія, въ учредительномъ комитетѣ и во множествѣ спеціальныхъ комиссій, устраиваемыхъ для какихъ-нибудь особыхъ задачъ.

Совѣтъ управленія (rada administracyjna) соотвѣтствовалъ комитету министровъ имперіи. По упраздненіи конституціи 1815 г., послѣ 1831 г., въ немъ сосредоточивалось все подчиненное намѣстнику отдѣльное административное управленіе царствомъ польскимъ. Онъ состоялъ изъ директоровъ правительственныхъ комиссій или министерствъ, предсѣдателя высшей счетной палаты, и изъ лицъ по особому Высочайшему назначенію. Предметами вѣ-

домства совѣта управленія были текущія дѣла по управленію, требующія совмѣстнаго дѣйствія разныхъ вѣдомствъ.

Другое коллегіальное установленіе, въ которомъ Арцимовичъ былъ вице-президентомъ, постоянно замѣщавшимъ въ немъ президента-намѣстника, былъ особый государственный совѣтъ царства польскаго, имѣющій свою спеціальную довольно длинную исторію. Учредилъ его сначала Наполеонъ, какъ составитель конституціи для княжества варшавскаго, 22 іюня 1807 г. (art. 14 — 18). По конституціи, пожалованной Александромъ I царству польскому 15 ноября 1815 г., установленъ государственный совѣтъ изъ министровъ и лицъ по Высочайшему назначенію, подраздѣляющійся на общее собраніе и совѣтъ управленія (ст. 65), который подготовлялъ законодательные проекты для сейма, собирающагося разъ въ два года, исправлялъ нѣкоторыя судебныя функціи и разбиралъ жалобы на административныя власти. Послѣ повстанія 1830 г., повлекшаго за собою отмѣну конституціи, по органическому статуту 14 февраля 1832 г., совѣтъ управленія выдѣленъ изъ государственнаго (ст. 22), но предположено, что государственный совѣтъ для царства польскаго останется въ Варшавѣ и что онъ будетъ состоять изъ сановниковъ, присутствующихъ въ немъ по должности, и изъ членовъ по назначенію, постоянно или временно назначаемыхъ (ст. 28). Но это предположеніе не осуществилось, и по указу 6 сентября 1841 г. найдено несовмѣстнымъ съ положеніемъ края имѣть особый государственный совѣтъ въ царствѣ. Судебныя его функціи переданы въ общее собраніе варшавскихъ департаментовъ правительствующаго сената (9 и 10). Законопроекты, поступающіе отъ намѣстника, должны были вноситься въ особый департаментъ для дѣлъ царства польскаго въ составѣ общаго государственнаго совѣта имперіи. Эти законопроекты подлежали подготовкѣ для доклада въ особой кодификаціонной комиссіи царства польскаго при II отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Когда, въ 1862 г., начались при намѣстникѣ, князѣ

Горчаковѣ, въ Варшавѣ безпорядки, то, до вступленія еще маркиза Вѣлёпольскаго на государственную службу, первая идея намѣстника для умиротворенія края состояла въ полномъ осуществленіи неисполненнаго совсѣмъ органическаго статута 14 февраля 1832 года. Первымъ пунктомъ объявленныхъ намѣстникомъ 1 марта 1861 года такъ называемыхъ концессій было учрежденіе государственнаго совѣта, въ составъ котораго должны были войти именитые граждане-нотабли по назначенію правительства. Этотъ государственный совѣтъ, открытый при намѣстникѣ Сухозанетѣ, не имѣлъ ни малѣйшихъ признаковъ представительства страны. Маркизъ Вѣлёпольскій, въ бытность свою начальникомъ гражданскаго управленія, старался пополнить его не только одними чиновниками, достигшими высокихъ чиновъ, но и знатнѣйшими мѣстными обывателями, при чемъ онъ прибѣгалъ обыкновенно къ назначенію ихъ временными членами въ государственный совѣтъ. Вѣлёпольскій не нашелъ для своихъ реформъ поддержки въ краѣ. Когда вспыхнуло революціонное движеніе въ апрѣлѣ и маѣ 1863 г.,—пятнадцать тогдашнихъ временныхъ членовъ государственнаго совѣта подали прошенія объ отставкѣ въ видѣ демонстраціи. Государственный совѣтъ продолжалъ, однако, дѣйствовать и собираться въ обыкновенное осеннее и въ чрезвычайныя засѣданія, по мѣрѣ того, какъ подготовлялись дѣла для обсужденія въ четырехъ постоянно работавшихъ отдѣленіяхъ: законодательномъ, казенно-административномъ, спорномъ и въ отдѣленіи прошеній и жалобъ на всѣ административныя власти, не исключая правительственныхъ комиссій и самого намѣстника. По настоянію нѣкоторыхъ директоровъ комиссій, графъ Бергъ, по причинѣ ненормальнаго положенія края, пріостановилъ временно пріемъ въ совѣтъ прошеній и жалобъ, по которымъ состоялись постановленія либо совѣта управленія либо намѣстника. Государственный совѣтъ имѣлъ обязанность разсматривать бюджетъ царства польскаго и ежегодные отчеты комиссіи, вѣдалъ дѣла такъ называемой административной юстиціи, разрѣшалъ пререканія о подсудности, отдавалъ

подъ судъ за преступленія по должности, начиная съ министровъ и кончая губернаторами.

Одна изъ главныхъ причинъ пререканій Арцимовича съ Милютинымъ и его сторонниками заключалась въ различномъ ихъ отношеніи къ государственному совѣту царства польскаго. Арцимовичъ писалъ къ женѣ 29 мая 1864 г.: „Графъ Бергъ сдалъ мнѣ совершенно государственный совѣтъ". Съ тѣхъ поръ Арцимовичъ считалъ своимъ долгомъ его отстаивать; Милютинъ же и его сторонники относились къ этому совѣту какъ къ несуществующему уже учрежденію, обходили его, чтобы оставить его безъ дѣлъ и сдѣлать такъ, чтобы всѣ крупныя функціи и задачи управленія сосредоточивались въ учредительномъ комитетѣ. Заимствуемъ слѣдующія выдержки изъ замѣтокъ Арцимовича, который не составлялъ связныхъ, непрерывныхъ записокъ или дневниковъ, но отмѣчалъ отрывочно на отдѣльныхъ листахъ свои несогласія и споры съ противниками: „Я былъ назначенъ вице-президентомъ государственнаго совѣта, пользующагося, сравнительно съ государственнымъ совѣтомъ имперіи, огромными правами и преимуществами, заключающимися, главнѣйше, въ обязанности разсматривать и повѣрять всѣ отчеты министровъ, возбуждать вопросы объ измѣненіи и дополненіи законовъ и разсматривать жалобы на всѣхъ чиновниковъ, служащихъ въ царствѣ, въ томъ числѣ и на министровъ. Подобная власть не нравится Черкаскому и его пріятелямъ, и они стараются, при содѣйствіи Милютина, ослаблять и колебать всѣ права совѣта. Графъ Бергъ и я не трогаемъ этого учрежденія впредь до уясненія и улучшенія положенія края. Милютинъ старается сосредоточить всѣ дѣла въ учредительномъ комитетѣ, и ему помогаетъ въ томъ польскій комитетъ (въ С.-Петербургѣ). Въ учредительномъ комитетѣ преобладаютъ сторонники Милютина".

Въ черновыхъ прошеніяхъ о своей отставкѣ Арцимовичъ писалъ: „Дѣйствуя въ государственномъ совѣтѣ подъ непосредственнымъ вашимъ (графа Берга) руководствомъ весьма осмотрительно, не возбуждая никакихъ дѣлъ и

вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду указъ Его Императорскаго Величества, я не могъ не охранять, хотя наружно, порядокъ и права, освященныя Монаршею санкціею. Этого было достаточно, чтобы въ непосредственныхъ своихъ товарищахъ, явно высказывающихъ презрѣніе къ государственному совѣту, какъ учрежденію, въ которомъ сидятъ еще мѣстные жители поляки, возбудить неудовольствіе и нареканія, что я поддерживаю польское учрежденіе и не содѣйствую его окончательному уничтоженію"... Еще обстоятельнѣе переписка Арцимовича съ его тестемъ, сенаторомъ Жемчужниковымъ. 14 февраля 1865 г., Арцимовичъ писалъ: „Бергъ не пользуется довѣріемъ Императора, но это не мѣшаетъ ему оставаться намѣстникомъ и сохранять вліяніе на общій ходъ дѣлъ управленія. Черкаскій и Соловьевъ пріѣхали отнимать права у поляковъ, а я назначенъ вице-предсѣдателемъ польскаго государственнаго учрежденія. Роль наша неодинакова. Черкаскій, напримѣръ, не желалъ бы, чтобы въ государственномъ совѣтѣ разсматривались жалобы на комиссію внутреннихъ дѣлъ и принимались прошенія отъ частныхъ людей по дѣламъ, уже разсматривавшимся въ совѣтѣ управленія. Я доказалъ, что не могу самовольно ограничивать права государственнаго совѣта. Послѣ долгихъ споровъ и преній графъ Бергъ рѣшился удержать порядокъ прежде существовавшій. Надѣюсь на Милютина. Черкаскій вмѣшивается во всѣ дѣла, дѣйствуетъ на мѣстѣ, дѣйствуетъ въ Петербургѣ, заискиваетъ у всѣхъ сильныхъ,—словомъ, идетъ такимъ путемъ, по которому я слѣдовать за нимъ не могу. Очень можетъ быть, что онъ восторжествуетъ, но часто лучше быть побѣжденнымъ и сохранить достоинство человѣка и уваженіе къ своимъ правиламъ".

На разстояніи прошедшихъ съ тѣхъ поръ тридцати лѣтъ,—послѣ того какъ и государственный совѣтъ царства польскаго и учредительный комитетъ канули въ вѣчность, и царство польское подведено, съ немногими исключеніями, подъ Екатерининское общее губернское учрежденіе XVIII вѣка,—сужденіе о томъ, кто изъ спорящихъ былъ правъ,

можетъ показаться несовременнымъ и неинтереснымъ. Однако, въ историческомъ изслѣдованіи по источникамъ подобный взглядъ былъ бы, несомнѣнно, крайне поверхностный. Для исторіи нѣтъ несовременныхъ вопросовъ, давнопрошедшее всегда отражается въ позднѣйшихъ временахъ своими послѣдствіями; значитъ, существенно важно знать, предвидѣли ли сошедшіе со сцены дѣятели эти послѣдствія и предполагали ли они ихъ осуществить? Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать, что, впредь до упраздненія въ законодательномъ порядкѣ государственнаго совѣта царства польскаго, отношеніе къ нему намѣстника Берга и Арцимовича было правильнѣе, нежели отношеніе къ нему Милютина. Въ 1864 году еще въ свѣжей памяти у всѣхъ былъ Высочайшій рескриптъ изъ Ливадіи 30 октября 1863 г., которымъ не отмѣнялись, а только откладывались предначертанныя преобразованія въ царствѣ польскомъ на лучшія времена. Затѣмъ послѣдовала командировка Милютина въ царство польское, подача имъ всеподданнѣйшей записки 21 декабря 1863 г. (Анучинъ въ „Русск. Старинѣ", въ статьѣ о Бергѣ, за январь, стр. 37). Допустимъ, что государь склонился къ идеѣ Милютина о совершенномъ упраздненіи автономіи царства польскаго. Это рѣшеніе не могло быть никому въ Варшавѣ извѣстно, притомъ оно не предрѣшало другого вопроса о будущемъ устройствѣ царства то-есть о введеніи въ немъ того отжившаго дореформеннаго порядка, который въ самой имперіи считался анахронизмомъ и надъ кореннымъ измѣненіемъ котораго работали и работаютъ донынѣ непрестанно, но безуспѣшно многочисленныя комиссіи. До выработки программы и плана будущаго устройства, логика и чувство законности требовали, чтобы неотмѣненныя еще установленія продолжали дѣйствовать и исполнятъ возложенныя на нихъ функціи, въ ожиданіи успокоенія края. Если бы государственный совѣтъ царства польскаго просуществовалъ еще до успокоенія края, можно было бы ожидать, что это установленіе останется. Оно было чисто административное, состоящее изъ заслуженныхъ людей,

назначаемыхъ правительствомъ, знакомыхъ съ нуждами и особенностями края, и полезное по своимъ заключеніямъ по части законодательныхъ преобразованій и по части контроля надъ администраціей края. Для губерній царства польскаго оно могло бы съ пользою замѣнять I-й департаментъ правительствующаго сената. Нынѣ и въ самой имперіи ставится вопросъ о децентрализаціи не политической, а только административной, о неправильности отношенія всепоглощающаго центра къ мертвеннымъ, безжизненымъ, атрофированнымъ конечностямъ, о томъ, чтобы центральные ǒрганы не все прибирали въ свои руки, послѣдствіемъ чего бываетъ то, что теченіе дѣлъ страшно замедлено, что дѣла рѣшаются поздно и безъ надлежащаго знанія условій каждаго края. Упраздненіе государственнаго совѣта царства польскаго не представлялось еще въ 1864 году очереднымъ вопросомъ; съ нимъ можно было не торопиться и повременить.

X.

Гораздо болѣе заботъ и непріятностей причинила Арцимовичу другого рода дѣятельность его, а именно участіе его, въ качествѣ члена, въ учредительномъ комитетѣ. Милютинъ появлялся въ Варшавѣ изрѣдка и только на самое короткое время: пріѣхалъ онъ въ послѣднихъ числахъ марта, уѣхалъ 25 апрѣля 1864 г.; опять пріѣхалъ 26 іюня и пробылъ только до іюля, торопясь въ Вильно, гдѣ долженъ былъ дожидаться съ своими докладами ѣдущаго въ Германію государя. Хлопотъ была бездна; количество работы, отбываемой съ напряженіемъ, громадное. Каждый день приходилось ложиться спать въ три или четыре часа ночи. „Послѣ потушенія мятежа—писалъ Арцимовичъ женѣ (*6 іюня 1864 г.*),—всѣ умничаютъ,—тысячи плановъ ломки. Въ безвоздушномъ пространствѣ легко созидаются всевозможныя комбинаціи административныхъ организацій или, лучше сказать, переста-

новокъ".—(*27 іюня 1864 г.*) „Не могу перемѣнить ни обстоятельствъ, ни моего личнаго расположенія или, лучше сказать, настроенія. Безъ сомнѣнія, я переживаю самый трудный періодъ въ моей жизни". — (*29 іюня 1864 г.*) „Больше и больше убѣждаюсь, что въ Варшавѣ нельзя устроиться".—(*19 іюля 1864 г.*) „Служба въ Варшавѣ до крайности непрочная. Не говорю о себѣ, но даже и намѣстники перемѣняются безпрерывно. Партія истребительная, во главѣ которой стоитъ Муравьевъ, сильно дѣйствуетъ противъ Берга. Объ этомъ громко говорятъ въ Варшавѣ".

По пріѣздѣ въ Варшаву, Арцимовичъ нашелъ учредительный комитетъ открытымъ, но еще неустроеннымъ и неукомплектованнымъ. Изъ письма къ женѣ, 20 мая 1864 г., оказывается, что онъ работалъ до того времени только вдвоемъ съ кн. Черкаскимъ, назначеннымъ управлять комиссіею внутреннихъ дѣлъ, къ которой, съ 6 іюня 1864 г., присоединено управленіе исповѣданіями, до тѣхъ поръ соединенное съ дирекціею просвѣщенія. Третьимъ членомъ коллегіи при совѣщаніяхъ бывалъ намѣстникъ; въ совѣщаніяхъ бывалъ и Милютинъ. Наканунѣ отъѣзда Милютина, 24 апрѣля 1864 г., Арцимовичъ сообщаетъ женѣ, что „*намѣренія Милютина составляютъ для меня тайну*". Онъ держитъ въ секретѣ отъ Арцимовича, будетъ ли имѣть постоянное мѣстопребываніе въ Варшавѣ, а равно и сдѣланное имъ 23 марта предложеніе Я. Соловьеву быть завѣдывающимъ дѣлами комитета, т. е. главнымъ въ немъ лицомъ. О планахъ насчетъ Соловьева Арцимовичъ узналъ только въ маѣ отъ Берга (письмо къ женѣ 3 мая 1864 г.) и отъ своего тестя Жемчужникова, сообщившаго ему 16 мая слѣдующее: „отъ управляющаго земскимъ отдѣломъ я узналъ, будто бы Милютинъ будетъ имѣть пребываніе въ С.-Петербургѣ, какъ статсъ-секретарь для доклада по дѣламъ царства польскаго. Вмѣсто Милютина въ учредительномъ комитетѣ будетъ Соловьевъ, котораго уже вытребовали зъ Парижа телеграммою". Въ томъ же письмѣ Жемчужниковъ передаетъ

своему зятю доходящіе до Варшавы слухи о разномысліи въ учредительномъ комитетѣ, о томъ, будто бы въ засѣданіи комитета Арцимовичъ предложилъ обсудить настоящее положеніе дворянства въ царствѣ, которое, при приведеніи въ исполненіе указовъ 19 февраля 1864 г., не только разстраивается въ матеріальномъ отношеніи, но и утрачиваетъ давно дарованныя этому сословію права. „На это,—пишетъ Жемчужниковъ,—князь Черкаскій замѣтилъ тебѣ, что ты, состоя калужскимъ губернаторомъ, совершенно противоположно смотрѣлъ и дѣйствовалъ по сему предмету. Милютинъ поддержалъ замѣчаніе Черкаскаго, между вами завязался энергическій споръ, который былъ прекращенъ графомъ Бергомъ, принявшимъ, до нѣкоторой степени, твою сторону“.

Слухи были фальшивые. Они могли обращаться только въ средѣ людей, не знакомыхъ съ тѣмъ, что въ царствѣ польскомъ не было никакого дворянства съ 1807 г. и не могло быть никакихъ правъ, дарованныхъ этому сословію русскими монархами. Арцимовичъ поставленъ былъ въ необходимость опровергать преувеличенія, дѣлающія изъ мухи слона и исказившія до неузнаваемости фактъ, лежавшій въ ихъ основѣ (письмо 20 апрѣля 1864 г.). „Рѣчей въ учредительномъ комитетѣ не бываетъ; это — учрежденіе чисто-административное, и всѣ совѣщанія происходятъ въ немъ келейно. Такъ какъ почти всегда можно найти основаніе, давшее поводъ къ слуху, то я и догадываюсь, что слухъ можетъ быть послѣдствіемъ довольно горячей бесѣды въ кругу чиновниковъ и военныхъ, приглашенныхъ въ предсѣдатели крестьянскихъ комиссій. На этой бесѣдѣ присутствовали и другіе члены учредительнаго комитета. Я говорилъ о необходимости ограничивать личный произволъ исполнителей, о пользѣ легальныхъ пріемовъ при исполненіи новаго закона, о вредѣ порывистыхъ дѣйствій и проч. Такъ какъ окружающіе высказывались въ противномъ смыслѣ, то, несмотря на мою сдержанность, я невольно воодушевился. Поясняю фактъ, не придавая ему, впрочемъ, здѣсь, на мѣстѣ, никакого значенія“.

1 іюня 1864 г., Арцимовичъ писалъ женѣ: „Въ настоящее время все дѣло (въ учредительномъ комитетѣ) лежитъ на Черкаскомъ и на мнѣ. Работать трудно, помощниковъ почти нѣтъ. Съ Черкаскимъ мы видимся ежедневно, очень часто и много толкуемъ, но тяжело дѣйствовать въ такой сферѣ, гдѣ нѣтъ никакого твердаго устоя. Кто не носитъ въ себѣ, въ своихъ убѣжденіяхъ, твердыхъ основаній, тотъ подвергается безпрерывно искушеніямъ самоуправія“. Не все шло гладко. 14 мая, Арцимовичъ пишетъ женѣ: „Былъ занятъ и встрѣтилъ непріятности,—были столкновенія, которыя отразились, по обыкновенію, на ногѣ“. Двѣ недѣли спустя, 1 іюня 1864 г., Арцимовичъ пишетъ, что споры кончились сдѣлкою посредствомъ уступокъ. „Послѣ сильныхъ передрягъ, не получившихъ огласки, общіе государственные виды побороли всѣ личныя столкновенія, и дѣло подвигается, но что̀ будетъ дальше — неизвѣстно. Какъ примѣнятся къ дѣлу новые члены?“ — Арцимовичъ поздоровѣлъ, и боль въ ногѣ прекратилась. Между тѣмъ, онъ успѣлъ наладить тѣ работы, которыя послужили къ устроенію крестьянъ и поступили потомъ либо въ учредительный комитетъ либо въ государственный совѣтъ царства польскаго. Образована, подъ предсѣдательствомъ Арцимовича, особая комиссія изъ двухъ, кромѣ него, членовъ комитета для разбора прошеній и жалобъ, подаваемыхъ на крестьянскія комиссіи и комиссаровъ. Она должна была сама кончать всѣ дѣла по вопросамъ, разрѣшаемымъ указами 19 февраля 1864 г., и вносить въ общее собраніе комитета только случаи спорные, этими законами не предусмотрѣнные (постановленіе 4 іюня 1864 г.). Тогда же, подъ руководствомъ Арцимовича, образовано множество разныхъ комиссій по спеціальнымъ вопросамъ, въ каковыя комиссіи онъ привлекалъ мѣстныхъ служащихъ поляковъ отъ разныхъ министерствъ-дирекцій. Знаніе польскаго языка, бывшаго до того времени дѣловымъ въ царствѣ польскомъ, значительно помогало Арцимовичу въ его работахъ. Особеннымъ довѣріемъ его пользовался по этой части чело-

вѣкъ, съ которымъ онъ сблизился въ государственномъ совѣтѣ царства польскаго, весьма способный и талантливый статсъ-референдарій Людвигъ Штуммеръ.

Къ концу лѣта личный составъ учредительнаго комитета значительно увеличился назначеніемъ новыхъ членовъ. Прежде другихъ назначенъ хорошій знакомый и пріятель Арцимовичей по Москвѣ, Александръ Ивановичъ Кошелевъ, пріѣхавшій еще въ іюнѣ и занявшій должность директора въ комиссіи финансовъ. Арцимовичъ отмѣтилъ въ письмѣ къ женѣ (16 іюля 1864 г.): „Сидѣлъ у меня Кошелевъ; и голосъ, и смѣхъ его, меня восхищаютъ. Онъ очень доволенъ, что попалъ въ организаторы страны, которой не знаетъ и, вѣроятно, никогда не узнаетъ“. Затѣмъ назначены Яковъ Соловьевъ и, по выбору намѣстника, бывшій минскій военный губернаторъ Заболоцкій и бывшій подольскій губернаторъ Брауншвейгъ. О Соловьевѣ имѣются только такія отмѣтки въ письмахъ Арцимовича къ женѣ: онъ былъ въ Варшавѣ съ 14 по 17 мая 1864 г., проѣздомъ изъ Парижа въ Петербургъ; его угощали обѣдами Бергъ, Черкаскій и Арцимовичъ, у котораго обѣдало двѣнадцать человѣкъ. „Сужденіями Соловьева я доволенъ“,—замѣчаетъ Арцимовичъ.

Первыя засѣданія въ новомъ комплектѣ начались въ августѣ 1864 г. *4 августа*, пишетъ Арцимовичъ: „возвратился изъ учредительнаго комитета; все обошлось довольно хорошо“. *23 августа:* „Сегодня было продолжительное засѣданіе, и по обыкновенію споръ съ Черкаскимъ. Были у меня Кошелевъ, кн. Черкаскій и Соловьевъ. Мы толковали о разныхъ дѣлахъ, высказывали другъ другу многія истины и разошлись безъ непріязни“. *29 августа*, Арцимовичъ сообщаетъ женѣ о пожалованіи ему ордена Владиміра 2-й степени: „итакъ, еще однимъ наружнымъ украшеніемъ больше“. *7 сентября*, онъ пишетъ: „Соловьевъ прихворнулъ; онъ совершенно теряется и сдѣлался до крайности раздражителенъ, на многое смотритъ съ канцелярской точки зрѣнія и самолюбивъ до нѣльзя“.

Наше повѣствованіе доведено теперь до момента, когда отношенія между Соловьевымъ и сторонниками Милютина съ одной стороны, а Арцимовичемъ—съ другой, обострились и стали крайне неріязненны. Этотъ моментъ совпалъ съ переселеніемъ въ Варшаву семьи Арцимовича, проживавшей въ Москвѣ и поселившейся во флигелѣ намѣстниковскаго дворца. Сначала Анна Михайловна Арцимовичъ, урожденная Жемчужникова, пріѣхала въ Варшаву одна на короткое время повидаться съ мужемъ, въ концѣ іюля 1864 г. Она очутилась въ Варшавѣ въ тотъ моментъ, когда объявленъ былъ приговоръ о смертной казни для пяти человѣкъ послѣдняго состава народнаго ржонда, съ Траугутомъ во главѣ. Она была сильно взволнована этимъ событіемъ, котораго никакъ не ожидала, потому что считала Варшаву и край совсѣмъ успокоенными. Въ этотъ самый моментъ сдѣлалъ ей визитъ намѣстникъ, графъ Бергъ, и засталъ ее одну. Анна Михайловна не могла совладать со своими скорбными чувствами и стала просить намѣстника со слезами о пощадѣ и помилованіи. Графъ Бергъ заѣхалъ на нѣсколько минутъ, но пробылъ, успокаивая ее, болѣе часа. Приговоръ не могъ не быть исполненъ, но вскорѣ послѣ отъѣзда жены, 5 августа 1864 г., Викторъ Антоновичъ писалъ къ ней: „Ты такъ горячо, смѣло и неожиданно для меня ратовала съ графомъ Бергомъ противъ смертной казни, что я спѣшу сообщить тебѣ новость. Твой противникъ отступилъ отъ своихъ, казавшихся непреложными, заявленій, и изъ трехъ, вновь осужденныхъ на смерть, повѣсилъ только одного, а двухъ, по прочтеніи имъ смертнаго приговора, простили...“ Съ переселеніемъ на постоянное жительство въ Варшаву семейства В. А. Арцимовича изсякъ самый обильный источникъ данныхъ для изображенія дѣятельности его за послѣдніе мѣсяцы 1864 г. и почти за весь 1865 г.: прекратилась переписка. Общее понятіе о родѣ этой дѣятельности и о ея результатахъ даютъ оставшіяся въ его бумагахъ черновыя замѣтки, письмо Анны Михайловны Арцимовичъ къ брату своему Алексѣю, написанное по

просьбѣ мужа и почти подъ его диктовку, и пространное письмо Виктора Антоновича, отъ 14 февраля 1865 г., къ своему тестю, сенатору М. Н. Жемчужникову. Постараюсь изложить въ этихъ данныхъ отношеніе В. А. Арцимовича къ осуществляемой въ царствѣ польскомъ крестьянской реформѣ.

XI.

Сенаторъ Михаилъ Николаевичъ Жемчужниковъ исправлялъ въ правительствующемъ сенатѣ ту самую должность, которая потомъ возложена была и на В. А. Арцимовича, а именно старшаго члена или первоприсутствующаго въ первомъ департаментѣ сената. Письма свои къ тестю Арцимовичъ подписывалъ обыкновенно такъ: „полонъ сыновней любви". Онъ безконечно дорожилъ добрымъ мнѣніемъ и благорасположеніемъ тестя. Онъ опасался, какъ бы на М. Н. Жемчужникова не подѣйствовали ложные слухи изъ Варшавы о томъ, будто бы онъ измѣняетъ русскому дѣлу въ царствѣ польскомъ, будто бы онъ становится на сторону поляковъ, будто бы къ нему подъѣхали и прибрали его въ свои руки знатные польскіе паны. Былъ моментъ, когда Арцимовичу показалось, что эти добрыя отношенія къ тестю поколеблены, и когда онъ предположилъ, впрочемъ ошибочно, что виновникомъ этой перемѣны былъ Милютинъ. Онъ и записалъ въ своихъ черновыхъ набраскахъ (безъ числа): „Я все готовъ простить Милютину, но никогда ему не прощу намѣренія возбудить ссору семейную, разрушить добрыя отношенія между нами (мною и тестемъ)". Арцимовичъ счелъ необходимымъ, не скажу оправдываться, но изложить тестю весь свой образъ дѣйствія. Таково содержаніе его письма, помѣченнаго 14 февраля 1865 г.:

„Крестьянская реформа въ царствѣ польскомъ предпринята не изъ одного доброжелательства къ крестьянскому классу, но и изъ злобы и мщенія къ высшему

сословію землевладѣльцевъ. Я считаю, что въ дѣлахъ государственныхъ злоба и месть дурные совѣтники. Я никогда не подчинюсь ученію іезуитовъ, для которыхъ цѣль оправдываетъ средства. Я долженъ вамъ напомнить, что въ царствѣ польскомъ давно уже не было крѣпостного права, не было дворянскихъ собраній, не было даже дворянскаго сословія, а были только потомки дворянъ, сохранявшіе, какъ землевладѣльцы, патримоніальную власть на своихъ земляхъ. Они злоупотребляли этою властью, притѣсняли крестьянъ, стѣсняли ихъ въ земельныхъ угодьяхъ, но это уже все кончено,—крестьяне получили землю въ собственность, и патримоніальная власть уничтожена. Въ настоящее время передъ государственными людьми являются два класса землевладѣльцевъ: 1) владѣльцы большой собственности и 2) крестьяне-владѣльцы малой собственности. Спрашивается: слѣдуетъ ли, устраивая малую собственность, разрушать безвозвратно хозяйство большой собственности? Съ своей стороны, я отвѣчаю рѣшительно, что подобная мѣра была бы безнравственна и даже преступна—это была бы величайшая несправедливость и ошибка въ государственныхъ видахъ. На основаніи указовъ, значительная часть земель переходитъ въ собственность не только крестьянъ, поселенныхъ на крестьянскихъ земляхъ, но и въ собственность колонистовъ, нѣмцевъ и разныхъ пришельцевъ, нанявшихъ по контрактамъ не крестьянскую, а фольварковую землю, отданную имъ въ аренду на 5, 10, 15, 25 и т. д. лѣтъ. Словомъ, если бы я отдалъ пожалованную вамъ самарскую землю въ аренду крестьянамъ на одинъ годъ до изданія указа, то жена моя лишилась бы своего достоянія и получила бы очень незначительное вознагражденіе за эту землю. Нерѣдко случается, что помѣщикъ остается совсѣмъ безъ земли, а между тѣмъ на немъ лежитъ прежняя обязанность уплатить всѣ долги и, не получая чинша, оплачивать лежащія на его имѣніи подати и повинности. Выкупъ совершается въ значительной части *больше половины* на счетъ самихъ помѣщиковъ. Несмотря на

уменьшеніе земель, большая собственность обложена дополнительною податью, такъ что, считая ликвидаціонный выкупной капиталъ въ 50 милліоновъ, помѣщики уплачиваютъ не менѣе 26 милліоновъ самимъ себѣ. По расчисленію приходится на каждую остающуюся у помѣщиковъ десятину уплачивать до 76 копѣекъ подати. Кромѣ того, на поземельной собственности останется до 200 милліоновъ рублей долговъ и, — что̀ *самое пагубное,* — право крестьянъ на лѣсные и пастбищные сервитуты въ лѣсахъ и поляхъ помѣщиковъ. Спрашивается: выдержитъ ли большая собственность всѣ эти тяжести? Ежели система Милютина, Черкаскаго и Соловьева безусловно восторжествуетъ, то чрезъ нѣсколько лѣтъ не будетъ большихъ хозяйствъ, все придетъ въ разстройство и упадокъ. Не нужно забывать, что всѣ эти перемѣны совершаются въ такое время, когда послѣ революціи всѣ средства истощены, когда терроръ ржонда и контрибуція нашего правительства довели многихъ до совершеннаго разстройства. Нѣкоторыя комиссіи, надѣляя крестьянъ сервитутами, возлагаютъ на помѣщиковъ обязанность давать топливо и чинить дома крестьянъ, покупая для того дрова и лѣсъ въ имѣніяхъ, гдѣ нѣтъ лѣсныхъ дачъ и никогда ихъ не было,—другими словами, облагаютъ помѣщиковъ ежегоднымъ чиншемъ. Кромѣ того, всѣ избы и дома, построенные помѣщиками для батраковъ, переходятъ къ симъ послѣднимъ въ собственность, такъ что, для поддержанія хозяйства, нужно приступать къ постройкѣ новыхъ помѣщеній. Совокупность всѣхъ этихъ разнородныхъ причинъ заставляетъ меня дѣйствовать осмотрительно и сдерживать смѣлую односторонность моихъ товарищей. Это заставляетъ кричать, увѣрять, что я ополячился. Но я только и въ Польшѣ сохранилъ чувство справедливости и не могу допустить, чтобы мы призваны были къ разрушенію большой собственности и оставили бы послѣ себя развалины и справедливыя нареканія многихъ семействъ. Касательно моихъ отношеній къ Милютину, я долженъ сказать, что держу себя независимо, не вхожу въ канце-

лярскую интригу, высказываю истину не только въ комитетѣ, но и всегда, когда только представляется случай. Графъ Бергъ, окруженный происками въ С.-Петербургѣ, обращается ко мнѣ за совѣтами. Это не можетъ укрыться отъ зоркихъ глазъ Черкаскаго и даетъ поводъ къ большимъ неудовольствіямъ. Я все это предвидѣлъ и не хотѣлъ ѣхать въ Варшаву. Я долго уклонялся отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ, что возбудило ко мнѣ *довѣріе* на мѣстѣ и *недовѣріе* въ Петербургѣ. Что изъ этого произойдетъ? — трудно предвидѣть. Если эти столкновенія приведутъ къ почетной отставкѣ, то буду очень радъ и буду помогать женѣ воспитывать дѣтей“.

Письмо Анны Михайловны Арцимовичъ къ брату ея Алексѣю писано въ 1865 г., повидимому въ мартѣ. Оно сообщаетъ нѣкоторыя подробности о столкновеніяхъ въ учредительномъ комитетѣ, существенно мѣшавшихъ тому, чтобы дѣла въ комитетѣ шли порядочно или, по крайней мѣрѣ, прилично. Заимствуемъ изъ этого письма нѣкоторыя мѣста. „Як. Соловьевъ хлопочетъ о томъ, чтобы сосредоточить у себя крестьянское дѣло, то-есть, хочетъ, чтобы все исходило отъ него и чтобы всѣ думали, что онъ олицетворяетъ собою дѣло освобожденія. Онъ даже самъ увѣрился въ правдивости своего воззрѣнія, и не только не терпитъ чьего бы то ни было вмѣшательства, но не допускаетъ противорѣчія. По одному дѣлу, въ которомъ мужъ не согласился съ нимъ и подалъ особое мнѣніе, Соловьевъ изъ этого мнѣнія многое выпустилъ, часть передѣлалъ, а часть исказилъ до того, что мнѣніе мужа сдѣлалось неузнаваемымъ. Соловьевъ подчинился совершенно Черкаскому и, по своей невоспитанности, не умѣлъ даже сохранить приличія формъ. Въ одномъ засѣданіи комиссіи о ликвидаціонныхъ листахъ и о правѣ третьихъ лицъ, въ которомъ, кромѣ мужа, присутствовали Кошелевъ, Черкаскій и Соловьевъ, всѣ долго спорили, не понимая дѣла и не приходя ни къ какому результату. Видя это, мужъ предложилъ собрать лучшихъ здѣшнихъ юристовъ и съ помощью ихъ уладить дѣло. Соловьевъ и

отчасти Черкаскій напали за это предложеніе на мужа, который, будучи выведенъ изъ терпѣнія рѣзкостью Соловьева, сказалъ, что если бы Императоръ не хотѣлъ, чтобы они принимали въ соображеніе мѣстные обычаи и законы, то не прислалъ бы ихъ сюда, а приказалъ бы съ помощью штыковъ исполнять распоряженія, присылаемыя изъ Петербурга. Потомъ мужъ прибавилъ, что, считая необходимымъ выяснить такой важный вопросъ, несмотря на протоколъ, все-таки соберетъ комиссію, трудъ которой внесетъ въ учредительный комитетъ. Онъ собиралъ ежедневно, даже по воскресеньямъ, такую комиссію и, по окончаніи работы, представилъ ее въ комитетъ. Сперва Соловьевъ хотѣлъ присвоить эту работу себѣ, т. е. не включать въ журналъ, что надъ нею трудилась комиссія подъ предсѣдательствомъ мужа. Мужъ, натурально, возсталъ противъ такой утайки. Соловьевъ напечаталъ записку, но, въ пику мужу, на каждомъ шагу, кстати и некстати, 28 разъ (буквально) повторилъ: „юридическая польская комиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора Арцимовича". Кромѣ того, онъ снова много выпустилъ, сократилъ и видоизмѣнилъ до неузнаваемости. Поэтому можешь судить, чѣмъ занимается учредительный комитетъ. Дѣла между тѣмъ не двигаются, а предсѣдатель комиссіи, напримѣръ, Пещуровъ и Долгово-Сабуровъ, жалуются на застой. Впрочемъ, многіе начали теперь понимать духъ Черкаскаго и Соловьева—и отходятъ отъ нихъ. Соловьева считаютъ человѣкомъ неразвитымъ и самолюбивымъ. Черкаскаго не смѣютъ бранить гласно, какъ Соловьева, но отстаютъ отъ него. 19 февраля, устроенъ былъ по подпискѣ обѣдъ, на который допущены только избранные. Обиженные этимъ, недопущенные чиновники учредительнаго комитета и другіе устроили 21 февраля, опять-таки по подпискѣ, другой обѣдъ, на который желали пригласить только одного Виктора Антоновича, но болѣе благоразумные отклонили это, боясь, что это могутъ принять за демонстрацію и что они причинятъ мужу новыя непріятности, которыхъ и такъ уже

слишкомъ много. На второмъ обѣдѣ было пятьдесятъ человѣкъ, а на первомъ всего двадцать.

„Въ учредительномъ комитетѣ былъ еще весьма горячій и по формѣ весьма грубый споръ. Соловьевъ во время засѣданія старался набросить тѣнь на мужа, не называя его, впрочемъ, по имени,—что онъ хочетъ, будто бы, удалить всѣхъ русскихъ, замѣнивъ ихъ исключительно поляками, при чемъ намекалъ на измѣну и тому подобное. Соловьевъ говорилъ такимъ дерзкимъ тономъ, что мужъ замѣтилъ ему, что во время засѣданія комитета подобные споры и принятый имъ менторскій тонъ совершенно неприличны. Съ этого засѣданія мужъ вернулся во второмъ часу ночи. У меня сидѣла О. Ѳ. Кошелева. Мы вмѣстѣ ждали результата засѣданія, такъ какъ и я предвидѣла, что бури не миновать. Мужъ вернулся во второмъ часу ночи. Когда мой мужъ вошелъ ко мнѣ, то на немъ лица не было. Блѣдность его заставила меня опасаться нервнаго удара"... Конецъ письма содержитъ слѣдующее: „Теперь Милютинъ набираетъ юристовъ изъ недавно вышедшихъ юныхъ и неопытныхъ правовѣдовъ (изъ училища правовѣдѣнія). Снаряжая ихъ на такое важное дѣло и давая имъ инструкціи, онъ, между прочимъ, говоритъ, что въ Варшавѣ двѣ партіи: Черкаскаго и Арцимовича, и что онъ совѣтуетъ имъ присоединиться къ партіи Черкаскаго. Теперь между мужемъ и этими людьми возникаетъ новый споръ вслѣдствіе того, что они, изъ нелюбви и недовѣрія къ мѣстнымъ жителямъ, хотятъ часть судебной или мировой власти на мѣстахъ передать военнымъ начальникамъ. Мужъ, безъ сомнѣнія, съ этимъ согласиться не можетъ, чтобы не увѣковѣчить въ странѣ военный произволъ".

Крупный вопросъ, на который намекаетъ письмо, разбирался въ учредительномъ комитетѣ въ началѣ 1865 г. Обыкновенныхъ судовъ первой инстанціи или трибуналовъ было въ царствѣ польскомъ только девять. Хотя указомъ 19 февраля 1864 г. объ образованіи гминнаго управленія установлены мелкіе гминные суды, но ихъ компетенція ограничена исками до 30 рублей. Между тѣмъ, участи-

лись жалобы помѣщиковъ на порубки въ лѣсахъ, на потравы полей и луговъ и на нарушенія договора личнаго найма рабочими. Такъ какъ въ то же время учредительный комитетъ поручилъ завѣдующему его дѣлами Я. Соловьеву, по соглашенію съ генералъ-полиціймейстеромъ Треповымъ, составить инструкцію для полицейскихъ начальниковъ, то составители инструкціи признали возможнымъ предоставить долю судебной власти полицейскимъ начальникамъ, уполномочивъ ихъ рѣшать дѣла о потравахъ, порубкахъ и о наймѣ рабочихъ, когда предметъ иска превышалъ 30 рублей, но не переходилъ за 200 р., то-есть не входилъ въ компетенцію трибуналовъ. Это предложеніе прошло въ учредительномъ комитетѣ по большинству голосовъ, несмотря на оппозицію трехъ членовъ, подавшихъ особое мнѣніе: Арцимовича, Кошелева и Брауншвейга. Вотъ что писалъ объ этомъ случаѣ Арцимовичъ въ письмѣ, 7 февраля 1865 года, къ Алексѣю Жемчужникову: „Появилась уродливая мысль довѣрить дѣло чисто гражданскихъ отношеній военнымъ прапорщикамъ и поручикамъ, квартирующимъ въ царствѣ польскомъ. Для чего же, спрашиваю, вся строгость наказанія, удаленіе тысячей вредныхъ людей, для чего предприняты громадныя реформы; съ какою цѣлью положено начало общественному управленію, ежели власть суда по снятіи военнаго положенія должна оставаться въ рукахъ людей, не имѣющихъ пониманія условій гражданской жизни? Если подобныя мысли восторжествуютъ, то, безъ сомнѣнія, наглядно представится бездарность дѣятелей, которые, пріѣхавъ въ страну, отвернулись отъ всякихъ мѣстныхъ жителей, отталкиваютъ ихъ съ безпредѣльною злобою, не хотятъ искать опоры въ странѣ и, прикрываясь чувствомъ патріотизма, отдаютъ новыхъ собственниковъ въ зависимость грубому произволу и безначалію“... Въ черновыхъ набросках имѣется отмѣтка: „Зачѣмъ было издерживать такія огромныя суммы, вызывая насъ изъ имперіи; можно бы поручить все дѣло генералу Бакланову (казацкій генералъ,

одинъ изъ исправнѣйшихъ исполнителей мѣропріятій М. Н. Муравьева въ сѣверо-западномъ краѣ)“.

Письмо Анны Михайловны Арцимовичъ къ брату затрогиваетъ еще одинъ вопросъ существенный, а можетъ быть и самый крупный изъ числа тѣхъ, по которымъ существовало полное разномысліе между В. А. Арцимовичемъ и Милютинымъ. По этому вопросу они сталкивались другъ съ другомъ и въ Варшавѣ, и въ Петербургѣ. То былъ вопросъ о немедленномъ безотлагательномъ преобразованіи судебной части въ царствѣ польскомъ, при дружномъ содѣйствіи какъ ученыхъ юристовъ, вызванныхъ изъ имперіи, такъ и изъ мѣстныхъ техниковъ по судебной части, изъ чиновниковъ царства польскаго, поляковъ.

XII.

Виктора Антоновича Арцимовича преслѣдовала неотступно идеи безотлагательнаго введенія судебной реформы въ царство польское. Мысль эту онъ успѣлъ внушить и намѣстнику. Вотъ что̀ онъ писалъ въ началѣ 1865 г. къ своему товарищу по училищу правовѣдѣнія, Михаилу Евграфовичу Ковалевскому, бывшему тогда оберъ-прокуроромъ въ одномъ изъ отдѣленій 5-го департамента правительствующаго сената: „Вмѣстѣ съ крестьянской реформой, создающей около 500,000 новыхъ мелкихъ собственниковъ, необходимо преобразовать судоустройство и судопроизводство, сложившіяся подъ вліяніемъ представителей крупной собственности. Судъ здѣсь производится дорого и недоступно для мелкихъ классовъ народа. Этотъ порядокъ слѣдуетъ измѣнить и положить основаніе для дешеваго и по возможности безпристрастнаго суда. Безъ судебной реформы въ странѣ не перестанетъ владычествовать произволъ, ибо не будетъ основы, не будетъ рычаговъ и орудій для водворенія законнаго порядка. Правительство царства офиціально проситъ вашего содѣйствія. Съ моей стороны обращаюсь къ вамъ съ просьбою и съ совѣтомъ, не только

не уклоняться отъ участія въ хорошемъ дѣлѣ, но по возможности облегчить затрудненія, которыя могутъ возникнуть на мѣстѣ (въ С.-Петербургѣ), въ сферахъ правительственныхъ. Поработаемъ вмѣстѣ въ хорошемъ климатѣ, и, можетъ быть, удастся намъ улучшить судъ и положить преграды развитію неправды въ области гражданскихъ отношеній пятимилліоннаго (въ то время) населенія. Страна, поставленная внѣ закона, жаждетъ и ищетъ охраны для установленія законнаго порядка. Предполагается образовать комиссію для составленія проекта преобразованія судебной части въ царствѣ польскомъ изъ мѣстныхъ юристовъ и русскихъ законовѣдовъ. Въ этихъ видахъ графъ Бергъ просилъ государя о командированіи васъ, дорогой Михаилъ Евграфовичъ, Яневича-Яновскаго, Плавскаго, Тюрина и Спасовича. Плавскаго и Тюрина я не знаю, но говорили мнѣ о нихъ, какъ о людяхъ способныхъ“. Въ запискѣ, поданной намѣстнику въ октябрѣ 1864 г., названы Арцимовичемъ и лица, которыхъ предполагаютъ привлечь въ комиссію изъ юристовъ уроженцевъ царства польскаго: сенаторъ Ромуальдъ Губе, составитель русскаго уложенія о наказаніяхъ 1845 года, донынѣ дѣйствующаго, Дуткевичъ, Лонцкій, директоръ комиссіи юстиціи Восинскій, статсъ-секретарь Карницкій, членъ сената Шатынскій, оберъ-прокуроръ правительствующаго сената Хвалибогъ, профессоръ варшавскаго университета Владиславъ Голевинскій, К. Малковскій. Изъ этого списка графъ Бергъ выбралъ слѣдующихъ, на которыхъ остановился: Губе, Дуткевичъ, Лонцкій и Восинскій. Въ этомъ же представленіи приведены были и тѣ вышепоименованныя лица въ числѣ пяти, которыхъ предполагалось пригласить на ту же работу въ Варшаву изъ Петербурга. При возвращеніи императора Александра II изъ-за границы, на участкѣ пути отъ Вержболова въ Вильну, 15 октября 1864 года, намѣстникъ исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе на назначеніе въ предполагавшуюся къ учрежденію комиссію для преобразованія судебной части въ царствѣ польскомъ предсѣдателемъ Арцимовича и членами Губе, Лонцкаго,

Дуткевича и Восинскаго. При этомъ случаѣ Бергъ подалъ три записки, которыя были государемъ препровождены на заключенiе комитета по польскимъ дѣламъ, а слѣдовательно поступили къ Милютину. Одна изъ этихъ записокъ по формѣ своей была неудачная, если принять въ соображенiе обстоятельства того времени. Намѣстникъ ходатайствовалъ о постепенномъ ограниченiи надзора военной власти за судами и о постепенномъ обновленiи личнаго состава судебнаго вѣдомства, вызываемаго реформами, уже осуществляемыми, крестьянскою и по необходимости предпринятою судебною. Намѣстникъ предлагалъ руководящую роль по судебному преобразованiю предоставить Арцимовичу, возложивъ на него обязанность: 1) обозрѣть вѣдомство юстицiи въ царствѣ польскомъ, какъ въ центральныхъ, такъ и въ областныхъ его органахъ; 2) право предсѣдательствовать по важнѣйшимъ дѣламъ въ комиссiи юстицiи; 3) представлять намѣстнику о перемѣнахъ въ личномъ составѣ, необходимыхъ для улучшенiя управленiя юстицiи; наконецъ 4) обязать Арцимовича представить свои соображенiя о способахъ исполненiя даваемаго ему порученiя.

Записки графа Берга не могли не раздражить Н. А. Милютина. Онъ ихъ принялъ какъ посягательство на свой кругъ дѣйствiя, на свою власть и положенiе, наконецъ— какъ на ударъ, направленный противъ всей его системы. О степени его раздраженiя можно судить по письму его, отъ 30-го октября 1864 г., сообщенному его вдовѣ и напечатанному въ № 6 „Русской Старины“ за 1884 г., стр. 591: „Не знаю, извѣстно ли вамъ, что графъ Бергъ, при явномъ соучастiи N. (очевидно, Арцимовича) и Заборовскаго (Амвросiя Кипрiяновича), подалъ государю на желѣзной дорогѣ три записки. Въ одной онъ требовалъ въ самыхъ неприличныхъ выраженiяхъ *высылки* русскихъ чиновниковъ (другими словами, устраненiя меня отъ этого дѣла); въ другой онъ предлагаетъ для юридической комиссiи пять русскихъ чиновниковъ (изъ коихъ три— поляки и одинъ, С.,—отъявленный нигилистъ и повста-

нецъ [1]). Въ третьей запискѣ испрашивается для N. полномочіе не только ревизовать всю юстицію, но и дѣлать высшія распоряженія по этой части. По всѣмъ тремъ запискамъ Бергу и его клевретамъ наклеены сильные носы. При этомъ подтверждено, чтобы юридическая комиссія была подвѣдомственна учредительному комитету и чтобы юристы были выбраны мною. Эти продѣлки показываютъ еще разъ, что надобно обратить особенное вниманіе на составъ юридической комиссіи. Теперь моя главная забота—найти людей надежныхъ, твердыхъ, дѣятельныхъ, которые бы обуздали N. и его польскихъ и русскихъ сообщниковъ. Кое-кого имѣю въ виду, но мало. Попридержите дѣйствіе юридической комиссіи. Набравъ людей (но не прежде), я пріѣду въ Варшаву, и самъ приму участіе въ окончательной программѣ дѣйствій и направленіи юридической комиссіи... Дѣло это первостепенной важности и находится въ связи съ самимъ крестьянскимъ дѣломъ".

Въ возгорѣвшейся такимъ образомъ борьбѣ намѣстникъ и Арцимовичъ испытали полное и рѣшительное пораженіе по всей боевой линіи. Въ отношеніи, отъ 9 декабря 1864 г., за № 431, Валеріана Платоновича Платонова, выражено, что, по мнѣнію комитета по дѣламъ царства польскаго и по правиламъ временно учрежденнаго въ концѣ 1863 г. военно-полицейскаго управленія, въ видахъ скорѣйшаго возстановленія порядка и общественной безопасности въ царствѣ, на генералъ-полиціймейстера и на военныхъ начальниковъ возложенъ ближайшій въ политическомъ отношеніи надзоръ надъ всѣми мѣстными жителями всякаго званія и состоянія; но вмѣстѣ съ тѣмъ предписано, чтобы чины этого управленія не вмѣшивались въ дѣла общей администраціи, выходящія изъ круга ихъ обязанностей, и тѣмъ менѣе въ дѣла судебныя, за исключеніемъ тѣхъ, которыя, по законамъ военнаго положенія, подлежатъ военному слѣдствію и суду. Порученный воен-

[1]) Изъ пяти лицъ, перечисленныхъ на стр. 437, въ строкахъ 14 и 15, послѣднія слова Н. А. Милютина въ его письмѣ 30 октября 1864 г. могутъ относиться только ко мнѣ.—14 декабря 1864 г. приказомъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія я былъ уволенъ отъ службы безъ прошенія.

но-судебному управленію общій надзоръ за порядкомъ не можетъ быть ослабленъ, пока необходимо военное положеніе и пока не достигнута полная цѣль возстановленія общественнаго спокойствія и безопасности. Ослаблять этотъ надзоръ нынѣ, когда совершаются преобразованія, требующія рѣшительныхъ мѣръ и энергическихъ дѣйствій, было бы крайне неосторожно, а ослабленіе этого надзора въ отношеніи одного судебнаго вѣдомства, при оставленіи его во всей силѣ въ отношеніи другихъ, было бы особенно неудобно и даже вредно, ибо, по отзыву статсъ-секретаря Милютина, въ ѳрганахъ судебнаго вѣдомства встрѣчается наименѣе сочувствія и наиболѣе противодѣйствія предпринимаемымъ правительствомъ преобразованіямъ.

По другому предположенію, о предоставленіи сенатору Арцимовичу права предсѣдательствовать по важнѣйшимъ дѣламъ въ правительственной комиссіи юстиціи, комитетъ признавалъ, что присвоеніе сего права Арцимовичу стѣснитъ самостоятельность какъ комиссіи юстиціи, такъ и предсѣдательствующаго въ ней главнаго директора, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабитъ и ихъ отвѣтственность. Эти соображенія послужили основаніемъ Высочайшаго повелѣнія 22 ноября 1864 г., которымъ предписано: 1) предоставить намѣстнику поручить члену учредительной комиссіи сенатору Арцимовичу обозрѣть вѣдомство юстиціи, какъ въ центральныхъ, такъ и въ губернскихъ его ѳрганахъ и собрать всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя, по ближайшимъ указаніямъ учредительнаго комитета, необходимы для предстоящихъ по судебному вѣдомству преобразованій; не касаясь, однако, судебныхъ мѣстъ военно-полицейскаго управленія, которыя не могутъ подлежать никакимъ измѣненіямъ; 2) сообщить намѣстнику, что предположеніе о предоставленіи сенатору Арцимовичу права предсѣдательствовать въ правительственной комиссіи юстиціи признается неудобнымъ, тѣмъ болѣе, что на неудобство этой мѣры было уже обращено вниманіе его императорскаго величества въ 1862 году, когда право такого предсѣдательства предоставлялось бывшему начальнику гражданскаго управленія, маркизу Вѣлёпольскому.

Еще чувствительнѣе для Арцимовича было отношеніе статсъ-секретаря В. П. Платонова къ намѣстнику, того же 9 декабря 1846 г., за № 426; хотя оно не касалось его лично, но существенно предрѣшало устройство и ходъ работъ по предполагавшейся къ открытію юридической комиссіи и разрушало въ самомъ основаніи систему Арцимовича, заключающуюся въ томъ, что преобразованіе страны въ русскихъ интересахъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы не запречь въ эту работу и поляковъ, и что, устраняя ихъ, русскіе не усиливаютъ себя, но ослабляютъ; наконецъ, разрушая старое устройство и юриспруденцію, надлежитъ создавать новую и лучшую, а выработать ее невозможно безъ знанія мѣстныхъ условій и прошедшаго страны. Историческая часть бумаги, за № 426, доказываетъ, что Милютинъ, при самомъ назначеніи его въ царство польское, получилъ обширныя полномочія, выходящія за предѣлы крестьянскаго вопроса; что онъ ими пользовался, расширяя свой кругъ дѣйствія, и уже предупредилъ Арцимовича и намѣстника также и по вопросу о судебной реформѣ въ царствѣ польскомъ, приложивъ къ этому вопросу свою руку.

Понятно само собою, что при первомъ приступѣ къ устройству крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ нельзя было искать исполнителей чисто русскаго мѣропріятія въ самомъ царствѣ между мѣстными жителями, а необходимо было прибѣгнуть къ русскимъ уроженцамъ. Имперскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ предложено было оказывать возможное содѣйствіе къ пріисканію подходящихъ русскихъ дѣятелей благонадежныхъ и способныхъ, а ихъ избраніе и приглашеніе съ назначеніемъ содержанія предоставлено, по Высочайшему повелѣнію 7 февраля 1864 г., Милютину, самое же ихъ опредѣленіе къ должности возложено на учредительный комитетъ съ согласія намѣстника. Такія командировки получили 150 человѣкъ, изъ которыхъ возвратились только 4 или 5, и, по удостовѣренію Милютина, не по неспособности, а по болѣзнямъ или другимъ обстоятельствамъ. Хорошій успѣхъ этой системы привлеченія рус-

скихъ дѣятелей въ царство склонилъ правительство примѣнять ее и къ другимъ, кромѣ крестьянскаго, преобразованіямъ, въ томъ же направленіи и духѣ, напримѣръ, къ преобразованіямъ по учебной части въ царствѣ польскомъ, съ тою разницею, что пришлось ихъ набирать не только въ Петербургѣ, а можно было предоставить ихъ выборъ новому директору комиссіи народнаго просвѣщенія, Ѳ. Ѳ. Витте, вполнѣ знакомому съ видами правительства.

Въ сентябрѣ 1864 г. представлена была Милютинымъ записка, Высочайше одобренная 5 октября 1864 г., о работахъ бывшей кодификаціонной комиссіи царства польскаго, въ заключеніи которой стояло предложеніе объ образованіи особой комиссіи для пересмотра изготовленныхъ кодификаціонною комиссіею матеріаловъ и проектовъ по судебной части и для установленія новыхъ началъ будущей реформы. Казалось бы, что подобная комиссія, которой предоставлялась критическая оцѣнка матеріаловъ для будущаго законодательства, должна бы состоять изъ лицъ, годящихся для этой работы въ качествѣ техниковъ, то-есть изъ ученыхъ, изъ настоящихъ законовѣдовъ, но Милютину было извѣстно, что такихъ людей въ данную минуту въ Россіи нельзя найти, что въ самой Россіи и для нея ихъ было весьма мало, а въ судахъ практиковались и съ каѳедръ въ университетахъ преподавались — старые, отжившіе, дореформенные порядки, требующіе немедленнаго радикальнаго упраздненія. Посему Милютинъ пришелъ къ выводу, логически несогласимому съ возложенною на него задачею, котораго онъ и не пытался даже оправдывать, — что юридическая комиссія должна составиться изъ лицъ, принадлежащихъ къ числу „*извѣстнѣйшихъ русскихъ практическихъ юристовъ*“. Въ концѣ предложенія прибавлено: „избраніе сихъ послѣднихъ должно быть произведено на томъ же основаніи, какъ избирались доселѣ исполнители по крестьянскому дѣлу“. Вполнѣ усваивая себѣ взглядъ и заключенія Милютина, комитетъ по дѣламъ царства польскаго прибавилъ отъ себя по адресу намѣстника, что

опытъ непосредственнаго избранія въ Варшавѣ русскихъ юристовъ оказался неудобнымъ, такъ какъ изъ приглашенныхъ намѣстникомъ русскихъ юристовъ большинство не приняло предложеній, а нѣкоторыхъ, по прежней ихъ дѣятельности, которая не могла быть намѣстнику извѣстною, само правительство не могло командировать въ Варшаву. На основаніи этихъ заключеній комитета, послѣдовало, 22 ноября 1864 г., Высочайшее повелѣніе: порядокъ избранія и командированія русскихъ чиновниковъ въ царствѣ польскомъ для исполненія обязанностей, какъ по крестьянскому дѣлу, такъ и для занятій по преобразованію въ царствѣ польскомъ судебной части подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ учредительнаго комитета,—оставить безъ измѣненія, на тѣхъ основаніяхъ, какія опредѣлены Высочайшими повелѣніями 7 февраля и 23 сентября 1864 года.

Это Высочайшее повелѣніе изъяло окончательно судебную реформу царства польскаго изъ круга вѣдѣнія государственнаго совѣта царства польскаго, связало неразрывно юридическую комиссію съ учредительнымъ комитетомъ и поставило поступленіе въ нее русскихъ юристовъ въ исключительную зависимость отъ Милютина. Намѣстникъ не счелъ, однако, своего дѣла окончательно проиграннымъ и своего интереса въ немъ окончательно потеряннымъ. 9 января 1865 г. онъ сослался, въ своемъ отношеніи къ В. П. Платонову, на то, что при проѣздѣ государя въ Петербургъ онъ уже назвалъ лица изъ мѣстныхъ сановниковъ царства польскаго, подлежащія призыву въ юридическую комиссію, которыя удостоились Высочайшаго одобренія. Онъ проситъ доложить государю о немедленномъ открытіи въ Варшавѣ юридической комиссіи, ради избѣжанія потери времени, хотя бы до прибытія тѣхъ русскихъ юристовъ, которыхъ избраніе и командированіе еще не послѣдовали. Однимъ изъ основаній, приведенныхъ для подкрѣпленія этого ходатайства, было то обстоятельство, что судебные уставы для имперіи уже обнародованы 20 ноября 1864 г. и что новое законода-

тельство по судебной части для царства польскаго должно заключаться въ примѣненіи этихъ уставовъ, которое значительно облегчается тѣмъ, что новое судоустройство и судопроизводство по уставамъ 20 ноября 1864 г. во многомъ сходствуютъ съ тѣмъ порядкомъ, который давно уже существовалъ въ царствѣ.

Въ отказѣ, который послѣдовалъ и на это ходатайство намѣстника и который былъ ему сообщенъ Платоновымъ 28 февраля 1865 г., № 465, комитетъ по дѣламъ царства польскаго прежде всего выгораживаетъ послѣдовавшее уже Высочайшее соизволеніе на назначеніе предсѣдателемъ юридической комиссіи Арцимовича и членами ея членовъ государственнаго совѣта царства польскаго—Губе, Дуткевича, Лонцкаго и директора юстиціи Восинскаго, такъ что они должны считаться утвержденными. Но затѣмъ, задаваясь вопросомъ о томъ, можетъ ли юридическая комиссія не только совершать возложенное на нее порученіе, но даже приступить къ подготовительнымъ работамъ, къ разбору и сортировкѣ матеріаловъ,—комитетъ приходитъ къ безусловно отрицательному выводу по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего техническаго и основаннымъ на той свойственной Милютину и нескрываемой имъ мысли, что въ работѣ по судебной реформѣ политическій элементъ долженъ вполнѣ преобладать надъ юридическимъ. Выводъ этотъ выраженъ съ такою откровенностью, что хотя комитетъ допускаетъ, что въ юридической комиссіи сойдутся элементы и русскій и польскій, но не на условіяхъ равноправности членовъ-участниковъ, а только подъ условіемъ подчиненности польскаго элемента русскому и съ предоставленіемъ сему послѣднему — давать всей работѣ ходъ и направленіе. По мнѣнію комитета, опытъ тридцатилѣтія (1831—1863) доказалъ, что нельзя ожидать сочувствія преобразованію судебной части отъ мѣстныхъ дѣятелей, ибо при всѣхъ условіяхъ и пожертвованіяхъ правительства всѣ бывшіе доселѣ комиссіи и комитеты, труды которыхъ производились единственно мѣстными дѣятелями, не только не успѣли приготовить преобразо-

ванія, но даже и исполнить удовлетворительно предварительную матеріальную работу приведенія въ извѣстность дѣйствующаго въ царствѣ польскомъ законодательства въ цѣломъ его составѣ. Это—обвиненіе, направленное противъ мѣстныхъ дѣятелей поляковъ, явно неосновательное и, очевидно, напрасное. Самъ Милютинъ винилъ порядокъ, существовавшій при кн. Паскевичѣ въ царствѣ польскомъ, за полный застой въ управленіи царствомъ и возлагалъ этотъ застой на отвѣтственность одного русскаго правительства, а не поляковъ. Законодательныя работы, хотя бы только пріуготовительнаго свойства, возможны только по почину правительства и при посредствѣ назначаемыхъ правительствомъ лицъ. Къ отвѣтственности центральнаго управленія въ имперіи должно быть отнесено и бездѣйствованіе кодификаціонной комиссіи царства польскаго, устроенной въ Петербургѣ не изъ мѣстныхъ жителей царства польскаго и состоявшей подъ руководствомъ графа Блудова. „Въ настоящее время,—пишетъ комитетъ,—еще менѣе можно ожидать въ туземныхъ чиновникахъ сочувствія къ судебной реформѣ. Она должна быть направлена въ духѣ послѣднихъ правительственныхъ мѣръ, благая цѣль которыхъ мало соотвѣтствуетъ одностороннимъ взглядамъ и стремленіямъ мѣстныхъ чиновниковъ. При приведеніи въ дѣйствіе крестьянской реформы признано необходимымъ поручить ее русскимъ дѣятелямъ, что одно обезпечило успѣхъ этого дѣла. При предстоящемъ преобразованіи весьма полезнымъ пособіемъ будутъ служить судебные уставы имперіи 20 ноября 1864 г., и вообще необходимо имѣть постоянно въ виду возможное сближеніе законодательства царства съ русскимъ законодательствомъ. Но въ то же время нельзя не принять во вниманіе, что новые судебные уставы составлены для страны, находящейся совсѣмъ въ другихъ политическихъ и общественныхъ условіяхъ, чѣмъ царство польское, въ которомъ революціонные и враждебные правительству элементы легко могутъ найти себѣ убѣжище подъ покровомъ судебныхъ гарантій и даже обратить ихъ въ политическое орудіе противъ законной власти. Вообще, при

разрѣшеніи юридическихъ вопросовъ по царству польскому необходимо имѣть въ виду не одни *общепринятыя юридическія начала*, но преимущественно интересы государственные, также какъ и интересы большинства народа, вызываемаго правительствомъ къ новой гражданской жизни. Если къ участію въ трудахъ комиссіи допущены члены изъ мѣстныхъ юристовъ, то это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы они содѣйствовали русскимъ юристамъ своими практическими познаніями и совѣтомъ, но очевидно, что *направленіе* и *самая работа* всего дѣла должны быть поручены русскимъ дѣятелямъ". Въ концѣ отношенія комитетъ объявилъ послѣдовавшее по его докладу государю Высочайшее повелѣніе 24 февраля: поручить учредительному комитету немедленно составить, на основаніи вышеизложенныхъ главныхъ началъ, проектъ подробной инструкціи для учрежденной при семъ комитетѣ комиссіи по преобразованію судебной части въ царствѣ польскомъ и проектъ этотъ представить на утвержденіе его величества въ возможно скорѣйшемъ времени, такъ какъ до утвержденія инструкціи комиссія не можетъ быть открыта.

XIII.

Вся переписка комитета по дѣламъ царства польскаго съ намѣстникомъ о юридической комиссіи была ведена въ тонѣ полемическомъ. Нельзя сказать, чтобы разсужденія ея отличались послѣдовательностью, напротивъ того, въ ней особенно поражаетъ, что въ основу судебной реформы полагаются одновременно и совмѣстно двѣ діаметрально противоположныя цѣли: государственные интересы, какъ преобладающіе надъ общепринятыми юридическими началами или аксіомами, и интересы большинства народа, призываемаго государствомъ къ новой гражданской жизни, т.-е. крестьянства,—какъ долженствующіе быть предпочитаемыми интересамъ другихъ, предполагаемыхъ враждебными правительству, классовъ населенія. Судъ не можетъ быть построенъ на антаго-

низмѣ сословій, на тенденціозномъ предпочтеніи интересовъ однихъ интересамъ другихъ. Поступая такимъ образомъ, онъ станетъ неизбѣжно лицепріятенъ и неуравнителенъ, то-есть, иными словами, неправеденъ. Всѣ усилія Арцимовича клонились только къ тому, чтобы сдѣлать судъ, руководящійся безспорными юридическими аксіомами, доступнымъ и для простого народа, для котораго онъ былъ до того времени и слишкомъ отдаленнымъ, и слишкомъ дорогимъ. По полной непригодности къ производству судебной реформы славянофильскаго мотива, могъ послужить руководителемъ только другой мотивъ: пользы государственной, интереса Россіи, взятой какъ одно цѣлое по отношенію къ одной строптивой и не успокоенной еще ея области. Ставился вопросъ о своевременности судебной реформы въ царствѣ польскомъ, о томъ, не повременить ли съ введеніямъ ея, пока не будетъ испытана по указаніямъ опыта пригодность судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. съ тѣми отъ нихъ отступленіями, которыя будутъ вызваны либо особыми мѣстными условіями страны, либо неполнымъ еще ея успокоеніемъ. Въ ожиданіи будущаго, можно было на переходное время ограничиться расширеніемъ и приспособленіемъ къ существующимъ общимъ судамъ юрисдикціи гминныхъ судовъ по уставу, утвержденному еще до вступленія на политическое поприще маркиза Вѣлёпольскаго, отъ 30 мая 1860 г., дѣйствовавшему до введенія въ царствѣ польскомъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. Тогда были заведены новые гминные суды по одному на нѣсколько гминъ (2, 3 или 4) съ выборными гминными судьями и лавниками и съ подсудностью имъ соотвѣтствующею мировымъ судамъ по судебнымъ уставамъ. Эти новые гминные суды не предполагаются вовсе къ упраздненію и по новѣйшему проекту судебной реформы. Можно было бы предположить, что, создавая по своему юридическую комиссію, Милютинъ дѣйствовалъ съ заднею мыслью—затормозить судебную реформу и разстроить планъ намѣстника, испросившаго Высочайшее соизволеніе на ея образованіе, 25 октября 1864 г.; но оказывается, что Милютинъ хлопоталъ о

комиссіи еще ранѣе и что еще въ сентябрѣ 1864 г. онъ получилъ Высочайшее соизволеніе на командированіе въ помощь ему „извѣстныхъ русскихъ практическихъ юристовъ“, которыхъ онъ изберетъ: значитъ, онъ предвидѣлъ, что комиссія будетъ не только существовать, но и дѣйствовать, что она будетъ осуществлять серьезную практическую задачу.

Всякая задача для своего осуществленія требуетъ подходящихъ средствъ. Когда строятъ домъ, то нужны, конечно, и каменщики, и плотники, но прежде всего необходимы архитекторы, а такихъ у Милютина вовсе не оказалось. Въ его распоряженіи были только русскіе юристы изъ пришельцевъ, съ условіями и бытомъ края незнакомые, притомъ только *практическіе* юристы, между тѣмъ какъ для сложной законодательной работы того объема требовались прежде всего художники иного художества, мастера дедуктивнаго метода, твердо стоящіе на извѣстныхъ коренныхъ юридическихъ принципахъ и изъ нихъ вырабатывающіе систему, а не практики-рутинеры, притомъ не приверженцы той единственной практики, которая въ то время существовала и которую приходилось искоренять. Такъ какъ въ 1864 году работы по составленію новыхъ судебныхъ уставовъ были приведены къ концу, то нѣкоторые изъ ихъ составителей могли бы быть съ пользою приглашены въ Варшаву въ юридическую комиссію, но никого изъ этихъ лицъ Милютинъ не пригласилъ и даже не имѣлъ въ виду приглашать, а мы изъ писемъ его знаемъ, что онъ сильно опасался теоретиковъ въ родѣ Сергѣя Заруднаго. Въ письмѣ Милютина къ Соловьеву, 7 декабря 1864 г. („Русск. Старина“, 1884 г., № 6, стр. 594), упоминается, что „въ юридическую комиссію предлагаетъ себя (бывшій) ректоръ кіевскаго университета Иванишевъ; отзывъ о немъ блестящій; кажется, будетъ отъ него важная подмога; зову его въ Петербургъ для личныхъ соглашеній“. Иванишевъ занялъ предсѣдательское мѣсто въ юридической комиссіи послѣ ухода Арцимовича, но это была не находка: человѣкъ онъ былъ старый, отжившій, совсѣмъ отставшій отъ науки и никогда на судѣ не прак-

тиковавшій. Цѣлый рядъ умозаключеній о томъ, что если исключительно русскіе люди, пріѣхавшіе извнѣ, разрѣшили изрядно въ царствѣ польскомъ крестьянскій вопросъ, то такіе же исключительно русскіе люди способны точно также исполнить какія угодно преобразованія и съ ними совладать,—есть очевидный софизмъ. По крестьянскому дѣлу требовались только исполнители утвержденныхъ верховною властью указовъ 19 февраля 1864 г., т. е. законовъ, по возможности воспроизводящихъ русское „положеніе 19 февраля 1861 г.“, набившіе себѣ руку при приведеніи въ дѣйствіе этого положенія и призванные исполнять указы 1864 г., въ духѣ положенія 1861 г., при условіяхъ нѣсколько бо̀льшаго простора ихъ крестьянофильскому настроенію. Дѣйствія этихъ дѣятелей соотвѣтствовали видамъ и желаніямъ и Милютина, и Арцимовича; сами поляки нынѣ мирятся съ тѣмъ, что такимъ именно образомъ былъ разрѣшенъ жгучій крестьянскій вопросъ радикально и окончательно. Уже далеко не таковы были результаты дѣятельности другого контингента русскихъ дѣятелей, призванныхъ дѣйствовать по учебной части, по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Изъ идей Милютина, выраженныхъ въ его запискѣ объ учебной части въ царствѣ польскомъ, 22 мая 1864 г.,—о томъ, чтобы не употреблять общественнаго образованія въ царствѣ какъ политическаго орудія, потому что русскіе не обрусили, за всѣ тридцать лѣтъ, ни одного поляка, а въ то же время являлись какъ бы посягающими на польскую народность,—не осуществлена ни одна; напротивъ того, распространилась и утвердилась исключительно и всецѣло только гораздо болѣе доступная система, полагающая своею главною задачею обрусеніе всего преподаванія въ школахъ. Юридическая комиссія Милютинская ничего не произвела; она не пережила учредительнаго комитета, при которомъ была образована и который упраздненъ 18 ноября 1870 года.

Такъ какъ по Высочайшему повелѣнію, отъ 24 февраля 1864 г., на учредительный комитетъ возложена была

обязанность сочинить инструкцію, опредѣляющую образъ дѣйствій юридической комиссіи, то проектъ этой инструкціи, выработанный учредительнымъ комитетомъ при участіи Арцимовича, представленъ былъ, 30 апрѣля, въ комитетъ по дѣламъ царства польскаго. Проектъ этотъ Высочайше утвержденъ 2 іюля 1865 г. Еще до воспослѣдованія этого утвержденія, а именно 4 мая 1865 г., по представленію Арцимовича, намѣстникъ разрѣшилъ ему пригласить для занятій по порученной ему ревизіи судилищъ царства польскаго чиновниковъ учредительнаго комитета — Горемыкина (Ив. Лонг., впослѣдствіи министра внутреннихъ дѣлъ), Сергѣя Иван. Лукьянова (нынѣ сенатора) и Ѳед. Ив. Пясецкаго.

Съ момента представленія проекта инструкціи для юридической комиссіи, Арцимовичъ считалъ, что его роль въ управленіи царства польскаго кончена, что его дальнѣйшее пребываніе въ Варшавѣ безполезно. Прошеніе объ отставкѣ, поданное имъ намѣстнику 23 іюня 1865 г., не было намѣстникомъ принято. Въ этомъ прошеніи Арцимовичъ ходатайствовалъ объ увольненіи его въ отставку съ назначеніемъ ему приличнаго содержанія и о разрѣшеніи ему лично представиться государю императору и повергнуть на усмотрѣніе его величества объясненія и оправданія его настоящей рѣшимости. Въ черновыхъ набросках этого прошенія содержатся нижеслѣдующія выраженія: „Обстоятельства приняли, однако, такой оборотъ, что настоящее участіе мое въ крестьянскомъ дѣлѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, какое я имѣлъ въ немъ сначала, ограничено до послѣдней степени; что я могу считать себя совсѣмъ отъ этого дѣла устраненнымъ; что же касается до юридической комиссіи, въ которую я назначенъ предсѣдателемъ, то и здѣсь, несмотря на это предсѣдательство, вліяніе мое совершенно ничтожно, по причинѣ тѣхъ условій, при которыхъ организована эта комиссія“. Принятое, наконецъ, намѣстникомъ въ октябрѣ 1865 г. прошеніе Арцимовича, самое короткое и безъ мотивовъ, содержитъ только ходатайство возвратиться на службу въ

имперію. Прошенію этому данъ ходъ 15 ноября 1865 г. Его послѣдствіемъ было назначеніе Арцимовича къ присутствованію въ имѣющемъ быть открытымъ, въ апрѣлѣ 1866 г., уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената, сообщенное ему министромъ юстиціи Замятнинымъ 7 февраля 1866 г. По желанію намѣстника, Арцимовичъ остался еще на короткое время въ Варшавѣ, до разсмотрѣнія въ учредительномъ комитетѣ разработанныхъ при его главномъ участіи законопроектовъ объ устройствѣ городовъ въ царствѣ польскомъ, о выкупѣ земель крестьянъ-рольниковъ и о выкупѣ безъ срочныхъ стѣсненій недвижимой поземельной собственности. Предсѣдательство въ юридической комиссіи онъ сдалъ Иванишеву и присутствовалъ въ Петербургѣ при торжественномъ открытіи, 17 апрѣля 1866 г., новыхъ судебныхъ установленій. Онъ покидалъ Варшаву, радуясь, конечно, освобожденію отъ положенія, въ которомъ испытывалъ, въ послѣднее время, однѣ непріятности, но и не скрывая своего раздраженія и непріязни къ бывшимъ своимъ сослуживцамъ по учредительному комитету, въ особенности къ Милютину и Я. Соловьеву. Обнародованіе, въ „Русской Старинѣ“ за 1884 годъ, № 6, интимной переписки Н. А. Милютина, исполненной рѣзкостей, колкихъ характеристикъ, выраженій о легкомысліи намѣстника, о шалостяхъ папы, объ интригахъ клевретовъ намѣстника, о происках варшавской камарильи, даетъ право жизнеописателю Арцимовича на извѣстнаго рода откровенность и ставитъ его даже въ необходимость свободнѣе воспользоваться перепиской Арцимовича съ его родными. Всѣ описываемыя событія—дѣла давно минувшихъ лѣтъ. Приходится касаться дѣяній давно умершихъ и притомъ крупныхъ историческихъ лицъ, обсуждать которыя возможно уже теперь съ полнымъ безпристрастіемъ, не отождествляясь ни съ однимъ изъ бывшихъ противниковъ, но отмѣчая въ концѣ оцѣнокъ, кто и въ чемъ былъ правъ или неправъ, сознательно или даже безсознательно. Яковъ Соловьевъ, по мнѣнію Арцимовича, „будучи канцелярскою

строкою, попалъ въ число государственныхъ людей, для того, чтобы закрыть ошибки и неправильности, допущенныя Милютинымъ при составленіи законовъ. Опираясь на Милютина, Соловьевъ желаетъ ускользнуть отъ всякаго вліянія не только учредительнаго комитета, но и самого намѣстника. Близко знакомый съ дѣломъ, я препятствую лгать, плутовать и искажать факты; это чрезвычайно не нравится“ (письмо къ М. Жемчужникову 17 марта 1865 г.). „Милютинъ интригуетъ, а я вести интригъ не умѣю и не хочу. Милютинъ хочетъ быть канцелярскимъ царемъ Польши, имѣть здѣсь агентовъ и противодѣйствовать намѣстнику и всѣмъ польскимъ государственнымъ учрежденіямъ. Я полагаю, что мы здѣсь призваны только къ управленію и что царствовать долженъ одинъ только монархъ. Милютинъ боится легальности, а я считаю легальность единственнымъ спасеніемъ для страны, гдѣ все потрясено и гдѣ разгулъ произвола дошелъ до крайнихъ размѣровъ. Милютинъ, наконецъ, домогается, чтобы въ царствѣ польскомъ все пресмыкалось предъ нимъ, въ томъ числѣ и я, и повиновалось ему безпрекословно. Согласитесь, что на этихъ условіяхъ трудно и невозможно вести переговоры“ (письмо къ М. Н. Жемчужникову 1 февраля 1865 г.).

Оба письма, изъ коихъ извлечены предыдущіе отрывки, писаны Арцимовичемъ къ тестю, коренному русскому патріоту, хорошему личному знакомому Милютина, притомъ къ человѣку, который, до самаго конца пребыванія Арцимовича въ Варшавѣ, полагалъ возможнымъ, если не установленіе единомыслія Милютина и Арцимовича во взглядахъ ихъ на польско-русскія отношенія, то, по крайней мѣрѣ, извѣстный компромиссъ между ними, извѣстное согласованіе ихъ дѣйствій посредствомъ обоюдныхъ уступокъ, всегда возможныхъ между уважающими себя взаимно людьми. Заключая мой этюдъ о двулѣтней дѣятельности В. А. Арцимовича въ царствѣ польскомъ, считаю необходимымъ коснуться и этихъ, оказавшихся безплодными, попытокъ примиренія, не приведшихъ ни къ какому положительному результату.

XIV.

Самые образованные люди, подружившіеся и даже породнившіеся, но принадлежащіе по происхожденію къ разнымъ національностямъ, не могутъ, въ моменты острыхъ кризисовъ и конфликтовъ между ихъ націями, когда разгаръ страстей доходитъ до бѣлаго каленія, не только сходиться, но даже и говорить другъ съ другомъ хладнокровно о своихъ взаимныхъ зазнобахъ и болячкахъ. Хотя по происхожденію полякъ, Арцимовичъ не былъ уроженцемъ царства польскаго; онъ получилъ русское воспитаніе; отъ начала до конца своей жизни онъ былъ русскимъ государственникомъ, по своей служебной карьерѣ — русскимъ чиновникомъ, женился на русской и хотя оставался римскимъ католикомъ, но вся семья его была православная. Онъ самъ передавалъ женѣ и знакомымъ, что онъ считалъ самъ себя русскимъ человѣкомъ, но почувствовалъ, что онъ полякъ и сдѣлался польскимъ патріотомъ только когда побывалъ въ Варшавѣ въ шестидесятыхъ годахъ, гдѣ на каждомъ шагу онъ наталкивался на факты, до глубины души оскорблявшіе въ немъ весьма живое чувство справедливости. 23 мая 1864 года онъ писалъ Алексѣю Жемчужникову: „Пріѣхавъ въ Варшаву въ сообществѣ русскихъ просвѣщенныхъ дѣятелей, я скоро убѣдился, что они больны страшною болѣзнью: злобою и ненавистью къ населенію, состоящему изъ нѣсколькихъ милліоновъ, называющихъ себя поляками. Полякъ и пёсъ для нихъ—одно и то же; всѣ поляки—внѣ закона; кто изъ нихъ заговоритъ, тотъ, по ихъ мнѣнію, повстанецъ и достоинъ висѣлицы. Мнѣ кажется, что если бы я жилъ во время Іоанна Грознаго, то я бы не попалъ въ опричники. Не попаду теперь въ клевреты Муравьева“. По поводу Муравьева произошло въ 1864 г. нѣкоторое, не на долгое, впрочемъ, время, охлажденіе между зятемъ и тестемъ. М. Н. Муравьевъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1864 года. Ему устроенъ былъ, по сло-

вамъ тестя (письмо 3 мая 1864 г.), такой пріемъ, какого въ Петербургѣ никто не помнитъ. Его вынесли на креслахъ изъ вагона на желѣзнодорожномъ вокзалѣ до кареты сановники, штабъ и оберъ-офицеры. 2 мая всѣ сенаторы перваго департамента, въ которомъ долго засѣдалъ Муравьевъ, какъ министръ, а въ числѣ ихъ и М. Н. Жемчужниковъ, пріѣзжали въ орденахъ и лентахъ его поздравить. „Что ни говори,—писалъ тесть,—а оказанныя Муравьевымъ заслуги отечеству будутъ восхваляемы исторіею". Подобное же различіе въ сочувствіи существовало между зятемъ и тестемъ и по отношенію къ Милютину, котораго тесть зналъ ближе и оцѣнивалъ, можетъ быть, вѣрнѣе, чѣмъ то дѣлаютъ теперь, потому что Н. А. Милютинъ и М. Н. Жемчужниковъ были люди того же пошиба; они принадлежали къ числу тѣхъ, которыхъ называли въ то время „красными", и безъ страстнаго увлеченія этихъ „красныхъ" не могло бы состояться въ Россіи, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, освобожденіе крестьянъ. Оба они были крестьянофилы антидворянскаго направленія. Заимствую у Жемчужникова характеристику Милютина, которую привожу цѣликомъ, какъ любопытный матеріалъ для жизнеописанія Н. А. Милютина, а такихъ матеріаловъ опубликовано донынѣ немного.

„Никто изъ благомыслящихъ,—пишетъ М. Н. Жемчужниковъ (26 января 1865 г.), — не станетъ, конечно, оспаривать, что созданный на крѣпостномъ правѣ и явномъ пренебреженіи къ народу *дворянскій элементъ* былъ всегда главнѣшимъ зломъ и пагубою для Россіи, а тѣмъ болѣе для Польши, которая посѣяла въ Россіи этотъ элементъ. Никто также, кромѣ сочувствующихъ Григ. Бланку (извѣстный въ то время ретроградъ-крѣпостникъ), не будетъ опровергать, что для общаго блага всѣхъ сословій, какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, необходимо нужно сначала ослабить, а затѣмъ и *вовсе* истребить этотъ мощно укоренившійся пагубный элементъ. Въ моихъ глазахъ и частью чрезъ меня во время моего губернаторства въ петербургской губерніи, началъ дѣй-

ствовать въ этихъ видахъ графъ Киселевъ основаніемъ особаго управленія для казенныхъ крестьямъ. Онъ желалъ и считалъ возможнымъ предоставить тѣ же права и помѣщичьимъ крестьянамъ. По тогдашнимъ обстоятельствамъ, Киселевъ не находилъ лучшаго къ тому проводника, и когда случалось мнѣ *обнажать эту его идею* и какая можетъ произойти сумятица отъ осуществленія ея, у него вырывалось такого рода мнѣніе, что дворянскій элементъ—крѣпостничество—столь сильно укоренившееся зло, которое только зломъ и искоренено быть можетъ, если бы оно повлекло даже и революцію. Киселевъ, въ полномъ смыслѣ слова благоразумный человѣкъ, никогда не оставлялъ этой идеи, но, по лѣности своего характера, былъ недостаточно энергиченъ, чтобы противодѣйствовать всей тогдашней массѣ государственныхъ людей, во главѣ которыхъ стоялъ кн. Меньшиковъ. Племянникъ Киселева, Милютинъ, воспитывался въ идеѣ своего дядюшки, который, для осуществленія своихъ плановъ, пристроилъ его къ министру В. Д. Перовскому. Съ того времени идея самоуправленія начала проводиться въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Милютинъ, въ качествѣ неважнаго чиновника, тихомолкомъ, но очень умно велъ свое дѣло, крѣпчалъ въ немъ, окрѣпъ и прослылъ краснымъ. Подъ этимъ названіемъ онъ далъ полный ходъ своей энергіи, открыто повелъ вражду съ дворянскимъ элементомъ въ Россіи и, какъ тебѣ извѣстно, умно достигъ своей начальной цѣли. Я не скажу, чтобы всѣ дѣйствія Милютина были послѣдствіемъ зрѣлой обдуманности; въ нихъ есть и промахи, но въ общемъ слѣдуетъ отдать ему справедливость, что созданное имъ въ Россіи было историческое и большой важности. Возможно ли послѣ того думать, чтобы тотъ же Милютинъ, призванный для совершенія такого же дѣла въ Польшѣ, гдѣ дворянскій элементъ, считая народъ за *быдло*, окончательно погубилъ край, могъ измѣнить усвоенный имъ образъ мыслей и безусловно подчиниться твоему человѣческому направленію?.. ...Мнѣ хотѣлось возстановить въ твоей памяти, откуда произошелъ Милютинъ со

своею идеею и какъ онъ развивалъ ее. Я увѣренъ, что онъ, по свойству самолюбія, не теряетъ надежду докончить начатое имъ дѣло въ Россіи—истребленіе дворянскаго элемента. Онъ, постепенно возвышаясь, ѣдетъ на этомъ конькѣ къ своей цѣли“.

М. Н. Жемчужниковъ былъ незнакомъ съ царствомъ польскимъ и условіями польской народности; онъ зналъ ихъ еще меньше, чѣмъ Милютинъ и его сподвижники. Болѣзненный процессъ, выразившійся въ формѣ польскаго мятежа, представлялся ему въ видѣ столкновенія двухъ противоположныхъ массъ: меньшинства, угнетающаго народъ, т. е. бунтовавшіеся паны и дворянство, котораго уже не было въ царствѣ польскомъ съ 1807 г. и которое Жемчужниковъ смѣшивалъ съ совокупностью интеллигентныхъ классовъ населенія, — и большинства, т. е. угнетаемаго простого народа, пассивнаго, не бунтовавшаго и спокойнаго. Въ письмѣ 12 мая 1864 г. М. Н. Жемчужниковъ выражается такимъ образомъ: если законъ о крестьянахъ царства польскаго запоздалъ, по случаю мятежа, то изданіе этого запоздалаго закона нельзя отнести къ мщенію за бунтъ, но естественно также, что онъ будетъ осуществляемъ безъ той мягкости и снисходительности для дворянства (т. е., собственно, для помѣщиковъ), которыми освобожденіе крестьянъ сопровождалось въ Россіи, гдѣ дворянство не бунтовало и не оказывало даже явнаго сопротивленія видамъ правительства. Жемчужниковъ писалъ: „съ полнымъ убѣжденіемъ скажу слѣдующее: если бы въ Россіи водворялся законъ о крестьянахъ по тому направленію, какое ему было дано при Ланскомъ и Милютинѣ, то, конечно, вся администрація была бы на сторонѣ крестьянъ и было бы тяжело для дворянъ“.

М. Н. Жемчужниковъ полагалъ, что его взгляды безспорны и что они раздѣляются въ душѣ самимъ В. А. Арцимовичемъ. Въ письмѣ 3 мая 1864 г. онъ еще радуется, что „отношенія твои (В. А. Арцимовича) съ Бергомъ, Милютинымъ, Черкаскимъ и другими по управленію—въ пріятной гармоніи“. Между тѣмъ пронеслась

молва о томъ, что Милютинъ и Арцимовичъ не сходятся по образу своихъ мыслей. 12 мая, Жемчужниковъ пишетъ: „Согласно твоему желанію, ни я, ни Володя (В. М. Жемчужниковъ) не поѣдемъ къ Милютину. Я всегда понималъ Милютина незаслуживающимъ особой деликатности съ твоей стороны“. Тесть Арцимовича не понимаетъ, почему бы Арцимовичу не сойтись съ Милютинымъ въ примѣненіи крестьянской реформы: „по мнѣнію моему, въ настоящее время только одинъ крупный вопросъ на сценѣ: устроить благоденствіе большинства на счетъ угнетаемаго меньшинства“. Изъ письма 8 іюня 1864 г. видно, что М. Н. Жемчужниковъ понялъ уже, что корень разногласій весьма глубокъ, и хотя онъ не особый ригористъ по отношенію къ легальности, но не можетъ не одобрить Арцимовича: „ты все-таки останешься славнымъ человѣкомъ, какимъ я началъ знать тебя съ юныхъ лѣтъ твоихъ“.

М. Н. Жемчужниковъ не былъ чуждъ тѣмъ объясненіямъ, которыя происходили, въ августѣ 1864 г., въ Петербургѣ между Влад. Мих. Жемчужниковымъ и Милютинымъ по поводу В. А. Арцимовича. Изъ письма 3 августа 1864 г. видно, что Вл. Мих. Жемчужниковъ имѣлъ къ Милютину письмо отъ Черкаскаго. „Мы,—писалъ онъ (т. е. я, В. М. Жемчужниковъ и Анна М. Арцимовичъ, остававшаяся еще въ Петербургѣ),—единогласно заключили слѣдующее: жаль, что ты не имѣлъ откровенныхъ объясненій съ Милютинымъ; не понимая другъ друга при офиціальныхъ сужденіяхъ, гдѣ задушевная откровенность не имѣетъ мѣста, вы дали возможность вкрасться взаимнымъ неудовольствіямъ“. Тесть совѣтуетъ зятю взять отпускъ изъ Варшавы, пріѣхать въ Петербургъ до отъѣзда государя и откровенно, даже при посредствѣ Владиміра, объясниться съ Милютинымъ: „ссориться съ нимъ не должно и нѣтъ причины, ибо онъ любитъ, уважаетъ тебя и желаетъ быть тебѣ полезнымъ“.

Надежды на сглаженіе постепенно обостряющейся размолвки видимо слабѣли. 3 января 1865 г.,. тесть пишетъ зятю: „Въ Новый годъ я столкнулся съ Милютинымъ у принца Ольденбургскаго. Онъ, лишь только увидѣлъ меня, быстро подбѣжалъ и послѣ обыкновенныхъ радушныхъ привѣтствій началъ о тебѣ, — очень хвалилъ твои способности и особенно доброту и чистоту твоего сердца, но что эти дорогія въ человѣкѣ качества и твоя легальность могли бы оказать большую пользу Россіи при настоящихъ реформахъ, но никакъ уже не въ Польшѣ, гдѣ кромѣ черпаго народа преобладаетъ лукавство, каждый имѣетъ затаенную мысль и ухищряется обратить легальность въ слабость правительства. Въ этомъ смыслѣ заключился нашъ краткій или, скорѣе, его разговоръ со мною“.

Изъ письма 26 января 1865 г. видно, что М. Н. Жемчужниковъ, еще не потерявъ всѣхъ надеждъ, предлагаетъ Арцимовичу попытаться пойти съ Милютинымъ на компромиссъ. „Государь поставилъ во главѣ управленія тебя — чистаго, добраго, свѣдущаго въ юриспруденціи и съ человѣческимъ направленіемъ—и Милютина, тоже со способностями государственнаго человѣка, знакомаго съ внѣшнею политикою и съ демократическимъ направленіемъ. Если бы вы искренно объяснились въ вашихъ воззрѣніяхъ и системѣ дѣйствій, то между вами хотя бы и могли возникать разногласія и неизбѣжные споры, по не было бы повода къ личностямъ, а личное неудовольствіе между государственными людьми не должно имѣть мѣста. Затаенная неискренность порождаетъ недовѣріе, предубѣжденіе, заднія мысли и даже,—что̀ всего хуже, — желаніе составить свою партію. Чрезъ взаимное сближеніе между умными людьми могутъ послѣдовать взаимныя уступки, то-есть чистосердечное сознаніе, чьи дѣйствія ближе къ прочному основанію спокойствія и блага въ странѣ“.

Въ февралѣ 1865 г., разыгралась борьба Милютина съ Арцимовичемъ по предмету образованія юридической

комиссіи по идеѣ Милютина. Арцимовичъ помышлялъ только объ отставкѣ съ пенсіономъ. 22 февраля 1865 г., тесть уже знаетъ, что Арцимовичъ не останется въ Варшавѣ; онъ ему совѣтуетъ не падать духомъ, не покидать службы, потому что, можетъ быть, государь вызоветъ его изъ царства польскаго не по неудовольствію на него, а въ желаніи доставить ему, какъ полезному для имперіи человѣку, возможность служенія въ Россіи, и сообщаетъ ему, что, по свѣдѣніямъ отъ Буткова, Арцимовичъ будетъ вызванъ для присутствованія въ правительствующемъ сенатѣ.

31 марта 1865 г., написано М. Н. Жемчужниковымъ слѣдующее письмо: „Заключеніе твое о дѣйствіяхъ Милютина совершенно справедливо, ибо то же самое подтвердилъ князь Суворовъ (бывшій с.-петербургскій генералъ-губернаторъ), который просилъ передать тебѣ его поцѣлуй. Суворовъ говоритъ, что Милютинъ одинаково какъ тебя, такъ и Берга считаетъ вредными для видовъ правительства по учрежденію порядка въ царствѣ польскомъ; но, впрочемъ, отзываясь о тебѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отдаетъ полную справедливость твоимъ дарованіямъ, благородству чувствъ и юридическимъ познаніямъ и признаетъ, что по твоимъ качествамъ и мягкосердечію ты могъ бы быть очень полезнымъ для Россіи, но не для Польши, въ которой, по укоренившейся лжи, лицемѣрію и затаенной ненависти къ правительству легальность твоя вовсе неумѣстна. Изъ словъ князя Суворова я могъ понять, что Милютинъ такъ относится къ тебѣ и передъ Государемъ“.

Въ августѣ 1865 г., сенаторъ Жемчужниковъ сильно заболѣлъ. Арцимовичъ поспѣшилъ къ нему въ Петербургъ, взявъ отпускъ. Онъ писалъ къ женѣ (25 августа): „Графъ Бергъ не очень доволенъ моимъ отъѣздомъ; онъ чувствуетъ, что мои объясненія въ Петербургѣ будутъ имѣть послѣдствіемъ окончаніе моей служебной дѣятельности въ Варшавѣ“. М. Н. Жемчужниковъ скончался 3 сентября 1865 года. Арцимовичъ былъ при его кон-

чинѣ, представлялся государю 6 сентября, послѣ чего сообщилъ женѣ: „Окончаніе вопроса о моей службѣ Императоръ отложилъ до конца моего отпуска. Онъ поцѣловалъ меня и бесѣда продолжалась около получаса".

Въ слѣдующемъ, 1865 году, въ декабрѣ, послѣ засѣданія у государственнаго канцлера, въ которомъ Милютинъ стоялъ за расторженіе конкордата 1837 г. съ папскимъ престоломъ,—что̀ и послѣдовало,—Милютинъ пораженъ былъ нервнымъ ударомъ, отъ котораго онъ не оправился, такъ что съ этого момента политическая его дѣятельность прекратилась. Онъ умеръ въ Москвѣ 26 января 1872 года. Арцимовичъ навѣстилъ его въ Петербургѣ въ 1869 г., послѣ возвращенія его изъ-за границы. Бесѣда была спокойная о постороннихъ предметахъ, имѣвшая характеръ разговора между давнишними пріятелями. У Милютина ослабѣла память личныхъ именъ, и онъ путался въ указаніяхъ на личныхъ знакомыхъ. Теперь оба крупные дѣятеля по крестьянскому вопросу и въ имперіи, и въ царствѣ польскомъ, сдѣлавшіеся потомъ противниками по преобразованіямъ въ царствѣ, послѣ движенія 1863 г., и давно сошедшіе со сцены, покоятся въ могилахъ. Вопросы, по которымъ они другъ съ другомъ воевали, или разрѣшены или отложены. Они могутъ интересовать только историка. Такъ какъ побѣду одержалъ Милютинъ и такъ какъ существующій донынѣ въ царствѣ польскомъ порядокъ вещей — цѣлыхъ 35 лѣтъ по прекращеніи мятежа — есть, главнымъ образомъ, его произведеніе и вылѣпленъ, можно сказать, его руками, то неизбѣжно ставится вопросъ: можетъ ли эта страна считаться устроенною? можетъ ли заведенный въ ней порядокъ считаться нормальнымъ? Крѣпко ли она связана съ центромъ государства? Не допущено ли по отношенію къ ней такого продолжительнаго бездѣйствія правительственной власти, въ какомъ винилъ Милютинъ управленіе князя Паскевича въ своей запискѣ объ учебной части въ царствѣ польскомъ?

Можно дать этому важному вопросу другую постановку. Можно спросить: какой бы видъ имѣло нынѣ устройство царства польскаго, если бы восторжествовала другая политика? если бы были приняты во вниманіе—не скажу, предостереженія, а совѣты, которые давалъ Арцимовичъ? если бы это управленіе не являло изъ себя донынѣ вида военнаго лагеря, разбитаго въ чужомъ непріятельскомъ краѣ?—Хотя полякъ по происхожденію, Арцимовичъ былъ значительно обрусѣвшій человѣкъ, никогда не питавшій мечтаній, которыя имѣлъ въ виду Александръ II, произнося извѣстныя слова „pas des rêveries“, никогда даже не увлекавшійся идеями Вѣлёпольскаго и не помышлявшій объ автономіи царства польскаго подъ крыломъ Россіи. Арцимовичъ былъ типическій русскій законникъ и политикъ, отмѣченный печатью пережитой имъ эпохи великихъ реформъ, отличавшійся, можетъ быть, отъ другихъ того же рода людей только тѣмъ, что имѣлъ много гуманности и что питалъ въ себѣ нѣкоторое довѣріе къ тѣмъ, которыхъ призванъ былъ устраивать, что не всѣхъ онъ зачислялъ гуртомъ въ „лукавые“. Онъ не безъ основанія полагалъ, что нельзя при устроеніи усмиренной страны обойтись безъ содѣйствія тѣхъ изъ ея жителей, которые умнѣе, трезвѣе и разсудительнѣе. Еще и нынѣ не потеряли своей цѣны и не сдѣлались непригодными тѣ оставленныя безъ вниманія критическія указанія, которыя онъ давалъ своимъ товарищамъ по устроенію царства польскаго и которыми я заключу мою статью, заимствуя ихъ изъ его писемъ и черновыхъ набросковъ:

„Милютинъ устраивалъ край, котораго не знаетъ. Я не принимаю на свою отвѣтственность дѣлъ, которыхъ не знаю или не успѣлъ еще обнять“ (Письмо, 1 февр. 1865 г., къ М. Н. Жемчужникову).

„Наши дѣятели, пріѣхавши въ страну, отвернулись отъ всѣхъ мѣстныхъ жителей, отталкиваютъ ихъ съ безпредѣльною злобою и не хотятъ искать опоры въ странѣ“ (Письмо, 7 февраля 1865 г., къ нему же).

„Мы должны считаться съ національностью, съ выработавшимися на мѣстѣ юридическими воззрѣніями, съ политическимъ настроеніемъ населенія. Управленіе страны не должно основывать свою силу на прошлыхъ явленіяхъ революціоннаго движенія“ (Черновые наброски).

28 февраля 1901 г.
С.-Петербургъ.

Владиміръ Сергѣевичъ
Соловьевъ

какъ

ПУБЛИЦИСТЪ [1].

I.

Нельзя не признать, что философское общество поступило весьма удачно и цѣлесообразно, раздѣливъ на части совокупность произведеній Вл. С. Соловьева по ихъ содержанію и распредѣливъ ихъ для анализа между отдѣльными референтами. Только такимъ образомъ могутъ быть оцѣнены изумительная обширность его знаній и многосторонность его дарованія. Этотъ пріемъ сопряженъ, однако, съ большими затрудненіями. Необходимо представить въ самомъ сжатомъ видѣ не только то, что̀ сдѣлалъ авторъ въ извѣстной области творчества, но и объяснить, почему онъ это такъ, а не иначе сдѣлалъ. Въ каждомъ изъ мысленно выдѣленныхъ и, такъ сказать, отрѣзанныхъ кусковъ его творчества должна сквозить его личность съ ея характерными особенностями. Личность эта была необычайно цѣльная и мало похожая на своихъ современниковъ; она была въ своемъ родѣ *уникатъ*. Своими корнями — задушевнѣйшими вѣрованіями — она напоминала тѣ давно минувшіе вѣка, когда сильнѣе дѣйствовала религія, предвосхищая истину, прежде чѣмъ истина стала доступною

---

[1]) Прочтено въ философскомъ обществѣ при спб. университетѣ 3-го декабря 1900 года.

знанію и очевидною для разума. Вѣрованія Соловьева во многомъ совпадали съ вѣрованіями христіанъ первыхъ вѣковъ христіанства. Съ другой стороны, своею вершиною, своими упованіями и стремленіями душа Соловьева забѣгала, такъ сказать, впередъ на многіе вѣка, а можетъ быть, и на многія тысячелѣтія, намѣчая въ этой дали свои желательныя цѣли. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ Вл. С. Соловьевъ былъ лицомъ крупнымъ, великимъ и притомъ такимъ любящимъ и такимъ чистымъ, что многіе смотрѣли на него какъ на святого человѣка. Въ своемъ міросозерцаніи Соловьевъ, какъ философъ, былъ между нами совсѣмъ одинокъ; онъ не имѣлъ, кажется, послѣдователей, не образовалъ секты, не составилъ школы. Его убѣжденія казались современникамъ либо пережитками, либо утопіями. Но всѣ безъ исключенія согласны въ томъ, что онъ былъ первоклассный боецъ въ діалектикѣ, безподобный полемистъ, мастеръ наносить въ состязаніяхъ быстрые, сильные, рѣшительные удары, послѣ которыхъ противникамъ приходилось иногда только замолчать.

Изъ того, что̀ послѣ смерти Вл. С. Соловьева было о немъ написано, видно, какъ мало его понимали даже тѣ, которые дивились его мастерству. Ему ставили на счетъ, какъ недостатокъ, что онъ не причастенъ ни къ какой партіи, что его аргументами пользовались, присвоивая ихъ себѣ, люди разныхъ направленій, что оставалось, будто бы, неизвѣстнымъ, чего онъ хочетъ и чего онъ ждетъ; что истины онъ не искалъ въ душевныхъ мукахъ; что онъ не метался безпокойно, какъ то дѣлаютъ гиганты духа, но былъ отродясь, будто бы, жизнерадостный человѣкъ, веселый и шутливый оптимистъ. Говорили, что Соловьевъ все, что̀ проповѣдывалъ, нашелъ уже готовымъ въ славянофильствѣ; что умъ у него былъ холодный, но необычайно гибкій, что онъ былъ мыслитель-дилетантъ, сотканный, такъ сказать, изъ противорѣчій; что, проповѣдуя безграничную свободу, онъ былъ въ то же время крутой государственникъ, допускающій законность и войны, и наказанія, то-есть такихъ, будто бы, вещей, которыя

сталкиваются лбами.—Мнѣ кажется, что я только тогда исполню кое-какъ взятую на себя задачу, когда сопоставлю капитальные труды Соловьева по публицистикѣ, когда ихъ изложу въ сжатомъ видѣ, въ связи съ его умственнымъ складомъ и міросозерцаніемъ, и уясню, что, по его міросозерцанію, вопросамъ, которые его занимали, могла быть дана только такая-то, а не иная постановка, которая должна была привести къ такимъ-то, а не инымъ выводамъ. Пропуская мелочи, я насчитываю только четыре болѣе крупныя работы Соловьева—публицистическія: „Національный вопросъ", „Византизмъ и Россія", статьи о неурожаяхъ послѣдняго времени въ связи съ главами „Оправданія добра" объ экономическихъ отношеніяхъ народа въ связи съ нравственностью и, наконецъ, предсмертное его сочиненіе—„Три разговора".

II.

Есть люди, которые уже при первомъ своемъ появленіи отличаются характерными качествами своей будущности или профессіи, которые какъ будто бы рождаются военными, артистами, чиновниками, французами, нѣмцами и тому подобными. Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ былъ изъ числа такихъ людей,—внукъ православнаго священника, сынъ великаго русскаго историка, прирожденный богословъ, славянофилъ, до мозга костей патріотъ, выросшій въ историческомъ гнѣздѣ великорусской національности, унаслѣдовавшій всѣ ея преданія. Родясь патріотомъ, онъ таковымъ до конца и остался, неотступно вѣрный своей родинѣ и ея святынѣ. Тайна его непреодолимой, увлекательной силы состояла въ томъ, что безъ измѣны и отступничества, послѣдовательно только дѣйствуя, онъ, по долгу совѣсти, не только разстался съ былыми своими сподвижниками, но и сдѣлался ихъ противникомъ, послѣ чего онъ сталъ по очереди выбивать каждаго изъ дружинниковъ этой рати изъ его сѣдла. Онъ не уставалъ въ этомъ

боѣ, пока не повергъ въ прахъ самого ихъ „зооморфическаго идола“—націонализмъ, къ которому онъ приложилъ клеймо „національнаго кулачества“. Послѣднее проявленіе этого націонализма онъ обозвалъ еще болѣе злою и ѣдкою кличкою — „катковскаго ислама“... Соловьевъ о себѣ замѣчаетъ, что, по словамъ Юрія Самарина, онъ, будто бы, морочилъ публику своимъ либерализмомъ; что другіе называли его перебѣжчикомъ изъ славянофильскаго лагеря въ западническій, но что это такая же неправда, какъ и то, что онъ, будто бы, протестантъ, римскій католикъ или, наконецъ, іудей. Соловьевъ ставитъ напрямикъ вопросъ: гдѣ же теперь славянофильскій лагерь и его представители? Теперь славянофильство не есть реальная величина. Всѣ сторонники безъидейнаго, стихійнаго націонализма сошлись нынѣ въ наиболѣе яркомъ проявленіи псевдонаціональнаго начала: въ антисемитизмѣ. „Вотъ тотъ дѣйствительный лагерь,—говорилъ онъ,—моихъ противниковъ, въ которомъ я никогда не находился, а затѣмъ не могъ никуда перейти. Конечно, въ старомъ, докатковскомъ славянофильствѣ были зачатки кулачества, но были и христіанскіе элементы. Куда же они дѣвались? Ужъ не я ли ихъ съ собою перенесъ въ западническій лагерь, гдѣ, впрочемъ, они и безъ меня присутствовали?“

Бросимъ бѣглый взглядъ на это поле, усѣянное мертвыми костями. На первомъ планѣ, въ видѣ большой головы изъ „Руслана и Людмилы“, имѣется Н. Я. Данилевскій, создатель „ползучей“, а не „крылатой“ теоріи русскаго націонализма. Сдвинувъ голову съ мѣста, Соловьевъ запримѣтилъ лежавшій подъ нею нѣмецкій булатъ, подлинникъ нѣмецкаго писателя Гейнриха Рюккерта („Lehrbuch der Weltgeschichte“, 1857), съ котораго скопировалъ Данилевскій даже и свой взглядъ на славяно-православный міръ. На этомъ же полѣ лежатъ: Страховъ, К. Леонтьевъ, Любимовъ, Астафьевъ—публицисты „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“, сильно заимствовавшіеся у Жозефа де-Местра; наконецъ, Розановъ, съ „новомосковскимъ“ публицистомъ Львомъ Тихомировымъ. По словамъ

Соловьева, Розановъ договорился до того, что объявилъ нетерпимость самымъ существомъ православія („Вѣстн. Европы“, 1894 г., № 2), а Тихомировъ сочинялъ такія остроты, которыя Соловьевъ не рѣшается называть софизмами, чтобы не оскорблять памяти Протагора и Горгія. „Есть въ монастыряхъ, — говорилъ Соловьевъ, — такія службы, которыя должны быть исполняемы съ усердіемъ, по долгу послушанія“. По этому долгу, Соловьевъ выметалъ этотъ печатный соръ и мусоръ, которымъ лжепатріоты заваливаютъ въ общественномъ сознаніи насущный вопросъ религіозной свободы.

Подъ перомъ Вл. С. Соловьева складывалась курьезная исторія возникновенія и вырожденія славянофильства, этого „археологическаго либерализма“, который, якобы, нападалъ на Петра Великаго и его реформы, а между тѣмъ боролся, во имя западно-европейскихъ началъ свободы и равноправности, съ историческимъ зломъ своей же московской старины, съ черною неправдою судовъ и съ игомъ рабства, съ тѣмъ, что, по словамъ Ивана Аксакова, „сплошного зла стоитъ твердыня,—царитъ безсмысленная ложь“. Только по своей наивности могъ думать Константинъ Аксаковъ, что „кормленіе воеводъ“ было идеаломъ справедливости, но къ нему и славянофилы относились какъ къ взрослому ребенку. Славянофильство шло еще не дальше вопроса о бородѣ и платьѣ.

Новый фазисъ движенія начался въ пятидесятыхъ годахъ, когда И. В. Кирѣевскій сдѣлался ревностнымъ православнымъ человѣкомъ при видѣ народа, молящагося предъ Иверскою иконою, а обратился онъ въ православіе не потому, что онъ увѣровалъ, что икона чудотворная, но потому, что она ему показалась какъ бы намагниченною слезами и мольбами скорбящихъ, съ которыми онъ, какъ истый баринъ, не могъ породниться, какъ бы онъ ни опращивался, въ ихъ вѣрованіяхъ непосредственныхъ и темныхъ. Въ то же самое время (1853 годъ) Хомяковъ печаталъ за границею брошюры противъ дѣйствительныхъ тогдашнихъ римскаго католичества и протестант-

ства, побивая католиковъ протестантскими доводами, а протестантовъ—римско-католическими; самъ же онъ дѣйствовалъ во имя православія, но не того, какое дѣйствительно есть, со всѣми его слабыми сторонами и недостатками, а съ точки зрѣнія будущаго, какимъ желалъ бы, чтобы оно было, при чемъ онъ предлагалъ иновѣрцамъ покидать свои потрескавшіяся храмины и переселиться въ чудный чертогъ, выстроенный имъ въ своемъ воображеніи. Ходъ событій послѣ крымской войны и парижскаго мира 1856 г. позволилъ передовымъ русскимъ людямъ, а въ томъ числѣ и славянофиламъ, вступить въ реальную практическую борьбу съ устарѣлымъ зломъ русской дѣйствительности, притомъ приступить къ этой работѣ не съ гордымъ самомнѣніемъ, но съ самоосужденіемъ и покаяніемъ и во имя западно-европейскаго начала человѣческихъ правъ. Всѣ убѣдились, что даже пораженіе Россіи сноснѣе, нежели тотъ бытъ, въ которомъ она изстари находилась. Въ самый моментъ начатія общими силами и славянофиловъ и западниковъ великихъ реформъ (1855 г.), Константинъ Аксаковъ, въ своей запискѣ, поданной государю, явился выразителемъ политическихъ требованій своихъ единомышленниковъ. Эти скромныя требованія сводились, по мнѣнію Соловьева, почти къ нулю. Аксаковъ утверждалъ, что, по натурѣ народа, нѣтъ въ Россіи притязаній на свободу и права политическія, что безвластный народъ можетъ и долженъ предлагать полновластному правительству, въ силу необходимой ему свободы жизни и духа, только свое мнѣніе, которое можно принять или не принять. Оказывалось, что К. Аксаковъ добивался только права *слова*, противополагаемаго имъ правительственному праву *дѣйствія*. Но „слово" есть понятіе двусмысленное; оно бываетъ частное и публичное. Частное слово не можетъ быть обуздано ни при какомъ режимѣ, а публичное слово есть уже дѣйствіе и притомъ весьма сложное,—значитъ, правительство можетъ его ограничить. Эта безсодержательная теорія ставилась на подкладкѣ совсѣмъ ложной, вымышленной

русской исторіи, все зло выводящей изъ Петра Великаго, его реформъ и бюрократіи, между тѣмъ какъ старый строй былъ представленъ какъ будто бы уважавшимъ свободу жизни и духа и выражаемаго народомъ мнѣнія. „Одинъ костеръ протопопа Аввакума" достаточенъ, по словамъ Соловьева, чтобы освѣтить всю фальшь славянофильской доктрины. Насильственно были измѣняемы правительствомъ мѣстные обряды и исправляемы церковныя книги. Рядомъ съ обличающимъ древній бытъ въ его злѣ фактомъ насильственнаго подавленія раскола стоитъ другой такой же, тщательно замалчиваемый, а именно—крѣпостное право. Очевидное убожество теоріи не показалось съ перваго раза чѣмъ-то поразительнымъ только потому, что на практическомъ поприщѣ отличились своими подвигами по части реформъ другіе, кромѣ К. Аксакова, члены славянофильскаго кружка: Самарины, Ив. Аксаковъ, Кошелевъ и проч. При разборѣ ученія московскихъ пророковъ оказывается, что оно содержитъ въ себѣ смѣсь нижеслѣдующихъ элементовъ: допетровской археологіи, не доведенной до полной сознательности христіанской морали, наконецъ соціально-политическихъ стремленій передовыхъ людей Запада. Если снять съ ученія шелуху искусственныхъ прикрасъ, то обнаружится настоящее его зерно, а именно преклоненіе передъ татарско-византійскою сущностью мнимо-русскаго идеала. За нимъ и осталась побѣда, когда восторжествовалъ исламъ бывшаго западника Каткова, который онъ проповѣдывалъ въ послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни, то-есть націонализмъ, какъ слѣпая стихійная сила, какъ обожествленіе народа и государства, въ которомъ правительство есть единственное живое слово обожествленнаго народа. Пока еще дѣйствовали первоначальные славянофилы, у которыхъ были въ ученіяхъ и здоровыя зерна и гнилыя, Вл. С. Соловьевъ могъ быть съ ними заодно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и вопросахъ; но наступило время, когда, по его словамъ („Національный вопросъ", 3-е изданіе, стр. 117), славянофильская идея стала предметомъ ры-

ночной торговли, когда она стала чѣмъ-то завывающимъ и хрюкающимъ; тогда-то онъ и вступилъ съ нею въ безпощадный бой. Чтобы оцѣнить значеніе его побѣды и важность ея результатовъ, необходимо взять въ соображеніе и исходную точку полемики Соловьева, и весь планъ предпринятой имъ кампаніи. Это тѣмъ необходимѣе, что большинство людей, радующихся его побѣдѣ, чужды ему по основнымъ его взглядамъ и не раздѣляютъ ихъ; значитъ, они далеко не оцѣниваютъ его дѣятельности по ея дальнобойности и по ея достоинству и заслугамъ.

III.

Намъ, современникамъ, интеллигентнымъ людямъ, вѣротерпимость столь же дорога, какъ и Вл. С. Соловьеву, но по инымъ, чѣмъ у него, мотивамъ. У насъ она неразрывно связана съ полнѣйшимъ свободомысліемъ, съ возможностью вѣрованія или безвѣрія, съ представленіемъ о томъ, что, и отрѣшившись отъ всякой религіозности, всякое лицо можетъ быть вполнѣ нравственнымъ и достойнымъ человѣкомъ. Классическимъ выраженіемъ начала вѣротерпимости служитъ донынѣ Натанъ Мудрый Лессинга въ его рѣчи къ тампліеру:

„Sind Christ und Jude eher Christ und Jude
Als Mensch? Wenn ich einen mehr in Euch
Gefunden hätte, dem es genügt ein Mensch
Zu heissen! [1])

Сто двадцать лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ написанъ „Натанъ“ (1779). Съ тѣхъ поръ и донынѣ гуманизмъ не одержалъ еще рѣшительныхъ успѣховъ. Нельзя еще сказать, что его убѣжденія господствуютъ. Ихъ будетъ всегда исповѣдывать только тончайшій слой отборнѣйшихъ людей въ обществѣ, людей наиболѣе культурныхъ. Сама

---

[1]) Неужели въ христіанинѣ или евреѣ важнѣе то, что онъ христіанинъ или еврей, нежели то, что онъ и человѣкъ? О, если бы я могъ между вами найти хотя бы одного, кто бы довольствовался называться просто человѣкомъ!

по себѣ, культура — вещь превосходная, но только какъ средство къ нравственному совершенству, а не какъ конечная цѣль. Если ее брать съ этой послѣдней точки зрѣнія, то она располагаетъ къ нѣгѣ, къ покою, къ тому, чтобы обходиться въ жизни по возможности безъ Христа, къ постепенному ослабленію между людьми склонности къ религіозному объединенію людей, къ тому, чтобы на землѣ было когда-нибудь одно стадо и одинъ пастырь. Бываютъ философы, какъ, напримѣръ, Гюйо, которые ставятъ вопросъ о существованіи въ будущемъ общества безъ религіи („Irréligion de l'avenir", 1887) и озабочены прінсканіемъ заступающихъ ее суррогатовъ.

Необходимо опредѣлить душевный складъ Вл. С. Соловьева въ главныхъ его чертахъ и указать, чѣмъ онъ особенно отличался отъ другихъ интеллигентныхъ современниковъ въ нашемъ обществѣ.

Соловьевъ былъ не гуманистъ, но только богословъ, весьма начитанный и обладающій всѣми данными положительнаго знанія и философіи. Не имѣя духовнаго сана и оставаясь въ свѣтскомъ званіи, онъ былъ усерднѣйшимъ поклонникомъ Богочеловѣка Христа, съ которымъ состоялъ въ духовномъ общеніи и отъ котораго получалъ вдохновеніе добра. Изъ трехъ идей и силъ, присущихъ уму и сердцу человѣка: истина, красота, добро, онъ былъ служителемъ преимущественно послѣдней, то-есть добра, которое онъ отождествлялъ съ Богомъ и которое онъ соединялъ непосредственно съ основнымъ началомъ своего философскаго богословія: *всеединствомъ всего сущаго*. Его служебное подчиненіе добру въ религіозномъ духѣ было строжайшее и радикальнѣйшее, какое только можно себѣ представить. Оно было активное и неудержимо прогрессивное, не допускающее никакой остановки, никакого вѣроисповѣднаго клерикализма, никакого сепаратизма, никакого коснѣнія въ формахъ, выработавшихся въ кристаллизирующейся постепенно station старинѣ. Онъ самъ опредѣлилъ задачу своей жизни въ предисловіи къ „Исторіи и будущности теократіи" (Загребъ, 1887): „оправдать

вѣру отцовъ, возведя ее на новую степень разумнаго сознанія; показать, какъ эта древняя вѣра, освобожденная отъ оковъ мѣстнаго обособленія и народнаго самолюбія, совпадаетъ съ вѣчною и вселенскою истиною“. Онъ вѣрилъ безусловно во всѣ предсказанія евангельскія, слѣдовательно и въ то, что будетъ *едино стадо и единъ пастырь,* въ царствіе Божіе на землѣ. Вся его жизнь прошла въ проповѣдываніи дѣятельной любви и благоволенія, въ склоненіи людей къ созиданію царства Божія на землѣ. Съ графомъ Л. Н. Толстымъ Соловьевъ расходился радикально по вопросу о непротивленіи злу. Онъ проповѣдывалъ борьбу со зломъ, его постепенное ограничиваніе и одолѣніе, при чемъ представленія его объ этой борьбѣ имѣли нѣкоторый оттѣнокъ, сближавшій его ученіе съ манихеизмомъ первыхъ вѣковъ христіанства. Зло для Соловьева не было только недостаткомъ или отсутствіемъ добра и не обрѣталось только въ сознательной волѣ человѣка, — оно было чѣмъ-то объективнымъ и реальнымъ. Что касается до средствъ и способовъ осуществленія задуманной Соловьевымъ вселенской задачи, то въ немъ виденъ не только русскій патріотъ, но и русскій *мессіанистъ,* такъ какъ задачу объединенія если не всѣхъ христіанскихъ церквей, то двухъ католичествъ— восточнаго и западнаго, онъ возлагаетъ на русскій народъ. По его понятіямъ, стремленіе всякой группы къ своей личной выгодѣ, къ своему особому, себѣ довлѣющему существованію, къ своему хотя бы и культурному господству—есть только эгоизмъ, смягченный видъ первобытнаго людоѣдства. Онъ любилъ ставить въ примѣръ такого эгоизма африканскаго дикаря, который опредѣляетъ добро и зло такимъ образомъ: „добро“ — когда я отниму у другихъ ихъ стада и ихъ женъ, а „зло“—когда у меня ихъ отнимутъ“. Лучше отказаться отъ эгоистическаго патріотизма, чѣмъ отъ совѣсти. Отъ такого патріотизма освободила насъ кровь Христова, пролитая патріотами въ родѣ Каіафы. Христіанскій путь къ осуществленію вселенской задачи заключается не въ исканіи

привилегій, а въ обязанности служенія другимъ, начинающейся съ отреченія отъ своего патріотизма. Русскіе должны такъ точно забыть свое національное православіе, какъ забыли апостолы юдаизмъ, какъ забыли свою національность арабы, когда распространяли свой безнародный исламъ. Русскій народъ есть по своему призванію народъ теократическій, не даромъ онъ себя и называетъ: *святая Русь*. Такъ какъ Россія весьма могущественна и сильна, то для нея національный вопросъ не есть вопросъ о существованіи, но только вопросъ о „достойномъ“ существованіи. Русскій народъ двукратно доказалъ свой позывъ къ самоотреченію: когда призвалъ къ себѣ варяговъ и при Петрѣ Великомъ, когда завелъ у себя западно-европейскую цивилизацію. Только одинъ русскій народъ находится въ такомъ положеніи, что можетъ дать починъ религіозному объединенію, становясь на сверхъисповѣдную, то-есть на вселенскую точку зрѣнія, если не для установленія повсемѣстнаго единства въ вѣрованіяхъ, то по крайней мѣрѣ для прекращенія раскола между двумя католичествами и для образованія — послѣ Рима языческаго и послѣ другого Рима, византійскаго—еще новаго, *третьяго Рима*, то-есть для единенія на основаніяхъ равенства, съ устраненіемъ только исключительности и съ небывалымъ дотолѣ оживленіемъ православной церковной жизни.

Великая цѣль намѣчена Соловьевымъ въ неопредѣленной дали внѣ связи съ ближайшею дѣйствительностью; самые пути къ этой цѣли оставлены въ темнотѣ. Именно потому, что православная церковь—національная и господствующая, она гораздо слабѣе въ своемъ дѣйствіи, чѣмъ римско-католическая на Западѣ, гдѣ выработалось историческое обособленіе церкви и государства. „Истина вѣры,— говоритъ Соловьевъ („Національный вопросъ“, 1-й выпускъ, стр. 101),—стала исключительно предметомъ благочестиваго охраненія и перестала быть жизненною правдой. Наше охранительство хоронитъ правду, сдаетъ ее на храненіе въ подлежащее вѣдомство („И утвердили гробъ и за-

печатали камень и поставили стражу“). И вотъ стража начинаетъ пренія съ людьми, ищущими живой правды, и предлагаетъ имъ, вмѣсто хлѣба, камень официальнаго обличенія, забывая, что у однихъ есть власть, а у другихъ нѣтъ свободы. Притомъ самые духовные пастыри и учители пасутся жезломъ мірскихъ надзирателей. Подъ бронею правительственной опеки наша церковь неуязвима для свободнаго слова. Капиталъ ея спрятанъ въ надежномъ мѣстѣ и давно уже не даетъ никакой прибыли. Россіи предстоитъ духовное освобожденіе мнѣнія и мысли, которое гораздо важнѣе гражданскаго освобожденія крестьянъ. Почина со стороны церковной власти невозможно ожидать; починъ этотъ можетъ быть данъ только правительствомъ и, притомъ, только актомъ законодательной власти, то-есть, тѣмъ путемъ, какимъ шли всѣ реформы съ Петра Великаго“.

Свой взглядъ на Петра Великаго и любовь къ нему Соловьевъ заимствовалъ, конечно, не отъ славянофиловъ, но онъ ихъ получилъ по наслѣдству отъ своего отца-историка. Отдѣлившись отъ славянофиловъ по вопросу о личности Петра, онъ и до конца своего остался съ славянофилами заодно въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, въ приверженности къ монархизму, въ признаніи необходимости самодержавія для Россіи, въ полнѣйшемъ своемъ равнодушіи къ западно-европейскимъ идеямъ парламентства и конституціонализма. Онъ не хуже К. Аксакова стоялъ за свободу жизни и духа, за открытое въ публичномъ словѣ выраженіе своего мнѣнія, за небезразличіе этого мнѣнія для верховной власти. Въ своемъ „Національномъ вопросѣ“ (стр. 103 и 107) онъ высказывалъ надежду, что въ Россіи выработается русская истинно-національная партія, что выработается и программа національной русской политики, которая будетъ усвоена правительствомъ, какъ была имъ усвоена и идея освобожденія крестьянъ; что первою статьею этой программы будетъ освобожденіе русскихъ духовныхъ силъ отъ тяготѣющихъ надъ ними опеки и зависимости, для усиленія русскаго элемента на окраинахъ. Правительству можетъ

и должна быть внушена мысль, послѣ періода національнаго эгоизма и обособленія, начать обратный період *интеграціи* раздѣленнаго донынѣ человѣчества, — иными словами, приступить къ этой новой положительной реформаціи. Соловьевъ такимъ образомъ заключаетъ свое предисловіе къ 3-му изданію „Національнаго вопроса“ (стр. IX). „Одно знаю навѣрное: если Россія не исполнитъ своего нравственнаго долга, если она не отречется отъ національнаго эгоизма, отъ права силы, и не повѣритъ въ силу права, если она не возжелаетъ искренно и крѣпко духовной свободы и истины, — она не будетъ имѣть прочнаго успѣха ни въ какихъ дѣлахъ своихъ, ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ“... Безъ этой свободы Россія не справится ни съ своимъ внутреннимъ недугомъ—церковнымъ расколомъ, ни съ политическимъ нигилизмомъ, съ его періодическими злодѣяніями, которыя гораздо сильнѣе, чѣмъ думаютъ, связаны съ внѣшнею политикою.

Безъ этой свободы не разрѣшимы, по мнѣнію Соловьева, три вопроса, представляющіе собою только разныя историческія формы великаго спора Востока съ Западомъ: *польскій, славянскій* и *еврейскій*. Дальнѣйшихъ поясненій о *еврейскомъ* вопросѣ Соловьевъ не предлагаетъ; узелъ этого вопроса относится къ области экономической, которая слабѣе другихъ разработана въ „Оправданіи добра“. Извѣстно только, что Соловьевъ любилъ евреевъ и за нихъ передъ смертью молился. Что касается до *славянъ*, то уже то обстоятельство, что русскіе патріоты назвали себя не руссофилами, а славянофилами, указываетъ на то, что они вполнѣ чувствовали свою связь съ славянствомъ и не дали себя поглотить вполнѣ націонализмомъ. Славянское призваніе Россіи они связывали съ ея духовными задачами. Они ошибались только въ томъ, что выдѣляли Россію изъ общаго строя европейской культуры, основывая это выдѣленіе на предполагаемомъ гніеніи, то-есть разложеніи Запада. Если жизнь народовъ опредѣляется ихъ религіей, а судьбы Россіи — православіемъ, то для Запада такое же значеніе имѣетъ римское католичество. Но если на этомъ

Западѣ есть признаки разложенія, то гдѣ же доказательства, что то, что̀ гніетъ, есть Европа католическая, а не антикатолическая, что отъ міросозерцанія Данте Алигіери лежитъ прямой путь къ міросозерцанію Бюхнера, что св. Францискъ Ассизскій есть хотя бы отдаленный предшественникъ Лассаля и что духъ Жанны д'Аркъ почилъ на Луизѣ Мишель. Главное препятствіе при рѣшеніи славянскаго вопроса есть раздѣленіе славянства между Римомъ и Византіею. Западные славяне были и останутся римскими католиками. Заостренныя племенными антагонизмами, религіозныя противоположности—папоцезаризмъ и цезаропапизмъ—примирятся, когда и самыя церкви примирятся, а это возможно потому, что нѣтъ догмата въ римскомъ католичествѣ, который бы установлялъ державныя права папы; напротивъ того римское католичество сдѣлалось несравненно сильнѣе, когда въ Италіи разсѣченъ тотъ канатъ, на которомъ оно держалось неподвижно на якорѣ свѣтской власти. Съ другой стороны, главенство царя надъ церковью не есть догматъ православія (стр. 89 „Нац. в.“). Соловьевъ не высказалъ прямо, но допускалъ, что православіе можетъ признать приматство между епископами за папою, какъ преемникомъ св. Петра. Будутъ ли приняты Западомъ условія единенія — это его дѣло, но Россія должна заявить свою готовность къ единенію. Что касается до *польскаго* вопроса, то, по мнѣнію Соловьева, умиротвореніе можетъ состояться никакъ не на соціальной и не на государственной, но только на религіозной почвѣ. Являясь передовыми борцами за Западъ, поляки видятъ въ Россіи враждебный имъ Востокъ, силу темную и имѣющую притязаніе на будущность. Польскій вопросъ является, такимъ образомъ, однимъ изъ фазисовъ великаго восточнаго, въ которомъ мусульманство играетъ хотя и важную, но эпизодическую роль. Когда русская война противъ Турціи превращается въ борьбу противъ западныхъ державъ, когда между Россіею и Царьградомъ оказывается Вѣна, когда поляки вступаютъ въ турецкіе ряды противъ Россіи, а сербы въ Босніи соединяются съ мусульманами

противъ Австріи, то становится яснымъ, что главный споръ не между христіанствомъ и исламомъ, не между славянами и турками, а между католическимъ Западомъ и православною Россіею. Польша является авангардомъ Запада; за нею стоитъ апостольское правительство Австріи, а за Австріею Римъ. Итакъ, восточный вопросъ есть споръ перваго Рима, западнаго, со вторымъ, восточнымъ, представительство котораго перешло еще въ XV вѣкѣ къ третьему Риму, Россіи. Когда третьему Риму грозила опасность невѣрно понять свое призваніе и явиться восточнымъ царствомъ, противникомъ европейскому Западу, — явился Петръ Великій, разбившій скорлупу исключительнаго націонализма, бросившій русское зерно на почву всемірной исторіи и передвинувшій третій Римъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, къ морскому пути.

IV.

Практическія заключенія Вл. С. Соловьева вполнѣ совпадаютъ съ требованіями гуманистовъ - западниковъ, отстаивающихъ свободу вѣры и мысли, равноправность исповѣданій, отрицающихъ существованіе національнаго господствующаго, автокефальнаго исповѣданія, и обязательную передачу исповѣданія по одному факту рожденія, доказывающихъ свободу добровольнаго входа въ церковь и выхода изъ нея. Въ Вл. С. Соловьевѣ поразительно, въ особенности, то, что при своемъ страстномъ увлеченіи Петромъ Великимъ онъ въ глубинѣ души славянофилъ, патріотъ съ мессіанскимъ идеаломъ, убѣжденный, что онъ принадлежитъ къ народу, Богомъ избранному для ближайшаго осуществленія идеи вселенскаго религіознаго объединенія человѣчества. Мессіанскій идеалъ Соловьева есть элементъ вполнѣ *мистическій*, не допускающій ни пререканія, ни разбирательства; его можно прямо исключить при разборѣ его теоріи, но затѣмъ остается открытымъ вопросъ: имѣются ли въ этой теоріи противорѣчія, изъ

которыхъ, по взглядамъ нѣкоторыхъ критиковъ, соткано все ученіе Соловьева. Во всякой выдающейся личности сплачиваются обыкновенно, проникаются и примиряются исключающія себя взаимно противоположности: эгоизмъ и альтруизмъ, индивидуальность и общественность, любовь свободы и властный темпераментъ. Отличительною чертою всякаго сильнаго ума бываетъ такъ называемая *полярность* его міросозерцанія. Соловьевъ по темпераменту— властный характеръ, противный анархіи. Онъ самъ признавалъ себя теократомъ, но онъ не предоставляетъ церкви никакихъ средствъ внѣшняго принужденія. Онъ разсказываетъ („Вѣстн. Европы", 1894 г., № 11), какъ онъ пришелъ къ согласованію авторитета откровенія съ свободою мышленія, когда вдумался въ Посланіе святого Павла къ Римлянамъ (II, 14—15): „ибо когда языки—тѣ, что не имѣютъ закона, по природѣ законное творятъ, то они, закона не имущіе, сами себѣ законъ. Они показываютъ, что дѣло закона написано въ сердцахъ ихъ, въ чемъ сосвидѣтельствуетъ имъ совѣсть и разсужденія, промежъ себя обвиняющія или защищающія другъ друга". Соловьевъ— сторонникъ по своему темпераменту и крѣпкой государственной власти, располагающей внушительными наказаніями для осуществленія въ той смѣшанной области, гдѣ добро борется со зломъ, той минимальной доли добра въ положительномъ законѣ, безъ принудительнаго соблюденія котораго общество не могло бы существовать. Нельзя отказать въ основательности даже и взгляду Соловьева на это отношеніе права къ нравственности, съ тѣмъ, однако, существеннымъ изъятіемъ и оговоркою, что право всегда запаздываетъ, по сравненію съ гораздо быстрѣе измѣняющеюся нравственностью, что право продолжаетъ существовать, когда его нравственные устои уже истлѣли или разложились, такъ что далеко не все то нравственно, что̀ законно,—и наоборотъ. Наконецъ Соловьевъ хотя вселенскій человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и народникъ; онъ убѣжденъ, что всякій народъ осуществляетъ особую нравственную идею; онъ только антинаціоналистъ, не допус-

кающій, чтобы какая бы то ни была народность могла себя эгоистически воображать какимъ-то замкнутымъ, самодовлѣющимъ цѣлымъ, а не частицею единаго человѣчества.

Теократическій идеалъ представлялся уму и воображенію Соловьева въ слѣдующемъ видѣ. Въ Христѣ богословы всегда различали три достоинства или дѣйствія: *первосвященника*, *царя* и *пророка*. Въ видимой церкви всѣ тѣ три дѣйствія раздѣлены; отъ ихъ согласія зависятъ правильная жизнь и развитіе. Въ принципѣ они должны согласоваться, но между ними было соперничество, еще продолжающееся. Востокъ избралъ *царя* носителемъ единовластія. Западъ —первосвященника-*папу*, съ которымъ монархи Запада не могли долго примириться. Среди борьбы двухъ выходящихъ за свои предѣлы супремацій, наступило еще болѣе незаконное проявленіе третьяго начала—свободной проповѣди или *пророчества*—протестантство. Соловьевъ—большой противникъ протестантства, въ которомъ, по его мнѣнію, теряются истина и святыня, пропадаетъ идеалъ вселенскаго единства, а остается духовная свобода только мнимая. Какъ придутъ къ согласованію всѣ три основныя силы церкви—то вопросъ будущаго, не рѣшаемый Соловьевымъ на рѣшеніе котораго онъ указываетъ, однако, своими намеками. Въ идеалѣ Соловьева имѣется одинъ бросающійся въ глаза пробѣлъ. Онъ ведетъ къ единенію на началѣ свободы разно вѣрующихъ людей, но все-таки вѣрующихъ, но не высказываетъ совсѣмъ своего отношенія къ невѣрующимъ, къ волнѣ, приливающей все сильнѣе, вслѣдствіе религіозныхъ раздоровъ, полнаго безвѣрія, совершенной безрелигіозности,—а волна эта можетъ значительно повыситься въ будущемъ. Самъ онъ признаетъ, ссылаясь на Посланіе св. Павла къ Римлянамъ, что нерелигіозность не исключаетъ нравственности, а при наличности и нравственности, и обезпечивающаго ея минимальную, обязательную долю закона, земныя общества людей могли бы, можетъ быть, существовать. Таково убѣжденіе весьма многихъ людей. По взгляду Соловьева, преданіе

церкви, то-есть все ея прошедшее, представляется священствомъ. Онъ допускаетъ образованіе международнаго священства, объединеннаго въ одномъ общемъ отцѣ или вселенскомъ первосвященникѣ (CXX стр. предисловія къ „Исторіи и будущности теократіи"). Настоящее церкви—это народъ, раздѣленный по національностямъ, на государства, находящіяся въ сыновнемъ отношеніи къ сверхнародному, вселенскому первосвященству. Въ своей „Теократіи" Соловьевъ съ особенною любовью относится къ третьему фактору въ церкви,—къ пророчеству. Дѣятельность первосвященника слишкомъ погружена въ прошедшее; власть царская слишкомъ занята настоящимъ. Чтобы представить далекое будущее, необходимы особые дѣятели: пророки, ревнители особаго идеала, обладатели ключей будущаго. Въ извѣстномъ смыслѣ пророкъ, по словамъ Соловьева, есть высшая изъ трехъ теократическихъ властей. Соловьевъ никогда не выдавалъ себя за такого пророка, но мое глубочайшее убѣжденіе—то, что онъ себя таковымъ считалъ и что онъ имѣлъ къ тому свои основанія. Онъ дѣлаетъ попытку объяснить, что въ русской церковной исторіи дѣлали и священники, и цари. Таковъ смыслъ имѣетъ его статья „Византизмъ и Россія" въ №№ 1 и 4 „Вѣстника Европы", 1896 г., къ разбору которой я намѣренъ приступить.

V.

Статья „Византизмъ и Россія"—отчасти критическая, а отчасти полемическая, направленная противъ нынѣшняго исторически сложившагося православія. Онъ имѣетъ слѣдующій смыслъ. Свой „Національный вопросъ" Соловьевъ закончилъ требованіемъ свободы православія, освобожденія его отъ государственной опеки. Онъ берется изобразить, какъ церковь попала въ эту зависимость отъ государства, не соотвѣтствующую ея достоинству. Онъ убѣжденъ, что ея благо въ томъ, что она своевременно въ эту зависи-

мость попала; что благо ея и то, что Петръ Великій упразднилъ патріархатъ и учредилъ вмѣсто него, какъ то дѣлаютъ протестантскія государства, духовную коллегію, руководимую знающимъ и свѣдущимъ оберъ-прокуроромъ изъ офицеровъ. Правильны ли теперь и нормальны ли эти отношенія — на то далъ Соловьевъ отрицательный отвѣтъ въ своемъ „Національномъ вопросѣ". Онъ признаетъ, однако, что реформа Петра была зломъ неизбѣжнымъ, какъ война, какъ наказаніе; она—только одна изъ ступеней въ процессѣ ограниченія зла и замѣны бо̀льшаго зла меньшимъ.

Корень зла—въ византійствѣ. Второй Римъ принялъ христіанство только на словахъ, — оставилъ языческій складъ жизни общественной и языческія учрежденія. Онъ и не пытался охристіанить ихъ и прикрылъ эту общественность только внѣшнимъ покровомъ христіанскихъ догматовъ и священнодѣйствій. Люди совершенствовались и каялись только самолично, но не ставили высшихъ задачъ для общества и государства. Мнѣ страннымъ кажется, что Соловьевъ, сильно полемизировавшій противъ ученія о непротивленіи злу, не указываетъ нигдѣ, что это ученіе такъ сильно распространяется теперь потому, что оно имѣетъ у насъ старые и глубокіе корни и что у него есть византійская подкладка. Хотя, по принятіи христіанства, императоръ признавался церковью делегатомъ власти Христовой и засѣдалъ на соборахъ въ званіи *внѣшняго епископа*, но, въ сущности, онъ весьма мало походилъ на Богочеловѣка, на Христа. Заимствованное изъ Византіи, сѣмя христіанской вѣры нашло въ Россіи мягкую, рыхлую почву, но въ теченіе многихъ вѣковъ вся дѣятельность племени была сосредоточена на задачѣ — создать сильное самодержавное государство. Вслѣдствіе почти сплошной земледѣльческой однородности населенія и отсутствія въ немъ обособленныхъ группъ феодальныхъ, городскихъ, церковныхъ, не могло выработаться въ Россіи понятіе однородное съ европейскимъ „status" (état, Staat), какъ уравненіемъ разныхъ сослов-

31

ныхъ элементовъ, а вышло *господарство* съ самовластнымъ верховнымъ *домовладыкою.* Образованію этого самодержавія сильно содѣйствовали русскіе іерархи и монахи, дѣйствовавшіе въ византійскомъ духѣ. Послѣ завоеванія Константинополя турками, историческимъ преемникомъ восточно-римскаго царства сдѣлалась Москва, наполнявшаяся греками, какъ насадителями просвѣщенія, благочестія, просителями милостыни и льстецами. Оказалось, что это византійское наслѣдство—не только даръ и преимущество, но и великое испытаніе, когда носителемъ царскаго достоинства сдѣлался одинъ изъ величайшихъ изверговъ рода человѣческаго—Иванъ IV, Грозный.

Соловьевъ долго останавливается на томъ, какъ формулировалъ Иванъ IV свою царскую власть: „земля правится Божіимъ милосердіемъ, Пречистыя Богородицы милостью и всѣхъ святыхъ молитвами... и *послѣди* нами, государями своими, а не судьями и воеводы“... Отрицательный конецъ формулы обозначаетъ только непререкаемый фактъ самодержавія; слово *послѣди* содержитъ признаніе делегаціи власти свыше, но въ дѣйствительности Иванъ IV противополагалъ свою злую царскую волю волѣ Божіей и заставлялъ людей этой злой царской волѣ безпрекословно повиноваться. Все царствованіе Ивана IV было личнымъ грѣхомъ царя, предававшагося Нероновымъ злодѣяніямъ, но оно опиралось на византійское двоевѣріе народа, на признаваніе одновременно двухъ идеаловъ царства: христіанскаго идеала—олицетворенія въ царѣ Божіей правды и милости, и языческаго идеала кесаря-бога, власти всесокрушающей, усиленной воздѣйствіемъ ближайшихъ ордынскихъ впечатлѣній.

Когда Иванъ IV скончался, сознаніе безбожія такой, какъ онъ ее понималъ, власти было такъ велико, что являлась необходимость поднять всенародное значеніе поруганнаго насиліемъ духовнаго христіанскаго начала, слѣдствіемъ чего было учрежденіе патріархата и почти равноправность съ царемъ двухъ патріарховъ-государей: Филарета и Никона. Эта клерикальная реакція противъ

вавилонскаго навуходоносоровскаго типа монарха не привела къ добру: 1) потому, что, будучи созданіемъ царской власти, патріаршество не имѣло обезпеченной самостоятельности и должно было подвергнуться крушенію при неизбѣжномъ столкновеніи съ царскою властью, и 2) потому, что разъ начатое въ византійствѣ движеніе отъ вселенскаго единства къ партикуляризму, по неизбѣжному ходу вещей, должно было привести къ еще большему партикуляризму, отъ греко-восточнаго благочестія — къ національно-русскому, то-есть къ реакціи противъ византійства, но на той же почвѣ. Въ этомъ обстоятельствѣ Соловьевъ усматриваетъ оправданіе русскаго раскола. Приверженецъ вселенскаго единенія, Соловьевъ превосходно изображаетъ процессъ паденія клерикальнаго движенія въ Москвѣ, кончившійся низложеніемъ Никона и, затѣмъ, при Петрѣ, упраздненіемъ патріархата. Всякое единеніе можетъ быть только въ животворящемъ духѣ, а не въ мертвящемъ буквализмѣ и обрядности, не въ смѣшеніи случайныхъ и временныхъ формъ религіи съ вѣчными истинами, не въ смѣшеніи мѣстнаго преданія съ вселенскимъ. Всякій партикуляризмъ въ вѣрѣ имѣетъ, притомъ, тотъ недостатокъ, что полагаетъ совершенство церкви не въ ея будущемъ, а какъ это было въ Византіи—въ прошедшемъ, въ старинѣ, въ вопросахъ, по которымъ Востокъ въ IX столѣтіи разошелся съ Западомъ: о бритіи бороды и темени у священниковъ, объ опрѣснокахъ и тому подобномъ. Никонъ, который говорилъ о себѣ: „по роду я *русскій*, а по вѣрѣ и мыслямъ *грекъ*", былъ неправъ и непослѣдователенъ въ обоихъ отношеніяхъ. Исправленіемъ церковныхъ книгъ по византійскимъ источникамъ, съ устраненіемъ всякихъ русскихъ варіантовъ, вызванъ былъ расколъ. Въ спорѣ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ изъ-за титула „великій государь" и изъ-за вмѣшательства патріарха въ дѣла государственнаго управленія Никонъ уже не имѣлъ подъ собою никакой почвы, хотя бы даже и византійской, а былъ только подражателемъ средневѣковаго папства. Народъ,

отдѣльно взятый въ своемъ совокупномъ единствѣ, не можетъ имѣть двухъ государей, двухъ самодержавій. Церковное правительство извѣстной страны не можетъ быть автокефально не по отношенію къ другимъ иностраннымъ церквамъ, но по отношенію къ государю своей страны. Патріархъ пытался быть дубликатомъ своего царя; онъ справедливо упраздненъ за ненадобностью. Инымъ образомъ относиться къ государственной власти могла бы только власть вселенская въ своемъ сверхнаціональномъ средоточіи. Когда, въ декабрѣ 1666 г., судился Никонъ, на большомъ московскомъ соборѣ, при участіи приглашенныхъ двухъ вселенскихъ патріарховъ, то онъ осужденъ былъ, какъ и слѣдовало, по строгой исторической логикѣ византійской, за ту только вину, въ которой онъ не былъ византійцемъ: за сопротивленіе царю и за присвоеніе себѣ государственной власти. Но тотъ же соборъ, дѣйствуя въ томъ же византійскомъ духѣ, предалъ проклятію и старообрядцевъ, какъ преступниковъ, подлежащихъ и духовнымъ и „градскимъ“, т. е. государственнымъ казнямъ. Соловьевъ ставитъ вопросъ, былъ ли желателенъ такой исходъ, чтобы восторжествовало староверчество? — и благодаритъ Бога, что Россія избавлена была отъ неподвижности, отъ безъидейности, отъ староверческой китайщины, вслѣдствіе чего только и стали возможны реформы Петра Великаго.

Изъ жизни Петра Вл. Соловьевъ заимствуетъ только два дѣйствія, которыя онъ связалъ, можетъ быть слишкомъ произвольно, причинною связью: дѣло царевича Алексѣя Петровича, съ участіемъ въ немъ высшаго россійскаго духовенства въ 1718 году, и затѣмъ упраздненіе патріархата и учрежденіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода по духовному регламенту 1721 года. Бѣжавшій за границу и скрывавшійся въ Неаполѣ царевичъ не былъ бы выданъ отцу императоромъ Карломъ VI, если бы самъ не согласился ѣхать въ Россію, получивъ отъ отца письмо съ слѣдующими словами: „обѣщаюсь Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія тебѣ не

будетъ". Онъ былъ лишенъ правъ наслѣдства и отрекся отъ престола, но онъ ненавидѣлъ отца и его преобразованія, и самое его существованіе подвергало опасности все дѣло Петра, всѣ его насажденія и плоды его трудовъ. Петръ былъ страстный человѣкъ; онъ задумалъ судить сына и казнить его, несмотря на данное обѣщаніе пощады. Къ духовнымъ іерархамъ Петръ обратился потому, что сомнѣвался: „боюся Бога дабы не погрѣшить". Указывая на свое письменное клятвенное обѣщаніе, онъ требовалъ, чтобы они дали на письмѣ же свое наставленіе по божественнымъ заповѣдямъ и священному писанію, „дабы мы изъ того усмотря неотягченную совѣсть въ семъ дѣлѣ имѣли". Въ числѣ іерарховъ были и такіе, напримѣръ, какъ Стефанъ Яворскій, епископъ рязанскій, который не сочувствовалъ Петру и образъ жизни и дѣйствій его порицалъ. Всѣ іерархи, однако, а въ томъ числѣ и Яворскій, и становящійся любимцемъ Петра Ѳеофанъ Прокоповичъ уклонились отъ прямого отвѣта на вопросъ, не сказали ни да, ни нѣтъ, не обмолвились ни однимъ словомъ объ обѣщаніи пощады, а сослались только на примѣры: „аще восхощеши наказати — отъ ветхаго завѣта; аще благоизволишь помиловати, — имашь образъ самого Христа. Кратко рекше: сердце царево въ руцѣ Божіей, да изберетъ тую часть, амо же рука Божія того преклоняетъ". Такимъ образомъ іерархи оставили Петра, сознающаго неполноту своей власти, одинокимъ и безпомощнымъ между голосомъ его совѣсти и навожденіемъ злой страсти. Отвѣтъ іерарховъ Соловьевъ называетъ образцовымъ произведеніемъ византійства. Въ Россіи не нашлось ни священника, ни пророка, который бы сказалъ царю во имя Божіей воли и высшаго достоинства человѣческаго: ты не долженъ, тебѣ не позволено, есть предѣлы вѣчные. Онъ обращался за разъясненіемъ своей обязанности, а ему указывали только на право его власти, въ которомъ онъ никогда не сомнѣвался, но которое онъ считалъ безполезнымъ для рѣшенія нравственнаго вопроса. Соловьевъ оспариваетъ то мнѣніе, будто бы учрежденіемъ

церковнаго соборнаго синода іерархія русская лишилась независимости и авторитета, потому что церковное управленіе уже раньше того было однимъ изъ государственныхъ вѣдомствъ и затѣмъ было только объявлено въ этомъ качествѣ офиціально. Испыталъ ли лично самъ на себѣ Петръ ненормальность отношенія церкви къ свѣтской власти, повліяло ли дѣло царевича на его рѣшимость упразднить давно вакантный патріархатъ (съ 1700 года, когда умеръ патріархъ Адріанъ), это—вопросы открытые. Обращеніе къ іерархамъ по дѣлу царевича можетъ быть объясняемо и какъ попытка монарха, уже безповоротно рѣшившаго смерть сына, оправдать ее какъ необходимую политическую мѣру передъ исторіею и народомъ. Во всякомъ случаѣ, статья Соловьева находится въ полнѣйшемъ согласіи съ тѣмъ осужденіемъ и церковнаго, и національнаго сепаратизма, котораго главнымъ историческимъ корнемъ были византійскія преданія, а съ этими преданіями Соловьевъ велъ всю свою жизнь упорнѣйшую борьбу.

VI.

Вл. С. Соловьевъ написалъ статью „Византизмъ и Россія" въ то время, когда онъ усиленно работалъ надъ своимъ капитальнымъ трудомъ по этикѣ: „Оправданіе добра", вышедшимъ въ 1897 г. и значительно потомъ дополненнымъ при второмъ изданіи, въ 1899 г. Въ предисловіи ко второму изданію Соловьевъ отмѣтилъ, что въ теченіе послѣднихъ девяти мѣсяцевъ онъ пять разъ прочелъ всю эту книгу, дѣлая все новыя вставки въ это руководство, установляющее связь истинной религіи и здравой политики въ нравственномъ началѣ. Этотъ большой трудъ выходитъ за предѣлы моей задачи. Онъ имѣетъ видъ громаднаго храма, выстроеннаго съ изумительною послѣдовательностью въ одномъ стилѣ, богатаго рѣзьбою и живописью, и поражаетъ законченностью малѣйшихъ

подробностей. Храмъ этотъ мастерски освѣщенъ и проникнутъ теплотою искреннѣйшаго религіознаго чувства. Соловьевъ поставилъ себѣ задачу провести христіанское начало по всѣмъ ступенямъ и областямъ жизни человѣческой, показать, какъ должны быть охристіанены не только нравы, но и отношенія, не только церковныя, государственныя и гражданскія, но и экономическія. Послѣднія наиболѣе, можетъ быть, нуждаются въ преобразованіи потому, что они составляютъ главную болячку, дневную злобу современности. Экономическіе выводы Соловьева слагались постепенно, не безъ вліянія переживаемыхъ Европою крупныхъ политическихъ и экономическихъ событій. Его сильно заняли неурожаи въ Россіи, начавшіеся съ 1891 и 1892 годовъ. Въ 1891 г. („Вѣстникъ Европы" 1891 г., № 11) онъ написалъ статью, „Народная бѣда и общественная помощь", а въ слѣдующемъ году („Вѣстн. Европы" 1892 г., № 11)—другую статью: „Мнимыя и дѣйствительныя мѣры къ подъему народнаго благосостоянія". Обѣ статьи находятся въ прямой связи съ главами „Оправданія добра", посвященными политической экономіи, а потому я ихъ коснусь въ моемъ разборѣ слегка и мимоходомъ.

Начавшійся рядъ неурожаевъ, грозящій превратиться въ постоянное бѣдствіе, обличаетъ крайнюю несостоятельность и нашего высшаго полукультурнаго общества, имѣющаго, однако, десятка два высшихъ учебныхъ заведеній, около сотни ученыхъ обществъ и десятки тысячъ образованныхъ людей, и таковую же несостоятельность нашего безкультурнаго народа, который жилъ вполнѣ такъ, какъ того требуютъ враги просвѣщенія, не отдѣлялся отъ почвы, никакой цивилизаціи не зналъ и пришелъ къ такому упрощенію, которое смущаетъ самыхъ смѣлыхъ и сытыхъ опростителей, не могущихъ, однако, признать голодную смерть нормальнымъ фактомъ. Соловьевъ разбираетъ всѣ мѣры, предлагаемыя противъ стихійнаго бѣдствія и для подъема благосостоянія, и доказываетъ ихъ практическую недѣйствительность или недостаточность (увеличеніе крестьян-

скихъ надѣловъ, переселенія и тому подобное). Реформа 1861 г. ничего не устроила; она имѣла назначеніемъ только облегчить обществу переходъ отъ одного жизненнаго строя къ другому; между тѣмъ за послѣднія 30 лѣтъ уже приходится заботиться не объ улучшеніи народной жизни, а о ея сохраненіи. Наше высшее общество сдѣлало столько шаговъ назадъ, что неизвѣстно даже, зачѣмъ оно существуетъ. Оно занимается международною бранью и травлею инородцевъ и иновѣрцевъ, къ бѣдѣ же народной оно равнодушно. Мы все привыкли сваливать на правительство, между тѣмъ какъ у него не хватаетъ иногда средствъ для исполненія прямой его задачи. Въ Россіи есть организація церковная, хранящая религіозное преданіе и отправляющая богослуженіе. Есть также государственная организація, охраняющая народную независимость извнѣ, а законный порядокъ и нѣкоторые насущные интересы — внутри. Въ обществѣ есть много добрыхъ стремленій и намѣреній, но эта любовь, при отсутствіи организаціи, есть любовь *бездѣльная*, иными словами—обманъ. Соловьевъ предлагаетъ людямъ, имѣющимъ вѣру въ Россію и любовь къ русскому народу, оставить междоусобную брань и травлю, понять, что въ Россіи есть только два лагеря: одинъ — людей, желающихъ дѣйствительно помочь народу въ его бѣдѣ, и другой — людей, равнодушныхъ къ нему или враждебныхъ,—иными словами, что настала пора возвратить патріотизму его истинный патріотическій смыслъ.

Эта проповѣдь въ пользу голодающихъ совпадала съ весьма ясно поставленною Соловьевымъ задачею—вносить нравственное чувство жалости, имѣющее высшую санкцію въ Евангеліи, въ соперничества и раздоры экономическіе, въ области матеріальнаго труда или собственности. Никакихъ непреложныхъ экономическихъ законовъ, не подлежащихъ вѣдѣнію нравственности или права, Соловьевъ не допускалъ; онъ домогался экономической организаціи; онъ называлъ анархистами сторонниковъ закономѣрности матеріально экономической, выдѣляющей въ человѣкѣ дѣятеля экономическаго, какъ производителя, какъ собствен-

ника или какъ потребителя вещественныхъ благъ, стоящаго внѣ права и нравственности. Онъ вспоминалъ, что первое пробужденіе его сознательной жизни и мысли („Опр. Д.“, стр. 237) произошло подъ громъ разрушенія собственности въ двухъ его видахъ: раскрѣпощенія крестьянъ въ Россіи и освобожденія негровъ въ Америкѣ. Изъ новѣйшихъ соціальныхъ реформаторовъ онъ всего сильнѣе сочувствовалъ сенсимонистамъ, за постановку ими покинутаго потомъ начала, что матерія имѣетъ право на свое удовлетвореніе, что безъ любви къ природѣ нельзя осуществить правильной организаціи матеріальной жизни. Онъ утверждалъ не безъ основанія, что обѣ враждующія, во имя индивидуалистической свободы и интересовъ, партіи, и соціалисты, и плутократы—служители капитализма—вполнѣ согласны въ самомъ существенномъ и обѣ находятся на дурномъ пути. Соловьеву возражали, что онъ не спеціалистъ, что онъ ничего не смыслитъ въ политической экономіи. Онъ не претендовалъ на это знаніе, но основательно утверждалъ, что осуществленіе христіанскаго идеала въ области экономической есть дѣло христіанской политики. Онъ ограничивалъ свои требованія организаціей общественной жалости по отношенію къ неимущимъ и постановкою того начала, что тѣмъ или другимъ путемъ, правительственнаго ли почина или общественнаго, должна быть обезпечена всѣмъ и каждому человѣку минимальная доля средствъ, необходимыхъ для поддержанія достойно своего человѣческаго существованія. Что эти требованія не суть химера, ни утопія, доказываетъ направленіе, въ послѣднее время, церковной политики въ западномъ католицизмѣ при папѣ Львѣ XIII.

VII.

За мною остается еще послѣднее произведеніе Вл. С. Соловьева, доконченное имъ въ свѣтлое воскресеніе 1900 г.: *„Три разговора о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи, со включеніемъ краткой повѣсти*

объ антихристѣ",—сочиненіе, писанное въ полусерьезномъ и полушутливомъ родѣ. Вл. С. Соловьевъ любилъ острить и осмѣивать; вышучиваніе было однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ боевыхъ его орудій. Для ближайшаго ознакомленія съ историческою личностью Соловьева книга эта имѣетъ весьма большое значеніе, не потому, что она талантливо написана, но потому, что она—настоящій ключъ къ его душевной организаціи и міросозерцанію. Книга эта могла бы быть загадочна, темна и непонятна, если бы онъ не снабдилъ ее толковымъ предисловіемъ. Онъ усиленно работалъ надъ неприведенной имъ къ концу философіей познанія, при чемъ онъ натолкнулся на вопросъ, занимавшій его постоянно,—о существѣ и происхожденіи зла. Онъ былъ всегда противникомъ оптимизма Лейбница, оправдывавшаго зло какъ неизбѣжное послѣдствіе ограниченности и несовершенства всѣхъ сотворенныхъ веществъ. Зло, по понятіямъ Соловьева, не есть естественный недостатокъ въ мірѣ, исчезающій съ ростомъ добра, но нѣчто объективное, дѣйствительная сила, владѣющая міромъ посредствомъ всякихъ соблазновъ. По его словамъ, въ 1898 г., въ его душевномъ настроеніи произошла какая-то особенная перемѣна, которая, не измѣняя строя его мыслей, вызвала въ немъ только устойчивое желаніе представить наиболѣе вразумительно и популярно для простыхъ людей, не философовъ, главныя стороны въ вопросѣ о злѣ. Такимъ-то образомъ, весною 1899 г., на Ривьерѣ сложился въ нѣсколько дней первый разговоръ, а затѣмъ два другіе—по возвращеніи въ Россію. „Не ищите здѣсь ни научно-философскаго изслѣдованія,—писалъ онъ,—ни религіозной проповѣди; задача моя была апологетическая и полемическая". Онъ хотѣлъ разогнать туманъ, напускаемый на вопросъ о злѣ разными лжеученіями, опровергнуть разныя мнимыя религіи и обнаружить разные дѣйствительные обманы.

Кружокъ собесѣдниковъ въ разговорахъ не великъ. Одна дама, не принимавшая дѣятельнаго участія въ спо- ‑граетъ роль домохозяйки. Авторъ признается, что

онъ себя самого представилъ въ видѣ господина Z, рѣшающаго споры какъ судья, по выслушаніи двухъ систематически состязающихся спорщиковъ, олицетворяющихъ двѣ противоположныя стороны, бывающія въ каждомъ всемірно-историческомъ процессѣ, изъ которыхъ у каждой есть своя правда, но только относительная, потому что каждая содѣйствуетъ раскрытію истины только своимъ особеннымъ маneромъ. Одинъ спорщикъ—боевой *генералъ*, пролагающій Христу путь съ оружіемъ въ рукахъ и по трупамъ его враговъ и супостатовъ; другой спорщикъ—*политикъ-дипломатъ*, надѣющійся осилить и упразднить войну, для чего не потребуется никакого благоволенія, а только по возможности поменьше религіи и побольше вѣжливости. Втроемъ генералъ, политикъ и Z образуютъ нѣчто похожее на тезу, антитезу и синтезъ діалектической тріады Гегеля; они—олицетворенные моменты обычнаго кругооборота мысли. Настоящій противникъ автора—это четвертый спорщикъ, князь, по имени не названный, съ которымъ, однако, каждый изъ вышеуказанныхъ вступаетъ по очереди въ единоборство. Онъ является какъ будто бы основателемъ особой религіозной секты *дыромоляевъ*—религіи безъ содержанія, религіи полной пустоты. Авторъ обращается къ этимъ сектантамъ такимъ образомъ: зачѣмъ вы называете себя христіанами? Вы бы нашли себѣ болѣе подходящее имя: вы буддисты, вамъ нужно непротивленіе, безстрастіе, недѣланіе. Этимъ путемъ можно даже безъ мученичества сдѣлать блестящую карьеру, какъ и сдѣлалъ ее Будда.

Соловьевъ не могъ выносить равнодушно ученій, исходящихъ отъ такого „отпѣтаго типа" людей, какъ князь; они были ему противны по двумъ одинаково важнымъ причинамъ. *Первая*—та, что Соловьевъ, какъ вселенскій человѣкъ, не допускалъ возможности узкаго ограниченія дѣятельности христіанства областью личнаго только самоусовершенствованія отдѣльныхъ личностей, съ предоставленіемъ всего общежитія и его устройства въ неограниченное надъ ними господство злу, которому не слѣдуетъ

даже и сопротивляться. Ґенералъ, политикъ и Z, дѣйствуя совокупно, приводятъ князя къ сознанію, что онъ безусловно будетъ соблюдать заповѣдь „не убій“, даже и въ томъ случаѣ, если бы разбойникъ на его глазахъ насиловалъ его дочь. Князя осмѣиваютъ за то, что, по его понятіямъ, слѣдовало бы добрымъ людямъ сдѣлаться еще добрѣе, чтобы, вслѣдствіе того, злые люди утратили свою злобу и сами стали бы добрыми, такъ что Христосъ могъ бы собственно исправить и Іуду Искаріота, и злого разбойника. Трудно себѣ представить картину болѣе уморительную и потѣшную, какъ та, которую преподноситъ читателю Соловьевъ, исторію въ стихахъ камергера Деларю, которую онъ заимствовалъ отъ Алексѣя Толстого изъ неизданныхъ его произведеній. Въ непротивленіи злу Соловьевъ увидѣлъ то начало, съ которымъ онъ сталкивался и въ буддизмѣ, и въ ученіи Платона, и въ византійствѣ: противоположность міра красивыхъ идей, никогда не осуществляющихся, и плохой дѣйствительности. Новое ученіе гораздо хуже прежнихъ, потому что не прилаживается къ небожественному, не угодничаетъ ему, но имѣетъ ярко-анархическую подкладку, по самому темпераменту противную Соловьеву, какъ убѣжденному стороннику всякаго отъ Бога исходящаго авторитета. По ученію противниковъ Соловьева, послѣ Христа „церковь была искаженіемъ и гибелью истиннаго христіанства“ (стр. 135), такъ что оно даже совсѣмъ было забыто, и чрезъ восемнадцать вѣковъ потребовалось все съ начала возстановлять, отмѣняя настоящее, со всѣми его государствами, войсками, судами, университетами, фабриками (стр. 123), для возвращенія въ первое, некультурное состояніе.

Не эта, впрочемъ, анархическая сторона ученія была самая чувствительная для Соловьева, который зналъ, что никакая сила въ мірѣ не заставитъ человѣчество пятиться назадъ, въ первичное природное состояніе. Была еще *другая*, болѣе опасная. Онъ былъ убѣжденъ, что противники—самозванцы, что они наружнымъ образомъ примыкаютъ къ Христу и пользуются Его именемъ, что они

не признаютъ въ Христѣ Богочеловѣка, что, умалчивая о Христѣ, они пользуются только его Евангеліемъ („Христосъ, по вашему, умеръ, а не воскресъ...“ Стр. 135). Выдѣляя Христа изъ его Евангелія, ученіе заимствуетъ изъ него только мораль, притомъ мораль упрощенную, сокращенную и урѣзанную, сведенную къ тому, что̀ мы должны, будто бы, дѣлать и чего не должны дѣлать только *здѣсь* и только *теперь* (стр. 140), безъ всякаго помышленія не только о воскресеніи мертвыхъ, по Евангелію, но и о жизни загробной. По умственному складу Вл. С. Соловьева, ему немыслимо было безбожіе. По его взгляду (стр. 158), и теоретическій матеріализмъ, и наивная, безотчетная вѣра давно прошли, потому что человѣчество давно переросло эти двѣ ступени философскаго младенчества. Но и эта новая этика, дѣйствующая по какому-то необъяснимому и недоказуемому основанію, похожему на кантовскій категорическій императивъ, безъ вдохновенія свыше, безъ общенія съ живымъ Христомъ, весьма немногимъ отличается отъ безбожія; она совсѣмъ антихристова. На вопросъ дамы: „не антихристъ ли князь?“ (стр. 103) — генералъ отвѣчаетъ: „Ну, не онъ лично, далеко кулику до Петрова дня,—а все-таки на той же линіи“. По словамъ Z., „покуда вы мнѣ не покажете добрыхъ качествъ самого хозяина въ его дѣлахъ, а не въ словесныхъ только его предписаніяхъ рабочимъ, — я останусь при своей увѣренности, что этотъ далекій хозяинъ, требующій добра отъ другихъ, но его самъ не дѣлающій, никогда на глаза не показывающійся, а живущій за границею incognito, есть не кто иной, какъ *богъ вѣка сего*“ (стр. 146), т. е. иными словами антихристъ.

Я дошелъ въ моей передачѣ содержанія „Трехъ Разговоровъ“ до того мѣста, съ котораго начинается повѣсть объ антихристѣ по древней рукописи. Отталкивая ногою почву знаемаго, Соловьевъ становится вполнѣ мистикомъ; слѣдить за нимъ въ его видѣніяхъ будущаго нѣтъ никакой возможности. Изъ предисловія къ „Тремъ Разговорамъ“

оказывается, что сначала Соловьевъ хотѣлъ представить свои собственныя видѣнія объ антихристѣ и о концѣ исторіи, но что потомъ, по убѣжденію друзей, онъ согласился превратить эти видѣнія въ легкое, съ примѣсью шутки, повѣствованіе монаха, отца Пансофія. Это повѣствованіе сдѣлалось предметомъ публичнаго чтенія. Кто ближе зналъ Вл. С. Соловьева, тотъ вѣроятно не допуститъ, чтобы у него была только мысль позабавить публику своимъ художественнымъ вымысломъ. Онъ вѣроятно внушалъ и передавалъ слушателямъ свои глубочайшія и задушевнѣйшія религіозныя вѣрованія и чаянія. Онъ самъ признаетъ, что повѣсть его вызвала и въ обществѣ, и въ печати не мало недоумѣній и перетолкованій, которыя онъ объясняетъ недостаточнымъ знаніемъ слова Божія и первоначальнаго церковнаго преданія. Громадныя знанія Соловьева не согласовались съ его вѣрованіями, носившими печать первыхъ вѣковъ христіанства, и съ внушаемыми этою вѣрою религіозными упованіями, хотя онъ признавалъ, что наивная, безотчетная вѣра въ нашемъ вѣкѣ невозможна. Знаніе—могучая сила въ жизни человѣчества, оно всегда ограниченно. Многое происходящее ускользаетъ отъ нашихъ чувствъ, многіе законы жизни будутъ еще современемъ открыты, но есть и вопросы, на которые никогда не можетъ быть дано никакого отвѣта. Изъ области непознаваемаго людямъ, доискивающимся смысла жизни, приходится вѣрить тому, что̀ преподаетъ религія, или совсѣмъ не вѣрить. Никакой, однако, учитель или пророкъ не найдетъ послѣдователей, когда онъ предлагаетъ вѣрить въ физически невозможное или въ логически очевидно неразумное. Вѣрованія не бываютъ неподвижны; самъ Соловьевъ пытался возводить вѣрованія отцовъ на новыя ступени разумнаго сознанія. Вѣрованія бываютъ безконечно тягучи; совершенствованіе ихъ проявляется — либо въ томъ, что подъ смыслъ ихъ буквальный подкладывается другой, переносный, что они являются только символами чего-то иного; либо въ томъ, что извѣстное, считаемое близкимъ, событіе отодвигается въ безконечную

и недостижимую даль. Въ міросозерцаніи Вл. С. Соловьева было многое, долженствующее возстановить противъ него не столько публику, сколько то интеллигентное меньшинство, въ которомъ его идеи находили никогда не прекращающуюся поддержку. Соловьевъ вѣрилъ въ реальное объективное, внѣ насъ, существованіе торжествующаго порою начала зла. И вопреки генералу, и вопреки политику, и, разумѣется, вопреки князю, Соловьевъ вѣрилъ не только въ совершившееся и исторически доказанное воскресеніе одного, но и въ собирательное воскресеніе въ будущемъ всѣхъ и даже въ исчезновеніе смерти на землѣ,— значитъ, въ неумираніе не въ переносномъ, а въ настоящемъ смыслѣ этого слова. По его понятіямъ, безъ такой вѣры въ упраздненіе смерти можно только на словахъ говорить о царствѣ Божіемъ, а на дѣлѣ выходило бы одно царствіе смерти (стр. 139). Для лично знавшихъ Соловьева, любившихъ его и безконечно дорожившихъ имъ людей появленіе „Трехъ Разговоровъ" было не только загадочнымъ событіемъ, но и печальною неожиданностью. Подъ самый конецъ своей жизни Соловьевъ помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы" (1898 г., №№ 3 и 4) статью, озаглавленную: „Жизненная драма Платона", въ которой онъ изобразилъ, какъ этотъ горячо имъ любимый философъ потрясенъ былъ казнью праведника Сократа, какъ онъ помышлялъ о самоубійствѣ, какъ онъ искалъ выхода изъ міра чувственныхъ призраковъ въ другой, идеальный космосъ, гдѣ правда живетъ, какъ онъ потерпѣлъ неудачу съ своей теоріей Эроса, наконецъ, какъ онъ отступился отъ своихъ юношескихъ идеаловъ и въ писанныхъ старческою рукою своихъ послѣднихъ произведеніяхъ узаконивалъ, какъ реформаторъ, главныя язвы духовной жизни древней: рабство, дѣленіе людей на эллиновъ и варваровъ и войну, какъ нормальное состояніе людей. Многимъ могла прійти та мысль, не происходила ли въ душѣ Соловьева въ послѣднее время драма, нѣсколько напоминающая платоновскую? Онъ ни во что не извѣрился, ни отъ чего, что̀ считалъ добромъ, не отступился, но не

терзало ли его душу жесточайшее сомнѣніе? былъ ли онъ всегда такой жизнерадостный, свободный отъ душевныхъ мукъ и колебаній человѣкъ, какимъ его стараются изобразить критики, желающіе умалить его значеніе.

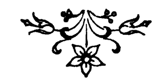
VIII.

По этому вопросу мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ для какого бы то ни было вывода; ихъ съ трудомъ хватитъ на предположеніе, что конецъ его былъ томительный и печальный. Кромѣ „Трехъ Разговоровъ", имѣется только статья князя С. Н. Трубецкого („Вѣстникъ Европы", 1900 г., № 9), описывающая его послѣднія минуты († 31 іюля) въ 12 дней послѣ его кончины. Будущее міра представлялось Соловьеву въ слѣдующемъ видѣ. Къ главной практической идеѣ его о единеніи христіанскихъ исповѣданій всѣ почти современники были равнодушны, никто не откликался. Ей могъ сочувствовать издали только 90-лѣтній старецъ на престолѣ св. Петра. Вл. Соловьеву представлялось, что христіанству придется вести великія войны съ такими же объединяющимися массами панисламизма и панмонголизма. Чтобы уцѣлѣть въ этихъ войнахъ и выйти побѣдителемъ, христіанству слѣдовало бы объединиться духомъ, одолѣвъ въ себѣ самомъ свое одичаніе, свой обскурантизмъ, свою собственную китайщину, сдѣлаться для восточныхъ народовъ Востокомъ не Ксеркса, а Христа. Соловьевъ говорилъ кн. Трубецкому: „съ какимъ нравственнымъ багажемъ идутъ европейскіе народы на войну съ Китаемъ?" и передавалъ ему свои сужденія объ убожествѣ европейской дипломатіи, проглядѣвшей надвигающуюся великую опасность, о ея мелкихъ алчныхъ расчетахъ, о превосходящей ея силы задачѣ раздѣла Китая. „Христіанства больше нѣтъ, — говорилъ онъ, — идей меньше, чѣмъ въ эпоху троянской войны, но тогда шли молодые богатыри, а теперь идутъ дряхлые старички. Кончено все! — Магистраль всеобщей исторіи,

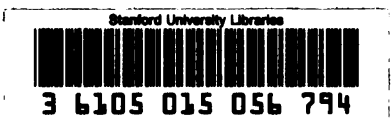
дѣлившаяся на древнюю, среднюю и новую, пришла къ концу. Каѳедры всеобщей исторіи упраздняются". Къ этимъ чувствамъ отчаянія примѣшивалась скорбь о происходящемъ поблизости отъ него, въ Финляндіи, куда Соловьевъ ѣздилъ работать въ уединеніи. Упадокъ духа въ немъ былъ только временной, скоропреходящій. Смерть встрѣтилъ онъ бодро, мужественно, по-христіански, съ полною увѣренностью въ то, что сбудется все, во что онъ вѣровалъ, если и не такъ скоро, какъ было ему желательно, то въ долготу вѣковъ. Онъ былъ разительнымъ примѣромъ того, какъ живуче религіозное чувство въ человѣчествѣ; послѣ многихъ вѣковъ помертвѣнія, оно способно опять выпускать новыя вѣтви, опять зеленѣть, покрываться листвою и цвѣсти. Конечно, ни съ одною изъ двухъ вѣръ, одинаково искреннихъ и глубокихъ, которыхъ сильное столкновеніе представляютъ собою „Три Разговора", мы не могли бы вполнѣ безусловно и безъ оговорокъ согласиться; но если мнѣ, какъ одному изъ судящихъ, позволено будетъ выразить мое личное мнѣніе, то преимущественныя симпатіи мои будутъ всегда на сторонѣ дѣятельной любви, борьбы ея со зломъ и одушевленія христіанскимъ духомъ не только сердецъ нашихъ и нравовъ, но и учрежденій гражданскихъ, церковныхъ, государственныхъ и международныхъ. Эти совершенствующіяся, проникнутыя христіанствомъ формы общественности будутъ распространяться и усвоиваться другими народами, будутъ обходить кругомъ шаръ земной и приведутъ народности если не къ одинаковой богослужебной обрядности, которой Соловьевъ не придавалъ особеннаго значенія, и не къ одинаковой религіозной догмѣ, то къ одной и той же этикѣ, къ однообразному служенію Богу, какъ верховному нравственному Добру. Это распространеніе этики христіанской можетъ обходиться безъ войнъ и кровопролитій, безъ водруженія повсюду силою знамени креста. Я полагаю, что сама исключительность христіанства въ ученіи Соловьева есть до извѣстной степени его недостатокъ, восполнявшійся въ немъ весьма большою любовью

къ іудейству и большимъ уваженіемъ къ исламу и къ другимъ исповѣданіямъ. Я убѣжденъ, что въ далекомъ будущемъ будутъ образовываться союзы не только однихъ христіанскихъ толковъ, но и всѣхъ вообще вѣръ земного шара, ради совмѣстнаго служенія общему Богу—Добру.

19 ноября 1900 г.

99 кон

DATE DUE

[illegible]			

